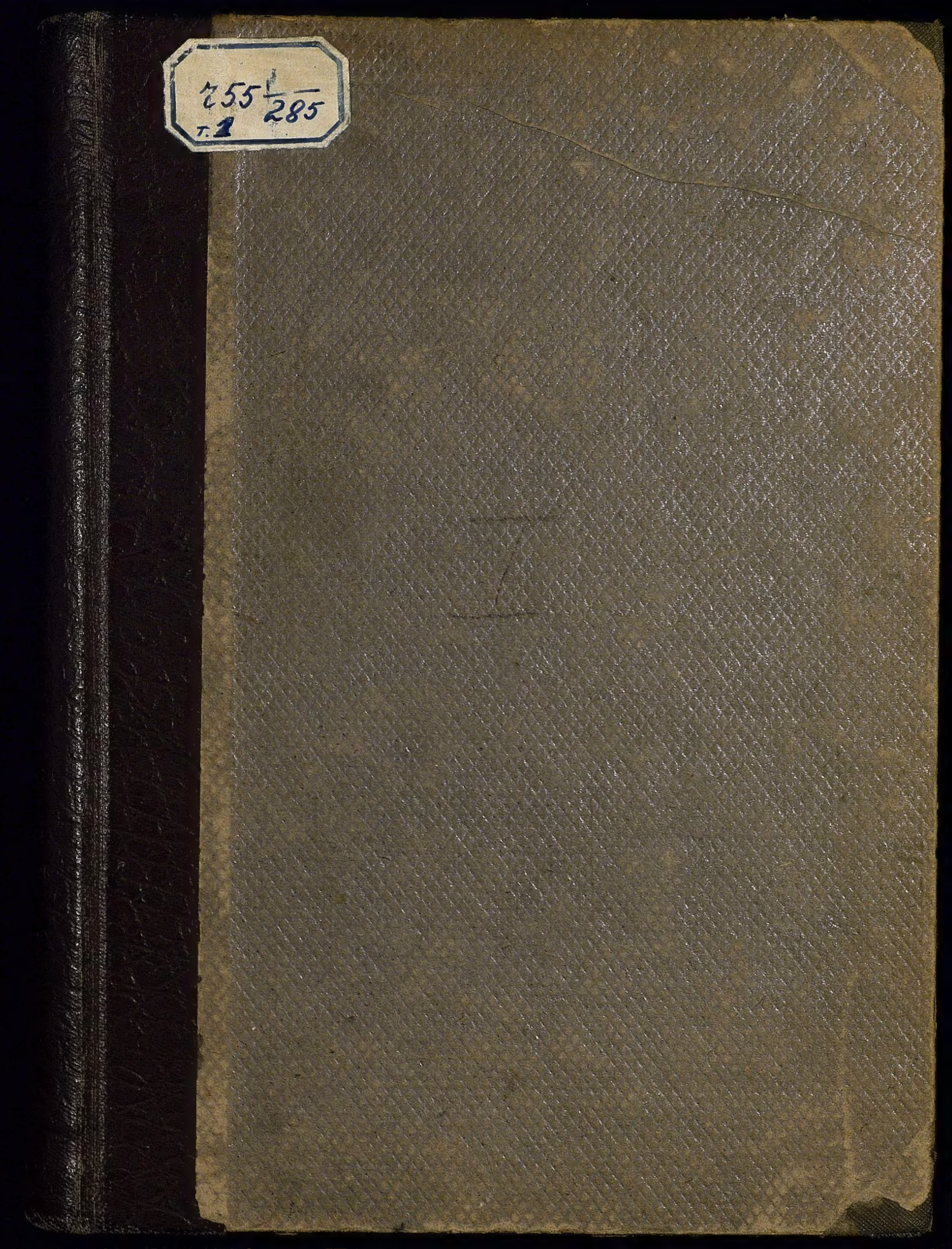
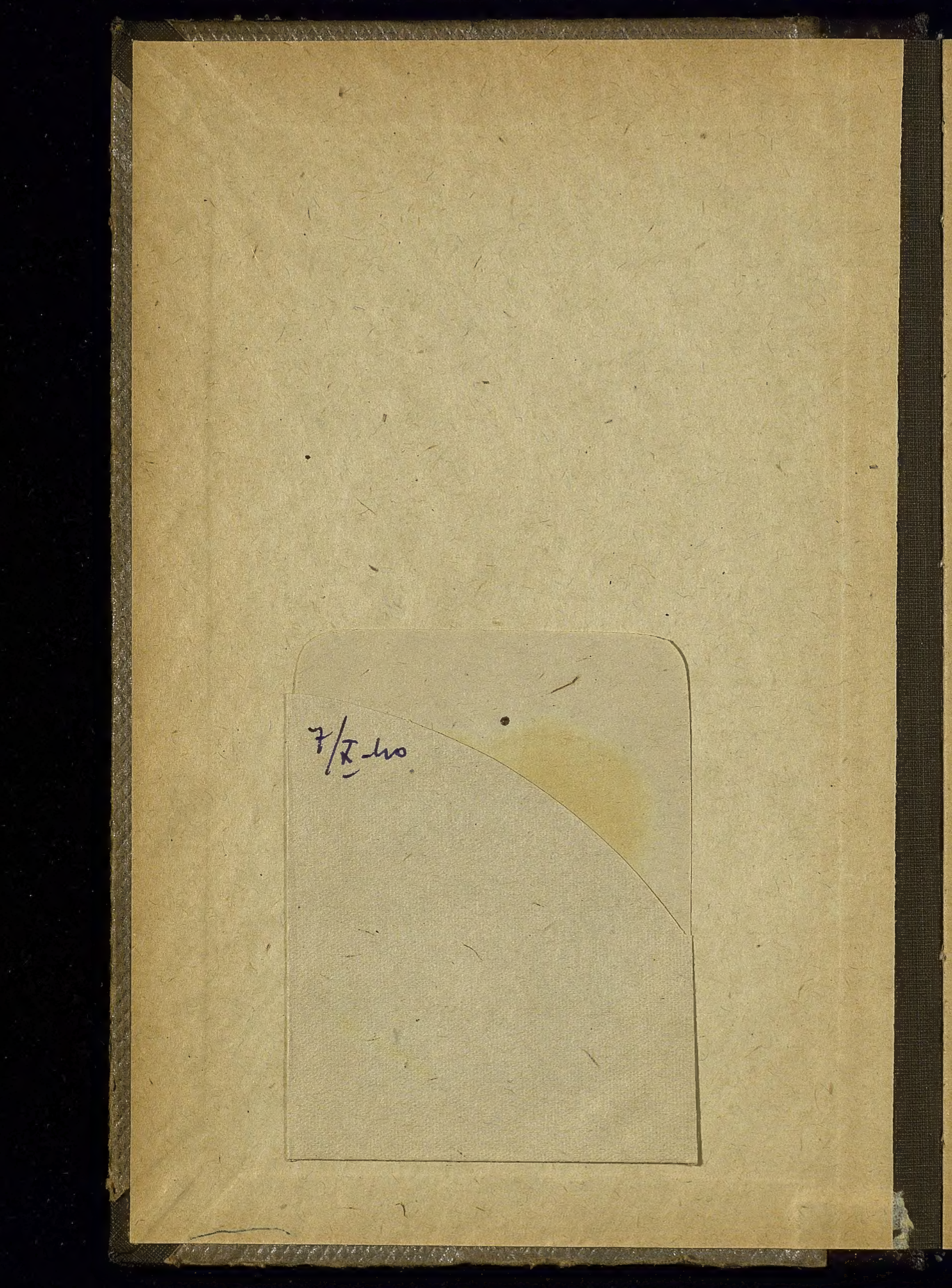

7/X-40

ИСТОРІЯ
УКРАИНСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

I.

Проф. М. Грушевскій.

ИСТОРІЯ УКРАИНСКАГО КОЗАЧЕСТВА

до соединенія съ московскимъ государствомъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ
до начала XVII вѣка.

(Извлечено изъ VII тома „Історії України-Руси“).

1913.

ВЪ КНИЖНЫХЪ СКЛАДАХЪ:

Н. П. Карбасниковъ
С.-Петербургъ
Гостинный дворъ № 19.

Общественная Польза
С.-Петербургъ
Б. Подъяческая 39.

„Літературно-Науковий Вістник“
Кіевъ, Б. Владимірская 28.

КІЕВЪ.
Типографія 1-й Кіевской Артели Печ. Дѣла. Трехсвят. 5.
1913.

Украинское козачество и его происхожденіе имѣютъ свою давнюю и богатую литературу. Явленіе это—громкое, эффектное, самое эффектное изъ всей украинской жизни отъ ея начала и до нашего времени, очень скоро привлекло къ себѣ вниманіе иностранцевъ и они старались выяснить исторію появленія этой оригинальной козацкой стихіи. Начиная съ послѣдней четверти XVI ст., появляется рядъ болѣе или менѣе обширныхъ замѣтокъ, изслѣдованій, трактатовъ по исторіи козачества и его происхожденія. Не претендуя на абсолютную полноту своего списка, я отмѣчу лишь болѣе важныя и крупныя статьи изъ стараго печатнаго матеріала. Начинаю съ статьи Іоах. Бѣльскаго O Kozakach, въ VI кн. хроники М. Бѣльскаго (подъ 1574 г., изд. Туровскаго с. 1358—1361), писанной въ 1590-хъ г.г., отчасти на основаніи Сарницкаго (Descriptio verteris et novae Poloniae 1585). Затѣмъ слѣдуетъ не менѣе популярная статья „Гвагнина" O Kozakach nizowych które pospolicie zaporozkimi zowiemy, въ распространенномъ польскомъ изданіи его Sarmacya Europejska, 1611 (изд. Туровскаго с. 220—4); онъ здѣсь пересказываетъ Бѣльскаго. На основаніи его и Бѣльскаго составлена украинская статья О началѣ козаковъ—одна изъ заключительныхъ статей Густынской компил. (Пол. собр. лѣтоп. II, с. 367—8). Не получили такой популярности замѣтки Папроцкаго въ Ogrod krolewski, 1589, л. 56 и интересная статья Старовольскаго въ Eques Polonus, 1628, с. 51 (De Cosachis Zaporosensibus). Затѣмъ нужно отмѣтить Петриція Rerum in Polonia ac praecipue belli cum Osmani gesti historia (1637), с. 12—4, Собѣскаго Commentarii Chotinensis belli (1646), 109—5: Origo vita et mores Cosacorum Zaporohensium. Экскурсъ у Пясецкаго Chronica gestorum in Europa singularium, 1645 (с. 52—6), Боплана Description de l'Ukraine (1 изд. 1650), гдѣ рядъ главъ посвященъ спеціально козакамъ. А. Вимина Relazione dell' origine

e dei costumi dei cosacchi, 1656 (извлеченія въ Кіев. Ст. 1900, I). Шевалье Historie de la guerre des Cosaques contre la Pologne, avec un discours de leur origine, pays, moeurs, gouvernement et religion, 1663, и т. п. Отъ 1680-хъ годовъ имѣемъ уже первую научную нѣмецкую диссертацію I. Möller и M. G. Weissius De cosacis dissertatio, Лейпцигъ 1684.

Съ началомъ XVIII ст. начинаются украинскіе „научные" трактаты о козачествѣ и его происхожденіи: Гр. Грабянки „О началѣ преименованія козаковъ, купно же и о древнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ сокращеннѣ" во вступленіи къ „Дѣйствіямъ презѣльной брани Б. Хмельницкаго", 1710 (изд. 1854 г.). Анонимное „Краткое описаніе" Малороссіи, составленное около 1734 г. и очень популярное на Украинѣ (въ 1777 г. оно было издано Рубаномъ, въ качествѣ вступительной части его „Краткой лѣтописи Малыя Россіи", и еще разъ въ первомъ изд. лѣтописи Самовидца, какъ продолженіе ея,—новое изданіе при изд. Самовидца 1878 г.). П. Симоновскаго Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ, 1765 (изд. въ московскихъ Чтеніяхъ и отдѣльно въ 1847 г.). Стеф. Лукомскаго Собраніе историческое изъ книгъ древняго писателя Ал. Гвагнина и изъ старыхъ русскихъ лѣтописей, 1770 (при изд. Самовидца 1878 г.). Вас. Рубана Краткія политическія и историческія извѣстія о Малой Россіи 1773 (первое печатное изданіе въ рядѣ этихъ трудовъ, оно было переведено по-нѣмецки въ магазинѣ Бишинга № IX и въ Gemälde Шторха). Его же Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ, 1777 (это упомянутое выше анонимное Краткое описаніе, дополненное Ал. Безбородкомъ). И, наконецъ, знаменитая „Исторія Руссовъ ил Малой Россіи" псевдо-Кониского (издана въ московскихъ Чтеніяхъ и отдѣльно въ 1846 г.). Къ этимъ украинскимъ трудамъ болѣе или менѣе тѣсно примыкаетъ нѣсколько великорусскихъ: Кн. Мышецкаго Исторія о козакахъ запорожскихъ, какъ оные издревне зачалися и откуда свое происхожденіе имѣютъ (написана, какъ принято считать, около 1740 г., издана въ московскихъ Чтеніяхъ въ 1847 и одесскихъ въ 1851 г.). Многочисленныя работы оффиціальнаго „россійскаго исторіографа" Г. Миллера: О началѣ и происхожденіи козаковъ (Сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія 1760), Извѣстія о запорожскихъ козакахъ (ibid.), и не напечатанныя: „О малороссійскомъ народѣ и Запорожцахъ" и „Разсужденіе о Запорожцахъ" (составленныя въ 1770-хъ г.г., очевидно по порученію русскаго правительства, когда оно интересовалось

вопросомъ объ уничтоженіи Сѣчи и украинской автономіи). Ал. Ригельмана „Лѣтописное описаніе о Малой Россіи и ея народѣ и козакахъ вообще“, написанное въ 1778 г. и снова переработанное въ 1785—6 г.г. (самая большая изъ компиляцій). И. Болтина Примѣчанія на исторію Россіи Леклерка, 1778,—экскурсъ о козакахъ въ т. I. Въ словарѣ Щекатова (Новый полный географическій словарь Россійскаго госуд.) также статьи о козакахъ. На другихъ языкахъ: I. B. Scherer Annales de la Petite Russie ou histoire des Cosaques, Парижъ, 1788 (въ первой части здѣсь переработка того же анонимнаго Краткаго Описанія). Hammerdorfer Geschichte der Ukrainischen Kozaken, Іена 1789. I. Engel Commentatio do republica militari seu comparatio Lacedaemoniorum et Kosacorum, Геттингенъ 1790, и затѣмъ его же Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kozaken wie auch der Königreiche Halitsch und Wladimir, 1796 (въ Allgemeine Weltgeschichte, т. 48). T. Czacki O nazwisku Ukrainy i początku Kozaków—Nowy Pam. Warsz. 1801 (былъ и рус. переводъ въ журналѣ Улей, 1811). K. L. Lesur Histoire der Cosaques précedée d'une introduction ou coup d'oeil sur les peuples qui ont habité les pays des Cosaques avant l'invasion des Tartares, I—II, Парижъ, 1813—4. Gretzmüllern Die Ukrainischen Kosaken und ihre Unterwerfung an Russland (Hormayers Archiv, 1814).

Въ 1822 г. вышла „Исторія Малой Россіи“ Дм. Бантышъ-Каменскаго, съ краткимъ вступленіемъ о событіяхъ до 1654 г., представлявшимъ компиляцію изъ литературы XVIII в., довольно малоцѣнную, но еще свободную отъ фантазій Исторіи Руссовъ. Эти фантазіи въ украинской литературѣ популяризировалъ Кулишъ своею поэтической исторіей Украины („Україна од початку Вкраїни до батька Хмельницького“, 1847), въ польской Мацѣіовскій статьями: O Kozakach (Kwart. nauk. Краковъ, 1835, былъ и рус. переводъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1837), Kozaków dzieje (Orędownik poznański, 1840), Polska aż do wieku XVII; въ русской Срезневскій своей „Запорожской Стариной“ (1833) и еще больше Марковичъ въ своей Исторіи Малороссіи. т. I, 1842 г. Подъ вліяніемъ Марковича написаны польскія работы: Глищинскаго (Gliszczyński) Hetmani małorosyjscy i kozacy do czasów unii (Bibl. Warszaw. 1848, рус. перев. въ жур. Пантеонъ, 1856) i Znaczenie i wewnętrzne życie Zaporoża oraz hetmani małorosyjscy i Kozacy do czasów unii I—II, Варш., 1852 и Чарновскаго (Czarnowski)

Ukraina i Zaporoże czyli historya Kozaków, I—II, Варш., 1854. Болѣе мелкія статьи этихъ годовъ: П. Бутковъ О имени козакъ (Вѣстн. Европы 1822). Г. Эверсъ Нѣчто о козакахъ (Отеч. Записки 1826). Н. З. Начало исторіи козаковъ (В. Евр. 1828). Историческое обозрѣніе Украины (Спб. Вѣдомости) 1840). Скальковскій Очерки Запорожья (Ж. М. Н. П. 1840): переработка ихъ вошла въ его Исторію Новой Сѣчи или послѣдняго коша Запорожскаго (1840, второе изд. 1846), содержащую также во вступленіи исторію происхожденія козачества.

Провозвѣстниками новѣйшей литературы являются раннія работы Костомарова О причинахъ и характерѣ уніи, 1840 (онъ здѣсь много удѣляетъ мѣста козачеству и его исторической роли) и Мысли объ исторіи Малороссіи (Библіотека для Чтенія, 1846); Соловьева: Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу (Отеч. Записки 1848) и десять лѣтъ спустя изданныя статьи: О нѣкоторыхъ рукописяхъ и рѣдкихъ печатныхъ сочиненіяхъ XVI и XVII ст., относящихся къ исторіи Малороссіи (Библ. Зап. 1858), и Малороссійское козачество до Хмельницкаго (Русскій Вѣстникъ 1895); также замѣтки Максимовича 1840—1850-хъ гг., собранныя въ I т. его Собранія сочиненій. Менѣе существенное изъ этихъ же годовъ: Маркевича О первыхъ гетманахъ малороссійскихъ (Чтенія москов. 1848) и О козакахъ (ib. 1858). М. Дашкевича Козаки (Кіев. губ. вѣд. 1851). Козаки (Москов. губ. вѣд. 1854). На другихъ языкахъ: H. Krasiński The kossaks of the Ukraina, Лондонъ 1848. A. Die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwickelung, Берлинъ, 1860. P. Merimée les Cosaques d'autrefois, Парижъ, 1865, и др.

Въ 1863 г. вышелъ въ предисловіи къ ч. III т. I Архива Югозап. Россіи трудъ Вл. Антоновича о происхожденіи козачества—написанный подъ сильнымъ вліяніемъ Исторіи Руссовъ съ одной стороны, теорій древнерусскаго общественнаго строя—съ другой, вполнѣ фантастическій, но съ точки зрѣнія эволюціи историческихъ идей очень интересный—какъ переходъ отъ старой традиціи XVIII в. къ новымъ исторіософскимъ взглядамъ. Самъ Антоновичъ очень скоро отказался отъ высказанныхъ здѣсь взглядовъ, но послѣдніе были подхвачены Кояловичемъ въ его Лекціяхъ по исторіи зап. Россіи, 1864, и въ свою очередь изложеніе исторіи козачества, данное Кояловичемъ, было популяризовано въ украинской литературѣ въ статьѣ „Коротка історія козаччини“,

въ львовской „Правдѣ“ 1868 г. Выводы Антоновича послужили затѣмъ предметомъ цѣнныхъ—не столько фактическими поправками, сколько своимъ общимъ критицизмомъ—замѣчаній Максимовича п. з. Историческія письма о козакахъ Запорожскихъ (1863—5, переп. въ Собр. сочиненій). Другимъ цѣннымъ трудомъ были статьи Кулиша „Перший період козацтва аж до ворогования з Ляхами („Правда“ 1868)—прототипъ его позднѣйшей Исторіи возсоединенія Руси, но безъ той враждебности къ козачеству и крайняго субъективизма, который вообще со временемъ все болѣе возрасталъ у Кулиша и лишилъ совершенно всякаго значенія его послѣдніе труды (Отпаденіе, Украинскіе паны и козаки). „Перший період“ былъ цѣненъ благодаря широкому фону, на которомъ Кулишъ рисовалъ исторію козачества, и значительной свободѣ отъ легендарной традиціи; его можно назвать самымъ цѣннымъ изъ всей этой литературы, и приходится сожалѣть, что напечатанный въ мало распространенномъ въ Россіи журналѣ, не изданный отдѣльно онъ прошелъ безъ вліянія въ литературѣ. Въ новой редакціи (Исторія возсоединенія) уже значительно измѣненный позднѣйшими теоріями Кулиша, этотъ трудъ вызвалъ только оппозицію, не позволившую оцѣнить его положительныя стороны. Обзоръ происхожденія и начальной исторіи козачества, написанный Костомаровымъ подъ наз. Южная Русь и козачество до возстанія Богдана Хмельницкаго (Отеч. Записки, 1870), вошедшій затѣмъ въ качествѣ вступленія къ новому изданію Богдана Хмельницкаго (1870 и затѣмъ 1884) былъ значительно слабѣе работы Кулиша. Это былъ очень поверхностный очеркъ, не продуманный глубже и очень неполно использовавшій источники; надо полагать, что Костомаровъ писалъ его, не зная еще „Перваго періода“ Кулиша, но и послѣ выхода „Исторіи возсоединенія“ Костомаровъ не углубилъ его, и въ сравненіи съ работою Кулиша это былъ шагъ назадъ. Также точно безъ надлежащаго впечатлѣнія и оцѣнки, благодаря непріятному критическому задору автора, прошла исторіографическая работа Карпова: Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся, 1870 (непріятное впечатлѣніе этой книги было поддержано полемической брошюрой автора, направленной противъ современной украинской исторіографіи: Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи, 1871).

„Исторія возсоединенія Руси“ Кулиша вышла въ 1874 г. и оставалась долгое время самымъ выдающимся трудомъ по исто-

ріи происхожденія козачества. Но экстравагантности автора оттолкнули общество отъ его историческихъ работъ. Спеціально по данному вопросу произвели тяжелое впечатлѣніе его статьи: Козаки въ отношеніи къ государству и обществу (Рус. Архивъ 1877), пристрастный обвинительный актъ противъ козачества (на нихъ отвѣтъ Костомарова „О козакахъ“, Рус. Старина 1878). Однако долго не появлялось ничего болѣе серіознаго, написаннаго съ иной точки зрѣнія. Популярныя книжечки въ родѣ Драгоманова „Про українських козаків, Татар та Турків“, 1876, или компиляція Марковина „Очеркъ исторіи запорожскаго козачества“ Спб., 1878, въ счетъ не идутъ. Позже появились статьи Дубецкаго Kudak, twierdza kresowa i jej okolice, 1879, съ общимъ взглядомъ на происхожденіе козачества (въ новой обработкѣ вышла въ 1900 г,) и Zawiązki dziejów Siczy Zaporozkiej, 1887, перепеч. въ его Obrazy i studya hist., II, 1899 (теорія рыцарскаго происхожденія козацкаго строя, высказанная однако безъ всякаго фактическаго обоснованія ея, въ морѣ пустой фразеологіи, — объ этой теоріи см. ниже.); Erckert Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuesten russischen Quellen, Берлинъ, 1882, и „Историческіе дѣятели Югозападной Руси“ В. Антоновича и В. Беца, 1883—рядъ біографій гетмановъ, писанныхъ или проредактированныхъ Антоновичемъ, между ними біографія Сагайдачнаго съ общимъ взглядомъ на происхожденіе козачества.

Годъ спустя появилась другая работа, анонимная, но написанная также подъ очевиднымъ вліяніемъ Антоновича (на основаніи указанныхъ имъ матеріаловъ, а быть можетъ и проредактированная имъ), спеціально посвященная происхожденію козачества: Происхожденіе запорожскаго козачества (Кіев. Старина 1884, VIII—IX). При нѣкоторыхъ ошибкахъ и неполнотѣ научнаго аппарата она замѣтна своимъ стараніемъ прослѣдить исторію козачества вполнѣ независимо отъ традиціи, на фонѣ соціально-экономическихъ отношеній восточной Украины. Анонимность и не особенно удачная общая конструкція были причиной того, что работа эта не привлекла къ себѣ того вниманія, котораго по существу вполнѣ заслуживала. Наоборотъ, „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ Кулиша, 1888 (оттискъ изъ московскихъ Чтеній) гдѣ опять были повторены его взгляды на происхожденіе козачества и т. п., но въ еще болѣе субъективной окраскѣ—не имѣло уже почти никакого объективнаго научнаго

интереса. Такъ же точно и т. III Исторіи Россіи Иловайскаго, гдѣ въ гл. XV былъ данъ обзоръ происхожденія козачества, ничѣмъ не выдающійся, съ сильной зависимостью отъ традиціи (Дашковичъ—глава городового козачества, Лянцкоронскій—первый атаманъ козаковъ низовыхъ и т. п.). „Исторія запорожскихъ козаковъ“ Д. Эварницкаго (I томъ, съ общими характеристиками запорожскаго козачества, его территоріи, строя, быта, хозяйства, вышелъ въ 1892 г., второй—съ исторіей козачества—въ 1895 г.) преслѣдовала цѣли популяризаціи, на научное значеніе не претендовала и не восходила къ самостоятельному изученію источниковъ, почерпнутыхъ зачастую изъ вторыхъ и третьихъ рукъ (критическая оцѣнка Лазаревскаго въ т. X кіевскихъ Чтеній). Болѣе мелкія статьи о происхожденіи Запорожья: Эварницкаго Число и порядокъ Запорожскихъ сѣчей (Кіев. Стар. 1884), его-же: Островъ Хортица на р. Днѣпрѣ (ibid. 1886), Падалки: По вопросу о существованіи Запорожской Сѣчи въ первые времена запорожскаго козачества (ib. 1894).

Немало новаго вносила статья о происхожденіи козачества И. Каманина: Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго (кіев. Чтенія VIII, 1894): авторъ поставилъ своею задачею дать новую концепцію фактамъ исторіи козачества, на основаніи самостоятельнаго изученія источника, и хотя при этомъ матеріалъ не былъ полно и всесторонне изученъ авторомъ и мѣстами встрѣчаются повторенія необоснованныхъ взглядовъ и т. п., но и не соглашаясь съ выводами автора, необходимо признать интересъ и цѣнность произведенной имъ критической и конструкціонной работы. Она вызвала небезъинтересныя критическія замѣтки М. Любавскаго п. з. Начальная исторія малорусскаго козачества (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1825, кн.)—до того онъ далъ нѣсколько замѣчаній о козачествѣ въ своей книгѣ Областное дѣленіе в. кн. Литовскаго (1893), и его взгляды (тюркская теорія) были затѣмъ приняты и развиты Яблоновскимъ въ его книгѣ Ukraina (Źródła dz. XXII, 1897), въ которой происхожденію козачества посвящена отдѣльная глава (с. 395 и сл.), съ точки зрѣнія той же тюркской теоріи (съ научной точки зрѣнія не состоятельной). Въ томъ же 1897 г. вышелъ краткій курсъ исторіи козачества В. Антоновича, по запискамъ его слушателей: „Бесіди про козацькі часи на Україні“; для выясненія происхожденія козачества этотъ курсъ далъ мало новаго, сверхъ сказаннаго въ „Происхожденіи запорожскаго козачества“. По

поводу этого курса я высказалъ свои взгляды на происхожденіе козачества въ статьѣ Примітки до історії козачини (львовскія Записки XXII, 1898). Затѣмъ краткій очеркъ происхожденія козачества дала книга А. Стороженка Стефанъ Баторій и днѣпровскіе козаки, К., 1904; написанная вообще очень претенсіозно (въ духѣ Кулиша и польской исторіографіи), книга эта обращаетъ на себя вниманіе небезъинтереснымъ подборомъ матеріала (особенно изъ польскихъ источниковъ), хотя въ цѣломъ авторъ ни овладѣлъ литературой, ни исчерпалъ предмета. Критическія замѣтки къ ней М. Любавскаго появились въ Запискахъ петерб. акад. т. VIII, 1908. Наконецъ послѣднимъ предъ выходомъ настоящей работы очеркомъ формированія козачества было изслѣдованіе моего слушателя Ив. Крипякевича „Козачина і Баторієві вільности", помѣщенное въ видѣ вступительной статьи въ „Жерела", издаваемыя львовскою археографическою коммиссіею (т. VIII 1908).

Предлагаемая теперь книга представляетъ извлеченіе изъ VII тома моей „Исторіи Украины", появившагося лѣтомъ 1909 г., именно заключаетъ пять первыхъ главъ этого тома, съ нѣкоторыми сокращеніями (болѣе значительныя сокращенія отмѣчены въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ). Общія соціальныя условія, въ которыхъ создалось украинское козачество, указаны въ т. V той же „Исторіи", культурные и національные мотивы, пришедшіе въ позднѣйшую программу козачества—въ т. VI. Болѣе спеціальная литература и указанія источниковъ даны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ текста.

Опытъ общаго обзора украинской исторіографіи XVIII ст. и изученія украинской исторіи далъ недавно проф. Иконниковъ въ своемъ Опытѣ русской исторіографіи, т. II кн. 2, 1908, с. 1560 и сл.; есть здѣсь и библіографія, но только русская и мало систематизированная (обзоръ старой исторіографіи тоже не особенно полный и систематическій, изъ новѣйшей же лишь кое-что—объ изданіи памятниковъ украинскаго лѣтописанія). Изъ прежнихъ работъ, послѣ Карпова: К. Заклинскаго Рускіи лѣтописи и лѣтописци XVII столѣтя (Зоря, 1880). А. Лазаревскаго Прежніе изыскатели малорусской старины (К. Стар. 1894—5). Краткій литографированный курсъ пок. Антоновича: Источники для исторіи Югозападной Россіи, 1881. Спеціальную литературу (кромѣ вступительныхъ статей и замѣтокъ при изданіяхъ) имѣетъ лишь Исторія Руссовъ: К. В. Въ защиту не-

извѣстнаго покойника автора „Ист. Руссовъ“ (К. Стар. 1891, IV), Горленка Изъ исторіи южнорусскаго общества нач. XIX в. (ib. 1893, I и въ его сборникѣ: Южнорус. очерки и портреты, 1898), Л. Майкова Къ вопросу объ „Исторіи Руссовъ“ (Ж. М. Н. П. 1893, V, и въ новой передѣлкѣ: Малорусскій Титъ Ливій (Истор. литературные очерки, 1895), Ал. Грушевскаго Къ судьбѣ „Исторіи Руссовъ“ (кіевскія Чтенія XIX, 1906) и Къ характеристикѣ взглядовъ „Исторіи Руссовъ“ (Извѣстія отд. рус. яз. 1908). Къ библіографическому указателю Ал. Лазаревскаго: Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края, вып. I, 1858 (до 1857 г.), за недостаткомъ лучшаго, приходится обращаться и до сихъ поръ.

I.

Юго-восточная Украина въ XV—XVI вв.

Условія мѣстной жизни въ XV—XVI в. Татарскія нападенія конца XV и первой четверти XVI в. Организація обороны и бытовыя условія первой пол. XVI в.

Среднее Поднѣпровье, въ первыхъ вѣкахъ своего историческаго существованія служившее очагомъ политической, экономической и культурной жизни для цѣлой Восточной Европы, въ темныя столѣтія съ половины XIII до половины XVI вв. превратилось въ запущенную цѣлину, на которой снова свободно разцвѣтала дѣвственная природа, не чувствуя надъ собой тяжелой руки человѣка, и среди нея подымались новые всходы общественной жизни, то связанные съ традиціями давними, старорусскими, то развивавшіеся вполнѣ оригинально среди приволья этихъ одичавшихъ пустынь. Не только на жителя Западной Европы, уже привыкшаго къ скученной жизни, къ интенсивной культурѣ, но и на людей изъ центральныхъ земель вел. кн. Литовскаго, только что затронутыхъ кое-какой культурой, эти восточныя украинскія земли средины XVI в. производили впечатлѣнье дикаго приволья, роскошнаго, чрезвычайно богатаго дарами природы и вполнѣ свободнаго отъ разрушительныхъ слѣдовъ человѣческой жизни. Подобное впечатлѣніе производили на Европейца громадныя пространства Америки—ея гигантскія степи, гигантскія лѣса, гигантскія рѣки, необычайно богатая природа и необыкновенно слабые слѣды человѣческой жизни. Извѣстный литовскій мемуаристъ средины XVI в., Михайло Литвинъ, человѣкъ импульсивный, съ богатою фантазіей, ярко, хотя и гиперболически, передаетъ намъ это впечатлѣніе отъ дикаго украинскаго приволья въ своемъ трактатѣ,

написанномъ для соотечественниковъ, тоже не слишкомъ захваченныхъ культурой [1]):

„Кіевская земля", пишетъ онъ, „имѣетъ такую плодородную и удобную для обработки почву, что если вспахать ее парою воловъ и то только одинъ разъ, получится богатѣйшій урожай. Даже безъ обработки, эта земля даетъ растенія, стебли и корни которыхъ могутъ употребляться въ пищу человѣкомъ. Деревья съ различными благородными плодами и виноградныя лозы съ громадными кистями, чрезвычайно вкусными, здѣсь растутъ, въ дикомъ состояніи по скаламъ. Въ старыхъ дубахъ и букахъ, дуплистыхъ отъ старости, часто встрѣчаются рои пчелъ и соты прелестнаго цвѣта и запаха.

„Звѣрей въ лѣсахъ и поляхъ такая масса, что зубровъ, дикихъ коней и оленей бьютъ только изъ-за шкуры, а изъ мяса берутъ лишь спинныя, наиболѣе жирныя части, остальное выбрасываютъ—такъ его много. Ланей и дикихъ кабановъ совсѣмъ въ пищу не употребляютъ. Дикихъ козъ прибѣгаетъ такая масса зимою изъ степи въ лѣса, а лѣтомъ обратно, что крестьяне бьютъ ихъ тысячами. По рѣкамъ очень много бобровыхъ гнѣздъ. Птицъ огромное множество, такъ что въ весеннюю пору мальчики набираютъ полныя лодки яицъ дикихъ утокъ, гусей, журавлей, лебедей, а позже—набираютъ полные хлѣвы молодыхъ птенцовъ. Орлятъ сажаютъ въ клѣтки изъ-за ихъ перьевъ, употребляемыхъ для стрѣлъ.

„Собакъ кормятъ мясомъ животныхъ и рыбою. Рѣки переполняются рыбой, когда неслыханная масса осетровъ и другой крупной рыбы идетъ изъ моря въ прѣсную воду. Поэтому нѣкоторыя изъ рѣкъ называются золотыми, особенно Припеть. Дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ, около Мозыря, при устьѣ р. Тура [2]), въ началѣ марта, когда прибываетъ свѣжая вода изъ источниковъ, рѣка ежегодно наполняется такимъ множествомъ рыбы, что, если бросить копье, оно торчитъ и стоитъ прямо, какъ будто бы его воткнули въ землю—такъ много тамъ рыбы! Я бы самъ не повѣрилъ, еслибы не видалъ часто, какъ тамъ безъ перерыва черпали рыбу изъ рѣки и иногда за день успѣвали наполнить до тысячи возовъ для купцовъ, пріѣзжающихъ туда къ тому времени, около весенняго равноденствія".

---

[1]) De moribus Tartarorum, базельское изд. стр. 33 и сл.; переводъ въ Мемуарахъ, изд. Антоновичемъ I с. 48 и сл.

[2]) Рѣки съ такимъ названіемъ подъ Мозыремъ нѣтъ, слѣдуетъ подразумѣвать одинъ изъ притоковъ Припети.

Другіе писатели второй половины XVI в. и первой половины XVII вторятъ этимъ сообщеніямъ, разсказывая чудеса о плодородности, роскошной флорѣ и богатой фаунѣ юго-восточной Украины—Поднѣпровья, Брацлавской земли и восточнаго Подолья[1]).

Разсказываютъ басни о необыкновенномъ плодородіи почвы—что даже самымъ примитивнымъ способомъ обработанная земля даетъ неимовѣрный урожай до самъ-сто. Нѣтъ нужды въ ежегодныхъ посѣвахъ—въ Подоліи достаточно въ одномъ году вспахать и посѣять, чтобы уродилось и въ слѣдующемъ, причемъ и въ одномъ году можетъ быть 2—3 урожая. Если оставить плугъ въ полѣ, то онъ за два, за три дня такъ успѣетъ заррости, что его трудно найти. Трава на пастбищахъ настолько высока, что пасущіеся волы едва виднѣются въ ней: иногда даже и роговъ изъ травы не видно. Почва настолько плодородна и жирна, что приходится запрягать по нѣсколько паръ воловъ. Пчелъ водится огромное количество, такъ что онѣ дѣлаютъ соты не только въ дуплахъ деревьевъ, но и въ простыхъ ямахъ. Рыбы мѣстами такая масса, что она сама гибнетъ отъ тѣсноты въ озерахъ и заливахъ во время убыли воды. Я самъ видалъ, разсказываетъ Бопланъ, какъ на устьи Орели, закинувши неводъ, вытащили болѣе 2000 штукъ рыбы, и самыя маленькія изъ нихъ были длиною въ футъ. Самару козаки называютъ святою рѣкой, за ея богатства, какъ догадывается тотъ же Бопланъ: ея окрестности особенно богаты воскомъ, медомъ, звѣремъ, строевымъ лѣсомъ; здѣсь промышляетъ множество рыбаковъ, которые, за недостаткомъ соли, вялятъ рыбу въ золѣ, а также сушатъ въ громадномъ количествѣ.

Оставляя въ сторонѣ гиперболическія подробности, въ этихъ отзывахъ, хотя бы и преувеличенныхъ, мы чувствуемъ реальную картину дикаго украинскаго приволья тѣхъ временъ. Даже у сухихъ счетчиковъ, правительственныхъ ревизоровъ, описывавшихъ доходы украинскихъ староствъ средины XVI в., вырываются

---

[1]) Guagnini Sarmatiae Europeae descriptio изд. 1581 г. с. 40—1, Blaise de Vigénère La description du royaume de Pologne, 1573—въ Мемуарахъ, изд. Антоновичемъ I с. 70. Crassinii Polonia, 1574 г. 112—3 (переводъ Будзинскаго 1852). Broniovii Tartariae descriptio 1595, с. 26 (переводъ въ одесскихъ Запискахъ т. VI). Cellari, Poloniae descriptio с. 21—2. Beauplan Description de l'Ukraine, изд. Голицына см. 36 и сл. (переводъ въ Мемуарахъ, изд. Антоновичемъ, кн. II).

восклицанья удивленія, когда они говорятъ о привольной жизни украинскихъ выходцевъ Поднѣпровья, которые „уставичъне тамъ живуть на мясе, на рыбе, на меду зъ пасекъ, зъ свепетовъ (бортей) и сытять тамъ собе медъ яко дома“ [1]), или о роскошныхъ угодьяхъ здѣшнихъ поселенцевъ—„суть иншыи пасеки, иж и три селища за одну пасеку не стоять“, пишетъ ревизоръ о брацлавскихъ мѣщанахъ,—„при которой есть на милю земли, а в наменшое на полмили; тамже въ него пашня, стави спустныи, пчолъ мноство, зверъ всякий, сады и огороды овощовыи роскошныи и всякий иншый пожитокъ, в которую пасеку и в земли и в сеножати и дубровы, што ку ей прислухають, не толко не волно есть никому входовъ и пожитковъ никоторыхъ мети, але и дровна ани травы стебла нихто даромъ взяти не можетъ, олижъ все за поклономъ [2]). „Пашня тамъ родить збожье всякое завжды лепей, нижъли при котромъ иншомъ замъку“,—пишетъ другой ревизоръ о брацлавскомъ староствѣ. „Конемъ и всякому быдлу хованье тамъ роскошъное по дубровахъ и свинямъ по дубинкахъ через зиму, а такъ радо ся быдло всякое тамъ множитъ. Зубровъ, оленей, лисицъ и иншого зверу множъство великое. Меду тежъ офитость великая, а предне доброго, чистого, белого, безъ бортей и безъ всякое працы великое, не только съ пасекъ, але готового съ-вепетовъ выдираючи“ [3]).

Край, достаточно богатый самъ по себѣ, оставшись необработаннымъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, сталъ, благодаря этому, тучной цѣлиной на всемъ пространствѣ до самыхъ глубинъ Полѣсья—за Кіевъ, Житомиръ, Остеръ, Черниговъ,—страной богатѣйшей, изобилующей природными дарами, но дикой, некультурной. Какъ и когда случилось это съ былымъ очагомъ восточно-европейской культурной жизни?

Большой, захватывающій рядъ вѣковъ, пробѣлъ въ нашихъ источникахъ даетъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ лишь въ общихъ чертахъ.

Запустѣнье подготовлялось уже издавна, вслѣдствіе упадка государственной организаціи, государственной жизни—съ одной

[1]) Архивъ Юго-зап. Россіи VII. I с. 103.

[2]) Źródła dziejowe VI с. 127 (печатано съ копіи, съ нѣкоторыми очевидными описками, которыя исправляю).

[3]) Архивъ Юго-зап. Россіи VII. II с. 21.

стороны, сильнаго натиска кочевыхъ ордъ—съ другой; явленія эти идутъ рука объ руку и стоятъ въ связи между собой. Уже со второй половины XII в. становится очевиднымъ безсиліе государственной организаціи: княжеская власть не въ состояніи удержать натиска кочевниковъ на пограничную со степью полосу украинской колонизаціи. Пограничную предстепную полосу забрасываютъ, она пустѣетъ. Вся юго-восточная Украина переживаетъ періодъ упадка; жизнь политическая, экономическая, культурная начинаетъ все сильнѣе и замѣтнѣе отливать отсюда въ лучше защищенные и болѣе спокойные западные и сѣверные края [1]). Ослабленіе Половецкой орды, замѣтное во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XIII в., вѣроятно, немного задержало этотъ процессъ и нѣсколько улучшило условія колонизаціи пограничной степной полосы, но за недостаткомъ источниковъ объ этомъ можно говорить лишь въ формѣ гипотезъ. Послѣдовавшій затѣмъ Батыевъ погромъ наноситъ рѣшительный ударъ политической жизни восточной Украины, а въ дальнѣйшихъ результатахъ—также жизни экономической и культурной. Значительная часть восточно-украинской территоріи порываетъ съ княжеско-дружиннымъ укладомъ и возвращается къ старой аморфной жизни отдѣльныхъ общинъ подъ татарскимъ верховенствомъ. Въ другихъ частяхъ, гдѣ княжеско-дружинный укладъ сохранился, или возродился, онъ мельчаетъ, дробится, вырождается и утрачиваетъ свой политическій характеръ; государственные признаки его слабѣютъ все больше и уступаютъ мѣсто признакамъ частно-правнымъ, вотчиннымъ [2]). Подъ тяжелой рукой татарскаго владычества, варварскаго, чрезвычайно непріязненнаго, подозрительнаго и враждебнаго къ высшимъ, правительственнымъ слоямъ, къ власти, ко всему, что могло послужить зародышемъ организаціи, оппозиціи, отпора,—жизнь дичала и вырождалась. Высшіе, наиболѣе состоятельные и культурные слои, болѣе впечатлительные къ условіямъ жизненной обстановки, начинаютъ покидать восточно-украинскія земли, въ которыхъ такъ мало могла быть обезпечена неприкосновенность, спокойствіе и порядокъ. Боярство и городской патриціатъ, духовенство и промышленное населеніе перекочевываютъ на западъ, въ Галицко-волынскія земли, и на сѣверъ, въ земли украинскія, бѣлорусскія и великорусскія.

---

[1]) Объ этомъ см. въ т. III[2] с. 334 и т. VI с. 5 и сл.
[2]) См. въ т. III[2] с. 155 и сл.

Полнаго запустѣнія восточной Украины еще не было. Низшимъ слоямъ, придавленнымъ боярско-капиталистическими элементами, новыя перемѣны въ общественныхъ отношеніяхъ на первыхъ порахъ могли даже нравиться. Тѣмъ болѣе, что татарское правительство, пока оно держало свои орды въ рукахъ и могло вести какую-либо планомѣрную политику, очень опредѣленно шло навстрѣчу теченіямъ, враждебнымъ княжеско-дружинному режиму, и должно было стараться возможно меньше дать почувствовать себя украинскому демосу тамъ, гдѣ онъ выступалъ врагомъ княжеско-дружиннаго режима. Мы видимъ, что даже въ поселки, основанные татарскими баскаками, собиралось много новоселовъ, и люди бѣжали туда изъ княжескихъ селъ [1]). Съ паденіемъ княжеско-дружиннаго режима жизнь демократизировалась, устраивалась „безъ холопа и безъ пана“ до извѣстной степени. Тамже, гдѣ княжеско-дружинный укладъ сохранялся, тамъ онъ, на ряду со своимъ измельчаньемъ, имѣлъ тенденцію развивать далѣе общественныя отношенія въ направленіи крѣпостничества, развитія отношеній несвободныхъ,—это и подсѣкало его при конкурренціи съ демократическимъ укладомъ жизни, какъ онъ слагался въ непосредственной зависимости отъ Татаръ.

Въ общей сложности жизнь демократизировалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно дичала и грубѣла подъ владычествомъ татарскихъ эмировъ и баскаковъ. Особенно въ дальнѣйшемъ—когда начала вырождаться и разрушаться организація и дисциплина орды; а это стало уже совсѣмъ опредѣленно давать себя чувствовать въ послѣднюю четверть XIII вѣка [2]). Среди анархіи, охватившей орду, жизнь беззащитныхъ общинъ, безкняжьихъ земель становилась неспокойной и тревожной, даже сравнительно съ мелкими и слабосильными княжествами—гдѣ они еще уцѣлѣли или возродились въ восточной Украинѣ. Патріархальная жизнь общинъ подъ управленіемъ своихъ атамановъ, безъ всякого вмѣшательства со стороны ихъ „отчичей и дѣдичей“—хановъ татарскихъ, проживавшихъ въ ордѣ и лишь присылавшихъ баскаковъ своихъ за данью,—какъ рисуетъ это литовская лѣтопись въ извѣстномъ разсказѣ о Подольской землѣ передъ литовской оккупаціей,—должна была часто смѣняться эпизодами и періодами гораздо менѣе идиллическими. Среди смуты, начавшейся въ ордѣ въ кон-

---

[1]) См. т. III[2] с. 153—4.
[2]) См. т. IV[2] с. 294.

цѣ XIII в., среди борьбы эмировъ и временщиковъ между собою, сводившихъ свои счеты на „улусахъ“ противника, среди буйнаго своеволья разбойничьихъ шаекъ, размножавшихся въ этихъ условіяхъ,—жизнь въ близкомъ сосѣдствѣ степи и ордъ становилась полной тревоги и опасности.

Разумѣется, какъ говорится—голому разбой не страшенъ. Среди этой тревожной жизни воспитывались элементы, приспособлявшіеся къ этой вѣчной тревогѣ и опасности, всегда готовые отбиться отъ набѣговъ татарскихъ насильниковъ и отплатить имъ ихъ-же монетою. Но земледѣльческому, хозяйственному населенію такая тревожная жизнь не могла нравиться, и болѣе спокойные и зажиточные элементы, которымъ было за что бояться, должны были отливать, уходить дальше отъ татарскихъ набѣговъ, на западъ и сѣверъ. Восточная Украина, быстро утративъ высшіе слои, верхи своего общества, должна была медленно терять теперь вообще осѣдлое, земледѣльческое украинское населеніе,—медленно пустѣть, начиная отъ крайнихъ своихъ периферій со стороны пограничной степной полосы и дальше въ глубь. То, что становилось затѣмъ пограничной областью, въ свою очередь рѣдѣло, пустѣло все больше, и осѣдлая, земледѣльческая украинская жизнь все больше концентрировалась на сѣверо-западъ, забираясь все глубже въ лѣсные края. А сосѣднія со степью области, не говоря уже о степной пограничной полосѣ все больше эксплоатировались только наѣздомъ, „уходами“, какъ это мы видимъ въ XVI в.: украинское населеніе весной расходилось изъ своихъ лѣсныхъ поселковъ по этимъ заброшеннымъ пространствамъ, занималось здѣсь рыболовствомъ, охотой, пчеловодствомъ; болѣе смѣлые и менѣе требовательные, особенно бездомные промышленники, иногда и зимовали здѣсь. Но осѣдлая хозяйственная жизнь отступала все дальше и дальше на западъ, въ полѣсскіе края.

Этотъ процессъ долженъ былъ длиться долго, около полутора столѣтія, въ разныхъ мѣстностяхъ больше или меньше—смотря по мѣстнымъ условіямъ.

Во второй половинѣ XIV в. восточная Украина входитъ въ составъ Литовскаго государства, вновь получаетъ государственную организацію, княжескую власть и дружинно-боярское сословіе. Проявляются снова стремленія вернуть себѣ утраченныя пространства, обезопасить ихъ укрѣпленными замками, составить новые кадры военно-служилаго населенія.

Наиболѣе значительнымъ и энергическимъ представителемъ этихъ стремленій въ наличномъ нашемъ матеріалѣ выступаетъ Витовтъ. Намъ извѣстно, что онъ стремился подчинить своему вліянію самую Орду и для этого предпринималъ нѣсколько походовъ въ степи, а позднѣе дѣйствовалъ дипломатическими способами,—проводя своихъ кандидатовъ на ханскій престолъ, и этимъ путемъ старался держать татарскія орды въ зависимости; онъ дѣйствительно успѣлъ достигнуть того, что на черноморскомъ побережьи его воля стала закономъ для мѣстныхъ татарскихъ владѣній. Рѣчныя дороги Днѣпра, Буга, Днѣстра и ихъ выходы въ море онъ стремится имѣть въ своихъ рукахъ, и съ этой цѣлью строитъ тутъ рядъ замковъ. Оживаютъ давніе, вѣками погребенные, планы устройства торговыхъ портовъ на черноморскомъ побережьи, таможенныхъ учрежденій на степныхъ трактахъ; для ихъ охраны сооружаются замки и еще болѣе остается ихъ въ планахъ[1]). Пожалованье черноморскаго побережья Бучацкимъ отъ 1442 г., перечисляющее „замки наши: Караулъ на Днѣстрѣ, Чорный городъ у устья Днѣстра въ море, и Качибеевъ на морскомъ берегу, со всѣми городами, портами, таможнями водными и сухопутными“, и ставящее въ обязанность новому князю укрѣпить и привести въ лучшее положеніе эти замки и города[2]),—какъ отзвукъ свѣжей еще памяти о дѣятельности Витовта на Черноморьи, имѣетъ вполнѣ реальное значеніе. Въ эпоху Витовта это были вполнѣ серьезные планы, какъ показываетъ исторія постройки замка на лиманѣ Днѣстра (быть можетъ, того же Чернаго города). Границы Украины доходили до черноморскаго берега на югѣ, до Донца и Тихой Сосны на востокѣ[3]). Это было возвращеніе къ тому порядку вещей, когда еще турецкій потокъ, пять вѣковъ тому назадъ, не заливалъ черноморскихъ степей. И въ первой четверти XV в., при энергіи Витовта, при громадныхъ силахъ, какія давало ему концентрированное, собранное въ однихъ рукахъ Литовское государство, сильное и единодушное подъ его мощной рукою—эти планы могли быть въ значительной мѣрѣ выполнены.

Не лишено значенія, что Витовтъ всю юго-восточную Укра-

---

1) См. т. IV[5] с. 313—315, т. VI с. 58—9 и прим. 2.
2) Грамота въ моей книгѣ: Барское староство с. 25—6.
3) Объ этомъ говоритъ позднѣйшій обводъ границъ временъ Семена Олельковича—о немъ сейчасъ ниже.

ину (за исключеніемъ Сѣверскихъ земель) держалъ подъ своей непосредственной властью, не отдавая въ удѣлъ князьямъ. Въ Подольскую землю, когда она перешла къ нему (западная съ 1411 г., восточная, быть можетъ, съ 1393 г. безъ перерыва оставалась во владѣніи Витовта до его смерти), онъ назначилъ своихъ старостъ. Кіевскія земли вмѣстѣ съ Заднѣпровьемъ, послѣ смерти Скиргайла, получившаго эту волость на основаніи договора съ Ягайломъ, Витовтъ передалъ своему товарищу кн. Ивану Ольгимунтовичу, но не въ качествѣ княжьяго удѣла а въ управленіе только („далъ ему держати Киевъ", какъ говоритъ литовская лѣтопись). И въ такомъ управленіи намѣстниковъ, очевидно, она оставалась до самаго пожалованья Кіевской земли Олельку Владимировичу (въ 1440—1 г.)[1]. Очень возможно, что Витовтъ умышленно не давалъ здѣсь удѣловъ князьямъ, чтобъ быть вполнѣ свободнымъ въ осуществленіи задуманнаго движенія на югъ и проводить его планомѣрно на всемъ протяженіи южной границы.

Къ сожалѣнію, недостатокъ актового матеріала изъ близкаго къ Витовту времени не даетъ возможности слѣдить за его мѣрами въ области колонизаціи и организаціи пограничныхъ со степью

---

[1]) Кіевскіе князья-намѣстники первыхъ двухъ десятилѣтій XV в. не извѣстны въ точности. Неизвѣстно, какъ долго управлялъ Кіевской землей Иванъ Ольгимунтовичъ: послѣднія указанія на его существованіе имѣемъ подъ 1401 г. (см. у Вольфа sub voce), но былъ ли онъ тогда кіевскимъ княземъ, этого не видно. Среди убитыхъ въ 1399 г. на Ворсклѣ фигурируетъ князь Иванъ Борисовичъ кіевскій, и, если это не ошибка, то приходится думать, что Иванъ Ольгимунтовичъ въ Кіевѣ пробылъ не долго и до 1399 г. его смѣнилъ другой держатель. См. объ этомъ въ моей Исторіи Кіевской зем. с. 501 г. (отожествленье Ивана Борисовича съ Иваномъ Ольгимунтовичемъ, сдѣланное еще Густинскимъ лѣтописцемъ, разумѣется, невѣроятно, но не цѣннѣе ея и поправка, предложенная Вольфомъ, см. 95: вмѣсто „Ивана Борисовича" читать „Бориса Ивановича" и считать его сыномъ Ивана Ольгимунтовича: такого князя источники не знаютъ). Неизвѣстно, откуда почерпнулъ пок. Малышевскій указаніе, что сынъ Ивана Ольгимунтовича Андрей „называется кіевскимъ княземъ около 1420 г." (Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, с. 461—2). Въ источникахъ я не знаю такого упоминанія; не знаютъ его и изслѣдователи, занимавшіеся біографіею этого Андрея Ивановича (Пуласкій, Вольфъ). Лишь въ 1422 г. упоминается сынъ Ивана Ольгимунтовича Михаилъ какъ capitaneus kiiowiensis и носитъ этотъ титулъ до 1431—3 гг.

областей. Только для западной части Подольскихъ земель (позднѣйшаго Подольскаго воеводства) сохранилось нѣсколько пожалованій Витовта [1]). Это главнымъ образомъ записи суммъ на имѣньяхъ, розданныхъ во владѣніе разнымъ лицамъ—людямъ мѣстнымъ и изъ сосѣднихъ украинскихъ земель, и разнымъ стороннимъ. Такая раздача, иначе сказать—формировка военно-служилаго сословія и военно-служилаго землевладѣнія, судя по сохранившимся указаніямъ, велась интенсивно, очевидно, — не только въ Подольскихъ земляхъ, но и въ Брацлавскихъ, и въ Кіевскихъ [2]). На ряду съ привилегированнымъ военно-служилымъ землевладѣніемъ, обезпечивавшимъ извѣстную военную силу этимъ землямъ, формировались Витовтомъ также кадры военно служи-

---

[1]) Матеріали до історії Зах. України № 18—22, Акты Зап. Россіи I № 22 (факсимиле въ Палеограф. снимкахъ, 19), Акты Юж. и Зап. Р. I № 17; другія пожалованья и упоминанія о нихъ указаны въ моей книгѣ „Барское староство" с. 27 и въ книгѣ Молчановскаго Очеркъ ист. Подольской з. с. 318 и сл. (есть здѣсь однако и нѣсколько фальсификацій, какъ грамоты на Княжью Луку и Семяковъ).

[2]) Изъ Брацлавской и изъ южной части Кіевской земли (за Росью), причислявшейся къ Брацлавской, имѣемъ нѣсколько указаній на привилегированное (военно-служилое) землевладѣніе временъ Витовта, но все это въ документахъ позднѣйшихъ, изъ которыхъ нѣкоторые нужно считать поддѣланными, а другіе сомнительными. Такъ грубой фальсификаціей является грамота вел. кн. Александра отъ 1509 г. (sic) на Жаботинъ и Оловятинъ, съ указаніемъ на пожалованіе Витовта (изд. проф. Антоновичъ въ Кіев. Старинѣ 1896 X с. 2). Несомнѣнно поддѣлана грамота Свитригайла Карпу Микулинскому отъ 1431 г., гдѣ упоминаются владѣнья Микулинскихъ (Грамоты в. кн. Литовскихъ ч. 4). Нѣкоторыя подозрѣнья вызываетъ и позднѣйшая грамота Сигизмунда (ib. ч. 28), но можетъ быть, она только подправлена; другая же грамота Свитригайла, съ указаніемъ на пожалованье Витовтомъ Микулинскому, включенная въ эту грамоту, по всей вѣроятности поддѣлка. Въ записи 1580 г., изданной проф. Антоновичемъ (К. Ст. l. c.) пожалованье Ольбрахта совершенно невѣроятно, такъ какъ Калауръ лежалъ на территоріи литовской, и не болѣе вѣроятно упомянутое тамже пожалованіе Витовта (ср. мою рецензію въ Запискахъ львовскихъ т. XVI с. 6). Указанія на пожалованіе Витовта въ грамотѣ Александра 1505 г. (Starożytna Polska III с. 535—см. ниже) приходится принимать на вѣру—пересказывается содержаніе сгорѣвшихъ документовъ. Больше значенія имѣютъ указанія „на отчины" нѣкоторыхъ бояръ-шляхтичей въ пожалованіяхъ Казимира 1448 г. (см. ниже)—вотчины Рогозы и Ивашка Львовича въ восточной части Брацлавщины.

лаго крестьянства, такъ называемыхъ слугъ, освобождавшихся отъ другихъ повинностей вовсе или въ значительной части, взамѣнъ военной службы. Въ позднѣйшей переписи кіевскихъ селъ при военно-служилыхъ поселеніяхъ, въ сохранившемся фрагментѣ довольно густой сѣтью покрывающихъ юго-западную часть кіевскаго пограничья, имѣемъ вполнѣ опредѣленныя ссылки на порядки эпохи Витовта, и въ виду этого въ организаціи этихъ военно-служилыхъ кадровъ тоже нужно видѣть дѣло Витовта, его самого непосредственно или его намѣстниковъ [1]). Одновременно должна была имѣть мѣсто и постройка укрѣпленныхъ замковъ, служившихъ опорными пунктами этой военной организаціи.

Послѣ смерти Витовта центральное правительство не занималось уже такъ энергично осуществленіемъ этихъ плановъ. Западная часть Подольской земли перешла къ Польшѣ и съ введеніемъ тамъ польскаго права (послѣ смерти Ягайла) въ значительной степени была предоставлена собственному промышленію мѣстнаго шляхетства. Правительство в. кн. Литовскаго, озабоченное внутренними смутами и отношеніями къ Польшѣ, теряетъ интересъ и пониманье юго-восточной политики, набросанной Витовтомъ, да и вообще забрасываетъ всю восточную политику. Новые кіевскіе князья—Олелько и его сынъ Семенъ, въ 1440-хъ г.г. получившіе въ удѣлъ Кіевскую землю вмѣстѣ съ Заднѣпровьемъ, предоставленные своимъ слабымъ силамъ, могли лишь въ меньшихъ размѣрахъ и уже не такъ планомѣрно продолжать традиціи политики Витовта—движеніе на югъ. Въ такомъ же положеніи была и Брацлавская земля даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда правилась намѣстниками, непосредственно зависѣвшими отъ центральнаго правительства [2]).

---

[1]) См. ниже.

[2]) Кто правилъ Брацлавской землей при Казимирѣ, это не такъ ясно. Грамотъ Свитригайла, касающихся Брацлавскихъ земель за это время не встрѣчаемъ. Грамота его на Згаровцы и Котюжинцы, извѣстная по позднѣйшему копіарію (Archiwum Sanguszków I № 42), съ датою 1444 г., если подлинна, должна быть отнесена къ болѣе раннему времени (индиктъ указываетъ на 1437 г.). Грамота на Рычеговъ, отъ 1445 г. (Грамоты в. кн. Литовскихъ № 5) имѣетъ подозрительное для этого года упоминанье о порученіи в. кн. Владислава Ягайловича (этотъ Рычеговъ тоже самое, что Урунчуговъ въ обводѣ границъ 1570 г., имѣнье Ободенскихъ, на Роси, между Погребищами и Джунковымъ — у Яблоновскаго jakiś Unruczów-Źródła dz. XXII с. 627). Такъ же недостовѣрна по своей формѣ

Въ суммѣ отъ эпохи Олельковичей имѣемъ не мало пожалованій и другихъ указаній, свидѣтельствующихъ о продолжающемся движеніи на югъ—колонизаціи и организаціи обороны. Семенъ Олельковичъ занимается размежеваньемъ своей волости съ съ Крымскою и Золотой ордой—„высылалъ намѣстника своего Свиридова, который отъ него Черкасы держалъ, и тотъ по тымъ мѣстцамъ разъѣждчалъ и по тымъ урочищамъ границы клалъ, яко съ землею Татарскою такъ й зъ Бѣлымъ городомъ, такъ тежъ зъ землею Волоскою“ — „отъ Марахвы рѣчки, которая впала въ Днѣстръ [1]), и на низъ Днѣстромъ—по половинѣ Днѣстра, мимо Тегиню, ажъ гдѣ Днѣстръ упалъ въ море, а оттоль съ устья Днѣстрова лименомъ пошла граница мимо Очаковъ ажъ до устья Днѣпрова [2]), а отъ устья Днѣпрова до Таваня—а потой сторонѣ Таваня съ Перекопскою землею граница вашей милости по Овечу воду и в-верхъ Овечей воды, а отъ верховъ Овечей воды у верхъ Самары и у-верхъ Овечея воды, а отъ верховъ Овечея воды у-верхъ Самара и у-верхъ Оргѣя ажъ до Донца и отъ Донца по Тихую Сосну [3]). Фактъ довольно характер-

---

единственная грамота Семена Олельковича на брацлавскія имѣнія—пожалованье Шашкевичамъ 1459 г. (приведено ниже). Съ другой стороны, имѣемъ записи о пожалованьяхъ в. кн. Казимира въ Брацлавской землѣ, относящихся, очевидно, къ началу 1448 г. (см. ниже). Примѣръ, приведенный въ моей статьѣ: „До питання про правно-державне становище київських князїв XV в. (Записки т. XXXI и Розвідки кн. III), правда, показываетъ, что Казимиръ считалъ возможнымъ вмѣшиваться въ мѣстныя дѣла княжескихъ волостей. Но имѣемъ и еще болѣе опредѣленное извѣстіе,—что въ 1463 г. Брацлавомъ правилъ кн. Михайло Чарторыйскій—очевидно, какъ велико-княжескій намѣстникъ (Длугошъ V с. 372) (другое извѣстіе, о намѣстничествѣ Сангушковича въ 1446 г., опирается на очень шаткихъ основаніяхъ—ср. Monografia ks. Sanguszków I с. 115—8). Эти данныя указывали бы на непосредственную зависимость Брацлавскихъ земель отъ велико-княжескаго правительства.

[1]) Мурахва была границей литовскихъ земель съ коронными.

[2]) „А Очаковъ на земли вашей милости господарскіе стоитъ“, добавляетъ позднѣйшее сообщеніе на основаніи свѣдѣній кіевскихъ старожиловъ, разсказывавшихъ объ этомъ старинномъ обводѣ границъ.

[3]) Акты Зап. Рос. II № 99—донесенія в. кн. Сигизмунду (около 1540 г.) о границахъ в. кн. Литовскаго на основаніи разсказовъ „людей старыхъ Кіевлянъ, Черкашанъ і Каневцевъ“, помнившихъ обводъ границъ Семена Олельковича.

ный. Если считали необходимымъ объѣзжать эти границы и ставить на нихъ пограничные знаки, то, очевидно, придавали реальное значеніе этимъ территоріальнымъ претензіямъ на земли нижняго Днѣпра или верховьевъ Самары. Позднѣйшая реляція вмѣстѣ съ разсказами объ этомъ обводѣ границъ, передаетъ и память о томъ, что на Тавани перевозы (т. е. доходы съ нихъ) дѣлились пополамъ—одна половина вел. князю, другая крымскому хану. Фактъ этотъ относится ко временамъ Олельковича, до погромовъ Менгли-гирея и даетъ намъ иллюстрацію реальнаго значенія, какое имѣли въ половинѣ XV в. границы съ Крымомъ или Румыніей въ этихъ, позже совершенно дикихъ, степяхъ.

О размѣрахъ колонизаціи и ея движеніи нѣкоторое представленіе даютъ намъ извѣстія о состояніи ея передъ опустошеніями Менгли-гирея, какія можемъ собрать изъ современныхъ документовъ и позднѣйшихъ упоминаній о нихъ.

Двигаясь съ запада отъ Подольскихъ земель Польши, прежде всего встрѣчаемъ извѣстное уже намъ пожалованіе Бучацкому черноморскихъ замковъ, Черного города и Качибея, съ прилегающими къ нимъ окрестностями, которое въ то время, въ 1440-хъ годахъ, еще считалось на столько реальнымъ, что Бучацкіе начали процессъ съ коронною администраціею за права на приморскія пересыпи. Но это значеніе придавалось здѣшнимъ землямъ, очевидно, лишь по традиціи эпохи Витовта и Ягайла; претензіи на эти земли не были поддержаны правительствомъ и онѣ выходятъ изъ реальнаго владѣнія какъ Польской короны, такъ и в. кн. Литовскаго, достояніемъ котораго это побережье, какъ мы видѣли, считалось всетаки по старой памяти и во второй половинѣ XV ст.

На среднемъ Днѣстрѣ наидалѣе выдвигается въ степи извѣстный намъ Караулъ (около Рашкова), съ хорошо сохранившимися донынѣ слѣдами укрѣпленій. Выше его имѣемъ рядъ документально извѣстныхъ помѣстій XV в.: Буша и Грушевецъ на Мурахвѣ, Берладка на Мурашкѣ, Бронница, Иваниковцы, Агдашевъ (Акташъ, бѣлый камень), иначе Серебрія, дальше Ильяшевцы, Лядова, Козловъ—все имѣнія мѣстныхъ, украинскихъ родовъ—Буцней, Козловскихъ, Нешевичей, Ильяшовскихъ[1]). Позднѣйшая традиція—въ срединѣ XVI в.—когда эти приднѣ-

---

[1]) См. объ этомъ мою книгу „Барское староство“ стр. 37 и сл. и помѣщенную тамже карту.

провскія пространства были „съ давнихъ поръ пустыми", сохранила память о замкѣ на Жванѣ—позднѣе „городище Жванъ" (теп. Жванъ не далеко отъ Днѣстра) и другомъ замкѣ въ Голчедаевѣ, на Лядавѣ (упомянутомъ въ перемирномъ трактатѣ 1431 г., теп. Верхній Голчедаевъ[1]).

На востокъ отъ Днѣстра и устья Мурахвы, граница поселеній и шляхетскихъ имѣній XV в. отступаетъ понемногу на сѣверъ. Оставляя въ сторонѣ очень сомнительную грамоту Семена Олельковича на имѣнія Шашкевичей отъ 1459 г.[2]), гдѣ выступаетъ порѣчье р. Косницы и Русавы до самой р. Рашковки, съ городищемъ Тимоловскимъ (Тимановскимъ) и Драгошевскимъ (теп. Комаргородъ), имѣемъ болѣе точныя указанія въ цѣнной записи о раздачѣ Казимиромъ имѣній въ Брацлавской землѣ на виленскомъ сеймѣ 1448 г.[3]). Тутъ находимъ такія пожалованія и подтвержденія: Рогоза получаетъ привилегію на свои вотчины Мервинцы, Гиковцы и Кобылье, и выслуги Воробьевичи и Шпиковъ—эти земли тянутся полосой надъ Мурахвою до самаго Буга; Мервинцы на нижней Мархвѣ, Кобылево—возможно Кобылецкое около средней, Воробьевцы и около нихъ Рогозна на Бугѣ, Шпиковъ между ними. Иванко Гинковичъ получаетъ пожалованье на Бортники недалеко отъ Брацлава (на юго-зап.) и Юрковцы за Бугомъ. Какой-то староста Станиславъ получаетъ Ермолинцы, и можетъ быть онъ же[4])—Остолоповъ, Дашевъ, Ометинцы, Ситковцы, Кропивну и Роговцы—имѣнія за Бугомъ, отъ устья Соба на сѣверъ. Въ этой же мѣстности Слупица владѣетъ Куной и Носовцами, Копоть Копьевцами (около Соба) и Кожинцами (около Роськи), Шелиборъ Кальникомъ и, кромѣ того, Шандыревымъ и Куничнымъ (на сѣв. отъ Брацлава), Менько Илинцами (на верхнемъ Собѣ), около него Ивашенко Осташковичъ Вязовецемъ. Грицко Ясмановичъ получаетъ грамоту на Кроковцы (Криковцы въ порѣчьи

---

[1]) Въ „апологіи" Претвича—Bibliotekа Warszaw. 1866, III, с. 52.

[2]) Грамоты велик. кн. Литовскихъ № 9. Изслѣдователями, включительно до Яблоновскаго, эта грамота принимается.

[3]) Документы арх. юстиціи с. 46 (о датѣ см. въ предисловіи с. IX). Въ литературу вошли до сихъ поръ только нѣкоторыя выдержки изъ этой записи, сдѣланныя Любавскимъ (Обл. дѣленіе с. 264—5).

[4]) Въ изданіи эти имѣнія отдѣлены отъ него, но „а Скабарни"—это должно быть имя не лица, а имѣнія (испорченное).

Буга, на сѣверъ отъ Брацлава), Жорница (въ порѣчьи Соба, около Илинецъ), Оратовъ (въ бассейнѣ Роськи) и Погребище (уже на самой Роси). Грицко Баласепревичъ (!) на Долинне въ земляхъ Розволожскихъ—теп. Володарки, въ бассейнѣ р. Молочной [1]) и Пальчиковцы—есть теперь только Пальчиковъ около Гнилого Тыкича. Если это онъ, то „лебединскіе доходы", принадлежавшіе Ивашку Львовичу, какъ вотчина, вмѣстѣ съ селами Релевъ и Росечеевъ [2]), можно отнести къ окрестностямъ извѣстнаго Лебедина [3]), въ бассейнѣ Выси (поэтому этихъ селъ и нельзя теперь отыскать — восточная окраина запустѣла потомъ больше всего) [4]).

Этотъ интересный рядъ можно еще дополнить реестромъ имѣній Дашковичей, подтвержденныхъ за ними въ 1505 г. По словамъ Федька Дашковича, получившаго это подтвержденіе, вышеупомянутыя имѣнія выслужилъ его дѣдъ во времена Витовта. Это голословное заявленіе имѣетъ мало цѣны, и комплексъ этихъ имѣній, несомнѣнно, сложился на протяженіи болѣе продолжительнаго времени, но можно съ значительною вѣроятностью принять, что онъ, по крайней мѣрѣ въ значительной своей части, относится ко времени до татарскихъ погромовъ. Кромѣ извѣстнаго намъ Шандырева, находимъ здѣсь имѣнія: Клищево, Тростянецъ, Тывровъ,—все въ сосѣдствѣ Шандырева, надъ Бугомъ и около него, дальше—Волчковцы и Несторовцы (ихъ мѣста не можемъ указать) [5]), также „селища" (слѣдъ ихъ, дѣйствительно, пропалъ совершенно): Орынича и Костино на р. Косницѣ, Збуново и Паробче на Россавѣ, Леневъ и Михайлово—не извѣстно точнѣе, гдѣ именно [6]).

Для Звенигородскихъ земель имѣемъ любопытное подтвержде-

---

[1]) Źródła dz. XXI c. 24.

[2]) „Ивашку Львовичу на отчину потверженье на селе Релев а на Росечеєв а на лебединские доходы".

[3]) Лебединомъ назывался и Шпиковъ (см. Źródła dz. XXI c. 624), но Шпиковъ фигурируетъ въ этихъ записяхъ отдѣльно, и тутъ не можетъ итти въ счетъ.

[4]) Тамъ быть можетъ, было и село „Пореевцы", которое получилъ какой-то Пушка вмѣстѣ съ тѣмъ Грицкомъ „Баласепревичемъ".

[5]) Несторовцы связываются съ Нестерваромъ-Тульчиномъ Любавскій, Яблоновскій)—но это лишь предположеніе.

[6]) Извлеченіе въ Starożytna Polska III c. 535, ср. Любавскаго Областное дѣленіе с. 265.

ніе в. кн. Александра Гринку Васькевичу на имѣнія — поселки Миглеево (Мліевъ), Орловецъ и Линчинцы (иначе Илинчинцы), въ бассейнахъ Ольшаны и Тясмина: земли эти были „отчиною и выслугою Федька Васькевича, земянина звенигородскаго“, погибшаго отъ Татаръ, и вмѣстѣ съ рукою его вдовы перешли къ Гринку Васьковичу [1]). Въ половинѣ XVI в. эти помѣстья принадлежали Зубрикамъ, и, кромѣ нихъ, они владѣли еще селищемъ Радіоновскимъ въ бассейнѣ Тясмина (позднѣйшій Жаботинъ): вѣроятно это такой же остатокъ имѣній изъ временъ до запустѣнія, какъ и звенигородскія селища ихъ [2]).

Въ бассейнѣ Роси, приналежавшемъ къ Кіевскому княжеству, имѣемъ нѣсколько пожалованій кн. Олельковичей [3]). Въ 1451 г. жалуетъ кн. Олелько боярамъ своимъ Ивашку и Петру Григоровичамъ селище Таганчу, которымъ раньше владѣлъ какой-то „панъ Игнатъ Шумаковъ“; въ другой разъ получили они отъ него Товаровъ на Роси (около теп. Межирича); ихъ родовымъ имѣніемъ былъ Григорьевъ на Днѣпрѣ, ниже Терехтемирова. Олелько Сахновичъ получаетъ отъ кн. Олелька, кромѣ имѣній въ Полѣсьѣ, городища Полствинъ и Кузяковъ на Россавѣ и земли по Карани (ок. Переяслава [4]). „Боярину нашему пану Андрею Морозову“ жалуетъ кн. Семенъ Олельковичъ „село Жердево“ надъ Днѣпромъ выше Канева [5]). Бояре Ерши владѣли во второй половинѣ XV в. Могилами и Бѣлымъ берегомъ (Днѣпровскимъ побережьемъ, очевидно — къ югу отъ Роси [6]). Какой-то князь Романъ владѣетъ большими имѣніями подъ Росью: Рутъ Старый и Новый, Тогановъ, Очковъ, Новоселье, Клайклище (!) и Костомыревъ — отъ него переходятъ они во второй пол. XV в. къ Ивашенцевичамъ [7]).

---

[1]) Грамоты в. кн. Литовскихъ № 13, ср. 23.

[2]) Архивъ VII. I с. 90: „Иванъ Зубрикъ маетъ... по жонѣ селища: Мехлеево, Личинцы, Горловъцы,... другое именье его селище Радивоновъское на реце Тясмене“.

[3]) См. мою статью Кілька київських документів XV—XVI в. (Записки т. XI и мат. II).

[4]) Къ исторіи Кіевъ—К. Старина 1892, II.

[5]) „Дердево“ по ревизіи 1552 г. (Архивъ VII. I с. 98, ср. Величка I. с. 399).

[6]) Ульяна Ершовна въ первой четверти XV в. называетъ ихъ „именями отчизними і материзними“—ibid.

[7]) Выдержка изъ актовъ въ Słown. geogr. подъ словомъ Макаровъ.

За Днѣпромъ знаемъ въ то время, кромѣ помянутыхъ владѣній Сахновичей (позднѣйшія имѣнія Лозокъ, земли Жеребятинскія по р. Карани и дальше въ глубь Заднѣпровья) имѣнія Глинскихъ въ бассейнахъ Ворсклы и Сулы. Кн. Половцевъ Рожиновскихъ—земли Рожновскія и Нѣжинскія, между Удаемъ и Остромъ, на основаніи пожалованія яко бы еще кн. Владимира Ольгердовича [1]).

Въ общемъ всѣ эти отчины и выслуги, пожалованія и подтвержденія тянутся широкою полосой отъ устья Мурахвы къ устью Сулы, составляя передовую линію тогдашней колонизаціи. Насколько она была дѣйствительно колонизована, разумѣется, сказать нельзя. Но судя по тому, что сейчасъ увидимъ—въ княжескихъ селахъ южнаго пограничья кіевскихъ земель, можно думать, что вполнѣ безлюдными не были и аванпосты землевладѣнія, и что эти „отчины" и „выслуги" выпрашивались и раздавались не только въ надеждѣ будущей колонизаціи, но и сейчасъ эксплоатировались, обзаводясь понемногу всякимъ хозяйствомъ—хотя, безъ сомнѣнія, надъ осѣдлымъ хозяйствомъ преобладало и тогда хозяйство отхожее, наѣзжее. Для какого-либо интенсивнаго хозяйства тутъ не могло быть мѣста: хлѣбопашество, напр., можно представлять себѣ только въ очень скромныхъ размѣрахъ. Съ другой стороны, тотъ фактъ, что имѣнія того или иного собственника или помѣщика не составляютъ одного цѣльнаго комплекса, а складываются изъ нѣсколькихъ кусковъ, иногда достаточно разбросанныхъ, позволяетъ догадываться, что земли даже въ этой передовой полосѣ были уже въ значительной степени разобраны, цѣнились, присваивались и выпрашивались у центральнаго правительства на перебой. Значитъ, военно-служилое землевладѣніе было въ достаточной мѣрѣ развито. Тѣ свѣдѣнія объ имѣніяхъ, которыя мы имѣемъ, упоминаютъ только нѣкоторыя изъ нихъ, и въ дѣйствительности категорія мѣстныхъ бояръ-землевладѣльцевъ была несомнѣнно гораздо болѣе многочисленной,—хотя по сравненію съ землями, лучше заселенными, здѣшнее землевладѣніе, разумѣется, оставалось еще очень жидкимъ.

Затѣмъ, кромѣ раздачи земель, въ интересахъ колонизаціи и военной обороны, боярамъ-земянамъ, въ тѣхъ же интересахъ продолжало развиваться устройство военно-служилыхъ и крестьянскихъ поселковъ на земляхъ, остававшихся въ непосредственномъ владѣніи

---

[1]) См. т. VI с. 283—6.

князя или велико-княжескаго намѣстника. Извѣстная намъ опись Кіевскихъ земель, составленная послѣ смерти Семена Олельковича, передъ татарскими погромами, даетъ чрезвычайно интересныя данныя относительно организаціи этой крестьянской военно-служилой колонизаціи, и въ связи съ ней—мѣстнаго хозяйства.

Въ сохранившемся отрывкѣ выступаетъ передъ нами рядъ селъ, начиная отъ Роси до Житомира и Чуднова. Значительная часть названій этихъ поселеній потомъ исчезла и ихъ мѣста нельзя обозначить, такъ что локализировать эту картину военно-крестьянской колонизаціи можно только въ общихъ чертахъ; юго-восточныя поселенія, вѣроятно, не вошли въ этотъ отрывокъ, вмѣстѣ съ описью черкасскаго и каневскаго замковъ (нашъ фрагментъ впрочемъ не придерживается въ точности географическаго порядка). Онъ начинается селомъ Терпсеевымъ „на Роси“ (позже неизвѣстнаго). Далѣе имѣемъ с. Антоновъ недалеко отъ Роси (надъ Березянкою), нѣсколько селъ на Раставицѣ: Щербовъ (теп. Ружинъ), Вчерашне, можетъ быть Радостовъ. Потомъ Почуйково на Каменкѣ, Сокольча на Унавѣ, Ходорковъ и Скочищевъ на Ирпени, Водотынинъ у верховьевъ Здвижа. Кромѣ того, нѣсколько селъ надъ Днѣпромъ, къ югу отъ Кіева, какъ Гуляльники около Ржищева [1]). Группы селъ около Житомира и Чуднова имѣютъ уже другой характеръ. Перечисленныя и другія, вмѣстѣ съ ними названныя поселенія, мѣста которыхъ нельзя точнѣе обозначить (такихъ имѣется семь), почти всѣ имѣютъ указанія на практику времени Витовта [2]). Это указываетъ на то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ поселеніями старыми, относящимися ко временамъ, не позднѣйшимъ, чѣмъ время Витовта, а можетъ быть и болѣе ранними, при Витовтѣ лишь реформированными. Военно-служилою организацію ихъ можно считать съ полною правдоподобностью, дѣломъ Витовта и его намѣстниковъ: слабость привилегированнаго военно-служилаго сословія вполнѣ естественно могла привести его къ организаціи военно-служилаго крестьянства изъ элементовъ болѣе зажиточныхъ, экономически сильнѣйшихъ. Они носятъ техническое названіе „слугъ“. Ихъ главная обязанность — военная служба: „а служба ихъ только на войну ходить“, „на войну хо-

[1]) Глеваха около Василькова не идетъ въ счетъ—это село не военно-служилое, а тяглое—„на помочь“ ходили оттуда въ бѣлгородскій дворъ.

[2]) Только у четырехъ ея нѣтъ, и изъ нихъ село Радостовъ ясно выступаетъ, какъ новозаселенное.

живали, а иного ничего не знали“—въ смыслѣ какихъ-либо работъ. Платили только „подымщину“, натурой, изъ различныхъ продуктовъ хозяйства, и то лишь разъ въ три года: „а подимщину даивали за великаго князя Витовта на третій годъ“. Иногда упоминается еще „болкуновщина“ (поволовщина), но только въ случаѣ самаго пріѣзда в. кн. Витовта, слѣдовательно въ видѣ т. наз. стаціи (стараго полюдья). Только лишь кн. Семенъ началъ вводить „новину“ въ ближайшихъ къ его двору селахъ: велѣлъ имъ на „толоку ходить, сѣно косить, ставъ сыпать“, и это нововведеніе возбуждало, очевидно, большое недовольство—„того дей имъ и-старины не бывало“.

Эти военно-служилые поселки не велики—чаще всего заключаютъ отъ 5 до 10 хозяйствъ, но встрѣчаются и состоящія всего изъ 2—3 хозяйствъ, а въ одномъ живетъ только самъ атаманъ—осадчій, ожидая новоселовъ; самыя большія села (два) имѣютъ по двадцать служилыхъ хозяйствъ вмѣстѣ съ атаманомъ. Наряду съ военнно-служилыми въ небольшемъ количествѣ встрѣчаются и крестьяне, обложенные „урокомъ“ медовой или куничьей данью, а также „свободные“, не выжившіе еще опредѣленнаго срока „воли“, не успѣвшіе еще обзавестись хозяйствомъ, а потому и не несущіе никакихъ повинностей. Въ общемъ всѣ 18 селъ, описанныя въ нашемъ отрывкѣ, посылали въ походъ около 150 конныхъ ратниковъ.

Извѣстія отрывка дополняетъ кое въ чемъ позднѣйшая опись кіевскаго замка (1552). Она упоминаетъ „села, съ которыхъ выхоживало люду панцерьного на службу господарьскую 146, а тепер тые села пусты вси“, и насчитываетъ семь такихъ селъ (Куликовъ, Попадичи, Рословичи, Янковичи, Юрьевичи, Невеселово, Иванковичи)[1]. Нѣкоторые изъ этихъ селъ исчезли безслѣдно, другіе извѣстны въ близкомъ сосѣдствѣ съ Кіевомъ, непосредственно къ югу отъ него; возможно, что всѣ они находились въ его окрестностяхъ. Память о нихъ идетъ, очевидно, тоже изъ временъ передъ запустѣніемъ Кіевскихъ земель, и такимъ образомъ это извѣстіе дополняетъ собою свѣдѣнія описи XV в.: въ сохранившемся отрывкѣ нѣтъ этихъ мѣстностей, и ни одного изъ названныхъ выше селъ не встрѣчаемъ въ немъ. Это показываетъ, насколько значительнѣе въ дѣйствительности была эта военно-слу-

[1]) Архивъ VII. I с. 121.

жилая колонизація, и насколько частичны свѣдѣнія о ней, имѣющіяся въ нашемъ отрывкѣ.

Опорными пунктами—узлами этой военно-служилой организаціи являлись замки, но, къ сожалѣнію, о нихъ мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія отъ того времени. На границѣ Подольскихъ земель видѣли мы два замка, вѣроятно небольшіе—Голчедаевъ и Жванъ. На среднемъ Днѣстрѣ — Караулъ. По среднему Бугу крайній замокъ въ направленіи къ степямъ—извѣстный намъ Брацлавъ. Далѣе на востокъ—Звенигородъ, уничтоженный во времена татарскихъ разгромовъ и потомъ возобновленный. По Днѣпру крайній замокъ въ Черкасахъ. При Витовтѣ должны были существовать замки на нижнемъ Днѣпрѣ и Бугѣ (имѣемъ извѣстіе о какомъ-то городѣ св. Іоана, построенномъ гдѣ-то на нижнемъ Днѣпрѣ); они соотвѣтствовали бы черноморскимъ замкамъ въ окрестностяхъ Днѣстра и были необходимы, какъ передовые посты, нужныя хотя бы для охраны таможенныхъ заставъ того времени. Но о нихъ не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній [1]). Знаемъ только вторую линію — Брацлавъ, Звенигородъ, Черкасы. Возможно, что переходила она и за Днѣпръ—здѣсь также могъ существовать замокъ въ бассейнѣ, если не Ворсклы, то Сулы, но указать его точнѣе мы не въ состояніи.

Нѣкоторыя указанія изъ XV вѣка и позднѣйшаго времени, напр. въ описяхъ украинскихъ замковъ средины XVI в., бросаютъ свѣтъ на состояніе колонизаціи, на жизнь, развивавшуюся подъ охраною этой военной организаціи. Житомирцы вспоминаютъ въ 1552 г. о доходахъ приносимыхъ замковыми мельницами въ то время, когда еще окрестныя села не опустѣли, шестьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ: „добрыхъ лѣтъ, гды пашня роживала, а мелючи тутъ воживано муку до Києва и до иншохъ замковъ, прихоживало тогды з млына выховане хлебомъ на сорокъ особъ, бо привоживано молоти и з Чуднова, и з Слободищ, и з инших сел што по Тетериви“ [2]). Интересно сравнить съ позднѣйшимъ плачевнымъ состояніемъ Житомира и его окрестностей, въ срединѣ XVI [3]), данныя описи XV в.; тогда въ немъ было двадцать корчемъ, а въ Чудновѣ 53, „а в месте людей полно“ [4]). Въ Брацлавѣ вспоминали о подводахъ,

---

[1]) О нѣкоторыхъ ходячихъ въ литературѣ извѣстіяхъ см. т. IV [2] с. 315—6. [2]) Архивъ VII. I с. 147.
[3]) См. ниже. [4]) Архивъ VII. II с. 4—5.

посылавшихся изъ Брацлава до Канева, Кіева и Черкасъ напрямикъ „по селам, которыи передъ тымъ бывали, а теперъ вжо од поганства спустели“ [1])—значить, существовали тогда не только пожалованья на эти села, но и дѣйствительныя поселенія. Изъ сосѣднихъ подольскихъ пограничныхъ земель имѣемъ позднѣйшее воспоминаніе въ запискѣ Претвича, что „въ то время, когда Ровъ, Олчедаевъ и Жванъ не были разорены, много людей жило около этихъ замковъ“, но потомъ, во времена разореній, воевода молдавскій перегналъ ихъ за Днѣпръ и поселилъ у себя; а когда былъ построенъ замокъ въ Барѣ и его окрестности начали заселяться, то и эти эмигранты (или ихъ потомки) начали возвращаться обратно [2]).

Эти пріобрѣтенія колонизаціи и военной организаціи, скромныя сами по себѣ, значительныя и внушительныя только по сравненію съ позднѣйшимъ запустѣніемъ—были сметены татарскими погромами послѣдней четверти XV в. Польско-литовское правительство, измѣнивши традиціямъ Витовта, запустило свою юго-восточную политику до того, что позволило своимъ противникамъ, московскимъ князьямъ, переманить старинныхъ союзниковъ Литвы—крымскихъ хановъ, и Крымъ изъ аванпоста литовской политики, стража и охранителя украинской колонизаціи, какимъ онъ былъ, по признанію польскихъ политиковъ XV в. [3]), становится на долгое время очагомъ разоренія и дезорганизаціи Украйны. Татарскіе набѣги одинъ за другимъ, то рѣже, то чаще, падаютъ на нее. То тотъ, то другой замокъ, до стольнаго кіевскаго включительно, попадаетъ въ татарскія руки, гибнетъ въ огнѣ, а болѣе мелкія шайки татаръ, которымъ большіе замки были не по силамъ, шныряютъ въ ихъ окрестностяхъ, уничтожая послѣдніе остатки поселеній и хозяйства [4]). „За тѣ годы владычества славной памяти Александра, вспоминаютъ литовскіе магнаты по его смерти, Менгли-гирей, царь перекопскій, самъ своею особою и черезъ своихъ дѣтей и слугъ непрестанно опустошалъ пограничныя земли обоихъ государствъ, и какія огромныя убытки, какое безчисленное множество въ плѣнъ взятыхъ, какую массу

---

[1]) Źródła VI с. 122.
[2]) Biblioteka Warszawska 1866 III с. 52.
[3]) См. т. IV [2] с. 318—9.
[4]) Обзоръ нападеній 1482—1506 гг. см. въ т. IV [2] с. 326—334, также Pułaski, Stosunki z Mendli-girejem, 1881.

пролитой крови христіанской мужчинъ и женщинъ, понесли они (государства) отъ этихъ язычниковъ—кто сможетъ разсказать“! [1]).

Польско-литовское правительство Казимира и Александра почувствовало себя совершенно безсильнымъ передъ этимъ степнымъураганомъ и въ своей прострацiи готово было возобновить прежнія зависимыя отношенія украинскихъ земель по отношенію къ Ордѣ, снятыя съ нихъ политикою Витовта сто лѣтъ тому назадъ. Даже не думая объ оборонѣ границъ колонизаціи, оно старается защитить и сохранить хотя бы внутреннюю сѣть замковъ. Съ чрезвычайнымъ напряженіемъ, съ мобилизаціею силъ почти всего государства кор. Казимиръ заново отстраиваетъ въ 1483—4 гг. кіевскій замокъ, уничтоженный въ 1482 году. „На кіевскую работу, разсказываетъ позднѣйшая оффиціальная записка, приходило тогда болѣе 20 тыс. топоровъ изъ волостей приднѣпровскихъ, задвинскихъ, торопецкихъ, изъ Вел. Лукъ и Ржева Великаго“. Даже у папы выпросилъ Казимиръ субсидію для укрѣпленія Кіева [2]). Одновременно, чтобы произвести впечатлѣніе на Татаръ, мобилизуетъ онъ военныя силы в. кн. Литовскаго подъ Кіевомъ. Такую же мобилизацію повторилъ въ 1490-хъ гг. в. кн. Александръ, выйдя съ цѣлымъ войскомъ на южную границу, и при этомъ отстроилъ брацлавскій замокъ уничтоженный Татарами [3]). Но даже не всѣ замки были вновь отстроены — напр. Звенигородъ такъ и остался невозобновленнымъ, и весь бассейнъ Роси и За-

---

[1]) Pułaski док. 84. [2]) См т. IV [3] с. 327.

[3]) За панованя славноі памяти Александра короля є. м. самъ его милость персоною своєю господарскою со всею землею литовскою рачилъ тутъ до Браславля приѣзджати и оный замокъ своимъ накладомъ и людьми литовскими, которыхъ зъ собою мѣлъ, велелъ при собѣ заробити“—Źródła dziejowe VI с. 117. Лѣтопись т. наз. Быховца (Полн. собр. лѣт. XVII с. 554—5) разсказываетъ это такъ, что Александръ отправился собственно на Молдавію, по уговору съ братомъ, но паны-рада воспротивились этому походу, и Александръ принужденъ былъ вмѣсто похода заняться постройкой брацлавскаго замка. Разсказъ этотъ, въ той формѣ, въ какой имѣемъ его въ лѣтописи, безъ сомнѣнія разцвѣченъ въ магнатскихъ кругахъ, и Каро имѣлъ полное право пренебречь этой исторіей о сопротивленіи бояръ в. князю во время похода (Geschichte Polens IV 135—7). Отмѣчу, что мѣстная брацлавская традиція относитъ возобновленіе замка къ нѣсколько болѣе раннему времени, нежели молдавская кампанія 1497 г.—къ самому началу княженія Александра (Архивъ Ю. З. Р. VII. II. с. 19—20, ср. Źródła dziejowe VI с. 117).

росье, внѣ днѣпровскаго побережья, остались безо всякой защиты и были тѣмъ самымъ осуждены на дальнѣйшее запустѣніе, точно также какъ и юго-восточное Заднѣпровье.

Цѣною крайней угодливости желаніямъ и интересамъ крымскаго бандита, задабриванія его подарками и обѣщаніями ежегодной дани[1]), а также игры на разбойничьихъ инстинктахъ его орды, польско-литовскому правительству въ концѣ концовъ удалось лишь подорвать единство и планомѣрность крымской политики, склонявшейся къ Москвѣ и враждебной Литовско-польскому государству. Литовскіе политики постарались обратить Крымцевъ также противъ Москвы. Перспектива войны съ Москвою, съ которой носилось, въ надеждѣ реванша, литовско-польское правительство по смерти Ивана III, дѣлало такой ходъ весьма привлекательнымъ, но литовское правительство напрасно надѣялось обезпечить при этомъ себѣ спокойствіе со стороны орды, обративъ разбойничью энергію Крыма на Москву.

Послѣ долгихъ торговъ относительно размѣра ежегодныхъ „упоминковъ", которые должны были уплачиваться крымскому хану[2]), сторговались на томъ, что Крымъ ежегодно будетъ получать 15 тыс. золотыхъ, которые будутъ ему платить пополамъ Польша и в. кн. Литовское, а за это ханъ обязуется дать заложниковъ, не опустошать земель литовскихъ и польскихъ и помогать литовско-польскому государству въ борьбѣ съ его врагами, а прежде всего, съ в. кн. московскимъ. Менгли-гирей обѣщалъ отобрать отъ в. князя московскаго и вернуть в. кн. Литовскому всѣ земли, забранныя при в. кн. Александрѣ[3]).

Соглашеніе было доведено до конца въ 1512—13 г.г., но подъ вліяніемъ этихъ переговоровъ Крымская орда уже съ 1507 г. начала опустошать московскія земли и все больше

[1]) Опись крымской дани см. въ публикаціи: „Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ" изд. Д.-Запольскій, с. 52—74.

[2]) При в. кн. Александрѣ Крымъ требовалъ 10 тыс. золотыхъ ежегодной дани; Сигизмундъ пытался выторговать и уменьшить ее до 5—6 тыс., ссылаясь на то, что ему дорого стоитъ содержанье въ неволѣ Менглигиреевого врага и страшилища Шахъ-Ахмета (о немъ см. т. IV[2] с. 333)—иначе говоря, просилъ скидки за эту любезность (Пуласкій док. 107). Но Менгли-гирей не уступалъ, и въ концѣ концовъ пришлось согласиться на ежегодную дань въ размѣрѣ 15 тыс. золотыхъ.

[3]) Исторія этихъ переговоровъ у Пуласкаго Stosunki с. 123 и сл. Ханское подтвержденіе трактата и присяга тамъ же № 145 и 146.

входила во вкусъ этого новаго спорта. Однако это нисколько не обезпечило украинскія земли Польши и в. кн. Литовскаго отъ такихъ же точно опустошеній. Правда, новое правительство Сигизмунда проявляло нѣсколько больше энергіи и вниманія въ дѣлѣ защиты южныхъ границъ отъ татарскихъ набѣговъ, но эти мѣры были направлены главнымъ образомъ на западную Украину—Галицію, Подолье и Волынь, какъ области лучше заселенныя, болѣе богатыя средствами и военно-служилымъ населеніемъ. Восточная же Украина, скудно заселенная и слабосильная сама по себѣ, очень плохо обслуживалась и правительствомъ. Впрочемъ въ концѣ концовъ все то, что предпринималось правительствомъ, было недостаточно какъ здѣсь, такъ и тамъ, и въ конечномъ результатѣ не только восточная, но и западная Украина, несмотря на всѣ правительственныя мѣропріятія, жила въ непрерывномъ хроническомъ страхѣ передъ татарскими опустошеніями, и эта вѣчная тревога въ корнѣ подрѣзывала всякій размахъ колонизаціонной энергіи, и не давала возможности возобновить уничтоженное татарскими набѣгами. Классическая фраза волынской шляхты въ 1540-хъ г.г. „тут на Волыни будь есть або не есть перемирє з Татары, тогды предся з коня мало зседаєм“ [1])—ярко характеризуетъ мѣстную жизнь за всю первую половину XVI в.

Уже во время переговоровъ о союзѣ съ Крымомъ, когда литовско-польскія войска были стянуты на московскую границу (во время возстанія Глинскаго), огромныя татарскія полчища напали на земли подольскія, волынскія, а можетъ быть и кіевскія, глубоко проникая въ Полѣсье, подъ самый Слуцкъ, гдѣ разбило ихъ литовское войско, возвращаясь изъ похода; другую орду разгромило въ подольскихъ земляхъ коронное войско съ подольскою шляхтою, и кромѣ того упоминаются еще двѣ битвы въ другихъ мѣстахъ [2]). Въ 1509 г. молдавскій воевода предпринялъ большой походъ въ Подольскую землю и Галицію, съ турецкимъ и татарскимъ войскомъ, какъ пишетъ современникъ [3]). Потомъ, съ началомъ 1510 г. стали ходить тревожные слухи, что Татары собираются на Кучманскій шляхъ, на подольскія земли. Король созывалъ шляхту коронныхъ земель для всеобщаго

[1]) Źródła dz. VI c. 29.

[2]) Децій с. 34, Рус.-литов. лѣтоп., Познанскій кодексъ с. 346, Стрыйковскій 344 и 351, Бѣльскій с. 940, 949—50.

[3]) Ваповскій с. 86.

похода, потребовалъ помощи у Литвы и Молдавіи[1]); возможно, что это предотвратило татарскій походъ, принявшій иное направленіе—противъ ногайской орды. Но разгромивъ Ногайцевъ, Татары снова обратились на украинскія земли. Опять смятеніе и мобилизація, особенно въ подольскихъ земляхъ[2]). Татары одну орду двинули на Молдавію, другую—за Кіевъ въ бѣлорусскія и литовскія земли, проникая далеко за Вильно, и подвергнувъ все по пути полному разоренію, „цѣло въ Орду вернулись“[3]). Литовскій гонецъ, пріѣхавшій въ концѣ года изъ Орды, привезъ извѣстіе, что Татары собирались походомъ еще и въ Галицію, но Менгли-гирей задержалъ этотъ походъ[4]). Въ Польшѣ ожидали новыхъ нападеній; былъ отпущенъ кредитъ на содержаніе постояннаго большого войска въ подольскихъ земляхъ (проэктировано четыре тысячи, въ дѣйствительности набрано три)[5]); пограничнымъ старостамъ и начальникамъ войскъ рекомендовалась всяческая осторожность[6]). Весной пришли вѣсти, что татарское войско приближается къ Украинѣ, потомъ—что его видѣли около Брацлава[7]). Въ концѣ концовъ Татары бросились на Кіевскія земли, но воевода Немировичъ разбилъ ихъ на Руткѣ (къ югу отъ Кіева)[8]). Къ веснѣ 1511 г. новая тревога: ханъ посылаетъ своихъ заложниковъ въ Кіевъ, но вмѣстѣ съ ними идетъ 6 тысячъ Татаръ. Собираются войска, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить этихъ вѣстниковъ мира[9]), но тревога на этотъ разъ была ложная: ханъ заложниковъ не посылалъ. Однако тревожные слухи не умолкали. Ждали Татаръ и охраняли границы Волынскихъ и Подольскихъ земель; литовскія силы были мобилизованы и собраны подъ Мозыремъ, подъ главнымъ начальствомъ кн. Острожскаго[10]). Цѣлое лѣто прошло въ тревогѣ, на военномъ

---

1) Корресподенція въ Acta Tomiciana I № 78—82.
2) Acta Tomiciana I № 98—9.
3) Децій с. 47, Познанскій кодексъ с. 346, письмо Сигизмунда у Пуласкаго № 116 и др.
4) У Пуласкаго док. 120.
5) Corpus iuris polonici № 54, ср. Ваповскаго с. 100.
6) Корреспонденція въ Acta Tomiciana I ч. 136 и сл.
7) Ibid. № 204, 212.
8) Стрыйковскій II с. 362; о гиперболизмѣ этого извѣстія см. Пуласкаго с. 158—9.
9) Acta Tomiciana I № 240.
10) Zbiór praw litewskich с. 115 (дата исправлена у Любавскаго Сеймъ с. 189).

положеніи. Татары дѣйствительно показались подъ Брацлавомъ, но были разбиты [1]). Потомъ пошли слухи, что Татары идутъ на Кіевъ, и туда послано литовское войско [2]). Въ концѣ концовъ орда повернула на Молдавію и это вызвало смятеніе на подольсковолынской границѣ; началась мобилизація шляхты, но дѣло кончилось какимъ то небольшимъ набѣгомъ Татаръ въ восточную Украину—тамъ разбилъ ихъ намѣстникъ овручскій Полозовичъ [3]).

То обстоятельство, что годъ обошелся безъ большой бѣды отъ Татаръ, правительство считало результатомъ усиленной обороны, и на новый годъ (1512) проэктировало новое ассигнованіе чрезвычайныхъ кредитовъ на охрану границъ, тѣмъ болѣе, что тревожные слухи постоянно приходили также и о Туркахъ [4]). Но получить новые кредиты король не успѣлъ и остался безъ средствъ; тѣмъ временемъ уже къ веснѣ начали приходить тревожные слухи о Татарахъ, и весною они, дѣйствительно, напали на Галицію съ большими силами (насчитывалось ихъ 20 тыс.). Пока подоспѣли силы, стянутыя изъ польскихъ земель и Литвы, ордѣ удалось сильно опустошить край. Въ концѣ концовъ ее разбили подъ Вишневцомъ и съ тріумфомъ праздновали эту побѣду, но послѣдняя, разумѣется, не вернула разрушеннаго, избитаго, уничтоженнаго огнемъ [5]). И вслѣдъ за ней вновь приходили вѣсти о новыхъ татарскихъ шайкахъ, показавшихся около границъ Украины, около Брацлава, и т. п. [6]). Для татарской политики характернымъ былъ фактъ, что въ то самое время, какъ Татары опустошали Галицію, въ Кіевъ ѣхали ханскіе заложники, высланные въ обезпеченіе договора, а нападеніе на польско-литовскія земли, было, дескать, совершенно безъ вѣдома Менгли-гирея [7]). Это одно давало понять, какъ мало можно было и въ будущемъ полагаться на прочность всѣхъ этихъ обѣщаній, обезпеченныхъ присягами, ежегодными „упоминками“ и, наконецъ, заложниками. И дѣйствительно въ Польшѣ и Литвѣ съ тревогою ждали новыхъ

---

[1]) Корреспонденція въ Acta Tomiciana I № 250—2, 260—3.
[2]) Ibid. № 211, ср. II № 6.
[3]) Acta Tomiciana I № 303, ср. Бонецкаго с. 252.
[4]) Acta Tomiciana II № 6.
[5]) Реляція Кшискаго въ Acta Tomic. II № 64 и другія письма тамъ же; Ваповскій с. 106—8; Познанскій кодексъ с. 346 (заимствовано у Ваповскаго); Децій с. 59 64.
[6]) Acta Tomic. II № 15, 79, 80, 81.
[7]) Pułaski док. № 133.

нападеній. Приходили вѣсти, что Татары въ огромномъ количествѣ (40 тыс.) показались въ степяхъ. На „кіевскихъ поляхъ“ былъ разбитъ небольшой отрядъ Татаръ подъ предводительствомъ внука Менгли-гирея, Алепа. Набѣги и битвы повторялись на подольскихъ границахъ [1]). Между тѣмъ невозможно было добиться у сейма постоянныхъ кредитовъ на организацію обороны: шляхта крѣпко держалась за свои кошельки, сеймъ 1512 г. не возобновилъ кредитовъ, и пограничное коронное войско съ 2—3 тысячъ падаетъ до трехсотъ [2]). Литовско-польское правительство, ссылаясь на заключенный трактатъ и недавно посланныя Менгли-гирею деньги, старалось всѣми силами обратить Татаръ на Москву, и это удалось дѣйствительно—ханъ предпринимаетъ нѣсколько походовъ на Сѣверскія земли (1513 и 1515); но эти татарскія операціи вблизи литовской границы всякій разъ вызывали опасенія, какъ бы при этомъ Татары не бросились и на украинскія земли Литвы, и литовское правительство просило, чтобы орда не располагалась вблизи литовскихъ границъ [3]). Во время второго похода Татары съ помощью литовскаго войска (подъ предводительствомъ воеводы Немировича и каневскаго старосты Ост. Дашковича) сильно опустошили Сѣверскія земли, но одновременно татарская орда напала на Подолье и прошла подъ Теребовль, гдѣ наткнулась на польское войско и вернулась обратно [4]). И позднѣе повторяется то же самое. Новый ханъ Магометъ, сынъ и наслѣдникъ Менгли, умершаго весной 1515 г., увѣрялъ въ своей пріязни Польшу, ставилъ ее въ примѣръ московскому в. князю—какъ ему „и лѣтомъ и зимою золото плыветъ отъ короля, какъ рѣка непрестанно течетъ и для малыхъ, и для большихъ одинаково“. А одновременно его братъ Ахметъ изъ Очакова производитъ нападенія на польско-литовскія земли [5]).

1516 годъ принесъ еще болѣе серьезный погромъ, душой котораго былъ, очевидно, самъ ханъ. „Этотъ хитрый язычникъ и отъ московскаго упоминки бралъ и обоимъ помогать обѣщалъ“, замѣчаетъ польскій лѣтописецъ. Получивъ значительныя

---

1) Acta Tomic. II ч. 88.

2) См. т. V с. 329.

3) Acta Tomiciana II № 226, 276, Пуласкій (выдержка изъ письма) с. 192.

4) Децій с. 101, Ваповскій с. 136—7, Бѣльскій с. 986.

5) О татарскихъ отношеніяхъ этого времени еще Pułaski, Machmet Girej, chan Tatarów perekopskich (Szkice hist. II).

суммы изъ Москвы, онъ лѣтомъ выслалъ огромную орду на Галицію (считали ее въ 30—40 тыс. человѣкъ). Край былъ беззащитенъ, шляхту мобилизировать не успѣли во время и пока шли сборы и пересылки, Галиція и Подолье были предоставлены Татарамъ „на зарѣзъ“: весь край отъ Карпатъ до Люблина былъ страшно опустошенъ, въ неволю попали массы народу, а старыхъ и малыхъ, которыхъ нельзя было вести съ собою, Татары убивали на мѣстѣ. Шляхтянокъ знатныхъ родовъ, собиравшихся бѣжать, Татары повезли въ ихъ собственныхъ фургонахъ въ Крымъ, какъ не безъ горькой ироніи замѣчаетъ Полякъ-современникъ. Польское войско и мѣстное дворянство, собранные на скорую руку, могли разбить только нѣкоторые мелкіе отряды—главная масса Татаръ ушла безнаказанно, забравши огромное количество плѣнныхъ (считали ихъ въ 50 и даже въ 100 тысячъ), и гетманъ коронный съ имѣвшимися въ его распоряженіи двумя тысячами войска не считалъ возможнымъ вступать съ ними въ бой. Ходили слухи о новомъ походѣ вслѣдъ за этимъ, но на этотъ разъ они не подтвердились [1]). Но сильный голодъ, случившійся въ Крыму осенью того же года, заставилъ Татаръ предпринять новые набѣги. Массы ихъ стали собираться въ Черномъ лѣсу надъ Днѣпромъ. Король напрасно убѣждалъ хана обратить ихъ въ московскіе предѣлы. Тогда, подъ вліяніемъ недавнихъ несчастій рѣшено увеличить пограничное войско—до 1000 человѣкъ! Волынская шляхта была поголовно мобилизована на случай нападенія. Дѣйствительно, въ концѣ года Татары напали на подольскія земли и, раздѣлившись на четыре отряда, бросились въ окрестности Каменца, Летичева, Зинькова и Межибожа. Но такъ какъ на этотъ разъ ихъ ожидали, да и орда была, очевидно, не такъ велика, ее легко разгромили [2]). Главная орда въ это время, во главѣ съ ханомъ, въ поискахъ корма для скота подошла къ поднѣпровскимъ поселеніямъ, и самъ ханъ предостерегалъ кіевскаго воеводу отъ своей непослушной голытьбы [3]). Вообще въ ордѣ замѣтна стала больше, чѣмъ когда-либо, дезорганизація—сыновья и братья хана распоряжались своевольно, и это въ придачу къ измѣннической политикѣ самого хана запутывало отношенія еще болѣе безнадежно. Часть орды кочевала по Днѣпру и держала

---

[1]) Децій с. 119, Ваповскій с. 141—2, Бѣльскій с. 989—90.
[2]) Децій с. 131—2, Ваповскій с. 144—7.
[3]) Acta Tomiciana IV № 221. Ср. № 265.

въ непрестанной тревогѣ украинскія земли. Другая внезапнымъ нападеніемъ разбила пограничное польское войско (1517). Потомъ (въ ноябрѣ) Татары напали на волынскія и подольскія земли, но послѣ первой тревоги ихъ на этотъ разъ ждали—и нападеніе было отражено [1]).

Эти постоянныя нападенія принудили, наконецъ, шляхту въ началѣ 1518 г. раскошелиться на содержаніе болѣе значительнаго войска на юго-западной границѣ противъ Татаръ, въ числѣ трехъ тысячъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выработанъ былъ уставъ объ очередной службѣ для обороны южной границы: Польша раздѣлялась на три части, и поочередно шляхта каждой части обязывалась лично или черезъ своихъ замѣстителей итти по первому требованію на охрану границъ [2]). Возможно, что это напряженіе военныхъ силъ дѣйствительно обезопасило на этотъ годъ, по крайней мѣрѣ западную Украину: Татары отправились въ Молдавію, и тамъ подольское войско помогало Молдаванамъ бить Орду. Потомъ Татары напали на кіевскіе и волынскіе края, но и тамъ ихъ разбили: одинъ отрядъ кн. Острожскій, другой Ост. Дашковичъ [3]). Но вскорѣ недостаточность принятыхъ мѣръ въ случаѣ болѣе серьезныхъ татарскихъ нападеній обнаружилась съ полной очевидностью. Въ іюлѣ 1519 г. громадная татарская орда (40 тысячъ, какъ говорили) напала на земли побужскія—на Волынь, въ земли—Львовскую, Белзскую, Люблинскую и принялась опустошать ихъ. Пограничное подольское войско въ числѣ 3 тысячъ поспѣшило на помощь и, соединившись съ войскомъ гетмана литовскаго Острожскаго и шляхетскими силами, остановилось подъ Сокалемъ, чтобы разгромить Татаръ по крайней мѣрѣ при ихъ возвращеніи. Позиція для борьбы съ цѣлой ордой однако была очень неблагопріятна, и Острожскій противился этому плану; но польская шляхта не приняла во вниманіе его совѣтовъ. Произошла битва, и польско-литовское войско потерпѣло полное пораженіе. Только небольшая часть его успѣла укрыться въ сокальскій замокъ, а Татары, забравъ трофеи—знамена и трубы, съ плѣнниками и добычею отправились во свояси черезъ Волынь [4]).

Эта катастрофа произвела сильное впечатлѣніе въ Польшѣ.

---

[1]) Acta Tomiciana IV № 258, 261, 267, 270, Ваповскій с. 153.
[2]) Corpus iuris polonici № 192—194, ср. Ваповскій с. 153.
[3]) Ваповскій с. 157.
[4]) Реляція Томицкаго—Acta Tomic. V № 76, также королевскія письма № 71—2, 73, Ваповскій № 159—162.

Король съ сенаторами рѣшили употребить всѣ способы обороны, но въ концѣ концовъ не могли придумать ничего больше, какъ только объявить мобилизацію шляхты безъ предупредительныхъ извѣщеній и собрать новый трехтысячный контингентъ наемнаго войска для охраны южной границы. Однако и это ничтожное войско приходилось нанимать, какъ жаловался король, неизвѣстно на какія средства; шляхта, давъ согласіе на налогъ, не платила ничего, и уже предыдущій контингентъ былъ нанятъ на занятыя деньги, а теперь снова нужно было искать займа, не зная даже, какъ его потомъ покрыть [1]). А ханъ, нанеся такой страшный ударъ, вновь начиналъ переговоры съ польско-литовскимъ правительствомъ, напоминалъ о неуплаченныхъ „упоминкахъ“ и искалъ разныхъ поводовъ для пререканій [2]). И одновременно изъ Крыма шли вѣсти и слухи о планахъ новыхъ походовъ: что Татары пойдутъ вмѣстѣ съ Москвою завоевывать Кіевъ, или что они собираются снова итти на западную Украину, и т. д. [3]).

Эти слухи тревожили тѣмъ больше, что силы Польши были отвлечены прусскою войной. На съѣздѣ воеводъ и старостъ, собранномъ въ октябрѣ 1520 г. во Львовѣ, принятъ былъ такой планъ обороны, утвержденный потомъ королемъ: Въ подольскихъ земляхъ будетъ стоять войско, въ количествѣ 600 солдатъ (только!), подъ предводительствомъ главнаго своего коменданта кастеляна каменецкаго Яна Творовскаго, а каменецкій и хмѣльницкій старосты должны были по первому требованію итти имъ на помощь съ шляхтою и всякими другими силами,—какія только могли собрать. Як. Струсю, вмѣсто прежняго Стан. Лянцкоронскаго, поручено должность стражника—организація охраны и развѣдокъ; въ случаѣ опасности, на немъ лежала обязанность извѣщать воеводу русского, львовскаго старосту и люблинскаго воеводу, а тѣ, въ свою очередь должны были извѣстить всѣхъ старостъ, чтобы населеніе было на-сторожѣ и скрывалось въ безопасныя мѣста, сами же старосты со всѣми силами, какія могли собрать, должны были спѣшить на помощь войску. Главный лагерь и артиллерія должны расположиться на галицко-волынской границѣ между Олеськомъ и Залозцами, при нихъ долженъ былъ находиться и гетьманъ. На помощь долженъ быть призванъ также и кн. Острожскій и воево-

---

[1]) Acta Tomiciana V № 78 и 81.
[2]) Извлеченіе изъ письма у Пуласкаго Machmet-Girej с. 320.
[3]) Acta Tomiciana V № 109 (с. 113), 110.

да молдавскій [1]). Планъ былъ разсчитанъ такъ, чтобы въ продолженіи 3—4 дней могла быть произведена полная мобилизація всѣхъ силъ. Собственно говоря, онъ старался только урегулировать и закрѣпить практику обороны, выработавшуюся въ послѣдніе годы. При недостаточности военныхъ силъ вся надежда была на скорую и энергичную помощь со стороны дворянства. Принудить его къ этому было невозможно (обязанность военной службы существовала лишь въ в. кн. Литовскомъ), поэтому король въ спеціальномъ письмѣ поручалъ старостамъ земель Подольской, Русской, Белзской и Люблинской „красивыми и убѣдительными словами“ [2]) склонить мѣстное дворянство къ тому, чтобы оно въ случаѣ татарскихъ нападеній вооружалось и спѣшило на помощь гетману.

Обстоятельства не дали возможности испытать надлежащимъ образомъ достоинства этой „ординаціи“. Правда, тревожныя вѣсти приходили изъ Крыма безпрестанно, и король объявилъ всеобщую мобилизацію [3]), но татарскій набѣгъ произошелъ позднѣе. Это былъ довольно небольшой отрядъ (2 тыс.), успѣвшій однако произвести большія опустошенія, и только на обратномъ пути онъ подвергся нападенію войскъ и былъ разбитъ [4]). Все это послужило довольно яркимъ свидѣтельствомъ убожества организаціи обороны вообще и сторожевой службы въ особенности, тѣмъ болѣе что и самъ новый стражникъ Струсь поплатился при этомъ головой.

Однако поворотъ въ крымской политикѣ предохранилъ украинскія земли на нѣкоторое время отъ болѣе значительныхъ погромовъ: ханъ Махметъ разорвалъ съ традиціонной политикой Гиреевъ. Онъ задумалъ взять подъ свою власть восточныя орды, прежде всего—Казань, и благодаря этому попалъ въ острый конфликтъ съ Московскимъ правительствомъ, державшимъ Казань подъ своимъ вліяніемъ, поэтому долженъ былъ больше цѣнить союзъ съ Польско-литовскимъ государствомъ. Онъ даже просилъ послать въ большой походъ на Москву, задуманный на лѣто 1521 г., вспомогательный полкъ съ воеводой Немировичемъ или Дашковичемъ, и Дашковичъ дѣйствительно участвовалъ въ этомъ походѣ, принесшемъ Московскому государству громадныя потери.

---

[1]) Corpus iuris polonici № 232.
[2]) Pulchris et compositis verbis —Acta Tomic. V № 283.
[3]) Acta Tomic. I № 284. [4]) Ваповскій стр. 172.

Но и на Украинѣ литовско-польской отъ Татаръ спокойнѣе не стало. Чуть ли не во время самаго московскаго похода пятитысячная татарская орда напала на кіевское Полѣсье, опустошила Мозырь, оттуда двинулась дальше на западъ, въ окрестности Пинска и Слуцка, все опустошая на своемъ пути, и, прежде, чѣмъ успѣли стянуть какія-либо силы противъ нихъ, Татары спокойно убрались во свояси[1]). И затѣмъ въ началѣ 1522 г. литовскіе послы (между ними извѣстный Дашковичъ) безпрестанно писали о намѣреніи Татаръ итти большимъ походомъ на литовско-польскую Украину[2]), такъ какъ ихъ къ тому склоняютъ подарками и Турки, и Москва. Подъ вліяніемъ этихъ тревожныхъ извѣстій, сеймъ утвердилъ кредиты и постановилъ держать въ подольскихъ земляхъ четырехтысячный отрядъ, а въ случаѣ нужды призвать шляхту ко всеобщему походу[3]). Король къ лѣту дѣйствительно призвалъ шляхту ко всеобщему походу, назначивъ сборнымъ пунктомъ Медыку, но шляхта не собралась и, вмѣсто похода, вышелъ одинъ скандалъ[4]); въ довершеніе бѣдъ кредиты, утвержденные сеймомъ, почти не поступали въ казну, и въ дѣйствительности подольскій отрядъ въ 1523 г. едва достигалъ тысячи[5]).

Къ счастью Крымцы не явились (въ Польшѣ думали, что ихъ устрашила мобилизація шляхты, хотя и неудачная)[6]). Но зато этотъ годъ принесъ нападеніе на Подольскія земли Турокъ и бѣлгородскихъ Татаръ. Ихъ отрядъ произвелъ большія опустошенія въ подольскихъ земляхъ, проникъ въ Галицію, и начальникъ мѣстныхъ военныхъ силъ, довольно извѣстный пограничникъ. Сецегиневскій со своимъ полкомъ не отважился на нихъ напасть: позволилъ Татарамъ спокойно похозяйничать и затѣмъ уйти, оставшись пассивнымъ зрителемъ произведенныхъ опустошеній, какъ жаловалась шляхта[7]). Затѣмъ лѣтомъ 1524 г. Турки повторили свой походъ съ большими силами (современникъ

---

[1]) Ваповскій с. 182. Извлеченія изъ неизданныхъ литовскихъ актовъ у Любавскаго, Сеймъ с. 221.

[2]) Acta Tomic. VI № 20, 72, ср. № 107, 177 (с. 197).

[3]) Ваповскій с. 186—7, Бѣльскій с. 1022, Corpus iuris pol. № 264.

[4]) Acta Tomic. VI № 107 и 177. [5]) См. т. V с. 329.

[6]) Acta Tomic. VI № 109.

[7]) Ваповскій с. 191, ср. Acta Tomic. VI № 226, 257, 267 и VII № 21, 29, 44.

насчитываетъ на 13 тыс.). На этотъ разъ вѣсти пришли заблаговременно, и тревога поднялась большая, тѣмъ болѣе, что охрана границъ была очень слаба, такъ какъ прошлогодній сеймъ не утвердилъ кредитовъ, и не было никакихъ средствъ для найма болѣе значительнаго войска. Король призвалъ шляхту, назначивъ сборный пунктъ между Буськомъ и Глинянами, а для большаго впечатлѣнія объявилъ, что самъ явится туда[1]). Великопольское дворянство уклонилось отъ похода, ассигновавъ взамѣнъ кредитъ[2]); войска нанять было и некогда, да и денегъ сейчасъ всетаки не было. Собранное на скорую руку войско и шляхетскіе полки, созванные старостами, могли вести только партизанскую войну, напасть же на главныя силы гетманъ не рѣшился, вызвавъ этимъ опять недовольство со стороны шляхты[3]). Не успѣли еще успокоиться послѣ этого турецкаго набѣга, какъ подоспѣли новыя тревожныя извѣстія: предсказывали новое нападеніе Турокъ; Дашковичъ доносилъ, что Татары, раздраженные нападеніемъ козаковъ на кафинскихъ купцовъ, грозятъ походомъ; изъ Литвы писали, что в. кн. московскій хочетъ начать блокаду Кіева и построить подъ нимъ свои укрѣпленія[4]). Въ самомъ дѣлѣ, громадная татарская орда (считали ее въ 40 тыс.), подъ предводительствомъ двоюроднаго брата новаго хана, двинулась на на Украину. Напала на Волынь, оттуда на Галицію, расположилась таборомъ подъ Мостисками, а отдѣльные отряды раскинулись по западной Украинѣ. Король разослалъ наказы коронному дворянству собраться подъ Сандомиръ, призвалъ городскую милицію, мобилизировалъ Литву, во главѣ шляхты самъ пошелъ ко Львову; но Татары своевременно ушли со всей добычей, а Конст. Острожскій хотя и догналъ ихъ, но со своими небольшими силами не отважился напасть на нихъ[5]).

Эти опустошенія довели населеніе до отчаянія. Земля Подольская, Галицкая, Львовская и даже Перемышльская были страшно разорены. „Вся Русь опустошена огнемъ и мечомъ",

---

[1]) Acta Tomic. VII № 21 и 23, ср. 28, 30.

[2]) Acta Tomic. VII № 31 и 36, ср. 24.

[3]) Ваповскій с. 194. У Бѣльскаго этотъ походъ соединенъ съ предыдущимъ (с. 1027).

[4]) Acta Tomic. VIII № 51.

[5]) Acta Tomic. VII № 44, 49, 50, 51, 60—1, 74. Док. архива юстиціи I с. 518—20. Ваповскій с. 195—6. Познанскій кодексъ с. 349.

читаемъ въ письмѣ очевидца,—такъ какъ и Перемышльская земля, до сихъ поръ еще не захваченая, этимъ вторымъ татарскимъ набѣгомъ обращена въ пепелъ; безконечныя массы людей и скота уведены; уцѣлѣлъ мало кто,—кому удалось укрыться въ лучше укрѣпленныхъ мѣстахъ или крѣпостяхъ. Подольская земля послѣ ухода Турокъ прислала къ его кор. величеству пословъ, оплакивая свои несчастія, и даже заявила, что она уже почти готова подчиниться первому сильнѣйшему врагу, такъ какъ дошла до послѣдней крайности[1]).

Новый татарскій погромъ имѣлъ мѣсто въ 1526 г., и, по словамъ современника, былъ устроенъ султаномъ, какъ диверсія въ интерссахъ турецкой кампаніи въ Венгріи. Онъ вызвалъ сильнѣйшую тревогу[2]). Хотя на сеймѣ 1525 г. былъ разрѣшенъ налогъ на содержаніе войска въ теченіе двухъ лѣтъ, но эти мѣры обороны, какъ пояснилъ король, могли быть достаточны только противъ мелкихъ нападеній: „испытывая это несчастіе почти ежегодно, мы не постарались со своей стороны противоставить ему ничего, сколько-нибудь соотвѣтствующаго и вѣрнаго для его предотвращенія“. Было созвано шляхетское ополченіе, между тѣмъ Татары опустошали Волынь, Белзскую и Люблинскую землю и успѣли убраться прежде, чѣмъ правительство успѣло стянуть какія-либо болѣе значительныя силы[3]). Затѣмъ они повторили свой походъ зимой съ 1526 на 1527 годъ. На этотъ разъ Татары прошли въ Полѣсье до Пинска по замерзшимъ рѣкамъ и болотамъ, проникая въ самые неприступныя и защищенныя мѣста. Они самымъ ужаснымъ образомъ опустошили эти края, забрали массу добычи и, возвращаясь, приближались уже къ Днѣпру, какъ недалеко отъ Кіева, подъ Ольшаницею, догналъ ихъ Конст. Острожскій съ волынскими силами н, напавъ врасплохъ, сильно разгромилъ и отбилъ у нихъ плѣнныхъ (ихъ считаютъ на 40 тыс.!)[4]). Этотъ успѣхъ вызвалъ чрезвычайную радость и торжество въ Польшѣ и Литвѣ, былъ то послѣдній громкій тріумфъ волынскаго героя, „summi cum Tartaris belli gerendi imperatoris“, какъ

---

[1]) Acta Tomic. VIII № 44.

[2]) Ср. Acta Tomic. IX № 50.

[3]) Ваповскій с. 213, Acta Tomic. VIII № 70—3, 313—3 и IX № 202.

[4]) Acta Tomiciana IX. № 49—51, 56, 147. Ваповскій с. 218. Бѣльскій с. 1040 (здѣсь снова два татарскихъ нападенія соединены въ одно). Познан. кодексъ с. 350.

называли его въ Польшѣ,—но въ концѣ концовъ утѣшеніе за понесенныя разоренія давалъ онъ слишкомъ слабое.

Лѣтомъ снова поднялась сильная тревога, такъ какъ татарская орда двинулась подъ Бѣлгородъ и ее вновь ожидали на Украинѣ. Король созвалъ шляхетское ополченіе. Но Татары, кажется, не пришли—по крайней мѣрѣ не осталось слѣдовъ какого-либо болѣе или менѣе значительнаго нападенія ихъ [1]). Затѣмъ 1528 годъ отмѣченъ небольшимъ нападеніемъ Татаръ на Подольскія земли—ихъ отрядъ, около тысячи коней, былъ разбитъ польскими солдатами подъ Каменцемъ [2]), а въ концѣ этого года имѣлъ мѣсто походъ старостъ изъ коронной и литовской Украины подъ Очаковъ,—но объ этихъ козацкихъ походахъ я вообще буду говорить ниже. Въ Крыму тогда происходили междоусобія между потомками Менгли-гирея (они продолжались съ перерывами до 1551 года, когда былъ уничтоженъ весь родъ Саибъ-гирея, и ханство взялъ въ свои желѣзныя руки Девлетъ-гирей). Одинъ изъ претендентовъ, Исламъ-султанъ, искалъ помощи и убѣжища на Украинѣ и обязывался даже оберегать украинскія границы [3]). Эти крымскія междоусобія были, вѣроятно, причиною нѣкотораго ослабленія татарскаго натиска въ этихъ годахъ, хоть и не обезпечили, разумѣется, полнаго спокойствія [4]). Сеймъ 1529 г., подъ впечатлѣніемъ страшныхъ опустошеній 1526 г. и новыхъ тревожныхъ извѣстій, утвердилъ новый налогъ на содержаніе войска. Но о нападеніяхъ въ этомъ году ничего не знаемъ. Зато украинскіе пограничники съ кореннымъ войскомъ предприняли новый походъ на Очаковъ, окончившійся весьма плачевною катастрофою—польское войско погибло въ этой экспедиціи. Ждали по этому случаю новаго нападенія Орды, но все обошлось благополучно [5]). Лишь въ 1530 г. осенью, какъ говорили,—вслѣдствіе вѣстей о смерти стараго сторожа литовскихъ границъ, кн. Острожскаго, Татары напали на Литовскую Украину; но на Волыни разбилъ ихъ сынъ Константина, кн. Илья, а кіевскій воевода Немировичъ съ нѣсколькими другими князьями гнался за Татарами до самаго Днѣпра и сильно ихъ потрепалъ. Но это былъ небольшой татарскій отрядъ [6]). Грознѣе былъ молдавскій походъ

[1]) Acta Tomiciana IX № 202, 214, 215, 218, 222—3.
[2]) Ваповскій с. 223. [3]) Acta Tomiciana XII. № 136.
[4]) Acta Tomic. XI № 1.
[5]) Acta Tomiciana XI № 303 и 314.
[6]) Acta Tomiciana XII № 312 и 331.

въ концѣ этого года: онъ захватилъ Покутье, грозилъ Каменцу и Львову и вызвалъ сочувственное движеніе среди мѣстнаго украинскаго населенія [1]).

На этомъ я прерву обзоръ нападеній и опустошеній, переживавшихся Украиной. Въ собранныхъ выше извѣстіяхъ главнымъ образомъ фигурировала западная Украина—земли Подольскія, Галицкія и Волынскія. Это въ значительной мѣрѣ зависитъ оттого, что извѣстія наши приходилось почерпать главнымъ образомъ изъ польскихъ источниковъ. Но и этотъ перечень нападеній и опустошеній даже для западной Украины, безъ сомнѣнія, не полонъ: въ дѣйствительности она испытала ихъ еще больше. И такими же „почти ежегодными врагами“ [2]), какими были Татары для Подольскихъ земель, они были и для приднѣпровской Украины. Если въ западную Украину ихъ привлекала надежда на болѣе богатую добычу, такъ какъ это былъ сравнительно густозаселенный и болѣе зажиточный край, то восточная Украина привлекала меньшимъ рискомъ, большей безнаказанностью нападеній, и сюда должны были особенно часто направляться мелкіе татарскіе отряды.

Въ западной Украинѣ болѣе густое населеніе и среди послѣдняго—многочисленное, хорошо вооруженное дворянство—представляло солидную оборонительную силу, да и правительство прилагало здѣсь больше стараній для защиты края. Правда, въ концѣ концовъ эти оборонительныя старанія очень недостаточно защищали и эти западныя области. Въ результатѣ всѣхъ этихъ энергическихъ мѣръ (дѣйствительно, сравнительно энергическихъ) примѣнявшихся на протяженіи четверти столѣтія и королемъ, и его сенаторами, и сеймомъ (столько разъ, не смотря на свое крайнее нерасположеніе, принимавшимъ чрезвычайные налоги „на защиту Украины“) и шляхетскимъ населеніемъ какъ мѣстнымъ, такъ и сосѣднимъ коронным, и администраціей—все таки „вся Подольская земля и большая часть Руси (Галицкой) оставалась совершенно опустошенной“, такъ что и Татарамъ въ концѣ концовъ было трудно на ней чѣмъ-либо поживиться, по словамъ современниковъ. Правда всѣ мѣры обороны сводились въ концѣ концовъ къ безконечному обращенію въ безвыходномъ кругу. Содержаніе наемнаго войска являлось палліативомъ, такъ какъ на дѣй-

---

1) См. т. VI моей Історіи України с. 243.
2) Такъ называетъ ихъ Ваповскій подъ 1530-мъ годомъ (с. 250).

ствительно значительное войско не хватало средствъ, а полкъ въ какихъ-нибудь 1000—1800 солдатъ не могъ защитить отъ сколько-нибудь серьознаго нападенія; приходилось усиливать его шляхетскимъ ополченіемъ, но это послѣднее обыкновенно обнаруживало лишь свою полную непригодность къ борьбѣ съ такимъ подвижнымъ врагомъ, какъ Орда, а вслѣдствіе частыхъ призывовъ шляхта по-просту переставала имъ повиноваться, собираясь въ походъ крайне медленно и не въ полномъ составѣ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе горькіе упреки вызывала со всѣхъ сторонъ эта организація обороны. Шляхта упрекала правительство, что оно не въ состояніи организовать сколько-нибудь сносной обороны, несмотря на огромные поборы съ населенія. Король и его сенаторы упрекали шляхту въ томъ, что она лѣниво выступаетъ въ походы и неохотно назначаетъ кредиты, а, назначивъ, не уплачиваетъ налоговъ. Упрекали администрацію, начальниковъ пограничнаго войска, которые не могутъ уберечь населеніе отъ Татаръ. Начальникамъ приходилось вопіять на неаккуратность государственной казны въ выдачѣ утвержденныхъ суммъ и сплошь да рядомъ изъ-за недостатка денегъ распускать своихъ солдатъ, оставляя границы почти безъ всякой защиты.

Въ восточной Украинѣ дѣло обстояло гораздо проще. Правительство ограничивалось тѣмъ, что содержало на свои средства, по мѣрѣ надобности ремонтировало и вновь отстраивало нѣсколько замковъ, служившихъ передовыми сторожевыми пунктами въ этой „украинѣ“, и содержало небольшой отрядъ войска въ Приднѣпровьи—въ Кіевѣ, отчасти въ Каневѣ и Черкасахъ, для защиты этихъ замковъ отъ болѣе серьезныхъ нападеній Татаръ. Въ остальномъ оно оставляло эти земли на волю божію и на промышленіе самого мѣстнаго населенія, въ полномъ сознаніи своего безсилія и безпомощности сдѣлать для его безопасности что нибудь больше.

Государственные, великокняжескіе замки становились такимъ образомъ единственной гарантіей безопасности, предоставляемой мѣстнымъ краямъ государствомъ, единственной опорой колонизаціи, единственнымъ прибѣжищемъ мѣстнаго населенія. Въ виду такого значенія ихъ для колонизаціи и вообще для всей жизни этихъ огромныхъ пространствъ, упомянутые замки заслуживаютъ особеннаго вниманія. Къ нимъ стоитъ присмотрѣться, чтобы оцѣнить, что они могли давать и давали мѣстной жизни и мѣстному населенію. А такъ какъ съ середины XVI в. мы имѣемъ подробныя

описанія этихъ окраинныхъ замковъ, дающія ясное представленіе объ ихъ внѣшнемъ видѣ, устройствѣ, стратегическомъ и колонизаціонномъ значеніи, то слѣдуетъ нѣсколько ближе ознакомиться съ ними, тѣмъ болѣе, что это прольетъ свѣтъ на колонизаціонныя и всякія иныя условія мѣстной жизни вообще[1]). Поэтому нелишнимъ будетъ нѣсколько войти въ подробности военной и фортификаціонной замковой организаціи.

Отъ фортификаціонныхъ пріемовъ, способовъ постройки и обороны этихъ украинскихъ замковъ XVI в. вѣетъ старой традиціей, и такими, какими мы видимъ ихъ въ срединѣ XVI в., они безъ сомнѣнія были не только въ началѣ этого столѣтія, но и гораздо раньше. Это былой старорусскій городъ, лишь очень медленно приноравливающійся къ современнымъ способамъ войны, пушечной и ручной стрѣльбы и т. п., тѣмъ болѣе, что главный непріятель, съ которымъ приходилось считаться,—татарская орда обыкновенно пользовалась тѣми же боевыми пріемами, какіе употребляли и кочевые насильники старорусскихъ временъ.

Главную роль въ фортификаціонныхъ стредствахъ играла неприступность позиціи—высокая крутая гора, окруженная рвами, по возможности наполненными водой. Великокняжескій ревизоръ такъ описываетъ найденное имъ пригодное для замка мѣсто:

---

[1]) Имѣемъ двѣ серіи описаній замковъ кіевскихъ и брацлавскихъ земель, первую отъ 1545 г., вторую отъ 1552. Первая, извѣстная намъ въ полномъ составѣ, охватываетъ замки: владимирскій, луцкій, кременецкій, винницкій, брацлавскій и житомирскій; она издана цѣликомъ, но со старой копіи, переписанной латинскимъ письмомъ, въ Żródła dziejowe т. VI (отдѣльныя описанія, въ копіяхъ также болѣе позднихъ и неисправныхъ—въ Памятникахъ кіев. ком. IV и Архивѣ Ю. З. Р. VI. I и VIII). Оригинальный текстъ въ Литов. Метрикѣ, IV A № 4. Изъ другой серіи имѣемъ замки: луцкій, владимирскій, кременецкій, винницкій, брацлавскій, житомирскій, овруцкій, кіевскій, чернобыльскій, мозырскій, остерскій, каневскій и черкасскій; всѣ они, за исключеніемъ описи владимирскаго замка, неопубликованной до сихъ поръ, изданы въ Архивѣ Юго-зап. Рос. ч. IV. I, ч. VII. I и II (однако также не всегда исправно). Оригиналъ не сохранился, онъ очевидно, очень скоро обветшалъ и былъ переписанъ на-ново въ 1593 г. (эта копія въ Литов. Метрикѣ IV A № 6). Эти двѣ серіи въ суммѣ представляютъ незамѣнимый источникъ при изученіи внутренней исторіи Волыни и особенно восточной Украины; для послѣдней это самый главный источникъ для изученія ея жизни въ половинѣ XVI в. Однако между обоими серіями описаній есть значительная разница въ составѣ и кругѣ извѣстій: первая писана больше въ формѣ

„одинъ лугъ протянулся между Бугомъ, какъ шея—съ одной и съ другой стороны обмываетъ его рѣка, только на 50 саж. отошла рѣка отъ рѣки; если бы на Бугѣ устроить прудъ, а на этомъ перешейкѣ выкопать два либо три рва наполнивъ ихъ водой изъ Буга), то вышелъ бы очень сильный замокъ, котораго нельзя было бы подкопать, ни стрѣлять на него изъ пушекъ ни съ какой стороны невозможно; и на пристройку при немъ города есть очень пригодное ровное мѣсто, не такое, какъ теперь (въ Винницѣ), гдѣ изъ замка не видно всего города, а изъ города замка“ [1]). Подъемный мостъ соединялъ замокъ съ городомъ и служилъ въѣздомъ. Укрѣпленія замковъ во всей восточной Украйнѣ были деревянныя; здѣсь въ точности сохранилась древне-русская техника „срубовъ“. Стѣны замка составлялись изъ отдѣльныхъ „городень“, т. е. деревянныхъ срубовъ, отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ саж. въ длину, наполненныхъ землей; чтобы предохранить отъ огня, ихъ смазывали толстымъ слоемъ глины. На нихъ дѣлался деревянный помостъ (бланки) съ парапетомъ, съ продѣланными для стрѣльбы отверстіями (подсябитья) и крышей отъ дождя. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ надъ линіей „бланкованій“ подымались башни, такія же деревянныя, срубленныя изъ брусьевъ. На бланкахъ и въ башняхъ стояли пушки, лежали различные артиллерійскіе и всякіе другіе припасы—куски дерева, камни, трезубые шипы, предназначенные для сбрасыванія на непріятеля во время приступа; стояли корыта съ водой на случай

связнаго отчета, особенно останавливается на правахъ дворянскаго землевладѣнія, но при этомъ даетъ много бытовыхъ подробностей. Вторая болѣе схематична, сообщаетъ подробности больше всего о состояніи укрѣпленій, припасовъ, доходовъ администраціи и обязанностяхъ населенія. Матеріалъ изъ нихъ, касающійся устройства замковъ, выбранъ мною въ статьѣ (моей первой научной работѣ): Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI в., 1890 (изъ кіев. Университ. Извѣстій). О самихъ ревизіяхъ, результатомъ которыхъ были эти описанія,—Д. Запольскій, Очерки по исторіи зап. русскаго крестьянства, с. 168 и сл. Отъ болѣе ранняго періода имѣемъ краткія описи нѣсколькихъ замковъ: Житомиръ, Чудновъ и Винница въ извѣстныхъ фрагментахъ переписи кіевскихъ земель XV в.; инвентарь Кременца безъ даты въ актахъ 1480-хъ гг. изд. у Любавскаго Обл. дѣленіе, прил. 1; описаніе Овруча 1519 г.—Архивъ Ю. З. Р. VII, II № 5; цитированная выше записка о кіевскомъ замкѣ — Żródła Грабовскаго и Пшездзецкаго т. II.

[1]) Żródła dziejowe VI с. 111.

пожара. Изъ середины замка къ „городнямъ“ были пристроены избы и амбары, служившіе мѣстомъ убѣжища для мѣстныхъ людей. По старой традиціи „городни“ были распредѣлены между мѣстнымъ населеніемъ—помѣщиками, мѣщанами, сельскими обществами („людьми господарскими, мещаны и волощаны и людми князскими, паньскими и боярскими“) [1]) и лица обязанныя строить и содержать въ порядкѣ извѣстную „городню“, могли устраивать въ ней амбары и кладовыя, въ которыхъ прятали свое имущество [2]). Болѣе значительные землевладѣльцы имѣли въ замкѣ свои особыя подворья. Но замки были невелики, и все въ нихъ жалось другъ къ другу очень тѣсно. Овруцкій замокъ, напр., имѣетъ 66 саж. въ длину и 43 въ ширину, житомирскій 62×55 саж., остерскій 37×31, другіе еще меньше: каневскій 45,5×18, винницкій 24×23, черкасскій 30×17, чернобыльскій 22×17.

Размѣры большаго числа замковъ не превышали размѣровъ обыкновенной усадьбы—четверть десятины, или еще меньше. Въ такомъ замкѣ не могло найти защиты значительное количество людей; не могло быть рѣчи о продолжительномъ сопротивленіи въ такой давкѣ и тѣснотѣ. Замокъ могъ дать убѣжище только населенію своего города и ближайшихъ окрестностей, чтобы переждать внезапный скоропреходящій набѣгъ Татаръ,—и то не всегда. Брацлавскій замокъ, замѣчаетъ ревизоръ, „велми есть малый, не водлугъ достатку людей—не толко половица ихъ, але и третяя часть зъ статки своими часу пригоды не могутъ ся умѣстить“ [3]). Различныя неурядицы еще болѣе увеличивали неудобства и уменьшали

---

[1]) Для примѣра, каково было распредѣленіе этой старой городовой работы, приведу такую роспись г. Овруча“: „всѣхъ городень въ замкѣ 61, изъ этого числа большую половину строятъ и содержатъ мѣстные помѣщики (по 2 и по 3 каждый), нѣсколько городень строятъ бояре и мелкіе собственники „со своими поплечниками“ по одной городнѣ; одну строятъ овруцкіе попы, одну—овруцкіе купцы-куничники, одна городня козацкая, семь строятъ „люди господарскіе“ (великокняжескіе крестьяне). — Архивъ VI. I с. 36—7.

[2]) Земяне и мещане повидили: хтоколвекъ собе на которой стороне городню обыметъ и двери вроблетъ и схованье будетъ въ ней мети, той вжо повыненъ будетъ тую городню направовати, верхъ накрывати, камене и колодки ку обороне на ней мѣти и глыною обмазовати“—Архивъ VII. I с. 126 (Житомиръ).

[3]) Źródła VI с. 120.

значеніе замка, какъ надежной гарантіи безопасности. Въ томъ же Брацлавскомъ замкѣ для одного изъ предмѣстій въѣздъ былъ настолько затруднителенъ, что приходилось объѣзжать больше четверти мили и, и въ случаѣ опасности, нельзя было быстро скрыться въ замокъ. Въ Житомирѣ изъ-за споровъ, кто долженъ выстроить въѣздный мостъ, городъ или староста,—замокъ стоялъ безъ моста, такъ что въ него почти невозможно было пробраться: „не только возомъ въ замокъ не можетъ пріѣхати, але и пѣшому трудно на взводъ взыйти, аниж furthermore поползкомъ“, и люди во время тревоги „въ такой нерадности мусять до лѣсу втекати [1]). Винницкій былъ такъ плохо и непрочно построенъ, что „не толко людемъ въ часъ пригоды отъ навалнаго непріятеля негдѣ заперти ся и оборони одколь вчинити, але и быдла страшно заперти“ [2]). Замки построенные изъ дерева, безъ присмотра, иногда не обмазанные даже глиной, гнили и разрушались очень быстро, и жалобы на плохое состояніе замковъ составляютъ постоянный мотивъ этого времени: населеніе и мѣстная администрація старались свалить постройку и починку замковыхъ укрѣпленій на правительство, стращая татарской опасностью и оправдываясь своимъ безсиліемъ что-либо сдѣлать, а правительство, въ свою очередь, всѣми мѣрами старалось свалить все это на плечи мѣстнаго населенія.

Но конструкціонными недостатками вопросъ не исчерпывался. Чтобы замокъ могъ служить гарантіей безопасности, необходимо было, чтобы населеніе заблаговременно предупреждалось объ опасности, иначе оно не имѣло возможности укрыться въ замкѣ. Этой цѣли служила стража „замковая“ и „полевая“. Спеціальные „сторожа“ и „кликуны“, наряжавшіеся мѣстнымъ населеніемъ или содержавшіеся изъ налоговъ, собираемыхъ вмѣсто натуральной службы („стороживщина“ и „кликовщина“), должны были ходить по замковому „бланкованью“ и наблюдать за появленіемъ непріятеля. Затѣмъ на извѣстныхъ урочищахъ, на путяхъ, излюбленныхъ Татарами, на курганахъ или искусственныхъ вышкахъ („на сохахъ“) стояли сторожа, имѣя при себѣ коней, и подстерегали Татаръ, чтобы своевременно дать знать населенію объ ихъ приближеніи. Это было также повинностью населенія, довольно тяжелою, такъ что ее примѣняли главнымъ образомъ только „водлугъ часовъ потребы“—во время полевыхъ работъ, или „кды ся

[1]) Ibid. с. 119, 120, 137. [2]) Źródła VI с. 111.

вистерегають людей непріятельскихъ“ [1]). Но не всегда сторожа оказывались на мѣстахъ, когда была въ нихъ надобность, и время отъ времени все повторяется та же исторія: Татары неожиданно захватили тотъ или иной замокъ, такъ какъ полевой сторожи не было. „Жили безпечно въ то время въ виду перемирія нашего государя съ Татарами и Турками“, разсказываетъ ревизоръ о брацлавской катастрофѣ 1551 года, „и полагались на то, что недавно и комиссары выѣзжали на ихъ границы, и послы перекопскаго хана были въ то время у нашего короля для переговоровъ о мирѣ и спокойствіи; поэтому не заботились о людяхъ непріятельскихъ, не развѣдывали о нихъ, жили безъ опаски, и не имѣли никакой стражи ни въ полѣ, ни въ острогѣ (при городскихъ укрѣпленіяхъ), и староста въ ту пору куда-то выѣхалъ“. И вотъ среди такой безпечности неожиданно нагрянулъ крымскій ханъ Девлетъ, и переночевавъ подъ Брацлавомъ въ трехъ миляхъ, на разсвѣтѣ внезапно подступилъ къ замку, безъ труда взялъ его и разрушилъ [2]). Такъ какъ не было какой-либо организованной сигнализаціи, не было общей организаціи развѣдокъ, и каждый замокъ долженъ былъ думать самъ о себѣ, высылая своихъ сторожей на татарскіе „шляхи“, то даже въ тѣхъ случаяхъ, когда полевая стража функціонировала исправно, отъ нея немного было толку. „Стража не особенно нужна“, доказывали наученные горькимъ опытомъ Житомирцы, „такъ какъ никогда она не замѣтитъ во время, а если даже и подстережетъ Татаръ, то не успѣетъ доскакать до замка прежде Татаръ“. Это и понятно, такъ какъ эта стража стояла на татарскомъ „шляху“ въ двадцати миляхъ отъ своего замка. Въ концѣ концовъ, даже въ лучшемъ случаѣ вѣсть о Татарахъ приходила обыкновенно въ послѣднюю минуту передъ ихъ нападеніемъ, и надо было спѣшить изо всѣхъ силъ, чтобы успѣть укрыться въ замкѣ. Такъ что если брацлавскимъ мѣщанамъ приходилось объѣхать какую-нибудь треть мили, чтобы попасть въ замокъ, то это считалось уже положеніемъ опаснымъ, почти безнадежнымъ: „не могутъ ся такъ далеко к замку люди з статки своими поспѣшити и сами в руки неприятелю увойдут“ [3]).

Наконецъ подрывала стратегическое и колонизаціонное значеніе замковъ слабость ихъ военныхъ силъ. Артиллерія была

[1]) Архивъ VII. I. с. 81, 144, 608. IV с. 40.
[2]) Архивъ VII. II с. 20. [3]) Źródła dz. VI с. 120.

невелика, чаще всего содержалась плохо, слабо обслуживалась; за исключеніемъ Кіева, болѣе богатаго артиллеріей, замки имѣли по 4—5 пушекъ, а житомирскій и винницкій имѣли только по 2—3, да и тѣ были негодны къ употребленію: въ Житомирѣ пушки, испорченныя во время пожара 1520-хъ годовъ, такъ и лежали совсѣмъ безъ употребленія въ 1540-хъ и 1550 г.г. [1]), и реляціи ревизоровъ ничему не помогали.

Военные гарнизоны встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ замкахъ и то лишь временами. Во время ревизіи 1552 г., напримѣръ, былъ отрядъ солдатъ въ Кіевѣ и 100 „драбовъ" (наемныхъ солдатъ) въ Черкасахъ. Затѣмъ военную силу замковъ составляли старостинскіе слуги, число ихъ бывало очень различно (больше всего отмѣчено ихъ въ Черкасахъ—61, въ Каневѣ—46, но въ Житомирѣ только 11), да нѣсколько пушкарей-спеціалистовъ. Но безъ постояннаго гарнизона значеніе замка сводилось къ minimum-у. Жители Брацлава, доказывая необходимость возобновленія звенигородскаго замка, въ цѣляхъ возстановленія стараго пути изъ Брацлава въ поднѣпровскіе замки, считаютъ совершенно необходимымъ для возстановленія былого сообщенія и колонизаціи размѣщеніе постоянныхъ военныхъ гарнизоновъ. „Для всего этого, прежде всякихъ иныхъ нуждъ просятъ, чтобы наемное войско („люди пенежныи") стояло здѣсь постоянно, чтобы и зимой, и лѣтомъ ихъ здѣсь держали. А теперь непріятель не боится, и, какъ только наемное войско уходитъ, приходятъ Татары и грабятъ. А если бы наемное войско здѣсь стояло постоянно, то и замокъ звенигородскій можно было бы безопаспо построить, и села могли бы основаться, и староста, и урядники его были бы въ безопасности отъ здѣшняго непріятеля. И козаки не смѣли бы ходить въ турецкія земли и задирать ихъ—такъ какъ и теперь козаковъ нельзя было бы остановить, еслибы не „люде пенежные".

Такимъ образомъ замокъ самъ по себѣ представлялся мѣстнымъ людямъ очень проблематической защитой: даже возобновленіе звенигородскаго замка само по себѣ безъ военнаго гарнизона они считали мало возможнымъ. Дѣйствительно, еще замки,

---

[1]) По описи XV в. въ Житомирѣ были „чотыри пушки великихъ, а пять тараницъ" (Архивъ VII. II. с. 5), а въ 1546 г.— одна дырявая пушка, два серпентина, точно также непригодныхъ для стрѣльбы, и никакихъ къ нимъ припасовъ; тоже самое и въ 1552 г.

лежавшіе на Днѣпрѣ и пользовавшіеся большими заботами правительства, въ первой половинѣ XVI в. содержались нѣсколько лучше и обладали большими военными средствами[1]). Но на линіи кіевско-волынскаго и брацлавскаго пограничья совсѣмъ было плохо: тѣсный и мало доступный для своихъ брацлавскій замокъ, чрезвычайно плохой и лишенный всякой артиллеріи винницкій (здѣсь у одной пушки „конецъ оторвался“, а изъ другой пушки „небезпечно єсть стреляти“) и, наконецъ, еще болѣе оригинальный житомирскій—недавно отстроенный на государственныя средства, но много лѣтъ совершенно недоступный для мѣстнаго населенія изъ-за отсутствія моста[2]), при томъ крайне бѣдный средствами обороны: еще въ 1552 г. послѣ всѣхъ донесеній предшествовавшихъ ревизоровъ было въ немъ только всего „дельце спижноє—две диры в немъ“ да „сарпатиновъ железнихъ старыхъ, горилыхъ вже три разы, негожихъ ку стрельбѣ—два“, а изъ третьяго также нельзя стрѣлять, такъ какъ онъ не окованъ, и такихъ же непригодныхъ пушекъ—13[3]). Катастрофа, разразившаяся надъ Брацлавомъ въ 1551 г., обнаружила наглядно цѣнность этихъ замковъ, и вполнѣ подтвердила справедливость доводовъ брацлавскихъ жителей въ 1545 г., что безъ военныхъ гарнизоновъ здѣшніе замки ничего не стоятъ. Снарядивъ неожиданный походъ на Украину съ турецкимъ войскомъ и пушками, ханъ захватилъ брацлавскій замокъ врасплохъ совершенно беззащитнымъ: люди были на работахъ, въ пасѣкахъ и на поляхъ, въ замокъ укрылись лишь женщины и дѣти, мужчинъ было только 50, и то, большею частью непригодныхъ для обороны. Турки сначала обстрѣливали замокъ, затѣмъ пошли на приступъ, но, узнавъ что въ замкѣ нѣтъ воды, прекратили штурмъ, въ полной увѣренности, что замокъ все равно сдастся. Замокъ, дѣйствительно, на третій день сдался, и ханъ забралъ всѣхъ съ собою въ плѣнъ, сжегъ

[1]) Впрочемъ и здѣсь напр. каневскій замокъ, спустя 13 лѣтъ послѣ его постройки, былъ уже въ такомъ состояніи, что на немъ „трудно не только оборона, але и стерожа, бо нельзя вже ходити по бланъкахъ: што не поопадало, и то ледви отъ витру колышетъ ся“ (Архивъ VII. I. с. 92). А въ послѣдней четверти столѣтія былъ въ такомъ же плачевномъ состояніи и столичный замокъ кіевскій.

[2]) Мѣщане однако стоически перенесли это неудобство и добились, что наконецъ былъ сооруженъ мостъ на средства государственной казны.

[3]) Архивъ VII. I с. 142.

замокъ и городъ и ушелъ во свояси. Люди, оставшіеся внѣ замка, захваченные неожиданнымъ нападеніемъ, укрывались въ лѣсахъ, но Татары большею частью переловили и ихъ.

„Осталось всего около 200 душъ, избѣжавшихъ опасности, и они и теперь на томъ же мѣстѣ сидятъ и ждутъ, пока замокъ на-ново отстроятъ, желая вновь поселиться на своихъ отчинныхъ земляхъ въ виду великихъ тамошнихъ корыстей", заканчиваетъ свое описаніе ревизоръ [1]).

Такими, какими мы ихъ только что видѣли, замки восточной, литовской Украины (а такими болѣе или менѣе были и замки коронного пограничья) не могли имѣть большого колонизаціоннаго значенія—а лишь стратегическое. Они скорѣе имѣли характеръ укрѣпленныхъ пунктовъ на какой-нибудь вражеской территоріи, имѣвшихъ цѣлью обезпечить сношенія, слѣдить за движеніями врага, гарантировали—хоть и не очень надежно, кое-какую безопасность для своего гарнизона и кучки населенія, ютившагося подъ ихъ защитой, но вовсе не господствовали надъ территоріей. Для этого они были слишкомъ слабы и безпомощны, какъ мы видѣли. Все осѣдлое населеніе жмется къ самому замку, выходя только на работу, или на степные промыслы, но и подъ охраною замковыхъ стѣнъ не можетъ чувствовать вполнѣ безопаснымъ себя, а тѣмъ болѣе—свое хозяйство. Городскія стѣны не даютъ вѣрнаго убѣжища; въ случаѣ татарскаго нападенія нужно прятаться въ замокъ „съ одною душою", какъ говорили, оставляя на волю божію свое имущество. Среди непрекращающихся татарскихъ нападеній и тревогъ даже въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ замкомъ не могла развиться ни городская жизнь, ни правильное хозяйство, и населеніе, жавшееся къ замку, жило на военной ногѣ, готовое каждую минуту защищать своими собственными руками свое имущество и жизнь—такъ какъ и въ этомъ обыкновенно не на кого было положиться. Не на эту же жалкую кучку старостиныхъ слугъ и нѣсколько негодныхъ пушекъ!

И мы, дѣйствительно, видимъ, что, начиная съ Менгли-гиреевыхъ разореній XV в., затѣмъ почти цѣлое столѣтіе, а во всякомъ случаѣ три четверти столѣтія—до 1560-хъ годовъ, Восточная Украина остается пустыней. Единственныя поселенія ютятся

---

[1]) Архивъ VII. II с. 21.

около этихъ немногихъ замковъ, подъ защитой городскихъ стѣнъ, а весь безграничный просторъ этого края эксплоатируется только наѣздомъ, компаніями уходниковъ.

Заднѣпровье, лишенное замковъ, лежитъ все впустѣ. Съ литовской стороны крайній замокъ—это Остеръ, съ московской—Черниговъ и Путивль. При остерскомъ замкѣ числится нѣсколько селъ, а именно шесть, седьмое (Лутава) хоть и лежитъ подъ самымъ Остромъ, причисляется къ кіевскому замку. Всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ этихъ семи селахъ 45. Но даже въ этой глухой трущобѣ, среди лѣсовъ и болотъ, населеніе не чувствовало себя въ полной безопасности, какъ показываетъ интересное замѣчаніе ревизора: „пахивали на замокъ у трехъ миляхъ на поли у Столпцы, а тыхъ часовъ пашня опущона за неспокоемъ отъ Татаръ“ [1]). Все боярское, военно-служилое населеніе живетъ въ городѣ [2]). И тѣ нѣсколько десятковъ крестьянъ главнымъ образомъ проживали, должно-быть, тоже въ городѣ, хотя впрочемъ нѣкоторыя изъ этихъ селъ особенно хорошо защищены рѣками, лѣсами и болотами, и жизнь въ нихъ могла быть довольно безопасна даже въ то тревожное время.

На днѣпровской артеріи нѣкоторые—очень скудные и незначительные остатки осѣдлой колонизаціи держатся въ кіевскихъ окрестностяхъ, нѣсколько выше Кіева, по Днѣпру, Деснѣ, Ирпеню (Дубечня, Погребы, Слободка на Деснѣ, Тарасовичи, Сваремле, Петровцы на Днѣпрѣ, Демидовъ на Ирпени), и далѣе на сѣверъ. Рядомъ съ ними на каждомъ шагу руины старой колонизаціи. „В Киеве городищи Старомъ которые люди митрополские сидятъ, тые службу земъскую господаръскую служатъ якъ который можетъ, бо отъ Татаръ звоеваны“. „Села, съ которыхъ выхоживало слугъ панцерныхъ на службу господарскую: село Куликовъ, село Попадичи, село Рославичи, село Янъковичи, село Юръевичи, село Невеселово, село Иванковичи—с тыхъ селъ выхоживало люду панцеръного на службу господарскую 146, а теперъ тые села пусты вси“. „С селъ польныхъ—съ Кривого, с Ходоркова и з Сокольчи дани хоживоло 3 кади меду, нижли запустели отъ давнихъ летъ“. „Село на Тетереви Выше-

---

[1]) Архивъ III. I с. 595.

[2]) Одинъ только бояринъ значится внѣ города—гдѣ онъ живетъ, не сказано; всѣ же остальные, числомъ 28, живутъ „въ острозе“.

вичи, именье Шибеное, Забудчи—звоеваны тыхъ часовъ отъ Татаръ“ [1]). Все это преимущественно ближайшія окрестности Кіева (наиболѣе удаленныя—села „польныя“, т. е. степныя—Ходорковъ, Кривое, Сокольче на верхнемъ Ирпенѣ и Унавѣ, а „панцырныя“ села, не исчезнувшія безслѣдно, разбросаны были непосредственно на югъ отъ Кіева). Села эти лежатъ большею частью уже въ лѣсномъ поясѣ, и однако даже наиболѣе выносливая, военно-служилая колонизація панцырныхъ слугъ не выдержала здѣсь татарской тревоги. Даже подъ самымъ Кіевомъ правильное веденіе хозяйства было невозможно, какъ указываетъ это извѣстіе о митрополичьихъ людяхъ въ Старомъ Городѣ.

Описаніе слѣдующаго приднѣпровскаго сторожевого поста—каневскаго замка, кромѣ городского населенія, указываетъ крестьянское въ нѣсколькихъ поселкахъ: въ Вороновомъ, Терехтемировѣ, Подсичахъ, Тулибли, Колтягаевѣ, Совинѣ; въ общемъ здѣсь 50 крестьянскихъ семей считается жителями селъ. Но только считается, потому что, за исключеніемъ одного села Воронова, крестьяне всѣхъ другихъ селъ „зимують и литують при замъку“, какъ совершенно опредѣленно говоритъ описаніе [2]). Иначе говоря, они живутъ собственно въ городѣ, какъ и мѣщане, и хозяйничаютъ на земляхъ своего села наѣздомъ, какъ и всякіе другіе „уходники“, но считаются „отчичами“ этихъ земель и даютъ съ нихъ постоянную, обязательную дань владѣльцамъ этихъ земель, между

---

[1]) Дѣлаю маленькую поправку: въ напечатанномъ „села на Тетереви“, но изъ этихъ селъ лишь Вышевичи на Тетеревѣ.

[2]) Село Подсычи земянское—отъ замку землею и водою 2 мили, семьей 6-ть, зимують и литують при замъку, служать зъ городовыми“; „село Тулибле у версти отъ замъку кнегине Путивльское, семьей 6, при замъку зимують и литують, тягнуть зъ местомъ“; „селище Колтягаево, семьей 6, в мисте при замъку зимують и литують“; „село Совинъ, 3 мили отъ замъку на Ръси, семьей 8, зимують и литують въ месте при замъку“. Архивъ VII. I с. 99—100. Только при „селищѣ Телехътемировѣ“ нѣтъ такого замѣчанія, но скорѣе это лишь пропускъ, нежели дѣйствительное отличіе отъ другихъ селъ: если населеніе Воронова, болѣе удаленнаго, находившагося на мало-доступномъ островѣ, зимовало въ Каневѣ, а только лѣто проводило у себя дома, то трудно не предполагать этого же и о Терехтемировѣ; тѣмъ болѣе, что съ Терехтемировымъ были связаны „уходы“ на Самарѣ, и Терехтемировцы должны было туда ходить, поэтому имъ было удобнѣе имѣть свою осѣдлость подъ Каневомъ, чѣмъ держаться своего села; къ тому же они и „служатъ съ Каневцами“.

тѣмъ какъ въ другихъ, „пустыхъ" селахъ, гдѣ нѣтъ „отъчича ни одного", нанимають себѣ земли подъ промыслы арендаторы-предприниматели, когда и гдѣ захотятъ. Только въ упомянутомъ селѣ Вороновѣ мѣстное населеніе лишь зимуетъ въ Каневѣ, а лѣто проводитъ у себя „на островѣ"—такъ какъ имѣетъ здѣсь достаточно безопасное отъ Татаръ убѣжище[1]). Такимъ образомъ это все собственно Каневцы, мѣщане, которые отличаются другъ отъ друга лишь правовымъ положеніемъ: одни подчиняются замковому управленію, другіе частнымъ владѣльцамъ-помѣщикамъ, или монастырямъ. Другого населенія здѣсь нѣтъ. Даже въ селѣ, лежащемъ на разстояніи всего лишь версты отъ замка, и тамъ крестьяне не хотятъ жить, а проживаютъ въ городѣ.

При Черкасахъ—этомъ форпостѣ украинской колонизаціи, уже и такихъ номинальныхъ селъ не значится. Все населеніе концентрируется въ городѣ; есть здѣсь мѣщане, бояре, и неосѣдлые козаки, но помѣщичьихъ людей нѣтъ вовсе, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣщанскихъ домовъ, которые „позадавалися земяном" [2]). Есть помѣщичьи селища совершенно пустыя—память о былыхъ селахъ временъ передъ татарскимъ разореніемъ, а затѣмъ одни лишь „уходы"—монастырскіе, помѣщичьи, и еще чаще—принадлежавшіе либо замкамъ, либо мѣщанамъ. Они охватывали бассейны Ворсклы, Орели, Самары, Тясмина, обоихъ Ингуловъ и самаго Днѣпра, далеко ниже пороговъ, до самой Тавани[3]), но осѣдлыхъ поселковъ здѣсь нигдѣ не было.

Вся средняя часть кіевскихъ земель между линіей Днѣпра на востокѣ и линіей Буга на западѣ была лишена даже такихъ опорныхъ колонизаціонныхъ пунктовъ, какими были днѣпровскіе замки. Передовой сторожевой пунктъ кіевскаго Полѣсья—Житоміръ, какъ мы видѣли, четверть столѣтія простоялъ не возобновленнымъ, послѣ того, какъ онъ сгорѣлъ въ 1520-хъ годахъ. Замокъ былъ построенъ на-ново и приведенъ въ кое-какой порядокъ только къ 1550-мъ гг., и тогда только начало стягиваться сюда сколько нибудь значительное населеніе.

---

[1]) „Зимують при замъку в месте, литують тамъ на острове"— Архивъ VII. I. с. 98.

[2]) „Ермакъ Севрюкъ заложил ся ново Михаилу Грибуновичу земянину, Гораинъ Московскинъ заложил ся за ротмистра теперешнего". Архивъ VII. I с. 89.

[3]) Ibid. с. 84.

Въ 1540-хъ годахъ, вслѣдствіе непорядковъ въ замкѣ и отсутствія средствъ обороны, а также громадныхъ поборовъ и повинностей, которыми старосты отягощали кучку людей, ютившуюся при замкѣ, люди даже при замкѣ, въ городѣ, не хотѣли селиться. Во время ревизіи 1545 г. къ ревизору „пришли бояре и мѣщане, и всѣ тамошніе люди съ плачемъ челомъ бья, чтобы ихъ на нѣсколько лѣтъ уволили отъ податей, подводъ и стацій и дали свободу ѣздить, куда пожелаютъ, и торговать, такъ какъ теперь, говорятъ, не позволяютъ имъ никуда ни меда сладкаго, ни звѣря мохнатаго, ни воска возить и продавать, зовсѣмъ держать ихъ въ заперти: если намъ будетъ такая свобода и милость отъ государя е. милости, тогда, говорятъ, и другихъ много можетъ собраться и поселиться подъ замкомъ, а теперь не по какой-либо иной причинѣ, какъ именно благодаря этой неволѣ, люди не желаютъ сходиться къ тому замку, и мы сами въ такой неволѣ, если не будетъ ласки и милости государя нашего, не можемъ удержаться при этомъ замкѣ и пойдемъ прочь [1]). Мѣщане, съ своей стороны, заявляли: „тепер дей мы, горчаки, сорок або петдесятъ чоловека, не только стацей и подводъ давати не можемъ, але и сами не маемъ чимъ ся поживити и коней на чомъ заховати, бо дей каждый зъ насъ хлебъ купуемъ на Волынь и на Подоле ѣздячи, и вжо дей шыя наша одъ хлеба несвободна, и естли бы тыхъ часовъ къ подводамъ и стациямъ мели насъ приневолить, тогды жадный зъ насъ въ местѣ не одержится“ [2]).

Такъ же незначительно было и другое, не мѣщанское населеніе этой огромной области. „Всихъ головъ пановъ и земянъ житомирскихъ“ ревизоръ насчитывалъ 22, въ ихъ владѣніи „селищъ тридцать два, а людей ихъ всихъ сто и чотыри чоловеки“ [3]). Ихъ имѣнія, такъ же какъ и имѣнія замка, онъ всѣ называетъ селищами; очевидно, настоящихъ поселеній здѣсь не было почти или и вовсе не было. Одни „селища“ были совершенно пусты (между ними и такія, какъ расположенный уже въ глубокомъ Полѣсьѣ Щеневъ, на юго-востокъ отъ Житомира), въ другихъ значились подданные, но они жили преимущественно при замкѣ. Въ 1544 г. земяне и бояре получили отъ в. князя льготу отъ мостовой и сторожевой повинности и отъ полевой десяти-

---

[1]) Źródła dz. VI c. 143.
[2]) Ibid. c. 139. [3]) Źródła dz. VI c. 131.

ны для своихъ подданныхъ [1]), въ виду полной невозможности вести какое-либо хозяйство: „ижъ они з людми своими при замку нашемъ мешкаютъ и для поганства Татаръ по селищамъ своимъ пахати не смеютъ“ [2]). И возстановленіе замка немногое здѣсь измѣнило. Ревизія 1552 г. снова говоритъ, что „тыє вси земяне (житомирскіе) и люди ихъ вси, хотя у в селахъ мешкаютъ, (т. е. числятся при извѣстныхъ поселкахъ, какъ ихъ жители), а предся для пополоху Татар лете и зиме уставичне домах в месте живутъ“ [3]), а о замковыхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ, хотя и знаетъ ихъ больше, чѣмъ ревизоръ 1545 г., обо всѣхъ говоритъ, какъ необитаемыхъ: „замок и мостъ замковый винны были робити села вси Житомирского повету, як господарские, так князские, панские, земянские и боярские, нимъ еще пусты были, а запустели од шести, од семы, од осмыдесятъ летъ, а иншые ближей, а иншие еще далей“ (т. е. въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XV в.) [4]). Все немногочисленное населеніе жило при замкѣ, здѣсь занималось хозяйствомъ на замковыхъ земляхъ [5]), а въ свои селища выходили на промыселъ только уходомъ, какъ и въ Приднѣпровьи, и правильнаго хлѣбопашества не было, такъ что зерно даже для собственнаго потребленія прихо-

---

[1]) Здѣсь говорится о десятинѣ, взымавшейся съ обрабатывавшихъ замковыя земли, см. въ ревизіи 1552 г.: „поля замкового од острога удолж... миля заведничая..., тое поле мещаномъ вольно пахать, а земяне и подданые ихъ, которые пашутъ, тые даютъ на замокъ десятину“. Эти мѣщанскія вольности должны были имѣть очень большую давность, и объ отмѣнѣ десятины просили земяне: очевидно, ихъ люди, тѣснясь въ городѣ, вмѣсто того, чтобы хозяйничать на своихъ селищахъ, часто вели хозяйство здѣсь же, на земляхъ замка—тѣмъ болѣе что въ городѣ людей было немного.

[2]) Źródła VI с. 135.

[3]) Архивъ VII. I с. 151, и выше: „люди князькие, панские, земянскіе, боярские, которые живутъ ув острозе и за острогомъ,—хотя которые и в селахъ мешкаютъ, а предся домы свои в месте маютъ“. Въ ревизіи 1545 г. при первомъ селѣ въ реестрѣ владѣльческихъ имѣній отмѣчено: „людей ихъ милости в месте мешкаютъ десять человѣковъ“ (с. 130); возможно, что этими словами „в месте мешкаютъ“ дается общее поясненье для всего реестра, и скорѣе какъ исключенье надо понимать дальнѣйшую отмѣтку, что люди Тышкевича „которые тут мешкали, пошли вжо до Слободища“.

[4]) Архивъ VII. I с. 144, и выше: „села князские, панские и земянские, коли еще не были пусты“.

[5]) См. выше первую сноску на этой страницѣ.

дилось покупать въ волынскихъ и подольскихъ мѣстахъ, какъ говорили эти земяне и мѣщане [1]), и на случай какихъ-либо новыхъ повинностей не только мѣщане, но и земяне могли серьозно угрожать: „мы вси з людми нашими проч поволочемся" [2]).

Въ качествѣ передовой стражи для западной части кіевской земли—бассейновъ Ирпеня, Унавы, Каменки, въ срединѣ XVI в. построенъ былъ замокъ въ Бѣлой Церкви. Извѣстіе объ этомъ „новозбудованномъ" и еще не приведенномъ въ порядокъ замкѣ имѣемъ въ одномъ письмѣ вел. князя, внесенномъ въ книги среди документовъ 1552 г. Нѣкоторыя извѣстія имѣемъ о немъ изъ позднѣйшей ревизіи и изъ нея видимъ, что онъ былъ построенъ въ большихъ размѣрахъ, но очень слабо снаряженъ. Его единственнымъ источникомъ доходовъ долженъ былъ послужить городъ, который долженъ былъ образоваться около него. Городъ при немъ дѣйствительно образовался, но долго оставался единственнымъ заселеннымъ пунктомъ въ этой окрестности—какъ это было и съ другими замками, а лишенный всякихъ рессурсовъ, замокъ этотъ плохо содержался, быстро сгнилъ и былъ заброшенъ [3]).

Для южныхъ окраинъ кіевскихъ земель опорнымъ базисомъ служилъ ранѣе Звенигородъ, но послѣ Менгли-гиреевыхъ разореній онъ не былъ возобновленъ въ теченіи всего XVI в., хотя на необходимость этого указывало украинское населеніе. Поэтому область эта очень долго оставалась незаселенной. Мы уже знакомы съ разсказомъ жителей Брацлава о томъ, какъ въ былые годы изъ Брацлава обозы ходили прямо на Кіевъ, Каневъ, Черкасы, „по селамъ, которыи передъ тымъ бывали, а тепер вжо од поганства спустели" [4]). Для того, чтобы эта коло-

---

[1]) Кромѣ приведеннаго см. еще на стр. 138: „и сами достатку живности не маютъ, олижъ на Волинь и на Подоле ездечи збоже собѣ ку живности скупуютъ". Ср. въ ревизіи 1552 г. воспоминаніе изъ „добрыхъ летъ", передъ опустошеніемъ, какіе доходы шли съ замковыхъ мельницъ,—„а теперъ Житомирци инде збоже купують, ездячи, тамъ и мелютъ". Архивъ VII. I с. 147, ср. выше с. 33. [2]) Ibid. с. 140.

[3]) Онъ имѣлъ 158 „городень", а кіевскій 177 (въ 1552 г. только 133). Зато вся бѣлоцерковская артиллерія состояла изъ трехъ негодныхъ пушекъ: одна разорвана, вторая „очень слабая", третья—безъ ложа; „гаковницы" и аркебузы также „не всѣ исправны".—Źródła XX с. 15—16.

[4]) Źródła VI с. 122.

низація могла вновь ожить, они считали недостаточнымъ только отстроить звенигородскій замокъ, признавая необходимымъ, чтобы здѣсь было расположено постоянное войско, какъ это было въ коронныхъ подольскихъ земляхъ: „гдыбы люди пенежныи завжды обецне мешкали, тогды як замок оный звиногородский можетъ безпечне забудованъ быти, такъ и села осести“. И какъ мы видѣли изъ вышеизложеннаго, одна постройка замка дѣйствительно не могла возобновить колонизаціи, и подъ его защитою могло бы образоваться лишь болѣе или менѣе значительное городское поселеніе.

Такъ было и въ самихъ брацлавскихъ земляхъ. Брацлавскій замокъ служилъ передовымъ опорнымъ пунктомъ для бассейна Буга; имъ очень дорожили съ этой точки зрѣнія, и въ 1490-хъ гг. спѣшно возобновили стараніями цѣлаго княжества, а когда въ 1551 г. онъ былъ сожженъ Татарами, его тотчасъ снова отстроили на средства литовской казны; строителемъ былъ пушкарь Жолдакъ, обязавшійся построить замокъ въ теченіе 23-хъ мѣсяцевъ; 60 землекоповъ и 40 ремесленниковъ работало при этомъ, и вся постройка стоила 3177 зол.[1]). Все мѣстное населеніе находилось подъ защитой этого замка. Ревизіи, правда, не говорятъ объ этомъ такъ опредѣленно, какъ мы это видѣли при описаніи другихъ замковъ, но, по аналогіи съ другими пограничными окрестностями, въ этомъ не остается мѣста сомнѣніямъ. 33 боярскихъ дома, 160 домовъ ихъ подданныхъ и 129 домовъ великокняжескихъ мѣщанъ, по ревизіи 1545 г.[2]),—это не только все осѣдлое населеніе города Брацлава, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все населеніе брацлавскихъ земель[3]). Только въ Винницкомъ повѣтѣ мы видимъ, кромѣ города при замкѣ, настоящія

---

1) У Балинскаго Starożytna Polska III с. 468.

2) Цифры можетъ быть и не совсѣмъ точны: Ревизія 1552 г. говоритъ, что „при замъку, в острозе, земянъ, мещанъ и волощанъ было домовъ всихъ семъсотъ и тридцать“.

3) Źródła dz. VI с. 125. О населеніи внѣ города—о существованіи помѣщичьихъ подданныхъ по селамъ ревизія ничего не упоминаетъ. Въ другомъ мѣстѣ говорится о назначеніи особаго войта для помѣщичьихъ людей, „поки в местѣ будут мешкали“ (с. 124): такимъ образомъ эти помѣщичьи люди живутъ для безопасности въ городѣ, не отваживаясь жить по селамъ. Здѣсь можно еще вспомнить подробность, какъ все брацлавское населеніе послѣ разрушенія замка, сидѣло и ожидало „замъку на томъ же местцы“—Архивъ VII. II с. 21.

населенныя села, притомъ большія—по нѣсколько десятковъ хозяйствъ (всѣхъ „людей", государственныхъ и помѣщичьихъ, въ городѣ и уѣздѣ ревизоръ насчиталъ 1113, изъ нихъ въ городѣ только 112 домовъ).

Населеніе тѣснилось подъ защиту замка, но замокъ самъ по себѣ не гарантировалъ полной безопасности. Не говоря уже о томъ, что защита замка во время большихъ татарскихъ нападеній часто оказывалась задачею неисполнимой,—самая оборона эта производилась при непосредственномъ участіи мѣстнаго населенія. Мѣстные замки, за исключеніемъ Кіева (и то не всегда), какъ мы уже знаемъ, не имѣли сколько-нибудь значительныхъ гарнизоновъ, которые были бы въ состояніи защитить замокъ во время татарскаго нападенія. Населенію приходилось собственною грудью защищать свои семьи и достояніе. Не кто иной, какъ оно само, должно было браться за гаковницы и аркебузы, чтобы обстрѣливать враговъ съ „бланкованій"; не кто иной, какъ оно же, принуждено было пускать въ ходъ эти камни и бревна, которыя хозяева каждой „городни" обязаны были запасать на „бланкахъ" этой послѣдней. Очевидцы взятія Брацлава помнили одного изъ героевъ этой несчастной обороны, оказавшагося среди „малогодных ку обороне" людей, застигнутыхъ въ замкѣ татарскимъ войскомъ: „нижъли только одинъ с них—Кудрянко земянинъ—тотъ моцно ся працовалъ оборону и иншихъ на то напоминалъ и беручи ихъ за руки водилъ на бланки" [1]).

И это являлось не только элементарной необходимостью, но и формальной обязанностью мѣстнаго населенія. Въ виду недостатка военныхъ силъ, все населеніе восточной Украины обязано было принимать участіе въ защитѣ своего замка и являться по первому призыву мѣстной администраціи. Даже для Кіева в. княжеская уставная грамота постановляетъ, что въ случаѣ вѣстей о татарскомъ нападеніи, мѣщане не имѣютъ права выѣзжать изъ города, не оставивъ вмѣсто себя какого-либо замѣстителя. Мѣщане, имѣющіе лошадей, должны были являться въ походы на Татаръ и въ погоню за ними; не имѣвшіе лошадей, обязаны были являться въ замокъ для его обороны [2]). Въ каневскомъ округѣ „повинни Каневцы такъ мещане яко бояре и подданые

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. VII. II с. 20—1.
[2]) Акты Зап. Р. I № 120 и Акты Ю. и З. Р. VI № 108.

ихъ, и церковные, и гости вси против людей неприятельскихъ и в погоню за ними конно, збройно бывати—зъ старостою и безъ него зъ слугами его“ (т. е. безразлично, самъ ли староста отправляется на Татаръ или посылаетъ своихъ слугъ—въ какую-либо менѣе важную експедицію). Тоже самое въ Черкасахъ, съ той лишь разницей, что здѣсь не было помѣщичьихъ людей, и рѣчь идетъ только о боярахъ и мѣщанахъ: они должны служить „конно и збройно“, отправляться противъ людей непріятельскихъ и въ погоню за ними, и даже въ тѣ промежутки, когда не было „слуху о людехъ неприятельскихъ“ они должны „для осторожности отъ нихъ“ выѣзжать нѣсколько разъ въ годъ со старостой, или его слугами „на поле“, на развѣдки[1]). Такой же былъ порядокъ и въ земляхъ брацлавскихъ: „когда неприятель приходитъ, на волость“, тогда противъ него обязанъ итти со старостою, или съ его чиновниками изъ города и изъ волости, каждый, имѣющій лошадь; въ погоню одинъ другого снаряжаетъ „о двуконь“—такъ какъ для погони нужно было имѣть двухъ коней, чтобы, измучивъ одну, можно было пересѣсть на другую, то одинъ отправлялся на своемъ конѣ въ походъ самъ лично, а другой давалъ ему своего коня[2]).

Такимъ образомъ не только военно-служилое, но и все вообще населеніе восточной Украины постоянно жило на военномъ положеніи и не только въ интересахъ самообороны, но и по обязанности должно было пріучаться къ военному дѣлу и постоянно въ немъ упражнялось. Ревизоръ замѣчаетъ, что мѣстные землевладѣльцы и мѣщане „ручницы мають и стреляти добре уміютъ“. Четверть столѣтія спустя, посолъ Баторія Броневскій пишетъ о брацлавскихъ мѣщанахъ, что они превосходные стрѣлки, опытные воины, вышколенные въ частыхъ битвахъ съ Татарами, прекрасные знатоки степи[3]). Но въ концѣ концовъ даже и мобилизаціи всѣхъ силъ населенія не хватало для обороны—не только

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 81—2, 95.

[2]) Винница—Архивъ VII. I стр. 602, ср. тамъ же с. 610: „Село пана Аксака Стрыжовка, домовъ 80, хто коня маетъ, каждый на войну ѣдетъ при пану и безъ пана“. То же и въ Брацлавѣ, и ревизоръ жалуется лишь на то, что бояре и мѣщане не держатъ лошадей для службы, между тѣмъ какъ раньше мѣщане, имѣвшіе пасѣки, были обязаны ѣздить „о двуконь“ каждый (Źródła VI с. 125). Ср. Житомиръ—Архивъ VII. I с. 145.

[3]) Переводъ въ одесск. Запискахъ VI т. 333.

въ такихъ слабо-населенныхъ округахъ, какъ житомирскій, гдѣ „здешніи малыи люди в час потреби добре осести и оборонити не могутъ“ своего замка, и крайне нуждаются въ какомъ-нибудь военномъ гарнизонѣ [1]),—но и въ болѣе населенныхъ замкахъ. Мы знаемъ уже аналогичныя просьбы брацлавскаго населенія о постоянномъ расквартированіи войскъ, какъ вѣрной гарантіи защиты и безопасности.

Такая тревожная и полная опасностей жизнь для людей болѣе требовательныхъ, особенно изъ высшихъ слоевъ, была невыносимой, и среди мѣстнаго населенія помѣщичьихъ элементовъ на постоянномъ жительствѣ здѣсь на Украинѣ почти не видимъ. Да имъ здѣсь нечего было и дѣлать, такъ какъ вести хозяйство въ такихъ условіяхъ было невозможно, а ради ничтожныхъ доходовъ отъ уходниковъ проживать здѣсь не было интереса. Даже лица, занимавшія здѣсь болѣе видныя должности, по большей части заступали себя слугами и замѣстителями; только люди, призваніемъ которыхъ была война, находили интересъ жить здѣсь постоянно и вкладывать всю свою жизнь въ неустанную здѣшнюю пограничную войну. Затѣмъ—разные minores gentes мѣстнаго боярства, разный военный народъ по ремеслу да сѣрый мѣщанскій и крестьянскій демосъ, нетребовательный и закаленный въ нуждѣ и опасности. Въ глазахъ послѣдняго эта тревожная и опасная жизнь сторицею вознаграждалась ея привлекательными сторонами, не перестававшими даже во времена самыхъ яростныхъ татарскихъ нападеній притягивать къ себѣ поселенцевъ. Украинское приволье, широкая свобода и простота въ отношеніяхъ, отсутствіе всего того матеріальнаго и моральнаго гнета, какой давалъ себя чувствовать „посполитому человѣку“ со стороны общественной іерархіи въ лучше заселенныхъ и защищенныхъ мѣстахъ, и неисчерпаемыя богатства природы вмѣстѣ со свободой эксплуатаціи ихъ—влекли сюда людей и привязывали къ этой, залитой кровью и покрытой пепломъ татарскихъ опустошеній землѣ. Мы видѣли въ описи брацлавской катастрофы этотъ неожиданный финалъ: послѣ только что пережитаго погрома, послѣ сожженія замка и поголовнаго плѣненія всѣхъ, находившихся въ этомъ замкѣ,—люди, уцѣлѣвшіе случайно, вмѣсто того, чтобы убѣжать какъ можно дальше отъ этихъ предательскихъ мѣстъ—наоборотъ, „сидятъ“ на пепелищѣ

[1]) Źródła VI с. 141.

Брацлава и ждутъ, когда правительство поставитъ имъ новый замокъ „на томъ же местци“—„хотячи садити ся зася на отъчизнахъ своихъ для великихъ пожитковъ тамошнихъ“.

Упоминаніе объ „отчизнахъ“ здѣсь не должно вводить насъ въ заблужденіе: рѣчь идетъ не только о мѣстныхъ боярахъ—землевладѣльцахъ, но и о представителяхъ всѣхъ общественныхъ слоевъ—мѣщанахъ и крестьянахъ. Всѣ они чувствовали себя здѣсь не паріями общества, а полноправными членами его. Съ оружіемъ въ рукахъ „подставляя груди свои“ бусурманину непріятелю, они готовы были также дать отпоръ и всякимъ несправедливымъ притязаніямъ общественной іерархіи, даже самимъ старостамъ, не смотря на всю полноту силы и авторитета, какою обладали эти вицекороли—единственные представители государственной власти въ этихъ, изъятыхъ изъ обычныхъ условій и нормъ военныхъ территоріяхъ, коменданты замковъ, доставлявшихъ единственную защиту и гарантію безопасности населенію, и предводители мѣстной милиціи, къ составу которой долженъ былъ принадлежать каждый здѣшній обыватель. Извѣстенъ, напр., бунтъ Каневцевъ и Черкассцевъ въ 1536 г., противъ своего старосты Тышковича, вслѣдствіе его поборовъ и всякихъ другихъ злоупотребленій, повлекшій за собою замѣну Тышковича другимъ лицомъ [1]). Подобный же бунтъ имѣлъ мѣсто нѣсколько лѣтъ спустя въ Побужьѣ: въ началѣ 1541 г. „вси земяне и мещане браславскіе и винницкие звязнивши ся [2]) напротивку старосты своего кн. Семена Пронского, поймавши старшого земянина Богуша Слупицу втопили, врядника князя Пронского вонъ выгнали и замокъ въ свою моцъ взяли, и самого князя Пронского у Веницы облегли“, взяли въ концѣ концовъ, забрали имущество старосты и вдобавокъ еще принудили его выдать имъ росписку, въ томъ, что онъ не будетъ жаловаться на нихъ в. князю въ случаѣ, если бунтъ обнаружится [3]). И мѣстные люди пред-

---

[1]) Архивъ III. I № 2, ibid. VIII. V № 24, Акты Ю. З. Р. II № 127 и спеціальная статья А. Яковлева: Бунтъ Черкассцевъ и Каневцевъ въ 1536 г.—Украина 1907, I.

[2]) То есть: „звасневши ся“, поссорившись.

[3]) Объ этомъ бунтѣ имѣемъ извѣстія въ нѣсколькихъ современныхъ документахъ: В. князь, увѣдомляя земянъ объ отставкѣ кн. Пронскаго, коротко упоминаетъ о бунтѣ (Архивъ Ю. З. Р. VIII. V № 15, ср. 17); изъ отвѣта кор. Боны на реляцію маршалка волынскаго, кн. Фед. Сангушка, узнаемъ, что онъ не могъ заняться

почитали жить полной жизнью здѣсь, среди тревогъ и вѣчной войны, заглядывая въ глаза смерти и татарской неволѣ, чѣмъ гнуться передъ паномъ и урядомъ въ болѣе безопасныхъ мѣстахъ. Предпочитали черпать полными руками изъ неистощимыхъ богатствъ „и великихъ пожитковъ тамошнихъ", вмѣсто того, чтобы бѣдствовать въ роли рабочаго инвентаря въ западной Украинѣ.

Ревизоръ не преминулъ пояснить намъ, въ чемъ состояли эти великіе украинскіе пожитки, привлекавшія сюда населеніе, несмотря на вѣчныя нападенія Татаръ, плохую защиту и полную небезопасность жизни и свободы. По всѣмъ направленіямъ отъ этихъ убогихъ замковъ тянулись безконечныя пространства плодородной земли; нетронутые еще лѣса и рощи давали отличныя пастбища и убѣжища для скота и его хозяевъ, а устроенная гдѣ-либо подъ защитой такого лѣса, среди безбрежнаго моря цвѣтущей степи, пасѣка при небольшомъ уходѣ давала массу прекраснаго меду и воску. Далеко-далеко на востокъ и югъ до самыхъ татарскихъ кочевій тянулись эти неисчерпаемо-богатые безграничные „уходы", гдѣ промышляли всякія „уходники", не зная ни чьей власти, имѣя надъ собой лишь горячее южное небо а вокругъ себя роскошныя степи, которыя потомъ такъ картинно изобразилъ, на основѣ старыхъ преданій, Заднѣпровецъ Гоголь.

Среди этого роскошнаго приволья уходники жили „постоянно на

раздѣломъ имѣній кн. Острожскихъ, вслѣдствіе брацлавскаго возстанія, которымъ долженъ былъ заняться; онъ созвалъ волынскихъ князей и шляхту, чтобы итти на выручку кн. Пронскому, но послѣ перемѣнилъ намѣреніе, боясь, какъ бы Брацлавцы и Винничане не отвѣтили на этотъ походъ какимъ либо еще болѣе рѣзкимъ шагомъ: „доведавши ся, замку не спалили, а сами до земли неприятельские не пошли", — счелъ за лучшее черезъ одного изъ винницкихъ землевладѣльцевъ убѣдить ихъ добромъ, „абы они таковыхъ речей понехали" (Archiwum Sanguszków IV № 223, ср. письмо в. князя по тому же вопросу—ibid. № 224). Претвичъ въ своей запискѣ тоже упоминаетъ объ этомъ фактѣ: Natenczas gdy Winniczanie i Bracławianie oblegli byli xiedza Prunskiego na Winnicy, byłem przy iego mosci (с. 54). И здѣсь, какъ и въ Черкасахъ, в. князь удалилъ старосту, хотя и пояснилъ въ особомъ письмѣ къ нему, что фактъ этого бунта не долженъ вредить его репутаціи (Архивъ VIII. V № 16). Быть можетъ въ связи съ этимъ бунтомъ стоятъ и позднѣйшія жалобы брацлавскихъ обывателей на своихъ старостъ (Archiwum Sanguszków IV № 361, Архивъ VIII. V № 26 и Любавскаго Сеймъ с. 504 и дальше), точно также какъ и споры черкасскаго населенія со старостами.

мясѣ, на рыбѣ, на меду изъ пасѣкъ", „варили себѣ медъ, какъ дома", не платя за это никакихъ податей, и съ богатыми запасами рыбы, меду, мѣховъ возвращались они на зиму въ города.

Не только изъ восточно-украинскихъ мѣстностей, но и изъ болѣе отдаленныхъ, полѣсскихъ и волынскихъ, каждую весну сотни людей смѣлыхъ и предпріимчивыхъ расходились по степнымъ „уходамъ", оставаясь здѣсь до глубокой осени. Черкасскіе мѣщане жаловались, что старосты, стремясь къ большимъ поборамъ, раздаютъ „уходы" „чужегородцамъ": Кіевлянамъ, Чернобыльцамъ, Мозырцамъ, Петриковцамъ, Быховцамъ, Могилевцамъ; такимъ образомъ видимъ здѣсь выходцевъ не только изъ украинскаго, но и изъ болѣе глубокаго, бѣлорусскаго Полѣсья [1]). По Припети и ея южнымъ притокамъ идутъ „комяги", везутъ товары „съ низу"—медъ, рыбу и другіе продукты, пріобрѣтенные волынскими промышленниками [2]). Число ихъ все возрастало, росла конкурренція между ними, и пользуясь этимъ украинскіе старосты увеличивали свои поборы. Нареканія украинскаго населенія па своихъ старостъ по этому поводу встрѣчаются на каждомъ шагу. Мѣстные люди—мѣщане прежде всего, стояли на томъ, что имъ за ихъ военную службу должно принадлежать свободное пользованіе „уходами"—„ничого не были повинни з тыхъ уходовъ старостамъ водлугъ старини давати, бо дей за то служимъ", какъ говорили они въ своемъ процессѣ съ черкасскимъ старостою въ 1544 г. [3]). Ревизорамъ въ 1552 г. они поясняли, что прежде черкасскому старостѣ принадлежало только пять „уходовъ", которыми онъ могъ распоряжаться—„даивалъ ихъ кому хотячи а з якое кольвекъ вити або части"; всѣ остальные были въ распоряженіи черкасскихъ мѣщанъ, и они, не нуждаясь ни въ чьемъ разрѣшеніи, занимались тамъ промыслами, платя старостѣ небольшую дань: съ ватаги уходниковъ одного бобра, съ рыбъ по 30 рыбъ (щукъ, карповъ, лещей, сомовъ), а если были осетры—одного осетра. Но старосты для увеличенія доходовъ замка и своихъ вводили все большіе поборы за право промышлять на „уходахъ" взыскивая ихъ не только съ постороннихъ, но и съ мѣстныхъ мѣщанъ. Пользуясь своей силой и властью, какую давали имъ условія мѣстной жизни, какъ комендантамъ замка, въ которомъ находило свою защиту и оборону все мѣстное насе-

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 85.
[2]) Źródła VI с. 62. [3]) Архивъ Ю. З. Р. VII. II с. 275.

леніе, старосты держали въ желѣзныхъ рукахъ мѣстное мѣщанство и безъ церемоніи вводили новые поборы.

Знаменитый Остафій Дашковичъ, такъ усердно изыскивавшій средства на пограничную оборону и борьбу съ Татарами, прославившійся у современниковъ, какъ пограничный богатырь и перешедшій въ потомство въ ореолѣ народнаго вождя и перваго организатора козачества, очень печальныя воспоминанія оставилъ о себѣ у мѣстнаго населенія увеличеніемъ поборовъ. Прежде къ Рождеству, на „колядку“ ватага изъ 5—6 человѣкъ давала старостѣ одну куницу, а Дашковичъ началъ брать съ каждаго мѣщанина по куницѣ, даже съ работниковъ ихъ и съ козаковъ взымалъ по куницѣ или лисицѣ, или деньгами по 12 грошей. Въ 1550-хъ гг. черкасскіе старосты брали съ уходниковъ впередъ, давая имъ разрѣшеніе, „поклонъ“ изъ разныхъ припасовъ (осьмакъ овса, то есть 5 бочекъ солянокъ, бочку крупъ, бочку солоду), также медомъ, или деньгами, и уходники другъ передъ другомъ набивали цѣну. Потомъ, когда уходники возвращались домой, староста беретъ съ нихъ въ качествѣ своей „выти“ осьмую часть всего: „з рыбъ, з сала, з мяса, з кожъ и со всего“. Съ каневскихъ уходовъ, какъ наиболѣе безопасныхъ и близкихъ, старосты хотѣли брать половину добычи и умышленно не давали разрѣшенія своимъ мѣщанамъ, претендовавшимъ на эти уходы за меньшую плату. Съ черкасскихъ мѣщанскихъ уходовъ, кромѣ своихъ замковыхъ, староста в 1551 г. взялъ деньгами 80 копъ; уходниковъ здѣсь было около 300 душъ. Каневскіе заднѣпровскіе, такъ называемые „сѣверскіе“ уходы, по словамъ боярина Чайки, завѣдывавшаго Каневомъ во времена Дашковича, приносили отъ испольниковъ 90 кадей меду, помимо бобровъ, рыбы, мяса и другихъ припасовъ—не принимая, очевидо, въ расчетъ различныхъ самозванныхъ уходниковъ, бездомныхъ козаковъ, которые, ни кого не спрашивая и не заботясь о старостѣ „чинили переказу“ уходникамъ, живя даже „уставично“ на уходахъ [1]). Добыча должна была получаться въ самомъ дѣлѣ громадная, если уходники находили возможнымъ, не считая риска, труда и расходовъ, удовольствоваться лишь половиной добычи, и для этого странствовать изъ волынскихъ, пинскихъ или могилевскихъ земель куда либо на Рось, или же въ заднѣпровскіе, „сѣверскіе“ уходы [2]).

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 103.
[2]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 85 и 103.

Медъ у уходниковъ забирали мѣстные старосты въ свои корчмы. То же самое хотѣли они дѣлать съ мѣхами—въ Черкасахъ жаловались, что староста, помимо двухъ бобровъ, которыхъ прежде давали отъ ватаги—одинъ для старосты, другой—на городъ, сталъ брать еще „вытъ"—седьмого бобра, а остальное покупалъ по цѣнѣ, какую самъ назначалъ, не выпуская изъ замка. Хотѣлъ ввести монополію даже на рыбу, но это не удалось, и по Днѣпру, мимо Кіева, въ результатѣ каждой кампаніи шли десятки огромныхъ комягъ съ рыбою: „а бываетъ комягъ о колькодесять одное осени". Мѣстные люди и разные „чужеволостцы": Мозырцы, Могилевцы, Рогачевцы, Рѣчичане, точно такъ же Волыняне и Подляшане везли рыбу, свѣжую и вяленую, соленую въ бочкахъ, осетровъ штуками и въ бочкахъ, бѣлугу—самую благородную рыбу, которая поэтому и забиралась вся въ качествѣ таможенной пошлины для кіевскаго воеводы [1]).

Рѣчной промыселъ—рыбная ловля и связанная съ ней ловля бобровъ,—составлялъ главную категорію этихъ отхожихъ промысловъ и въ теченіе всего дальнѣйшаго времени оставался главнымъ промысломъ и источникомъ пропитанія для козачества „низового и рѣчного". Описаніе черкасскаго замка довольно подробно перечисляетъ главные пункты этого промысла по Днѣпру и его притокамъ, начиная отъ Черкасъ: уходъ и станъ Дубослей съ озерами уступными и затонами, ловлями рыбы и бобровъ, такой же уходъ и станъ Еланскій—оба принадлежали старостѣ; устье Сулы и Пивскій уходъ—собственность Пустынскаго монастыря; уходъ Воловскій, Кременчукъ, Лисокъ, устье Тясмина и всѣ уходы по Тясмину—мѣщанскіе черкасскіе, за исключеніемъ ухода Родіоновскаго, принадлежавшаго князьямъ Глинскимъ и Бузуковскаго ухода Печерскаго монастыря; уходъ Пселскій, Ревуче, Кишенка (при устьѣ Ворсклы), Волчій Островъ, Орель со своими уходами, точно такъ же и Романовскій уходъ—черкасскихъ мѣщанъ; Протолчъ—принадлежалъ старостѣ; уходъ Кошоумъ, Бѣлоозеро, Отмутъ—черкасскіе; устье Самары—Печерскаго монастыря, а выше, до самыхъ истоковъ Самары—черкасскіе; уходы у пороговъ принадлежали старостѣ: Волницкій, Ненасытецкій и дальше: Плетеница, Томаковка, Базавлукъ, Носовскій, Аргачинскій, Таваньскій—на извѣстномъ крымско-днѣпровскомъ пути [2]).

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I ст. 112.
[2]) Ibid. VII. I с. 84—5.

Вторую категорію промысловъ составляютъ пасѣки. Онѣ не такъ глубоко заходятъ въ степь: самыя дальнія упоминаются по Тясмину и Ворсклѣ. Съ уходовъ на Ворсклѣ староста въ 1550-хъ гг. получаетъ 11 кадей меду, количество весьма значительное [1]).

Охота на звѣрей упоминается подъ Черкасами за Днѣпромъ: здѣсь староста охотился по первой порошѣ и въ это время никому нельзя было заниматься охотою; въ другихъ мѣстахъ, очевидно, предоставлялось полная свобода, и охота нѣсомнѣнно была распространена очень широко; стоитъ лишь припомнить преувеличенные разсказы Михайла Литвина о массахъ звѣрей и дикихъ лошадей, или же вскользь брошенную его современникомъ Претвичемъ замѣтку, о томъ что въ степяхъ „звѣрей вездѣ довольно — дикихъ коней, зубровъ, оленей", и отъ слѣдовъ ихъ табуновъ трудно отличить слѣдъ небольшой ватаги Татаръ [2]). Ловля дикихъ лошадей была широко распространена въ этихъ мѣстахъ. Изъ словъ описанія черкасскаго замка 1552 г. выходитъ, что мѣстное населеніе практиковало выпасъ лошадей въ дикихъ степяхъ на свободѣ: если кто-либо выгоняетъ одну или больше лошадей „з диковъ", онъ обязанъ привести ихъ въ замокъ, и въ замкѣ владѣлецъ забираетъ своихъ лошадей отдавъ извѣстную плату, кто ихъ поймалъ.

Далѣе къ этимъ степнымъ промысламъ примыкаетъ „солеництво"—чумачество, вывозъ соли изъ черноморскихъ лимановъ. И наконецъ—засады и охота на татарскіе „бутынки"—различнаго рода добычу, начиная отъ нападеній на татарскихъ пастуховъ, захвата овецъ и лошадей изъ татарскихъ стадъ — до засадъ и стычекъ съ татарскими ватагами, разбоя и захвата въ плѣнъ Татаръ, когда къ тому представлялся случай. „Доходъ з бутынковъ" играетъ также не маловажную роль въ экономической жизни Черкасъ въ первой половинѣ XVI в., въ доходахъ населенія и администраціи замка и въ ихъ спорахъ по вопросу о замковыхъ налогахъ и поборахъ [3]).

Чтобы получить представленіе о томъ, какъ эти отхожіе промыслы переходили въ стычки съ Татарами, разбои и парти-

---

[1]) Ibid. VII. I с. 86. ср. въ процессѣ 1536 г. мѣщанскіе „пасѣки звѣчистыя на Тясмени".

[2]) Апологія Претвича, с. 49.

[3]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 83, 86, т. II ч. 18.

занскую войну, мы должны перенестись въ тѣ условія, когда эти украинскіе замки были укрѣпленными лагерями на театрѣ пограничной войны, гдѣ все жило на военную ногу, и выйдя лишь за ворота своего города или замка, могло подвергнуться всяческой опасности со стороны „людей непріятельскихъ“. Еще въ концѣ XII в., когда обстоятельства украинской жизни уже значительно измѣнились къ лучшему, благодаря росту народной самозащиты, путешественникъ Лассота описываетъ практику земледѣльческихъ работъ „оборонной рукою“. Проѣзжая черезъ Прилуку (подольскую), на границѣ Брацлавскихъ и Кіевскихъ земель, т. е. въѣзжая въ территорію, только что начинавшую осѣдло колонизоваться во второй половинѣ XVI в., онъ записываетъ: „городъ этотъ имѣетъ отличныя плодородныя поля и нивы, а среди нихъ нерѣдко виднѣются странные маленькіе, обособленные домики съ бойницами: туда скрываются крестьяне, если на нихъ внезапно и врасплохъ нападутъ Татары, и защищаются оттуда, такъ какъ каждый крестьянинъ, идя въ поле, беретъ на плечо свое ружье и припоясываетъ свою саблю или тесакъ (Tessaken), такъ какъ Татары шныряютъ здѣсь очень часто и отъ нихъ почти никогда нельзя быть въ безопасности“ [1]). Украинская народная пѣсня живо описываетъ эту опасную обстановку, въ которой приходилось вести хозяйство даже по сосѣдству съ селомъ:

Ой в неділеньку рано пораненьку
Тай ізібрав женців Коваленко,
Хлопці, дівчата, та все молодиї,
Поробив їм серпи та все золотиї.
Ой повів женців долом-долиною
А на тую пшениченьку на озимую:
Ой жніте, женці, розжинайте ся,
І на чорную хмару оглядайте ся,
А піду до дому та поснідаю
В неділю раненько пообідаю.
О і жнуть женці, розжинають ся,
На чорную хмару озирають ся,
Ой тож не хмара — то Орда їде,
А Коваленко передок веде.
Вязали руки та скрипицею,
А залили очі да живицею [2]).

---

[1]) Tagebuch des E. Lassota c. 201 (Мемуары, изд. Антоновичемъ, I с. 153—4).

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ. Истор. пѣсни I № 25, вар. А. и В. (я свожу эти два варіанта воедино).

Съ тѣмъ большимъ рискомъ были связаны промыслы по далекимъ уходамъ, за десятки миль отъ замка. Эксплоатація мѣстныхъ природныхъ богатствъ часто оплачивалась смертью или неволей; не даромъ въ черкасской уставной грамотѣ объ „отумерщинѣ“ какъ обычная альтернатива выступаетъ: „который мещанинъ тамошний умретъ або его Татарове возмутъ“ [1]. „Ни одинъ годъ не пройдетъ безъ того, чтобъ гдѣ-нибудь Татары не забрали рыбаковъ“, поясняетъ Претвичъ въ своихъ запискахъ, разсказывая, какъ однажды онъ устроилъ Татарамъ засаду: выслалъ брацлавскихъ рыбаковъ на Бугъ, а самъ пошелъ за ними слѣдомъ, и когда дали ему знать, что Татары дѣйствительно разбили этихъ рыбаковъ „на живой водѣ“, онъ погнался за ними со своими служебниками и разгромилъ Татаръ. Въ другомъ случаѣ упоминаетъ онъ о Татарахъ, направлявшихся изъ земель в. кн. Литовскаго (приднѣпровскихъ) — „позабиравши людей по уходамъ, изъ пасѣкъ медъ повыбиравши“ [2].

Такимъ образомъ уходничество требовало громадной отваги и знанія степи и ея условій, татарскихъ обычаевъ и привычекъ. Въ отважныхъ людяхъ не было недостатка: какъ мы видѣли, во второй четверти XVI в. наплывъ уходниковъ все возрасталъ и они другъ передъ другомъ набивали вкупную плату и старостину „выть“ за разрѣшеніе уходничества, ни во что считая и невыгоду, и необезпеченность въ сравненіи съ богатствомъ добычи. Для большей безопасности, и по условіямъ самаго промысла, соединялись они въ артели, болѣе или менѣе многочисленныя и, разумѣется, вооруженныя на случай встрѣчи съ Татарами, а для обороны сооружали въ своихъ уходахъ иногда спеціальные „городцы“, подобные тѣмъ, какіе видѣлъ Лясота на Побужьѣ, устраивали засѣки („сѣчи“) или другія укрѣпленья. Въ 1541 г. черкасскіе мѣщане и слуги жаловались между прочимъ на своего старосту и за то, что онъ не позволялъ имъ строить этихъ „городковъ“ или пользоваться ими въ уходахъ [3].

Промыслы такимъ образомъ неизбѣжно должны были вестись вооруженной рукой и велись въ дѣйствительности, а ватага уходниковъ, или цѣлая группа ватагъ, промышлявшая на извѣстномъ уходѣ, гдѣ нибудь по сосѣдству съ татарскими кочевьями на нижнемъ Днѣпрѣ, Бугу или Ингулѣ, представляла собой

---

[1]) Жалоба 1536 г., см. выше.

[2]) l. c. с. 55 и 58. [3]) Архивъ VII. II с. 372.

одновременно и промышленную компанію и извѣстную военную силу. Стоя лицомъ къ лицу передъ постоянной тревогой отъ Татаръ, то и дѣло претерпѣвая отъ нихъ разныя потери, она съ своей стороны не упускала случая дать Татарамъ реваншъ за тѣ „переказы", какіе терпѣла отъ нихъ въ своихъ промыслахъ. Развивался извѣстнаго рода пограничный спортъ: кто кого—Татары нашихъ, или наши Татаръ, какъ выражается современникъ, описывая украинское пограничье [1]). Какъ для однихъ, такъ и для другихъ это было одинаково вопросомъ, такъ сказать, чести, какъ и совершенно реальнаго заработка, и заработокъ этотъ даже былъ, какъ я уже указалъ, совершенно опредѣленно учтенъ мѣстною администраціею, таксированъ и обложенъ податью. „Кгды ся придастъ Черкасцомъ бутынокъ або языки (плѣнники) з людей неприятельскихъ, тогды старосте з бутынку того одно што лепшое: кони, або зброя, або языкъ, а иншии языки и бутынокъ имъ; такъже кгды козаки з земли неприятельскои здобывши ся приприходятъ, з добытку того старосте одно што лепшое".

Здѣсь ясно проводится различіе между добычей военной и пріобрѣтаемой случайнымъ грабежомъ Татаръ, ставшимъ уже съ конца XV в. обычнымъ явленіемъ украинской жизни этой пограничной полосы. Въ 1489 г. люди кіевскаго воеводы Юрія Паца разбиваютъ торговый караванъ московскихъ купцовъ на днѣпровской переправѣ у Тавани [2]). Отъ 1492 г. имѣемъ жалобу крымскаго хана на такія мелкія нападенія: „Кіевляне и Черкассцы, прибывъ Днѣпромъ, подъ Тягинею корабль (татарскій) разбили и человѣка одного взяли, и много вещей и денегъ забрали; затѣмъ другого человѣка взяли и нѣсколько воловъ съ нимъ забрали; потомъ подъ Тягинею тѣ же Черкассцы взяли 10 коней и 3 человѣкъ въ неволю забрали" [3]). Къ концу 1490-хъ г.г. Черкассцы на пути подъ Очаковъ, грабятъ московскаго посла около Тавани, и опять, спустя нѣсколько лѣтъ „кіевскіе Черкассцы", какъ называетъ ихъ московская записка, воюютъ съ Татарами подъ Очаковымъ [4]). Изъ уходовъ Нижняго Днѣпра въ началѣ XVI в. „козаки" прокрадываются рукавомъ Днѣпра, минуя татарскіе городки на Тавани, съ цѣлью пограбить Татаръ, и ханъ приказываетъ этотъ рукавъ „лесою пе-

---

1) Paprocki Herby rycerstwa polskiego c. 221.

2) Памятники снош. съ Крымомъ I с. 23.

3) Сборникъ Пуласкаго № 24.

4) Памятники снош. съ Крымомъ I с. 194—6, 305, см. еще ниже.

реплесть и камнемъ засыпать“ [1]). Въ 1524 г. Дашковичъ доноситъ в. князю о большомъ неудовольствіи хана по поводу того, что черкасскіе козаки разгромили и побили купцовъ изъ Кафы [2]). Въ 1540-хъ гг. ханъ, отвѣчая на жалобу литовскаго правительства на татарскія нападенія, съ своей стороны жаловался, что литовскіе люди „на Тавани, на Днѣпрѣ, на Бургунѣ (переправа тамъ же, около Тавани), на Черной Криницѣ, на Дробныхъ Криницахъ, на Самарѣ людей нашихъ бьютъ, купцовъ громятъ, иныхъ убиваютъ, а иныхъ живьемъ въ неволю берутъ, товары ихъ забираютъ, улусы громятъ, скотъ и стада безъ числа берутъ; солепромышленники, приходящіе къ Кочубееву, забираютъ въ неволю и убиваютъ людей нашихъ, кого только встрѣтятъ: въ прошломъ году солепромышленники, прибывъ за солью, поймали Татарина, по имени Сарычору, и увели съ собою; также въ прошломъ году ваши люди поймали на Тавани и убили слугу (ханскаго, посланнаго гонцомъ) Джанъ-Гильдея, съ нимъ былъ одинъ купецъ Атока—его товары забрали и теперь никто изъ нашихъ слугъ не осмѣливается ѣхать въ посольствѣ“ [3]). Къ этой серіи принадлежалъ также извѣстный эпизодъ о томъ какъ козаки разгромили на Санжаровѣ купеческій турецко-татарскій караванъ [4]).

Это была непрекращающаяся партизанская пограничная война, въ которой украинское населеніе срывало свое сердце на Татарахъ за тотъ вѣчный страхъ и тревогу, въ которой держали они Украину, за ихъ вѣчныя опустошенія и грабежъ. Эта охота на Татаръ, какъ я уже сказалъ, становилась спортомъ и—вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно опредѣленнымъ источникомъ дохода для этой передовой стражи украинской колонизаціи. Затѣмъ время отъ времени въ томъ же духѣ производились болѣе значительныя экспедиціи на татарскія кочевья и укрѣпленья—иногда тѣмъ же украинскимъ населеніемъ, на свой страхъ, иногда организованныя самими украинскими старостами или иными представителями мѣстной администраціи.

Такъ уже въ 1493 г., отвѣчая Татарамъ за нападеніе на Черкасы, староста черкасскій кн. Богданъ Глинскій напалъ на вновь сооруженную Татарами очаковскую крѣпость, взялъ ее и

[1]) Ibid. № 120 (1510).
[2]) Acta Tomiciana VIII № 51.
[3]) Книга посольская в. кн. Литовскаго I с. 22.
[4]) См. т. VI моей Історіи с. 10—1.

разрушилъ, погромилъ Татаръ, многихъ увелъ съ собой[1]). Отъ 1490-хъ гг., безъ болѣе точной даты, имѣемъ упоминаніе о томъ, что „Черкасы кіевскіе“ били Татаръ подъ Очаковымъ и забрали въ неволю Татаръ очаковскихъ[2]). Зимой 1502/3 гг. упоминается походъ „кіевскихъ и черкасскихъ козаковъ“ на лодкахъ по Днѣпру, когда они разбили гдѣ-то около тягинскаго перевоза военный татарскій эскортъ, сопровождавшій пословъ[3]). Въ слѣдующихъ годахъ такіе походы Татаръ по Днѣпру стали такъ надоѣдать Ордѣ, что ханъ собирался построить новый городокъ на днѣпровскомъ островѣ и перегородить Днѣпръ цѣпями, чтобъ не было возможности ѣздить ни вверхъ, ни внизъ[4]). Но наши извѣстія объ этихъ экспедиціяхъ на Татаръ настолько случайны и неполны, что объ этихъ, такъ надоѣдавшихъ Ордѣ походахъ по Днѣпру ничего болѣе точнаго не знаемъ.

Въ 1516 г. имѣемъ извѣстный походъ Предслава Лянцкоронскаго, старосты хмѣльницкаго—довольно незначительный самъ по себѣ, очевидно—одинъ изъ очень обычныхъ нападеній такого рода. Польскіе шляхтичи изъ расположеннаго въ подольскихъ земляхъ войска, съ разными добровольцами пограничниками, подъ предводительствомъ Лянцкоронскаго пошли подъ Очаковъ и взяли большія стада овецъ на нижнемъ Днѣстрѣ. Съ этой добычей они двинулись поскорѣе назадъ; Турки изъ Бѣлгорода (Аккермана) догнали ихъ и вступили съ ними въ битву надъ лиманомъ Днѣстра, однако Лянцкоронскому удалось отразить ихъ[5]).

Въ 1523 г. имѣлъ мѣсто какой то очень значительный, но, къ сожалѣнію,—совершенно неизвѣстный въ подробностяхъ, походъ Дашковича въ Крымъ. Пользуясь замѣшательствомъ въ Ордѣ, гдѣ въ то время сложилъ свою голову ханъ Махметъ-гирей, а быть можетъ и выступая въ качествѣ союзника одной изъ

---

[1]) Памятники сношеній съ Крымомъ I с, 196.

[2]) Памятники снош. съ Крымомъ I с. 305. Судя по контексту этаго реестра убытковъ, начинающагося погромомъ 1493 г., когда Черкассцы разграбили Суботу, нельзя думать, что инцидентъ съ московскими купцами Морозовымъ и Ширшикомъ случился тогда-же—это долженъ быть другой, позднѣйшій походъ на Очаковъ, когда Черкассцы разграбили только очаковскія окрестности.

[3]) Ibid. с. 476.

[4]) Пуласкаго док. 120 (дальнѣйшее упоминаніе о литовскихъ козакахъ, прокрадывающихся за Таванью—приведенное выше, на ...,—объясняетъ намъ, о чемъ тутъ рѣчь).

[5]) Ваповскій с. 143.

татарскихъ партій, Дашковичъ сжегъ Очаковъ и произвелъ сильное опустошеніе въ Крыму [1]).

Въ концѣ 1528 г. упоминается большая экспедиція пограничныхъ старостъ на татарскія стада подъ Очаковъ; ходилъ староста черкасскій Дашковичъ, „старосты винницкій и брацлавскій"—т. е., вѣроятно, намѣстники-подстаросты кн. Констант. Острожскаго, управлявшаго тогда Винницею и Брацлавомъ, и староста хмѣльницкій Лянцкоронскій. Всего собраннаго ими „войска" польскій хронистъ насчитываетъ 1200 конницы, „Поляковъ и Русинъ". Они угнали большія стада лошадей и овецъ; Татары пробовали обороняться, но были разбиты въ трехъ битвахъ (разумѣется это могли быть лишь какіе-нибудь мелкіе татарскіе отряды), и старосты съ тріумфомъ привели съ собою, какъ говорятъ, 500 лошадей и 30 тыс. овецъ [2]). Разохоченные этимъ успѣхомъ, подольскіе авантюристы на слѣдующій годъ задумали новую экспедицію. Во главѣ ихъ стояли два молодые магната изъ Украины: Язловецкій и Пилецкій. Собравши около 2000 человѣкъ изъ пограничнаго войска и разныхъ другихъ любителей, Поляковъ и Украинцевъ [3]), они задумали воспользоваться тогдашнимъ междоусобіемъ: борьбой Исламъ-султана съ ханомъ Сеадатомъ, и произвели нападеніе на очаковскихъ Татаръ. Впередъ, на развѣдки былъ высланъ какой-то Русинъ, знакомый съ мѣстностью и дорогами; онъ встрѣтилъ татарскія стада овецъ, и пользуясь этимъ случаемъ, забралъ ихъ и угналъ; но встрѣтившіеся по дорогѣ волошскіе пастухи напали на него, забрали стада, а самого убили. Язловецкій, не получивъ извѣстій, двинулся со своимъ войскомъ къ татарскимъ кочевьямъ и, заставъ ихъ въ расплохъ, разбилъ, разграбилъ и угналъ изъ подъ Очакова большія стада лошадей—около трехъ тысячъ, какъ говорили. Но Очаковъ былъ въ то время уже въ рукахъ Исламъ-султана; этого Язловецкій не зналъ, а Исламъ, раздраженный нападеніемъ, задумалъ отомстить такимъ вѣроломнымъ союзникамъ.

---

[1]) Карамзинъ VII с. 78 (на основѣ крымскихъ актовъ, вполнѣ неизданныхъ до сихъ поръ); Соловьевъ V с. 1635 (короткое указаніе, быть можетъ, по Карамзину). Смирновъ въ своей исторіи Крыма не упоминаетъ даже объ этомъ эпизодѣ, не касаясь вообще ближе тогдашнихъ междоусобій.

[2]) Ваповскій с. 224.

[3]) Poloni et Roxani—во всемъ этомъ эпизодѣ у Ваповскаго (какъ ниже).

Онъ выслалъ пословъ къ Язловецкому, съ требованіемъ объясненія по поводу этого нападенія, приглашая къ себѣ на объясненіе. Язловецкій, сбитый съ толку такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла—что разбитымъ оказался союзникъ,—заявилъ о своей готовности дать всяческое удовлетвореніе: вернуть забранныхъ коней и явиться вмѣстѣ съ другими своими товарищами къ Исламу въ Очаковъ. Но прибывъ туда они были арестованы, а оставленное Язловецкимъ войско разбито внезапнымъ нападеніемъ. Исламъ хотѣлъ удержать Татаръ отъ дальнѣйшей мести, но это ему не удалось, и мало кто изъ отряда Язловецкаго остался тогда въ живыхъ [1]).

Такъ мелкая пограничная война на уходахъ, мелкія экспедиціи и нападенія, производимыя самимъ населеніемъ, при благосклонной нейтральности или поощреніи мѣстной администраціи, и оборонительныя „погони" за Татарами незамѣтными переходами превращались въ военные походы на татарскія земли, организованные представителями мѣстной администраціи. Разбойническій промыселъ Татаръ своими примѣрами вліялъ на организацію аналогичнаго военно-разбойничьяго промысла среди украинскаго населенія; изъ оборонительной организаціи формировалось военное ремесло наступательное, агрессивное; изъ жителей, обязанныхъ къ оборонительной службѣ,—образовывались спеціалисты войны, для которыхъ послѣдняя становилась стихіей.

Претвичъ въ своихъ интересныхъ запискахъ поясняетъ, что Татарскія нападенія стали хроническимъ явленіемъ потому, что сдѣлались источникомъ пропитанія для населенія, источникомъ прибыли для мѣстныхъ капиталистовъ, источникомъ доходовъ для администраціи и правительства. Капиталисты „Турки" въ Бѣлгородѣ и Очаковѣ, точно также очевидно и въ Кафѣ или Козловѣ давали разной татарской голытьбѣ лошадей въ долгъ для набѣговъ подъ условіемъ, что Татаринъ за это удѣлитъ имъ половину добычи, пріобрѣтенной въ этомъ нападеніи; посылали съ ними также своихъ слугъ и наемниковъ на свой рискъ. Получая такимъ образомъ часть добычи, они и остальную часть ея покупали у этой голытьбы за безцѣнокъ. Администрація, поясняетъ Претвичъ дальше, получала большіе доходы отъ продажи добычи: при продажѣ невольника продавецъ платилъ 300 аспръ мѣстному фиску, покупатель столько же, „и такъ султанъ еже-

[1]) Acta Tomiciana XI № 303 (ср. 314) и Ваповскій с. 225—8.

годно получалъ по нѣсколько сотъ тысячъ аспръ отъ продажи людей въ Очаковѣ и Бѣлгородѣ“ [1]). Совершенно подобнымъ образомъ, какъ мы видѣли, и украинская администрація взимала разныя поборы и оплаты съ добычи, пріобрѣтенной мѣстными людьми въ погоняхъ за Татарами и въ общихъ походахъ съ администраціей или захваченной во время степной войны съ Татарами. Начиная съ писемъ Сигизмунда Стараго къ приднѣпровскимъ старостамъ 1541 г., въ которыхъ онъ горько упрекаетъ ихъ въ томъ, что они позволяютъ козакамъ нападать на татарскія улусы, а „той ихъ добычей пополамъ дѣлятся“ [2]), такіе упреки со стороны литовско-польскаго правительства становятся общимъ мѣстомъ въ письмахъ къ пограничной администраціи. Для польскихъ войскъ, расположенныхъ въ Подольскихъ земляхъ какъ и для различнаго военнаго люда въ Приднѣпровьи, былъ извѣстный интересъ вызвать татарское нападеніе, чтобы затѣмъ разгромить Татаръ, и то не тогда, когда они шли съ пустыми руками, а въ то время когда они уже возвращались, нагруженные добычей, такъ какъ въ такомъ случаѣ эта добыча поступала въ распоряженіе побѣдителей, возвращавшихъ вещи ихъ собственникамъ лишь за извѣстный выкупъ, или же вовсе ее присваивавшихъ [3]). Это обстоятельство можетъ намъ въ извѣстной степени объяснить, почему на Татаръ нападаютъ обыкновенно тогда, когда они уже возвращаются. И какъ со стороны Татаръ мелкіе наѣзды стали обычнымъ явленіемъ, ремесломъ для пропитанія, и практиковались десятки разъ въ годъ, съ небольшимъ рискомъ и затратами,—такъ и со стороны Украины развивались наѣзды на Татаръ—то въ формѣ погони, вызванной татарскимъ наѣздомъ, то въ формѣ реванша, или съ цѣлью устрашенія на будущее время. Интересно послушать объ этомъ разсказъ Претвича, одного

---

[1]) Ор. с. с. 49 ср. 51.

[2]) Акты Ю. и З. Р. I № 105, о нихъ еще ниже въ гл. II.

[3]) Ср. королевское распоряженіе 1518 г., установлявшее условія выкупа добычи собственниками у войскъ. Акты Бар. староства I № 31—Corpus iuris polonici III № 195. Поводомъ къ изданію этого распоряженія послужило то обстоятельство, что солдаты и другіе участники погонь за Татарами присваивали себѣ добычу и не возвращали собственникамъ. Король устанавливаетъ таксу выкупа, ut et damna passi sua se reperisse gaudeant, recuperatores vero eiusdem praedae ad recuperandam aliam reddantur hoc pretio et lucro pro labore eorum et opera alacriores. Такъ смотритъ само правительство!

изъ извѣстнѣйшихъ представителей этой воинственной украинской администраціи:

„Первый походъ его (Претвича) въ степи на Татаръ былъ въ то время, когда п. воевода белзскій (Сенявскій, гетманъ польный) ходилъ къ Дубовому лугу перерѣзать путь Татарамъ, которые пошли было на в. кн. Литовское и, идя по дорогѣ къ Журнобродщинѣ, позабирали людей въ пасѣкахъ, а медъ повыбирали, и обманули п. воеводу. А онъ, узнавъ, что они уже повернули домой, послалъ меня со своими слугами вдогонку. Догнавъ ихъ у Аджибека (Хаджибейскій лиманъ?), разбилъ ихъ, забралъ въ плѣнъ и отбилъ у нихъ людей королевскихъ; лошадей при этомъ получилъ 170, а между ними была половина турецкихъ, данныхъ изъ половины добычи, какъ всегда они даютъ. Потомъ на слѣдующій годъ пришло татарское войско съ султаномъ Эджибекомъ; воевода белзскій съ воеводою подольскимъ разбилъ ихъ около Паньковичъ, и они возвратились отъ Паньковичъ, а я, отпросившись у нихъ итти еще дальше за Татарами, отправился со своими слугами. Отправившись, встрѣтился я въ степи съ людьми воеводы молдавскаго и догналъ Татаръ подъ Беримбоемъ, ночью; въ эту ночь сражался съ ними трижды; были со мной еще и Браславцы. А Татары были бѣлгородскіе, очаковскіе и добруджскіе. Лошадей намъ досталось 560, а между ними турецкихъ было до 200. Потомъ пришло татарское войско и „брало“ въ винницкой волости— тогда взяли пана Миска. Были Татары бѣлгородскіе и очаковскіе, и съ ними Турокъ до 300. Снарядившись, пошелъ я рядомъ, чтобъ отрѣзать путь бѣлгородскимъ; одинъ уланъ, ханскій родственникъ, повернулъ съ бѣлгородскими Татарами, и я подстерегъ ихъ у Чапчаклея и разбилъ, а того улана и Атоку поймалъ живымъ [1]).

„На слѣдующій годъ осенью приходило нѣсколько сотъ Татаръ очаковскихъ и бѣлгородскихъ, «брали» до Бара и подъ Хмѣльникомъ. Я тогда стерегъ дороги, и теперешній воевода кіевскій, а тогда староста брацлавскій (кн. Пронскій), прислалъ ко мнѣ сказать, что Татары грабятъ, поэтому, прошу васъ спѣшить ко мнѣ; и велѣлъ итти къ нему въ Мушуровъ [2]). Соединившись тамъ съ нимъ, мы пошли за ними и догнали ихъ задніе отряды около Чапчаклея. Мы захватили ихъ живыми, и они дали

[1]) Ор. с. с. 53 и сл. [2]) Въ ориг. Nussurow.

намъ знать, что передніе должны были ждать ихъ на верховьяхъ Березанскихъ: они должны были отослать плѣнниковъ, а сами вновь итти въ королевскія земли. Тогда, переодѣвъ своихъ людей (Татарами), мы выслали ихъ впередъ, а сами пошли за ними и разбили ихъ на-голову: взяли плѣнниковъ больше 50, а лошадей досталось намъ больше 1000, и между ними было около 150 лошадей турецкихъ, на которыхъ Турки высылаютъ Татаръ на войну.

„Когда Винничане и Брацлавцы обложили было кн. Пронскаго въ Винницѣ[1]), я былъ съ нимъ. Подошелъ Билекъ мурза съ другими, забрали людей изъ Демидовецъ и у меня взяли двѣ съ половиной тысячи овецъ, которыхъ я взялъ раньше у буркулабовъ сорокскихъ, и трехъ слугъ у меня забрали. Послалъ я за ними въ погоню слугъ, но они не могли ихъ догнать и вернулись; но встрѣтились съ бѣлгородскими Татарами, которые шли изъ в. кн. Литовскаго,—разбили ихъ, отобрали людей королевскихъ, и плѣнниковъ взяли живьемъ. Потомъ бѣлгородскіе Татары воевали въ в. кн. Литовскомъ. Кн. Пронскій пошелъ перерѣзать имъ путь къ Нерубаю, а я съ слугами своими стерегъ ихъ на бродахъ подъ Кременчукомъ. Пока мы пришли подъ Нерубай, Татары уже прошли мимо; но часть ихъ наткнулась на моихъ слугъ, которые ихъ частью побили частью живьемъ забрали.

„На слѣдующій годъ Татары бѣлгородскіе и добружскіе воевали подъ Овручемъ и подъ Хмѣльникъ заходили. П. воевода (Сенявскій), собравшись, пошелъ за ними, а кн. Пронскій, не сходясь съ нимъ, пошелъ за ними со своими людьми по той сторонѣ Буга. Татары поймали его стражу, замѣтивъ, что люди идутъ за ними по обоимъ берегамъ Буга. П. воевода стерегъ ихъ на бродахъ, но не будучи въ состояніи подстеречь, вернулся назадъ одинъ, а меня оставилъ со слугами. Я послалъ стражу дальше по Бугу, и мнѣ дали знать, что Татары переправляются ниже Чапчаклея. Я тогда пошелъ за ними въ погоню; пришелъ подъ самый очаковскій замокъ, а Татаръ не нашелъ. Послалъ къ очаковскому воеводѣ, спрашивая его, гдѣ тѣ Татары. А онъ сказалъ: вы себѣ вѣдайтесь съ Татарами и дѣлайте съ ними, что хотите; въ городѣ ихъ нѣтъ, они на верховьяхъ Березанскихъ. Я пошелъ тогда на нихъ, разбилъ ихъ тамъ и мно-

---

[1]) Въ началѣ 1541 г., см. выше с. 69.

го живьемъ захватилъ; женщинъ и дѣтей покололъ, потопталъ, мстя за нашу обиду. И коней взялъ у нихъ тамъ свыше 500".

Претвичъ пишетъ свою записку защищаясь отъ обвиненій какъ съ турецкой стороны, такъ и со стороны самихъ правительственныхъ круговъ Польши убѣжденныхъ, что его нападенія на Турокъ грозятъ Польшѣ опаснымъ конфликтомъ. Поэтому онъ упоминаетъ о тѣхъ походахъ съ своей стороны, какіе были вызваны Татарами и подчеркиваетъ оборонительные мотивы этой пограничной войны. По его словамъ, лучшая организація стражи и другія улучшенія въ оборонѣ (большее вниманіе, посвященное польскими гетманами этой оборонѣ, устройство новыхъ замковъ, особенно Бара) удержали Татаръ отъ большихъ походовъ на зап. Украину въ этихъ 1540-хъ гг.; они начали пробираться болѣе мелкими отрядами, а противъ этого было единственнымъ средствомъ—не спускать этихъ нападеній, гнаться, искать этихъ разбойниковъ въ ихъ собственныхъ норахъ, подъ турецкими замками.

„Воевода белзскій, увидѣвъ, что этихъ людей (татарскихъ), нападающихъ небольшими отрядами и забирающихъ людей, онъ не можетъ подстеречь, такъ чтобы разбить ихъ еще тутъ, на королевской землѣ, а убытки и опустошенія, благодаря этому, всей Украинѣ причиняются большія,—обратился къ великому гетману, прося инструкцій по этому вопросу—можно ли гнаться за Татарами въ степи, гдѣ они прячутся въ сосѣдствѣ султанскихъ (турецкихъ) замковъ; и п. гетманъ приказалъ гнаться за ними далеко какъ только можно и бить ихъ, гдѣ только Богъ даетъ". „И такъ воевода белзскій началъ подстерегать и гнать Татаръ, а съ нимъ и мы, королевскіе слуги —размножилось ихъ въ в. кн. Литовскомъ: кн. Пронскій, теперешній воевода кіевскій, а теперь также кн. Корецкій (староста брацлавскій въ 1548—50 гг., до того житомирскій), кн. Вишневецкій (извѣстный Дмитрій Байда), кп. староста владимирскій (Сангушко Федоръ, умершій въ 1547 г.). Когда они появились и начали обучаться рыцарскому дѣлу при воеводѣ белзскомъ, тогда начали заростать пути и этимъ мелкимъ ватагамъ въ землю королевскую, особенно бѣлгородскимъ и очаковскимъ, причинявшимъ въ тѣ времена наибольшій вредъ, несмотря на перемиріе короля съ султаномъ турецкимъ: теперь имъ былъ положенъ предѣлъ стараніями п. воеводы белзскаго и насъ, слугъ королевскихъ.

Претвичъ, съ своей точки зрѣнія, какъ видимъ обращаетъ

главное вниманіе на дѣятельность администраціи, при томъ администраціи польской, не затрагивая аналогичной дѣятельности приднѣпровскихъ намѣстниковъ, тѣмъ болѣе—не касаясь развитія военныхъ силъ и военнаго ремесла и этого оригинальнаго пограничнаго украинскаго спорта среди самого населенія. Мы съ своей стороны можемъ дополнить набросанную имъ картину этой пограничной войны такими соображеніями. Во первыхъ, въ интересахъ обороны, и въ интересахъ накопленія военныхъ силъ вообще, развитіе военнаго ремесла или спорта среди населенія должно было находить полное сочувствіе у мѣстной администраціи, такъ какъ оно давало ей готовый контингентъ для всякихъ военныхъ надобностей и плановъ, не только въ интересахъ государственныхъ, а и въ собственныхъ интересахъ и цѣляхъ. Въ своей борьбѣ съ Татарами, становившейся все болѣе успѣшною въ серединѣ и во второй половинѣ XVI в., эта мѣстная администрація пользовалась, собственно говоря, этими же воинственными элементами населенія и на нихъ опиралась, какъ съ другой стороны—своимъ покровительствомъ и сочувствіемъ, поблажками и защитою всяческихъ эксцессовъ она помогала выработкѣ и росту этихъ воинственныхъ элементовъ общества. Затѣмъ по мѣрѣ того, какъ ослабѣвали татарскія нападенія въ виду все возраставшаго риска и страха реванша, эти воинственные элементы искали выхода своей энергіи и своего влеченія къ военному спорту въ нападеніяхъ на татарскія и турецкія владѣнія по собственной инициативѣ. Въ то время, какъ татарскія нападенія изъ большихъ массовыхъ походовъ превращались въ набѣги мелкихъ разбойничьихъ ватагъ, украинское населеніе, наоборотъ, отъ погонь и мелкихъ стычекъ переходило къ болѣе смѣлымъ нападеніямъ на татарскія кочевья, а затѣмъ—и къ походамъ въ большомъ маштабѣ на турецкія и татарскіе замки и города. Въ свою очередь развитіе такихъ большихъ походовъ втягивало все большія массы военнаго элемента, упражняло и организовывало ихъ, и т. д.

Это собственно и были тѣ условія—общественно-экономическія, колонизаціонныя и военныя, въ которыхъ росло и формировалось украинское козачество на протяженіи XVI вѣка.

II.

Начало украинскаго козачества.

Старыя и новыя мнѣнія о происхожденіи украинскаго козачества. Козачество какъ бытовое явленіе и козацкое имя. Козаки и строй ихъ жизни въ первой половинѣ XVI в. Отношеніе къ нимъ мѣстной администраціи и центральнаго правительства. Планы Вишневецкаго.

Сложный процессъ зарожденія и формировки козачества не особенно ясно обрисовывается даже предъ современною исторіографіею, при всемъ сравнительномъ изобиліи находящихся въ ея распоряженіи матеріаловъ; тѣмъ менѣе могъ онъ быть ясенъ старымъ книжникамъ и ученымъ, пытавшимся дать современному обществу отвѣтъ на вопросъ, какъ возникло это наиболѣе колоритное, наиболѣе характерное и блестящее явленіе украинской исторической жизни. Они брались за рѣшеніе этого вопроса тогда, когда это явленіе не только вполнѣ кристаллизовалось, пріобрѣло необычную экстенсивную силу, дало большой и вліятельный общественный слой,—но и покрыло имъ другіе общественные слои, сдѣлало козачество представителемъ украинской народности par excellence, подобно тому какъ „народъ шляхетскій“ представлялъ современную польскую народность. Это всенародное значеніе козачества, въ связи съ неизмѣримо оригинальными проявленіями козацкаго строя, казацкой стихіи, такъ рѣзко выдѣлявшимися на фонѣ общаго порабощенія народныхъ массъ и Украины и другихъ сосѣднихъ странъ—Бѣлоруссіи, Великороссіи, Польши—этотъ контрастъ между общимъ рабствомъ и свободолюбивымъ козацкимъ духомъ и строемъ—все это прежде всего должно было наталкивать на мысль объ этнической обособленности козачества, на идею „козацко-украинскаго народа“ какъ особой этнической группы.

Съ другой стороны эти теоріи этническаго происхожденія козачества благопріятствовали стремленіямъ представителей послѣдняго къ спеціальнымъ вольностямъ и привиллегіямъ, поэтому находили благопріятную почву въ украинскомъ обществѣ. Одинъ изъ позднѣйшихъ „Лѣтописцевъ“ украинскаго казачества Ригельманъ, рѣзко выступая противъ этихъ мнѣній о происхожденіи козаковъ отъ различныхъ народовъ, или „отъ древнихъ нѣкакихъ вольныхъ людей, кои якобы не принадлежали ни къ какому владѣнію“, слѣдующимъ образомъ вскрываетъ тенденцію этихъ козачьихъ генеалогій. „Мнятъ о себѣ всѣ, будтобъ они навсегда право имѣютъ въ вольности и ни подъ чьимъ точнымъ владѣніемъ, какъ только подъ защитою тѣхъ областей, къ которымъ они прикосновенны состоятъ. И для того не почитаютъ себя, чтобъ они подлинно были изъ русскихъ людей или чьи бывшіе подданные“, но создавая искусственныя генеалогіи, „хотятъ себя усильно представить, якобы и до нынѣ были по тѣмъ древнимъ народамъ вольные и ни къ кому не принадлежащіе“ [1]). Съ точки зрѣнія общественной психологіи это указаніе довольно цѣнно, и можно въ самомъ дѣлѣ думать, что такіе мотивы общественнаго характера могли дать теоріямъ этнической особности козачества рѣшительный перевѣсъ надъ этимологическими объясненіями, которыхъ также было довольно. Такъ названіе козаковъ выводили отъ „козы“ — потому, дескать, что они были легки какъ козы [2]) или оттого что они ловили козъ въ степяхъ, иначе отъ „косы“ — „то есть отъ остроты и понятности козацкой“. Но уже одинъ изъ самыхъ раннихъ представителей „ученой“ козацкой исторіи Гр. Грабянка (1710), перечисливъ нѣсколько этимологическихъ или этіологическихъ мнѣній [3]), отбрасываетъ ихъ, или оставляетъ на

---

[1]) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи с. 3.

[2]) Догадка очень давняго происхожденія: ее встрѣчаемъ уже напр. въ запискѣ Гамберини 1580-хъ гг. (Boratyński, Kozacy i Watykan — Przegląd polski, ноябрь 1906 г.).

[3]) „Аще же Веспасіанъ Коховскій и отъ козъ дивнихъ (дикихъ) козаковъ нарицаетъ, яко тѣмъ скоростію до брани соровняются и тѣхъ ловомъ наипаче упражняются, но приличнѣе Стриковскій проименованіе производитъ, глаголющи, яко отъ древняго своего нѣкоего вождя Козака, егоже промисломъ многажды Татаръ побѣждаху, козаками нарицаются. Александеръ Гвагнѣнъ отъ свободи ихъ тако нарекшихся разумѣетъ быти, занеже праотци ихъ отъ доброй воли охотнѣ на брань исхождаху“ (с. 15). Кн. Мишецкій сохранилъ намъ въ своей „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ записан-

второмъ планѣ, а во главу угла ставитъ мнѣніе о происхожденіи козаковъ отъ Козаръ—„древнѣйшаго рода скифска, идущаго отъ племени перваго Афетового сына Гомера“. При этомъ Козаре, разумѣется, оказываются Славянами, и „малороссійскіе вои Козаровъ нарицаніе мало что перемѣнивши, въ мѣсто Козаровъ Козаками именуются“.

Съ теченіемъ времени галлерея предковъ украинскаго козачества расширялась и увеличивалась. Была отыскана Казахія у Константина Порфиророднаго, Кавказская Гирканія, долженствовавшая въ переводѣ означать „Козакію“ (hircus—козелъ), лѣтописные Касоги. Но мнѣніе о происхожденіи отъ Козаръ оставалось наиболѣе популярнымъ, благодаря выдающейся роли, которую играетъ этомъ народъ въ нашей лѣтописной традиціи, и довольно широкому распространенію этого имени въ хорографіи Украины. Остроумію и эрудиціи различныхъ козацкихъ лѣтописцевъ открывалось широкое поле всевозможныхъ комбинацій, имѣвшихъ цѣлью связать этихъ псевдо-историческихъ предковъ украинскаго козачества съ его дѣйствительными историческими начатками. Рекордъ побилъ безусловно авторъ „Исторіи Руссовъ“, такъ какъ у него старые Козаре являются предшественниками козачества не только по имени, но и въ подробностяхъ организаціи. Козаре—это козацкое войско, по отношенію къ которому другія украинскія племена играли роль „посполитыхъ“ или „подпоможчиковъ“ XVIII в.; хозарская дань IX в., описанная въ лѣтописи — это подать кіевскихъ „посполитыхъ“ на содержаніе козаковъ [1]). Si non è vero...

Въ виду такихъ пышныхъ генеалогій козачества по прямой линіи отъ сыновей Ноя совершенно терялись скромныя, но вполнѣ реальныя замѣчанія о происхожденіи и развитіи козачества, встрѣчающіяся у болѣе старыхъ писателей. Такъ популярный на

ный отъ Запорожцевъ въ 1730-хъ годахъ разсказъ о славномъ стрѣлкѣ Семенѣ, который, собравъ козаковъ и поселившись съ ними на низу, оставилъ о себѣ память въ названіи „Семеноваго рога“ на бугскомъ лиманѣ.

[1]) „Сіе названіе (Козаръ) получили наконецъ и всѣ воины славянскіе, избранные изъ ихъ же породъ для войны и обороны отечества, коему служили въ собственномъ вооруженіи, комплектуясь и перемѣняясь также своими семействами. Но когда во время военное выходили они внѣ своихъ предѣловъ, то другіе гражданскаго состоянія жители дѣлали имъ подмогу, и для сего положена была у нихъ складка общественная или подать, прозвавшаясь наконецъ съ негодованіемъ: дань Козарамъ“ (с. 2).

Украинѣ „Гвагнинъ", разсказавъ о походѣ Лянцкоронскаго подъ Бѣлгородъ, считавшемся, начиная съ Бѣльскаго, историческимъ началомъ козачества, подчеркиваетъ, что козачество образовалось именно изъ такихъ добровольцевъ, какихъ собралъ Лянцкоронскій [1]). Разсказъ этотъ повторилъ потомъ составитель Густынской лѣтописи, прибавивъ къ нему скромную этимологичечкую фантазію: „И потомъ бранилюбивый сей пародъ, засмаковавши себѣ зъдобычъ, наставиша себѣ старѣйшину зпосередѣ себѣ, нарицаємаго Козака, отъ него же и сами потомъ козаками нарекошася" [2]). Такое простое и прозаическое происхожденіе не удовлетворяло украинскихъ патріотовъ XVIII вѣка, и они остались при замысловатыхъ этнографическихъ выводахъ.

Какъ однако ни наивны и не научны были эти генеалогіи козачества, во всякомъ случаѣ интересно и характерно для украинской исторіографіи XVIII вѣка это стремленіе связать начало козачества съ древне-русскими временами, поставить въ тѣсную связь съ Кіевскимъ государствомъ, съ политической жизнью древне-русскаго и переходнаго времени. Вполнѣ опредѣленно это стремленіе выступаетъ уже въ манифестѣ кіевскаго духовенства 1621 г., въ характерныхъ словахъ, поставленныхъ эпиграфомъ настоящей книги, и затѣмъ оно пероходитъ красной нитью чрезъ украинскую исторіографію XVII—XVIII вв. Этимъ старая украинская исторіографія и написанные подъ ея вліяніемъ работы [3]) существенно и рѣзко отличаются отъ того, что писалось подъ вліяніемъ традиціонныхъ великорусскихъ взглядовъ на Украинцевъ, какъ на инородцевъ Черкасъ. Этотъ другой взглядъ, засвидѣтельствованный для XVI в. старой глоссой Воскресенской лѣтописи о Чорныхъ Клобукахъ—предкахъ козаковъ Черкасъ [4]), на разныя варіаціи разрабатывался потомъ въ великорусской исторіографіи [5]), а свое каноническое завершеніе онъ нашелъ у ея наиболѣе авторитетнаго

---

[1]) Изд. Туровскаго с. 221.

[2]) Полн. сбор. лѣтоп. II с. 368.

[3]) Напр. очеркъ Г. Ф. Миллера О малороссійскомъ народѣ (изд. Бодянскимъ).

[4]) „Вcѣ Черные Клобуки, еже зовуть ся Черкасы"—Воскр. I с. 56.

[5]) Напр. Болтинъ (I с. 344) сочиняетъ фантастическую повѣсть о томъ что основанныя баскакомъ Ахметомъ слободы въ Курской землѣ были населены „Черкасами"; послѣ разоренія слободъ они бѣжали въ Каневъ, поселились тамъ и построили городъ Черкасы.

представителя въ формѣ довольно рѣшительно высказаннаго предположенія, что козаки были обрусѣлыми потомками Чорныхъ Клобуковъ. Торки и Берендеи, говоритъ онъ, назывались иначе Черкасами и Козаками, они удержались на неприступныхъ островахъ Днѣпра, и, размножившись подъ наплывомъ бѣглыхъ туземцевъ, приняли ихъ вѣру и языкъ, стали защищать эти края отъ Татаръ Турокъ, и отъ ихъ имени получилъ свое названіе городъ Черкасы [1]).

Имя днѣпровскихъ Черкасъ, несомнѣнно, имѣетъ центральное значеніе въ развитіи этихъ теорій и взглядовъ. Имя звучало и звучитъ, какъ названіе какой-то колоніи, заселенной Черкасами; сходство имени заставляло приводило на память кавказскихъ Черкасовъ (Черкесовъ), и представлялось вполнѣ вѣроятнымъ, что какая-нибуть кучка кавказкихъ Черкасовъ, захваченная движеніемъ кочевниковъ, очутилась надъ Днѣпромъ и оставила свой слѣдъ въ имени этого поселенія. Какъ и когда могло это случиться, въ XVI вѣкѣ, послѣ столькихъ перемѣнъ и колонизаціонныхъ переворотовъ, очевидно не имѣли никакого представленія. Записанный ревизорами въ 1552 г. отъ каневскихъ мѣщанъ расказъ о „началѣ Черкасъ и Канева“, носитъ вполнѣ легендарный характеръ, хотя и принимается современною исторіографіею довольно серьозно [2]). Каневцы разсказывали, что в. кн. Ольгердъ завоевавъ Кафу, Перекопъ и пятигорскихъ Черкасовъ, переселилъ Черкасовъ съ ихъ княгинею на Украину

---

[1]) Карамзинъ V с. 231. Онъ опирался на той же глосеѣ Воскр. лѣтоп., и позднѣе сдѣлалъ тоже Погодинъ (Изслѣдованія V с. 206—7), принимая en toutes lettres взгляды Карамзина, только въ формѣ вполнѣ категорической („отстранилъ возможность возражать“, какъ самодовольно заявляетъ онъ). Въ нѣсколько болѣе ослабленной формѣ принялъ эти взгляды затѣмъ и Соловьевъ (I с. 1686). Позднѣе карамзинскую теорію повторилъ Кулишъ (Первый періодъ козачества) и совсѣмъ недавно этотъ тезисъ—что черноклобуцкія племена назывались Черкасами, съ полнымъ убѣжденіемъ принялъ В.-Будановъ (Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 56). Ссылаясь на Карамзина, очевидно, онъ не подозрѣвалъ, что имѣетъ дѣло съ позднѣйшею гипотезой, а не съ подлиннымъ лѣтописнымъ преданіемъ.

[2]) Въ оборотъ ввелъ ее пок. проф. Антоновичъ (Очеркъ исторіи в. кн. Литовскаго с. 62—63, ср. Кіев. Стар. 1884, VIII с. 583). В.-Будановъ принималъ ее довольно скептически (Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 40 и 56). Недавно эту легенду повторилъ Ляскоронскій (Рус. походы въ степи, с. 118), связавъ ее съ Витовтомъ.

и главную часть ихъ поселилъ на Снепородѣ, за Днѣпромъ, а другую часть въ Черкасахъ, Снепородцевъ же перевелъ въ Каневъ. Это говорилось для того, чтобы оправдать претензіи Каневцевъ на заднѣпровскіе уходы, и очень трудно разобрать, что здѣсь можетъ быть нѣкоторымъ реальнымъ, хотя бы и смутнымъ отзвукомъ дѣйствительнаго событія, и что преднамѣренно сочинено было для указанной цѣли. Во всякомъ случаѣ это поселеніе Черкасъ если и имѣло когда нибуть мѣсто, то для XVI в. было дѣломъ настолько давнимъ, что въ половинѣ XVI в. нельзя было имѣть о немъ никакого болѣе или менѣе точнаго представленія: извѣстный разсказъ литовской лѣтописи старшой редакціи (XV в.) уже во время перваго похода Витовта на Украйну упоминаетъ Черкасы въ качествѣ довольно значительнаго замка, такъ что основаніе его нужно отнести или къ самому началу литовской оккупаціи, или, что еще вѣроятнѣе—ко времени предшествующему литовской эпохѣ. О такой старинѣ у населенія не могло остаться яснаго воспоминанія и дѣйствительно подробности каневскаго разсказа вполнѣ легедарны (походъ на Кафу и на Кавказъ, личность Ольгерда, переселеніе со Снепорода въ Каневъ). Съ другой стороны, основаніе этой черкасской колоніи, если оно имѣло мѣсто, съ этнической точки зрѣнія было, очевидно, такимъ же незначительнымъ фактомъ, какъ и поселеніе какихъ нибуть „Козаровъ“, „Печенѣговъ“, „Ятвяговъ“, которыхъ достаточно выказываетъ наша топографія. Какого либо слѣда поселенія болѣе значительнаго количества черкасскаго населенія мы не имѣемъ [1]), и сколько бы его ни было, оно должно было разсѣяться и исчезнуть почти безслѣдно во время разныхъ колонизаціонныхъ пертрубацій, такъ что въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ во всякомъ случаѣ не могло быть рѣчи о какой-либо черкасской колонизаціи въ Приднѣпровьи.

Но въ концѣ XV в. черкасскій замокъ дѣлается центромъ для пограничной украинской вольницы, производившій много шуму своими столкновеніями съ Татарами и всякимъ встрѣчнымъ и проѣзжимъ людомъ (между прочимъ и съ московскими послами и купеческими караванами). Этническая форма его имени, при-

---

[1]) Яблоновскій (Ukraina с. 33) замѣчаетъ, что всю Черкасскую землю называли „Черкасами“, jak by przez jakieś przypomnienie dawne, и указываетъ на грамоты, изд. Каманинымъ (Чтенія кіевскія т. VIII № 1 и 2): „въ Черкасехъ селище мое Бузуково“; но грамоту эту имѣемъ въ позднѣйшей копіи.

вычная для московскаго уха, хорошо знавшаго Черкасъ пятигорскихъ, была очень удобна для обозначенія этой новой, пріобрѣвшей громкую извѣстность вольницы. „Черкасскіе люди", или просто „Черкасы" сдѣлалось названіемъ украинскаго козачества въ московскихъ кругахъ, а своимъ именемъ вызывая въ представленіи понятіе чего-то инороднаго, дало московскимъ писателямъ идею связать этотъ пограничный народъ съ черноклобуцкимъ населеніемъ, жившимъ въ тѣхъ же мѣстахъ въ XI—XII вѣкѣ. Русскіе же историки XIX в., не входя въ ближайшій анализъ фактовъ и условій, постарались придать этой старой гипотезѣ наукообразную форму и стали выводить украинское козачество отъ черноклобуцкаго населенія, хотя оно во время колонизаціонныхъ переворотовъ XIII в. неизбѣжно должно было разсѣяться и исчезнуть почти безслѣдно [1]).

Позже, когда выяснилось татарское происхожденіе имени козаковъ и нѣкоторыхъ терминовъ козацкаго быта—съ одной стороны [2]), а съ другой—стало извѣстнымъ существованіе татарской

---

[1]) См. т. II^2 с. 550—1.

[2]) На происхожденіе козаковъ отъ татарского „казакъ" указалъ Сенковскій въ своихъ Collectanea (I с. 220, 1824); ему же очевидно принадлежатъ аналогіи козацкого строя съ турецко-татарскимъ (съ строемъ янычаровъ, египетскихъ мамелюковъ) въ Библіотекѣ для чтенія 1840-хъ гг. (см. замѣтку Ал. С. Грушевскаго въ Запискахъ Наук. тов. Шевченка т. LXXIX). Затѣмъ нѣкоторыя аналогіи козацкаго строя съ татарскимъ были указаны въ статьѣ Хартахая Историческая судьба крымскихъ татаръ (1866). Онѣ были потомъ приняты Кулишемъ (Ист. возсоед. Россіи I с. 34—5). Даже Костомаровъ, въ молодые годы сильно возстававшій противъ мнѣній объ инородческомъ происхожденіи козачества и подчеркивавшій генетическую связь княжескаго быта съ запорожской стариной („Мысли объ исторіи Малороссіи", въ Библіот. для чтенія 1846), въ концѣ концовъ подпалъ подъ вліяніе этихъ взглядовъ и въ послѣднихъ изданіяхъ своего „Богдана Хмельницкаго" писалъ, что „козачество безспорно татарскаго происхожденія, какъ и самое названіе козакъ (4 изд. 1884 г. I с. 5). Кулишъ уже въ первомъ своемъ трудѣ (Первый періодъ козачества с. 27) принималъ московскую теорію о черноклобуцкомъ происхожденіи козачества, позднѣе (послѣ „Исторіи возсоединенія", гдѣ всѣ эти теоріи были обойдены) принималъ теорію черкасскаго происхожденія козаковъ и пробовалъ подкрѣпить ее различными этнографическими признаками населенія Черкасскаго и Чигиринскаго уѣзда (Казаки въ отношеніи къ государству и обществу, Рус. Архивъ 1877 кн. III и VI, Исторія отпаденія I с. 46).

колонизаціи въ в. кн. Литовскомъ, начали появляться попытки привести вопросъ о козачествѣ въ связь съ татарской колонизаціей. По аналогіи съ татарской колонизаціей Литвы гипотетически допускали аналогичную татарскую колонизацію въ Кіевскихъ земляхъ въ періодъ Витовта и позднѣе, и отъ этой татарской колонизаціи выводили первое начало козачества или даже первые кадры его. Вполнѣ эти теоріи развернулись въ новѣйшее время, въ исторіографіи русской и польской [1]). Однако теперь при наличности довольно значительнаго документальнаго матеріала мы можемъ констатировать совершенно опредѣленно, что кіевскія земли сколько нибуть значительныхъ слѣдовъ татарской военно-служилой колонизаціи не представляютъ[2]), а съ другой стороны украинское козачество въ началѣ своего существованія вовсе не представляетъ изъ себя какого-либо общественнаго слоя или класса: украинскій козакъ того времени, какъ человѣкъ бездомный и неосѣдлый, является полною антитезою военно-служилому испомѣщенному Татарину в. кн. Литовскаго, представителю военно-служилаго землевладѣнія, и сколько-нибудь замѣтной турецко-татарской примѣси среди украинскаго козачества того времени тоже совершенно невозможно указать.

Съ другой стороны однако, впадали въ извѣстныя крайности и представители украинской исторіографіи, наперекоръ теоріямъ инороднаго этническаго прохожденія украинскаго козачества старавшіеся выказать генетическую связь между нимъ и формами и явленіями старой княжеской эпохи. Ненаучныя теоріи происхожденія козачества отъ разныхъ одноименныхъ народовъ они откинули уже съ начала XIX в.[3]) и свое вниманіе обратили главнымъ образомъ

---

[1]) Имѣю ввиду особенно труды Любавскаго (Обл. дѣленіе с. 531—3 и рецензія на работу Каманина въ Ж. М. Н. П. 1905, VII) и Яблоновскаго (главнымъ образомъ Ukraina с. 395—8), гдѣ онъ, очевидно не безъ вліянія выводовъ Любавскаго, производилъ украинское козачество отъ гипотетической татарской колонизаціи кіевскихъ земель, по аналогіи съ татарскими колоніями Литвы. Но Любавскій недавно отказался отъ своихъ выводовъ (Записки Акад. наукъ, 1908 с. 167).

[2]) Одиноко стоящее до сихъ поръ указаніе на военно-служилыхъ „Татаръ кіевскихъ", якобы получившихъ какія то владѣнія въ Остерскихъ земляхъ отъ кн. Олелька и Семена (Акты Зап. Рос. I № 77), не находитъ своего продолженія и подтвержденія въ позднѣйшемъ матеріалѣ.

[3]) У Бантыша-Каменскаго въ первомъ изданіи его исторіи (1822) эти выводы уже обойдены полнымъ молчаніемъ и начало

особенно въ половинѣ XIX в.) на сущность козачества, какъ реакцію народной жизни противъ польскихъ государственныхъ и общественныхъ формъ. Вполнѣ справедливо констатировали они въ козачествѣ, какъ оно раскрывается передъ нами въ болѣе позднее время, съ конца XVI в., ту же украинскую народную стихію, усматривая въ немъ формы и стремленія народной жизни вполнѣ аналогичныя съ тѣми, какія раскрываетъ передъ нами княжеская эпоха. Но при этомъ общественныя и политическія тенденціи и общинныя формы козацкаго строя анахронистически переносились ими съ начала XVII в. на начало XVI вѣка и на этомъ основаніи пошли рѣчи объ общинномъ строѣ козачества на границѣ XV и XVI в., о козацкой самоуправляющейся общинѣ того времени, съ козацкою радою и народноправными гетманами во главѣ. Козачество съ самыхъ первыхъ моментовъ своего существованія выступаетъ у нихъ какъ вооруженная община древнерусскихъ временъ, только подъ новымъ, татарскимъ именамъ [1]). Это была ошибка вполнѣ

козачества представлено реально, на фонѣ историческiи орнамена Украйны XV—XVI в.: козаки это украинскіе бѣглецы, стекающіеся отъ польскихъ притѣсненій съ конца XV в. и принимающіе свое имя отъ Татаръ „съ коими имѣли столь частыя брани“ (с. XV).

[1]) Подобные взгляды, болѣе или менѣе рѣзко и категорически высказанные, мы находимъ у Максимовича, Костомарова, Антоновича, въ 1840—60 годахъ. Костомаровъ, какъ въ указанной статьѣ своей (Мысли объ исторіи Малороссіи, 1846), такъ и въ позднѣйшихъ, напр. въ извѣстномъ своемъ манифестѣ „Двѣ русскія народности“ (1861) видитъ козачество въ жизни Кіевскаго княжества, въ его общинномъ народоправномъ строѣ („Козачество уже въ своемъ существѣ возникало въ XII—XIII вѣкѣ“, „старорусскіе элементы, розвитые, до извѣстной степени еще въ XII вѣкѣ и долго крывшіеся въ народѣ, выступаютъ блестящимъ метеоромъ въ формѣ козачества“ — с. 69 и 72 I т. Монографій). Максимовичъ въ своихъ письмахъ о козакахъ приднѣпровскихъ, выступая противъ теоріи Антоновича, однако „не сомнѣвался“, что козацкій строй въ послѣдней четверти XV в. былъ общинный— „устройство... было у нихъ общинное, также какъ и у мѣщанъ и у всего посполиства южнорусскаго“ (Сбор. соч. I с. 279). Но наиболѣе опредѣленно формулировалъ эти взгляды Антоновичъ въ своемъ первомъ трудѣ о козакахъ (Архивъ Ю. З. Р. III. I. 1863): онъ видитъ въ Поднѣпровьи „въ XV и XVI вѣкѣ органически образовавшійся, укрѣпившійся и выросшій изъ туземныхъ элементовъ общинный порядокъ устройства—встрѣчаемъ его только подъ чужимъ, заимствованнымъ отъ Татаръ именемъ Козаковъ. Князья, предводительствующіе ими, носятъ тоже особенное названіе — гетмановъ...

аналогичная съ другою—перенесеніемъ на начала XVI в. позднѣйшаго козацкаго устройства XVII в.: преемства гетмановъ подраздѣленія козацкаго войска на полки, и т. д., обычно практиковавшимся у старшихъ украинскихъ лѣтописцевъ XVIII в. въ болѣе или менѣе ослабленныхъ формахъ доживающимъ до конца XIX вѣка. Менѣе рѣзкая, болѣе тонкая, чѣмъ эти послѣдніе анахронизмы, теорія козацкаго общиннаго устройства конца XV и начало XVI в. въ ослабленныхъ формахъ живетъ до сихъ поръ въ украинской исторіографіи и близкихъ къ ней по духу кругахъ [1]. На общемъ фонѣ ея возникаютъ различныя болѣе спеціальныя теоріи, старающіяся связать козачество въ его первыхъ стадіяхъ развитія съ тѣмъ или инымъ явленіемъ древнерусской жизни, той или другой ея формы. Такова княжеско-козацкая теорія, въ параллель старорусскимъ общинамъ съ княземъ во главѣ представляющая козачество на границѣ XV—XVI вв. въ видѣ вооруженныхъ народныхъ общинъ подъ предводительствомъ мѣстныхъ князей-гетмановъ [2]. Теорія противокняжеская, связующая козацкія общины съ противокняжескимъ движеніемъ XIII в., съ общинами, возстающими противъ княжеско-дружинаго уклада и отдающимися подъ непосредственную власть Татаръ съ цѣлью избавиться отъ князей [3].

Во внутреннемъ своемъ устройствѣ (козаки) представляютъ сохранившееся вполнѣ начало общинъ славянскихъ и подчиняются, какъ высшей власти, приговору вѣча, которое теперь называется радою".

[1]) Антоновичъ въ своемъ новѣйшемъ курсѣ по исторіи козачества (Бесіди про козацькі часи, 1897) видѣлъ въ козачествѣ военно-служилыя общины, призванныя къ военной службѣ корпоративно и организованныя на основахъ общинно-вѣчевого уклада (с. 14—5). Каманинъ въ своей статьѣ „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго" (1894) въ козачествѣ XV в. усматривалъ „отдѣльныя общины", „во главѣ каждой изъ нихъ свой особенный князь" (с. 68).

[2]) Выставлена была Антоновичемъ въ цитированномъ изслѣдованіи (1863), принята Кояловичемъ (Лекціи по исторіи Зап. Россіи), раскритикована Максимовичемъ (Письма о козакахъ приднѣпровскихъ, 1863—5), возрождена Каманинымъ въ цитированномъ трудѣ.

[3]) Дашкевичъ Болоховская земля (1876, с. 120: „колыбелью южно-русскаго козачества мы рѣшаемся считать тѣ территоріи, гдѣ въ половинѣ XIII ст. лѣтопись помѣщаетъ Болоховцевъ и ихъ союзниковъ и единомышленниковъ"). Позднѣе такіе взгляды находимъ у Каманина ор. с.

Теорія „бродницкая", связывавшая козачество съ „бродниками" до монгольскаго періода [1]), и т. п.

Всѣ эти теоріи не разъ вполнѣ справедливо и мѣтко указывали аналогіи козацкаго строя, его тенденцій и отношеній съ болѣе ранними явленіями (напр. аналогія уходницкой жизни XVI в. съ „бродниками" XII—XIII в., отношеній козачества XVI—XVII в. къ польско-шляхетскому режиму и отношеній общинъ XIII в. къ княжско-дружинному укладу, козацкаго общиннаго строя и общинно-вѣчеваго уклада древнерусскаго времени). Но генетической связи здѣсь нѣтъ и быть не можетъ по той простой причинѣ, что козачество на границѣ XV—XVI вѣковъ не было ни организованнымъ общественнымъ строемъ, ни составляло общинъ, и всѣ разговоры о козацкихъ общинахъ въ началѣ XVI в. и объ ихъ „вѣчевомъ", самоуправляющемся порядкѣ переносятъ въ начало XVI в. явленія, имѣвшія мѣсто лишь въ концѣ этого столѣтія, какъ я только что сказалъ.

Если мы хотимъ уяснить себѣ вопросъ о происхожденіи козачества—какъ и когда оно зародилось, какъ развивалось и формировалось, мы должны точнѣе разграничить различныя стороны этого вопроса. Мы должны отличать козачество, какъ явленіе бытовое и какъ извѣстный организованный общественный слой, общественно-правовой институтъ, съ другой стороны—отличать козачество, какъ терминъ, какъ названіе, подъ которымъ оно специализируется и кристаллизуется, и явленіе обозначаемое имъ.

Козачество, какъ явленіе бытовое, знакомо намъ съ очень раннихъ временъ. Свое козацкое имя въ томъ матеріалѣ, какой имѣемъ сейчасъ въ нашемъ распоряженіи, оно получаетъ во второй половинѣ XV в. А формируется въ извѣстный общественный слой на протяженіи всего XVI вѣка, и вполнѣ опредѣленныя организованныя формы и правовое признаніе получаетъ лишь на границѣ XVI и XVII в. И только съ конца XVI в. о козачествѣ можно говорить, какъ объ извѣстномъ общественномъ классѣ, организаціи, толковать о козацкомъ строѣ, козацкихъ общинахъ, управленіи и т. п.

---

[1]) Встрѣчаемъ уже у Арцыбашева (Повѣствованіе о Россіи I с. 182), потомъ у Максимовича (III с. 262: „Первымъ началомъ или зерномъ запорожскаго козачества были наши Тмутараканцы"). Позже эти взгляды поддерживалъ Голубовскій (Печенѣги с. 200).

Какъ явленіе бытовое, тѣ атрибуны украинской жизни, которыя въ XVI в. дѣлаются извѣстными намъ подъ техническимъ именемъ „козачества“,—стары, какъ Украина. Это результатъ извѣчной борьбы быта осѣдлаго, земледѣльческаго съ хищническимъ, разбойничьимъ населеніемъ степей,—борьбы, которая тянется вѣками, проявляясь все въ новыхъ и новыхъ формахъ, новыхъ оттѣнкахъ все на той же территоріи Украины. Если мы оставимъ въ сторонѣ болѣе древнія времена и будемъ держаться лишь фактовъ за время историческаго существованія нашего народа, мы на каждомъ шагу будемъ встрѣчаться съ предшественниками украинскаго козачества XVI в. Вотъ степные бродяги—украинское населеніе Черноморья, выбитое изъ обстановки культурной, осѣдлой жизни кочевымъ потокомъ, вѣками совмѣстной жизни съ кочевими ордами приноровленное къ условіямъ этой тревожной, полудикой жизни, закаленное и воинственное и вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо одичавшее, пропитанное элементами турецкой кочевой жизни. Это „Берладники“, „галицкіе выгонцы“ и иные разноименные и безъименные промышленники, ходившіе за рыбой и на другіе промысли въ низовья Дуная, Днѣстра, Днѣпра, Дона, готовые каждую минуту среди этихъ промысловъ превратиться въ военную дружину, чтобы отразить вражское нападеніе, или самимъ ударить, разграбить купцовъ или другихъ промышленниковъ, даже двинуться походомъ въ глубь края [1]). И ближе—въ пограничной съ степями полосѣ осѣдлой колонизаціи — пограничное украинское населеніе по рр. Сейму, Роси, Южн. Бугу, на переяславской границѣ, воинственное, неукротимое, готовое дать отпоръ одинаково всякой степной напасти, и всякимъ претензіямъ княжеской власти или боярской администраціи. Эти „Куряне, свѣдомые кмети, подъ трубами повитые, подъ шеломами взлелѣянные, съ конца копья вскормленные“, какъ описываетъ ихъ Слово о полку Игореви— „дороги имъ вѣдомы, овраги знаемы, луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли отточены — они скачуть какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы“ [2]). Эти „черниговскіе были“ съ славянскими и турецкими именами, которые „безъ щитовъ съ одними ножами за голенищами однимъ крикомъ прогоняютъ враговъ, звоня въ прадѣдовскую славу“. Эти Поршане, еще во времена Владимира Вел. „нарубленные“ изъ

---

[1]) Ср. т. II [2] с. 520.

[2]) Ср. т. II [2] с. 331.

разныхъ краевъ и провинцій Кіевскаго государства, и позднѣе составлявшіеся изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ тревожная жизнь, очевидно, отсѣивала наиболѣе твердыя, закаленныя въ военной тревогѣ части,—державшіеся здѣсь среди періодическихъ опустошеній, перемѣшанные съ кочевымъ черноклобуцкимъ населеніемъ, приспособившіеся къ сосѣдству и совмѣстной жизни съ этими турецкими элементами и въ вѣчной борьбѣ присвоившіе себѣ манеры и практику вѣковѣчнаго врага „поганина". Все это прототипы козачества,—то же бытовое явленіе, которое на границѣ XV и XVI в. пріобрѣтаетъ имя „козачества".

Когда мы на послѣднихъ страницахъ Кіевской лѣтописи читаемъ случайно набросанную картину этой порубежной жизни въ области Роси—этихъ смѣлыхъ, но безцѣльныхъ набѣговъ на Половцевъ, диктованныхъ только желаніемъ „сайгатовъ", добычи,—изобрѣтаемыхъ пограничнымъ населеніемъ изъ этихъ добычническихъ мотивовъ, а предпринимаемыхъ мѣстными младшими князьями наперекоръ желаніямъ князей старшихъ, болѣе дальновидныхъ политиковъ; когда слушаемъ выраженія неудовольствія „старѣйшинъ Русской земли" по поводу этихъ набѣговъ на половецкія кочевья, вызывавшихъ грабежомъ половецкихъ кочевій и стадъ, какъ реваншъ, только новыя половецкія нападенія,—и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущаемъ то сочувствіе, какое вызывало въ пограничномъ селеніи и въ дружинныхъ кругахъ эта безконечная пограничная война, гдѣ такъ пріятно было застигнуть „бусурманъ" во время ихъ нападенія на Русскую землю, или при возвращеніи съ добычею, гдѣ-либо при тяжелой переправѣ, у порога степей, или забраться неожиданно въ половецкія кочевья, захватить „колодники, и кони, и скота, и челядь и всякого полону"—мы чувствуемъ себя словно въ обстановкѣ позднѣйшаго XVI в. А слѣдя за движеніемъ пограничныхъ общинъ Побужья противъ княжеско-дружиннаго режима XIII в., за ихъ переходами подъ власть Орды, чтобы избавиться отъ власти князей,—видимъ предъ собой прототипы козацкой политики конца XVI, XVII и XVIII вв., ея вѣчной оппозиціи государственному режиму и общественному строю Польши, ея союзовъ съ Крымомъ и Портою, диктованныхъ стремленіяхъ въ этихъ турецко-татарскихъ силахъ найти опору противъ шляхетскаго строя Польши, противъ централистической политики Москвы.

Въ XV в. эти исконныя явленія украинской пограничной

жизни, свободной, тревожной, воинственной,—пріобрѣтаютъ техническое названіе „козачества“. Названіе опять таки старое: у Турковъ оно издавна обозначало воина-наѣздника легко вооруженнаго и малоцѣннаго, такъ сказать низшаго сорта. Въ половецкомъ словарѣ 1303 г. находимъ слово козакъ въ значеніи передовой стражи: понятіямъ стражи соотвѣтствуютъ половецкія слова „караулъ“, „козакъ“ [1]). У Татаръ, съ которыми Украинѣ пришлось жить въ такомъ близкомъ соприкосновеніи на протяженіи XIII—XV вв., „козакъ“ имѣетъ значеніе человѣка свободнаго, независимаго, военнаго авантюриста, опять таки низшей категоріи, съ оттѣнками значенія бродяги, партизана, разбойника, человѣка бездомнаго, неосѣдлаго [2]). Съ такимъ значеніемъ—довольно широкимъ, неопредѣленнымъ и нелегко подающимся болѣе точному опредѣленію, это слово переходитъ къ сосѣдямъ, имѣвшимъ дѣло съ жителями степей—въ крымскіе города, на Украйну и въ великорусскія земли. Въ припискахъ на синаксарѣ XII в. города Сугдеи (Судака) въ Крыму находимъ записку, очевидно современную о какомъ то юношѣ Альмальчѣ, убитомъ „казаками“ въ 1308 г. [3]); очевидно козаки—здѣсь крымскіе или степные разбойники, татарскіе или какіе-нибуть другіе. Въ статутахъ крымскихъ генуэзскихъ колоній 1449 г. не разъ

---

[1]) Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Marci Venetiarum ed. Geza Kuun, с. 118. Въ этомъ словарѣ на каждое латинское слово дается персидское, потомъ слово, два или цѣлая фраза половецкая. Въ данномъ случаѣ имѣемъ такой рядъ: guayta—naobat—ghasal cosac. Средневѣково-латинское guayta, у Дюканжа gaita—excubiae, vigil; персидское naobat—какъ толкуетъ издатель, означаетъ стражу (excubiae, custodia); ghasal, по его разъясненію, есть испорченая транскипція karaul. Такимъ образомъ cosac соотвѣтствуетъ словамъ стража, „караулъ“.

[2]) Въ турецкомъ словарѣ Радлова (Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій) читаемъ: козакъ въ языкѣ джалатайскомъ въ нарѣчіяхъ крымскомъ и казанскомъ—человѣкъ вольный, независимый, авантюристъ, бродяга, ein Freier, unabhängiger Mensch, Abenteurer, Wagabund; въ джагатайско-турецкомъ словарѣ Вельяминова-Зернова—разбойникъ, der Rauber, Wegelagerer; козакъ глаголъ въ джагат.—разбойничать, raubend umherziehen.

[3]) „Замѣтки XIII—XIV вѣка относящіяся къ крымскому городу Сугдаѣ (Судаку), приписанныя на греческомъ синаксарѣ“ (Записки одесскаго истор. общ. V с. 613): въ тотъ день (17-го мая) умеръ рабъ божій Альмальчу сынъ Самака, увы!—юноша, убитый мечомъ козаковъ (χαζαχων) въ 6816 (1308 г.).

упоминаются козаки изъ Кафы и другихъ генуэзскихъ городовъ, изъ такъ наз. оргузіевъ—конной полицейско-военной стражи при консулѣ Кафы и изъ другихъ людей занимавшихся разбоемъ — захватывавшихъ или „перехватывавшихъ“ у Татаръ скотъ и различнаго рода добычу [1]). На великорусской границѣ, въ Рязанской землѣ, первое извѣстіе о мѣстныхъ рязанскихъ козакахъ, какъ легкомъ войскѣ, встрѣчаемъ въ 1444 г. [2]), но оно читается здѣсь въ позднѣйшемъ лѣтописномъ разсказѣ, такъ что подлинность этого термина для 1440-хъ годовъ внушаетъ сомнѣніе, а въ документальномъ матеріалѣ упоминанія о рязанскихъ

---

[1]) См. статуты, изданные въ V т. одесскихъ записокъ с. 757: si continget fieri aliquam predam terrestrem per casachos orgusios seu homines Caphe tam de rebus bestiaminibus et bovibus Tartarorum quam aliorum quorumcunque,—уставъ запрещаетъ кафинской администраціи отбирать у нихъ добычу, и наоборотъ консулъ обязанъ tales casachos orgusios et interceptores sustinere et eis dare omne auxilium et favorem, а за отобраніе добычи ab interceptoribus (добычниковъ) predictis устанавливаются наказанія. Стороженко въ своей монографіи о Баторіевой реформѣ переводитъ этотъ текстъ такъ, что тутъ идетъ рѣчь о козакахъ, оргузіяхъ и другихъ Кафинцахъ (с. 17), но я считаю правильнымъ переводъ и толкованіе издателя, пок. Юргевича (см. прим. 108 на с. 830), понимавшаго текстъ въ томъ смыслѣ, что здѣсь идетъ рѣчь о козакованьи оргузіевъ и другихъ кафинскихъ людей—такимъ образомъ слово „казаки“ поясняется дальнѣйшими словами—это или оргузіи (которые, какъ люди военные преимущественно занимались этимъ добычническимъ спортомъ), или другіе Кафинцы. Кто такіе оргузіи, поясняетъ уставъ на с. 699—700: это военный отрядъ консула, аналогичный со старостинскими „почтами“, организованными также по козацкому типу на Украйнѣ (о происхожденіи этого слова у Смирнова Крым. ханство с. 43). Уставы Судака и Чембало (Балаклавы) (тамъ же въ Запискахъ V с. 783 и 789) присовокупляютъ еще постановленія о дѣлежѣ козацкой добычи, интересныя своими аналогіями съ украинской практикой: четвертую часть получаетъ консулъ, остальное дѣлится пополамъ между общиной и козаками (de quacunque preda fienda de quibuscumque rebus inimicorum seu aliorum, qui quovismodo contrafecissent decretis Caphe, perveniat in consulem dicti loci quarta pars (et) relique tres quarte partes dividantur inter comune et dictos cazachos seu alios interceptores, videlicet quemlibet eorum per dimidia—ibid с. 189 и также с. 783.

[2]) Никон. III с. 62: „козаки разанскія на ртахъ съ сулицами и съ рогатинами и съ саблями“. Въ болѣе краткомъ разсказѣ Воскрес. л. (т. II с. 111) нѣтъ этого упоминанія.

козакахъ встрѣчаемъ только въ первыхъ годахъ XVI в.)[1]). На Украинѣ документальныя, совершенно опредѣленныя свѣдѣнія о козакахъ мѣстныхъ, украинскихъ имѣемъ отъ 1490-хъ годовъ, а менѣе опредѣленные намеки—съ 1470-хъ годовъ. При томъ однако въ извѣстіяхъ, касающихся Украины, и въ другихъ одновременныхъ слова „козакъ", „козачество", „козаки" употребляются въ различныхъ значеніяхъ, передающихъ разные оттѣнки этого понятія.

Козакъ—степной разбойникъ, добычникъ. До насъ дошли два одновременныхъ указанія, являющіяся вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшими слѣдами употребленія козацкого имени на Украинѣ. Подъ 1469 г. Длугошъ записываетъ такой фактъ: „большое татарское войско, набранное изъ бѣглецовъ, разбойниковъ и изгнанниковъ, которыхъ называютъ они на своемъ языкѣ козаками, подъ предводительствомъ заволжскаго хана Маняка тремя отрядами напало на земли Польской короны" [2]). Въ 1474 г. община г. Кафы приноситъ генуезской администраціи жалобу въ томъ что нѣсколько лѣтъ тому назадъ разграбили въ степяхъ большой караванъ ихъ купцовъ „разбойники и козаки" [3]) изъ земель в. кн. Московскаго, и за это они не получили никакого удовлетворенія, а наоборотъ своеволіе и смѣлость „этихъ разбойниковъ и другихъ сосѣдей нашихъ возросла до того, что они почти ежедневно причиняютъ массу убытковъ Кафинцамъ [4]). Въ обоихъ разсказахъ имя козаковъ непосредственно прилагается къ добычникамъ неукраинскимъ [5]), но вмѣстѣ съ тѣмъ они довольно опредѣленно намекаютъ на то, что имя козаковъ примѣнялось широко къ различного рода степнымъ добычникамъ (convicini nostri, какъ

---

[1]) Свѣдѣнія собраны у Иловайскаго Исторія рязанского княжества (Сочин. I с. 202).

[2]) ex fugitivis, praedonibus et exulibus, quos sua lingua kozakos appelant—V с. 530.

[3]) per publisos latrones et cosachos illius domini de Mosco.

[4]) tantum crevit libido et audacia horum latronum et aliorum convicinorum nostrorum—Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri II т. II ч. 1102, перепечатанъ этотъ текстъ съ комментаріемъ въ въ моей статьѣ: Казаки в 1470-х р. (Записки Наук. тов. ім. Шевченка LIV).

[5]) Сопоставленіе этой кафинской жалобы съ дипломатическою московской корреспонденціей показываетъ, что кафинскій караванъ разграбили татарскіе „козаки" московскаго вассала, „царевича" Касима.

ихъ называютъ Кафинцы). Этимъ объясняется фразеологія актовъ конца XV и начала XVI в. Ханъ напр. жалуется ва 1492 г. в. кн. Александру, что Кіевляне и Черкассцы разбили подъ Тягинею татарскій корабль; а в. кн., отвѣчая, увѣдомляетъ его, что онъ уже поручилъ обыскать „козаковъ“ [1]). Такимъ образомъ „козаки“—это тѣ Кіевляне и Черкассцы, которые промышляютъ въ степяхъ разбоемъ. Спустя полстолѣтія, оправдываясь передъ турецкимъ правительствомъ относительно разграбленія Очакова козаками, польское правительство такъ и объясняетъ, что разграбили его „эти проклятые разбойники, люди безъ опредѣленнаго мѣстожительства, скитающіеся по степямъ“ [2]).

Козакъ—человѣкъ свободный, никому не подчиненный, надъ которымъ нѣтъ ни власти, ни начальства. „Вольный козакъ“ стало органическимъ понятіемъ въ позднѣйшей козацкой жизни. Въ томъ же очаковскомъ эпизодѣ правительство польское, слагая съ себя всякую отвѣтственность за него, писало, что миръ не можетъ быть нарушенъ „своеволіемъ и злодѣяніемъ разбойниковъ, главарями у которыхъ были московскіе подданные, а остальные—люди не имѣющіе осѣдлости въ земляхъ королевскихъ, за которыми пошелъ всякій сбродъ; они не имѣютъ постояннаго мѣстожительства и живутъ въ степяхъ какъ дикіе звѣри, промышляютъ грабежомъ и ничьей власти не подчиняются, поэтому то не легко такихъ людей ловить и наказывать“ [3]). И позже правительство Баторія и послѣдующихъ королей въ отвѣтъ на всякія турецкія и татарскія жалобы на козаковъ повторяло тоже самое, что это сборище людей изъ различныхъ народовъ, поступающее самовольно, не имѣющее ни постояннаго мѣстопребыванія, ни какихъ-бы то ни было законовъ, ни какой либо власти надъ собою [4]).

Козакъ—вообще человѣкъ бездомный, неосѣдлый, безъ опредѣленнаго занятія такъ понимаютъ козаковъ древнѣйшія прописи поднѣпровскихъ замковъ: „Окромъ осилихъ бояръ и мѣщанъ бы-

---

[1]) Pułaski докум. № 24.

[2]) a perditis illis latronibus, qui nunquam certo loco consistunt, sed per campo svagantur. Въ польскомъ черновикѣ этого письма: ci ludzie, ktorzi w Oczakowie skodi pocynieli, beli kozacy polni, a nie osiedli na iednem mieisczu—см. документы объ эпизодѣ 1545 г., изданные Е. Барвинскимъ (Набіг козаків на Очаків 1545 г.) в Записках Науков тов. ім. Шевченка т. XVIII с. 15.

[3]) Ibid. № 1.

[4]) Гейденштейнъ (II с. 113), ср. инструкцію Баторія—Źródła dz. IV с. 77.

ваютъ у нихъ прихожие козаки"—читаемъ въ ревизіи черкасскаго замка 1552 г., вслѣдъ за исчисленіемъ осѣдлаго населенія города. Точно также при Каневѣ, въ концѣ реестра, гдѣ перечислены бояре, мѣщане, слуги, солдаты, люди помѣщичьи и монастырскіе: „А окромъ того бываетъ тамъ людей прихожихъ, козаковъ неоселыхъ—а бываетъ ихъ не ровъно завжды, але яко которыхъ часовъ" [1]). „Козаковъ, людей неосѣдлыхъ, прихожихъ никогда не держать въ селахъ долѣе трехъ дней, и если козакъ придетъ къ кому и если будетъ уходить, все село должно объ этомъ знать, такъ какъ такіе люди причиняютъ въ селахъ много кражъ и убытковъ", постанавляетъ болѣе поздняя кременецкая ревизія, и затѣмъ прибавляетъ, что въ случаѣ еслибы кто принялъ въ свой домъ „такого козака, неосѣдлаго человѣка", не увѣдомивши общества, или точно также выпустилъ, или продержалъ у себя свыше трехъ дней, и за это время случилась бы у кого нибудь пропажа,—то онъ долженъ за это отвѣчать [2]).

Занятія козака люстраціи 1552 г. описываютъ такъ: „Козаки, которые домовъ тамъ въ Черкасахъ не мають, и тые дають старосте колядки по шести жъ грошей и сена косять ему по два дни лете толоками за его стравою и за медомъ; а которыи козаки не отходячи у козацтво на поле ани рекою у низъ, служатъ въ местехъ въ наймехъ бояромъ або мещаномъ, тыи старосте колядки давати ани сена косити не повинни" [3]). Первую фразу можно понимать двояко: что подъ козаками нужно подразумѣвать людей безъ осѣдлости, въ противоположность мѣщанамъ, или что были козаки домовладѣльцы, поэтому отнесенные къ категоріи мѣщанъ, а теперь рѣчь идетъ о неимѣющихъ осѣдлости (при широкомъ значеніи слова „козакъ" оба толкованія вполнѣ умѣстны, какъ мы еще увидимъ). Эти послѣдніе неимѣющіе осѣдлости козаки или ходятъ на свой козацкій промыселъ, „въ козацтво" въ степи и на Низъ, или служатъ въ качествѣ наймитовъ въ городѣ. Это послѣднее обстоятельство тоже важно, такъ какъ оттѣняетъ понятіе бездомнаго пролетарскаго характера козачества, которое выше я отмѣтилъ; но прежде всего характерно для нашего козака первое—его козацкій образъ жизни въ степяхъ, раскрывающійся въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ.

Претвичъ, оправдывая въ своей запискѣ партизанскую войну

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 89 и 106.
[2]) Архивъ Ю. З. Р. VII. II с. 114 (1563).
[3]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I. с. 82.

съ Татарами, пишетъ: „что касается залеганья въ степи между дорогами, называемаго козацтвомъ [1]),—то по выходѣ въ въ степи за предѣлы лѣса встрѣчаемъ такія болота, что еслибы и четыре человѣка шло, то нельзя прокрасться, потому что на болотахъ всюду ихъ можно выслѣдить — и такою службою въ степяхъ между дорогами мнѣ иногда случалось не пустить Татаръ въ землю королевскую, а иногда я подстерегалъ ихъ, когда они шли въ землю королевскую, а подстерегши побивалъ" [2]) Такимъ образомъ еще въ серединѣ XVI в. „козацтво" было техническимъ терминомъ для обозначенія степной партизанской войны, выслѣживанія врага въ степяхъ, чтобъ при случаѣ его „улузати", какъ говорили. Это значеніе „козацтва", какъ видимъ, очень близко сходится съ тѣмъ, въ какомъ это слово впервые появляется въ нашихъ памятникахъ—въ значеніи стражи, сторожевого поста. „Козацтво" въ люстраціи 1552 г., очевидно, болѣе широкое понятіе: „ходить въ козацтво" въ ней, очевидно, обозначаетъ не исключительно степной разбой или пограничную войну, а степной промыселъ вообще—рыбную и звѣриную ловлю и неразлучную съ этимъ партизанскую войну. Въ такомъ болѣе мирномъ видѣ степныхъ промышленниковъ выступаютъ передъ нами козаки въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ извѣстій, въ уставной грамотѣ г. Кіева 1499 г.: „Которыи козаки зъ верху Днѣпра и съ нашихъ сторонъ ходять водою на Низъ до Черкасъ и далѣй, и што тамъ здобудуть, съ того со всего воеводѣ десятое мають давати; а коли рыбы привозять зъ верху або зъ низу просолныи и вялыи до мѣста кіевскаго, тогды маетъ осмъникъ воеводинъ то осмотрѣти и обмытити и маетъ на городъ взяти отъ бочки рыбъ по шести грошей, а отъ вялыхъ рыбъ и свѣжихъ десятое" [3]). Здѣсь козаками называются степные промышленники, даже пришельцы изъ Полѣсья, ходившіе въ „уходы" и возвращавшіеся потомъ съ рыбою и другими продуктами отхожихъ промысловъ.

Такимъ образомъ козакъ въ украинскомъ Приднѣпровьи второй половины XV и первой половины XVI в.—это съ одной стороны неосѣдлый, „никому не принадлежащій" человѣкъ, подобно

---

[1]) Co sie dotycze legania na polu między slaki na straży, ktore zowią kozactwo.

[2]) l. c. c. 52. Ср. разсказъ Бѣльскаго, какъ въ 1516 г. Предславъ Лянцкоронскій выбрался подъ Очаковъ w kozactwo (с. 991)—разсказъ этотъ приведенъ ниже.

[3]) Акты Зап. Россіи I № 170.

тому какъ ludzie lózni, бродяги польскаго права. Съ другой стороны это человѣкъ, который, независимо отъ своего общественнаго положенія,—будь то человѣкъ неосѣдлый или осѣдлый мѣщанинъ, бояринъ, шхляхтичъ, помѣщикъ,—промышляетъ въ украинскихъ степяхъ и спеціально занимается здѣсь пограничнымъ спортомъ, степнымъ добычничествомъ, а въ особенности—партизанской войной съ Татарами. Въ аналогичныхъ значеніяхъ это козацкое имя употреблялось въ ту пору также и среди Татаръ, гдѣ этимъ именемъ назывались свободные наѣздники, степные добычники [1]), и также точно въ великорусскомъ быту, гдѣ кромѣ собственнаго военнаго пограничнаго козачества—донского, встрѣчаемъ козаковъ въ разныхъ мѣстахъ въ значеніи наемныхъ работниковъ, промышленниковъ и военно-служилыхъ людей [2]); даже въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, такъ далекихъ отъ татарскаго пограничья, были свои безземельные военно-служилые козаки изъ татарскихъ поселенцевъ [3]).

Ни въ первомъ значеніи—бродячаго пролетаріата, ни тѣмъ болѣе въ другомъ, добычническомъ, украинское козачество конца XV и первой половины XVI в. не представляетъ изъ себя сколько-нибудь организованнаго общественнаго класса. Съ одной стороны козачество расплывается въ той подвижной волнѣ уходниковъ, набѣгающей съ весной въ приднѣпровскіе города и уходы и отливающей отсюда съ концемъ степного сезона, разбѣгаясь по разнымъ мѣстахъ Украины; съ другой стороны оно теряется и незамѣтно переходитъ въ общественные слои юго-восточной Украины—особенно въ мѣщанскій. „Въ козацтво“ ходятъ мѣстные мѣщане, крестьяне и даже мелкое боярство; изъ „козаковъ“ рекрутируются отряды, „почты“ слугъ мѣстныхъ старостъ и землевладѣльцевъ. Козачество въ это время и долго еще впослѣдствіи—больше родъ занятія, чѣмъ общественное положеніе, и тогда какъ отъ предпріятій походовъ, набѣговъ козаковъ стоитъ звонъ и гулъ въ украинской атмосферѣ, козачества, какъ общественнаго класса, какъ какихъ нибудь „общинъ“, о которыхъ столько писалось въ новой

---

[1]) См. напр. Памятники снош. съ Крымомъ II с. 128, 231—4, 613—татарскіе козаки азовскіе и бѣлгородскіе, тамъ же с. 230—„казакъ ордынскій“, с. 376—9 „казаки мещерскіе“ (Татары служилые князя московскаго); въ Актахъ Ю. З. Р. II № 143 поименный реестръ 24 козаковъ бѣлгородскихъ, поступающихъ въ службу въ кн. Литовскаго—характерныя татарскія имена.

[2]) См. напр. извѣстія, собранныя Костомаровымъ во вступленіи къ его монографіи о Б. Хмѣльницкомъ.

[3]) У Любавскаго Обл. дѣленіе с. 529—30.

украинской исторіографіи,—не видно никакого слѣда въ нашемъ документальномъ матеріалѣ долго-долго, почти до самаго конца XVII вѣка.

Сейчасъ мы убѣдимся въ этомъ, пересмотрѣвъ наиболѣе раннія извѣстія объ украинскомъ козачествѣ—конца XV и начала XVI. в.

Самое давнее, вполнѣ опредѣленное извѣстіе объ украинскихъ козакахъ мы уже знаемъ[1]). Въ 1492 г. в. кн. Александръ писалъ Менгли-гирею: „Також писал еси намъ въ ярлыку своемъ, ижбы наши люди Кіяне и Черкасцы, пришедши Днѣпромъ, подъ Тягинею корабль твой розбили и чоловека одного иняли и много статковъ и денегъ побрали, а потомъ иного твоего чоловека иняли и колькось воловъ съ нимъ взяли, а после того подъ Тягинею Черкасцы ж десять коней взяли, а тры чоловеки иняли и зъ собою повели. Ино намъ то несведемо, будетъ ли ся стало—ино ся то стало безъ нашое воли. Про то послали есмо до нашихъ

---

[1]) Болѣе раннія извѣстія или намекаютъ только на распространеніе козацкаго имени въ нашихъ краяхъ, а непосредственно говорятъ о козакахъ не украинскихъ (какъ приведенныя выше на с. 102), или ex post прилагаютъ имя козаковъ къ украинскимъ военнымъ эпизодамъ. Къ этой второй категоріи относятся извѣснія Стрыйковскаго; его упоминаніе о подольскихъ козакахъ въ войнѣ съ Федоромъ Коріатовичемъ (II с. 19) пок. Дашкевичъ считалъ самымъ раннимъ извѣстіемъ объ украинскихъ козакахъ; но Стрыйковскій зачастую употребляетъ это имя совершенно произвольно (ср. Молчановскаго Очеркъ исторіи Подольской земли с. 133 и. сл., гдѣ приведены примѣры такой произвольности). Таково же, очевидно, извѣстіе Бѣльскаго отъ 1489 г., принятое за древнѣйшее Антоновичемъ (а за нимъ Эварницкимъ), о томъ что въ буковинской кампаніи Яна-Ольбрахта предводителями польскаго войска служили kozaki tych tam miejsc swiadome (с. 882): въ другихъ источникахъ упоминанія о нихъ нѣтъ и Бѣльскій потомъ самъ отмѣчаетъ извѣстіе о козакахъ 1516 г., какъ самое раннее (с. 991). Затѣмъ Антоновичъ къ ряду наиболѣе раннихъ извѣстій о козакахъ относилъ возстаніе Мухи (Бесѣды с. 15), но это движеніе, аналогичное съ позднѣйшими движеніями XVII в., съ раннимъ козачествомъ не имѣетъ ничего общаго. Съ бо́льшимъ правомъ привлекаетъ сюда Каманинъ (Къ вопросу с. 61) извѣстіе 1489 г. о нападеніи людей Юрія Паца, воеводы кіевскаго, на московскій купеческій караванъ у таванской переправѣ (Пам. сношеній съ Польско-лит. госуд. I с. 23); это несомнѣнное „козачество“, но документъ не называетъ этихъ партизановъ козаками.

врадниковъ украинныхъ, абы того обыскали межи козакы, а чого доискавши ся—дали в руки слузе твоему Мусаце, и люди которыи будут поиманы, и статки што будут побраны. А тихъ лихихъ людей, которыи то будуть вчинили, велели есмо сказнити“ [1]). Такимъ образомъ въ это время терминъ „козакъ“ для обозначенія украинскихъ добычниковъ былъ уже принятъ и извѣстенъ въ правительственныхъ кругахъ, и безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій употребляется здѣсь для обозначенія степныхъ добычниковъ.

Годъ спустя встрѣчаемъ подобный же фактъ, однако козацкое имя въ этомъ случаѣ употреблено не такъ опредѣленно. Менгли-гирей доноситъ в. кн. московскому, чте его посла Суботу, шедшаго отъ молдавскаго воеводы въ Крымъ, около Днѣпровскаго перевоза „изъ Черкасскаго городка козаки потоптали, все поимали—пѣша остали“. По словамъ московскихъ агентовъ это были „Черкассцы“, и съ ними былъ „Богданъ, черкасскій воеводка“ (кн. Богданъ Глинскій)—они тогда разрушили Очаковъ [2]). Извѣстіе это считаю менѣе важнымъ, такъ какъ этихъ черкасскихъ людей называетъ козаками лишь Менгли-гирей, а онъ съ своей, татарской точки зрѣнія могъ отъ себя приложить названіе козаковъ къ этому украинскому походу; но самъ по себѣ походъ, дѣйствительно, совсѣмъ въ козацкомъ стилѣ.

Слѣдующій по порядку текстъ приведенъ выше [3]) полностью: это упоминаніе о козакахъ-уходникахъ въ уставной грамотѣ Кіева 1499 г. Кромѣ этого параграфа, посвященнаго имъ спеціально, уставная грамота нѣсколько разъ упоминаетъ о козакахъ наряду съ купцами, какъ о людяхъ постороннихъ, пришельцахъ, пріѣзжающихъ въ Кіевъ и останавливающихся тутъ.

Затѣмъ зимой 1502-3 г. повторилась исторія, имѣвшая мѣсто десять лѣтъ тому назадъ; Менгли-гирей писалъ объ этомъ въ Москву: ѣхалъ отъ молдавскаго воеводы въ Крымъ посолъ, на этотъ разъ ханскій; воевода проводилъ его со своею „ратью“ до границы, а ханъ выслалъ на границу ему навстрѣчу свою охранную стражу. Несмотря на всѣ эти мѣры предосторожности напали на него на днѣпровскомъ перевозѣ „кіевскіе и черкаскіе козаки“, „на судѣхъ... пріѣхав ночью“. Сопровождавшій

---

[1]) Пуласкій № 24 (19/XII. 1492).
[2]) Памятники снош. съ Крымомъ I с. 194—6.
[3]) См. с. 105.

посла татарскій отрядъ въ концѣ концовъ отбился: „бились съ ними и рускихъ козаковъ побили“, однако это не было ихъ побѣдой—они лишь „отъ бѣды утекли“: украинскіе козаки Татаръ „топтали“, семерыхъ изъ нихъ убили, семерыхъ изранили и 30 коней у нихъ убили [1]). Названіе козаковъ и на этотъ разъ идетъ изъ устъ хана (раньше говорилъ онъ о козакахъ татарскихъ).

Потомъ какъ-то лѣтомъ 1504 г. писалъ Менгли-гирей в. кн. Александру, что онъ собирался отправить своего посла въ Литву, но, какъ передаетъ его слова в. кн. Александръ—дошла до него вѣсть, „штож злыи люди козаки на перевозе (снова днѣпровскомъ очевидно, гдѣ-то подъ Тягинею) лихое дѣло учинили, купцовъ и пословъ разогнали и скарбы и товары ихъ побрали“. Это задержало посольство; ханъ требовалъ, чтобы литовское правительство разыскало этихъ разбойниковъ и захваченныя ими вещи. Такъ какъ въ Литвѣ тогда во что бы то ни стало стремились установить дружескія отношенія съ Крымомъ, то в. кн. отдалъ мѣстной администраціи—кіевскому воеводѣ и черкасскому намѣстнику строгое приказаніе—разыскать разграбленное добро и наказать „злыхъ людей козаковъ“ (въ другомъ письмѣ—„безименные люди козаки“). И намѣстникъ черкасскій кн. Василій Глинскій дѣйствительно разыскалъ разныя вещи и передалъ татарскимъ купцамъ, а провинившихся—„тихъ людей многихъ поимавши, шыею казнилъ“, если вѣрить увѣреніямъ, даннымъ в. кн. Александромъ Татарамъ,—даже „вседши на конь за тими лихими людьми гонялъ“, и многихъ изъ нихъ держалъ подъ арестомъ [2]).

Въ связи съ какимъ-то приключеніемъ въ томъ же родѣ, только быть можетъ болѣе раннимъ, имѣемъ записку объ обыскѣ, произведенномъ у черкасскихъ козаковъ кіевскимъ ключникомъ и черкасскимъ администраторомъ Сенькомъ Полозовичемъ [3]) для

---

[1]) Памят. снош. съ Крымомъ XLI с. 474.

[2]) Пуласскаго № 75 и 65 (нѣсколько сообщеній в. кн. Александра въ Крымъ, въ сходныхъ выраженіяхъ).

[3]) Записка эта изданная дважды (съ оригинала въ Архивѣ Юго-Зап. Рос. Ш. I № 1 и съ копіи Литов. Метрики у Леонтовича Акты 641), не имѣетъ даты и датируется приблизительно 1503 годомъ, на томъ основаніи что она вписана между двумя документами 1503 г. Но такъ какъ предыдущій документъ помѣченъ апрѣлемъ, а слѣдующій—январемъ, то ясно что, хронологическій порядокъ здѣсь отсутствуетъ, и наша записка можетъ принадлежать

розыска награбленнаго у купцовъ добра — очевидно по приказу в. князя. Онъ отыскалъ Ахматовы товары у черкасскихъ козаковъ кн. Дмитра, которые получили эти товары у Щуровой роты: нѣсколько шубъ бѣличьихъ и лисьихъ и кусковъ цвикавскаго сукна; а послѣ одного изъ козаковъ Щуровой роты, Митечка, умершаго въ то время, у его „бурсника“ (товарища) козака же Каленика осталась штука сукна, драгоцѣнные камни, жемчугъ и золотыя пуговицы—неизвѣстно отъ этого грабежа или отъ какого нибудь другого, такъ какъ они были забраны „на городъ“ въ качествѣ выморочныхъ, а не при обыскѣ. Записка чрезвычайно интересна тѣмъ, что козаки выступаютъ передъ нами въ иной роли: какъ наемные солдаты въ мѣстныхъ ротахъ. Одни служатъ у кн. Дмитра т. е. воеводы кіевскаго Дмитрія Путятича, быть можетъ въ отрядѣ его слугъ [1]), другіе въ ротѣ какого-то Щура, можетъ быть ротмистра роты „драбовъ“, наемныхъ солдатъ, которые обыкновенно стояли въ приднѣпровскихъ замкахъ. Очевидно, рота состояла не изъ однихъ козаковъ, и козаки какъ покойникъ Митечко и его „бурсникъ“ Каленикъ [2]) входи-

---

и болѣе позднему времени. То обстоятельство что распоряжается въ Черкасахъ Сенько Полозовичъ и завѣдуетъ здѣшнимъ замкомъ („на мене, на городъ пришли отумерлыя речи“) говоритъ за то, что все это происходило передъ старостованьемъ кн. Василія Дашковича. А. Яковлевъ въ своемъ изслѣдованіи о черкасскихъ намѣстникахъ считалъ Полозовича черкасскимъ намѣстникомъ 1502—3 гг. Это былъ бы удобный выходъ, но трудно допустить, чтобы потомъ это намѣстничество было отобрано у Полозовича и только позже дано намѣстничество овруцкое.

[1]) Любавскій, въ связи со своей теоріей, видѣлъ въ этомъ Дмитріи „крещеннаго татарского князька, подобнаго тѣмъ, которые держали татарскія роты по описи 1528 г.“ (Обл. дѣленіе с. 532).

[2]) Слова „бурсникъ“ въ этомъ документѣ сильно интриговало изслѣдователей. Любавскій усматривалъ въ бурсникахъ дольщиковъ, видѣлъ въ этомъ доказательства козацкаго землевладѣнія и на этомъ основаніи развивалъ свою теорію происхожденія украинскаго козачества отъ „испомѣщенныхъ Татаръ“ Кіевскаго княжества (Обл. дѣленіе 531—2). Теперь, послѣ изданія судебныхъ книгъ Литов. Метрики значеніе этого слова стало яснымъ: она обозначаетъ товарища, коллегу. Такъ въ одномъ процессѣ (1520) выступаетъ передъ нами слуга кн. Острожскаго Ирикъ Михновичъ „съ товарищемъ своимъ Коптемъ“, а въ дальнѣйшемъ разсказѣ онъ называетъ послѣдняго своимъ „бурсникомъ“ (потомъ звадился съ бурсникомъ моимъ съ Коптемъ“), и изъ разсказа видно, что это дѣйствительно были товарищи, люди одного занятія (Литов. Метрика I с.

ли туда наряду съ другими военными людьми, поэтому записка отмѣчаетъ съ своей стороны, что и Каленикъ тоже козакъ [1]). Очевидно, эти черкасскіе добычники-козаки могли попасть въ военную службу послѣ своихъ степныхъ подвиговъ, и во время службы могли принять участіе въ такомъ походѣ. Возможно, что въ этомъ дѣлѣ была замѣшана сама мѣстная администрація, самъ „славный козакъ" Полозовичъ и мѣстные ротмистры, и только ввиду великокняжескаго наказа изъ роли участниковъ или покровителей похода должны были перейти въ роль слѣдователей и судей, разыскивая разграбленное добро, какъ это не разъ бывало и намъ извѣстно вполнѣ документально (сравнить позднѣйшіе упреки в. князя мѣстной администраціи, что она для своихъ выгодъ позволяетъ козакамъ дѣлать набѣги на татарскіе улусы, а потомъ дѣлится съ нею добычею) [2]).

О позднѣйшихъ козацкихъ походахъ на Татаръ имѣемъ общее упоминаніе въ цитированной уже мною реляціи Макарца толмача отъ 1510 г. Онъ разсказываетъ, что ханъ хочетъ снести старый Очаковскій замокъ и поставить новый при устьѣ Буга, на выступѣ между Днѣпромъ и Бугомъ, противъ этого новаго замка соружить „бойницу" и въ ней поставить пушки, а черезъ Днѣпръ протянуть цѣпи, „абы твоей милости людемъ (изъ в. кн. Литовскаго) нельзо переѣжджати ни в верх ни вниз." „У Тавани рѣчка Ярыймова обойшла кругъ Острова а въ Днѣпръ зася втекла, и тою рекою покрадывали ся козаки твоее милости мимо городы татарскіи, и тую рѣчку на весне маетъ лесою переплести и каменемъ засыпати, штобы козаки туда не переходили" [3]). Рѣчь идеть очевидно о козацкихъ походахъ на лодкахъ, значительными партіями, въ окрестности Очакова и черноморское побережье, происходившихъ въ 1505—1509 гг. Болѣе подробныхъ извѣстій о нихъ въ источникахъ не имѣемъ.

1417). Въ такомъ значеніи это слово употребляется и въ другихъ случаяхъ—ibid. с. 9 и 1439.

[1]) Такимъ образомъ не считаю обоснованнымъ взглядъ, что мы здѣсь имѣемъ спеціально козацкое дѣленіе на роты—что это именно козаки были организованы въ роты (этотъ взглядъ въ послѣднее время у Яблоновскаго Ukraina с. 413). По крайней мѣрѣ документъ не даетъ сколько-нибудь прочнаго основанія для такого взгляда.

[2]) Акты Ю. З. Р. I № 105 (1541).

[3]) Пуласкій № 120; текстъ имѣетъ очевидныя ошибки—исправляю ихъ кое-гдѣ.

Разныя другія войны и битвы, въ позднѣйшей традиціи связанныя съ козачествомъ и въ этой формѣ переданныя потомству—какъ походы „славнаго козака“ Остафія Дашковича въ концѣ перваго и началѣ второго десятилѣтія XVI в., какъ подвиги „Русака Полоза, славнаго козака“, какъ его называетъ Бѣльскій [1] — въ болѣе древнихъ, современныхъ источникахъ не имѣютъ упоминаній о козакахъ: въ польскихъ кругахъ козацкое имя было тогда еще очень мало извѣстно. Даже громкій походъ Предслава Лянцкоронскаго подъ Бѣлгородъ, съ легкой руки Бѣльскаго ставшій для позднѣйшей традиціи на цѣлыя столѣтія, до самаго XIX в. включительно, настоящей эпохой, „началомъ козачества“, въ современныхъ этому факту источникахъ не говоритъ о козакахъ [2]). Лишь въ 1524 г. имѣемъ извѣстія о козакахъ подъ этимъ названіемъ. Одно говоритъ о нападеніи черкасскихъ козаковъ на кафинскихъ купцовъ—козаки ограбили ихъ и разбили, и ханъ за это грозитъ итти на Украину [3]). Другое гораздо болѣе важно. Оно указываетъ что уже зимою 1523/4 г., а быть можетъ и ранѣе, в. князь рѣшилъ организовать пограничный корпусъ изъ козаковъ и съ этой цѣлью поручилъ Семену Полозовичу и Криштофу Кмитичу, пограничнымъ державцамъ, навербовать для государственной службы козаковъ и съ ними предпринять походъ по Днѣпру. Несмотря на то, что рада в. кн. Литовскаго оставила великокняжеское распоряженіе безъ вниманія и не прислала для козацкаго войска ни денегъ, ни сукна, Полозовичъ и Кмитичъ предприняли походъ подъ Тавань и вели очень удачную борьбу съ Татарами, такъ что в. князь про-

[1]) С. 944 и ниже с. 949 и 950.

[2]) Въ новѣйшей монографіи о началахъ козачества, И. Каманина, къ первымъ двумъ десятилѣтіямъ XVI в. относятся еще два событія изъ исторіи козачества: пожалованіе козакамъ первой привилегіи великимъ княземъ и возстаніе козаковъ противъ правительства (с. 78—81). Первое опирается на позднѣйшей козацкой традиціи о первомъ козацкомъ гетманѣ, своей основою имѣющей записку Бѣльскаго о началѣ козаковъ въ 1516 г. (съ различными поправками и измѣненіями въ датахъ). Другое извѣстіе опирается на извѣстіи о пораженіи польскаго и литовскаго войска подъ Сокалемъ въ 1519 г. (см. выше с. 42), только оно измѣнено однимъ изъ позднѣйшихъ компиляторовъ (или по недоразумѣнію, или вслѣдствіе неудачной догадки) въ томъ смыслѣ, что Татары изъ-за недоразумѣній съ Поляками бьютъ „нашихъ“ (т. е. Волынянъ)—Сборникъ лѣтописей Юж. и Зап. Рос. с. 75.

[3]) Acta Tomiciana VII с. 5.

эктируетъ организовать изъ козаковъ постоянное, довольно значительное войско въ тысячу или двѣ душъ, и расположить его гарнизонами противъ Татаръ[1]). О самомъ этомъ проэктѣ рѣчь еще впереди; здѣсь онъ интересенъ намъ, какъ симптомъ непрестаннаго роста козачества, его численныхъ силъ и военной энергіи. Иначе проэктъ этотъ не могъ бы возникнуть. Онъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что на протяженіи всего второго десятилѣтія шло непрерывное развитіе козацкой партизанской войны и, хотя источники наши не упоминаютъ о козакахъ подъ этимъ названіемъ, но въ тѣхъ различныхъ эпизодахъ борьбы съ Татарами, о которыхъ они говорятъ, проявляло себя именно козачество.

Въ позднѣйшей козацкой традиціи и исторіографіи украинскаго козачества нѣкоторымъ пограничнымъ старостамъ, или другимъ предводителямъ козацкихъ экспедицій, болѣе или менѣе случайно упомянутымъ польскими хронистами, выпала честь быть организаторами козачества, его гетманами въ духѣ позднѣйшаго значенія этаго чина — всенародныхъ вождей Украины. Грабянка, авторъ первой „ученой" исторіи козачества выбралъ слѣдующія имена козацкихъ вождей, записанныхъ имъ въ гетманы: „в року 1506 былъ первымъ гетманомъ Прецлавъ Лянцкоронскій, а в року 1514 будучи гетманомъ запорожскимъ нѣякійсь козакъ Венжикъ Хмельницкій розбилъ великую орду въ Полщѣ подъ Заславемъ, потомъ былъ гетманомъ Димитрій князь Вишневецкій, а по немъ Евстафій князь Ружинскій"[2]). Исходнымъ пунктомъ послужилъ и здѣсь тотже разсказъ Бѣльскаго о началѣ козаковъ въ 1516 г. и „козацкомъ" походѣ Лянцкоронскаго на Очаковъ, только дата его въ какой-то компиляціи была ошибочно измѣнена на 1506 г., точно такъ же какъ въ запискѣ о побѣдѣ „Венжика козака Хмѣльницкаго" подъ Заславомъ 1534 г.[3]), должно быть тоже по ошибкѣ, замѣненъ былъ 1514 годомъ. Правильная дата похода Лянцкоронскаго, однако, позднѣе была возстановлена, и вмѣстѣ съ этимъ на первое мѣсто среди козацкихъ гетмановъ былъ поставленъ другой традиціонный „славный козакъ" Остафій Дашковичъ, уже въ исторіографіи XVIII в.[4]), а укра-

---

[1]) Документы архъ. юстиціи I с. 593. [2]) с. 20—1.

[3]) Какъ читаемъ ее у Стрыйковскаго с. 397.

[4]) Такъ у Ригельмана: „въ самомъ началѣ 16 столѣтія одинъ изъ украинскихъ жителей и уроженецъ города Овруча, именемъ Дашкевичъ, назвавшись хетманомъ, собралъ нѣсколько одноземцевъ

инскіе исторіографы XIX в. при всѣхъ колебаніяхъ въ дальнѣйшихъ именахъ остановились на долгое время на этихъ двухъ первыхъ гетманахъ: первомъ Дашковичѣ, второмъ Лянцкоронскомъ [1]). Въ связи съ этимъ все болѣе рѣшительно переносилась къ первымъ десятилѣтіямъ XVI в. и организація козачества, связанная съ именемъ Дашковича уже въ первой половинѣ XVII в. (напр. у Старовольскаго), и только въ позднѣйшей традиціи покрытая болѣе популярными разсказами о реформѣ Баторія. Лишь послѣ того, какъ Дашковичъ и Лянцкоронскій были выдвинули снова на первый планъ, какъ первые козацкіе гетманы, къ началу XVI в. начала передвигаться и организація козацкаго войска, независимо отъ старыхъ, забытыхъ преданій. Въ наиболѣе рѣшительной формѣ сдѣлалъ это авторъ Исторіи Руссовъ (связавъ однако эту организацію почему то съ именемъ Остафія Ружинскаго, дѣятеля второй половины XVI в.) и его разсказъ, несмотря на явные анахронизмы, долго принимался позднѣйшей исторіографіей.

своихъ, наименовавъ ихъ козаками, именемъ отъ Татаръ заимствованнымъ (и воевалъ съ Татарами), за что въ 1505 г. испросилъ отъ короля польскаго Жигмунда перваго земли въ кіевскомъ и браславскомъ воеводствахъ для пространнѣйшаго оселенія сихъ воиновъ“ (с. 14); то же самое въ „Переписи“, изд. Бѣлозерскимъ. Отсюда потомъ пошла дата 1500 г., какъ начало гетманства (напр. въ исторіи Маркевича), но дата 1506 г., всетаки оказывала вліяніе и позже на хронологію, несмотря на то, что дата похода Лянцкоронскаго уже была исправлена; этимъ объясняется тотъ фактъ, что Дашковичъ былъ отнесенъ къ самому началу XVI в. и его привилегіи датированы 1505 г.

[1]) Дашковичу вообще пришлось выдержать нелегкую борьбу съ Лянцкоронскимъ и лишь съ большимъ трудомъ удалось оттѣснить на второе мѣсто съ перваго, занимаемаго еще имъ въ „Хронологіи высокославныхъ гетьмановъ“ изд. Бѣлозерскимъ: „первый гетманъ войскъ запорожскихъ съ фамиліи сенаторской именуемый Прецлавъ Лянцкоронскій или принцъ славянороссійскій“. Нелегко было оттѣснить такое звучное имя (варіанты имени: Пренцлавъ, Пренцславъ, отсюда „принцъ словянскій“, и въ связи съ этимъ у Ригельмана онъ уже титулуется княземъ). Миллеръ, придерживаясь хронологіи войнъ Дашковича съ Татарами, также оставилъ его на второмъ мѣстѣ, послѣ Лянцкоронскаго; то же самое видимъ у Энгеля. Прежде чѣмъ Дашковичъ вообще завоевалъ мѣсто въ этомъ реестрѣ, очень популярнымъ былъ порядокъ Грабянки, съ исключеніемъ Венжика, для котораго была найдена первоначальная дата 1534 г. и котораго поэтому передвинули на болѣе позднее время. Въ результатѣ получился такой порядокъ первый гетманъ Лянцко-

Но даже и послѣ того, какъ съ накопленіемъ историческаго матеріала все болѣе разсѣивались тучи догадокъ и фантазій, сплетенныхъ старыми и новыми исторіографами украинскаго козачества, эта пара: черкасскій намѣстникъ Остафій Дашковичъ и хмельницкій староста Предславъ Лянцоронскій остались, можно сказать, до самыхъ нашихъ дней въ роли геніевъ-покровителей украинскаго козачества, какъ его первые организаторы и вожди. Между тѣмъ они не были ни организаторами козачества, ни первыми въ роли вождей „козацкихъ“ походовъ, и свое значеніе въ этой области должны раздѣлить со многими другими представителями украинской администраціи, которые точно также старались использовать козачество, какъ явленіе бытовое, въ инте-

---

ронскій, второй Вишневецкій, третій Ружинскій (такъ въ Краткомъ Описаніи, этой наиболѣе популярной исторіи Украины, и въ Собраніи Лукомскаго, (при изд. Самовидца 1876 г. с. 212 и 328). Еще Исторія Руссовъ придерживается этого каталога—выдвигая однако рядомъ съ Лянцкоронскимъ на центральную позицію среди этого первоначальнаго козачества Ост. Ружинскаго, въ качествѣ перваго организатора козачества во второмъ десятилѣтіи XVI ст.; ему же здѣсь приписана и слава побѣды надъ Татарами 1516 г. „надъ рѣкою Донцемъ при городѣ Бѣлгородѣ (Бѣлгородъ-Акерманъ смѣшанъ съ Бѣлгородомъ слободскимъ). Только Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ укрѣпили Дашковича на первой позиціи на долгое время, такъ что лишь много лѣтъ спустя, подъ конецъ XIX ст. опять начинаются колебанія относительно выступленія на историческую сцену Дашковича и Лянцкоронскаго. Ихъ преемниковъ Вишневецкаго и Ружинскаго отодвинулъ къ болѣе позднему періоду Максимовичъ въ своихъ замѣчаніяхъ къ монографіи Антоновича, и изъ стараго реестра Грабянки безпомощно повисъ въ воздухѣ только загадочный „Венжикъ Хмѣльницкій“ (см. 241). Авторъ „Происхожденія запор. козачества“ (Кіев. Стар. 1884, VIII. с. 596) высказалъ догадку, что это кор. гетманъ Янъ Тарновскій, такъ какъ онъ вновь отстроилъ Хмельникъ и стоялъ въ немъ съ войскомъ, и его заслугой Бѣльскій (с. 1064) называетъ разгромъ Татаръ 1534 г. Но все таки остается не объясненнымъ, какимъ образомъ къ нему могло пристать прозвище „Wężyk Chmelnicki“.

Эти колебанія относительно Дашковича были тѣмъ болѣе неожиданны, что въ традиціи значеніе его, какъ перваго организатора козачества, сильно подчеркнуто было уже въ началѣ XVII в. Сдѣлалъ это Старовольскій въ статьѣ посвященной козакамъ въ брошюрѣ Eques Polonus (1628), представивъ Дашкевича первымъ вождемъ имъ собранной вольницы, получившей отъ него и свое козацкое имя (выписки см. въ украин. изданіи). Затѣмъ въ своихъ Sarmatiae bellatores (1631), вѣнчая Дашковича еще большими

ресахъ обороны украинскаго пограничья и по разнымъ другимъ мотивамъ принимали участіе въ „козачествѣ".

Первымъ изъ украинскихъ администраторовъ, замѣшанныхъ въ „козацтвѣ", въ нашемъ матеріалѣ выступаетъ кіевскій воевода Юрій Пацъ: въ 1489 г. его люди (Юрьевы люди Пацевича) разбили московскихъ купцовъ на Днѣпровскомъ перевозѣ [1]). На сколько самъ онъ лично былъ въ этомъ замѣшанъ, не можетъ сказать; его „люди", судя по именамъ вождей: „Богданъ да Голубецъ да Васька Жила", должно быть, не были организованнымъ походомъ кіевскихъ ротъ, а свободнымъ набѣгомъ „козаковъ", служившихъ въ „почтахъ" у кіевскаго воеводы, хотя они и не выступаютъ въ этомъ извѣстіи подъ козацкимъ именемъ: какъ мы уже знаемъ, техническимъ терминомъ это названіе стало не скоро.

Опредѣленѣе выступаетъ современникъ Паца намѣстникъ черкасскій кн. Богданъ Глинскій. Мы не знаемъ, когда онъ былъ назначенъ въ Черкасы—можетъ быть еще въ 1480 годахъ [2]); въ 1495 г. видимъ его уже намѣстникомъ путивльскимъ. Единственный достовѣрный походъ его извѣстенъ въ 1493 г., когда,

похвалами (vir omni saeculornm memoria dignissimus et castrensis disciplinae exactor gravissimus, cui iam pares non sunt Cosaci — с. 154), Старовольскій прибавилъ нѣсколько фактическихъ, болѣе или менѣе реальныхъ подробностей: что Дашкевичъ получилъ отъ короля разрѣшеніе собирать козаковъ, былъ награжденъ черкасскимъ старостствомъ, во время своихъ войнъ съ Татарами подъ старость попалъ въ плѣнъ (in senectam iam vergens, cum maxime rerum bellicarum peritus esse putaretur, ad ripam Borysthenis cum Tartaris aduerso proelio decertans, captus ab illis fuit et anno intergo in servitute mansit). Разсказъ остался все же довольно бѣденъ фактическимъ содержаніемъ, но роль Дашковича какъ перваго организатора козачества была подчеркнута очень сильно, и только неизвѣстностью этихъ сочиненій Старовольскаго въ позднѣйшихъ козацкихъ кругахъ можно объяснить, почему Дашковича съ самаго же начала не признали здѣсь первымъ основателемъ козачества.

[1]) Памятники снош. съ Литов. госуд. I с. 23.

[2]) Яковлевъ въ своемъ изслѣдованіи о черкасскихъ намѣстникахъ (с. 344) приводитъ записку отъ 1488 г. о пожалованіи пушкарю черкасскому и вслѣдъ за нею „тамъ Богдану Федоровичу 10 коп. грошей зъ листа (чит.: мыта) въ Кіевѣ"; но это „тамъ же" можетъ указывать не на Черкасы, а на мѣсто пожалованія. Ошибается Яковлевъ, говоря, что кн. Богдана взяли татары въ неволю; въ татарской реляціи, указанной имъ, объ этомъ нѣтъ упоминаніе.

отплачивая за татарскій набѣгъ, онъ вмѣстѣ съ „царевичемъ Уздемиромъ" ходилъ походомъ на Низъ, взялъ и разрушилъ поставленный на-ново Менгли-Гиреемъ „городъ" (Очаковъ), забралъ въ немъ на „30 тыс. алтынъ" денегъ, и людей ханскихъ 64 душъ убилъ, а другихъ взялъ въ плѣнъ; тогда же былъ ограбленъ московскій посолъ Субота, ѣхавшій въ Крымъ изъ Молдавіи, и ханъ называетъ этихъ грабителей „козаками черкасскими" [1]). Несмотря на то, что здѣсь названіе „козаки", какъ я уже указалъ, не имѣетъ вполнѣ техническаго термина, всетаки мы можемъ считать достовѣрнымъ, что походъ дѣйствительно былъ совершенъ при участіи козаковъ; съ другой стороны вполнѣ возможно, что и нѣкоторые другіе походы Черкасцевъ въ концѣ 1480 годовъ и потомъ въ 1490-хъ происходили при участіи Б. Глинскаго [2]).

О преемникѣ Паца на кіевскомъ воеводствѣ кн. Дмитріи Путятичѣ извѣстно уже документально [3]), что въ его „почтахъ" служили черкасскіе козаки: выше былъ упомянутъ обыскъ произведенный у „козаковъ черкасскихъ—князя Дмитріевыхъ козаковъ"; Щурова рота, въ которой также служили черкасскіе козаки, упомянутые въ той же запискѣ, могла быть ротой какъ кіевскаго, такъ равно и черкасскаго гарнизона. Въ указаныхъ матеріалахъ нѣтъ никакихъ основаній видѣть здѣсь спеціально козацкія роты или полки: это было бы антиципаціей, судя по другимъ фактамъ эволюціи козачества. Воевода могъ принимать въ свой отрядъ между прочимъ и козаковъ, и они же служили въ другихъ мѣстныхъ ротахъ.

Изъ преемниковъ кн. Богдана въ имѣющемся у насъ матеріалѣ съ козачествомъ связано имя Сенька Полозовича, завѣдывавшаго черкасскимъ староствомъ въ началѣ XVI в. Онъ былъ кіевскимъ ключникомъ въ 1490-хъ гг., потомъ овруцкимъ намѣстникомъ (около 1510) и державцемъ рѣчицкимъ, но при этомъ, какъ коренной кіевскій землевладѣлецъ, всюду выступаетъ въ нашихъ извѣстіяхъ какъ одинъ изъ героевъ пограничной войны съ Тата-

---

[1]) Памятники снош. съ Лит. гос. I с. 195—6.

[2]) Упомянутаго Богдана въ эпизодѣ 1489 г. Каманинъ (с. 62) и Яковлевъ (с. 343) считаютъ кн. Богданомъ Глинскимъ. Но это трудно допустить: во-первыхъ, очень непочтительно онъ здѣсь названъ, безъ всякаго титула, во вторыхъ—зачѣмъ бы онъ выступалъ въ главѣ людей воеводы, а не своей собственной дружины?

[3]) См. выше с. 110.

рами. Современникъ Децій (Дицъ) знаетъ его, какъ „славнаго русскаго воина“ [1]); у болѣе поздняго Бѣльскаго онъ прославляется какъ „Полозъ Русакъ славный козакъ“ [2])—то и другое по случаю побѣды надъ татарскими ордами въ 1508 г. Потомъ въ извѣстіяхъ того времени имѣемъ указаніе на его побѣду надъ Татарами въ 1511 г. [3]). Но въ наиболѣе характерной роли, какъ инициаторъ болѣе широкой козацкой организаціи и вождь козацкаго войска, выступаетъ онъ передъ нами въ 1520-хъ гг., вмѣстѣ съ другимъ кіевскимъ земяниномъ Криштофомъ Кмитичемъ, также сыномъ черкасскаго намѣстника, державцемъ чернобыльскимъ. Хотя литовское правительство не оказало имъ никакой поддержки въ организаціи козацкаго войска, но Полозовичъ и Кмитичъ все таки, „собравшы малый почотъ козаковъ, на низъ Днепром до Кіева и далей до Тованя на службу нашу ходили“, какъ писалъ в. князь панамъ-радѣ литовской. „И тамъ будучы, послугы своее намъ немало вчынили и тыхъ людей неприятелей всихъ Татаръ, которыи в паньстве нашомъ были, тыждень черезъ Днепръ не пропустили, и на кождый день з ними битву мевали и многихъ били, а иншии сами тонули“ [4]).

Но славу и значеніе Полозовича, какъ вождя и организатора козацкаго покрыла слова другого черкасскаго намѣстника, Остафія Дашковича. Былъ онъ также какъ, какъ и Полозовичъ, человѣкъ мѣстный, знатокъ мѣстныхъ отношеній, завзятый порубежникъ, герой пограничныхъ войнъ; его дѣятельность, аналогичная съ дѣятельностью Полозовича, но болѣе яркая, шумная, интенсивная, затмила фигуру его предшественника и для позднѣйшаго времени сдѣлала изъ него наиболѣе значительнаго представителя днѣпровскаго козачества [5]). Однако необходимо отмѣтить, что въ

---

[1]) Polusz miles ruthenus insignis—подъ 1508 г. (с. 35).

[2]) Polusz Rusak, sławny kozak—подъ тѣмъ же 1508 г. (с. 950). [3]) См. выше, с. 39.

[4]) Документы арх. юстиціи I с. 523.

[5]) О Дашковичѣ была статейка Бартошевича въ Encyklop. powszechna и болѣе новое, но столь же переполненное ошибками изслѣдованіе въ его Szkic-ахъ I (Ostafi Daszkiewicz). Цѣнное для своего времени изслѣдованіе о немъ далъ Максимовичъ въ замѣчаніяхъ на работу Антоновича. Новѣйшая работа—статья Яковлева о намѣстникахъ черкасскихъ (Украïна кн. I). Несмотря на большой интересъ къ личности Дашковича, въ его біографіи, особенно ранней, до послѣдняго времени было допускаемо множество ошибокъ, да и сейчасъ есть много неясностей. На ряду со старой традиціей, что Дашковичъ былъ подданнымъ кн. Острожскаго изъ Овруча (у Ста-

современныхъ Дашковичу актахъ съ его дѣятельностью нигдѣ не связывается козачество какъ имя, какъ терминъ, и все „козачество“ Дашковича было дѣломъ позднѣйшей традиціи.

По происхожденію Дашковичъ былъ кіевскимъ земяниномъ—здѣсь были его имѣнія „отчызныи и матерыстыи“ [1]). Но на политическую арену онъ виступаетъ въ Бѣлоруссіи: въ началѣ XVI в. во время войны Литвы съ Москвою онъ былъ комендантомъ Кричева; ранѣе онъ былъ „воеводою во многихъ мѣстахъ“ на границѣ, но объ этой службѣ его нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣній [2]). Въ 1503 г. оговореный въ чемъ-то передъ в. кн. Александромъ, Дашковичъ рѣшилъ разстаться съ нимъ и сдавъ

ровольскаго), является другой столь же ошибочный взглядъ, будто бы онъ происходилъ изъ рода князей Дашковичей (Пуласкій, Каманинъ); но эти князья Дашковичи были изъ рода Глинскихъ и не имѣли ничего общаго съ родомъ Остафія. Столь же неосновательна и догадка Пуласкаго, что Остафій былъ родственникомъ Острожскихъ, и предположеніе Максимовича, что онъ былъ шуриномъ кіевскаго воеводы Немировича. Послѣднее основано на неправдоподобной догадкѣ, что Милохна Немировая, сестра и наслѣдница Дашковича, была женой Андрея Немировича: въ актѣ 1535 г., гдѣ она упоминается (Акты Ю. З. Р. II ч. 117), она въ такомъ случаѣ не фигурировала бы простой „земянкою кіевъскою“ (тѣмъ болѣе, что Андрей Немировичъ въ это время жилъ и былъ воеводою кіевскимъ). Соблазнительную догадку выставилъ Бонецкій (Poczet rodów и затѣмъ въ Herbarz polski, sub voce): опираясь на заявленіи Ив. Ходковича, витебскаго намѣстника, что онъ въ лѣсахъ своего братанича Ивана Дашковича бывалъ на охотѣ только съ его разрѣшенія, Бонецкій считаетъ Дашковичей однимъ родомъ съ Ходковичами и въ новѣйшей версіи (Herbarz) связываетъ ихъ еще съ фамиліей Пстручей. Въ этомъ случаѣ онъ идетъ слишкомъ далеко, но соображеніе о родствѣ Дашковичей съ Ходковичами—гипотеза очень привлекательная, въ виду традиціи кіевскаго происхожденія Ходковичей. Ее принимаетъ и новѣйшій изслѣдователь исторіи рода, Дашкевичъ-Горбацкій, недавно выпустившій литографированные „Матеріалы къ исторіи Корибутъ-Дашкевичъ-Горбацкихъ, Спб., 1908 г.“ Слабая сторона этой гипотезы заключается въ томъ, что изъ цитированныхъ Бонецкимъ документовъ выходитъ, что лѣса этихъ Дашковичей находились въ Витебской области, и родъ этотъ жилъ тамже, между тѣмъ не имѣтся никакихъ указаній относительно того, что родъ Остафія владѣлъ имѣніями въ Витебской землѣ и имѣлъ тамъ родственниковъ (къ наслѣдству Остафія никто не предъявилъ притязаній кромѣ его сестры).

[1]) Акты Ю. З. Р. II № 117.

[2]) Памятники снош. съ Лит. гос. I с. 447—8, 470, Воскр. I с. 24.

замокъ великокняжескому дворянину П. Епимаховичу, перешелъ, уже послѣ заключенія перемирія между Москвою и Литвой, на службу къ в. кн. московскому. В. кн. Александръ требовалъ выдачи его, какъ измѣнника, но в. кн. московскій на это не согласился, толкуя переходъ Дашковича въ духѣ стараго права свободнаго перехода „бояръ и слугъ вольныхъ“ [1]). Чтобы оправдать себя передъ в. кн. Александромъ въ возведенныхъ на него обвиненіяхъ, Дашковичъ пріѣзжалъ подъ защитой охранной грамоты въ 1505 г. на литовскій сеймъ въ Берестьѣ и дѣйствительно оправдался: былъ реабилитированъ, и имѣнія его были возвращены ему [2]). Но очевидно, онъ остался и послѣ этого еще нѣкоторое время на московской службѣ и во время возстанія Глинскаго приходилъ къ нему на помощь съ московскимъ войскомъ [3]). Только послѣ подавленія этого возстанія Дашковичъ возвращается въ Литву и переноситъ свою дѣятельность на Украину. Сначала онъ получилъ въ управленіе Каневъ, потомъ въ 1514 г. къ Каневу прибавлены были Черкасы, и оба староства оставались въ рукахъ Дашковича до самой смерти, свыше двадцяти пяти лѣтъ [4]).

Въ этотъ періодъ спеціальностью Дашковича являются татарскія дѣла: охрана Украины, вся юго-западная, приднѣпровская

[1]) Памятники снош съ Лит. гос I с. 469—70!
[2]) Литов. Метрика I с. 770—1.
[3]) См. въ т. IV[2] с. 486.
[4]) Недавно опубликованная тяжба Дашковича съ кн. Капустой, доставивъ извѣстіе о пріѣздѣ Дашковича на гродненскій сеймъ и достигнутую здѣсь реабилитацію, дала поводъ къ догадкѣ, что тогда, въ 1505 г. Дашковичъ вернулся изъ Москвы и получилъ Каневское староство (Яковлевъ). Еще раньше Антоновичъ, описывая возстаніе Глинскаго и участіе въ немъ Дашковича, считалъ его уже въ то время каневскимъ и черкасскимъ старостою (Монографіи с. 243). Но изъ того, что теперь знаемъ объ участіи Дашковича въ возстаніи, вытекаетъ, что онъ принималъ въ немъ участіе какъ представитель московскаго князя, а не въ качествѣ мѣстнаго человѣка (см. т. IV[2] с. 486), ещё менѣе—въ качествѣ старосты какого либо мѣстнаго замка. Можно съ увѣренностью принять, что Дашковичъ вторично не испрашивалъ амнистіи у в. кн. литовскаго. Что черкасскимъ старостой онъ сталъ лишь съ 1514 г., теперь знаемъ уже точно. Старостой каневскимъ онъ сталъ раньше: московскіе послы упоминали, что когда въ Черкасахъ намѣстникомъ былъ Андрей Немировичъ, то въ Каневѣ былъ Дашковичъ (Памятн. снош. съ Литов. госуд. I с. 522—3), а Черкасы Дашковичъ получилъ именно послѣ Немировича.

территорія которой подлежала его управленію, какъ каневскаго и черкасскаго старосты, а также дипломатическія сношенія и переговоры съ Татарами. Въ Польско-литовскомъ государствѣ Дашковича считали несравненнымъ знатокомъ въ этой области. Въ современной запискѣ о походѣ подъ Очаковъ, отмѣчается эта громкая репутація Дашковича среди своихъ и Татаръ, „такъ какъ онъ одержалъ много побѣдъ надъ Татарами, не разъ также былъ вождемъ Татаръ въ походахъ на Москву, опустошалъ московскія земли на огромномъ протяженіи и счастливо приводилъ назадъ домой татарское войско, нагруженное огромной добычей. Хитрый, отважный и счастливый воинъ, онъ былъ настоящей грозою Татаръ. Его лицо, весь внѣшній обликъ фигуры и одежда,—все было чисто татарское. Онъ зналъ ихъ языкъ и, часто бывая на развѣдкахъ, оставался неузнаннымъ въ ихъ таборѣ: его принимали за Татарина, и благодаря этому провѣдывая объ ихъ предпріятіяхъ, онъ разбивалъ ихъ на-голову, а посланцовъ татарскихъ, отправляемыхъ къ нему, онъ выставлялъ на страшное позорище, прибитыхъ на столбахъ въ степяхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходили Татары [1]).

Извѣстенъ походъ Дашковича съ Татарами въ Сѣверскія земли въ 1515 г. и громкой походъ на Москву въ 1521 г.; в. кн. Сигузмундъ прислалъ Остафію за эти подвиги почетные дары, бархатъ и сукна, и 50 копъ деньгами. Вслѣдъ за этимъ Остафій отправляется посломъ въ Орду и непосредственно послѣ того опустошаетъ Крымъ во время междоусобій, возникшихъ по смерти Махметъ-гирея [2]). Позже онъ также принимаетъ участіе въ крымскихъ междоусобіяхъ, и пользуясь ими для набѣговъ на Татаръ (въ родѣ нашумѣвшаго похода на Очаковъ въ 1528 г.), одновременно поддерживаетъ разныхъ крымскихъ претендентовъ. Такъ подъ его покровительствомъ въ сосѣдствѣ Черкасъ искалъ защиты въ концѣ 1520-хъ гг. претендентъ Исламъ-гирей, и это вызвало походъ хана Сеадатъ-гирея на Дашковича: онъ приходилъ въ 1532 г. на Черкасы, съ отрядомъ янычаръ и большою артиллеріею, чтобъ одолѣть неугомоннаго сосѣда, но города взять не могъ и послѣ тринадцати дней безуспѣшныхъ усилій, какъ разсказываетъ польскій хронистъ, пригласилъ Дашковича на

[1]) Acta Tomiciana XI c. 223.

[2]) Объ этомъ у Карамзина XII с. 78 (безъ указанія источника —онъ неизвѣстенъ и до сихъ поръ).

свиданіе и заключилъ съ нимъ союзъ и братство. Съ трофеями этой блестящей компаніи Дашковичъ ѣздилъ на сеймъ въ Петроковъ, похвалился пушечнами ядрами, которыми обстрѣливались Черкасы, и былъ осыпанъ похвалами и подарками. При этомъ Дашковичъ высказалъ здѣсь свои соображенія о необходимости образованія постоянныхъ гарнизоновъ на Днѣпрѣ на татарскихъ перевозахъ, для обороны Украины [1]).

Это былъ послѣдній тріумфъ Дашковича, онъ умеръ немного спустя (1535), не оставивъ ни потомства, ни жены (неизвѣстно, былъ ли вообще женатъ), сдѣлавъ зато большія пожертвованія на монастыри, какъ подобало „человѣку рыцарскому". Но среди мѣстнаго населенія оставилъ онъ память не особенно свѣтлую своими „новинами", какъ мы отчасти уже видѣли. Изыскивая средства на свои военные „почты", на оборону замковъ, на нужды войны, этотъ суровый пограничникъ держалъ въ желѣзныхъ рукахъ мѣстное мѣщанство и всякій прочій людъ, завелъ разные сборы и налоги, ограничилъ мѣстное населеніе въ свободномъ пользованіи уходами и всякаго рода угодьями, и его „новины" стали потомъ исходнымъ пунктомъ препирательствъ для мѣстнаго населенія, не мирившагося съ утратою прежнихъ вольностей и ведшаго упорную войну съ позднѣйшими старостами, которые, не имѣя силъ и авторитета Дашковича, продолжали его фискальную политику. Тотчасъ же послѣ смерти Дашковича „староста и всѣ мѣщане города Черкасъ" приносятъ в. князю жалобу, „штожъ дей якъи держалъ отъ насъ тотъ замокъ Черкасы небожчикъ панъ Остафей Дашковичъ, ино дей въ тотъ часъ кривды ся великія имъ отъ него стали": онъ изъялъ изъ юрисдикціи общины множество людей и перевелъ ихъ на службу замка, подчинивъ сторостинскому суду, забралъ городскіе уходы на Днѣпрѣ и Сулѣ и началъ раздавать ихъ за плату „людемъ обчымъ" (посторонннимъ); началъ съ добычи уходниковъ отбирать половину рыбы и звѣря; забралъ на замокъ доходы съ корчемъ; завелъ принудительную продажу рыбы и меда на замокъ; увеличилъ старостинскую долю въ добычѣ военной, козацкой спеціально, и т. д. [2]). Это не помѣшало однако позднѣйшей исторіографіи сдѣлать изъ Дашковича представителя общиннаго, народноправнаго элемента, хотя,

---

[1]) Бѣльскій с. 1055 и 1059, ср. записку дневника того времени о пріѣздѣ Дашковича на сеймъ въ Monum. Poloniae V с. 899.

[2]) Архивъ Ю. З. Р. VIII. V № 6 и VII. II с. 367—8.

какъ видимъ, именно этому общинному элементу онъ былъ очень тяжелъ въ дѣйствительности.

Въ западномъ, побужскомъ районѣ, на брацлавско-подольской границѣ, позднѣйшая традиція превознесла особенно роль и значеніе Предслава Лянцкоронскаго, старосты хмѣльницкаго,—аналогично, но съ гораздо меньшимъ правомъ, чѣмъ это сдѣлала съ Дашковичемъ. У современниковъ центральною фигурой мѣстной обороны и борьбы съ Татарами до самой смерти своей въ 1530 г. выступаетъ кн. Константинъ Ив. Острожскій, summus cum Tartaris belli gerendi imperator, какъ его называютъ современники [1]). Въ силу своего титула винницкаго и брацлавскаго старосты, онъ былъ оффиціальнымъ стражемъ литовскаго Побужья, а какъ гетманъ в. кн. литовскаго, первый магнатъ Волыни и вообще человѣкъ чрезвычайно авторитетный и уважаемый, К. Острожскій во второмъ и третьемъ десятилѣтіи былъ руководителемъ всей украинской оборонной организаціи. Его послѣдній тріумфъ надъ Татарами въ 1528 г. былъ пышно отпразднованъ: „кн. Константина превозносили до небесъ и когда онъ вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Краковъ къ королю Сигизмунду, тотъ принялъ его съ наиболѣе изысканными почестями, въ присутствіи всего двора, и когда онъ въѣзжалъ въ городъ и замокъ, передъ нимъ несли военные знаки, отбитые унепріятеля въ этой войнѣ, и вели передъ нимъ взятыхъ въ неволю Татаръ“ [2]). При немъ на другомъ планѣ стояли подольскіе старосты, начальники наемнаго войска и стражники — начальники стражи, завѣдывавшіе обороною коронной границы. Среди нихъ въ источникахъ того времени во второмъ десятилѣтіи XVI в. на первомъ мѣстѣ фигурируетъ Станиславъ Лянцкоронскій, староста каменецкій и стражникъ (excubirum praefectus), затѣмъ его преемники въ стражництвѣ Якубъ Струсь (съ 1520) и Николай Сѣнявскій, позднѣйшій гетманъ, начальники наемнаго войска Янъ Сверчовскій (старшій), Якубъ Сецегиневскій, старый пограничникъ, братъ Станислава Предславъ Лянцкоронскій, староста хмельницкій, Юрій Язловецкій, тогда еще молодой воинственный магнатъ, герой несчастнаго похода на Очаковъ въ 1528 г. [3]). Изъ нихъ въ

---

[1]) См. выше с. 47. [2]) Ваповскій с. 218.

[3]) Біографіи всѣхъ ихъ у Старовольскаго Sarmatiae bellatores, но онѣ риторичны и очень бѣдны содержаніемъ.

позднѣйшей традиціи особенно посчастливилось Предславу Лянцкоронскому—въ извѣстіяхъ современныхъ весьма мало замѣтному. Старовольскій въ своихъ Sarmatiae bellatores возвеличилъ его, какъ достойнаго ученика Конст. Острожскаго, какъ рыцаря вышколеннаго въ рыцарскомъ искусствѣ современной Европы („пройдя всю Европу, побывалъ также въ Іерусалимѣ и въ разныхъ варварскихъ краяхъ, тамъ многому научилися въ военномъ искусствѣ и вернувшись домой, воспользовался этимъ: въ военной наукѣ многое отмѣнилъ и новое завелъ“)[1]. О роли его въ позднѣйшей традиціи была уже рѣчь выше[2].

Въ 1530-хъ гг. начинаетъ свою службу въ Подольскихъ земляхъ ротмистръ Бернатъ Претвичъ, съ 1540 г. староста вновь сооруженнаго барскаго замка, одинъ изъ наиболѣе прославленныхъ пограничниковъ[3]. О немъ говорили: Za pana Pretwica wolna od Tatar granica; насчитывали 70 битвъ его съ Татарами, и во всѣхъ онъ, какъ утверждали, оставался побѣдителемъ. Наиболѣе прославленнымъ эпизодомъ былъ его походъ на Очаковъ въ 1541 г., разсказанный Бѣльскимъ: „незадолго

---

[1]) Sarmatiae bellatores изд. 1631 отд. LXXVII. Въ наше время эти старые комплименты, пересоливъ ихъ еще больше (за Кулишемъ), повторилъ Эварницкій: у него Лянцкоронскій „извѣстенъ былъ какъ лучшій полководецъ своего времени, много путешествовавшій по разнымъ странамъ Европы и Азіи, изучившій всѣ боевые пріемы лучшихъ европейскихъ и азіатскихъ полководцевъ“ (Исторія запорожск. козаковъ II с. 9—10).

[2]) Новѣйшая исторіографія занималась мало Лянцкоронскимъ, несмотря на его репутацію, раздутую Старовольскимъ и украинской традиціей XVIII в. Критикѣ традиціи посвятилъ спеціальную статью Бартошевичъ Czy Preczlaw Lancoroński był hetmanem kozaczyzny? (въ его Studya histor. i literackie, III). Несмотря на эту критику Лянцкоронскій оставался на позиціи козацкаго гетмана и позже. Такъ напр. Иловайскій въ своей исторіи Россіи (III, 1890, с. 582) оставляетъ Лянцкоронскаго на его традиціономъ посту, только обмѣнявъ его ролями съ Дашковичемъ: у Марковича Лянцкоронскій былъ городовымъ гетманомъ, а Дашковичъ первымъ кошевымъ; Иловайскій, зная, что Дашковичъ былъ черкасскимъ старостою, назвалъ его организаторомъ городового козачества, а Лянскоронскаго „первымъ извѣстнымъ атаманомъ низовыхъ казаковъ“.

[3]) Издатель его мемуаровъ Любомирскій по отчетамъ короннаго скарба знаетъ его ротмистромъ Подольской земли съ 1537 г. (Bibl. Warszawska, 1866, III с. 47). О дѣятельности его, какъ барскаго старосты, см. мою книгу Барское староство с. 100 и сл.

передъ тѣмъ Татары напали было на Русь и причинили большія опустошенія около Винницы и въ другихъ мѣстахъ. Бернатъ Претвичъ герба Вчеле, староста барскій, достойный памяти у всѣхъ насъ Поляковъ, пустился за ними съ небольшимъ числомъ козаковъ и Черемисовъ, прошелъ за ними до самаго Очакова, но взятые въ неволю люди были уже на корабляхъ: везли ихъ въ Кафу на продажу. Плакалъ онъ глядя на ихъ бѣду, и говорилъ: какъ бы я радъ былъ выручить васъ, если бы могъ. Зато славно отомстилъ за нихъ, изрубивъ дѣтей татарскихъ и женщинъ ихъ, частію потопивъ бѣжавшихъ на воду. Черемисы стрѣляли ихъ на водѣ, какъ утокъ. Съ добычею возвратился онъ домой, и повторилъ то же на слѣдуюшій годъ“ [1]). Въ своей запискѣ, предложенной въ 1550 г. сейму въ отвѣтъ на турецкія жалобы, Претвичъ далъ очень интересную картину тогдашней войны, уже использованную нами выше. Руководителемъ и учителемъ своимъ и своихъ товарищей называетъ онъ гетмана польнаго Сѣнявскаго — очевидно преувеличивая его роль, изъ вѣжливости, или прикрываясь его именемъ въ виду неудовольствія двора, вызваннаго турецкими жалобами. Своимъ ближайшимъ товарищемъ въ пограничной войнѣ съ Татарами 1530-хъ годовъ, какъ мы видѣли, называетъ онъ кн. Семена-Фридриха Пронскаго, старосту винницкаго и брацлавскаго, въ 1540-хъ годахъ кн. Федора Сангушка, тоже старосту винницкаго и брацлавскаго, позже владимирскаго († 1547), Богуша Корецкаго, тоже бывшаго старостой въ Винницѣ и Брацлавѣ въ концѣ 1540-хъ годовъ, и князя Дмитрія Вишневецкаго (славнаго Байду) [2]). Это, разумѣется — лишь болѣе или менѣе случайно названныя имена героевъ тогдашней пограничной войны.

Связь съ козачествомъ этой пограничной борьбы здѣсь, на западномъ театрѣ войны, выступаетъ въ оффиціальномъ современномъ матеріалѣ еще рѣже, слабѣе и случайнѣе, чѣмъ въ Приднѣпровьи — хотя и въ послѣднемъ, какъ мы видѣли, въ современномъ матеріалѣ выступаетъ она также лишь изрѣдка. Дѣятельность Пред. Лянцкоронскаго, героя позднѣйшей козацкой традиціи, въ современныхъ ему извѣстіяхъ ни единымъ словомъ не связывается съ козацкимъ именемъ. Громкій походъ на Очаковъ Претвича, въ позднѣйшемъ разсказѣ Бѣльскаго

---

[1]) Изд. Туровскаго с. 1085.

[2]) См. выше с. 85.

представленный дѣламъ козацкимъ, въ запискѣ Претвича съ козаками не связанъ ни единымъ словомъ [1]). Отъ козацкаго нападенія на Очаковъ въ 1545 г. вся администрація литовской и польской Украины открещивались руками и ногами; польскія власти, очевидно, опираясь на объясненія Претвича или его слугъ, поясняли, что это „козаки изъ в. к. Литовскаго черезъ волость Барскую, Претвичевымъ путемъ, захватывая до двадцати миль коронной территоріи, ходятъ за добычею въ Молдавію, на улусы и на пастуховъ турецкихъ, и поступаютъ такъ умышленно, чтобы ввести въ подозрѣніе у сосѣдей Претвича и другихъ пограничниковъ изъ Польскаго государства“. Польскіе агенты сваливали все на литовскихъ старостъ: они поймали какого-то козака Ивашка изъ козацкой ватаги, и тотъ показалъ на слѣдствіи въ Краковѣ, передъ королевскимъ дворомъ, что они ходили въ этотъ разъ въ Молдавію съ вѣдома и приказу кн. Федора-Сангушка, старосты владимирскаго, а другой разъ ходятъ на Тягиню и Очаковъ [2]). Но эти объясненія остались секретомъ польскаго правительства [3]). Напрасно турецкое правительство утверждало, что иниціаторами этого нападенія были старосты пограничныхъ замковъ, прежде всего Претвичъ, Сангушко, Пронскій (неизвѣстно, староста ли черкасскій Андрей, или воевода кіевскій Семенъ, прежній староста брацлавскій [4]). Польское правительство стало на томъ, что походъ учинилъ степной сбродъ, преимущественно изъ московскихъ подданныхъ, изрѣдка литовскихъ, и все это люди не признающіе никакой власти; но въ концѣ концовъ, чтобъ не размазывать этой непріятной исторіи, оно поспѣшило заплатить убытки турецкимъ подданнымъ.

Претвичъ въ своей запискѣ лишь одинъ единственный разъ проговорился о своихъ связяхъ съ козаками. Разсказывая о засадѣ, устроенной имъ Татарамъ, послѣ того какъ они разбили брацлавскихъ рыбаковъ, онъ пишетъ: „идя въ степи оставилъ я около полутора десятка слугъ—стеречь на Кучманскомъ шляху,

---

1) Разсказъ его приведенъ выше, с. 84.

2) См. документы объ этомъ нападеніи 1545 г. изданные Е. Барвинскимъ (изъ Acta Tomiciana) въ львовскихъ Запискахъ т. XVIII.

3) Кромѣ указанной выборки изъ Acta Tomiciana еще одинъ документъ въ укр. изд. этой книги.

4) Записки т. XVIII № 8.

начальникомъ былъ Бернашевскій съ козакомъ старшимъ[1]), и за недѣлю послѣ моего выхода они подстерегли бѣлгородскихъ Татаръ, шедшихъ прямо на Баръ; пошли за ними и догнали въ 4 миляхъ отъ Бара, побили, а нѣкоторыхъ живыми взяли". Это случайно оброненное извѣстіе очень интересно, особенно если связать его съ выше упомянутыми турецкими объясненіями и разсказомъ немногимъ позднѣйшаго Бѣльскаго о козакахъ въ Претвичевыхъ походахъ. Другія упоминанія Претвича, называющаго „козацтвомъ" практиковавшіяся у него развѣдки или вспоминающаго, что въ походѣ Претвича на Татаръ, предпринятомъ вмѣстѣ съ другими помѣщиками и старостами былъ у нихъ „эсауломъ" кн. Корецкій— всего лучше показываютъ, насколько въ дѣйствительности пропитана была казацкими элементами вся эта пограничная война съ Татарами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что на всемъ пространствѣ отъ Кіева и Черкасъ до Бара и Хмельника на протяженіи всей первой половины XVI в. пограничная борьба съ Татарами и партизанская война всѣми этими правительственными агентами— старостами, державцами, ротмистрами, стражниками, гетьманами,—и разными магнатами и помѣщиками, по собственному побужденію предававшимися такому пограничному спорту, велась при участіи козаковъ и козацкого елемента въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Упоминанія о козакахъ въ источникахъ, относящихся къ тому времени, рѣдкія и скупыя, бросаютъ лишь случайные лучи свѣта на эту практику, которая въ дѣйствительности была явленіемъ постояннымъ, обычнымъ, можно сказать— нормальнымъ. Если въ источникахъ того времени изъ кіевскихъ воеводъ только кн. Дмитрій Путятичъ, изъ черкасскихъ намѣстниковъ лишь кн. Богданъ Глинскій, изъ овруцкихъ Сенько Полозовичъ, изъ житомирскихъ кн. Корецкій, изъ брацлавскихъ кн. Сангушко, изъ барскихъ Претвичъ документально связаны съ козачествомъ—пользуются козацкими силами для своей борьбы съ Татарами, или выступаютъ во главѣ козацкихъ отрядовъ, то въ дѣйствительности, можно сказать, всѣ сколько-нибудь значительнѣе участники этой пограничной борьбы дѣлали то же: пользовались козацкими силами и „козачествовали" вмѣстѣ съ козаками. Не только „Русакъ Полозъ" либо Остафій Дашковичъ, но и всѣ

[1]) Nad ktoremi był Biernaszewski z kozakiem z Tarszem— (l. c. c. 58); очевидно читать нужно ztarszem или starszem. „Старшій козацкій" пятнадцать—двадцать лѣтъ спустя становится уже оффиціальнымъ названіемъ козацкаго предводителя.

болѣе выдающіеся старосты черкасскіе, начиная съ князя Богдана Глинскаго—Кмита Александровичъ, Иванъ и Василій Дашковичи, Глинскіе—двоюродные братья Богдана, Андрей Немировичъ, позднѣйшій кіевскій воевода, извѣстный участникъ войнъ съ Татарами—всѣ они были такими же „козаками“, какими позднѣе жившій Бѣльскій рекомендуетъ намъ Полозовича и Дашковича,—только болѣе или менѣе „славными“. „Козачествовали“ брацлавскіе старосты, какъ старый Константинъ и молодой Илья Острожскіе, Сангушки, Пронскіе и Корецкіе. „Козачествовали“ литовскіе и коронные магнаты вродѣ Язловецкихъ (походъ 1528 г.), Сѣнявскихъ (Ярошъ и Николай, сыновья воеводы белзскаго), Вишневецкіе (славный кн. Дмитрій). „Русскія земли при королѣ Августѣ имѣли много молодежи охочей и учтивой (sic), съ которой много возни было Татарамъ, отбивавшимся отъ нихъ“,—вспоминалъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ позднѣйшій Ан. Лубенецкій,—„таковы были Сенявскіе, Струси, Гербурты, Претвичъ, Станиславъ Замойскій, Потоцкій, Влодекъ, кн. Вишневецкіе, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, Рожинскіе и не мало другой знатной шляхты, рѣдко сходившей съ поля. Они считали родомъ охоты (myslistwo) ходить въ поле самимъ или посылать туда свою челядь и подданныхъ—благодаря этому и миръ былъ съ Татарами[1]).“

Своимъ „козачествомъ“, какъ называетъ Лубенецкій въ другомъ мѣстѣ этотъ степной спортъ[2]), всѣ эти пограничники, правительственные агенты и частныя лица, старосты и ротмистры, магнаты и болѣе мелкіе шляхтичи, безусловно, сильно способствовали развитію силъ и энергіи козацкой. Своимъ участіемъ или помощью козацкимъ походамъ они поднимали динамическую энергію козачества и подготовляли, ускоряли его организаціонный процессъ. Но они не были ни организаторами казачества, ни формальными вождями его хотя бы приблизительно въ томъ стилѣ, въ какомъ представляетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ позднѣйшая козацкая традиція. То, что хотя немного подходило подъ такой стиль, было и осталось въ области предположеній (проекты Полозовича и Дашковича), самое большее—эфемерными эпизодами (какъ экскурсія Полозовича), не проведенными въ оффиціальную практику управленія. Въ общемъ же все это шляхетское „козацтво“ отъ времени до времени, при случаѣ, преходящимъ образомъ пользовалось силами мѣстнаго народнаго козачества, не дѣлая ничего

---

[1]) An. Lubieniecki Poloneutichia c. 30. [2]) Ib. c. 15 лат.

для его постоянной организаціи и совершенно не принимая на себя роли оффиціальныхъ вождей козачества (за исключеніемъ одного только Дмитрія Вишневецкаго въ 1550—1560 гг.). Наоборотъ, представители этого шляхетскаго козачества имѣли свои причины для того, чтобы не только не заявлять оффиціально о своихъ связяхъ съ казачествомъ, но и замалчивать ее.

Вполнѣ понятно! Во-первыхъ, солидарность съ козачествомъ была неудобна, такъ какъ оно то и дѣло переходило границы дозволеннаго и попадало „не въ тонъ“ политикѣ правительства. Эпизодъ 1545 г. очень характеренъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ старательно открещивались отъ всякаго участія въ козацкихъ подвигахъ ихъ участники изъ шляхетской среды, если это грозило королевской немилостью, а то и перспективой заплатить изъ собственнаго кармана по счету убытковъ, причиненныхъ козаками. И такъ какъ никогда нельзя было предугадать, какой оборотъ приметъ дѣло, для участниковъ изъ шляхетской среды было всего благоразумнѣе не слишкомъ выдвигаться впередъ, особенно если козацкій походъ производился не въ формѣ погони за зачинщиками Татарами, а предпринимался по собственной инициативѣ (Претвичъ въ своей запискѣ все только и разсказываетъ о томъ, какъ онъ гонялся за Татарами, когда они приходили въ коронныя или литовскія земли). Во-вторыхъ, козачество не успѣло еще пріобрѣсть того престижа, того блестящаго ореола, какимъ окружено было позднѣе. Въ первой половинѣ и срединѣ XVI в. козачество—это прежде всего бездомная голытьба, бродячій людъ. Имя козаковъ употреблялось въ довольно презрительномъ, не почетномъ значеніи, и даже во второй половинѣ XVI в., обращаясь къ нимъ, избѣгали называть ихъ козаками, а называли „молодцами“, „рыцарствомъ“ или другимъ болѣе почетнымъ титуломъ[1]. Я вправѣ думать поэтому, что Ост. Дашковичъ или иной какой-либо представитель тогдашняго „козакованья“ не счелъ бы для себя большимъ комплиментомъ, если-бъ кто-нибудь въ глаза назвалъ его „славнымъ козакомъ“, какъ называетъ его заочно Бѣльскій уже во второй половинѣ XVI в., когда престижъ козачества выросъ неизмѣримо.

---

[1]) Напр. письма Баторія 1578—9 (Acta Steph. Bathorei № 168, 189, 192)—Mołojcom Zaporożnym; письмо Язловецкаго (Listy S. Żólkiewskiego № 12): Panowie Molodczy; письмо Кр. Зборовскаго Zacne rycerstwo! (Pauli Pamiętniki do życia i sprawy Sam. i Kr. Zborowskich c. 43), и т. д.

Въ первой половинѣ XVI в. козачество, кромѣ того, какъ явленіе бытовое, а тѣмъ болѣе,—какъ терминъ, было еще довольно мало извѣстно внѣ мѣстныхъ украинскихъ круговъ, и этимъ также объясняется то обстоятельство, что извѣстія о козакахъ въ то время такъ рѣдки и случайны у современниковъ, удаленныхъ отъ мѣста дѣйствій. Козачество не только не сформировалось еще какъ общественный классъ, но и само это понятіе не пріобрѣло настоящей опредѣленности. Мы видѣли уже, въ какомъ широкомъ, неопредѣленномъ значеніи употреблялось это слово на протяженіи всей первой половины XVI вѣка. Есть „козацтво“—„козакованье“, но поищите людей, которые отозвались бы и сказали о себѣ, что они козаки! Такихъ въ то время почти еще не было. „Козакуетъ“ Претвичъ и ходитъ съ козаками; но я въ свое время перерылъ весь документальный матеріалъ для его барскаго староства и знаю, что нѣтъ и слѣда тамъ козаковъ, какъ какой нибудь общественной или колонизаціонной категоріи. Есть единицы, къ которымъ пристало имя козаковъ какъ прозвище,—напр. Дмитро Базановичъ козакъ, земянинъ брацлавскій, поселившійся позже въ Барскомъ староствѣ, Козачина крестьянинъ, Козакъ новоселъ, сидящій на свободѣ[1]); а въ „козацтво“ ходили, очевидно, и мѣстные мѣщане, и „Черемисы“—мѣстные служилые Татары, и военно-служилая барская шляхта и старостинскіе слуги и наемные солдаты. Перепись пограничной стражи подольско-брацлавскаго пограничья знакомитъ насъ съ мѣстными землевладѣльческими контингентами несшими сторожевую службу и вмѣстѣ съ тѣмъ составлявшими кадры всякой партизанской войны. На Кучманскомъ шляху, надъ Морахвою, отбываютъ сторожу шляхтичи изъ позднѣйшаго Барскаго старостве со своими подданными и служебными людьми на 30 лошадяхъ: Лазарь Карачевскій съ 4 конями, Павелъ Стабровскій съ 7, Янъ Воликъ съ 6, Гира Снитовскій и Мирча съ 2, Васько Поповскій, Леханча Зенечковичъ, Васюта изъ Ивановецъ, Гринецъ Карычинскій, Янекъ изъ Слободки, Васько Сташовичъ, Федоръ Поповскій, Олекса Зенечковичъ, Андрушко Станчуловичъ, Кузьма Кривановичъ съ однимъ конемъ. Подъ Копыстериномъ 40 коней, между прочимъ войтъ Захаръ съ 2, Ленартъ пушкарь съ 3[2]). Вотъ кто козакуетъ. Въ Брацлавскихъ земляхъ 1540-хъ годовъ на каждомъ шагу полно

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. VII. II с. 221—2, VIII. I с. 137—8, 222—3.

[2]) Źródła dz. т. XX с. 144.

жалобы на брацлавскихъ козаковъ: жалуется на нихъ турецкое правительство; признаетъ эксцессы брацлавскихъ и винницкихъ козаковъ литовское правительство; мѣстные земледѣльцы и мѣщане задумываются надъ способами, которые могли бы удержать козаковъ отъ нападеній на Турокъ; винницкіе земяне въ своихъ жалобахъ на старостъ упоминаютъ о прежнихъ доходахъ съ козаковъ и ихъ пасѣкъ, отмѣненныхъ старостами [1]. И что же? Имѣемъ точныя переписи Брацлавской земли отъ 1545 и 1552 гг. и опять таки не видимъ козачества, какъ какой-то общественной группы или класса. Есть крестьяне, мѣщане, подданные государственные и помѣщичьи, но козаковъ нѣтъ; а вѣдь невозможно представить себѣ, что все это говорится лишь о казакахъ пришлыхъ.

Только въ Приднѣпровьи, въ главныхъ очагахъ козачества— въ Черкасахъ и Каневѣ, въ 1550-хъ гг. выступаютъ козаки, какъ общественная категорія, но и здѣсь за исключеніемъ эмбріоновъ козацкой организаціи, какимъ являлись „ватаги" степного козачества, мы въ то время—до самыхъ 1560-хъ гг. не встрѣчаемъ еще никакихъ кристаллизовавшихся организаціонныхъ формъ [2]. Наоборотъ, мѣстное козачество выступаетъ передъ нами въ такихъ формахъ, которыя еще яснѣе указываютъ на неорганизованность этого понятія. Очевидно, что ни тѣ бездомные козаки, которые живутъ по найму въ городѣ, ни тѣ пришельцы, которыхъ въ 1551 году въ Черкасахъ насчитывалось около 250 душъ, не представляютъ собою того козачества, которое въ то время, въ 1540 и 1550-хъ гг., своими громкими подвигами наполняетъ Украину и изъ среды котораго правительство еще въ 1520-хъ гг., на основаніи представленныхъ ему мѣстными людьми свѣдѣній, считало возможнымъ навербовать на службу противъ Татаръ хотя бы и двѣ тысячи. Тѣ различныя значенія слова „козакъ", какія даютъ намъ люстраціи приднѣпровскихъ замковъ—козака-бездомника, козака-уходника, не покрываются понятіемъ козака-воина. Понятіе козака еще слишкомъ недостаточно опредѣлилось, не выкристаллизовалось, и формированіе козачества, какъ обще-

---

[1]) Записки т. LVIII, ор. с. № 8, книга Посольская I с. 20 и 35, Źródła dziejowe VI с. 122, Архивъ Ю. З. Р. VIII. V № 26.

[2]) „Роты"—какъ „Щурова рота", упомянутая въ приведенномъ выше черкасскомъ эпизодѣ около 1503 г., очевидно, не были спеціально козацкими ротами: нѣтъ ихъ слѣда здѣсь на протяженіи всего XVI вѣка.

ственнаго класса даже здѣсь, въ главнѣйшихъ очагахъ его лишь едва-едва начиналось въ 1550-хъ гг.

Козацкій элементъ наросталъ непрерывно, но формировка козачества какъ соціально-правового понятія, какъ общественнаго класса, должна была пройти еще долгій процессъ развитія— силою своей внутренней эволюціи и подъ посторонними вліяніями— политики мѣстной администраціи и центральнаго правительства, ихъ своеобразнаго пользованія козачествомъ, какъ бытовымъ явленіемъ, и способовъ, которыми они старались подчинить козачество своимъ планамъ и стремленіямъ.

Уже къ концу XV в. стычки козаковъ съ Татарами, Турками, Москвою, и жалобы на нихъ ихъ правительствъ начинаютъ обращать на козачество вниманіе правительства польскаго, и еще болѣе литовскаго. Мы видѣли уже, какъ нападеніе козаковъ въ 1504 г. на татарскій караванъ, состоящій изъ пословъ и купцовъ, остановило ханское посольство, отправлявшееся для заключенія союзнаго договора, и литовское правительство, стремившееся изо всѣхъ силъ добиться прочнаго соглашенія съ Крымомъ, чтобы задобрить хана, приказало своей украинской администраціи примѣнить самыя строгія мѣры противъ участниковъ этого несвоевременнаго инцидента. Ей поручено было отыскать разграбленное имущество и строго наказать участниковъ, и староста черкасскій, дѣйствительно, не только отыскалъ разное добро, но и наловилъ разныхъ участниковъ—съ этой цѣлью предпринималъ даже вооруженную экспедицію въ степи. Въ концѣ концовъ однихъ посадили въ тюрьму, другихъ наказали смертью—если вѣрить увѣреніямъ литовскаго правительства и донесеніямъ, полученнымъ въ Крыму изъ Черкасъ. Въ дѣйствительности эти гоненія, быть можетъ, не были такъ суровы, и многое изъ этихъ репрессій могло быть сдѣлано лишь для отвода глазъ, какъ дѣлалось и позже: не въ интересахъ украинской администраціи было слишкомъ прижимать козаковъ, и то еще для удовольствія непріятеля „поганина“.

При всякомъ удобномъ случаѣ украинская администрація не переставала развивать предъ правительствомъ свой излюбленный принципъ, что развитіе партизанской войны съ Татарами является единственной мѣрой и сдержкой для Татаръ, и при этомъ подчеркивала цѣнность козачества въ организаціи такой степной войны съ Татарами и обороны отъ Орды. Результатомъ такихъ пред-

ставленій было извѣстное уже намъ рѣшеніе вел. князя навербовать изъ козаковъ пограничный корпусъ для охраны дорогъ и перевозовъ отъ Татаръ. Въ декабрѣ 1524 г. в. кн. Сигизмундъ, представляя радѣ в. княжества, въ виду близости открытія сейма, различные планы и проекты для обсужденія, между прочимъ снова напоминалъ о вербовкѣ козаковъ. „Писали уже мы раньше вашимъ милостямъ, чтобы вы отдали приказъ рѣчицкому державцу Семену Полозовичу и Криштофу Кмитичу собрать козаковъ и пойти Днѣпромъ на низъ на службу нашу; и мы приказали дать имъ ‚на страву‘, а для козаковъ десятка полтора копъ грошей и. суконъ. Теперь панъ Семенъ и панъ Криштофъ писали намъ, извѣщая, что они собрали было немало козаковъ и стояли съ ними долго у Кіева, ожидая этого нашего жалованія, но ни для нихъ самихъ, ни для козаковъ не прислано ни пенязя. Благодаря этому козаки разошлись, а сами они какъ добрые и вѣрные слуги, исполняя наказъ нашъ и в. мил. радъ нашихъ, собрали всетаки небольшой отрядъ козаковъ и прошли съ ними Днѣпромъ до Кіева и дальше—до Тавани, на службу нашу. Тамъ оказали они намъ не малую услугу: всѣхъ враговъ Татаръ, которые были въ нашемъ государствѣ, они цѣлую недѣлю не пропускали. Ежедневно вели съ ними битвы, многихъ перебили, другіе утонули. И мы за эту службу имъ весьма признательны. И въ виду всего вышеизложеннаго е. м. господарь поручаетъ указать в. милости: если такимъ небольшимъ количествомъ людей были оказаны такія услуги намъ, то мы видимъ изъ этого, что еслибъ тамъ на Днѣпрѣ стояло казаковъ тысяча, либо двѣ, то, навѣрное, изъ этого была бы большая и знаменитая служба и оборона панствамъ нашимъ. Поэтому поручаемъ вамъ, радамъ нашимъ: извольте посовѣтоваться и обдумать это. И еслибъ рѣшили вы на слѣдующій годъ держать тамъ на Днѣпрѣ козаковъ для охраны и обороны владѣній нашихъ, то извольте выбрать какого-либо подходящаго человѣка изъ нашихъ дворянъ и поручить ему заранѣе, сейчасъ же послѣ Пасхи ѣхать въ Кіевъ—собирать казаковъ. И прикажите къ тому времени послать для нихъ сукна и денегъ нѣсколько сотъ копъ. А козаковъ тѣхъ расположить по Днѣпру на перевозахъ, чтобы они служили государству и намъ, охраняли эти перевозы и защищали, насколько имъ Богъ поможетъ“ [1]).

---

[1]) Документы арх. юстиціи I с. 523.

Изъ этого слѣдуетъ, что уже не далѣе, какъ въ концѣ второго десятилѣтія возникъ проектъ о принятіи козаковъ на государственную службу. Это была смѣлая мысль — привлечь на службу государства степныхъ разбойниковъ, которыхъ еще такъ недавно в. князь приказывалъ ловить и карать смертью,—признать ихъ своими слугами, проявить свою солидарность съ ними. Должно было пройти нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ великій князь, озабоченный охраною отъ Татаръ своихъ южныхъ границъ, рѣшился признать своимъ такой необычайный проектъ и поручить радѣ в. княжества привести его въ исполненіе. Осуществленіе этого проекта было поручено двумъ кіевскимъ державцамъ Полозовичу, бывшему державцу овруцкому, и Кмитичу чернобыльскому. Но этотъ проектъ былъ навѣрное поддержанъ, если не поставленъ, и болѣе видными представителями украинской администраціи, начиная съ кіевскаго воеводы Немировича, одного изъ героевъ пограничной борьбы съ Татарами. Характерно, что спустя двадцать лѣтъ, на запросъ польскаго сейма о способахъ обороны отъ Татаръ, тотъ же проектъ организаціи гарнизоновъ (очевидно казацкихъ) по нижнему теченію Днѣпра, какъ единственно реальную мѣру, предложилъ Остафій Дашковичъ [1]). Очевидно, это было задушевной мыслью украинской администраціи. Но рада в. кн. Литовскаго, очевидно, не сознавала его важности; передавъ великокняжеское порученіе Полозовичу и Кмитичу, она не выслала имъ необходимыхъ для экспедиціи средствъ: хроническая бѣдность казны в. кн. Литовскаго сказалась и тутъ, и объ это же, очевидно, препятствіе разбился и новый проектъ в. князя: навербовать на 1525 г. козацкій полкъ изъ одной или двухъ тысячь человѣкъ. Мы не имѣемъ никакихъ указаній, что онъ былъ осуществленъ. Сейма тогда, кажется, не было, проекты в. князя остались неисполненными и своего предложенія о вербовкѣ козаковъ послѣ того онъ уже не возобновилъ [2]).

---

[1]) Максимовичъ (I с. 293), за нимъ Каманинъ (ор. с. с. 81) думали, что и предшествующій проектъ исходилъ отъ Дашковича же: что онъ его внесъ на сеймѣ въ Гроднѣ 1522 г., и что вел. князь, принявъ этотъ проектъ, передалъ его исполненіе радѣ. Максимовичъ не цитируетъ своихъ источниковъ и вѣроятно подразумѣваетъ тотъ же проектъ Дашковича, предложенный имъ въ дѣйствительности на петроковскомъ сеймѣ, а Каманинъ, очевидно, послѣдовалъ здѣсь за Максимовичемъ.

[2]) Любавскій Сеймъ с. 237 и сл.

Восемь лѣтъ спустя Дашковичъ предложилъ этотъ проектъ коронному сейму. Пріѣхавъ на петроковскій сеймъ, въ началѣ 1533 г., вмѣстѣ съ послами своего пріятеля и протеже Исламъ-гирея, осыпанный подарками и похвалами за свою послѣднюю кампанію съ Татарами[1]), онъ, на вопросъ сенаторовъ о способахъ обороны отъ Татаръ, развилъ тотже проектъ. „Когда въ сенатѣ спрашивали Остафія, какъ бы помочь тому, чтобы Татары не причиняли намъ вреда", разсказываетъ Бѣльскій, „онъ совѣтовалъ, чтобъ мы держали на Днѣпрѣ постоянно двѣ тысячи человѣкъ, которые бы на лодкахъ защищали перевозы отъ Татаръ, и нѣсколько сотенъ конницы для того, чтобъ доставлять имъ продовольствіе; кромѣ того, на островахъ, которыхъ много на Днѣпрѣ, построить замки, а около нихъ основать города; совѣтъ этотъ понравился всѣмъ, но только ничего изъ него не вышло" [2]).

Откинувъ мысль о сооруженіи замковъ и городовъ на днѣпровскихъ островахъ, мы въ этомъ проектѣ Дашковича видимъ тотже проектъ 1520-хъ гг. о размѣщеніи козацкаго войска на днѣпровскихъ перевозахъ, чтобы препятствовать нападеніямъ Татаръ [3]). Безспорно, что и на этотъ разъ рѣчь шла о вербовкѣ козаковъ же, хотя Бѣльскій и не употребилъ этого слова въ своемъ разсказѣ [4]).

„Изъ этого ничего не вышло". У литовско-польскаго пра-тельства не хватило дальновидности, энергіи и рѣшимости, чтобъ взять въ свои руки организацію козацкаго элемента въ самомъ началѣ его роста и цѣною нѣкоторыхъ пожертвованій привлечь его на службу государственнымъ нуждамъ. Козачество было предоставлено собственнымъ своимъ силамъ, своей эволюціи и продолжало разви-

---

[1]) См. выше с. 122.

[2]) Бѣльскій с. 1059. Достовѣрность его разсказа о пріѣздѣ на сеймъ Дашковича подтверждается записью въ дневникѣ слуги еписк. Томицкаго, присутствовавшаго на этомъ сеймѣ: 19 ianuarii Eustachius Daschkowicz vir bello et milicia clarus venit Pyotrcoviam (Monum. Poloniae histor. V с. 899).

[3]) Въ виду этого трудно считать проектъ, вложенный Бѣльскимъ въ уста Дашковича, литературной фикціей, —хотя онъ во многомъ соотвѣтствуетъ тому, что самъ Бѣльскій въ другомъ случаѣ высказываетъ какъ свою идею объ установленіи козацкихъ отношеній (с. 1358).

[4]) Сравненіе съ проэктомъ Дашковича того, что самъ Бѣльскій говоритъ далѣе по этому вопросу, не оставляетъ сомнѣнія, что онъ и въ этомъ случаѣ разумѣлъ козацкое войско.

ваться как стихiйная, неорганизованная сила подъ покровомъ и опекою провинцiальной администрацiи, мотивы и интересы которой весьма сильно расходились съ интересами государства,—что вскорѣ и пришлось констатировать самому правительству.

Козачество впрочемъ и не нуждалось въ государственной опекѣ и помощи для развитiя своихъ силъ. Двинувшись разъ, оно шло впередъ и развивалось своею собственною стихiйною силой. Но свои силы и свою энергiю оно направляло не на оборону границъ, какъ желало правительство, а на болѣе интересную и привлекательную партизанскую войну съ „поганствомъ“—походы на татарскiе улусы, „лупленье чабановъ татарскихъ“ и купеческихъ каравановъ. Съ ростомъ козачества эти нападенiя становились все болѣе частыми и переходили въ значительныя военныя экспедицiи. Напр. въ нѣсколько болѣе позднемъ посольствѣ хана послѣднiй заявляетъ готовность посылать своихъ людей на земли литовскаго непрiятеля, вел. князя московскаго въ томъ случаѣ, если имъ не будетъ препятствiй со стороны козаковъ—если Татаръ будутъ пропускать черезъ литовскую, заднѣпровскую территорiю и старостѣ черкасскому и каневскому будетъ приказано, чтобъ на будущее время не было козацкихъ набѣговъ. „Приходятъ козаки черкасскiе и каневскiе, останавливаются подъ нашими улусами и причиняютъ обиды нашимъ людямъ“,—жаловалсь при этомъ ханъ.—„Я къ вамъ много разъ посылалъ по поводу этихъ козаковъ, чтобы ихъ усмирить, и в. м. усмирить ихъ не захотѣлъ. Вотъ и теперь—шелъ я на московскаго в. князя и когда приближался къ Днѣпру, изъ нашего войска вернулось человѣкъ тридцать неспособныхъ, а козаки ваши—Солтанецъ, Ворочa и Масло съ товарищами изранили ихъ, а коней забрали. Если хочешь жить въ дружбѣ съ нами, изволь прислать намъ учинившихъ это; въ противномъ случаѣ, не ставь мнѣ въ вину: я не хочу нарушить братскую дружбу и присягу, но на эти замки—Черкасы и Каневъ пошлемъ нашу рать“ [1]).

Около 1540 г., когда ханъ Сагибъ заключилъ вѣчный миръ съ Сигизмундомъ и получилъ отъ него со своимъ дворомъ большiе „упоминки“,—козаки снова заявили о себѣ королевскому

[1]) Акты Зап. Рос. II № 150. Документъ не датированъ, издатель считаетъ этого хана Сагибъ-гиреемъ и датируетъ документъ 1527—1533 гг. Но если это посольство дѣйствительно Сагиба, то должно принадлежать болѣе позднему времени.

„союзнику" цѣлымъ рядомъ набѣговъ. Внезапно ударили на Каирѣ на Татаръ, шедшихъ, какъ увѣряло ханское правительство, съ спасительною мыслью „воевать съ Москвой",—убили изъ нихъ 25 душъ и отобрали 250 лошадей; разбили и ограбили гонцовъ татарскихъ, ѣхавшихъ къ в. кн. литовскому; точно также разбили и ограбили гонцовъ, ѣхавшихъ къ крымскому хану изъ Казани,—не говоря уже о болѣе обычномъ грабежѣ пограничныхъ татарскихъ кочевій: „которые люди царя перекопского зъ быдломъ своимъ кочуютъ у поли, тыхъ дей людей его многихъ частокротъ козаки наши бьютъ и статки ихъ отбираютъ". Ханъ повторялъ, что при такихъ нападеніяхъ со стороны козаковъ миръ не можетъ держаться. Богатые подарки, выплаченные ему, грозили пропасть понапрасну и новый татарскій походъ снова нависъ надъ Украиной [1]).

Турецкое правительство въ это время также постоянно жаловалось на „своевольныхъ людей" изъ Украины, нападающихъ на турецкія владѣнія и грабящихъ купцовъ. Такъ отъ 1538 г. имѣемъ жалобу по поводу нападенія на Очаковъ, произведенное пѣшимъ войскомъ и на лодкахъ и окончившееся грабежомъ мѣстнаго населенія. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ—жалоба на брацлавскихъ людей, разбившихъ пастуховъ и отнявшихъ деньги у „овчарскаго писаря". Приблизительно зимою 1540 г. люди изъ Украины принимаютъ участіе въ возстаніи Татаръ противъ Порты и вмѣстѣ съ ними опустошаютъ окрестности Бѣлгорода и Тягини, и т. п. [2]).

Всѣ эти жалобы и вѣроятно множество другихъ, подобныхъ имъ, до насъ не дошедшихъ, заставило польско-литовское правительство серьезно задуматься надъ козацкимъ вопросомъ, уже съ другой точки зрѣнія, нежели въ 1520-хъ гг. Нужно было во что бы то ни стало сдержать козаковъ, иначе они грозили испортить въ конецъ отношенія съ Татарами и Турками, а правительство хотѣло цѣною всевозможныхъ уступокъ упрочить миръ съ ними. Болѣе энергичное и воинственное настроеніе первыхъ десятилѣтій царствованія Сигизмунда, когда татарскому и турецкому оружію пытались противопоставить свою вооруженную силу, хлопотали о военной защитѣ границъ, сооружали замки, — смѣнилось жаждою мира во что бы то ни стало. Между тѣмъ произведенныя слѣд-

---

[1]) Великокняжескія грамоты отъ іюля 1541 г.—см. ниже.
[2]) Жерела до іст. України-Руси т. VIII № 3, 4, 7.

ствія, очевидно, обнаружили, что пограничные старосты не совсѣмъ безгрѣшны въ козацкихъ нападеніяхъ. Ихъ оправданія, что козацкія нападенія производятся безъ ихъ воли и вѣдома, не были приняты: слѣдствія установили, что старосты, получая долю изъ козацкой добычи, являются пособниками и участниками козацкихъ нападеній. Впрочемъ само правительство въ свое время санкціонировало поборы старостъ со степной добычи (въ спорахъ Черкасцевъ со старостами) [1]), изъ мотивовъ фискальныхъ, но теперь оно руководилось другими соображеніями. Методъ запугиванія Татаръ козацкими нападеніями признавался опаснымъ. Правительство рѣшительно хотѣло положить конецъ партизанской войнѣ на турецко-татарскомъ пограничьи и слышать не хотѣло о какихъ бы то ни было планахъ борьбы.

Въ результатѣ явились циркуляры, одного и того же содержанія, разосланные въ іюлѣ 1541 г. пограничнымъ старостамъ [2]).

Вел. князь напоминалъ, что онъ уже не однократно писалъ, приказывая подъ страхомъ лишенія его милости и суровой кары, чтобъ было обращено строгое вниманіе на козаковъ—чтобы тамошніе казаки не ходили на татарскіе улусы и не причиняли имъ никакого вреда. Но старосты никогда не хотѣли поступать согласно этому наказу и не только не удерживали козаковъ, но сами давали имъ разрѣшенія, для своей корысти. Напомнивъ о послѣднихъ козацкихъ эксцессахъ, на которые жаловался ханъ, в. князь указываетъ на печальныя послѣдствія ихъ въ отношеніяхъ съ Татарами: ханъ грозитъ разорвать условія вѣчнаго мира и итти походомъ на Украину. Отвѣтственность за это падетъ на пограничныхъ старостъ, какъ слѣдствіе ихъ нерадивости. „Первей того многокроть о томъ есьмо до васъ писали“, повторяетъ в. князь,—„напоминаючи, абы есте яко сами из себе, тако и козаковъ въ таковомъ своволенъствѣ гамовали, — вы николи отъ того ся повъстегати не хотели, и ачколве мели есмо то

---

1) Архивъ Ю. З. Р. VII. II № 18.

2) Изъ нихъ изданы наказы „справцѣ“ (администратору) кіевскаго воеводства и старостѣ черкасскому (Акты Ю. З. Р. I № 105 и Архивъ VIII. V № 19), третій—каневскому старостѣ Бобѣдову, приведенъ въ выдержкахъ у Пуласкаго Szkice I с. 43—4. Всѣ они буквально сходны другъ съ другомъ, съ нѣкоторыми лишь второстепенными отличіями (кіевская грамота издана съ несомнѣнными ошибками). Несомнѣнно, что и другимъ старостамъ были посланы такіе же наказы.

вамъ у терпливости нашей, не хотячи за то срокгости никоторое надъ вами чинити, нижли кгды ся вы въ том впаметати не хочете, мы вжо большей того таковоого своволенства вашего вамъ терпети не хочемъ. Бо ачколве чините вымовы, якобы кромѣ воли и вѣдомости вашое казаки подданнымъ царя перекопъского таковыи шкоды чинили, ино то не есть речъ слушная, абы вы врядники не мели о томъ вѣдати... и яко бы тежъ вы поветниковъ врадовъ своих [1]... у ведомости або в послушенстве своемъ мети не могли". „Чыните вымовы речъми непотребными, а то може кождый розумети, ижъ тымъ шкодливымъ речамъ земскимъ прычына есть та, штожъ вы для своего пожитку дозволили есте казакамъ на влусы татаръские наежъдчати и шкоды имъ чынити, а тыми их добытки на пол с ними делите; а для тыхъ вашыхъ пожытъковъ мы, господаръ, шкодуемъ, а реч посполитая великий впад прыймуеть". В. князь угрожаетъ, что еслибы снова изъ-за какого-либо козацкаго нападенія былъ нарушенъ миръ съ Татарами и пропали деньги, заплаченные хану согласно договора, то отвѣтственность за это падетъ на старосту того повѣта, изъ котораго произойдетъ козацкій набѣгъ, и в. князь будетъ за него карать этого старосту безъ милосердія: онъ будетъ отвѣчать какъ своимъ имуществомъ, такъ и лично, „на чти и горлехъ". Одновременно, чтобы предупредить козацкіе эксцессы на будущее время, в. князь рѣшилъ принять слѣдующія мѣры: его дворянинъ Єретъ Солтановичъ объѣдетъ замки кіевскій, каневскій и черкасскій и для контроля перепишетъ всѣхъ мѣстныхъ козаковъ; мѣстный староста или администраторъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣйствительно всѣ козаки были вписаны въ этотъ реестръ. Старосты, давая козакамъ разрѣшеніе итти въ степи на дозволенные промыслы, „на рыбы и на бобры", должны при возвращеніи (отбирая долю для себя) контролировать ихъ „добытки"—дѣйствительно ли козаки занимались лишь разрѣшенными промыслами, не нарушили ли они въ чемъ нибудь правительственныхъ запрещеній—не ходили ли противъ Татаръ. Еслибы кто-либо изъ нихъ отважился на это—причинилъ бы какой-нибудь вредъ татарскимъ улусамъ, то старосты должны арестовать и наказать на мѣстѣ, или отослать къ в. князю [2]).

---

[1]) Населеніе своего повѣта.

[2]) Какъ показываетъ изданный г. Яковлевымъ отрывокъ (Украина, II), такіе наказы были повторены еще разъ мѣсяцъ спустя

Какъ видимъ, все это было задумано очень просто. Козаковъ впишутъ въ реестръ, тогда будетъ извѣстно, на случай какого-либо конфликта съ Татарами, чьи козаки, изъ какого замка вышли, и кто изъ старостъ долженъ за нихъ отвѣчать; старосты въ собственномъ интересѣ, чтобы не навлечь на себя бѣды, будутъ внимательно слѣдить за козаками, отпуская въ степи и досматривая ихъ при возвращеніи, и суровыми наказаніями отобьютъ у нихъ охоту къ промыслу надъ Татарами [1]). Все это однако грѣшило полнѣйшимъ незнаніемъ и непониманіемъ мѣстныхъ условій и очевидно, вышло изъ головъ столичныхъ бюрократовъ, думавшихъ, что циркуляромъ можно творить жизнь и приказомъ или запрещеніемъ разрѣшать самыя трудныя проблемы. Поэтому эти проекты были осуждены на полную безрезультатность. Подробностей относительно тѣхъ послѣдствій, какое эти наказы вызвали на мѣстахъ, у насъ нѣтъ, но результатъ—что изъ этого опять таки „ничего не вышло", есть на лицо, совершенно опредѣленный.

Можно допустить, что великокняжескій дворянинъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Кіевъ или Каневъ,—это было не трудно. Но составить реестръ было уже гораздо труднѣе. Мы видѣли уже, что понятіе „козака" въ срединѣ XVI в. было весьма широко и неопредѣленно. Такого общественнаго класса не было. На обращенный къ козакамъ призывъ — явиться для переписи, могли отозваться очень немногіе, а быть можетъ даже и никто; также не легко было установить объективный критерій относительно того, кого привлечь къ этой регистраціи, и какъ установить ту категорію людей, для которой предназначалась эта регистрація: этихъ охотниковъ заниматься нападеніями и грабежомъ Татаръ. Тѣ напр. „козаки", которые „не отходячи у козацтво", служили наймитами въ городѣ—не представляли никакого интереса съ точки зрѣнія задачъ регистраціи. Дѣйствительно промышлявшіе въ степяхъ—это вѣчно подвижное населеніе, въ большинствѣ не связанное съ данными замками: оно навѣдывалось сюда лишь иногда, и собиралось изъ разныхъ мѣстностей Украины (да и не Украины только). Для очень многихъ эти степные эпизоды вовсе не являлись постояннымъ занятіемъ, образомъ жизни. Да и мѣст-

---

[1]) По аналогіи съ предыдущими и послѣдующими проектами представляютъ себѣ, что и въ 1541 г. составленіе реестра означало наборъ казаковъ на государственную службу (Каманинъ, op. c.c. 82). Но это не такъ: перепись 1541 г. имѣла характеръ чисто полицейскій, и о казацкой службѣ здѣсь нѣтъ рѣчи.

ной администраціи не было никакого интереса разыскивать и насильно втягивать въ козацкій реестръ людей, которые могли бы дѣйствительно когда-нибудь скомпрометировать себя стычкою съ Татарами и накликать такимъ образомъ бѣду на администрацію своего замка.

Зарегистрировать, такимъ образомъ, „козачество" не было никакой возможности. Не было возможности и отдать его подъ надзоръ старостъ. Козаки не всегда брали отъ старосты разрѣшенія на свои степные промыслы и не особенно точно подвергали себя контролю замка. А мѣстные администраторы, что тоже очень важно,—вовсе не имѣли желанія въ самомъ дѣлѣ проникнуться такимъ ригоризмомъ по отношенію къ степнымъ промысламъ, какой рекомендовало имъ правительство, и порвать съ прежней практикой и своими взглядами на мѣстныя условія. Они не могли такъ легко отказаться отъ получаемыхъ изъ этого источника доходовъ, тѣмъ болѣе, что весьма мало вѣрили въ возможность осуществленія такихъ полицейскихъ мѣръ и особенно—не вѣрили въ то, чтобы онѣ дѣйствительно обезпечили Украину отъ татарскихъ нападеній. И мы можемъ быть вполнѣ увѣренными, что если даже въ самомъ дѣлѣ, для успокоенія правительства, былъ составленъ какой либо реестръ, то онъ не имѣлъ никакого реальнаго значенія. Самое большее—своимъ вліяніемъ на мѣстное населеніе мѣстная администрація на нѣкоторое время могла добиться прекращенія стычекъ съ Татарами, пока первое сколько нибудь значительное нападеніе какой-нибудь татарской шайки не положило конецъ этому воздержанію, давъ оправданіе дальнѣйшимъ промысламъ украинскихъ добычниковъ.

Такого оправданія, разумѣется, не нужно было долго ждать, даже при самомъ искреннемъ желаніи хана или турецкаго санджака въ самомъ дѣлѣ обезпечить миръ Украинѣ и не давать повода для козацкихъ набѣговъ. Татарско-турецкое козачество еще труднѣе было взять подъ контроль и удержать отъ нападеній, чѣмъ козаковъ украинскихъ. Изъ записокъ Претвича видно, что татарскіе набѣги на Украину въ 1541—5 гг. происходили непрерывно [1]). Чуть ли не въ то же самое время, когда прави-

---

[1]) См. выше приведенные отрывки (с. 83 и сл.) и записку Претвича с. 55 и сл. Хронологическія указанія Претвича, кажется, не совсѣмъ точны,—а можетъ быть не точны даты Бѣльскаго, которыми располагаемъ для его провѣрки. Но въ общемъ записка Претвича рисуетъ общую картину пограничной войны отъ нач. 1541 (осада Пронскаго) до 1549 г.

тельство носилось съ разными предложеніями о томъ, какъ бы сдержать днѣпровскихъ козаковъ, нападеніе Татаръ на кіевское Полѣсье дало поводъ для громкаго похода Претвича на Очаковъ, когда онъ отвелъ свою душу на Татарахъ, „мстя за обиду его королевской милости“. Потомъ Татары идутъ изъ земель в. кн. Литовскаго, забравъ людей по уходамъ, мирныхъ ловцовъ рыбы и бобровъ, и снова завязывается побоище. „Потомъ приходили Татары на в. кн. Литовское, и панъ воевода (Сѣнявскій) ходилъ съ литовскими панами въ погоню до самаго Лебедина, но не догнавъ, вернулись назадъ“, лишь Претвичъ разбилъ нѣсколько татарскихъ шаекъ, пытавшихся еще вернуться на Украину. На слѣдующій годъ весной пошли Татары „на дорогу барскую“; ихъ переловили и узнали, что Татары собираются идти на Украину, и бѣлгородскіе Татары уже пошли на Черкасы; Татары разбили слугъ черкасскаго старосты и забрали стада, но Претвичъ перерѣзалъ имъ путь подъ Очаковымъ, розбилъ и отобралъ людей и скотъ, забранный ими подъ Черкасами, и т. д.

Разумѣется, одного-двухъ такихъ татарскихъ наѣздовъ было совершенно достаточно, чтобы положить конецъ всякому воздержанію со стороны украинскаго козачества и пограничныхъ администраторовъ, если такое воздержаніе существовало, и „разрѣшить на вся“ по прежному. И дѣйствительно отъ 1545—6 гг. уже вновь имѣется цѣлая куча татарскихъ и турецкихъ жалобъ на козацкіе набѣги, погромы, походы и т. д. Жалобы хана на болѣе мелкія стычки и козацкія нападенія того времени мы имѣли случай видѣть. Но эти козацкія нападенія принимали все большіе размѣры. Какъ констатировало само литовское правительство, изъ Черкасъ, Канева, Брацлава, Винницы и другихъ „украинныхъ“ городовъ в. кн. Литовскаго собралось „множство козаковъ“, восемсотъ, а можетъ быть и больше, подъ предводительствомъ Карпа, Андруша, Лесуна и Яцка Бѣлоуса и, расположившись въ степяхъ за Брацлавомъ, производили оттуда нападенія, грабили купеческіе караваны и т. п. Дѣломъ ихъ же рукъ былъ разгромъ на Санджаровѣ, за Днѣпромъ большого турецко-татарскаго каравана, направлявшагося въ Москву, въ концѣ концовъ сильно насолившій литовской казнѣ [1]). Виновныхъ, кажется, найти не удалось: по распоряженію правительства администрація

[1]) Объ этомъ эпизодѣ въ т. VI с. 10—11; акты въ Посольской книгѣ I № 17—20.

наловила козаковъ и прислала ихъ на королевскій дворъ, но эти козаки были мало виноваты: какъ обнаружилось, они занимались различными промыслами па хорольскихъ и ворсклянскихъ уходахъ, и караванщики сами задѣвали ихъ, убивали и забирали этихъ уходниковъ, и они лишь отплатили потомъ кое-чѣмъ караванщикамъ; погромъ каравана былъ сложенъ на козаковъ изъ московской Украины, и въ концѣ концовъ наиболѣе виновными оказались сами купцы въ томъ, что они, минуя законную дорогу и уклоняясь отъ таможенныхъ пошлинъ, пошли „яловыми степями", а главными грабителями—московскіе подданные „которыи зъ замковъ украинъныхъ съ Путивля, съ Чернигова, съ Новагорода Северскаго завжды тамъ подъ замъки и влусы приходячи, тыи збытки починаютъ и шкоды чинять, и то все на е. м. козаковъ (литовскихъ) ускладаютъ и во всемъ ихъ винуютъ" [1]). Такъ представило дѣло передъ ханомъ литовское правительство, но передъ своей радой в. князь не скрылъ своего убѣжденія, что эти козаки были не только мѣстные, но и произвели свой погромъ не безъ участія мѣстной администраціи—„не одно сами своволне, але снать и за выправою и посланьемъ некоторыхъ самихъ державецъ украиныхъ на поле ходили и въ томъ тые корованы громили". И рада съ в. княземъ постановила, что тѣ деньги, которыя прійдется казнѣ в. кн. Литовскаго заплатить ограбленнымъ купцамъ, обязаны будутъ ей покрыть лица бывшія „причиною выправы оныхъ козаковъ, такъ тежъ и користи тоє причастъниками"—сами державцы, или ихъ люди—ротмистры, десятники и другіе [2]). Разумѣется, все это, осталось совершенно платоническимъ пожеланіемъ.

Другимъ такимъ же громкимъ эпизодомъ былъ разгромъ Очакова въ томъ же 1545 г., выше уже упомянутый. Ночью, приставъ на 32 лодкахъ, козаки напали на замокъ, взяли его, нѣсколько человѣкъ убили, нѣсколько десятковъ взяли въ плѣнъ, выпустивъ потомъ за выкупъ, и забрали попавшуюся подъ руки добычу и лошадей. И здѣсь правительство свалило главную вину на московскихъ подданныхъ, на разное вольное степное козачество, надъ которымъ у него нѣтъ ни власти, ни контроля,—но опять должно было уплатить убытки изъ государственной на этотъ разъ польской казны [3]). Про себя правительство и на

[1]) l. c. c. 26 и 30. [2]) l. c. c. 36.

[3]) Сборникъ актовъ въ т. XVIII Записок, см. № 8, и въ Жерелах т. VIII № 13—5, объ этомъ эпизодѣ еще см. выше с.

этотъ разъ знало навѣрное, что нападеніе было дѣломъ козаковъ мѣстныхъ. Предводители были тѣ же, что и въ санджаровской исторіи: Карпо Масло изъ Черкасъ (очевидно, тотъ самый Карпо, который и въ предыдущей исторіи названъ однимъ изъ козацкихъ вожаковъ), Яцко изъ Переяслава — личность, должно быть, тождественная съ Яцкомъ Бѣлоусомъ, и Ендрушко изъ Брацлава [1]. Довольно сильно былъ скомпрометированъ участіемъ въ этихъ козацкихъ нападеніяхъ брацлавскій староста Сангушко, подъ подозрѣніемъ были Претвичъ и Пронскій.

И опять завертѣлась дипломатическая машина. Литовско-польское правительство жаловалось на то, что, несмотря на огромную дань, ежегодно выплачиваемую хану, Татары грабятъ украинскія земли и забираютъ людей въ неволю. Ханъ увѣрялъ, что всему виной козаки: они своими нападеніями на лѣвобережной Украинѣ не даютъ Татарамъ возможности отправляться въ Московскія земли и лишаютъ ихъ такимъ образомъ этого корректнаго источника доходовъ [2]. Козаки нападаютъ на турецкіе и татарскіе улусы и этимъ вызываютъ нападенія на Украину. Не можетъ быть и рѣчи о спокойствіи до тѣхъ поръ, пока продолжаются эти козацкія нападенія: „если же ты, братъ нашъ, козаковъ своихъ украиныхъ, которые водою Днѣпромъ подходячи подъ замки и улусы наши шкоду чинять, воимовати не будешъ — Татарове мои своее шкоды терпети не будутъ“ [3]. Такія же нареканія и претензіи предъявлялись и со стороны турецкаго султана. Ссылки на своевольныхъ козаковъ, московскихъ подданныхъ, не помогали уже нисколько [4]. Татары и Турки категорически обвиняли пограничныхъ старостъ. Когда въ 1550-хъ гг. на Тавани былъ разграбленъ караванъ турецкаго купца „Адрохмана“, ханъ совершенно недвусмысленно заявилъ, что это черкасскій староста кн. Дмитрій Сангушковичъ, отрядивъ съ этимъ купцомъ для безопасности своего человѣка, велѣлъ затѣмъ козакамъ его ограбить [5].

---

[1]) Изъ Карпа Масла польская канцелярія по созвучію сдѣлала „Карпа Московитина“ (Karp Moscum—все та же тенденція свалить все дѣло на Москву); Яцко однажды называется Брацлавцемъ, въ другой разъ — Переяславцемъ (очевидно, тоже смѣшивали по созвучію); Андрушко разъ называется Ендрушко, въ другой разъ изъ него вышелъ Ian Dersko.

[2]) Посольская книга I с. 22, 83, 100. [3]) Ibid. с. 85.

[4]) Ibid. с. 77, 112, 137 и др. [5]) Ibid. с. 77.

нѣсколько лѣтъ спустя, увѣдомляя, что „перекопскій князь Алъклычъ“ за набѣги на Украину посаженъ „у твердое везенье“, ханъ требовалъ, чтобы в. князь со своей стороны наказалъ своихъ старостъ и „врадниковъ украинныхъ“, позволяющихъ козакамъ нападать на улусы татарскіе, и опредѣленно указывалъ при этомъ на кіевскаго воеводу и черкасскаго старосту, „зъ ведомостью и дозволеньемъ“ которыхъ козаки изъ ихъ замковъ нападаютъ на Татаръ [1]). Съ турецкой стороны особенно жаловались на Претвича [2]).

В. князь разсылалъ все новыя и новыя распоряженія пограничнымъ старостамъ, приказывая имъ „козаковъ повстегати и шкодниковъ карати“, производить слѣдствія вмѣстѣ съ ханскими уполномоченными, не выпускать изъ виду подозрительныхъ лицъ, а виновныхъ наказывать смертью [3]); скомпрометированныхъ старостъ призывалъ къ отвѣту и даже увольнялъ отъ должности, или переводилъ на другія мѣста: Претвича изъ Бара, а Дм. Сангушковича изъ Черкасъ [4])—хотя на Сангушка впрочемъ эта бѣда обрушилась не столько за понесенный Татарами ущербъ, сколько за его аферу съ княжною Острожскою. Но все это ничего не помогало. Старосты оправдывались тѣмъ, что они лишь отбивались отъ татарскихъ нападеній или защищались отъ нихъ—какъ Претвичъ въ своей не разъ цитированной запискѣ, а ограбленные купцы оказывались потомъ сами виноватыми, такъ какъ ѣздили „свовольне небезпечъными дорогами“ [5]). Виновныхъ чаще всего не оказывалось, а если и отыскивали иногда какихъ-либо козловъ отпущенія [6]), то это никого не удерживало отъ новыхъ нападеній. Пограничный спортъ развивался все больше, пограничная война принимала все болѣе широкіе размѣры. Козацкія нападенія становились явленіемъ постояннымъ, обычнымъ; козачество совершенно завладѣло нижнимъ теченіемъ Днѣпра и здѣшними степями; доходило до того, что самъ король долженъ былъ посылать

---

[1]) Посольская кн. с. 110.

[2]) Жерела т. VIII и цитированная „апологія“ Претвича въ Bibl. Warsz. 1866, III.

[3]) Посольская книга I с. 78, 110, 112, 116, 134.

[4]) Ibid. с. 78, 112, 114.

[5]) Посол. книга I с. 134, 137.

[6]) В. князь въ 1555 г. напоминалъ хану, какъ онъ „не давно прошлыхъ часовъ“ приказалъ выдать въ Черкасахъ татарскому гонцу „шкодниковъ горлы на каранье“, и склонялъ хана поступать такимъ образомъ и со своими (Посол. кн. I с. 116).

своихъ гонцовъ въ Орду обходомъ, черезъ Молдавію, потому что Днѣпромъ ѣхать было не безопасно отъ козаковъ—„которые немалымъ почътомъ поля на тотъ часъ наполнили и вси перевозы залегли“, какъ писалъ король весною 1558 г., во время аферы Вишневецкаго.

Въ эти степныя отношенія, въ жизнь козачества 1550-хъ годовъ Вишневецкій, безспорно, внесъ много новаго фермента. Его короткая, прерывистая, но эфектная дѣятельность заслуживаетъ съ этой стороны всяческаго вниманія. Къ сожалѣнію, мы знаемъ лишь одни внѣшніе моменты—и то лишь нѣкоторые, лишенные связи, и по нимъ должны отгадывать цѣлое, руководящую нить этой дѣятельности. Это приходится тѣмъ трудпѣе, что не всегда можно быть увѣреннымъ въ такой руководящей мысли, въ какомъ либо болѣе глубокомъ планѣ во всѣхъ метаніяхъ изъ стороны въ сторону этого степного рыцаря, не оставившаго намъ никакого собственнаго комментарія къ нимъ, никакого собственнаго поясненія. Предыдущимъ изслѣдователямъ его поступки казались въ большинствѣ безцѣльными порывами безпокойнаго характера, неуравновѣшенной энергіи. Но даже въ худшемъ случаѣ—еслибъ это было справедливо, все же это явленіе на фонѣ неподвижной, шаблонной жизни украинскаго магнатства того времени на столько необычно, настолько блестяще, что должно привлечь къ себѣ вниманіе каждаго изслѣдователя жизни тѣхъ временъ. Есть несомнѣнная смѣлость мысли, безграничная отвага въ размахѣ этой энергіи—то, что такъ цѣнно въ человѣкѣ всѣхъ временъ, и притомъ несомнѣнно, что эта авантюристская безпокойная энергія не прошла безслѣдно, а оплодотворила извѣстными идеями, извѣстными конкретными примѣрами жизнь украинскаго пограничья. Я вижу ясную аналогію, очевидное идейное преемство дѣятельности Вишневецкаго не только въ самой идеѣ Запорожской Сѣчи, какъ украинской твердыни среди степного моря, но и въ политикѣ позднѣйшихъ козацкихъ вождей—въ ихъ стремленіяхъ играть извѣстную международную роль, опираясь на сосѣднія государства, интересы которыхъ сталкивались въ этихъ степяхъ. До Вишневецкаго мы этого не видимъ, и я усматриваю въ этомъ не только послѣдовательность во времени, но и несомнѣнную преемственность. Этотъ степной авантюристъ имѣлъ преемниковъ своихъ идей, хоть и болѣе мелкихъ, болѣе скромныхъ, болѣе сдержанныхъ и уравновѣшенныхъ. Изъ предшественниковъ онъ во многомъ напоминаетъ Дашковича, но дѣятельность

Вишневецкаго болѣе широка и неудержима. И поэтому Дашковичъ свою бурную жизнь закончилъ въ концѣ концовъ ролью государственнаго мужа, Вишневецкій такъ и остался авантюристомъ [1]).

На публичную арену Дмитрій Вишневецкій выступаетъ въ 1540-хъ гг. Онъ извѣстенъ намъ, какъ довольно богатый магнатъ, владѣлецъ нѣсколькихъ селъ въ южной Волыни. Но вмѣсто того, чтобы по примѣру людей своего круга скромно увеличивать и расширять свою „фортуну", онъ отдается пограничному, модному тогда спорту—борьбѣ съ Татарами: съ этой стороны рекомендуетъ его въ своей запискѣ 1550 г. Претвичъ [2]). Однако Вишневецкій не удовольствовался оборонительной по характеру своему борьбой, какую вели пограничные старосты и магнаты; онъ рѣшается осуществить мысль, носившуюся у многихъ, очевидно, людей того времени, но до сихъ поръ не реализованную — заложить замки на островахъ Днѣпра, какъ оплотъ противъ Татаръ [3]). Въ началѣ 1550-хъ гг. „на островѣ Хортицѣ, противъ Конскихъ водъ, около крымскихъ кочевій", строитъ онъ укрѣпленія и собираетъ вокругъ себя козачество [4]). Среди этой дѣятельности онъ вступаетъ въ сношенія съ Турціей. Трудно сказать — сдѣлалъ ли онъ этотъ шагъ единственно потому, что литовское правительство не давало ему достаточно энергичной помощи, или это лежало въ его планахъ — опереться на Турцію противъ Крыма. Какъ бы то ни было, лѣтомъ 1553 г. онъ ѣдетъ въ Турцію. Объ этомъ Сигизмунду-Августу писалъ кн. Острожскій—что Вишневецкій „со всею своею ротою, то есть со всѣмъ козачествомъ и „хлопствомъ", которое держалъ около

---

[1]) Важнѣйшая литература о Вишневецкомъ указана въ моей статьѣ: „Байда Вишневецький в поезії й історії" (Записки укр. наук. тов. в Київі, III); можно прибавить еще замѣтку Стороженка къ портрету въ „Кіевской Старинѣ" 1894 г. и Крымскаго Исторія Турціи и ея литературы, 1910 ст. 27—9.

[2]) См. выше с. 85. Претвичъ называетъ его просто Вишневецкимъ, но Вишневецкихъ было не много, и сопоставленіе съ документомъ 1546 г. (въ украин. изданіи с. 96—7) не оставляетъ сомнѣнія, что это Вишневецкій Дмитрій.

[3]) Мы видѣли выше, что такую мысль Бѣльскій вкладываетъ въ уста Дашковичу на петроковскомъ сеймѣ—с. 122

[4]) Думаю, что объ этихъ замкахъ упоминаетъ Сигизмундъ-Августъ въ письмѣ отъ 1553 г.—сравнить его письмо отъ 1554 г. (см. ниже). Прежніе изслѣдователи, начиная съ Бартошевича, разумѣли здѣсь Каневъ и Черкасы, но этими замками управлялъ тогда Дмитрій Сангушко.

себя“, уѣхалъ къ Туркамъ — выслалъ впередъ свою козацкую роту, а потомъ и самъ со своими козаками отправился въ Турцію [1]). Это вызвало большую тревогу въ придворныхъ кругахъ, да и на Украинѣ: боялись, что Вишневецкій приведетъ Турокъ на Украину. Но опасенія были неосновательны: въ началѣ 1554 г. Вишневецкій пріѣхалъ изъ Турціи, въ началѣ марта былъ представленъ королю воеводою Николаемъ Сѣнявскимъ, своимъ стариннымъ товарищемъ по пограничной войнѣ, взявшимъ на себя въ данный моментъ роль посредника и заступника передъ королемъ [2]). Его объясненія въ концѣ концовъ были приняты, и Вишневецкій получаетъ отъ в. кн. порученіе содержать на Хортицѣ стражу противъ Татаръ.

Такимъ образомъ вырисовывается руководящая идея Вишневецкаго—планъ союза на два фронта: опираясь на Литовско-польское государство и поддерживая пріятельскія отношенія съ Турціей, держать въ рукахъ Крымъ. Но эти смѣлые планы Вишневецкаго и его рѣшимость выполнить ихъ во что бы то ни стало пугали короля. „Въ такое время такихъ слугъ нужно какъ можно больше, только не съ такими замыслами“, писалъ онъ Радзивилу нѣсколько лѣтъ спустя [3]). По отношенію къ Татарамъ литовско-польское правительство старалось держаться какъ можно осторожнѣе: формально Крымъ являлся союзникомъ Литвы противъ Москвы. Правительство боялось, какъ бы Вишневецкій не задѣлъ Татаръ какою-либо нетактичностью, и в. князь носился съ мыслею „свести“ его съ границы и послать съ козаками на войну въ Ливонію, даже задумывалъ какъ-нибудь хитростью сплавить Вишневецкаго съ Низу, пославъ туда въ качествѣ его замѣстителя кого-либо изъ его братьевъ [4]). Но Вишневецкій не хотѣлъ уходить, и великокняжескому правительству оставалось только старательно избѣгать всякихъ проявленій солидарности со своимъ опаснымъ слугою. Позднѣе (1557) Сигизмундъ-Августъ въ отвѣтъ на татарскія жалобы на Вишневецкаго писалъ хану, что Вишневецкій проводилъ свои планы совершенно самовольно: онъ, Сигизмундъ, на Днѣпръ его не посылалъ, а потомъ поручилъ ему охрану степного пограничья полагаясь главнымъ обра-

---

[1]) Listy Zygmunta Augusta с. 58, первые слухи объ этомъ еще раньше—с. 54 (іюнь 1553 г.).
[2]) Listy с. 76. [3]) Ibid. с. 131.
[4]) Ibid. с. 107—108, ср. 94, 110.

зомъ на добрыя отношенія Вишневецкаго съ Турціею и ханомъ. „Можете видѣть изъ того, что и къ е. в. императору турецкому онъ ходилъ противъ воли нашей, а какъ его тамъ приняли, сами знаете: онъ, вернувшись въ государство наше, разсказывалъ, что получилъ тамъ подарки (жалованьемъ осмотренъ былъ), и у тебя, брата нашего, пользовался милостью, и по этимъ соображеніямъ мы поручили ему степную стражу, въ той надеждѣ, что онъ будетъ поддерживать добрыя отношенія съ вашими людьми, пользуясь вашимъ расположеніемъ". И Сигизмундъ-Августъ старался представить хану, какую пользу можетъ приносить ему самому и Турціи хортицкій замокъ: онъ будетъ охранять татарскія и турецкія владѣнія, улусы ихъ и ихъ пастуховъ отъ всевозможныхъ нападеній и убытковъ, особенно съ московской стороны, такъ какъ, дескать, именно московскіе козаки производятъ эти нападенія [1]).

Но эта традиціонная боязливая политика в. кн. Литовскаго была не по душѣ Вишневецкому. Въ то время, какъ литовское правительство старалось поддержать добрыя отношенія съ Крымцами и направлять ихъ противъ Москвы, Вишневецкій какъ разъ обратился въ сторону Москвы. Вѣроятно, это исходило изъ его плановъ, вполнѣ естественно и логично: игнорируя государственное соперничество Литвы и Москвы, вести свою степную политику, опираясь на оба эти государства, одинаково терпѣвшія отъ Орды и въ своихъ пограничныхъ украинскихъ земляхъ организовавшія козацкую оборону противъ разрушительныхъ ударовъ Крыма. Эта политика даже не была новой. Уже въ 1530-хъ годахъ ханъ жаловался вел. князю литовскому, что черкасскіе старосты, игнорируя враждебныя отношенія Литвы съ Москвою и союзъ Литвы съ Крымомъ, принимаютъ на свою службу козаковъ путивльскихъ (т. е. изъ украинскихъ земель в. кн. Московскаго) и посылаютъ ихъ на татарскіе улусы вмѣстѣ съ черкасскими и каневскими козаками [2]). Вполнѣ естественно, что и Вишневецкій задумалъ привлечь Московское государство къ общей борьбѣ съ Крымомъ и традиціонное соперничество ихъ интересовъ, съ взаимнымъ наускиваніемъ Орды, замѣнить общею борь-

---

[1]) Посол. книга I с. 135.

[2]) Акты Зап. Рос. I с. 186 (это считаютъ дѣломъ Дашковича— напр. Кулишъ Ист. возсоед. I с. 59, но хотя вполнѣ вѣроятно, что и Дашковичъ такъ поступалъ, все таки ханское письмо относится къ болѣе позднему времени и говоритъ о позднѣйшихъ старостахъ).

бою съ этимъ общимъ врагомъ. Но Вишневецкій имѣлъ всѣ причины не объявлять раньше времени такихъ плановъ во всеуслышаніе, считаясь съ оффиціальнымъ союзомъ Литвы съ Крымомъ противъ Москвы, а въ московскихъ кругахъ, съ своей стороны, не имѣли причинъ признавать чужеземца Вишневецкаго иниціаторомъ этого эфектнаго плана. Официіальная московская лѣтопись говоритъ о первыхъ стадіяхъ борьбы съ Крымомъ, какъ о дѣлѣ самихъ московскихъ воеводъ, вовсе игнорируя Вишневецкаго. Но несомнѣнно, что именно онъ былъ истиннымъ иниціаторомъ этихъ плановъ, которые въ московскихъ кругахъ такъ же быстро исчезаютъ потомъ, какъ внезапно возникли съ выступленіемъ Вишневецкаго.

Въ мартѣ 1556 г. московское правительство предприняло походъ въ Крымъ Днѣпромъ на Низъ, подъ крымскіе улусы. Предводительство было поручено дьяку Ржевскому; исходною точкою долженъ былъ служить Путивль. Ржевскій долженъ былъ соорудить лодки на верховьяхъ Псла и съ путивльскими козаками итти „добывать языковъ“ и провѣдывать „про царя“ (хана). Оффиціальнымъ поводомъ служили вѣсти, что ханъ собирается походомъ на московскія земли[1]). Въ дѣйствительности, очевидно, московское правительство склонили и побудили къ этому совѣты и представленія, сдѣланныя Вишневецкимъ черезъ путивльскихъ козаковъ, участниковъ его новыхъ стараній и плановъ. И при большой осторожности и неособенной поспѣшности московской бюрократіи, нужно думать, что свои предложенія объ общихъ дѣйствіяхъ противъ Татаръ Вишневецкій началъ въ московскихъ сферахъ задолго передъ тѣмъ — вскорѣ послѣ своего визита въ Турцію. Въ іюнѣ Ржевскій уже доносилъ о своихъ успѣхахъ. Онъ писалъ, что на Днѣпрѣ присоединились къ нему черкасскіе и каневскіе козаки, въ количествѣ 300, подъ предводительствомъ своихъ атамановъ Млинскаго и Михайла Еськовича. Съ ними и со своими путивльскими козаками Ржевскій направился къ крымскому городку Исламъ-Керменъ на нижнемъ Днѣпрѣ, около татарскихъ переправъ (гдѣ теперь Каховка), но Татары были предупреждены и заперлись въ

---

[1]) Никоновская лѣтоп., Пол. собр. лѣтоп. XIII с. 269. Каманинъ, пересматривая въ послѣдній разъ извѣстія о Вишневецкомъ, особенное значеніе придавалъ извѣстіямъ лѣтописи Нормантскаго (Временникъ моск. общ. ист. V). Но эта позднѣйшая компиляція не даетъ о Вишневецкомъ ничего сверхъ того, что имѣемъ въ Никоновской.

замкѣ. Козаки угнали лишь лошадей и скотъ, и пошли подъ Очаковъ. Тутъ взяли „острогъ“, разбили Турокъ и Татаръ, забрали много „языковъ“ (плѣнныхъ) и съ ними вернулись назадъ. За ними погнались санджаки (турецкіе коменданты) Очакова и Тягини съ большимъ войскомъ, но козаки устроили засаду въ Днѣпровскихъ камышахъ, перебили изъ ружей много народу и принудили ихъ вернуться. Потомъ подъ Исламъ-Керменомъ догналъ ихъ калга съ большой ордой—„съ нимъ весь Крымъ, князи и мирзы“, какъ описывалъ хвастливый дьякъ. Козаки засѣли на островѣ Днѣпра и оборонялись отъ орды, отстрѣливаясь изъ ружей. Въ теченіе шести дней пробовали ихъ взять Татары, но добыть не могли, и въ концѣ концовъ отступили. А козаки, угнавъ ночью стада, забрали коней на островъ и превратившись изъ рѣчного войска въ сухопутное конное, пошли напрямикъ черезъ степи [1]).

Во всей этой реляціи нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о Вишневецкомъ, фигурируетъ только дьякъ Ржевскій. Думаю, что это трудно отнести на счетъ одного самохвальства этого послѣдняго, и что Вишневецкій старался раньше времени не раскрывать своихъ картъ передъ ханомъ, не порывать съ нимъ отношеній, и съ этой цѣлью не выступалъ открыто со своимъ участіемъ въ этихъ предпріятіяхъ противъ Татаръ, наоборотъ—скрывалъ его. Въ литовскихъ кругахъ его сношенія съ Москвою въ то время не были тайною — московскіе послы, будучи у Сигизмунда лѣтомъ 1556 г., слышали тамъ, что Вишневецкій „отъѣхалъ къ Москвѣ“ [2]), хотя формальное посольство къ московскому царю отъ Вишневецкаго въ московской оффиціальной лѣтописи отмѣчено лишь въ сентябрѣ 1556 г. [3]). При литовскомъ дворѣ его смѣлые планы вызывали одновременно и тревогу передъ возможными политическими осложненіями, вызванными его дѣятельностью [4]), и живыя симпатіи къ этимъ планамъ организаціи широкой борьбы съ Крымомъ общими силами христіанскихъ государствъ.

Какъ съ одной стороны въ московскихъ кругахъ, такъ съ другой въ литовско-польскихъ, Вишневецкій популяризовалъ идею общей борьбы своими сношеніями, своимъ примѣромъ, и его идеи

---

[1]) Никонов. лѣтоп. с. 271.
[2]) Памятн. снош. съ Польско-литов. госуд. II с. 530—1.
[3]) Никон. л. с. 275.
[4]) См. выше выдержку изъ письма короля 1556 г.

вызывали сочувствіе. Его сношенія съ Москвою не возбуждали недовольства въ литовско-польскихъ кругахъ въ виду поставленныхъ имъ задачъ, по крайней мѣрѣ—это недовольство въ значительной мѣрѣ нейтрализовалось сознаніемъ тѣхъ выгодъ, какія должно было принести осуществленіе плана такой совмѣстной борьбы съ Крымомъ. На жалобы хана по поводу козацкаго нападенія 1556 г.[1]), литовское иравительство отвѣчало въ возможно успокоительномъ тонѣ. Увѣряло, что это нападеніе было дѣломъ московскихъ козаковъ, Вишневецкій участія въ немъ не принималъ и ни въ какихъ общихъ выступленіяхъ съ московскими козаками выступать не намѣренъ; московскіе люди склоняли его служить Москвѣ, но Вишневецкій на эти предложенія не сдался, держитъ хортицкій замокъ на в. князя литовскаго, и поддерживаетъ сношенія съ казаками низовыми, а съ московскими не сносится[2]); таково было оффиціальное освѣщеніе, быть можетъ намѣренно приданное литовскимъ правительствомъ дѣятельности Вишневецкаго за минувшіе годы. Выгораживая его всячески, Сигизмундъ-Августъ рисовалъ хану всю опасность московскаго плана—врѣзаться московскими замками въ низовья Днѣпра, напоминалъ аналогичную тактику Москвы относительно Казани и пугалъ аналогическими перспективами относительно Крыма: поставивъ свои замки подъ Перекопомъ, Москва будетъ стремиться къ тому, чтобы и Крымъ взять въ свои руки. Поэтому совѣтовалъ пока что, въ такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ не ссориться съ Вишневецкимъ: позже, когда эти обстоятельства измѣнятся, в. кн. разберетъ дѣло, и если бы Вишневецкій оказался виновнымъ, онъ его накажетъ и уберетъ изъ Хортицы, а пока онъ тамъ очень полезенъ въ противовѣсъ московскимъ планамъ. Возможно, что Москва даже будетъ стараться добыть Хортицу силою, и если Вишневецкаго вывести оттуда сейчасъ, Москва тотчасъ же захватила бы его замокъ. Для Татаръ и Турокъ литовскій замокъ на Хортицѣ будетъ очень полезенъ, защищая ихъ отъ московскихъ козаковъ, а чтобы самъ Вишневецкій не задирался съ Татарами, объ этомъ онъ, Сигизмундъ, отдастъ ему приказъ и увѣренъ, что Вишневецкій не нарушитъ своихъ добрыхъ отношеній къ крымскимъ союзникамъ[3]).

Но ханъ не могъ вѣрить этимъ успокоеніямъ, такъ какъ Виш-

---

[1]) Посол. книга с. I 130 и 133—5.
[2]) Посол. книга I с. 139. [3]) Посол. книга I с. 135.

невецкій, наоборотъ, выступалъ противъ Крыма все болѣе враждебно. Осенью 1556 г. (приблизительно въ октябрѣ) самъ Вишневецкій или, можетъ быть, его козаки напали вновь на Исламъ-Керменъ, взяли этотъ замокъ, забрали оттуда пушки и перевезли въ хортицкій замокъ [1]). Разгнѣванный этимъ ханъ кажется, сначала, хотѣлъ заманить къ себѣ Вишневецкаго: прислалъ ему подарки и письмо, приглашая къ себѣ на службу [2]). Но Вишневецкій не поддался на эту удочку, и тогда ханъ, едва только сталъ Днѣпръ, двинулся въ походъ на опаснаго сосѣда. Въ январѣ 1557 г., онъ подступилъ къ хортицкому замку съ большими силами—„съ сыномъ и со всѣми людьми крымскими", и старался взять его. Болѣе трехъ недѣль (24 дня) тянулась эта осада, но въ концѣ концовъ взять замокъ Крымцамъ не удалось, и ханъ вернулся съ большими потерями [3]). Вишневецкій поспѣшилъ извѣстить в. князя объ этомъ военномъ крещеніи своихъ хортицкихъ укрѣпленій и плановъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ „подкрѣпить его замокъ людьми и оружіемъ", чтобы имѣть возможность защищаться отъ Крыма. Но литовское правительство обнаружить такимъ образомъ свою солидарность съ Вишневецкимъ не отважилось. В. князь, въ отвѣтъ на донесенія Вишневецкаго, высказалъ свое удовольствіе по поводу его „стойкости и мужественной обороны", обѣщалъ прислать „жалованье", но вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовалъ ему не обострять отношеній съ Крымомъ, стараться, чтобы козаки не трогали Татаръ и Турокъ, и т. д. [4]).

Совѣты эти были не своевременны. Отношенія Вишневецкаго къ Крыму были на столько обострены, что о какомъ-либо улаживаніи ихъ не могло уже быть и рѣчи. За зимнимъ походомъ 1557 г. послѣдовалъ новый, еще болѣе грозный, вѣроятно лѣтомъ того же года. Ханъ снова подступилъ съ Ордою къ хортицкому замку, вмѣстѣ съ нимъ явилось турецкое войско на лодкахъ и вспомогательные отряды отъ молдавскаго воеводы. Подробностей осады, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Знаемъ, что въ концѣ

---

[1]) Никон. лѣтоп. с. 277. [2]) Посол. книга I с. 158.

[3]) Посол. книга I с. 139, Никонов. лѣтоп. I с. 280.

[4]) Акты Ю. З. Р. II № 130. Письмо безъ даты, но сопоставленіе его съ актами Посол. книги показываетъ совершенно опредѣленно, что оно написано не раньше мая 1557 г., послѣ посылки въ Крымъ Довгирда. Вольфъ ошибочно относилъ его ко времени передъ кампаніей 1556 г.

концовъ на Хортицѣ не хватило провіанта, козаки стали разбѣгаться отъ Вишневецкаго, и онъ вынужденъ былъ отступить съ низовьевъ Днѣпра далѣе на Украину, въ Черкасы [1]). Здѣсь опять таки, очевидно, не нашелъ онъ никакой реальной помощи для осуществленія своихъ плановъ борьбы съ Крымомъ и рѣшился отправиться въ Москву искать новыхъ средствъ борьбы— болѣе реальной поддержки своихъ плановъ, такъ какъ Москва стояла во враждебныхъ отношеніяхъ къ Крыму.

Какъ я уже упоминалъ, формальныя сношенія съ московскимъ правительствомъ были завязаны Вишневецкимъ еще годъ тому назадъ, осенью 1556 г. (а фактическія отношенія должны были существовать еще прежде этого). Тогда московское правительство прислало ему „жалованіе" и пригласило въ Москву; онъ присягнулъ передъ московскими послами, что пріѣдетъ и будетъ служить царю, а пока отговаривался войною съ Крымомъ. Подъ конецъ 1557 г., не видя другихъ рессурсовъ, онъ пріѣхалъ въ Москву, по требованію правительства принялъ присягу на вѣчную службу и получилъ большія помѣстья и доходы: „въ вотчину" ему былъ данъ городъ Бѣлевъ со всѣми волостями и селами, „какъ было за Бѣлевскими князьями", много селъ подъ Москвою, большіе подарки деньгами и вещами и на пріѣздъ десять тысячъ рублей—громадная по тому времени сумма, которая лучше всего показывала, какъ цѣнили Вишневецкаго въ Москвѣ и какое значеніе ему придавали [2]).

Передъ московскими политиками развиваетъ Вишневецкій все тѣ же свои планы общей борьбы противъ Орды въ союзѣ съ Литвою. Они находятъ здѣсь полное сочувствіе. Помимо всякой идеологіи, московскимъ политикамъ было одинаково выгодно и разорвать союзъ Литвы съ Крымомъ, втянувъ ее въ войну съ Ордою, и присмирить Орду. Въ началѣ 1558 г. организуется большая экспедиція въ Крымъ, подъ общимъ предводительствомъ Вишневецкаго. Самъ Вишневецкій долженъ былъ итти по слѣдамъ кампаніи 1556 г.: построить на верховьяхъ Псла струги и въ

[1]) Объ этомъ Вишневецкій писалъ въ Москву въ октябрѣ 1557 г.—Никон. с. 276; думаю, однако, что онъ не тотчасъ послѣ своего прихода въ Черкасы похвалился этимъ, а лишь убѣдившись, что не можетъ расчитывать на помощь литовскаго правительства.

[2]) Памятн. снош. съ Польско-литов. гос. II с. 543, Никон. с. 286.

стругахъ отправиться съ войскомъ на Низъ. Съ нимъ было послано значительное московское войско [1]), и кромѣ того. онъ имѣлъ въ виду собрать вокругъ себя козаковъ. Одновременно долженъ былъ итти съ востока „на пособь“ Вишневецкому кабардинскій мурза Канкличъ. Они должны были встрѣтиться въ Исламъ-Керменѣ и отсюда „надъ крымскимъ промышляти, сколько имъ Богъ помочи подастъ“ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили отправить посольство въ Литву, чтобы склонить литовское правительство къ общимъ выступленіямъ противъ Крыма. Ближайшимъ поводомъ служило обстоятельство, что ханъ, разгнѣванный поступками Вишневецкаго, сорвалъ свой гнѣвъ на литовской Украинѣ — несмотря на всѣ старанія литовскаго правительства по возможности сложить съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствія Вишневецкаго и вообще не допустить до разрыва съ Крымомъ. Въ началѣ этого года калга съ двадцатитысячною ордою неожиданно напалъ на Брацлавскія земли, опустошилъ и разграбилъ ихъ и сосѣднія подольскія волости—Хмельницкую, Барскую и другія ближайшія мѣстности Волынскихъ и Подольскихъ земель, и съ громаднымъ количествомъ плѣнныхъ (насчитывали 40 тысячъ) спокойно ушелъ, прежде чѣмъ собрали противъ него какія-либо силы. Даже съ возвратнаго пути часть орды еще вернулась назадъ и еще разъ напомнила о себѣ на прощанье [3]). Расчитывая на впечатлѣніе, произведенное этимъ нападеніемъ, московское правительство рѣшило, какъ откровенно выразилось боярское рѣшеніе — „короля о дружбѣ задрати“, пока онъ не помирился съ Ордою,—чтобы отвести его отъ хана [4]). Царь Иванъ послалъ в. кн. литовскому на эту тему грамоту, довольно общаго содержанія, а посламъ поручилъ пояснить, что онъ, царь, сожалѣетъ о проливаемой христіанской крови и ищетъ способа „христьянству избаву учинити отъ насилованья татарского“, съ этой цѣлью прекра-

---

[1]) Московскіе послы говорили о 30 тысячахъ, но это должно быть преувеличенная цифра. Курбскій считаетъ это войско лишь въ 5 тыс., но это, можетъ быть, только какая-нибудь часть тѣхъ силъ, которыя долженъ былъ имѣть въ своемъ распоряженіи Вишневецкій.

[2]) Памятники II с. 542—3, Никон. с. 288.

[3]) Памятники II с. 547, ср. 539 и Никон. с. 289, Посольская кн. I с. 141—2, 143, 144.

[4]) Памятники II с. 593.

тилъ всякія сношенія съ ханомъ, послалъ Вишнецкаго на Крымъ и хотѣлъ бы въ союзѣ съ в. кн. Литовскимъ „христьянство отъ бесерменскихъ рукъ отвселѣ боронити", безъ всякихъ притязаній на литовскія земли [1]).

Эта идея была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ въ литовскихъ кругахъ. Ост. Воловичъ, ведшій переговоры съ московскими послами по порученію в. князя, и украинскіе магнаты, какъ кн. Острожскій и кн. Стефанъ Збаражскій, и старѣйшина литовскаго магнатства Радзивилъ—всѣ высказывали сочувствіе такимъ планамъ и пожеланія, чтобъ оба государства пришли къ прочному соглашенію на этой почвѣ и дружно обратили свои силы противъ Орды. Но при этомъ не обошлось съ ихъ стороны и безъ нѣкоторыхъ скептическихъ замѣчаній относительно этого плана совмѣстныхъ дѣйствій противъ Крыма. Высказывались опасенія, что всѣми выгодами отъ уничтоженія Орды воспользуется Москва и еще болѣе усилитъ свою позицію противъ Литвы. Предполагали, что крымскаго хана побѣдить не трудно: „есть за что на него возстать и не хитрое дѣло двумъ такимъ государствамъ его изъ Крыма изгнать совсѣмъ",—но за него, какъ за своего вассала, вступится Турція, и борьба съ нею обрушится всею тяжестью на одну литовско-польскую сторону, а неизвѣстно, поддержитъ-ли ее тогда Москва. Съ другой стороны, по старымъ традиціямъ и прецендентамъ, возбуждали нѣкоторыя подозрѣнія и эти предпріятія Москвы на нижнемъ Днѣпрѣ: несмотря на всѣ увѣренія Москвы, что у нея нѣтъ никакихъ притязаній на литовскія земли, боялись, какъ бы потомъ не обнаружилась на этой почвѣ какая-либо интрига. Московскимъ посламъ говорили, что въ виду похода Вишневецкаго уже былъ отданъ приказъ литовскому войску итти въ Кіевъ, чтобы охранять литовскіе интересы, и только миролюбивыя увѣренія Москвы, переданныя черезъ это посольство, предотвратили эту экспедицію [2]).

Въ концѣ концовъ в. князь литовскій черезъ своихъ пословъ заявилъ все-таки о своемъ сочувствіи идеѣ союза противъ бусурманъ и о желаніи вести по этому вопросу дальнѣйшіе переговоры [3]). Рѣшено было высылать спеціальное посольство съ этою цѣлью. Въ концѣ 1558 г. это посольство было отправлено въ Москву, но когда оно здѣсь завело объ этомъ переговоры, съ московской

[1]) Памятники II с. 541—3. [2]) Ibid. с. 545—9.
[3]) Памятники II с. 557—9.

стороны выдвинули условіе, что прежде долженъ быть заключенъ между обоими государствами вѣчный миръ, санкціонирующій ихъ нынѣшнія владѣнія. Литовскіе послы не соглашались, такъ какъ это было равносильно отреченію со стороны в. кн. Литовскаго отъ всякихъ претензій на земли, захваченныя Москвою въ продолженіе предшествующаго столѣтія (Сѣверскія и Смоленскія волости) [1]. На этомъ переговоры разбились. Сигизмундъ-Августъ осыпалъ хана упреками за его нелойяльность: за походы на хортицкій замокъ и разрушеніе этого замка—такъ какъ онъ хотя и былъ построенъ безъ вѣдома литовскаго правительства, но стоялъ на литовской территоріи, и за татарскія нападенія на Украину (кромѣ указаннаго большого похода былъ цѣлый рядъ мелкихъ) [2]—но въ концѣ концовъ, въ виду такого неблагопріятного оборота вопроса о союзѣ съ Москвою, возобновилъ старый союзъ съ Крымомъ, направленный противъ Москвы. И политическая система, зашатавшаяся было такимъ образомъ во 1559 г., вернулось въ прежнее положеніе [3].

Это было сильнымъ ударомъ для Вишневецкаго. Планы общей, скомбинированной борьбы съ Крымомъ развѣялись, и онъ принужденъ былъ разсчитывать на силы одной Москвы. А Москва, занятая все болѣе и болѣе борьбою на балтійскомъ побережьи, не могла развить особенной энергіи на черноморскомъ, да и трудно было на такомъ отдаленномъ театрѣ войны проявить болѣе энергическую дѣятельность—несмотря на весьма благопріятныя обстоятельства. По словамъ Курбскаго, ставившаго въ большую вину и московскому, и литовскому правительству недостаточное вниманіе къ крымскому вопросу въ это время, Орда была сильно ослаблена засухою, голодомъ, эпидеміями [4]). Общими усиліями Москвы и Литвы, несомнѣнно, Орду можно было весьма сильно ослабить. Безъ Литвы, при дальнѣйшемъ соперничествѣ съ нею, это было гораздо труднѣе.

Въ кампанію 1558 г. Вишневецкій, какъ онъ доносилъ въ Москву, прошелъ до Перекопа, но въ середину Крыма итти воздержался, а отступилъ къ Таванской переправѣ. Крымцевъ нигдѣ не было: ханъ забралъ всю орду за Перекопъ и обратилъ всѣ силы на оборону Крыма. Очевидно, Вишневецкій не считалъ возможнымъ тамъ его аттаковать — быть можетъ, ожидалъ новыхъ подкрѣпленій. Изъ Москвы шелъ къ нему дьякъ Ржевскій съ

---

[1]) Памятники II с. 567—579. [2]) Посол. книга I с. 160.
[3]) Ibid. № 91—3, 98—102.
[4]) Сказанія, изд. 1833 г. I с. 80—2.

припасами; встрѣтясь съ нимъ у Пороговъ, Вишневецкій освѣжилъ свои силы, отославъ въ Москву неспособныхъ къ войнѣ, и съ обновленнымъ такимъ образомъ, отборнымъ, но небольшимъ отрядомъ двинулся къ лѣту подъ Исламъ-Керменъ. Онъ имѣлъ въ виду походъ за Перекопъ, подъ „Козловъ“ (Евпаторію), но изъ Москвы, куда онъ послалъ объ этомъ извѣстія, онъ получилъ приказъ оставить на Днѣпрѣ московское войско и козаковъ съ Ржевскимъ и другими московскими воеводами, а самому ѣхать въ Москву [1]. Возможно, что въ виду разстроившихся отношеній съ Литвою, считали не безопаснымъ оставлять Вишневецкаго на Днѣпрѣ. Въ слѣдующемъ году (1559) планъ похода внутрь Крыма былъ выполненъ, но порученъ онъ былъ уже московскому воеводѣ Адашеву, Вишневецкаго же послали на Донъ, чтобы оттуда произвести нападеніе на Крымъ. Московское войско, выѣхавъ въ лодкахъ изъ Днѣпра на море, высадилось въ Крыму, опустошило ближайшія окрестности и произвело панику. Роль же Вишневецкаго въ этой компаніи была совсѣмъ незначительна [2]. На слѣдующій годъ ему поручили еще болѣе далекую миссію — отправили на Кавказъ къ Черкесамъ, съ которыми имѣлъ онъ сношенія въ предшествующемъ году [3]; возможно, что представленія объ единоплеменности Черкасъ-козаковъ съ кавказскими Черкесами также имѣли свое вліяніе на такой планъ, но Вишневецкому подобная миссія едва-ли могла нравиться. Съ Крымомъ Москва больше не хотѣла затѣвать борьбы: впечатлѣніе, произведенное московскими походами на Крымъ, она хотѣла использовать, чтобы удержать хана отъ нападеній на московскія земли. Вся энергія Московскаго государства обратилась на ливонскую войну, готовую въ каждую минуту перейти въ войну съ Литвою, и дѣйствительно перешедшую въ 1561 г.

Вишневецкому съ его планами больше нечего было дѣлать въ Москвѣ [4]. Да и война, начинавшаяся у Литвы съ Москвою,

[1]) Никон. с. 296.

[2]) Временникъ моск. общ. V с. 142—4, Курбскій I с. 81—2, Памятн. II с. 584.

[3]) Временникъ V с. 145, выписка изъ лѣтописи у Карамзина VIII прим. 566.

[4]) Какъ видимъ, нѣтъ основаній для догадокъ о какихъ-нибудь спеціальныхъ причинахъ возвращенія Вишневскаго въ Украину (Вольфъ думалъ, что на него повліяла перемѣна въ характерѣ царя Ивана, Соловьевъ подозрѣвалъ какія-то „неизвѣстныя причины“).

ставила его въ фальшивое положеніе „измѣнника“, котораго онъ также не могъ желать. Лѣтомъ 1561 г. мы видимъ его уже снова на Низу. Съ Монастырскаго острова (выше Хортицы) въ 30 миляхъ отъ Черкасъ, послалъ онъ своему брату Михайлу, тогдашнему черкасскому старостѣ, письмо, выражая желаніе вернуться назадъ въ Литовское государство и оправдываясь тѣмъ, что выѣздъ его въ Москву имѣлъ мѣсто во время перемирія и не заключалъ въ себѣ никакихъ враждебныхъ намѣреній,—что было справедливо. Вмѣстѣ съ тѣмъ и козаки, товарищи одиссеи Вишневецкаго, заявили также о своемъ желаніи возвратиться домой и просили охранныхъ грамотъ. В. князь литовскій поспѣшилъ „принять въ свою милость господарскую“ Вишневецкаго, точно такъ же какъ и козаковъ, только поручилъ черкасскому старостѣ и кіевскому воеводѣ разъвѣдать, нѣтъ-ли среди нихъ участниковъ очаковскаго погрома 1556 г. Еслибъ они оказались и можно было бы по этому поводу ожидать какого-либо неудовольствія со стороны турецкаго и татарскаго правительства въ виду того, что этихъ бунтовщиковъ приняли обратно на Украину, то помянутымъ старостѣ и воеводѣ поручалось этихъ козаковъ уговорить не оставаться на Украйнѣ, а итти въ Ливонію получивъ на то „датокъ и живность“ [1]). Отправились-ли дѣйствительно козаки на ливонскую войну, не извѣстно, но тотъ фактъ, что въ ливонской кампаніи имѣемъ извѣстія о какихъ-то козакахъ, дѣлаетъ это довольно правдоподобнымъ.

Вишневецкій же тотчасъ ухватился за какіе-то новые планы на украинскомъ пограничьи, имѣлъ схватку съ Турками подъ Очаковымъ, потомъ предпринялъ какіе-то новые походы [2]). Несмотря на всѣ хлопоты, причиняемые имъ, онъ все-таки высоко цѣнился въ придворныхъ сферахъ; на сеймѣ его принимали и привѣтствовали съ особенною симпатіею, и когда онъ захворалъ въ то время—думалъ, что его отравили,—в. князь приказалъ своимъ лѣкарямъ лѣчить его [3]).

Еще не оправившись вполнѣ отъ болѣзни, неугомонный князь вмѣшался въ молдавскія дѣла—и здѣсь прокладывая дорогу для цѣлаго ряда козацкихъ вождей, до Тимоша Хмельницкаго включительно. Увлекъ его пріятель Альбрехтъ Ласкій, уже раньше вмѣшавшійся въ молдавскія дѣла, поддерживая узурпатора, т. наз.

---

[1]) Акты Ю. З. Р. II № 142—4.
[2]) Listy Z. Augusta c. 129, 131. [3]) Бѣльскій с. 1145.

Гераклида или Деспота, съ которымъ потомъ порвалъ отношенія. Подъ его вліяніемъ Вишневецкій тоже принялъ участіе въ молдавскихъ междоусобіяхъ. Противъ Деспота поднялось возстаніе подъ предводительствомъ Молдаванина Томши и среди этихъ замѣшательствъ Вишневецкому также подали надежду на воеводство: „нѣкоторые Волохи, не желая Томши, въ то время, когда Томшу провозгласили господаремъ, послали за Вишневецкимъ". Вишневецкій прибылъ съ козаками, но молдавскіе партизаны поддержали его слабо, и Томша безъ большихъ усилій разбилъ его войско [1]). Вишневецкій или Димитрашко, какъ называли его здѣсь, принужденъ былъ бѣжать, но ему измѣнили и выдали Томшѣ, а тотъ отослалъ Вишневецкого въ Константинополь, гдѣ ожидала его смерть. „Бѣдный Димитрашко со своими товарищами долженъ пріѣхать сюда сегодня или завтра утромъ", писалъ 15 октября 1563 г. французскій посолъ въ Константинополѣ, а двѣ недѣли спустя прибавляетъ: „Бѣдный Димитрашко лишь только прибылъ, какъ его величество султанъ приказалъ его убить (engaucher) съ другимъ знатнымъ вельможею изъ Польши по имени Писониски (Пясецкій), предлагавшимъ за свою жизнь пашѣ 20 тыс. дукатовъ; остальные его соратники отправлены на галеры, за исключеніемъ одного, служившаго Деспоту—его повѣсили" [2]).

Этотъ трагическій конецъ и героическая смерть Вишневецкаго, какъ образъ побѣды идеально настроеннаго духа надъ грубою физическою силою, символъ безсилія хищнаго басурманскаго міра побѣдить духовно міръ христіанскій—произвели сильное впечатлѣніе. Въ кругахъ украинскихъ, польскихъ, литовскихъ—по горячимъ слѣдамъ событій исторія смерти Вишневецкаго начала передаваться въ легендарныхъ, разнообразными поэтическими подробностями расцвѣченныхъ формахъ. Разсказывали, что онъ окончилъ жизнь, повѣшенный на крюкъ за ребро въ Царьградѣ, и висѣлъ такъ три дня, насмѣхаясь надъ Турками, такъ что послѣдніе, не выдержавъ этихъ надругательствъ, застрѣлили его и тѣмъ прекратили муку, на которую его обрекли. Удивляясь его

---

[1]) Бѣльскій с. 1148.

[2]) Charrière Negotiations de la France dans le Levant II с. 741—2 и оттуда у Hurmuzaki Dokumente privitore la istoria Romanilor, supplem. I vol. I с. 19. А. Крымскій, останавливаясь на этомъ эпизодѣ въ своей Исторіи турецкой литературы, предлагаетъ поправку въ духѣ позднѣйшей легенды о Байдѣ: encrocher, посадить на крюкъ; но такого слова не было, кажется, въ употребленіи.

отвагѣ и стойкости, они раздѣлили между собою его сердце и съѣли, чтобы проникнуться его смѣлостью и презрѣніемъ къ смерти, которое онъ проявилъ. Потомъ, съ теченіемъ времени, все больше ходячихъ поэтическихъ мотивовъ вплеталось въ этотъ разсказъ. Султанъ турецкій, изумленный храбростью и подвигами Вишневецкаго, пытается его привлечь на свою сторону, сдѣлать изъ него Турка, обѣщая всевозможныя милости, но Байда-Вишневецкій пренебрегаетъ всѣмъ этимъ и идетъ на страшную смерть, вмѣсто того, чтобы роскошествовать съ басурманами. Вися на крюкѣ, онъ проситъ дать ему лукъ и стрѣлы и стрѣляетъ въ Турокъ, даже въ самого султана [1]. Эти легенды обрабатывались и въ поэтической формѣ, и одна изъ такихъ поэтическихъ переботокъ, въ видѣ украинской народной пѣсни, перелетѣла къ намъ черезъ пропасть трехъ столѣтій, удержавшись въ устахъ народа.

Эта популярная пѣсня о Байдѣ распространена по всей украинской территоріи, отъ Галиціи до Заднѣпровья [2]. Игнорируя его жизнь, она занимается исключительно его героической смертью. Пренебреженіе къ жизни и житейской роскоши, презрѣніе къ смерти—ея руководящій мотивъ, и разрабатывая его, анонимный поэтъ вмѣсто историческаго образа князя-магната счелъ за лучшее изобразить своего героя въ видѣ типической фигуры гуляки-козака который необъясненнымъ ближе путемъ очутился въ Царьградѣ и пьянствуетъ тамъ:

В Царгороді на риночку
Ой пє Байда мед-горілочку;
Ой пє Байда—та не день не два,
Не одну нічку та й не годиночку.
Цар турецький к ньому присилає,
Байду к собі підмовляє:
„Ой ти, Байдо, та славнесенький
„Будь мені лицар та вірнесенький!
„Візьми в мене царівночку,
„Будеш паном на всю Вкраїночку!“
„Твоя, царю, віра проклятая,
„Твоя царівночка поганая!“
Ой крикнув цар на свої гайдуки:

[1]) См. легенды, собранные у Несецкаго Herbarz sub voce. См. также мою замѣтку въ X кн. „Записок Укр. Наук. Тов.“ о современной виршѣ, посвященной плѣну Вишневецкаго.

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ I с. 145—6; опускаю нѣкоторыя ненужныя амплификаціи и допускаю небольшія поправки. О поэтическихъ обработкахъ этого сюжета см. въ цитированной статьѣ: Байда-Вишневецький въ поезії й історії.

Візьміть Байду добре в руки,
Візьміть його повисїте,
На гак ребром зачепіте!
Ой висить Байда тай киваєть ся,
Та на свого джуру поглядаєть ся:
„Ой джуро мій молодесенький,
„Подай мині лучок та тугесенький:
„Ой бачу я три голубочки —
„Хочу я убити для його дочки!“
Ой як стрілив — царя вцїлив,
А царицю в потилицю,
Його доньку — в головоньку.

Богатство редакцій этой пѣсни свидѣтельствуетъ о ея широкой популярности. Трагическая смерть достойно увѣнчала бурную, блестящую жизнь [1]).

---

[1]) Замѣчу, что поэтическая традиція первыхъ временъ козачества, до Хмельницкаго включительно, нѣкогда, несомнѣнно чрезвычайно богатая и разнообразная, дошла къ намъ лишь въ видѣ незначительныхъ отрывковъ, которые не всегда могутъ дать представленіе объ ея быломъ видѣ. Причина та, что она жила только въ устной традиціи и систематически ее начали записывать лишь тогда, когда эта козацкая традиція вообще вымирала, а спеціально ея болѣе раннія части были оттѣснены, разбиты и затемнены въ памяти позднѣйшими циклами—эпохи Хмѣльницкаго, Руины, Гайдамачества. Кромѣ того памятники ея и изслѣдованы крайне недостаточно. Послѣ первыхъ пробъ собиранія памятниковъ народнаго творчества (сборники Ходаковскаго, Цертелева, Максимовича) они съ исторической точки зрѣнія, какъ источникъ для изученія былой украинской жизни, начали привлекаться для изображенія украинскаго прошлаго въ 1830—1840 годахъ. Таковы были попытки Гоголя, Кулиша (Украина, 1843) и особенно „Запорожская Старина“ Срезневскаго (6 книжекъ въ 1833—8 гг.). (Объ этихъ попыткахъ, ихъ задачахъ и руководящихъ идеяхъ статьи Ал. Грушевскаго: „З сороковихъ років“, львовскія Записки т. 83, 85, 89, объ этнографіи того времени Пыпина Исторія русской этнографіи т. III, В. Доманицкаго о Ходаковскомъ въ львов. Запискахъ т. 65, Ал. Грушевскаго о Максимовичѣ въ Извѣстіяхъ петерб. акад. 1906). Наряду съ цѣннымъ, подлиннымъ матеріаломъ эти труды 1830-хъ гг. ввели однако много поддѣльныхъ пѣсенъ, составленныхъ на темы лѣтописей и въ особенности популярной Исторіи Руссовъ, и замутили ими подлинную поэтическую традицію. Особенно Срезневскій наводнилъ ими свою Запорожскую Старину и внесъ большую путаницу въ представленія объ этой традиціи; но и другіе, болѣе критическіе изслѣдователи, какъ Максимовичъ, Костомаровъ, Кулишъ не сумѣли вполнѣ оградить себя отъ этихъ фальсификатовъ. Задачу критической очистки традиціи поставилъ себѣ Косто-

маровъ въ статьяхъ „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ (Бесѣда 1872),—неоконченныхъ и продолженныхъ много спустя подъ загл.: Історія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества (Рус. Мысль 1880 и 1883), но въ общемъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи не много. Въ 1874 г. вышелъ первый томъ труда „Историческія пѣсни малорусскаго народа“ Антоновича и Драгоманова, содержавшій сборникъ пѣсенъ до эпохи Хмельницкаго; но критикѣ подлинности здѣсь удѣлено не много мѣста: въ предисловіи перечислены пѣсни, пропущенныя въ виду ихъ сомнительнаго характера, въ текстѣ къ нѣкоторымъ пѣснямъ, вошедшимъ въ сборникъ, даны краткія замѣчанія объ ихъ подозрительныхъ признакахъ; главное вниманіе обращено было на комментированіе исторической основы пѣсенъ. Новый критическій пересмотръ этой категоріи пѣсень задумалъ дать Ив. Франко въ своихъ „Студіях над народнїми піснями“ (львовскія Записки, т. 75, и сл., и отдѣльной книжкой, 1908); онъ пытается отыскать въ нашемъ современномъ запасѣ пѣсенъ болѣе древній пѣсенный репертуаръ, XVI—XVII в., основываясь на бытовыхъ примѣтахъ, историческихъ отзвукахъ, и наконецъ,— на размѣрѣ пѣсенъ (трудъ не законченъ).

Спеціальная литература историческихъ пѣсенъ до эпохи Хмельницкаго: Науменко Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ (Кіевск. Старина, 1883, VI). Андріевскій—Козацкая дума о трехъ братьяхъ азовскихъ, 1884. Сумцовъ—Къ вопросу о происхожденія думы о смерти козака бандуриста (Культурныя Переживанія гл. 69—К. Стар. 1889, IX) и Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ (ib. 1894, I). С. Томашівський Маруся Богуславка в українській лїтературі (Лїт.-Наук. Вістник. 1901). Ів. Франко Козак Плахта (львов. Записки т. 47, 1902). Дашкевичъ Олексій Попович думы „Про бурю на Чорному морі“ (оттискъ изъ юбилейнаго сборника Антоновича, 1905). Общіе труды о т. наз. думахъ: Неймана Dumy ukraińskie (Ateneum, 1885), Лисовскаго Вопросъ о происхожденіи малорусскихъ думъ, 1891, Житецкаго Мысли о малорусскихъ думахъ, 1892, Тершаковца Beziehungen der ukrainischen historischen Lieder resp. Dumen zum südslavischen Epos (Archiv т. 29); библіографическая статья Ткаченка-Петренка Думы въ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ (Україна, 1907) и мое примѣчаніе въ т. VI історії України с. 614.

Съ формальной стороны весь запасъ историческихъ пѣсенъ распадается на пѣсни симметрическаго склада, или т. наз. историческія пѣсни, и пѣсни неравносложныя, обычно наз. думами. Интересный вопросъ о происхожденіи и развитіи этой характерной асимметрической, разносложной формы остается, къ сожалѣнію, невыясненнымъ, между тѣмъ оно бросило бы свѣтъ на эволюцію поэтической традиціи козачества, такъ какъ представляется весьма вѣроятнымъ, что въ новую форму думъ облекались сплошь да рядомъ болѣе старыя пѣсни, а не переработанныя очень часто вымирали, не выдерживая конкурренціи съ новой, болѣе

популярной и свободной формой, дававшей широкое мѣсто импровизаціи и варіаціямъ темы.

Что касается содержанія, то оставляя въ сторонѣ украинскія обработки общихъ, странствующихъ темъ, въ которыя лишь механически вставленъ иногда какой-либо „козакъ", имѣемъ серію, довольно большую, пѣсенъ историческихъ въ болѣе широкомъ смыслѣ или историко-бытовыхъ, рисующихъ намъ козачество и жизнь того времени въ типическихъ образахъ безъ связи съ конкретными лицами или событіями. Таковы пѣсни о татарскихъ нападеніяхъ и плѣнникахъ (Антоновичъ и Драгомановъ № 21, 22, 25, 26, 28, 29), невольничьи плачи (ib. № 30, 31), думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова и смерти трехъ бѣглецовъ надъ Самарой (№ 35 и 51)—отрывки прекраснаго „невольничьяго" цикла. Затѣмъ, пѣсни о козацкихъ бояхъ въ степяхъ—такова дума о козакѣ Голотѣ (ib. № 43), о степной стражѣ (№ 36—9, ср. замѣчанія и матеріалы къ этой пѣснѣ у Франка № 8), о смерти козака въ степи (Антоновичъ и Драгомановъ № 58—60, Франко № 9). Наконецъ циклъ пѣсенъ о козацкомъ обычаѣ—какъ старая запись пѣсни о козакѣ и Кулинѣ (пѣсня козака Плахты) и серія пѣсенъ объ отношеніяхъ къ женщинѣ, дѣвушкѣ, семьѣ—часть ихъ сгруппирована Франкомъ на основаніи особенностей ихъ стихосложенія (Студії с. 154).

Вторую категорію составляютъ историческія пѣсни въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, рисущія извѣстныя конкретныя событія или личности. Эта вторая категорія въ данномъ случаѣ однако не отличается рѣзко отъ первой, такъ какъ событія и личности въ ней очень мало индивидуализированы: главнымъ образомъ встрѣчаемъ здѣсь лишь имена довольно механически или даже случайно присоединенныя къ типамъ или историко-бытовымъ картинамъ. Къ этой категоріи кромѣ пѣсенъ уже безвозвратно изъятыхъ изъ историческаго репертуара, какъ фальсифицированныя, а также несомнѣнно поддѣльныхъ, но еще принятыхъ, хотя и съ сомнѣніями, въ собраніе Антоновича и Драгоманова, какъ пѣсни о „Лядськомъ-рогѣ" (Лянцкоронскомъ) и Свирговскомъ (Антоновичъ и Драгомановъ I, № 39 и 41), принадлежатъ пѣсни о Байдѣ Вишневецкомъ, о гетьманѣ Богданѣ въ траурѣ, дума о Самійлѣ Кішкѣ, съ упоминаніемъ о Сем. Скалозубѣ, объ Олексіѣ Поповичѣ, съ упоминаніемъ о гетманѣ Зборовскомъ, пѣсни о взятіи Варны и о Сагайдачномъ. Во всѣхъ ихъ упоминаемыя историческія событія сохранили очень мало реальнаго, историческія личности превратились въ типическія фигуры—такъ Вишневецкій и Сагайдачный совершенно незаслуженно изображенны въ видѣ забубенныхъ гулякъ—Запорожцевъ, или же уцѣлѣли лишь ничего не говорящія голыя упоминанія.

Наконецъ въ третьей категоріи пѣсенъ историко-бытовыя картины связывается съ совершенно не извѣстными намъ именами. Таковы, напр., думы о Марусѣ Богуславкѣ, Иванѣ Богуславцѣ, Федорѣ Безродномъ, пѣсни о смерти Коваленка, о козакѣ Авраменкѣ и т. п. Ихъ не всегда возможно отграничить отъ такихъ

пѣсенъ, въ которыхъ героямъ приданы характеристическія имена (какъ козакъ Голота, а быть можетъ и упомянутый Федоръ Безродный), но это и не такъ ужъ важно. Какъ правило можно принять, что основой пѣсни служитъ дѣйствительный фактъ. Сохранитъ ли она при этомъ конкретное имя лица, или утеряетъ его, это въ сущности ничего не измѣняетъ. Пѣсня совершенно свободно обрабатываетъ поэтическіе эпизоды или темы, связанныя съ извѣстными громкими историческими именами, произвольно переноситъ эти имена на событія совершенно имъ чуждыя, и точно также и еще въ меньшей мѣрѣ она чувствуетъ себя стѣсненной темой съ случайно сохранившися именемъ какого либо никому неизвѣстнаго Коваленка или Авраменка. Въ общемъ отъ всего этого періода мы имѣемъ въ народной поэзіи лишь исторически-бытовыя картины, въ которыхъ имена не играютъ почти никакой роли.

III.

Ростъ и организація козачества въ предпослѣднія десятилѣтія XVI вѣка.

Развитіе и сплоченіе козачества въ срединѣ XVI в. Правительственныя реформы Сигизмунда-Августа и Баторія; ихъ безплодность съ правительственной точки зрѣнія и значеніе для развитія козацкаго класса и организаціи. Козацкія „своеволія“ и правительственныя мѣропріятія 1585—1590 гг.

Такимъ образомъ дѣятельность Вишневецкаго съ его планами, обѣщавшими радикально измѣнить отношенія въ Черноморьѣ, организовавъ по всей линіи борьбу съ „бусурманскимъ“ міромъ, легализовавъ козацкую партизанскую войну и одновременно придавъ ей болѣе широкіе и опредѣленные размѣры, болѣе организованныя формы, — безнадежно погибла въ неблагопріятныхъ конъюнктурахъ международной политики. Не разрѣшила козацкаго вопроса, лишь принесла еще больше броженія, раскрыла болѣе широкіе горизонты передъ козачествомъ и его вождями, окрылила ихъ еще болѣе смѣлыми идеями. А польско-литовское правительство осталось все въ томъ же положеніи—въ необходимости всяческой цѣной добиваться добрыхъ отношеній съ Крымомъ и Турціею, въ виду новой войны за Ливонію, поглощавшей всѣ силы Литвы и не позволявшей серьезно думать о сколько-нибудь серьезной оборонѣ южныхъ границъ. И для поддержанія этихъ добрыхъ отношеній необходимо было всячески успокаивать козаковъ и удерживать отъ нападеній на турецкіе и татарскіе улусы.

И литовское правительство снова разсылаетъ циркуляры пограничнымъ старостамъ, приказывая имъ не позволять ни своимъ слугамъ, ни козакамъ затрагивать Татаръ, чтобы не нарушать мира съ ними, пропускать ихъ свободно, если они будутъ итти въ московскія земли и т. п. [1]). Имѣемъ такой циркуляръ отъ

[1]) Акты Ю. З. Р. II № 140, Посл. кн. I № 130.

1560 г., въ которомъ в. князь ввиду жалобъ бѣлгородскаго санджака на обиды турецкимъ подданнымъ, которыя причиняются имъ „изъ Кіева, Бѣлой-Церкви, Брацлава, Винницы, Черкасъ и Канева“, запрещаетъ даже подстерегать Татаръ на дорогахъ, которыми они вторгались въ литовскія земли, не только посылать людей въ степи за добычей, приказывая ограничиваться чисто пассивной обороной, и даже еще меньше: „естли бы люди непрыятельскіе у границы панства нашого пришодшы каковую шкоду вчынили, за таковыми у погоню нехайбы шли и подданымъ нашимъ ратунокъ и оборону чинили, а для иныхъ никоторыхъ причинъ жебы твоя милость служебникомъ своимъ и козакамъ на поле ходити не велѣлъ“ [1]).

Но, если уже раньше подобные приказы не приводили ни къ чему, тѣмъ болѣе теперь украинскіе старосты—даже если бы хотѣли проводить эту малодушную, слишкомъ сдержанную съ точки зрѣнія каждаго пограничника правительственную програму— они не могли удержать козачество въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, въ какія хотѣло втиснуть его правительство. За послѣднія десятилѣтія козачество непрерывно возрастало численно, а недавнія событія—попытки агрессивной борьбы съ Крымомъ, планы Вишневецкаго, превращавшіе козачество въ самостоятельный факторъ международной политики и учившіе его искать точку опоры въ соперничествѣ сосѣднихъ государствъ, — должны были неизмѣримо поднять козачество въ его собственныхъ глазахъ. Оно и его вожди почувствовали себя годными къ кое-чему болѣе достойному, нежели исполненіе порученій пограничныхъ старостъ, и все больше и больше освобождаясь изъ подъ вліянія послѣднихъ, дѣйствовали вполнѣ самостоятельно. На низовьяхъ Днѣпра козачество утверждалось все болѣе прочно, а на всякій случай въ запасѣ у него были опорныя точки въ пограничныхъ городахъ московской Украины, у путивльскихъ и донскихъ козаковъ, у пограничныхъ московскихъ воеводъ. И нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія упомянутаго приказа пограничнымъ старостамъ, литовское правительство принуждено было констатировать, что козаки „з замковъ и местъ украиныхъ безъ росказанія и ведомости господарское и старостъ украиныхъ зъехавши, на Низу на Днепре на полю и на иныхъ входахъ перемешкиваютъ“, совершенно

---

[1]) Акты Ю. З. Р. II № 137, такія письма были отправлены воеводѣ кіевскому, старостѣ черкасскому и брацлавскому.

„своволные“, не обращая вниманія на правительственные и старостинскіе наказы, и продолжають причиняють „великие шкоды и лупезства“ турецкимъ пастухамъ и улусамъ и крымскимъ кочевьямъ [1]).

Правительство рано или поздно должно было убѣдиться, что при полномъ недостаткѣ исполнительной власти, при недоступности для него степей, гдѣ козачество устраивалось все болѣе прочно, разсчитывая на помощь и покровительство со стороны пограничной московской администраціи,—одними приказами и запрещеніями ему ничего не добиться: необходимо было дать козачеству какую-либо компенсацію взамѣнъ степныхъ промысловъ, въ видѣ жалованья изъ государственной казны, и какую-либо цѣль и занятіе—въ видѣ государственной службы. Отъ системы запрещеній и неудачныхъ попытокъ контроля польско-литовское правительство такимъ образомъ возвращалось къ старымъ планамъ 1520—1530 годовъ—организаціи государственнаго военно-служилого козачества. Прецеденты послѣднихъ лѣтъ пріучили къ этой мысли, сдѣлали ее простою и понятною; государственныя субсидіи для Вишневецкаго и его козаковъ изъ литовской и московской казны, употребленіе козаковъ для военной службы на государственный счетъ во время ливонской войны — подготовляли планъ, къ осуществленію котораго приступаетъ польско-литовское правительство въ концѣ 1560-хъ годовъ.

Эти правительственные опыты организаціи козачества сами по себѣ были неудачны, велись безъ необходимой выдержки и системы, ни разу не сумѣли найти надлежащихъ способовъ для своего полнаго осуществленія и неизмѣнно застрѣвали въ дебряхъ финансовыхъ препятствій, для того чтобы немного спустя, подъ давленіемъ заграничной политики—необходимости „успокоенія козаковъ“, начать снова ту же процедуру. Съ точки зрѣнія правительственной программы, имѣвшей цѣлью взять въ свои руки козачество и, выбравъ изъ его среды болѣе солидные и надежные элементы и организовавъ ихъ, отдать это организованное козачество на службу правительственнымъ планамъ и видамъ — всѣ эти старанія потерпѣли полное фіаско. Но они имѣли чрезвычайно важное значеніе для эволюціи самого козачества, давъ результаты совершенно неожиданные съ точки зрѣнія правительственной программы, но очень цѣнные для формированія козачества,

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. III. I № 3.

какъ общественинаго класса и политической силы. Мѣстной украинской жизни, уже насыщеной козацкимъ элементомъ, они дали импульсы, ускорившіе кристаллизацію козацкого элемента въ извѣстныя общественныя и правовыя формы, живое сознаніе своего политическаго и соціальнаго значенія и вмѣстѣ съ тѣмъ—усиленное развитіе козачества и ростъ его силъ.

Чтобъ оцѣнить съ этой точки зрѣнія значеніе реформы 1570 г. и дальнѣйшихъ повтореній „постановеня съ козаками“ и козацкихъ наборовъ въ правленіе Баторія и Сигизмунда III, точно такъ же какъ и ихъ вліяніе на формированіе и эволюціонную энергію козачества, постараемся прежде всего уяснить себѣ вопросъ—насколько козачество своею собственною эволюціею подготовило въ себѣ извѣстные внутреннія средства и формы организаціи, и какъ далеко оно зашло въ этомъ организаціонномъ процессѣ ко времени этихъ реформъ.

Въ предыдущей главѣ мы константировали, что, несмотря на ростъ своихъ силъ, весьма замѣтный на протяженіи первой половины XVI в., козачество таки еще не организовалось въ какой-либо общественный класъ и даже едва замѣтно, какъ общественная группа. „Козакуютъ“ различные общественные элементы изъ украинскаго пограничья, но при этомъ не выступаютъ какъ козаки по спеціальности, по роду жизни. Есть козачество de facto, но нѣтъ его de jure. Козацкіе контингенты возрастаютъ все больше, но это подвижные кадры, которые мобилизуются для похода, для степной кампаніи, и по окончаніи ея растворяются въ различныхъ общественныхъ группахъ почти безъ остатка.

Мы отмѣтили въ началѣ второй половины XVI в. (въ переписи 1552 года) лишь очень незначительные осадки козаковъ, какъ общественной группы, и то только въ приднѣпровскихъ замкахъ—главныхъ очагахъ ихъ дѣятельности, въ Черкасахъ и Каневѣ, среди самыхъ низшихъ категорій населенія—людей бродячихъ, неимущихъ, бездомныхъ, всего въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, тогда какъ общая численность козацкихъ контигентовъ, мобилизировавшихся въ разныхъ военныхъ предпріятіяхъ, должна была превышать десятокъ тысячъ, и вскорѣ походы въ 2—3 тысячи козаковъ становятся довольно обычнымъ явленіемъ.

Главная масса козаковъ скрывается въ разныхъ общественныхъ слояхъ, не выдѣляясь изъ нихъ, такъ какъ признаваться въ „козачествѣ“, какъ своей общественной позиціи, объявлять

себя козаковъ—не было никакого интереса. Это не давало никакихъ правъ и привилегій, никакой выгоды, а наоборотъ—ежеминутно могло втянуть въ какую-нибудь исторію, накликать отвѣтственность за какой-либо козацкій проступокъ и своеволіе.

Козачество, какъ понятіе правовое, еще не существуетъ. Изъ козацкаго ремесла, „козацкаго хлѣба“, какъ называется козацкій спортъ и козацкій грабежъ позднѣе, мѣстная администрація сдѣлала доходную статью, наложивъ извѣстнаго рода подать на козацкіе заработки, забирая на „замокъ“ львиную долю изъ козацкой добычи, точно такъ же какъ изъ продуктовъ уходничества: козачество она трактуетъ тоже, какъ родъ уходничества, и собираетъ съ него дань за такое „пользованіе“ степями и уходами. Мы видѣли, что мѣщанство пограничныхъ городовъ было очень недовольно этими поборами и добивалось свободнаго, безданнаго пользованія уходами и степными промыслами за свою военную службу [1]: это прецендентъ позднѣйшихъ аналогическихъ козацкихъ претензій. Но эти ссылки на службу не были признаны, и мѣщанство принуждено было покориться тяжелой рукѣ мѣстныхъ старостъ-намѣстниковъ, точно такъ же и другія группы мѣстнаго населенія.

Кто занимался козачествомъ, еще не выходилъ благодаря этому изъ своего общественнаго класса, не освобождался отъ связанныхъ съ нимъ обязанностей. Земяне несли свои военно-служилыя обязанности, мѣщане оставались подъ управленіемъ замка и властью старосты, поданные—подъ властью своего помѣщика. Козачество не освобождало еще ни этихъ козаковавшихъ мѣщанъ, ни помѣщичьихъ поданныхъ отъ мѣщанскихъ и подданскихъ даней и службъ и той юрисдикціи и власти, которая тяготѣла надъ ними.

Козаки—хозяева тоже не видѣляются въ переписяхъ пол. XVI в. въ общей массѣ осѣдлого мѣщанства—они „тянутъ“ наравнѣ съ ними, и только о неосѣдлыхъ козакахъ люстраторъ отмѣчаетъ особо, что и они, подобно осѣдлымъ мѣщанамъ, платятъ колядку, а вмѣсто даннаго сѣна, косятъ сѣно на замокъ [2]).

Спустя пятьдесятъ лѣтъ эти мѣщане и крестьяне—козаки рѣзко отличаются отъ мѣщанъ и подданныхъ, продолжавшихъ нести свои обязанности и подчиняться власти своихъ помѣщиковъ

---

[1]) См. выше с. 71—2, 122.

[2]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 82, 95.

и старостъ: эти козаки изъ мѣщанъ и крестьянъ непослушны, они не подчиняются власти старосты или владѣльца и не платять ему ничего. Это—новый фазисъ въ борьбѣ украинскаго населенія съ господствующимъ классамъ; въ первой стадіи съ фискальными поборами и произволомъ мѣстной администраціи борются вообще крестьяне и мѣщане, и козачество особо не выступаетъ; въ новой стадіи выступаютъ именно оказачившіеся мѣщанскіе и крестьянскіе элементы, отказывая въ повиновеніи и дани всякой власти—будь то помѣщичья или государственная. Въ первой половинѣ XVI в. они не видѣли еще за собою правъ на такія требованія—вообще на какія бы то ни было спеціальныя права и привилегіи. Правовую мотивировку принесли имъ правительственныя распоряженія 1570—1590-хъ годовъ—и выдѣлили козачество въ особую общественную и юридическую группу, претендующую на спеціальныя права.

До этого козачество только занятіе, а не общественный классъ. Впервые отъ 1560—1 гг. имѣемъ великокняжескія грамоты, въ которыхъ среди различныхъ классовъ украинскаго населенія упоминаются и козаки, но это, очевидно, стоитъ еще въ связи съ спеціальнымъ содержаніемъ этихъ грамотъ: вел. князь предостерегаетъ Черкасцевъ и Каневцевъ, чтобы они не трогали Татаръ. Въ одномъ случаѣ рѣчь идетъ о ханскихъ слугахъ, имѣвшихъ проѣзжать черезъ Черкасы и Каневъ, въ другомъ—о татарскомъ войскѣ, двигающемся въ московскія земли. Вел. князь приказываетъ старостѣ и его чиновникамъ „и тежъ бояромъ, мѣщаномъ, козакомъ и всимъ подданымъ нашимъ тамошнимъ“ не причинять Татарамъ никакого вреда и не трогать ихъ [1]). Козаки упомянуты, очевидно, потому, что нападенія на Татаръ были ихъ спеціальностью. Восемь лѣтъ спустя в. князь обращается къ козакамъ уже спеціально и исключительно, по вопросу ихъ организаціи.

Если козачество на протяженіи всей первой половины XVI в. не составляло даже опредѣленной общественной группы, тѣмъ меньше при такихъ условіяхъ можно ожидать какихъ-либо формальныхъ кадровъ, ихъ представителей, должностныхъ лицъ. То, на что указывалось, въ этой области разными изслѣдователями какъ на слѣды козацкой организаціи, козацкихъ властей, при ближай-

---

[1]) Акты Ю. З. Р. II № 138 и 140.

шемъ разсмотрѣніи не можетъ считаться такими слѣдами [1]). Мы не видимъ еще надъ первоначальными клѣточками козацкой организаціи, какими были степныя, отхожія ватаги, никакой другой прочной организованной формы; есть только подвижныя казацкія дружины, собирающіяся для извѣстнаго нападенія, похода, экспедиціи. Самое большее, если въ моменты наибольшаго развитія козацкой энергіи ихъ дружины совершаютъ серію походовъ болѣе или менѣе въ томъ же составѣ, подъ предводительствомъ тѣхъ же вождей. Такъ напр. нѣсколько экспедицій 1545 г. (разгромъ каравана на Санджаровѣ за Днѣпромъ и нападеніе на Очаковъ) совершены были подъ предводительствомъ однихъ и тѣхъ же вождей—Карпа Масла, Яцка Бѣлоуса, Андрушка [2]). Одинъ изъ нихъ—Карпо Масло упоминается среди предводителей козацкихъ нападеній предшествующаго времени (Солтанецъ,

---

[1]) Выше я говорилъ уже (с. с. 110-1, 117) о „Щуровой ротѣ“ начала XVI в., что ее нѣтъ основаній считать ротой спеціально козацкой, хотя ее принимаютъ за таковую и новѣйшіе изслѣдователи—какъ Яблоновскій (Ukraina с. 413). Въ другомъ документѣ отъ начала XVI в. (безъ указанія года, изъ времени управленія Черкасами Василіемъ Дашковичемъ Глинскимъ, т. е. отъ 1504—7 гг.) выступаетъ въ адресѣ „отаманъ черкасскій“ (намѣстнику черкаскому князю Василію Дашковичу, а не будетъ его самого въ Черкасахъ, ино его наместнику черкаскому и отаману и войту и всѣмъ мѣщанамъ черкаскимъ—Акты Юж. и Зап. Рос. II № 123, титулъ этотъ провѣренъ для меня по оригиналу). Въ этомъ черкасскомъ атаманѣ усматриваютъ тоже атамана спеціально козацкаго (Крипякевич—Козаччина і Баторієві вільности с. 17), но для этого нѣтъ данныхъ. Атаманы извѣстны намъ въ Кіевскихъ земляхъ во вторую половину XV в. въ роли, аналогичной съ атаманами—сельскими старшинами Зап. Украины (см. т. V с. 367); адресуя свое посланіе „атаману и войту“ г. Черкасъ, правительство, очевидно, имѣло въ виду городскія власти, какъ объясняетъ это дальнѣйшее упоминаніе „всѣхъ мѣщанъ“ (о казакахъ не упоминается). Оба обозначенія „атаманъ и войтъ“ могутъ имѣть въ виду одно лицо—старшину городской общины, какъ бы онъ не назывался. Козацкаго атамана въ Черкасахъ нѣтъ еще даже въ концѣ XVI вѣка и не замѣтно никакого слѣда его существованія за все это столѣтіе. Теорію городскихъ козацкихъ общинъ и атамановъ въ первой пол. XVI в. (Каманинъ ор. с.с. 96, Крипякевичъ l. с.), очевидно, нужно оставить.

[2]) Наряду съ ними есть имена, не повторяющіяся въ документахъ объ этихъ казацкихъ походахъ: Лесунъ въ санджаровскомъ эпизодѣ, Мануйло въ очаковскомъ. См. источники, указанные выше с. 142—3.

Вороча и Масло) [1]). Въ томъ фактѣ, что нѣкорые вожди остаются во главѣ козачества на протяженіи извѣстнаго времени, въ рядѣ экспедицій, есть несомнѣнно симптомъ внутреняго сцѣпленія козачества, весьма интересный и цѣнный, но все-таки ни болѣе широкихъ организованныхъ формъ, ни организованного представительства у казачества въ это время не находимъ [2]).

Болѣе широкія организованныя формы даетъ козачеству правительство, въ интересахъ военно-полицейскихъ, и изъ тѣхъ же полицейскихъ соображеній создаетъ спеціально козацкія власти и козацкую юрисдикцію—чтобъ было къ кому обратиться съ жалобами на козаковъ, черезъ кого привлечь ихъ къ отвѣтственности. Самому козачеству не было никакого интереса видвигать какое-бы то не было официальное представительство, официальныя формы организаціи. И оно дѣйствительно ихъ не имѣло—не скрывало ихъ. Для него пока достаточно было того внутренняго единства, тѣхъ внутреннихъ связей какія проникали его и давали возможность мобилизироваться, двигаться дружно и стройно подъ воздѣйствіемъ каждаго болѣе сильнаго импульса.

Расплываясь въ общественномъ строѣ „волости“, какъ называли тогда осѣдлую территорію пограничныхъ старостствъ, покоряясь тяжелой рукѣ пограничной администраціи, не обнаруживая здѣсь своихъ организаціонныхъ формъ, своихъ штабовъ и кадровъ, казачество имѣло однако свою сферу, гдѣ могли свободно проростать и развиваться зародыши его организаціи, гдѣ развивались и расширались фактическія связи, замѣнявшія до времени организованныя формы. Этою сферою была степь, привольная и недоступная ни для какого контроля правительственной власти. Здѣсь развивалось козачество, какъ занятіе, здѣсь организовалось оно въ извѣстныя, правда—довольно примитивныя

---

[1]) Акты Зап. Рос. II № 150.

[2]) „Козака старшого“ въ запискахъ Претвича (см. выше стр. с. 127), очевидно, тоже слѣдуетъ понимать въ смыслѣ предводителя данной козацкой ватаги, а не какого-либо чина козацкой администраціи—„козацкаго старшого“ въ позднѣйшемъ значеніи: для этого еще нѣтъ никакихъ данныхъ. Тогда Претвичъ, какъ и другіе старосты, старались затереть самое сушествованіе казачества въ ихъ округахъ, и правительство заявляло, что въ козачество ходятъ никому неизвѣстные бродяги, большею частью заграничные; поэтому совершенно недопустимо, чтобы въ это время были какіе-либо официальные казацкіе „старшіе“ и съ ними ходили въ свои походы эти пограничные старосты.

формы, которыя, однако, силою своего единства и внутренняго тяготѣнія, какъ я уже говорилъ, восполняли недостатокъ высшихъ организованныхъ формъ.

Основною клѣточкою была военно-промысловая „ватага“, заключавшая въ себѣ отъ нѣсколькихъ человѣкъ до нѣсколькихъ десятковъ ихъ съ „атаманомъ“ во главѣ. Характеръ степного промысла настоятельно требовалъ такой коопераціи: трудно было вести промыселъ въ одиночку, и это сначала заставляло уходниковъ соединяться въ такіе союзы. Вѣроятно подобныя ватаги имѣли въ виду мѣщане въ своихъ жалобахъ на нововведенія старостъ въ 1530-хъ годахъ, разсказывая, что „передъ тымъ они пять або шесть парсунъ собравшися одну куницу шерстью старосте ношивали“ [1]). Такія коренные пять-шесть человѣкъ“ и составляли, вѣроятно, то ядро военно-промысловой ватаги, которое могло дополняться приходящими членами до количества нѣсколькихъ десятковъ. На бо́льшую численность ватаги указываютъ значительные поборы, какіе брали въ качествѣ поклона съ „ватаги“ старосты въ половинѣ XVI в., кромѣ части добычи: семь солянокъ, т. е., большихъ бочекъ разнаго зерна, и другіе припасы [2]). Это было большое хозяйство, требовавшее энергическаго и разумнаго старшого, „отамана.“ Названіе атамана, какъ ея старшого, стоитъ въ тѣсной связи съ „ватагою“, какъ компаніей промышленниковъ: „ватаги“ съ „ватаманами“ во главѣ извѣстны еще въ XIII в. на бѣломорскомъ побережьѣ [3]) и дожили до нашего времени на черноморскомъ побережьѣ, гдѣ и сейчасъ тоже занимаются рыболовствомъ „ватаги“ во главѣ со своимъ „отаманомъ“. Эта живучесть и тѣсная связь указанныхъ терминовъ говоритъ о значительной консервативности этой кооперативной формы, и за отсутствіемъ болѣе раннихъ извѣстій объ этихъ промысловыхъ ватагахъ, нынѣшнее ихъ устройство и практика на Черноморьѣ во многомъ можетъ пояснить порядки прежняго времени,

---

[1]) Архивъ Р. З. Р., VIII V с. 10.

[2]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 85.

[3]) Изъ двинскихъ грамотъ 1294 г.: „Како есть докончалъ съ Новгородомъ, ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватамманъ Ондрей Критцкый (у Срезневскаго, Матер. для словаря sub voce). Слово „ватага“ встрѣчается и въ Кіевской лѣтописи, въ приложеніи къ Половцамъ („возвратишася к ватагамъ своимъ“), (подъ 1190 г.). Слово это, какъ и ватаманъ, должно быть, принесено было въ наши степи Тюрками, и можетъ быть эти два слова стоятъ въ лексической связи между собою.

не только XVI, но и предшествующихъ столѣтій. Теперешнія ватаги составляются изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, обыкновенно не меньше тридцати; они выбираютъ себѣ атамана, ведутъ артельное хозяйство и въ концѣ кампаніи дѣлятъ добычу: половину беретъ хозяинъ промысла (онъ соотвѣтствуетъ въ данномъ случаѣ старой замковой власти), остальное дѣлятъ члены ватаги; но атаманъ получаетъ два или три пая, въ то время, какъ другіе члены ватаги—только по одному [1]).

Это та основная клѣточка, протоплазма общиннаго строя, уцѣлѣвшая подъ тяжелой рукой пограничной администраціи, задавившей высшія формы общественнаго самоуправленія, и перешедшая изъ древнихъ временъ въ новую, козацкую жизнь.

Какъ легко можно себѣ представить, подобныя ватаги изъ года въ годъ должны были промышлять болѣе или менѣе на однихъ мѣстахъ, гдѣ имъ хорошо была извѣстна мѣстность, условія и шансы промысла. Съ другой стороны, онѣ имѣли тенденцію становиться почти постоянными жителями этой мѣстности, по мѣрѣ развитія промысловъ и еще болѣе—старостинскихъ поборовъ. Люстраторамъ половины XVI в. администрація поднѣпровскихъ замковъ жалуется на „переказы“ (убытки), причиняемые въ уходахъ козаками, которые на этихъ степныхъ промыслахъ „уставичъне (постоянно) живуть на мясе, на рыбе, на меду зъ пасекъ, зъ свепетовъ, и сытятъ тамъ собе медъ яко дома“ [2]). Эти степные сибариты, какими представляетъ ихъ здѣсь люстрація, очевидно готовы были переносить всѣ непріятности суровой степной зимы, отрѣзанные на долгіе мѣсяцы отъ остального міра свѣта, лишь бы уйти отъ тяжелаго контроля и обременительныхъ поборовъ замковой администраціи, съ которымъ было связано возвращеніе „на волость“ на зиму. Замковыя власти были безсильны въ степяхъ и пользовались возвращеніемъ уходниковъ на зимовье въ города, чтобы сводить съ ними свои счеты—собирать поборы съ продуктовъ промысловъ и татарской добычи и чинить расправу, надъ кѣмъ находили нужнымъ. Тѣмъ, кому угрожала какая-либо непріятность отъ замковой власти, или тѣмъ, хто не хотѣлъ дѣлиться съ нею „козацкимъ хлѣбомъ“, лучше было не возвращаться въ замки, а проживать „уставичне“ въ степяхъ, по возможности устраиваясь

---

[1]) Щербина Очерки южнорусскихъ артелей с. 176 и сл. Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтав. губ. VI с. 131.

[2]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 103.

здѣсь „яко дома". Правда, съ этимъ, кромѣ неудобствъ зимней поры, были связаны еще различныя затрудненія въ сбытѣ уходнической добычи и пріобрѣтеніи провіанта и всякой сиасти. Но очевидно уходники умѣли находить выходъ, устраивая торги на границѣ московской и татарской и умудрялись получать себѣ припасы изъ пограничныхъ украинскихъ городовъ, хотя и съ разными затрудненіями. Въ то время и позже запрещеніе провоза въ степи и на Низъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ—муки, пороху, свинцу и т. п., было одной изъ наиболѣе сильныхъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ козакамъ въ рукахъ пограничной администраціи.

Для пограничной администраціи такое осѣданіе военно-промысловаго козачества въ степяхъ было, разумѣется, непріятно, такъ какъ уменьшало доходы отъ уходниковъ и ослабляло ея престижъ и власть надъ мѣстнымъ населеніемъ. Она старалась по возможности воспрепятствовать этому процессу—какъ ни былъ онъ цѣненъ съ точки зрѣнія колонизаціи. Между прочимъ, по этимъ же соображеніямъ, очевидно, она не позволяла уходникамъ строить укрѣпленій на степныхъ промыслахъ; на это жаловались мѣщане еще въ 1540-хъ гг.—что староста не позволяетъ имъ строить „городковъ" (укрѣпленныхъ пунктовъ) въ уходахъ [1]). Но всѣ эти препятствія не могли имѣть рѣшающаго значенія и такіе „городки" продолжали строиться, а строясь—служили опорными пунктами для военно-промысловаго населенія въ его переходѣ къ „уставичному" пребыванію. Они служили охраною и защитою для уходническихъ ватагъ, связывали ихъ новыми узлами, тѣмъ болѣе, что и сама по себѣ тревожная обстановка здѣшняго промысла и потребность обороны, какъ я уже указывалъ, заставляли ихъ объединяться фактически въ болѣе широкіе союзы. Главнымъ образомъ по артеріи Днѣпра было поставлено много такихъ „городковъ" (укрѣпленныхъ пунктовъ). Въ сохранившемся до нашего времени описаніе экскурсіи гетмана Язловецкаго въ Приднѣпровье 1571 г. указываются такія „главнѣйшія крѣпости на Днѣпрѣ": Базавлукъ — въ 35 мил. отъ Черкасъ, Хортица—въ 40 мил., Бѣлозерскій острогъ въ 47 мил. [2]). Это главнѣйшія; болѣе мелкихъ должно было быть много.

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. VII. II с. 372.

[2]) У Папроцкаго Herby изд. Туровскаго с. 221—2. Разстоянія указаны ошибочно: Хортица къ Черкасамъ ближе, чѣмь Базавлукъ.

Папроцкій, описывая пребываніе Зборовскаго въ Запорожьѣ въ началѣ 1580-хъ годовъ, представляетъ мѣстное промышленное населеніе въ видѣ одной организованной коопераціи. Эпизодъ этотъ описанъ по горячимъ слѣдамъ, на основаніи разсказовъ участниковъ этой одиссеи, и хотя было бы очень неосторожно принимать его за чистую монету во всѣхъ подробностяхъ [1]), однако и пренебрегать имъ не приходится, такъ какъ масса подробностей, несомнѣнно, передана здѣсь вполнѣ реально и вѣрно [2]).

Папроцкій разсказываетъ, что на Самарѣ Зборовскій засталъ 200 казаковъ „рѣчныхъ" (rzecznych) или „водныхъ", которые только ловили звѣря и рыбу на пропитаніе другимъ; они имѣли старшого, который давалъ имъ порядокъ; „живутъ они тамъ между рѣками постоянно (ustawicznie), промышляя звѣремъ—рысями и другимъ, а что можетъ служить живностью, то отсылаютъ другимъ". Этими другими были, очевидно, козаки „рыцарскіе", занятые главнымъ образомъ войной и проживавшіе у самого Днѣпра. Ихъ стражу или передовой отрядъ Зборовскій встрѣтилъ на Таволжаномъ „между Порогами", а главною резиденціею служилъ имъ большой островъ Томаковка, нѣсколько выше Базавлука,—„онъ такъ обширенъ, что на немъ можно пропитаться 20 тыс. людей и не малому количеству лошадей".

Такимъ образомъ весь Низъ отъ Самары до границы съ Татарами выступаетъ въ этомъ разсказѣ оживленнымъ одною козацкою организаціею; одни отряды стоятъ на самарскихъ промыслахъ, другіе промышляютъ на побережьи, одни занимаются рыболовствомъ и звѣроловствомъ, добываютъ соль на лиманахъ, торгуютъ [3]),—другіе же промышляютъ войной, и т. д. Промысловыя связи, обмѣнъ продуктовъ тѣсно переплетаются съ связями военными, поддерживаемыми въ интересахъ обороны и для

[1]) Тѣмъ болѣе—ставить разсказъ Папроцкаго выше разсказовъ очевидцевъ Лассоты и Боплана, ими самими записанныхъ, какъ это дѣлаетъ Стороженко (С. Баторій с. 306); сказать, что у Папроцкаго имѣемъ „въ краткомъ видѣ всѣ свѣдѣнія о Запорожцахъ", какія даютъ Лассота Бопланъ (ib). можна лишь въ пылу полемики.

[2]) Эпизодъ этотъ помѣщенъ въ гербовникѣ Папроцкаго (Herby rycerstwa Polskiego, 1584, и новое изданіе Туровскаго, 1860) подъ гербомъ Jastrzębiec, повторенъ въ сборникѣ Жег. Паули: Pamiętniki do życia i sprawy Zborowskich, 1846, и недавно у Стороженка Ст. Баторій, съ примѣчаніями (малоцѣнными).

[3]) Uroczysko Karajteben, które jest forum albo rynek, gdzie Tatarowie z kozaki wszelakie targi swe miewaja (Herby c. 159).

организаціи походовъ съ цѣлью добыванія козацкаго хлѣба. Военный козацкій лагерь, расположенный на одномъ изъ острововъ Днѣпра (мѣстопребываніе его мѣнялось) составляетъ центральную группу этой низовой жизни, задающую тонъ и руководящую, если не заправляющую ею формально.

Вообще нужно сказать, что насколько несомнѣнно существованіе фактическихъ связей, фактическаго сцѣпленія и единства козачества и извѣстныхъ реальныхъ его отношеній именно на Низу внѣ контроля всевозможныхъ факторовъ „волостной“ жизни, не только въ то время, къ которому относится разсказъ Папроцкаго (десять лѣтъ спустя послѣ первой козацкой реформы), но и раньше,—на столько же сомнительно и трудно разрѣшима формальная сторона — на сколько эти реальныя связи претворились въ формальную организацію, выработали извѣстную общую власть, формы управленія и подчиненія для всего Низа въ это болѣе раннее, предшествующее реформамъ время? Папроцкій вкладываетъ въ уста козаковъ, когда они провозглашаютъ своимъ гетманомъ Зборовскаго и въ знакъ этого передаютъ въ его руки булаву, интересное указаніе на „прежнихъ гетмановъ“. „Передаемъ тебѣ это оружіе прежнихъ гетмановъ здѣшнихъ, которые счастливо правили нами на добрую славу“ [1]). Еслибы эти слова можно было считать подлинными, они указывали бы на преемственную власть запорожскихъ гетмановъ, по крайней мѣрѣ въ восьмомъ десятилѣтіи XVI в. Однако точность передачи остается подъ сомнѣніемъ и мы можемъ лишь гадательно допустить, что уже въ шестомъ, седьмомъ, восьмомъ десятилѣтіи низовое козачество фактически достигло весьма значительнаго сцѣпленія, сплоченія, близко граничащаго съ организованностью, а быть можетъ—переходило и въ такія организованныя формы, какія документально засвидѣтельствованы лишь въ послѣднемъ десятилѣтіи XVI в. Но мы не имѣемъ права переносить эти формы конца XVI в. далеко въ глубину столѣтія, такъ какъ несомнѣнно, козачество жило весьма интенсивною жизнью въ концѣ этого столѣтія и организація его двигалась быстрыми шагами.

Большіе походы на Татаръ—съ одной стороны, съ другой потребность въ защитѣ своихъ промысловъ не только отъ Татаръ, но и отъ пограничной администраціи, изъ подъ тяжелой ферулы которой—отъ поборовъ и экзекуцій козачество уходило все глуб-

---

[1]) Herby c. 158.

же въ степи на „уставичное“ пребываніе, двигали этимъ процессомъ объединенія и организаціи козачества. Недостаточно было имѣть свои убѣжища и укрѣпленные города, нужно было защищать ихъ и свои запасы оружія и военные припасы (зародыши будущей козацкой артиллеріи) отъ старостинскихъ слугъ и татарскихъ шаекъ. Организація военная и промышленная переплетались тѣсно и неразрывно, такъ же, какъ война и промыселъ шли рука объ руку съ самаго начала въ этой степной козацкой жизни.

Степная промышленная ватага съ отаманомъ во главѣ претворяется съ развитіемъ военной организаціи въ мелкую военную единицу—„десятокъ“, съ тѣмъ же „отаманомъ“ во главѣ. Первый, сохранившійся до нашего времени козацкій реестръ (1584 г.) сообщаетъ личный составъ козацкаго полка, состоящаго изъ 50 десятковъ; каждый десятокъ состотъ отамана и девяти товарищей [1]). Старовольскій, описывая козацкій бытъ первой половины XVII в., говоритъ что каждый десятникъ, кромѣ десяти товарищей, имѣлъ подъ началомъ отъ тридцати до пятидесяти новичковъ (tyrones), которыхъ обучалъ и приготовлялъ къ козацкому званію [2]). Передъ нами вооруженная ватага, очевидно, для счета втисненная въ официальный десятокъ, съ неофиціальными новичками и „джурами“.

Съ другой стороны, сѣть козацкихъ зимовниковъ на промыслахъ связывается узлами укрѣпленныхъ городковъ или крѣпостей, въ свою очередь связываемыхъ въ одинъ узелъ центральнымъ низовымъ „кошемъ“.

Идея Вишневецкаго 1550-хъ годовъ,—основать постоянную сильно укрѣпленную позицію на одномъ изъ острововъ Днѣпра, не осталась безъ очевиднаго вліянія въ этомъ направленіи: она завершила процессъ созданія того акрополя Днѣпровскаго Низа, какимъ становится запорожскій кошъ, „Січа“. Этотъ процессъ подготовляется козацкими постами на нижнемъ Днѣпрѣ еще съ первой половины XVI в. [3]). Съ ростомъ козачества все боль-

---

[1]) Żródła dz. XX ст. 154.

[2]) Eques Polonus (1628), caput ultimum.

[3]) Каманинъ идетъ слишкомъ далеко, принимая, въ виду извѣстій о козацкихъ засадахъ на нижнемъ Днѣпрѣ, что уже въ концѣ XV в. существовала козацкая Сѣчь на Тавани—Чтенія VIII с. 72. Въ противоположную крайность впадаетъ Яблоновскій (Ukraina с. 422), не допуская и во второй половинѣ XVI в. какой-либо болѣе или менѣе постоянной Сѣчи.

ше ощущалась потребность въ болѣе сильномъ центрѣ. Опытъ Вишневецькаго съ хортицкимъ замкомъ научилъ, что нечего надѣяться на сильныя стѣны и пушки противъ Турокъ и Татаръ, такъ какъ они сумѣютъ стянуть противъ нихъ необходимыя силы; нужно было искать малодоступныхъ позицій, и козацкая Сѣчь кочуетъ ниже, въ лабиринтѣ днѣпровскихъ островов, заливовъ и проливовъ.

Созданіе такого центра, безспорно, имѣло громадное значеніе и вліяніе на дальнѣйшее объединеніе и организацію козачества, и уже въ 1580-хъ гг. запорожское козачество называется иначе „сичевымъ" по имени Сичи [1]). Слѣдовательно, Сѣчь уже успѣла сдѣлаться признаннымъ центромъ и представительствомъ низоваго козачества. Это не могло совершиться сразу, и развитіе Сѣчи поэтому нужно отнести къ предшествующимъ десятилѣтіямъ—седьмому и восьмому, вслѣдъ за основаніемъ Хортицкаго замка и дѣятельностью Вишневецкаго.

Дѣятельность эта, какъ я уже указывалъ выше, должна была имѣть также важное значеніе и въ смыслѣ расширенія политическаго кругозора низового козачества. Она открыла передъ нимъ широкіе горизонты международной политики, научила смотрѣть на себя какъ на политическій факторъ международнаго значенія, а не простые вспомогательные кадри для нуждъ пограничныхъ старостъ и помѣщиковъ. Мы видѣли, что интересы обороны и общей борьбы съ Крымомъ еще ранѣе сглаживали здѣсь пограничныя межи и приводили къ совмѣстнымъ походамъ силами литовско-польской и московской Украины, независимо отъ офиціальной политики виленскаго или московскаго двора. Литовско-польское правительство своими открещиваніями отъ козаковъ, заявленіями о томъ, что козачество ему не подвластно, отъ него независимо и съ нимъ не солидарно, повторяемыми непрерывно, начиная съ середины XVI вѣка, могло также лишь способствовать зарожденію и развитію въ низовомъ козачествѣ чувства своей самостоятельности, какъ независимой политической силы. Широкій размахъ политической дѣятельности Вишневецкаго и болѣе скромная, но аналогичная дѣятельность позднѣйшихъ вождей—не могли не повлiять на развитіе такого сознанія. Кн. Ружинскіе ведутъ переговоры

---

[1]) Султанъ przegraża a najwięcej się obraża Siczowych Kozaków najazdy, łupiestwy (предложеніе сейму 1585 г.—Dyaryzsze sejmowe z r. 1585 c. 9).

съ Москвою, Зборовскій въ роли козацкого вождя входитъ въ переговоры съ Молдавіей, носится съ планами участія въ персидской войнѣ; позже козацкая старшина предлагаетъ помощь козаковъ хану, вѣроятно противъ Турціи; въ 1590-хъ годахъ Сѣчь продаетъ свою помощь каждому изъ сосѣднихъ государствъ, подъ условіемъ извѣстной платы, какъ вполнѣ независимая политическая сила. Вступая въ соглашеніе съ имперскимъ правительствомъ относительно своей службы, она проситъ его столковаться съ польскимъ правительствомъ только о безпрепятственномъ пропускѣ черезъ коронныя земли, чтобъ не было затрудненій въ сообщеніи [1]). Попросить разрѣшенія у того же польскаго правительства на эту службу постороннему государству козакамъ не приходитъ въ голову.

Зборовскому и его товаришамъ казалось удивительнымъ, что низовое козачество „не заботится ни о королѣ своемъ господинѣ, ни объ отечествѣ, въ которомъ родились, а всѣ свои надежды связываетъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ живутъ, говоря пословицей: „поки жита, поти бита". Но здѣсь была не одна циническая безпринципность дебычника, но и сознаніе своей обособленности и независимости отъ государственныхъ узъ польскаго или всякаго иного государственнаго организма. И такъ понимало и такими глазами смотрѣло на козаковъ само шляхетское общество.

Такимъ образомъ Запорожье значительно опередило въ своей политической эволюціи козачество „городовое", употребляя этотъ позднѣйшій традиціонный терминъ,—его организацію „на волости". Здѣсь козачество являлось еще вполнѣ безправнымъ, не признаннымъ, какъ организація, какъ общественный слой, не организованнымъ и совершенно придавленнымъ властію администраціи и шляхты, между тѣмъ какъ на Низу оно было уже солидарной и сплоченной, а позже и организованной силой, проникнутой сознаніемъ своей обособленности и независимости. Позднѣйшая традиція, считавшая Запорожье естественнымъ центромъ и главою козачества, и его рѣшенія, а не рѣшенія войсковой рады городовыхъ полковъ обязательными для всего козачества, имѣло такимъ образомъ свой корень и оправданіе въ отношеніяхъ, существовавшихъ еще въ серединѣ XVI в. Запорожье было очагомъ козацкой силы, солидарности, организованности. Отсюда распространилась экстенсивная и организаціонная энергія козачества „на волость", когда

[1]) Tagebuch von E. Lassota c. 217, ст. с. 221.

правительственныя реформы дали ей первую легитимацію, какъ полноправной организаціи, и открыли возможность формироваться въ особую, законно-признанную общественную группу.

Въ концѣ 1568 года вслѣдствіе турецкихъ жалобъ на своеволія и нападенія украинскихъ козаковъ [1]), в. князь шлетъ грамоту козакамъ. Впервые правительство обращается къ нимъ непосредственно и спеціально, какъ къ извѣстной корпораціи, а не къ провинціальной администраціи, какъ предержащей власти козаковъ на ряду со всѣмъ остальнымъ населеніемъ. Грамота адресована „подданимъ нашимъ, козакамъ тымъ, которые зъ замковъ и местъ украиныхъ зъѣхавши, на Низу перемешкивають". В. князь указываетъ имъ, что ихъ „лупезства" навлекаютъ опасность со стороны непріятеля. Новый султанъ поставилъ условіемъ дальнѣйшаго поддержанія отношеній, чтобъ подданнымъ турецкимъ и ордынскимъ не причинялись безпокойства какъ до сихъ поръ. „Вся Украина и болѣе удаленные отъ Украины повѣты хорошо знаютъ, какой вредъ и разореніе терпятъ, по причинѣ лихихъ и своевольныхъ людей, благодаря которымъ происходятъ нападенія непріятельскихъ войскъ". Такіе же наѣзды и опустошенія грозятъ и впредь, если не будетъ положенъ конецъ этимъ козацкимъ нападеніямъ. В. князь рѣшительно приказываетъ козакамъ уйти изъ степей, съ Низу, изо всѣхъ уходовъ, возвратиться въ украинскіе замки и города и впредь не выходить оттуда своевольно, не смѣть чинить „шкоды и лупезства" турецкимъ пастухамъ и крымскимъ Татарамъ. За то съ своей стороны обѣщаетъ имъ службу и плату при замкахъ: „Ведже при замцехъ нашихъ знайдется вамъ служба наша, за которую жалованe каждый зъ васъ отъ насъ одержитъ, кеды тое своволности поперестанете". Въ противномъ случаѣ грозитъ „каранемъ срокгимъ" [2]).

Можно себѣ представить, что среди козачества, собраннаго на Низу и въ сосѣднихъ съ степями мѣстахъ, не оказалось недостатка въ охотникахъ получить это „жалованье" и посмотрѣть, какую службу предложатъ имъ и какіе шансы дастъ имъ эта служба. Король отдалъ коронному гетману Юрію Язловецкому, одному изъ старыхъ героевъ подольскаго „козакованія"

[1]) Ср. Жерела VIII № 2, 6 и сл.
[2]) Архивъ Ю. З. Р. Ш I № 3.

„злеценье и порученье“ выбрать изъ среды козаковъ для государственной службы „извѣстный отрядъ“ (певный почетъ), который долженъ былъ получать отъ казны ежегодную плату, и учинить „постановеенье межи козаки низовыми“,—установить извѣстныя нормы и порядки козацкой жизни. И Язловецкій исполнилъ это.

Къ сожалѣнію, подлиннаго текста этого „постановленія“ у насъ нѣтъ. Есть только соотвѣтствующія указанія въ королевской грамотѣ, подтверждающей дальнѣйшія организаціонныя распоряженія того же Язловецкаго [1]). Такъ какъ козаки, читаемъ въ этой грамотѣ, жаловались на великія неправды и притѣсненія отъ воеводъ, украинныхъ старостъ и другихъ чиновниковъ, его вельможность (Язловецкій) изъялъ ихъ изъ подъ власти и суда всякихъ чиновниковъ и взялъ ихъ подъ свою гетманскую власть. А чтобы предотвратить своевольства со стороны козаковъ и обезпечить каждому безотлагательное удовлетвореніе на случай, еслибъ козакъ въ чемъ-либо передъ кѣмъ нибудь провинился, онъ поставилъ старшимъ и судьею надъ всѣми низовыми козаками шляхетнаго Яна Бадовскаго. Этотъ послѣдній каждому, кто имѣлъ бы какія-либо претензіи къ козакамъ, долженъ чинить судъ надъ ними, когда они придутъ съ Низу въ замки и города наши“. Увѣдомляя объ этомъ своемъ распоряженіи короля, гетманъ просилъ утвердить упомянутого Бадовскаго въ этой должности въ виду его долговременной и вѣрной службы на Украйнѣ. Просилъ также оказать Бадовскому милость, предоставивъ ему различныя права и привилегіи: освободить его дома въ Бѣлой Церкви изъ-подъ власти города и замка, отъ всякихъ податей и повинностей, предоставить ему право свободной продажи горячихъ напитковъ. Существенно важно было, что при этомъ не только самъ Бадовскій, но и его юрисдикція надъ козаками должны быть изъяты также изъ-подъ вѣдѣнія всякихъ другихъ властей: приносить на него жалобы и аппеллировать на его судъ можно было только къ гетману и королю: иначе Бадовскій „безъ таковое волности“ не можетъ выполнить своихъ задачъ, „для переказы отъ воеводъ, старостъ украинныхъ и урядовъ... намъ господару въ томъ служити бы не могъ“.

Король исполнилъ желанія гетмана, и грамотой своей отъ 5/VI. 1572 г., изъ которой черпаемъ всѣ приведенныя свѣдѣнія, подтвердилъ распоряженія Язловецкаго, утвердилъ Бадов-

---

[1]) Акты Ю. З. Р. II № 149.

скаго въ новой должности и призналъ за нимъ указанныя права и преимущества: „маетъ Янъ Бадовскій", читаемъ въ этой королевской грамотѣ, „не отступаючи ни въ чемъ постановеня пана воеводы руского (гетмана) зо всихъ козаковъ низовыхъ кождому справедливость неодвлочную водлугъ права посполитого чинити и въ томъ слушне и пристойне справовати, не будучи повиненъ съ того уряду судейского и изъ домовъ бѣлоцерковскихъ передъ воеводами, старостами и врадами нашими и ни передъ кимъ иншимъ (окромѣ кгвалту и речей крвавыхъ) усправедливяти, толко передъ нами господаремъ, або передъ паномъ воеводою рускимъ и по немъ будучими гетманами иншими до своего живота" [1]).

Это все, что намъ извѣстно объ этой важной реформѣ. Съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлей, для которыхъ она осуществлялась—упорядоченія козачества и установленія спокойствія на южной границѣ, она оказалась совершенно неудачной точно также, какъ и всѣ позднѣйшія реформы. Но точно такъ же, какъ и эти послѣднія, она имѣла огромное значеніе въ организаціи козачества, въ формированіи его въ особый полупривилегированный общественный классъ, въ скоромъ времени пріобрѣтающій руководящую роль въ восточно-украинскихъ отношеніяхъ. Съ этой точки зрѣнія, эта первая извѣстная намъ реформа козачества имѣетъ чрезвычайное значеніе, такъ какъ въ этомъ направленіи—исключенія козачества изъ соціально-политической схемы Польши и сообщенія ему иммунитета, она пошла сразу опредѣленно и рѣзко и въ виду этого заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія.

Недостатокъ фактическихъ свѣдѣній объ ея проведеніи приходится по возможности восполнить анализомъ того, что даетъ въ этомъ смыслѣ указанная грамота 1572 г. Прежде всего, она удостовѣряетъ, что планъ короля, вызванный можетъ быть иниціативою того же Язловецкаго — наборъ „певнаго почта" козаковъ на королевскую службу и королевское содержаніе былъ Язловецкимъ выполненъ. Онъ „межи козаки низовыми певный почетъ тыхъ козаковъ ку службе нашой, которымъ юргелтъ [2]) зъ скарбу нашого ити маетъ, обралъ". Ближайшихъ подробностей объ этомъ королевскомъ козацкомъ полкѣ грамота не даетъ, но мы находимъ ихъ въ счетахъ коронной казны. Отъ 1575 и 1576 годовъ, т. е. времени предше-

---

[1]) Акты Ю. З. Р. II № 149.
[2]) Jahrgeld, ежегодная плата.

ствующаго новому, Баторіеву набору, имѣемъ здѣсь ассигновки полку „низовыхъ козаковъ", состоявшихъ на королевской службѣ, въ количествѣ 300 человѣкъ, съ платою на „кварталъ (три мѣсяца) по $2^1|_2$ злотыхъ, не считая сукна [1]). Это очевидно и былъ „почетъ", набранный Язловецкимъ; цифра 300 козаковъ не покажется намъ слишкомъ малой, если примемъ въ соображеніе, что позднѣйшій наборъ Баторія далъ козацкій полкъ лишь въ 500 человѣкъ.

Такимъ образомъ записи казначейства, подтверждая слова королевской грамоты, даютъ намъ точное представленіе о размѣрахъ козацкаго набора, произведеннаго Сигизмундомъ-Августомъ, или точнѣе говоря—Язловецкимъ; на королевскую службу и королевское содержаніе была взята очень небольшая часть козацкаго контингента—всего нѣсколько процентовъ (напр., въ походѣ Богдана Ружинскаго на Асланъ-городокъ 1576 г. ханъ насчитывалъ 3000 козаковъ [2]). Правительство Сигизмунда-Августа со своимъ наборомъ 1570 г. осталось далеко позади проэктовъ 1520-хъ гг., когда проэктировалось взять на государственную службу „тысячу или двѣ" козаковъ. Правда, тогда дѣло ограничилось лишь проэктами, а теперь все-таки хоть какое-нибудь количество было взято на службу; но сравнительно съ ростомъ козацкой силы и численности „почетъ" 1570-хъ гг. былъ величиною вовсе незначительною.

Но сводя до совсѣмъ незначительныхъ размѣровъ, въ виду вѣчнаго недостатка денегъ въ коронномъ казначействѣ, принимаемый на государственную службу козацкій контингентъ, правительство не ограничивало своихъ задачъ этимъ небольшимъ отрядомъ: оно хотѣло вмѣстѣ съ тѣмъ подвести подъ новые порядки „всѣхъ низовыхъ козаковъ". Сдѣланное Язловецкимъ „постановенье" должно было охватить все козачестпо. Въ этомъ и значеніе реформы 1570 г. [3]). Одинъ голый фактъ принятія на королевскую службу

---

[1]) 1575 super kozacy Nizowe № 300 excepto panno per $2^1|_2$ fl. facit 750 fl.; 1576—super Cosacos Nizowych 300 per fl. $2^1/_2$ (Górski Historya piechoty c. 35 и 242, Historya jazdy c. 333). То обстоятельство, что въ обѣихъ запискахъ, двухъ годовъ, мы имѣемъ тотъ же самый контингентъ и ту же плату, позволяетъ съ значительною правдоподобностью выводить его сформированіе отъ набора Язловецкаго, около 1570 г. [2]) Zródła dziejowe IV c. 69.

[3]) Беремъ этотъ годъ какъ приблизительный, для обозначенія реформы.

нѣсколькихъ сотъ козаковъ не имѣлъ бы еще большого значенія; за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, козаковъ Вишневецкаго брали на службу въ Ливонію, и этотъ фактъ не имѣлъ никакого особеннаго значенія. Важно было, что реформа Язловецкаго, принимая эту небольшую часть козаковъ на службу, стремилась организовать вмѣстѣ съ тѣмъ все козачество, установить новые порядки для всѣхъ козаковъ. Янъ Бадовскій, будучи „старшимъ и судьею надъ всими козаки низовими“, долженъ былъ надо всѣми ими имѣть власть и юрисдикцію, производить судъ по всѣмъ жалобамъ на нихъ. Смыслъ этой реформы ясенъ: опираясь на силы и авторитетъ коронного гетмана, своего непосредственнаго начальника, и распоряжаясь полкомъ королевскихъ козаковъ, этотъ „старшій“ козацкій долженъ былъ держать въ рукахъ все козачество и удерживать его отъ всякихъ эксцессовъ. Но вмѣстѣ съ передачей подъ его власть и судъ козаки освобождались отъ всякихъ другихъ властей и судовъ—„зъ владзы и присуду всякихъ врядовъ“ — воеводы, украинныхъ старостъ, городскихъ властей и т. д.

Это было началомъ козацкаго иммунитета, первымъ основаніемъ для формированія козачества, какъ общественнаго класса. Хотя королевская грамота не говоритъ опредѣленно, что этотъ иммунитетъ предоставляется всему козачеству (изъ текста выходило бы скорѣе наоборотъ,—что она имѣетъ въ виду лишь козаковъ королевской службы), но очевидно, сама логика фактовъ требовала того, чтобы все козачество, разъ оно отдано подъ власть и судъ „старшого“, какъ и королевскіе козаки, тѣмъ самымъ было освобождено изъ-подъ власти и юрисдикціи всякой иной администраціи. Желало-ли этого правительство, принимало-ли оно во вниманіе такое слѣдствіе реформы, или нѣтъ, это другой вопросъ, но очевидно, что именно въ такомъ направленіи, весьма удобномъ и благопріятномъ для козачества, должна была пойти козацкая мысль и такіе выводы сдѣлала изъ новой реформы. Кто занимался козачествомъ, кто считалъ себя козакомъ—тѣмъ самымъ уже, по духу новой реформы, онъ долженъ быть свободнымъ отъ всякой другой власти, кромѣ власти своего козацкаго старшого,—по крайней мѣрѣ самъ могъ считать себя свободнымъ, ссылаясь на „вольности“, признанныя за козаками реформою Язловецкаго.

Козачество такимъ образомъ становилось привилегированною группою, быть козакомъ—имѣло значительный соціально-эконо-

мическій интересъ. Послѣдовавшія затѣмъ нѣсколькими годами позже распоряженія Баторія въ томъ же духѣ поддержали такія претензіи козачества на „вольности“, но въ сущности они только подтверждали и развивали то, что вполнѣ опредѣленно провозгласила уже реформа Язловецкаго. Въ силу этого она заслуживаетъ особаго вниманія, хотя въ представленіяхъ позднѣйшей традиціи эпоху въ жизни козачества составили позднѣйшія распоряженія Баторія, и благодаря этому они заслонили болѣе раннюю реформу 1570 г.

Своей непосредственной цѣли — сдержать козаковъ, водворить спокойствіе въ степяхъ и положить конецъ стычкамъ съ Турками и Татарами, реформа Язловецкаго не достигла, разумѣется—такъ какъ и не могла достигнуть. Переходъ на королевскую службу и королевское содержаніе небольшого отряда козаковъ не могъ имѣть въ этомъ смыслѣ никакого значенія. Пограничная партизанская война съ Татарами и Турками въ это время отличалась необыкновеннымъ оживленіемъ, ограничить дѣйствія козаковъ лишь одной обороной не было никакой возможности. То было время, когда по словамъ черкасскаго старосты Вишневецкаго, сказаннымъ въ отвѣтъ на упрекъ, что онъ не извѣстилъ правительства о какомъ-то татарскомъ нападеніи подъ Черкасы и характернымъ въ своемъ гиперболизмѣ—„не новина для Татаръ и по нѣскольку разъ въ недѣлю бывать подъ украиннымъ замкомъ, и если бы о такихъ небольшихъ тревогахъ всегда и каждый разъ давать знать, то и посланцевъ не хватило бы“ [1]). Наряду съ полкомъ королевскихъ козаковъ, состоявшимъ подъ предводительствомъ Бадовскаго, набирали козацкіе отряды разные пограничные магнаты и козацкіе вожди и промышляли „козацкимъ хлѣбомъ“, какъ характерно называлъ позже козацкіе походы и грабежи славный Наливайко. Какъ разъ въ то время, когда Язловецкій съ Бадовскимъ старались организовать козаковъ, въ роли козацкаго вождя выступаетъ землякъ Вишневецкаго и преемникъ его политики, кн. Богданъ Ружинскій. Представитель одного изъ второстепенныхъ княжескихъ родовъ сѣверной Волыни, онъ въ меньшихъ размѣрахъ повторяетъ карьеру своего знаменитаго земляка [2]).

---

[1]) Archiwum I. Zamojskiego № 301.

[2]) Свѣдѣнія о немъ очень бѣдны. Я далъ критическій обзоръ традицій о Ружинскомъ въ своей статьѣ: „Гетьман Богданко“ въ кн. XVI львовскихъ „Записокъ“. Позднѣйшая традиція не только

Папроцкій въ своемъ панегирикѣ военнымъ заслугамъ пограничной украинской шляхты (Panosza tho iest wysławienie panow i paniąt ziem Ruskich i Podolskich z męstwa, z obyczaiow y z inszych spraw poczciwych), изданномъ въ 1575 г., говоритъ о немъ, какъ о козацкомъ вождѣ, пограничномъ рыцарѣ—„Богдан кн. Рожинскій, гетманъ низовыхъ козаковъ, со своею ротою“, „покинувъ мірскую роскошь“ (которая ему, какъ незначительному князьку, впрочемъ не часто улыбалась), „стоитъ какъ мужественный левъ, поднявши руку правую, чтобъ вести съ погаными бесѣду кровавую“. Игнорируя усилія польскаго правительства, направленныя къ поддержанію добрососѣдскихъ отношеній съ Крымомъ, онъ въ концѣ 1575 г., когда Татары отправились въ Западную Украйну, напалъ съ козаками на татарскіе улусы и сильно ихъ разорилъ, доставивъ тѣмъ большое удовольствіе населенію Украйны и Польши, привѣтствовавшему эту месть за опустошеніе Зап. Украины [1]). Затѣмъ изъ случайнаго упоминанія московской реляціи узнаемъ, что Ружинскій находился въ сношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ; зимою 1575—6 г. царь прислалъ козакамъ Ружинскаго подарки, обѣщая имъ помощь и припасы подъ условіемъ, чтобы на слѣдующій годъ весною они вторглись въ глубину Крыма, на Козловъ, и Ружинскій съ козаками обѣщали [2]). Весною 1576 г. Ружинскій съ козаками двинулся дѣйствительно, не подъ Козловъ, а на

сдѣлала изъ него козацкаго гетмана „Богданка“, главное дѣйствующее лицо реформы Баторія, но и окружила массою фантастическихъ, героическихъ подробностей; въ особенности Исторія Руссовъ превратила его въ героя какой-то сказочной феерiи, дожившей въ разныхъ изложеніяхъ козацкой исторіи до самого послѣдняго времени.

[1]) Горецкій—Dziejepisowie krajowi с. 44, Бѣльскій с. 1367. Современникъ Ожельскій (III с. 176) разсказываетъ, что во время татарскаго набѣга 1575 г. между прочимъ Татары захватили въ плѣнъ княгиню Ружинскую — вполнѣ возможно, что ее имѣла въ виду пѣсня, съ значительнымъ вѣроятіемъ относимая къ Богдану Рожинскому:

Ой Богдане, запорозький гетьмане!
Да чому-ж ти в чорнім ходиш, да в чорнім аксамитї?
— Гей були ж в мене гостї Татарове:
Одну ніч ночували, стару неньку зарубали,
А миленьку собі взяли.

[2]) Извлеченіе у Соловьева II с. 768.

татарскіе улусы на нижнемъ Днѣпрѣ. Это была весьма значительная экспедиція: ходили козаки днѣпровскіе, брацлавскіе и винницкіе; ханъ насчитывалъ ихъ три тысячи. Походъ имѣлъ значеніе диверсіи, съ этой цѣлью и былъ организованъ московскимъ правительствомъ и вполнѣ достигъ своей цѣли: Татары направились было въ московскія земли, но извѣстіе о нападеніи козаковъ заставило ихъ вернуться; на возвратномъ пути козаки сильно ихъ погромили. Но экспедиція на днѣпровскіе замки окончилась трагически. Козаки подступили подъ Асланъ-городокъ и начали осаду; подъ его укрѣпленія подложили мину, но мина эта взорвалась неудачно, взрывъ обратился на козаковъ, и самъ Ружинскій погибъ при этомъ—вызвавъ „обильныя слезы въ тамошнихъ краяхъ" [1]). Ханъ, напуганный козацкими походами приказалъ вывезти изъ Асланъ-городка все оружіе и бросить эту крѣпость и обратился со своими жалобами къ новому королю, Стеф. Баторію. Но населеніе сожалѣло, какъ видимъ, не о ханскихъ огорченіяхъ, а о „мизерной смерти" козака-пограничника; не сочувствуя робкой и угодливой политикѣ своего правительства по отношенію къ Крыму.

Съ другой стороны, огорчилось турецкое правительство, негодуя на вмѣшательства пограничныхъ магнатовъ и козаковъ въ молдавскія дѣла. Начиная съ половины XVI в. Молдавія становится ареною постоянныхъ авантюръ. Турецкое правительство отдаетъ молдавскій тронъ различнымъ авантюристамъ, на перерывъ обѣщавшимъ ему большій харачъ и задаривавшимъ его подарками; свергая другъ друга, эти претенденты искали опоры у разныхъ сосѣднихъ государей, обращались за помощью къ польско-украинскимъ магнатамъ и козакамъ. Дмитрій Вишневецкій закончилъ свою политическую карьеру и жизнь, вмѣшавшись въ борьбу Гераклида и Томши (1563). Затѣмъ польско-украинскіе магнаты и само польское правительство поддерживало Александра Лопушана и его сына Богдана, отдавшагося подъ покровительство Польши и поддерживавшаго тѣсныя пріятельскія отношенія съ магнатами сосѣдней Украины. Богдана свергнулъ съ престола, задаривъ ту-

---

[1]) Письмо Девлетъ-гирея—Źródła dziejowe IV № 35, реляція императору у Вержбовскаго Materiały do dziejów pismiennictwa polskiego I с. 214—5, Paprocki Herby изд. 1584 с. 109, Бѣльскій с. 1367, упоминанія въ записяхъ коронного скарба—Źródła dz. IX с. 62 (Grodek).

рецкое правительство, претендентъ Ивоня, называвшій себя потомкомъ воеводы Стефана (1571). Польское правительство пыталось поддержать Богдана и поручило это подольскому воеводѣ Мелецкому, но походъ его въ Молдавію не имѣлъ успѣха [1]). Но и Ивоня вскорѣ нашелъ соперника въ лицѣ брата господаря Валахіи и долженъ былъ вооруженною рукою защищать себя отъ Турокъ (1574). Тогда онъ началъ вербовать себѣ войско на Украинѣ. Нѣсколько подольскихъ шляхтичей и ротмистровъ мѣстнаго войска—Сверчовскій, Козловскій, Осмольскій, Копицкій, Яницкій, Соколовскій и др. [2]) охотно отозвались на это и начали собирать добровольцевъ. Собрано было двѣсти козаковъ, столько же „Барянъ“—изъ Барской шляхты [3]). Во главѣ отряда сталъ Сверчовскій, благодаря этому, съ искаженнымъ именемъ въ видѣ Свирговскаго попавшій въ позднѣйшіе реестры козацкихъ гетмановъ и сдѣлавшійся героемъ сфабрикованныхъ въ XIX в. псевдоисторическихъ пѣсенъ [4]). Если вѣрить современному автору исторіи

---

[1]) Горецкаго Descriptio belli Ivoniae, 1578 с. 19 и сл. (пер. въ Dziejepisowie krajowie и въ Мемуарахъ Антоновича ч. I), Ласицкаго Historia de ingressu Polonorum in Valachiam cum Bogdanu voiuoda, при изд. Горецкаго.

[2]) Самого Сверчовскаго Старовольскій (Sarmatiae bellatores, гл. LXXI) называетъ Мазовшаниномъ по происхожденію, но „Сверчи“ извѣстны въ Подольскихъ земляхъ уже въ пол. XVI в., и нѣкоторыя другія фамиліи: Осмольскіе, Копицкіе, Козловскіе извѣстны намъ тоже въ восточной части Подольскихъ земель (см. именной указатель къ моимъ Актамъ Барскаго староства).

[3]) Въ editio princeps 1578 г.: Suerceuius habuit sub signis ducentos equites. Barsanus ducentos duxit. Braslaviensium erant ducenti. Hi sese omnes Suierceuii imperio commisere nec sine ipsius voluntate cum hoste congredi ausi (с. 39). Антоновичъ (Мемуары l. c.) вполнѣ справедливо поправилъ это на Barsanos. Такого предводителя, который бы назывался Barsanus, въ этой очень подробной исторіи похода нигдѣ больше не встрѣчаемъ.

[4]) Исторію традиціи о Сверчовскомъ и участіи козаковъ въ войнѣ Ивони съ Турками изложила К. Мельникъ-Антоновичъ въ предисловіи къ переводу Горецкаго (Мемуары I с. 89—94). Популяризировалъ разсказъ Горецкаго Бѣльскій, пересказавъ его въ въ своей хроникѣ, щедро разукрасилъ авторъ Исторіи Руссовъ, а Костомаровъ своею статьею: „Иванъ Свирговскій, украинскій козацкій гетманъ XVI вѣка“, такъ сказать, канонизировалъ эту традицію. Развѣнчивая Свирговскаго, г-жа Антоновичъ однако зашла слишкомъ далеко, доказывая, что „козаки“ въ исторію Горецкаго попали только по недоразумѣнію, и что войско Сверчов-

этой войны, козаки и польскіе участники похода проявляли чудеса отваги, но въ концѣ концовъ Ивоня все-таки проигралъ свою кампанію съ Турками, погибъ самъ въ рукахъ Турокъ и вожди его украинскихъ полковъ также попали въ турецкую неволю. Но этотъ печальный конецъ не помѣшалъ другимъ смѣльчакамъ итти по слѣдамъ Ивони и его украинскихъ пособниковъ.

Тотчасъ же на Украинѣ, среди самихъ же козаковъ, какъ расказываютъ, нашелся человѣкъ, назвавшій себя братомъ Ивони и выступившій претендентомъ на молдавскій тронъ. Называли его Иваномъ Подковою: прозванъ онъ былъ такъ, говорятъ, за огромную силу—подковы руками ломалъ. Сначала онъ пробовалъ также найти помощь у украинскихъ магнатовъ—у кн. Конст. Острожскаго, кіевскаго воеводы, и у барскаго старосты Творовскаго-Бучацкаго. Но они не захотѣли принять участія въ этой авантюрѣ, и тогда этотъ Подкова—по сему поводу также включенный позднѣйшею традиціею въ реестръ козацкихъ гетмановъ,—сталъ вербовать себѣ войско среди козаковъ. Его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ барскій шляхтичъ, служившій въ польской службѣ Стан. Копицкій, „прожившій двадцать лѣтъ среди козаковъ и любимый ими", и какой-то Румынъ Чапа, поселившійся въ Брацлав-

скаго состояло „исключительно изъ шляхтичей воеводства подольскаго, брацлавскаго и другихъ". Тотъ фактъ, что Горецкій называетъ все это войско Поляками, не долженъ насъ вводить въ ошибку, точно такъ же, какъ и имена предводителей—подольскихъ шляхтичей: „Поляками" они могли быть названы съ точки зрѣнія государственной принадлежности, а что подольскіе шляхтичи становились во главѣ сборныхъ дружинъ, въ которыхъ принимали участіе и козаки, это мы знаемъ изъ предыдущаго. Горецкій съ самого начала совершенно опредѣленно противопоставляетъ козаковъ-участниковъ брацлавскимъ и барскимъ добровольцамъ и описываетъ ихъ съ такими подробностями, которыя не оставляютъ мѣста сомнѣнію, что это были дѣйствительно козаки (levem armaturam equitum polonicorum, qui ad Borysthenem et Ponti ostia causa praedae acquirendae degunt, esse gentem tot bellis induratam..., и дальше поясняется, что они a nostris vocantur — Cosaci, c. 37 — 8). Нельзя такимъ образомъ сомнѣваться въ томъ, что среди сборныхъ дружинъ Сверчовскаго былъ и козацкій отрядъ; только Горецкій, во-первыхъ, не точно называетъ его польскимъ войскомъ, во-вторыхъ—названіе козаковъ распространяетъ иногда и на другіе отряды. Самого Сверчовскаго Старовольскій (l. c.) тоже называетъ вождемъ запорожскихъ козаковъ—cozachorum Zaporozensium tribunus primum, deinde generalis praefectus, имѣя въ виду вѣроятно этотъ походъ.

скихъ земляхъ. Копицкій, пустивъ въ оборотъ деньги, заработанныя въ польскихъ войскахъ, съ Чапою вмѣстѣ навербовали отрядъ изъ козаковъ въ количествѣ 300 человѣкъ,—„людей дѣйствительно отборныхъ“ по свидѣтельству современника. Предводителемъ („гетманомъ“) ихъ былъ Шахъ. Съ нимъ Подкова въ 1578 г. пошелъ на Молдавію, но господарь Петрило выступилъ съ гораздо большими силами, и Подкова увидѣлъ себя вынужденнымъ вернуться на Украину и позаботиться о болѣе значительныхъ силахъ. Зиму онъ провелъ въ Немировѣ. Господарь обратился съ жалобами къ королю, прося арестовать претендента, но присланное въ Немировъ войско, встрѣтившись съ вооруженнымъ отпоромъ Подковы, не рѣшилось добывать его силою. Пока шла дальнѣйшая переписка по этому дѣлу, встревоженный этимъ Подкова рѣшилъ не медлить въ начатомъ дѣлѣ и, снесшись съ Шахомъ, сталъ готовиться къ новому походу. Шахъ оставилъ на Низу 400 козаковъ, съ собою взялъ 600 и соединившись на Пробитомъ шляху съ Подковою, вмѣстѣ двинулись на Молдавію. Господарь выступилъ навстрѣчу имъ, но на этотъ разъ битва кончилась для него неудачно; современники разсказывали, что среди козаковъ находился колдунъ, заговорившій турецкія пушки. Господарь бѣжалъ, а козаки съ тріумфомъ ввели Подкову въ молдавскую столицу Яссы, въ концѣ 1577 г. Успѣхъ однако былъ непрочный. Правда, господаря, когда онъ двинулся на Яссы, чтобы выгнать оттуда Подкову, козаки вторично разбили; но его поддерживали Турки, готовился итти на помощь ему и Баторій. Подкова рѣшилъ убраться съ добычею заблаговременно на Запорожье. Но на пути заманилъ его брацлавскій воевода, кн. Збаражскій, имѣвшій приказъ непремѣнно поймать Подкову: зазвавъ къ себѣ Шаха, онъ увѣрилъ черезъ него Подкову, что ему не угрожаетъ никакая опасность, и Подкова поддался на эти обѣщанія. А Баторій, получивъ въ свои руки, приказалъ заключить Подкову въ тюрьму, послѣ чего онъ былъ обезглавленъ, по требованію господаря и турецкаго султана [1]).

---

[1]) Обстоятельный разсказъ объ авантюрѣ Подковы и участіи въ ней козаковъ у Бѣльскаго с. 1430—5 изд. Туровскаго; кратко у Гейденштейна с. 119 (пер. I с. 285—6). Къ сожалѣнію, не сохранилась поэма Папроцкаго: Krótki i prawdziwy opis wyjechania do Wołoch Iwana wojewody, którego Podkowa zową, 1578. Реляція о смертной казни Подковы въ сборникѣ Listy Annibala z Kapui,wyd.Al. Przezdziecki, 1852, с. 253. О немъ статья А. Ролле: Iwan Podkowa (Antoni J. Opowiadania historyczne Serya Szósta, 1887. Портретъ,

Но не успѣли еще отрубить голову Подковѣ, какъ козаки вели уже другого претендента, называвшагося Александромъ, братомъ Подковы (весна 1578 г.). На этотъ разъ козаковъ собралось больше: султану доносили, что ихъ, конныхъ и пѣшихъ, было свыше двухъ тысячъ, что они подступили къ Яссамъ, опустошая Молдавію, и султанъ настаивалъ, чтобы Баторій непремѣнно отыскалъ претендента, изъ Молдавіи снова отправившагося на Украину. Баторій приложилъ старанія и при новомъ походѣ претендента, трансильванскіе полки брата Баторія разбили войска Александра, самъ онъ попалъ въ руки враговъ и былъ выданъ Туркамъ, которые посадили его на колъ; не мало и козаковъ „чело ихъ", какъ писалъ Баторій хану—погибло и попало въ плѣнъ [1]). Несмотря на это, однако уже въ іюнѣ того же года (1578) козаки вновь пошли на Молдавію, съ новымъ претендентомъ, называвшимъ себя Петромъ, сыномъ только что убитаго Александра. Они сожгли пограничный молдавскій городъ Сороки и начали опустошать Молдавію. Баторію для поддержанія своей репутаціи приходилось увѣрять Турокъ, что это уже не его козаки, а московскіе. Онъ поручилъ польскому войску двинуться на помощь господарю, но на этотъ разъ тотъ управился самъ, разбивъ и поймавъ претендента [2]).

На ряду съ этими молдавскими авантюрами, докучали козаки Татарамъ и Туркамъ и другими способами. Винницкіе и брацлавскіе козаки въ 1576 г. сожгли Тягиню (Бендеры) [3]). На Днѣпрѣ „Шахъ гетманъ Низовцевъ" зимою 1576—7 г. разгромилъ татарского посла, ѣхавшаго изъ Москвы, отобралъ у него „много казны" и т. п. Ханъ жаловался, королю, требовалъ

сдѣланный въ концѣ XVI или нач. XVII в., изъ собранія кор. Станислава-Августа, изданъ недавно съ коментаріемъ Смирновымъ—Труды XVI арх. съѣзда т. III.

[1]) Sękowski Collectanea z dziejepisów tureckich II с. 304, Bielski с. 1440, Баторій въ инструкціи Броневскому—Acta Steph. Bathorei (Bibl. ordyn. Krasińskich, Muzeum Swidzińskiego с. 37), Archiwum Zamojskiego I № 199.

[2]) Sprawy wojenne St. Batorego № 80, 90 (124) 92, Acta St. Bathorei № 81—7, 91—3.

[3]) Źródła dz. IX с. 68. Стороженко (Баторій и козаки с. 42) ошибался, думая, что здѣсь рѣчь идетъ о Тягинѣ на Днѣпрѣ: въ днѣпровской Тягинѣ тогда значительнаго поселенія или замка не было, да и сами подробности слѣдствія (l. c.) очевидно указываютъ на поднѣстрянскую Тягиню, служившую обыкновенно одною изъ цѣлей козацкихъ набѣговъ.

наказанія козаковъ, въ противномъ случаѣ грозилъ полнымъ разрывомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ козацкими набѣгами оправдывалъ татарскія нападенія на Украину, сыпавшіяся одно за другимъ. По его словамъ, большое татарское нападеніе на Подольскія земли въ 1575 г. случилось потому, что царевичъ Адель-гирей не могъ дольше терпѣть такихъ козацкихъ безчинствъ [1]). Въ началѣ 1577 г. Татары прошли огнемъ и мечемъ южную Волынь, причиняя громадныя опустошенія: ханъ объяснялъ, что это Татары искали Шаха послѣ извѣстнаго разгрома татарскаго посольства — шныряли всюду въ имѣніяхъ кн. Острожскаго, разыскивая его, но не могли найти [2]). Къ лѣту татары напали на Подольскія земли и восточную Галицію [3]). Съ началомъ 1578 г. они снова напали на Волынь, на владѣнія Острожскаго, осадили его въ Острогѣ во время праздновавшейся тамъ свадьбы. Татары обвиняли Острожскаго, что главные вожди козачества у него находятъ покровительство; говорили что въ 1577 году Шахъ разграбилъ ихъ пословъ по соглашенію съ Острожскимъ, и другой козацкій предводитель Арковскій провелъ зиму 1577—8 г. въ Кіевѣ, въ воеводской резиденціи Острожскаго, а Шахъ въ Немировѣ, во владѣніяхъ Збаражскаго. Острожскій долженъ былъ вступить въ переговоры съ Татарами, обязался прогнать козаковъ съ Низу и принудить ихъ къ спокойствію [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ посла своего ханъ рѣшительно требовалъ отъ короля того же самого—чтобы козаки оставили въ покоѣ Татаръ, иначе ничего не помогутъ и упоминки: ханъ не можетъ сдержать своихъ Татаръ [5]).

Съ своей стороны, турецкій султанъ, какъ сюзеренъ хана, уже въ своихъ первыхъ посольствахъ напоминалъ Баторію, какъ своему бывшему вассалу и протеже, чтобъ онъ непремѣнно усмирилъ козаковъ, наказалъ виновныхъ и вообще обезпечилъ Татаръ отъ дальнѣйшихъ нападеній. иначе самъ султанъ займется усмиреніемъ козаковъ [6]). Козацкія нападенія на Молдавію

---

1) Źródła dz. IV c. 68—9, ср. Бѣльскаго с. 1365.
2) Źródła dz. IV c. 109—110, 138, ср. Бѣльскаго с. 1405—6.
3) Źródła IV № 105—7, 109—10.
4) Бѣльскій с. 1435, Гейденштейнъ с. 119, ср. Acta S. Bathorei № 23 и 25.
5) Acta St. Bathorei № 25.
6) Materiały do hist. pismiennictwa polskiego I c. 214.

вызвали еще большее недовольство турецкаго двора, и султанъ снова повторялъ требованіе, чтобы король или самъ водворилъ спокойствіе на Украинѣ или—если не имѣетъ для этого средствъ, пусть увѣдомитъ объ этомъ султана, и тотъ вышлетъ свои войска на Украину [1]).

Все это польскому привительству, а особенно новому королю Стеф. Баторію, весною 1576 г. появившемуся въ своемъ новомъ королевствѣ, не могло быть пріятно. Баторій цѣнилъ добрыя отношенія съ Турціей, жаждалъ безопасности отъ Татаръ и Турокъ на югѣ, чтобъ обратить всѣ силы государства на сѣверъ—противъ данцигскаго возстанія, противъ Москвы. Борьбу съ послѣдней ставилъ онъ въ первую очередь и хотѣлъ обратить противъ этого главнаго врага и крымскую Орду. Онъ зналъ, конечно, какъ знало все польское общество, что къ татарскимъ разсказамъ—будто бы татарскія нападенія вызываются только козацкими выступленіями, нужно относится весьма скептически [2]). Онъ долженъ былъ также понимать, что возстановить спокойствіе въ черноморскихъ степяхъ и взять въ руки козаковъ вовсе не такое простое дѣло, и у него и позднѣе вырываются замѣчанія, показывающія, что въ возможность этой задачи онъ вѣрилъ весьма слабо. На первыя жалобы хана онъ отвѣчалъ старыми оправданіями, что надъ козаками у него нѣтъ никакой власти—они собираются изъ земель московскихъ, молдавскихъ, изъ бѣглыхъ королевскихъ подданныхъ, приговоренныхъ къ смертной казни и скрывающихся къ козакамъ; татарскіе нападенія тоже увеличиваютъ ихъ число, такъ какъ много людей уходитъ къ козакамъ, лишившись своего имущества при татарскихъ разореніяхъ либо побуждаемые жаждою мести за своихъ родственниковъ, женъ и дѣтей. Король ручался за то, что старосты его замковъ не будутъ принимать къ себѣ козаковъ, будутъ ловить и карать виновныхъ, но тамъ, гдѣ нѣтъ его замковъ—въ Заднѣпровьѣ, а точно такъ же нужно понимать—и въ черноморскихъ степяхъ,—тамъ пусть самъ ханъ усмиряетъ козаковъ, пусть ловитъ ихъ и уничтожаетъ, король противъ этого ничего не имѣетъ [3]).

---

[1]) Sękowski II c. 307.

[2]) Бѣльскій такъ писалъ о козакахъ: ciż nas z Turkiem najwięcej wadzą, i Tatarowie tak powiadaią: żeby nie oni, tedy by z nami dobrze mieszkali; alie im nie trzeba wierzyć—c. 1358.

[3]) Źródła dz. IV c. 76—7.

Но ханъ совершенно опредѣленно указывалъ на то, что козацкіе вожди укрываются и проживаютъ во владѣніяхъ разныхъ магнатовъ на Украинѣ, и какъ мы видѣли—начиналъ расправу съ этими магнатами по своему усмотрѣнію, не ожидая королевскихъ распоряженій. Королю черезъ своихъ пословъ онъ совѣтовалъ то же, что практиковалось уже въ предшествующіе годы: взять лучшую часть козачества (przedniejszych z nich) на королевскую службу, а остальныхъ сдержать строгими полицейскими мѣрами: запретить имъ жить въ городахъ и селахъ на Украинѣ, не допускать къ нимъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ и наказывать смертью провинившихся. Король обѣщалъ испробовать эти мѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ не воздержался отъ скептическихъ замѣчаній по поводу ихъ: козаки находятся въ соглашеніи съ московскимъ правительствомъ, могутъ скрываться отъ репрессій въ московскія владѣнія, а послѣ снова появятся на Низу—„предупредить это невозможно въ этихъ пустыняхъ". Король никоимъ образомъ не можетъ брать на себя отвѣтственность за Низовцевъ на будущее время, особенно въ виду московскихъ интригъ: московское правительство даже поставило надъ ними „какого-то днѣпровскаго воеводу", и оно же наслало ихъ на Молдавію [1]).

Все таки необходимо было что-либо предпринять, хотя бы для виду. Такой характеръ мѣропріятій „для виду" и носитъ прославленная позже реформа Баторія. Откладывая быть можетъ на будущее, когда время и обстоятельства позволятъ ближе заняться украинскими дѣлами, болѣе прочное установленіе отношеній съ Татарами и успокоеніе южной границы, Баторій пока что повторилъ, съ кое-какими измѣненіями, предшествующія мѣры, предпринятыя въ этомъ направленіи Язловецкимъ и правительствомъ Сигизмунда-Августа, несмотря на то что всѣ онѣ уже успѣли обнаружить свою полную безплодность: ханъ рекомендовалъ ихъ, Баторій повторялъ, для болѣе сильнаго впечатлѣнія отъ времени до времени пуская въ ходъ кровавыя экзекуціи надъ козацкими своевольниками [2]).

Государственное козацкое войско, организованное Язловец-

---

[1]) Acta St. Bathorei c. 36.

[2]) Я, такимъ образомъ, представляю себѣ Баторія болѣе дальновиднымъ, чѣмъ авторъ новѣйшей монографіи о реформахъ Баторія А. Стороженко, предполагающій, что Баторій этимъ приглашеніемъ нѣсколькихъ сотенъ козаковъ на королевскую службу дѣйствительно расчитываетъ положить конецъ козацкимъ своеволіямъ (с. 81).

кимъ, за это время успѣло очевидно, совершенно распасться. Въ записяхъ казначейства встрѣчаются еще ассигновки для него въ 1575—6 г.; на коронацію Баторія прибыли какіе-то козацкіе делегаты—быть можетъ того же королевскаго войска [1]). Но въ 1576—7 гг. нигдѣ не встрѣчаемъ какихъ-либо извѣстій объ этомъ войскѣ, и очевидно—реально оно не существовало. Вѣроятно, неаккуратность въ выдачѣ жалованія разстроила его очень скоро, а смерть его организатора Язловецкаго (умершаго въ 1575 г.) довершила его разложеніе. Не фигурируетъ нигдѣ и назначенный Язловецкимъ козацкій старшій Бадовскій. Баторій, исполняя совѣты хана, долженъ былъ начать дѣло сызнова.

Прежде всего, онъ напомнилъ Конст. Острожскому его уговоръ съ ханомъ—итти на Низъ и выгнать оттуда козаковъ, а пойманныхъ подвергнуть смертной казни; хану съ своей стороны онъ рекомендовалъ вмѣстѣ съ кн. Острожскимъ заняться истребленіемъ козаковъ [2]). Пограничнымъ старостамъ онъ выслалъ грамоты, упрекая ихъ, что они укрываютъ у себя козаковъ, даютъ имъ помощь и высылаютъ на Татаръ,—на будущее время приказывалъ отнюдь не давать козакамъ ни пріюта, ни помощи, ни припасовъ—селитры, свинцу, живности; старосты должны были помочь кн. Острожскому разогнать козаковъ, и еслибъ кто-либо изъ этихъ „лотровъ" (разбойниковъ) явился въ ихъ городахъ—ловить и карать смертью [3]). Для суда и слѣдствія надъ предводителями ихъ послѣднихъ нападеній сеймъ командировалъ люблинскаго воеводу Тарла, съ широкими полномочіями—но изъ командировки этой ничего не вышло. Тарло тоже призналъ наиболѣе виновнымъ самого кн. Острожскаго, такъ какъ изъ его земель выходило наибольшее число козаковъ, точно такъ же, какъ и изъ Немировскихъ владѣній кн. Збаражскаго. Но на его повѣстки никто не являлся, и виновниковъ нападеній Тарло не могъ изловить никакихъ—за исключеніемъ какого-то козла отпущенія, котораго привезъ съ собою за отсутствіемъ чего-либо лучшаго [4]),

[1]) Boristenis kozakom personis 4, videlicet Jwano Sewerny, Chwiedoro Zachwosthy, Sziemiono Pochowsky, Marco Winniczky loco expeditionis illorum de gratia s. m. r. dati singulis per fl. 15, panni lundinensis per uln. 6 — записи казначейства въ Źródła dz. IX с. 80.

[2]) Acta St. Bathorei № 23, ср. с. 36.

[3]) Acta St. Bathorei № 25. [4]) Acta St. Bathorei № 24, Sprawy wojenne с. 145, ср. у Бѣльскаго с. 1441.

Такова была репрессивная сторона этого предпріятія. Одновременно съ Тарломъ, однако, король отправилъ своего агента Янчу Бегера—вербовать козаковъ на королевскую службу. Это было болѣе легкимъ дѣломъ. Въ сентябрѣ 1578 г. Янча пріѣхалъ во Львовъ, къ королю съ козацкими представителями—Андр. Лиханскимъ съ товарищами, уполномоченными козаками для составленія и утвержденія новаго „постановенья" съ королемъ [1]).

Это новое „постановленіе" и по формѣ, и по содержанію возобновляло старый уставъ Сигизмунда-Августа. О прежнемъ „почтѣ", организованномъ Язловецкимъ, и здѣсь не упоминается; козацкій полкъ набирается на-ново, но изъ той же среды и болѣе или менѣе на тѣхъ же самыхъ условіяхъ—такъ опредѣляетъ это новый королевскій уставъ. „Верховнымъ начальникомъ, на мѣсто покойника вельможнаго Юр. Язловецкаго, назначаемъ имъ кн. Михайла Вишневецкаго, старосту нашего черкасскаго и каневскаго, и ему гетманъ ихъ и другіе начальники, и также всѣ козаки (mołojcy) должны быть послушны". На время московской войны назначается имъ болѣе высокая плата (по 15 зл. въ годъ и по кафтану), „а позже будуть получать то, что имѣли при пок. Сигизмундѣ-Августѣ королѣ, тѣмъ самымъ способомъ и съ тѣми же вольностями, какія тогда были имъ предоставлены" [2]). „Другія постановленія, касающіяся какъ плѣнныхъ, такъ и иныхъ вопросовъ, установленныя при покойномъ Юр. Язловецкомъ, должны быть выполняемы".

Служба этихъ козаковъ должна была начаться съ Николина дня (6/XII 1578): тогда они должны были присягнуть въ вѣрности королю, въ послушаніи своему верховному начальнику (кн. Вишневецкому), и въ соблюденіи своихъ обязанностей. Козаки не должны воевать съ Молдавіей, не должны производить въ ея предѣлахъ никакихъ опустошеній и безпорядковъ, наоборотъ—всѣхъ, о комъ узнали бы, что они готовятся къ нападенію, они должны усмирять, ловить и истреблять, какъ враговъ короля и государства. Точно такъ же должны держать себя по отношенію къ Бѣлгороду, Очакову, Тягинѣ, тамошнимъ селамъ и степямъ—никакихъ опустошеній не причинять и не позволять причинять. Хану

---

[1]) Acta St. Bathorei № 160, Źródła dz. IX c. 217.

[2]) Potem to mają mieć, co mieli za św. pamięci Zygmunta-Augusta króla i przodka naszego, tym kształtem i z tą wolnoscią, jako w ten czas było.

крымскому, его землямъ и людямъ, улусамъ и степямъ въ челяди, скотѣ и ни въ чемъ другомъ не должны причинять никакого ущерба, такъ какъ онъ съ Татарами обязался служить королю противъ непріятелей коронныхъ. Должны доставлять правительству извѣстія о людяхъ ханскихъ и вообще поступать соотвѣтственно наказамъ королевскимъ, какіе имъ будутъ даны [1]).

Въ знакъ того, что это войско находится на королевской службѣ, козаки получили большое королевское знамя, шелковое, съ изображеніями [2]). Быть можетъ было имъ пожаловано еще что-нибудь, позднѣе входившее въ понятіе войсковыхъ „клейнодовъ", какъ бубны, трубы и т. п.

Непосредственнымъ начальникомъ надъ козаками—„гетманомъ", какъ называетъ его сама королевская грамота, хотя очевидно не въ смыслѣ опредѣленнаго титула,—былъ назначенъ непосредственно королемъ, или кн. Вишневецкимъ Янъ Оришовскій, шляхтичъ, должно быть изъ тѣхъ, которые издавна водили компанію съ козаками. Самъ онъ называетъ себя „поручикомъ", въ значеніи французскаго lieutenant—помощника кн. Вишневецкаго. „Писаремъ", точнѣе казначеемъ и интендантомъ—былъ назначенъ упомянутый уже агентъ Баторія, Янча Бегеръ.

Перепись козацкаго полка, произведенная въ 1581 г., послѣ возвращенія козаковъ съ московской войны, даетъ кое-какія подробности организаціи этихъ королевскихъ козаковъ—„козаковъ низовыхъ запорожскихъ и рѣчныхъ, ходившихъ на службу королевскую въ Москву", какъ называетъ ихъ перепись [3]). Во главѣ полка стоитъ Янъ Оришовскій, „поручикъ козаковъ низовыхъ запорожскихъ", при немъ его свита изъ 30 человѣкъ (въ томъ числѣ нѣсколько шляхтичей, Украинцевъ и Поляковъ, судя по именамъ) [4]). Затѣмъ слѣдуетъ пятьсотъ козаковъ, раздѣленныхъ на десятки; во главѣ

---

[1]) Acta St. Bathorei № 160, ср. № 189.

[2]) Źródła IX с. 207: Zibaldo aucupictori a labore vexil. magni Nizouiis missi pro serico dati f. 18 (осень 1578), ср. 203 (знамя отвезено козакамъ въ ноябрѣ). Такъ какъ разрисовывалъ хоругвь aucupictor, можно догадываться, что на хоругви былъ изображенъ польскій государственный орелъ.

[3]) Regestr kozaków nizowych zaporoskich i rzececznych, którzy chodzili na służbę króla imci do Moskwy"—Źródła dz. т. XX с. 154.

[4]) Александръ Мирейовскій, Ник. Садковскій, Станиславъ Строжевскій, Курбякъ Шульжинскій, Семенъ Копицкій и др.

каждого „атаманъ“, который входитъ въ число десятка (такъ что десятокъ состоитъ изъ атамана и девяти козаковъ). Прочее начальство, очевидно, находится въ составѣ свиты Оришовскаго. Большая часть козаковъ носитъ прозвище отъ своихъ городовъ или народности, и эти прозвища даютъ указанія относительно состава этого козачества. Правда, на немъ, очевидно, сильно отразилось пребываніе этого козацкого полка на бѣлорусскомъ театрѣ войны и переходъ черезъ бѣлорусскія земли. Не только большое число козаковъ изъ глубины бѣлорусскихъ земель (изъ Могилева, Гомеля, Быхова, Мстиславля, Полоцка, Витебска— всего свыше 90), но и цифры выходцевъ изъ припетскаго Полѣсья (свыше 50) [1]), даже изъ краевъ московскихъ, литовскихъ и польскихъ, хотя онѣ сами по себѣ и не велики [2]), вѣроятно всетаки значительно выросли, благодаря этимъ спеціальнымъ условіямъ переписи, по сравненію съ тѣмъ составомъ козацкаго полка, въ какомъ онъ былъ навербованъ на Украинѣ. Взявъ за скобки эти элементы, выросшіе въ спеціальныхъ условіяхъ, въ которыхъ комплектовался полкъ во время кампаніи и послѣ нея, получаемъ цифры, дающія намъ представленіе о нормальномъ составѣ козаковъ. Изъ Кіевскихъ земель 70 лицъ (всего больше Черкасцевъ— 26, 14 Каневцевъ, 12 Кіевлянъ, 8 Бѣлоцерковцевъ, 4 Острянъ, 4 изъ кіевско-брацлавскаго пограничья); почти столько-же Волынянъ (74)—здѣсь обращаютъ на себя вниманіе большія цифры изъ южной Волыни, владѣній Острожскихъ (изъ Дубенщины около 15, изъ Константинова 8, Острога 6) [3]). Изъ другихъ украинскихъ областей, разумѣется значительно меньше — изъ Брацлавскихъ и Подольскихъ земель вмѣстѣ около 20, изъ Галиціи 12, изъ Холмскихъ и Подляшскихъ земель 8. Хотя происхожденіе отмѣчено не для всѣхъ лицъ, и всѣ прозвища въ

---

[1]) 3 Чернобыльца, 17 Мозырянъ, 11 Брагинцевъ, 10 изъ Давидгородка, 13 изъ Турова, 3 изъ пинской области. Хотя изъ этихъ городовъ и окрестностей издавна ходило много людей на украинскіе промыслы, но и здѣсь нужно считаться съ переходомъ полка черезъ Бѣлоруссію и комплектованіемъ его въ бѣлорусскихъ краяхъ.

[2]) „Московитянъ“ и людей изъ московскихъ земель 24, Литовцевъ или людей изъ литовскихъ городовъ 9, изъ польскихъ областей 10, и нѣсколько (3—4) съ характерными польскими именами, не считая свиты Оришовскаго.

[3]) Припомнимъ реляцію Тарла, что наибольшее число козаковъ выходитъ изъ владѣній Острожскаго (см. выше с. 197).

извѣстной степени носятъ характеръ случайный, все же соотно шеніе этихъ цифръ имѣетъ несомнѣнное значеніе. Рядомъ съ Кіевлянами, Волынянами и немногочисленными выходцами изъ Западной Украины необходимо допустить и въ нормальныхъ условіяхъ значительную примѣсь Полѣщуковъ и Бѣлоруссовъ, присутствіе выходцевъ изъ Московскихъ краевъ, нѣкоторую примѣсь Поляковъ. Всѣ другіе элементы очень незначительны (одинъ Нѣмецъ, одинъ Сербъ, одинъ Татаринъ, одинъ Кафинецъ, два Пятигорца—одинъ изъ нихъ, быть можетъ, „пятигорскій Черкесъ“). Преобладаетъ украинская стихія — съ бѣлорусскою примѣсью.

Резиденціею козаковъ, ихъ оффиціальнымъ владѣніемъ становится Терехтемировъ со своимъ стариннымъ Зарубскимъ монастыремъ, пожалованнымъ Баторіемъ козакамъ на госпиталь для раненыхъ и неспособныхъ къ войнѣ козаковъ [1]). Позднѣйшее комиссарское постановленіе ставило козакамъ на видъ, что Терехтемировъ долженъ служить исключительно для помѣщенія госпиталя, а не сборнымъ мѣстомъ козацкихъ ватагъ—это указываетъ на роль Терехтемирова въ дѣйствительной козацкой жизни, какъ ихъ военнаго центра и сборнаго пункта, арсенала и официальной резиденціи, какимъ описывалъ его въ 1620-хъ гг. Собѣсскій, а въ 1640-хъ Пясецкій [2]).

Понятіе козацкихъ вольностей, признанныхъ правительствомъ Баторія и лишь глухо упомянутыхъ въ его грамотѣ, со ссылкой на постановленія Сигизмунда Августа, развиваетъ его грамота

---

[1]) Объ этомъ пожалованіи имѣемъ упоминаніе у позднѣйшаго Лассоты: Therechtomirow so den Zaporosen kosaken vom Khünig Stephano zue einem Spital gegeben worden (c. 207).

[2]) Commentarii Chotinensis belli c. 113—4, Chronica gestorum c. 54—5. Относительно того, долженъ ли былъ Терехтемировъ по мысли пожалованія Баторія служить только госпиталемъ, возникла недавно полемика между Яблоновскимъ и Ярошемъ. Яблоновскій доказывалъ, что Терехтемировъ самимъ Баторіемъ могъ предназначаться также и для козацкаго арсенала и для козацкихъ совѣщаній и управленія, consiliorum et magistratus sedem, какъ выражается Пясецкій. Это вполнѣ возможно въ особенности по отношенію къ арсеналу, и во всякомъ случаѣ Яблоновскій вполнѣ правъ утверждая, что независимо отъ того, жаловалъ ли Баторій Терехтемировъ лишь для госпиталя, или нѣтъ, но исключительно для помѣщенія госпиталя Терехтемировъ въ дѣйствительности не служилъ. Но Яблоновскій ошибается, предполагая, что въ составъ терехтемировскаго пожалованія входилъ и Борисполь. Объ этомъ ниже.

отъ 1582 г., изданная въ руководство украинскимъ воеводамъ и старостамъ, вслѣдствіе казацкихъ жалобъ на нарушенія ихъ правъ. Козаки жаловались, что мѣстная администрація присвоивъ себѣ юрисдикцію надъ ними mimo urzad i zwierzchność starszego ich, арестуетъ, подвергаетъ козаковъ тюремному заключенію безо всякой причины, облагаетъ „обвѣстками, колядами“ и другими налогами, забираетъ имущество послѣ умершихъ козаковъ, „минуя ихъ пріятелей и родственниковъ“. Все это, какъ мы знаемъ, было старой практикой—такіе поборы съ козаковъ практиковались старостами еще въ первой пол. XVI в., но теперь козаки не хотѣли больше мириться съ ними, ссылаясь на вольности, признанныя за ними королями, и Баторій сталъ на ихъ сторону. Онъ приказалъ украинской администраціи впредь не распространять своей власти и юрисдикціи „надъ этими низовыми козаками, особенно тѣми, которые получаютъ плату отъ насъ, а живутъ въ городахъ, мѣстечкахъ и другихъ мѣстахъ“. Администрація не имѣетъ права наказывать козаковъ и сажать въ тюрьму безъ вѣдома ихъ старшаго, поставленнаго надъ ними отъ короля; не можетъ судить ихъ въ обыкновенныхъ дѣлахъ—только виновныхъ въ убійствахъ и насиліяхъ, по соглашенію въ козацкой администраціею, можно карать на основѣ общихъ судебныхъ установленій; не вправѣ взыскивать съ нихъ налоговъ, поборовъ, забирать имущество послѣ умершихъ, въ ущербъ ихъ родственникамъ или тѣмъ, кому умершій свое имущество отказалъ [1]).

Очевидно, и эта грамота только развиваетъ принципы козацкаго иммунитета, провозглашеннаго реформою Язловецкаго. Характерно, что и здѣсь, какъ и въ грамотѣ 1572 г., этотъ иммунитетъ ближайшимъ образомъ признается лишь за королевскими козаками, принятыми на службу, но не исключительно: король не считаетъ возможнимъ отказать въ немъ всему козачеству. На первый взглядъ это находится въ странномъ противорѣчіи съ намѣреніями Баторія, но объясняется отчасти традиціями реформы Язловецкаго, отчасти тѣмъ, что въ моментъ изданія этой грамоты Баторій въ своей московской кампаніи пользовался услугами гораздо болѣе широкихъ и многочисленныхъ козацкихъ круговъ, а не одной лишь горстью реестровыхъ козаковъ.

Итакъ, реформа Баторія въ общемъ не вносила въ ко-

---

[1]) Грамота недавно найдена, издана въ Жерелахъ т. VIII, № 34.

зацкія отношенія почти ничего новаго по сравненію съ реформою Язловецкаго, а лишь повторяла и кое въ чемъ развивала нормы и практику, установленныя предшествующею реформою. Кое въ чемъ распоряженія Баторія были даже менѣе благопріятны для козаковъ. Напр. вмѣсто непосредственной зависимости козацкаго старшаго отъ короннаго гетмана, она отдавала его подъ власть черкасскаго старосты, который больше, чѣмъ кто-либо другой изъ мѣстной администраціи, давалъ обыкновенно чувствовать козачеству свою тяжелую руку. Козацкія вольности тѣмъ были и цѣнны прежде всего, что освобождали козаковъ изъ-подъ власти этого украинскаго вице-короля, а назначеніе его козацкимъ верховнымъ вождемъ давало ему лишь поводъ къ различнымъ претензіямъ. Возможно, что козацкія жалобы 1582 г. были тѣмъ и вызваны, что Вишневецкій и его агенты, опираясь на его верховныя права надъ козачествомъ, стали возобновлять старые поборы и претензіи. Болѣе благопріятна для козачества реформа Язловецкаго была и въ томъ отношеніи, что она сильнѣе подчеркивала единство всего козачества, реестроваго и нереестроваго, такъ какъ устанавливала власть „старшого“ надо всѣмъ козачествомъ безъ различія и тѣмъ самымъ еще опредѣленнѣе, нежели дѣлаетъ это грамота Баторія, давала всему козачеству основаніе пользоваться козацкими вольностями[1]).

Несмотря на это, реформа Баторія, какъ болѣе новая,

---

[1]) В. Ярошъ въ своемъ изслѣдованіи о реформѣ Баторія доказывалъ даже, что Баторій сознательно стремился „уничтожить зародыши козацкаго самоуправленія и самосуда“ и съ этой цѣлью отдалъ ихъ подъ власть черкасскаго старосты, и вообще старался „уничтожить всѣ казацкія особенности“—объ этомъ, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ петиція Кишки объ измѣненіи распоряженій кор. Стефана. Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, Баторій возобновлялъ и подтверждалъ козацкія вольности, признанныя реформою Язловецкаго, а Кишка просилъ подтвержденія Баторіевыхъ грамотъ, а не ихъ измѣненія, какъ думалъ Ярошъ. Не оцѣнивалъ надлежащимъ образомъ значенія распоряженій Баторія и Стороженко, выступая противъ „обще-распространеннаго среди ученыхъ вѣрованія“ будто бы Стефанъ Баторій какою-то „реформою“ измѣнилъ правовое положеніе козацкаго „сословія“ (с. 156). Стороженко справедливо поддерживаетъ мысль, что „козацкаго сословія“ тогда не было, но не учитываетъ того, что реформа Баторія, въ ряду другихъ, повліяла очень сильно на сформированіе этого козацкаго сословія— какъ я указывалъ на это много лѣтъ тому назадъ въ своихъ „Примітках до історії козачини“.

покрыла память предшествующей реформы Сигизмунда-Августа тѣмъ болѣе, что отъ той въ рукахъ козаковъ, насколько намъ извѣстно, не осталось никакихъ привилегій, а отъ Баторіевой кое что сохранилось. Указанная выше грамота 1582 г., подтверждавшая козацкія вольности, носитъ на себѣ интересную помѣту, что она предъявлялась позже козаками, какъ свидѣтельство о вольностяхъ, дарованныхъ имъ кор. Стефаномъ (изъ позднѣйшей переписки можемъ указать на петицію представленную Кишкою въ 1600 г. [1]), гдѣ онъ между прочимъ проситъ „поправы", т. е. подтвержденія, вѣроятно, грамоты кор. Стефана „относительно отумерщинъ нашихъ"). Эти „вольности"— козацкій иммунитетъ, признанный за козаками Баторіемъ и засвидѣтельствованный документами, сохранившимися и позже въ козацкихъ кругахъ, являлись, съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, самыми цѣнными изъ всего, что дала козачеству реформа Баторія. Кромѣ того и нѣкоторые другіе конкретные факты—какъ пожалованіе войсковыхъ клейнодовъ и козацкой резиденціи—Терехтемирова, послужили основою позднѣйшей Баторіевой легенды, и она въ традиціи XVII в. становится эпохою въ исторіи козачества. Но фактъ существованія Баторіевой грамоты все таки игралъ, думаю, главную роль среди обстоятельствъ, сдѣлавшихъ имя Баторія и его реформу центромъ позднѣйшихъ козацкихъ традицій о правахъ и вольностяхъ козацкихъ, о ростѣ организованности и численности козачества. Козачество не было богато документами, не вело метрикъ и архивовъ, и грамота Баторія, сохранившаяся благодаря счастливой случайности, послужила для позднѣйшихъ временъ опорнымъ пунктомъ для всѣхъ преданій о происхожденіи козацкихъ правъ и вольностей. Такимъ образомъ Баторіева легенда развивалась въ козацкихъ кругахъ, отсюда эхо ея достигало до польскаго общества, ея отзвуки попадали въ польскую литературу [2]), и затѣмъ эти польскіе литературные отзвуки, за недостаткомъ своей козацкой литературы XVII в., послужили опорными пунктами для

---

[1]) Listy S. Zółkiewskiego № 74.

[2]) Эти отголоски (у Пясецкаго, Твардовскаго, Грондскаго) приводитъ Стороженко въ своей книгѣ о реформѣ Баторія; надо прибавить еще интересный взглядъ на реформу Баторія Беніовскаго, въ инструкціи волынскаго сеймика 1676 г. (шеститысячный реестръ, набранный изъ общаго 40-тысячнаго козацкаго войска, и т. п.).—Архивъ Ю. З. Р. П. П, с. 352.

дальнѣйшаго развитія и обоснованія этой легенды въ козацкихъ кругахъ [1]).

Отъ Баторія идетъ традиція разныхъ козацкихъ порядковъ и установленій; вовсе не благосклонный къ козакамъ въ дѣйствительности, въ этой традиціи онъ выступаетъ какъ патронъ козачества, провозвѣстникъ его будущей славы, и Твардовскій, прославляя новую Украинскую Рѣчь-Посполитую, созданную Гадяцкимъ трактатомъ, видѣлъ въ ней осуществленіе Баторіевыхъ пророчествъ:

---

[1]) Наиболѣе старую редакцію ея въ козацкихъ кругахъ находимъ у Грабянки (с. 22—3)—она опирается очевидно на польской литературной традиціи Бѣльскаго, Пясецкаго, Твардовскаго, и прибавляетъ къ нимъ лишь нѣсколько штриховъ: Баторій даетъ козакамъ военные почетные знаки, отпускаетъ запасы, отъ него ведутъ начало всѣ козацкіе чины и т. п. Грамота Хмельницкаго съ подтвержденіемъ пожалованій Баторія, обращавшаяся въ запорожскихъ кругахъ въ половинѣ XVIII в., составлена была, очевидно, послѣ возвращенія Запорожцевъ изъ Крыма (издана Скальковскимъ въ Исторіи Новой Сѣчи т. III и Бодянскимъ въ московскихъ Чтеніяхъ 1846 г.) и не прибавляетъ къ разсказу Грабянки ничего новаго (центръ тяжести ея заключается въ точномъ опредѣленіи запорожской территоріи). За то у Симоновскаго козацкая традиція пріобрѣтаетъ важную подробность, ставшую вслѣдъ за тѣмъ одной изъ главнѣйшихъ составныхъ частей легенды: шеститысячный козацкій реестръ, раздѣленный на 6 полковъ (с. 8). Другимъ, менѣе существеннымъ добавленіемъ была легенда о второй козацкой резиденціи, построенной для козаковъ Баторіемъ и названной по его имени Батуриномъ (Лѣтописи изд. Бѣлозерскимъ с. 55, извѣстіе идетъ отъ Коховскаго). Новую редакцію даетъ авторъ „Исторіи Руссовъ"—вмѣсто старой, т. ск. войсково-козацкой, шляхетско-козацкую: Баторій признаетъ за козачествомъ шляхетскія права, наравнѣ съ польской и литовской шляхтой, выдающихся козаковъ надѣляетъ помѣстьями, заводитъ земскіе, городскіе и трибунальскіе суды со статутовымъ правомъ (с. 28—9). И несмотря на всю фантастичность и искусственность этой версіи, она просуществовала долго, и была повторена en toutes lettres не только Марковичемъ и его польскими послѣдователями (у Чарновскаго I. с. 90 и сл.), но въ нѣкоторыхъ своихъ элементахъ (какъ напр. „судебный трибуналъ въ Батуринѣ") удержалась даже въ курсѣ Эварницкаго (II с. 61). Старая же версія Грабянки-Симоновскаго съ полнымъ довѣріемъ повторялась украинскими историками до самаго послѣдняго времени (у Костомарова, во вступленіи къ Б. Хмельницкому I с. 20—1, изд. 1884, у Антоновича въ его Бесѣдахъ, у Эварницкаго въ его курсѣ и пр.)—не смотря на предостереженія, раздававшіяся уже съ 1870-хъ годовъ.

W czym nie proźna owa
Żartem praktykowana wrożka Sbefanowa,
Ze kiedyś z tyh łotrzyków rzecz bydz pospolita
Miała wolna [1]).

Въ произведеніяхъ козацкихъ историковъ XVIII в. эта Баторіева легенда получила дальнѣйшее развитіе, въ исторіографіи XIX в.—наукообразныя формы и въ видѣ такого канонизированнаго повѣствованія о томъ, что Баторій организовалъ козачество, сформировавъ шеститысячный реестръ, козацкіе полки и создавъ позднѣйшую систему козацкаго управленія,—она дожила до конца этого столѣтія [2]).

---

[1]) Twardowski Wojna domowa c. 265. Стороженко, вообще весьма скептически настроенный по отношеніи къ Баторіевой реформѣ, почему то въ этомъ пунктѣ отступаетъ отъ своего скептицизма и предполагаетъ, что дѣйствительно, на склонѣ жизни Баторій предчувствовалъ, что козачество „превратится въ сословіе, совершенно аналогичное шляхтѣ,—сословіе, которое пожелаетъ раздѣлить со шляхтою ея роль въ управленіи Рѣчью Посполитою, а получивъ съ ея стороны грубый отпоръ, устроитъ новую Рѣчь-Посполитую, старую же приведетъ къ гибели" (с. 119). Думаю, что Баторій очень мало виноватъ въ этихъ фантазіяхъ. Еслибъ онъ имѣлъ такія серіозныя предчувствія, то вѣроятно обнаружилъ бы чѣмъ нибудь свои опасенія, между тѣмъ этого совершенно не видимъ.

[2]) Кулишъ, лучше ознакомленный съ польскими историческими матеріалами XVI в., первый поднялъ голосъ противъ Баторіевой легенды. Правда, въ „Исторіи возсоединенія" онъ полагаетъ, что современные историческіе матеріалы „подтверждаютъ, въ извѣстной степени, лѣтописное сказаніе о Баторіевой регуляціи козацкаго войска" (I с. 94) и отказывается лишь принять всѣ подробности традиціи XVIII в. („едвали слѣдуетъ понимать эту регуляцію въ смыслѣ раздѣленія козаковъ на полки и проч."). Но нѣсколько лѣтъ спустя, въ „Матеріалахъ къ исторіи возсоединенія Руси", 1877 (с. 11), опубликовывая универсалъ Баторія къ козакамъ 1579 г., онъ уже рѣшительно не желаетъ вѣрить какой либо „регуляціи" козачества Баторіемъ. Однако эти скептическія мысли были обстоятельнѣе развиты лишь въ 1890-хъ гг.. Въ 1896 г. появилась статья Ал. Яблоновскаго Kozaczyzna a legitymizm, dwie legendy polityczno-historyczne Ukrainy—batoryańska i baturyńska (Atheneum 1896, VIII), въ которой онъ, останавливаясь главнымъ образомъ на исторіи Батурина, затронулъ въ общихъ чертахъ и Баторіеву легенду. Вслѣдъ за тѣмъ появилась статья А. Стороженка „Сводъ данныхъ о Янѣ Орышевскомъ, запорожскомъ гетманѣ временъ Стефана Баторія" (К. Старина 1897, I), въ которой онъ вкратцѣ собралъ нѣкоторыя документальныя извѣстія о распоряженіяхъ Баторія, касавшихся козаковъ, не входя въ оцѣнку

Это были преувеличнія, собственно говоря—недоразумѣнія въ оцѣнкѣ тѣхъ вліяній, какія правительственныя реформы—болѣе ранняя—Августа, и новая—Баторія, оказали на сформированіе козачества. Въ области чисто военной, формальной организаціи вліянія ихъ были не велики и не важны. Можно отмѣтить развѣ кое-какіе второстепенные факты, какъ появленіе пятисотеннаго полка, какъ высшей организаціонной единицы: она можетъ вести свое начало отъ набора Баторія, и мы съ такими пятисотенными козацкими полками, не королевскими, а свободными запорожскими, встрѣчаемся и позже, въ девяностыхъ годахъ [1]. Это были менѣе важныя подробности, но указанная выше казацкая петиція 1582 г. къ королю, въ которой козаки протестовали уже какъ противъ praw ich naruszeniu [2]), противъ того, что мѣстная администрація претендуетъ на власть и юрисдикцію надъ коза-

---

традиціонныхъ свѣдѣній о нихъ. Въ слѣдующемъ году, по поводу „Бесід" проф. Антоновича, въ которыхъ поддерживался традиціонный взглядъ на реформу Баторія (шеститысячный реэстръ, организація козацкаго класса), я далъ оцѣнку реформы Баторія въ статьѣ „Примітки до історії козачини" (Записки львов. т. XXII). Затѣмъ въ 1903—4 гг. появилось одновременно еще нѣсколько работъ, посвященныхъ реформѣ Баторія: Влад. Яроша Legenda Batoryańska. Krytyczny szkic z dziejów Zaporoża (Kwart. histor., 1904), Ал. Яблоновскаго Trechtymirów (ibid. 1904) и упомянутая уже выше книга Стороженка С. Баторій и днѣпровскіе козаки, 1904. Работы Яроша и Стороженка дали сводъ извѣстій о распоряженіяхъ Баторія и опровергли традицію объ организаціи козачества Баторіемъ, но въ этой борьбѣ съ традиціей оба зашли слишкомъ далеко, стараясь доказать, что реформы Баторія ничего не дали для правового положенія козачества, а Ярошъ доказывалъ даже, что Баторій именно желалъ уничтожить козацкую автономію, признанную реформой Язловецкаго (см. выше). Два года спустя появился критическій обзоръ Доманицкаго: Чи була реформа Баторія? (Науковий збірник, присвячений М. Грушевському, 1906). Затѣмъ, появилась упомянутая выше критическая статья Любавскаго по поводу книжки Стороженка и статейка этого послѣдняго: Новыя подробности къ біографіи запорожскаго гетмана Яна Орышовскаго (кіев. Чтенія т. XIX). Наконецъ в 1911 г. появилась упомянутая уже статья И. Крипякевича: Козачина і Баторієві вольности (Жерела т. VIII), въ которой авторъ, отвергая Баторіеву легенду, старается оцѣнить то значеніе, которое реформа Баторія имѣла дѣйствительно въ жизни козачества.

[1]) Лассота с. 210: ein Polkownitk, das ist ein Bevehlshaber über fünff hundert Man.

[2]) Жерела VIII 9634.

ками, хочетъ собирать съ нихъ налоги и подати, примѣняетъ къ нимъ старую практику мѣстной городской жизни и т. д.,—открываетъ передъ нами ту дѣйствительную область, въ которой правительственныя реформы производили настоящій переворотъ: въ сферѣ соціальной. Передъ нами уже не общая жалоба населенія на мѣстную администрацію и ея неправды, какія мы видѣли прежде, а спеціально козацкаго класса, выдѣляющагося на почвѣ правъ и привилегій, признанныхъ за нимъ правительственными реформами, и шагъ за шагомъ дѣлающаго все дальнѣйшіе и дальнѣйшіе выводы изъ признанной за нимъ позиціи, въ направленіи полной эмансипаціи, полнаго иммунитета.

Съ точки зрѣнія національной, реформы козачества имѣли то значеніе, что благодаря козацкому иммунитету въ рамкахъ польской государственности получилось своего рода убѣжище, свободная отъ польскаго помѣщичьяго права сфера, гдѣ мѣстная украинская стихія могла вновь кристаллизоваться, соотвѣтственно съ своими традиціонными, особенностями. Значеніе, такимъ образомъ, почти исключительно отрицательное.

Набирая козаковъ на службу, Баторій, съ одной стороны, исполнялъ совѣты и пожеланія хана относительно водворенія спокойствія на южной границѣ. Ханъ совѣтовалъ лучшую часть козаковъ взять на свою службу, остальныхъ задавить репрессіями—не давать имъ пріюта на Украинѣ, не пускать къ нимъ припасовъ, и Баторій заявилъ черезъ своего посла, что все это онъ исполнилъ, или исполнитъ: козаковъ на свою службу возьметъ, приказы старостамъ уже далъ, кн. Острожскому поручилъ прогнать козаковъ съ Низу [1]). Все сдѣлалъ, что могъ сдѣлать лойяльный сосѣдъ и союзникъ. Но текстъ его „постановленія съ Низовцами“ указываетъ еще и на другую сторону, которую имѣлъ въ виду Баторій при организаціи козацкаго полка: воспользоваться имъ для своей войны съ Москвою. Козаки получали повышенную плату до окончанія московской войны, такимъ образомъ должны были непосредственно принять въ ней участіе. Судя по тѣмъ скептическимъ замѣчаніямъ относительно водворенія спокойствія на южной границѣ, какія Баторій такъ щедро разсыпалъ въ своей инструкціи, онъ этой другой сторонѣ—участію козаковъ въ московской

[1]) Acta St. Bathorei c. 36—7.

войнѣ придавалъ гораздо больше реальнаго значенія — и не ошибся.

Ни наказы старостамъ, ни перспектива экспедиціи Острожскаго, по какимъ-то ближе неизвѣстнымъ причинамъ въ концѣ концовъ не осуществившейся, ни, тѣмъ болѣе,—переходъ на королевскую службу нѣсколькихъ сотенъ „отборныхъ" козаковъ не предотвратили козацкихъ схватокъ на югѣ. Уже осенью того же 1578 г. какой-то „Лукіанъ козакъ"—быть можетъ извѣстный позднѣе съ титуломъ „гетмана козацкаго" Лукьянъ Чернинскій—напалъ на Молдавію, потомъ отправился подъ Очаковъ и угналъ оттуда табуны коней [1]). Слѣдомъ за нимъ „воеводичъ молдавскій" Константинъ Лакуста, участникъ предпріятій Подковы, бѣжавъ изъ Львова въ степи и собравъ „po części łotrostwa", также двинулся въ Молдавію. Тамъ онъ былъ разбитъ и вернувшись, отправился—какъ говорили, въ Москву, то есть въ заднѣпровскіе края. Но весною (1579) онъ вновь появился надъ Днѣпромъ, недалеко отъ Черкасъ, собирая козацкихъ охотниковъ для новаго похода въ Молдавію. Баторій былъ сильно раздраженъ всѣмъ этимъ и по первому же извѣстію о возвращеніи Лакусты поспѣшилъ послать на Украину своего дворянина, чтобы съ помощью пограничныхъ старостъ и королевскихъ козаковъ поймать претендента. Козакамъ онъ напоминалъ объ ихъ обязанностяхъ и грозилъ смертной казнью въ случаѣ, еслибъ они стали помогать Лакустѣ въ его планахъ [2]). Нѣсколько дней спустя снова цѣлый рядъ распоряженій на Украину все объ томже—ловить авантюриста [3]). Удалось ли предотвратить его походъ, остается неизвѣстнымъ, но спокойствія въ степяхъ, очевидно, все таки не было.

Да и трудно было требовать повиновенія и поддержанія порядка отъ козаковъ, если само правительство не исполняло обязанностей принятыхъ на себя по отношеніи къ козакамъ взамѣнъ своихъ требованій повиновенія и спокойствія. Въ письмѣ шефа козаковъ, черкасскаго старосты, писанномъ спустя полгода послѣ новой козацкой ординаціи короному канцлеру, находимъ очень цѣнныя указанія въ этомъ отношеніи. „Изволилъ мнѣ написать,

---

[1]) Sprawy wojenne c. 106, изъ другой копіи у Jorga Studii istorice asupra Chiliei si Cetatii Albe c. 336, Archiwum Zamojskiego I c. 301.

[2]) Acta Steph. Bathorei № 187—9, Archiwum Zamojskiego I № 250, 285.

[3]) Acta № 190—3 и 195.

ваша милость, что король посылаетъ Янчу, чтобы выдать Низовцамъ деньги,—но не только денегъ, а даже и Янчи козаки не могли дождаться, и я уже дальше никакъ не могъ ихъ задержать—всѣ пошли на Низъ; я исполнилъ волю и наказъ королевскій: всѣхъ ихъ собралъ въ Черкасы, но благодаря ли небрежности королевскихъ посланныхъ или по другой причинѣ ta kozacka rosprawa затянулась; и хотя козаки всѣ обязались и обѣщали мнѣ не дѣлать ничего противнаго королевской волѣ и не нападать на татарскіе улусы, но этому нельзя довѣрять, такъ какъ это народъ своевольный“ [1]). Дѣйствительно, трудно было надѣяться, что своевольные козаки сдержатъ свое обѣщаніе, если само правительство, желавшее ихъ дисциплинировать, деморализовало ихъ, проявляя такое игнорированіе своихъ обѣщаній и распоряженій, а свою неаккуратность хотѣло возмѣстить угрозами на случай неповиновенія.

На сеймѣ, созванномъ въ концѣ этого года, король провелъ постановленіе, временно, до новаго сейма дававшее украинской администраціи широкія права репрессій надъ своевольными людьми нешляхетскаго происхожденія, „нарушающими миръ съ Турками, Татарами и Волохами на Украинѣ Русской, Кіевской, Волынской, Подольской и Брацлавской“, а шляхтичей долженъ былъ судить надворный королевскій судъ, съ правомъ присуждать даже „на горло“ (къ смертной казни) [2]). Въ началѣ 1580 г. былъ изданъ универсалъ, которымъ король вмѣнялъ въ обязанность украинской администраціи и шляхтѣ охранять миръ и спокойствіе на южной границѣ и арестовывать всѣхъ виновныхъ въ его нарушеніи [3]). Послѣдствія этихъ новыхъ мѣръ неизвѣстны, но, очевидно, никакихъ особенныхъ результатовъ не получилось [4]). Ханъ черезъ своихъ пословъ не переставалъ жаловаться на „разбои и грабежи козаковъ“; Баторій повторялъ, что сдѣлаетъ все, что можетъ, но обѣщать ничего не въ состояніи, такъ какъ козаки—это сбродъ всевозможныхъ народностей, безъ постояннаго мѣстожительства, не подчиняющійся никакому праву и ни отъ кого-

---

[1]) Archiwum Zamojskiego I № 301 (8. IV 1579).

[2]) Volumina legum II с. 206, ср. Гейденштейна 143.

[3]) Архивъ Ю. З. Р. III ч. I № 5.

[4]) Въ позднѣйшемъ распоряженіи (1583) Баторій упоминаетъ, что онъ не воспользовался своимъ правомъ судить шляхту—nikogo za nią nie kondemnowano i podobno nie pozwano (Sprawy wojenne № 156).

не зависящій [1]). Въ 1581 г. дѣйствительно встрѣчаемъ реестровыхъ козаковъ въ Подольскихъ земляхъ, разставленныхъ вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ, очевидно, для поддержанія спокойствія отъ Татаръ и своевольныхъ козаковъ [2]).

Всетаки, въ теченіе этихъ двухъ съ половиною лѣтъ, 1579—1581, на югѣ было сравнительно спокойно такъ какъ энергія козаковъ, была отвлечена московской войной. Верховный распорядитель реестровыхъ козаковъ, Мих. Вишневецкій, съ другими украинскими магнатами опустошалъ московскія сѣверскія земли, разорялъ тамошніе замки, и очевидно при этомъ главный контингентъ, наряду съ мѣстной шляхтой, давало ему козачество—реестровое и еще болѣе нереестровое [3]). Отъ 1580 г. имѣемъ случайное извѣстіе, что реестровые козаки подъ предводительствомъ Оришовскаго ходили подъ Стародубъ и Почепъ, сожгли нѣсколько городовъ и замковъ и ушли съ огромною добычей [4]). На сѣверномъ театрѣ войны тоже встрѣчаемъ козаковъ въ то время: въ кампаніи 1579 г. подъ Полоцкомъ были „козаки низовые“, очевидно нереестровые, подъ предводительствомъ какого то Матвѣя Самоватаго и Николая [5]). Въ 1580 г. встрѣчаемъ цѣлый рядъ козацкихъ отрядовъ, навербованныхъ разными лицами, подъ предводительсвомъ своихъ вождей; такъ полоцкій воевода Дорогостайскій имѣлъ сто козаковъ конныхъ и триста пѣшихъ, знаменитый Филонъ Кмита 100 конныхъ и 500 пѣшихъ, Борисъ Жаба 300 пѣшихъ, Гаврило Бируля 500, Голубокъ 100, Корнило Перевальскій 100, Федоръ Кишевичъ 100, и т. д. [6]).

Въ началѣ 1582 г. московская война окончилась, навербованные для войны контингенты были распущены, въ томъ числѣ

---

[1]) Гейденштейнъ с. 198, пер. II с. 113.

[2]) Źródla dz. IX. II с. 294—5. Есть извѣстіе о битвѣ Вишневецкаго съ Татарами весною 1581 г. (Septentrionalische Historien с. 78, у Стороженка ор. с. с. 209).

[3]) Epicedion, панегирикъ Вишневецкому, переизданный Стороженкомъ, ор. с. с. 205—212.

[4]) Гейденштейнъ 164, пер. II с. 40.

[5]) Źródła dziejowe IX. II с. 204.

[6]) Ibid. с. 215—6; что контингенты были козацкіе, указано не вездѣ: въ приведенномъ мною рядѣ именъ, начиная съ Бирули, нѣтъ этого указанія, но нѣтъ сомнѣній въ томъ, что это были козацкіе вожди—Бируля и Голубокъ были извѣстны въ качествѣ козацкихъ вождей (Sarmatiae bellatores гл. 116).

и козацкіе отряды. Не только нереестровые козаки, набранные для войны, должны были вернуться во свояси, но и козаки реестровые были также роспущены, за недостаткомъ денегъ въ коронномъ казначействѣ, или сами разошлись, не получивъ жалованія за послѣдній годъ службы—какъ не получило его все войско вообще. Въ земляхъ польско-литовскихъ и особенно украинскихъ оказалось множество всякаго народа, привыкшаго къ военному добычничеству и теперь оставшагося и безъ занятія и безо всякихъ средствъ къ жизни. На восточно-украинскомъ пограничьѣ массами собирается этотъ безпокойный, воинственный элементъ, въ разныхъ предпріятіяхъ ищущій выхода своей энергіи и—средствъ существованія. Козацкій элементъ, и безъ того уже достаточно сильный и многочисленный, еще увеличивается и усиливается большимъ количествомъ разнаго сброда, втянутаго войной и оставшагося теперь безъ средствъ и занятій. „Козацкія нападенія стали еще болѣе частыми послѣ того, какъ кор. Стефанъ заключилъ миръ съ в. кн. московскимъ", отмѣчаетъ современникъ Гейденштейнъ, передавая взгляды п свѣдѣнія правительственныхъ и придворныхъ круговъ: „войско наше было распущено, и много людей непривычныхъ и нерасположенныхъ къ труду, привыкшихъ жить добычею въ непріятельскихъ краяхъ, присоединилось къ козакамъ, а тѣ, увеличивъ свои силы, начали съ теченіемъ времени все чаще и чаще нападать на земли, находившіяся въ мирѣ съ Польшею, грабить и жечь" [1]).

Здѣсь впервые отмѣчено то чередованіе прилива и отлива козацкой энергіи, которое наблюдается потомъ постоянно. Правительство постоянно обращалось къ козацкимъ силамъ для своихъ военныхъ нуждъ и само, посредствомъ своихъ воззваній и вербовщиковъ, доводило до maximum'а силу и численность козацкихъ контигентовъ; по миновании надобности пускало ихъ „на подножный кормъ", и когда эти козацкіе контингенты, оставшись безъ средствъ и занятій, искали выхода въ самовольныхъ походахъ,—оно обращалось къ репрессіямъ, къ жалобамъ на козацкое „лотровство" и т. д. Трудно однако рѣшить, сколько здѣсь было простой близорукости и сколько неизбѣжныхъ послѣдствій

[1]) Rerum polon. l. XII с. 326. Подобнымъ образомъ писалъ осенью 1583 г. Збаражскій: mniemam, iz ich więcej przybędzie do nich za rospuszczeniem wojska, jako teraz sila pacholików bez służby tula się (Sprawy wojenne с. 404).

коренныхъ недочетовъ польской государственности: недостатка у правительства денежныхъ средствъ для удовлетворенія войска послѣ войны, и отсутствія силъ и исполнительной власти для поддержанія спокойствія и порядка среди безпокойнаго военнаго элемента по окончаніи кампаніи. Истощеніе рессурсовъ для цѣлей войны имѣло обыкновенно тотъ результатъ, что по окончаніи кампаніи государство оставалось лишеннымъ войска и совершенно безсильнымъ сдержать буйный военный элементъ, которому невыплаченное жалованіе давало извѣстное моральное оправданіе для всякихъ безпорядковъ и эксцессовъ [1]). Такъ было и теперь; выпустивъ на Украину массу военнаго, своевольнаго элемента, съ неоплатными претензіями къ государству, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ распустило даже ту „преднѣйшую“ часть козачества, которая должна была служить сдержкою для козацкихъ своевольствъ.

Правительство до нѣкоторой степени учитывало эти перспективы и король требовалъ, чтобы сеймъ по крайней мѣрѣ оставилъ за нимъ на будущее время право судить непосредственно своимъ королевскимъ судомъ шляхтичей, предпринимающихъ своевольные походы. Но шляхта, утомленная тѣми уступками, какія принуждена была дѣлать королю на предшествующихъ сеймахъ въ виду войны, теперь рѣшительно отказывалась ему повиноваться. Средствъ для уплаты войску не ассигновала, полномочій по отношенію къ нарушителямъ спокойствія не предоставила [2]).

Результаты всего этого не замедлили обнаружиться.

Уже въ концѣ 1582 г. ханъ прислалъ гонца съ жалобами на то, что козаки на Самарѣ разбили татарскихъ пословъ, везшихъ изъ Москвы „упоминки“ для хана; ханъ требовалъ возмѣщенія, иначе грозилъ немедленнымъ походомъ на Украину— сообщалъ, что онъ уже двинулся со своимъ войскомъ. Турецкій посолъ, пріѣхавшій одновременно, чтобы поддержать требованія хана, также грозилъ, что если король не возвратитъ этихъ отнятыхъ козаками денегъ, то Турки также, вмѣстѣ съ Татарами, вышлютъ свое 40 тыс. войско на Украину. Однако Баторій не считалъ возможнымъ возвращаться къ прежней практикѣ: возмѣщать изъ коронной казны убытки, причиненные козаками, и повторилъ свой старый отвѣтъ, что онъ надъ козаками не имѣетъ власти и за нихъ не отвѣчаетъ; а одновременно съ тѣмъ началъ мо-

[1]) См. въ т. V с. 336—7. [2]) Sprawy wojenne № 196.

билизовать всѣ возможныя силы противъ Татаръ. Это произвело свое впечатлѣніе, и Татарская орда вернулась отъ Днѣпра назадъ [1]). Но весною (1583 г.) поднялась новая тревога: козаки стали готовиться къ походу на Молдавію съ новымъ претендентомъ на молдавскій престолъ, называвшимъ себя Мануиломъ, сыномъ Ивони. Грамоты и приказы, которые король поспѣшилъ разослать начальникамъ польскихъ войскъ и пограничнымъ старостамъ, помогли мало, тѣмъ болѣе, что и среди здѣшней шляхты нашлись сторонники и пособники этого предпріятія. Въ концѣ концовъ однако эту молдавскую экспедицію предотвратилъ брацлавскій староста Струсь, разбивъ козаковъ, отправившихся съ претендентомъ. Тогда козаки обратились на турецкіе города—разрушили Ягорлыкъ (на Днѣстрѣ), взяли и разграбили городъ Тягиню (Бендеры) съ окрестностями, забрали турецкія пушки и огромную добычу—говорили, что продали ее на ярмаркѣ за 12 тыс. золотыхъ [2]).

Это страшно разгнѣвало и встревожило короля, такъ какъ дѣйствительно грозило навлечь на Польшу войну съ Турціей, тѣмъ болѣе, что козаки вездѣ разсказывали, что ходили на Турокъ „по приказанію“ и на этомъ основаніи требовали на Украинѣ содержанія—такъ настойчиво, что возникаетъ подозрѣніе дѣйствительно какой-то мистификаціи [3]). Король впрочемъ не преминулъ, съ своей стороны, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы представить шляхтѣ страшныя перспективы этой авантюры, доказывая необходимость широкихъ полномочій противъ своевольныхъ шляхтичей. Королевское войско бросилось въ погоню за козаками, тѣ бросили захваченныя пушки и скрылись за Днѣпромъ. Дальше преслѣдовать ихъ не было возможности, да и правительство

---

[1]) Dyaryusze sejmowe z r. 1585 с. 349 (королевское предложеніе 1584 г.). Гейденштейнъ с. 207=пер. II с. 134—4.

[2]) Гейденштейнъ с. 213=пер. II с. 146—7. Sprawy wojenne № 156, Dyaryusze 1585 г. с. 350, разсказъ козацкаго старшаго у Боратынскаго Kozacy i Watykan (Przegląd polski 1906, октябрь).

[3]) Она могла имѣть мѣсто: имѣемъ извѣстіе что партія Замойскаго обвиняла въ этомъ походѣ 1583 года Зборовскихъ, а эти въ свою очередь сваливали вину за походъ на Замойскаго, т. е. на правительство, котораго правою рукой былъ Замойскій: что онъ побудилъ козаковъ къ походу на Молдавію, а потомъ на нихъ же свалилъ вину (B. Paprockiego dwie broszure polityczne, изд. 1900 г. с. 48). Козакамъ могло быть въ самомъ дѣлѣ внушено убѣжденіе, что правительство желаетъ такого похода.

опасалось, чтобы козаки не перешли за московскія границы, гдѣ стали бы небезопаснымъ оружіемъ противъ Польши [1]). Султана успокоили обѣщаніемъ возвратить пушки и наказать виновныхъ. Ихъ отыскивали въ разныхъ мѣстахъ, и на глазахъ у турецкаго чауша во Львовѣ обезглавили въ числѣ тридцати душъ [2]). Изъ шляхетскихъ участниковъ карающая десница обрушилась на Самуила Зборовскаго, извѣстнаго авантюриста и стараго врага короля и Замойскаго. Уже раньше лишенный гражданскихъ правъ, онъ навлекъ на себя и своего брата разныя другія обвиненія, между прочимъ въ томъ, что, какъ говорили, онъ склонялъ къ нападеніямъ на Турокъ козаковъ, съ которыми находился въ постоянныхъ сношеніяхъ и нѣкоторое время находился на Запорожьѣ. Теперь онъ былъ казненъ [3]).

Преслѣдованіе королевскими комиссарами виновниковъ въ Приднѣпровьи [4]), кажется, вызвало здѣсь какіе-то безпорядки.

---

[1]) Бѣльскій указываетъ: I natenczas gdy ich Stefan król chciał koniecznie wygubić, brali się do Moskwy do tych drugich kozaków, zkąd większe jeszcze niebespieczeństwo baczył, i przetoż im podobno dał pokoj (c. 1361).

[2]) Гейденштейнъ с. 213 и 225 (пер. II с. 147, 168). Septentrionalische Historien с. 83—5 у Стороженка; онъ высказываетъ догадку, что козацкимъ старшимъ, казненнымъ за эту исторію, былъ извѣстный намъ Янчи Бегеръ, королевскій комиссаръ, названный у Папроцкаго провокаторомъ (со стороны Замойскаго) похода на Турокъ.

[3]) Къ аферѣ Зборовскихъ: Ż. Pauli Pamiętniki do życia i sprawy Zborowskich, 184; Bartosza Paprockiego dwie broszury polityczne z lat 1587 и 1588 wyd. Czubek, 1900; Dyarysze sejmowe z 1585 г. (процессъ Криштофа Зборовскаго); Гейденштейнъ с. 219. Къ этому Зборовскому относятъ обыкновенно упоминаніе о Грицькѣ Зборовскомъ гетманѣ запорожскомъ въ думѣ объ Алексѣѣ Поповичѣ (Антоновичъ, Сумцовъ, Дашкевичъ), но это пріуроченье кажется мнѣ очень сомнительнымъ: пребываніе Самуила Зборовскаго среди козаковъ было кратко, ничѣмъ особеннымъ не отмѣчено, ни въ какихъ морскихъ походахъ онъ не участвовалъ, бурь на морѣ съ козаками также не испытывалъ (ссылаются на разсказъ Папроцкаго, но тутъ лишь незначительная охотничья экскурсія, na zwierz na wyspy morskie у устья Днѣпра). Скорѣе уже можно указать на другого Зборовскаго, козацкаго предводителя 1610 г., хотя и этотъ на столько слабо выступаетъ въ нашихъ источникахъ, что на этомъ сближеніи невозможно настаивать.

[4]) Упоминаніе объ ассигновкѣ для отправки въ Черкасы коморника Подольскаго для арестованія козаковъ, участниковъ похода на Тягинь—Źródła dz. IX. II с. 116.

Имѣется глухое извѣстіе о несогласіяхъ между Черкасцами и козаками. По этому поводу былъ отправленъ туда одинъ изъ ротмистровъ, Ожельскій, но кромѣ порученія — разобрать дѣло Черкасцевъ съ козаками, ему дано было и другое—произвести новый наборъ козаковъ на королевскую службу—взять изъ нихъ 600 человѣкъ на государственное содержаніе [1]).

Мотивы этого новаго набора неизвѣстны: просто ли почувствовалась надобность въ военномъ контингентѣ, или надѣялись, что это поможетъ положить предѣлъ козацкому своеволію. Ожельскій исполнилъ порученіе—если вѣрить его собщенію,—не безъ затрудненій, такъ какъ козаки, по его словамъ, больше цѣнили надежду на добычу, чѣмъ королевское жалованье. Дѣйствительно, имъ пришлось назначить плату болѣе высокую сравнительно съ 1578 г.: по 20 зол. въ годъ и по 4 арш. (5 локтей) сукна. Отрядъ этотъ, по свидѣтельству скарбовыхъ документовъ, былъ расположенъ въ Подольскихъ земляхъ вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ [2]). Сохранилось извѣстіе о выплатѣ содержанія, точнѣе—выдачѣ сукна, изъ послѣдующаго времени, 1584 г. [3]). Кому было поручено начальство надъ этими козаками въ качествѣ старшаго, намъ неизвѣстно, но не вижу основаній думать, что отъ этой должности былъ отстраненъ Оришовскій, фигурирующій и позже, въ 1585—6 гг. въ роли „гетмана запорожскаго“ [4]). Впрочемъ никакихъ подробностей о дѣятельности этого новаго (третьяго по счету) реестроваго козацкаго войска за короткое время его существованія не имѣемъ. Правительственныхъ актовъ, которые бы нормировали права и обязанности его, тоже нѣтъ. Оче-

---

[1]) Объ этомъ разсказываетъ самъ Ожельскій въ своихъ запискахъ—изданы у Броель-Плятера Pamiętniki IV с. 114.

[2]) Źródła dz. IX. II с. 295.

[3]) Архивъ Юго-Зап. Рос. III. I № 6.

[4]) Ярошъ (ор. с.) рѣшительно заявляетъ, что при этомъ новомъ наборѣ козацкимъ старшимъ былъ поставленъ Рожинскій, а Оришовскій poszedł w odstawkę, такъ какъ былъ скомпрометированъ разными „пограничными грѣхами“ (с. 610); но для такого утвержденія нѣтъ никакого основанія. Укажу, наоборотъ, что въ цитированномъ самимъ Ярошемъ актѣ отъ ноября 1586 г. (Архивъ Ю. З. Р. VII. I № 35) Оришовскій называется и гетманомъ запорожскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ „слугою е. корол. милости“. Гурскій въ своей исторіи пѣхоты (с. 35) говоритъ категорически, что старшимъ надъ этими 600 козаковъ въ 1583 г. былъ Оришовскій, но, къ сожалѣнію, не цитируетъ точнѣе своего источника.

видно, это было простымъ возобновленіемъ разъ организованнаго войска, съ тѣмъ же характеромъ и съ тѣми же правами; существованіе свое оно прекратило само собою, оставленное безъ вниманія—можетъ быть, вслѣдствіе отсутствія фондовъ на его содержаніе.

Ни этотъ новый наборъ козаковъ, ни суровыя кары надъ участниками авантюръ 1583 г. не оказали сколько нибудь длительнаго вліянія на козацкія своеволія. Лѣто 1584 г. прошло, кажется, спокойно; но въ концѣ года козаки напали на Очаковъ, сожгли его и причинили Татарамъ много убытковъ, а въ польскихъ кругахъ—тревоги. Потомъ, кажется—независимо отъ этого похода, козаки напали еще на татарскіе улусы и угнали много скота и забрали въ плѣнъ людей. Ханъ въ отместку за это выслалъ на Украину орду. Татаръ этихъ въ концѣ концовъ разбили, но опасались, что эта козацкая авантюра послужитъ послѣдней каплей въ чашѣ турецкаго гнѣва, тѣмъ болѣе, что Порта незадолго передъ тѣмъ предпринимала походъ въ Крымъ и легко могла повторить экспедицію въ смежныя области Польши. Въ зимнюю сессію сейма въ началѣ 1585 г. въ польскихъ кругахъ сильно безпокоились по этому поводу, но въ концѣ концовъ не пришли къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ [1]). Король отправилъ своего посла Глембоцкаго въ Подольскія и Волынскія земли съ порученіемъ отыскать стада, захваченныя козаками у Татаръ, а можетъ быть—и виновныхъ въ нападеніяхъ. Однако эта миссія окончилась для королевскаго посла весьма плачевно: онъ гдѣ-то столкнулся съ козаками и тѣ въ концѣ концовъ его утопили [2]).

Это было однако слишкомъ рискованнымъ шагомъ, даже для козаковъ, и его вожди рѣшили снять съ себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. „Кн. Михайло Ружинскій, гетманъ козаковъ запорожскихъ, съ прочими козаками, товарищами своими запорожскими“ прислали въ Кіевъ, къ мѣстной администраціи, закованныхъ въ кандалы одиннадцать человѣкъ, какъ виновниковъ этой исторіи—„менечи, якобы ты одинадцать человѣковъ збунтовавшися небожчика пана Глубоцкого замордовали и утопили, и тыхъ одинадцать человѣковъ узнали и нашли быть винными“. Однако кіевскій под-

---

[1]) Dyaryusze sejm. 1585 г. с. 8—9, 29, 282, 321. См. еще ниже.

[2]) Архивъ Ю.-Зап. Рос. III. I № 7, Гейденштейнъ с. 326= пер. II с. 362.

воевода не захотѣлъ принять арестантовъ и отослалъ въ ратушу, гдѣ опять таки мѣщане отказались ихъ взять на свою отвѣтственность, „бо дей ту въ киевскомъ ратушу, яко на Украини, везеня такъ моцного якъ увъ иншихъ местахъ нетъ“ [1]. Дождались ли они здѣсь королевской резолюціи, или нашли возможность уйти, „яко на Украини“, остается неизвѣстнымъ.

Изъ московскихъ источниковъ узнаемъ что козаки по-прежнему продолжали вести сношенія съ московскими воеводами, очевидно—съ цѣлью получать отъ нихъ „жалованье“ и средства для борьбы съ Татарами, и принимали участіе въ тогдашнихъ крымскихъ замѣшательствахъ. Въ 1585 г. козаки подъ предводительствомъ Оришовскаго дважды ходили на крымскіе улусы и угнали массу скота; позже отъ Оришовскаго и другихъ козацкихъ предводителей ѣздили въ Крымъ послы, заявляя готовность служить хану противъ всѣхъ его враговъ, кромѣ Польши—вѣроятно ближайшимъ образомъ подразумѣвался тогдашній конфликтъ Крыма съ Портою. Но изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло и козаки продолжали потомъ нападенія на крымскіе улусы, а московское правительство поддерживало сношенія съ ихъ вождями—Михайломъ Ружинскимъ, его братомъ Кирикомъ и другими атаманами и съ своей стороны побуждало ихъ къ нападеніямъ на Татаръ [2].

Изъ источниковъ мѣстныхъ—изъ письма Богдана Микошинскаго „гетмана войска запорожскаго“, узнаемъ, что весною 1586 г. козаки сражались съ Татарами у Днѣпра: ханъ намѣревался перейти черезъ Днѣпръ, около Таволжаного острова, но козаки вступили съ ними бой и не позволили перейти [3].

Смерть Баторія въ концѣ этого года и послѣдовавшее безкоролевье съ ожесточенною борьбою партій сообщили новую энергію козачеству. Козаки снова напали на Очаковъ, взяли замокъ,

[1]) Архивъ Ю. З. Р. Ш I № 7, Grabowski Źródła I c. 66—7. Ружинскій вслѣдъ за тѣмъ фигурируетъ въ качествѣ слуги кн. Януша Острожскаго (29. IV. 1587—Архивъ Ю. З. Р. VI. 1 с. 170); это наводитъ мысль, не сталъ ли онъ послѣ своего акта лойяльности невозможнымъ въ козацкой средѣ, или быть можетъ сама лойяльность объясняется его ролью слуги дома Острожскихъ.

[2]) Соловьевъ XII с. 608—9; однимъ изъ предпріятій 1585 г., должно быть былъ походъ на Очаковъ зимою 1584—5 г., и кромѣ того былъ другой, и вѣроятно о скотѣ, захваченномъ въ этотъ второй походъ, долженъ былъ произвести разслѣдованіе Глембоцкій.

[3]) Listy Żółkiewskiego c. 34.

взобрались ночью по лѣстницамъ, вырѣзали гарнизонъ, разбили и сожгли городъ. Затѣмъ двинулись въ Молдавію съ какимъ-то претендентомъ. Походъ не удался: господарь сначала отступилъ передъ козаками, но получивъ помощь отъ Турокъ, принудилъ ихъ выйти изъ Молдавскихъ земель въ Покутье [1]). За этимъ послѣдовалъ морской походъ. Предводителемъ былъ Кулага, должно быть Захаръ Кулага, одинъ изъ атамановъ въ реестрѣ 1581 г. Козаки на лодкахъ подошли къ Козлову (теп. Евпаторіи) взяли нѣсколько турецкихъ кораблей, затѣмъ напали на годъ, разгромили нѣсколько сотъ лавокъ, захватили товары, Турокъ и Евреевъ убивали и забирали въ плѣнъ: но въ это время подоспѣлъ калга съ Татарами, произошла битва въ самомъ городѣ, Кулага былъ убитъ, нѣсколько десятковъ козаковъ попало въ плѣнъ, другіе ушли. Напали также на Бѣлгородъ и сожгли его. Въ другой разъ тѣ же украинскіе, будто-бы, козаки напали на Азовъ, ограбили бухарскихъ купцовъ и взяли въ плѣнъ триста человѣкъ [2]). Разгнѣванный всѣмъ этимъ султанъ приказалъ хану вторгнуться въ Украину, а изъ-за Дуная туда же долженъ былъ двинуться съ турецкимъ войскомъ, взявъ къ себѣ въ помощь молдавскія силы, беглербегъ „то есть гетманъ всѣхъ войскъ европейскихъ“,—онъ вмѣстѣ съ Татарами долженъ былъ напасть на Польшу.

Польскіе круги охватила паника—къ войнѣ съ Турціею они чувствовали себя совершенно не подготовленными [3]). Польша еще не вышла изъ состоянія анархіи и междоусобій безкоролевья; отношенія съ Австріею, нарушенныя вооруженною борьбою австрійской и шведской партіи, не были возстановлены. Польша чувствовала себя на краю гибели. Правда, гроза миновала: ханъ, какъ объясняли—полакомившись на добычу, поспѣшилъ напасть на Украину не ожидая Турокъ—и былъ разбитъ. Козаки на р. Каменкѣ сильно разгромили его, разбили орду также на переправѣ

---

[1]) Гейденштейнъ с. 326, для хронологіи этихъ событій—дневникъ сейма 1587 г. (Scriptores rerum polonicarum, XI): на сеймъ вѣсть о разрушеніи Тягини пришла 31 іюля.

[2]) Московская реляція у Соловьева VII с. 610; Жерела VIII № 38—9, Гейденштейнъ l. c., Бѣльскій с. 1617, письмо Замойскаго въ Archiwum Radziwiłłów с. 98.

[3]) Тревожные слухи о турецкомъ походѣ появились уже во время сейма 1586 г.—Dyaryusz с. 119, но они были ложными—ср. с. 157.

черезъ Днѣстръ, много Татаръ погибло, и ханъ, самъ раненый, принужденъ былъ вернуться въ Крымъ прежде, чѣмъ двинулось изъ-за Дуная турецкое войско. Энергія отчаянія придала силъ вождю польскихъ военныхъ силъ, Замойскому; онъ успѣлъ стянуть кое-какія силы, и вѣсти объ этомъ, принесенныя передовымъ турецкимъ войскомъ, напавшимъ на Покутье, охладили военный пылъ Турокъ. Беглербегъ, отступивъ за Дунай, къ Силистріи, зимою 1589 г., началъ переговоры, поставивъ условіемъ уничтоженіе пограничныхъ замковъ, служившихъ исходными пунктами для козацкихъ походовъ, усмиреніе и уничтоженіе самихъ козаковъ. Но на слѣдующее лѣто объявилъ новый походъ на Польшу [1]).

Подъ такими впечатлѣніями былъ созванъ сеймъ весной 1590 г. Опасность угрожавшая со стороны Турокъ, необходимость сдержать козаковъ, организація обороны—стояли на первомъ планѣ. И это тѣмъ болѣе, что ростъ козачества давалъ себя чувствовать и украинской шляхтѣ. Уже на сеймѣ 1587 г. раздавались жалобы на козаковъ, что они приходятъ въ подольскія села, грабятъ ихъ и заявляютъ при этомъ, что поступаютъ такъ съ разрѣшенія рѣчи посполитой [2]). Въ шляхетскихъ инструкціяхъ на сеймъ 1590 г. находимъ жалобы, что козаки „не только своимъ своевольствамъ нарушаютъ договоры и союзы съ сосѣдними государствами, но и намъ (шляхтѣ) даютъ себя чувствовать, обращаются съ нами не иначе, какъ Татары—облагаютъ огромными поборами шляхетское населеніе и города, и только что не жгутъ имѣній“ [3]). Вышедшій годомъ позже королевскій универсалъ, извѣщая о посылкѣ на Украину комиссаровъ для разслѣдованія здѣшнихъ своевольствъ, мотивируетъ эту мѣру не только козацкими нападеніями на сосѣднія государства, но и „громадными и неслыханными убытками, притѣсненіями, грабежами и убійствами въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ“ воеводствъ Во-

---

[1]) Королевская инструкція сеймикамъ—Жерела VIII № 39; Archiwum Radziwiłłów с. 99—100.

[2]) Dyaryusze r. 1587 с. 202. Можно указать еще на жалобы Збаражскаго 1583 г. на Янчи, что онъ gwałtem sobie przystawstwa pozabirał i szkody poczynił--teraz zasię—powiedają sobie u mnie przystawstwa i rozkazują, aby im urzędnik żywnosć dawał (Sprawy wojenne с. 403—4).

[3]) Жерела VIII № 39; я не увѣренъ однако въ датѣ этой инструкціи—не относится ли она ко временамъ Наливайка.

лынскаго, Кіевскаго и Брацлавскаго, которые производятъ здѣсь „своевольные люди“.

Судебныя книги восточной Украины дѣйствительно даютъ намъ не одинъ примѣръ такихъ эксцессовъ. Такъ напр. управляющій Коденской волости Тышкевичей въ 1586 г. заноситъ жалобу, что во время татарской тревоги „ниякиесь козаки, на имя Лукян Чернинскій, который кажетъ себе гетманомъ звати, ниякійсь Ивановскій, а Патока а Пергатъ и инших козаковъ не мало“, собравъ крестьянъ изъ сосѣднихъ селъ, напали на городъ Кодню и разграбили его, и тоже сдѣлали и съ сосѣдними экономіями [1]. Кіевскій хорунжій Бутовичъ со своимъ сыномъ, находившимся, очевидно, въ близкихъ отношеніяхъ съ козаками, призвавъ нѣсколько сотъ козаковъ, ограбилъ Хворощанское имѣніе Козаровскихъ, съ которыми, видимо, имѣлъ какую-то тяжбу [2], и т. п. Экскурсіи предпринимались и въ болѣе отдаленныя мѣстности. Напр. весною 1590 г. козацкія ватаги подъ предводительствомъ нѣсколькихъ атамановъ (Якуба Осовскаго, Андрея Рогачовскаго, эсаула Федора Полоуса у др.) прошли въ Быховскую волость Ходкевичей, отъ имени своего гетмана Войтѣха Чановицкаго „розказуючи собѣ податокъ незвыклый грошовий и незмѣрную и незвиклую стацію, такъ тежъ салетру, оловъ и сѣрки колько тысячъ фунтовъ на козаки складати“, и силою забирали скотъ, припасы и всякую всячину у мѣстнаго населенія, причиняя ему разныя насилія и притѣсненія и т. п. [3]).

Навербованное въ 1583 г. козацкое войско весьма быстро распалось, сообщивъ козацкой массѣ лишь свои претензіи на разныя права и привилегіи, начиная судебно-административнымъ иммунитетомъ и кончая претензіями на „приставства“— квартиры и содержаніе. Когда на конвокаціонный сеймъ въ началѣ 1587 г. пріѣхалъ Оришовскій со своими требованіями, касающимися невыплаченнаго жалованья и вознагражденія за службу—свою личную или козаковъ вообще, этого дневникъ не поясняетъ (зато упоминаетъ, что Оришовскій былъ одѣтъ po grecku и во время чтенія его петиціи сѣлъ на ziemi po turecku)[4])—въ связи съ этимъ вѣроятно былъ поднятъ вопросъ о реестровомъ

---

[1]) Архивъ Ю. З. Рос. III. I № 8 (дата 1587 г. ошибочна, ср. с. 19 и опись актовой книги № 6 с. 33).

[2]) Архивъ Ю. З. Р. III. I № 9, ср. мои Матеріали до історії козацьких рухів 1590-х рр. № 12.

[3]) Археограф. сб. I № 61.

[4]) Dyaryusze z 1587 г. с. 33.

козачествѣ. Содержанія дебатъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, мы имѣемъ лишь короткое упоминаніе, что вновь рѣшено было взять козаковъ на службу, а старшимъ надъ ними назначить снова Оришовскаго [1]). Что касается размѣровъ контингента, то имѣется извѣстіе, точности котораго, къ сожалѣнію, неможемъ провѣрить,—что въ 1588 г. на службѣ было 966 козаковъ [2]). Въ знаменитой Бычинской битвѣ того же года, рѣшившей борьбу за польскую корону между Сигизмундомъ и Максиміліаномъ австрійскимъ, принимали участіе и козаки, въ главѣ съ Оришовскимъ и другими вождями (Голубкомъ между прочимъ) [3]). Но существованіе постояннаго козацкаго полка такихъ размѣровъ во все это время (1587—90) остается сомнительнымъ. Судя по тому, что на сеймѣ 1590 г. вновь идутъ дебаты о сформированіи новаго козацкаго войска, скорѣе нужно думать, что обычная причина—неплатежъ денегъ—скоро привела къ розложенію и козацкій полкъ, набранный въ 1587 г., и все козачество безъ различія было захвачено походами на турецкія владѣнія послѣдовавшими въ концѣ 1580-хъ годовъ.

Сеймъ, созванный весною 1590 г. находился подъ впечатлѣніемъ грозныхъ вѣстей, привезенныхъ изъ Турціи: Порта требуетъ отъ Польши ежегодной дани, иначе грозитъ новымъ походомъ, который кончится насильственнымъ обращеніемъ Поляковъ въ религію Магомета. На польскихъ пословъ въ Царьградѣ визирь кричалъ какъ на какихъ нибудь проходимцевъ: „есть ли у васъ разумъ, опомнитесь! кто когда противился мнѣ? Персъ боится меня, Венеція дрожитъ, Итальянецъ умоляетъ о пощадѣ, Нѣмецъ принужденъ дать то, что скажу! Двину на васъ всѣ татарскія орды, Волоховъ и Молдаванъ, пашу силистрійскаго, будинскаго, темешварскаго, беглербега силистрійскаго съ двумястами тысячъ коней! Свѣтъ дрожитъ передо мною!“ Такъ разсказывали на сеймѣ, и гетманъ Замойскій на колѣняхъ просилъ палату подумать серьезно объ этомъ, такъ какъ опасность, дѣйствительно, грозитъ серьезная. И сеймъ относился къ этому во-

---

[1]) Ibid. с. 37.

[2]) Górski Historia piechoty с. 35—цитата на с. 243, относящаяся къ этому мѣсту, совсѣмъ невразумительна.

[3]) Бѣльскій с. 1606—7.

просу со всей серьезностью, признавая, что на карту поставлено самое существованіе Польши и ей грозитъ возможность завоеванія постигшаго не за долго передъ тѣмъ Венгрію. Считали необходимымъ собрать всѣ силы противъ страшнаго врага [1]).

Въ такой обстановкѣ и такомъ настроеніи обсуждался козацкій вопросъ. Съ одной стороны на головы козаковъ падали громы, въ виду того что именно они задѣли Турокъ и навлекли всю эту грозу на Польшу, или, по крайней мѣрѣ, ускорили катастрофу; съ другой стороны—польскіе политики, оцѣнивая участіе козаковъ въ прошлогодней кампаніи противъ Татаръ, принуждены были цѣнить ихъ какъ хорошее, дешевое и въ каждую минуту готовое войско для предстоящей войны съ Турціей. Тяжело приходилось съ козаками, но обойтись безъ нихъ тоже было трудно. Современникъ Бѣльскій передаетъ намъ отголоски тогдашнихъ споровъ о козачествѣ. Вспоминали, что и Баторій задумывался надъ полнымъ уничтоженіемъ козаковъ, но низовые козаки начали тогда убѣгать въ московскіе края, на Донъ, и это заставило его задуматься: въ такомъ случаѣ козаки стали бы еще опаснѣе для Польши, и вѣроятно это соображеніе заставило Баторія оставить ихъ въ покоѣ. Въ концѣ концовъ всѣ дебаты сходились на томъ, что безъ козаковъ все таки было бы еще хуже—Украина была бы еще болѣе беззащитною ввиду Татаръ и Турокъ. „Нужно, чтобъ они были, но держать ихъ въ порядкѣ"—таковъ былъ результатъ этихъ дебатъ за и противъ. „Еслибы Украйна была въ рукахъ Нѣмцевъ либо Венеціанъ,—не были бы они такими нерадивыми, какъ мы", признавали польскіе культуртрегеры. Нужно бы покрыть Украину сѣтью оборонительныхъ замковъ, расположить козаковъ въ пограничной полосѣ, куда вторгаются Татары—но нужно имъ платить [2]).

Этимъ соображеніемъ вполнѣ соотвѣтствуютъ постановленія, принятыя на сеймѣ 1590 г.—„порядокъ относительно Низовцевъ и Украины", какъ они озаглавлены въ сеймовыхъ конституціяхъ,—но они только развиваютъ тѣ рѣшенія и мѣры, которыя польскимъ правительствомъ принимались за предшествующіе двадцать

---

[1]) Бѣльскій с. 1629—1633, ср. универсалъ о налогахъ въ Volum. legum II с. 319.

[2]) Бѣльскій с. 1358—1361.

лѣтъ [1]), лишь сообразно съ ростомъ и усиленіемъ козачества за послѣднее время они предпринимаются теперь въ болѣе значительномъ масштабѣ, по крайней мѣрѣ—въ сферѣ потенціальной, или иначе говоря—на бумагѣ.

Пусть козачество существуетъ—но его необходимо дисциплинировать, привести въ послушаніе правительству—такова руководящая мысль постановленій. Какъ только минуетъ турецкая гроза и можно будетъ заняться козацкимъ вопросомъ, гетманъ коронный или его замѣститель отправится съ короннымъ войскомъ на Низъ, на Запорожье и займется организаціей тамошняго козачества. Людей своевольныхъ нужно оттуда вывесть, выгнать и расположить тамъ милицію, набранную изъ козаковъ; начальниковъ назначить изъ шляхтичей: ротмистровъ (полковниковъ) и сотниковъ; всѣхъ этихъ козаковъ вписать въ реестръ и привесть къ присягѣ въ послушаніи королю и рѣчи посполитой, въ томъ что безъ разрѣшенія короннаго гетмана или его уполномоченнаго они не будутъ переходить границы, тѣмъ болѣе—не будутъ нападать на сосѣднія государства, не будутъ грабить купцовъ или другихъ проѣзжихъ, никого не будутъ принимать въ свою среду безъ разрѣшенія своего начальства или гетмана и обо всякомъ измѣненіи въ составѣ своей милиціи—если кто-нибудь уйдетъ и на его мѣсто вступитъ другой, будутъ доносить гетману, чтобы послѣдній зналъ поименно все реестровое козачество; людей же, приговоренныхъ судомъ къ лишенію жизни либо чести, козаки не должны къ себѣ принимать ни въ какомъ случаѣ.

Коронному гетману предоставляются широкія полномочія въ видахъ поддержанія порядка и дисциплины среди этого козачества. Въ качествѣ помощниковъ онъ будетъ имѣть двухъ назначенныхъ сеймомъ комиссаровъ (dozorcy), изъ которыхъ каждый въ своемъ округѣ будетъ слѣдить за реестровыми козаками и нереестровыми своевольными людьми, живущими по городамъ и селамъ, и если замѣтитъ какой-либо безпорядокъ въ реестровомъ войскѣ, долженъ сообщить коронному гетману, а если безпорядки будутъ имѣть мѣсто въ городахъ или селахъ—дать знать мѣстнымъ старостамъ и владѣльцамъ; еслибы эти ста-

[1]) Ср. лаконическое содержаніе постановленій сейма 1587 г.: Kozacy niżowi tez by bronili przeprawienia i dawali by nam znać o nieprzyjacielu, Dyaryusze c. 37.

росты и владѣльцы не обратили на это вниманія и не привлекли къ своему суду своевольныхъ людей—нужно обжаловать ихъ въ трибуналъ и судить внѣ очереди.

Чтобъ задавить украинское своевольство, необходимо всю украинскую администрацію, до сельскихъ войтовъ и атамановъ включительно, обязать подъ присягою слѣдить за тѣмъ, чтобъ никто изъ ихъ селъ и городовъ не смѣлъ уходить на Низъ, въ степи, а тѣмъ болѣе, въ сосѣднія государства и чтобы изъ степей, съ Низу никого не принимали за исключеніемъ тѣхъ, кто предъявитъ паспортъ отъ своего сотника (изъ реестроваго войска)—за исключеніемъ ихъ никому не продавать ни провизіи, ни пороху, ни иныхъ какихъ-либо припасовъ, не покупать у нихъ добычи, наоборотъ — пришедшихъ съ добычею арестовать и наказывать. А еслибъ кто нибудь изъ агентовъ администраціи или войтовъ за этимъ не слѣдилъ, карать ихъ смертью. Шляхта, помѣщики, старосты, которые бы безъ воли короннаго гетмана ходили въ степи, а тѣмъ болѣе—нападали на сосѣднія государства, также тѣ, въ имѣніяхъ которыхъ нашлась какая-либо добыча отъ такихъ своевольныхъ походовъ—будутъ судимы какъ бунтовщики [1]).

Плану этому нельзя отказать въ логичности, даже въ цѣлесообразности, еслибы была возможность его осуществить. Но въ практическія подробности, которыя обезпечили бы проведеніе этой реформы, сеймовый законъ совершенно не входитъ. Онъ вовсе не задумывается надъ тѣмъ, на какія средства будетъ содержаться эта козацкая милиція на Низу, не выясняетъ даже ея размѣровъ. Въ то время, какъ Бѣльскій въ своихъ выводахъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что козакамъ необходимо платить,—постановленіе сейма напираетъ на необходимость привести ихъ къ присягѣ, переписать, имѣть на бумагѣ всѣ перемѣны реестра: вмѣсто созданія реальныхъ средствъ—формалистика. Сеймъ набрасываетъ грандіозный планъ, но не снисходитъ до подробностей его проведенія, въ особенности не хочетъ входить въ обсужденіе вопросовъ, которые заставили бы обратиться къ шляхетскому карману или ограничить шляхетскія привилегіи дискреціонною властью правительства. Но безъ этого всѣ планы оставались зданіями построенными на пескѣ. Какъ поддерживать эту козацкую организацію, еслибъ даже удалось ее осуществить? какимъ обра-

---

[1]) Volum. legum II с. 310.

зомъ предотвратить ея разложеніе, постигшее всѣ предшествующія организаціи? Какими мѣрами заставить пограничную администрацію и населеніе проводить эти драконовскія правила о закрытіи степной пограничной полосы въ дѣйствительности? Какимъ способомъ сообщить имъ силу надъ своевольнымъ пограничнымъ военнымъ людомъ, давно уже успѣвшимъ сдѣлаться настоящимъ хозяиномъ этого края? Какъ принудить пограничную шляхту отказаться отъ пограничнаго военнаго спорта и слѣдить за своими подданными, чтобы они имъ не занимались? какія, опять таки, предоставить ей для этого силы и средства? Очевидно, для всего этого было необходимо прежде всего сильное войско, сильная власть, огромныя средства, но ничего подобнаго шляхта не хотѣла дать правительству, а безъ этого весь законъ оставался пустою шляхетскою фанфаронадою.

Онъ былъ принятъ для будущаго, болѣе спокойнаго времени и собственно въ жизнь не вошелъ никогда и представляетъ интересъ лишь, какъ наиболѣе полное выраженіе руководящихъ мотивовъ польской шляхетской и государственной политики по отношенію къ козачеству, повторяющихся въ постановленіяхъ и болѣе раннихъ и позднѣйшихъ.

Изложивъ свои пожеланія для будущаго, сеймъ въ настоящемъ, въ виду опасности со стороны Турціи, поручилъ правительству, или коронному гетману взять „какъ можно больше" низовыхъ и донскихъ козаковъ на военную службу, другими словами—мобилизировать все пограничное своевольное населеніе,—чтобы потомъ снова задавить его проэктированными репрессіями. Высчитывали, что можно было собрать до 20 тыс. козаковъ; по разсказамъ современника, былъ выработанъ планъ мобилизаціи военныхъ силъ, общая численность которыхъ въ круглыхъ цифрахъ опредѣлялась въ 110 тысячъ, составленъ списокъ и намѣчены начальники этихъ войскъ [1]). Но польскіе финансы не позволили осуществить такой грандіозной программы: даже чрезвычайное обложеніе было принято шляхтою лишь на случай, еслибъ дѣйствительно началась война. Изъ записей казначейства явствуетъ, что въ дѣйствительности на службу, и то на очень короткій срокъ, была взята тысяча козаковъ съ высшимъ содержаніемъ, по 12 зл. на кварталъ—должно быть конныхъ, и двѣ тысячи по 5 зл.—вѣроятно пѣшихъ [2]).

---

[1]) Бѣльскій с. 1644. [2]) Górski op. c. c. 243.

Чтобы расположить козаковъ къ государственной службѣ и содѣйствію правительству въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ были розданы жалованныя грамоты—пожалованія и подтвержденія имѣній разнымъ козацкимъ вождямъ, и должно быть всему козачеству вообще. Такъ Криштофъ Косинскій, уже тогда игравшій роль одного изъ главнѣйшихъ предводителей козачества, получилъ грамоту на пустынь Рокитну на р. Роси; другой старшина—Войтѣхъ Чановицкій—на Боришполь съ селищемъ Иванковскимъ за Днѣпромъ, третій—по имени неизвѣстный—городище Володарецкое съ поселкомъ Розволожскимъ на Роси, четвертый—Горошинъ и Снепородъ за Днѣпромъ. За козаками вообще было подтверждено владѣніе Терехтемировымъ и ихъ прежнія права и вольности [1]).

---

[1]) Къ такому выводу приводитъ сопостановленіе рѣшеній сейма 1590 г. съ другими документами, упоминающими о разныхъ пожалованіяхъ „особамъ козацкимъ“ въ этомъ году. Конституція 1590 г. безъ видимой связи съ козацкимъ вопросомъ (поэтому ея настоящее значеніе оставалось неяснымъ) позволяетъ королю своею властью раздавать свободныя земли „на пограничьѣ за Бѣлою Церковью“ заслуженнымъ „особамъ шляхетскимъ“, и ниже пожалованія перечисляются поименно: монастырь Терехтемировскій, Боришполь съ Иванковымъ, Володарка съ Розволожьемъ, Рокитина, Горошинъ и Снепородъ (Vol. legum II с. 318). Изъ грамоты короля, выданной позже Жолкевскому, узнаемъ, что Боришполь, Володарка и Рокитна были даны „тремъ особамъ козацкимъ“ (въ моихъ Матеріалахъ до історії козацьких рухів 1590-х рр. № 13). Изъ другихъ документовъ извѣстно, что Боришполь получилъ въ 1590 г. Войтѣхъ Чановицкій, „гетманъ козаковъ запорожскихъ“ (см. Стороженка Очерки переяславской старины, с. 197, о Чановицкомъ ср. мои „Матеріали“ с. 4, Археографическій сборникъ I с. 61 и Архивъ Ю. З. Р. III. I № 10). Рокитну въ томъ же году получилъ Криштофъ Косинскій—см. люстрацію 1765 г., Архивъ Ю. З. Р. VII т. III с. 127. Соображая все это убѣждаемся, что указанная конституція несмотря на свой общій характеръ, имѣла въ виду пожалованіе имѣній спеціально козакамъ (изъ пяти названныхъ имѣній четыре, считая и Терехтемировъ, несомнѣнно козацкія, и по аналогіи нужно думать, что и Горошинъ былъ пожалованъ, или предназначался какому-то козацкому предводителю). Король получилъ отъ сейма полномочіе надѣлить имѣніями виднѣйшихъ козацкихъ вождей и—подтвердитъ за козаками Терехтемировскій монастырь, пожалованный имъ Баторіемъ безъ согласія сейма. А подтвержденіе Терехтемирова трудно представить себѣ иначе, какъ составную часть общаго подтвержденія за козаками правъ и привилегій, признанныхъ за ними предшествующими королями. Изъ

Но турецкая гроза и на этотъ разъ миновала. Замойскій, посланный въ Константинополь, благодаря посредничеству и помощи англійскаго посла, успѣлъ задобрить султана и склонить его къ соглашенію: Польша должна была возмѣстить Туркамъ убытки, причиненные козаками въ послѣднія нападенія и вывести „украинскихъ людей съ Низу всѣхъ“. Эти условія были приняты [1]). Король видѣлъ себя вынужденнымъ отступить отъ принципа, принятаго Баторіемъ, что польское правительство за козаковъ не отвѣчаетъ. Но такъ какъ до войны не дошло, а чрезвычайные налоги допущены были лишь условно, то польское правительство вновь очутилось передъ болѣе, чѣмъ трудной, задачей: съ пустой казной, опустошенной контрибуціями Туркамъ и Татарамъ, думать надъ исполненіемъ другого турецкаго требованія— очищенія черноморскихъ степей отъ козаковъ и осуществленія всяческихъ репрессій и реформъ, порученныхъ ему сеймомъ 1590 г. [2]).

Чрезвычайные козацкіе контингенты были уменьшены до тысячи человѣкъ пѣхоты: двухъ полковъ по 500 человѣкъ, съ платою по 5 зол. за четверть года; служба и жалованье назначены имъ съ 18/X 1590 г. [3]). Задачи этого войска указаны при возобновленіи службы въ 1591 г.: „укрощеніе украиннаго своевольства и поддержаніе мира съ сосѣдними государствами“. Высшее наблюденіе надъ этимъ козацкимъ войскомъ было поручено Николаю Язловецкому, снятинскому старостѣ; на ряду съ нимъ въ роли комиссара по казацкимъ дѣламъ выступаетъ Якубъ Претвичъ, староста теребовельскій (сынъ славнаго Берната); непосредственнымъ начальникомъ козаковъ является все тотъ же Оришовскій. Такъ оно должно было быть и при первоначальномъ принятіи въ службу козацкаго корпуса—осенью 1590 г.

Войско было набрано, обязанности начальства надъ нимъ раздѣлены, и дѣло стало снова за небольшимъ: все за той же платой. Четверть проходила за четвертью, а денегъ козакамъ не платили. Казна была пуста, польскимъ солдатамъ жалованье тоже не было заплачено, и они собирали себѣ контрибуціи, гдѣ попа-

---

этихъ пожалованій въ полномъ текстѣ имѣемъ грамоту Чановицкому; интересно, что и въ ней, какъ и въ конституціи, говорится о его заслугахъ вообще, безъ указанія на роль среди козачества.

[1]) Королевское предложеніе на сеймѣ 1592 г.—Жерела VIII № 43, (Dyaryusze sejmowe z r. 1591—2 с. 88—9); Бѣльскій с. 1645—51.

[2]) Ibid. Volum legum II с. 332.

[3]) Докум. львов. краеваго архива; Архивъ Ю. З. Р. III, I ч. 11.

ло. Козаки также считали себя въ правѣ промышлять всякими способами. Весною 1591 года они собирались идти на Молдавію съ какимъ то претендентомъ—„потомкомъ Ивони". Вѣсти объ этомъ переполошили правительство, снова увидѣвшее передъ собою, послѣ всѣхъ пережитыхъ тревогъ, перспективу новаго разрыва съ Турціею. Король поручилъ Язловецкому во чтобы то ни стало удержать козаковъ. Язловецкій всевозможными обѣщаніями успѣлъ отклонить козаковъ отъ этого плана: они выдали претендента, а правительство поспѣшило отослать его въ заключеніе въ Маріенбургъ [1]). Къ сожалѣнію не извѣстно, что именно обѣщано при этомъ козакамъ. Обѣщали имъ тотчасъ выдать жалованье—„на св. Ивана" (24/VI), но этимъ обѣщанія должно быть не ограничились. Между тѣмъ и жалованья не было. Лишь въ сентябрѣ Претвичъ раздобылъ денегъ для уплаты [2]). Тѣмъ временемъ служба козаковъ была возобновлена. Отъ 25/VII имѣемъ королевскія грамоты, выданныя на основѣ совѣщанія короля съ сенаторами: они продолжаютъ службу козаковъ на неопредѣленное время и устанавливаютъ „ординацію" для этого козацкаго войска.

По прежнему оно должно состоять изъ тысячи козаковъ—людей опытныхъ и способныхъ къ военной службѣ, подъ предводительствомъ Оришовскаго и общимъ наблюденіемъ Язловецкаго. Козаки вновь принятые, не принесшіе еще присяги, должны присягнуть передъ королевскими комиссарами, что они будутъ повиноваться королю и своему начальству—старшему, т. е. Язловецкому, и „поручнику" его—Оришовскому, и охранять миръ съ сосѣднимъ государствами: сами не будутъ нападать на нихъ и никому другому не позволять. Оришовскій обязанъ доносить о каждомъ шагѣ непріятеля и о всякомъ своеволіи украинскихъ людей; противъ непріятеля долженъ выступить со всѣмъ своимъ войскомъ. Принимать въ свое войско новыхъ лицъ онъ не можетъ безъ вѣдома „старшаго". Чтобъ это войско исправно отправляло свою сторожевую службу, а главное—чтобъ оно не было въ тягость пограничнымъ старостамъ, ихъ имѣніямъ и населенію, Оришовскій долженъ держать свое войско за границами

---

[1]) Бѣльскій с. 1654, королевское предложеніе на сеймъ 1592 г. (l. c.)—тутъ поясненіе: bunt ten ich stąd sie był zawziął isz tym, którzy przeszłego seymu na służbę rzeczypospolitey przyęczi y na pewnym żołdzie postanowieni, aby inszym pola bronili, zapłata na czas pewny bela zatrzymana. [2]) Львов. краевый архивъ.

осѣдлыхъ поселеній: или на ур. Кременчукѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ въ степи (но все таки на Днѣпрѣ же, очевидно); тамъ долженъ быть построенъ замокъ [1]). Старостамъ и державцамъ волостей въ бассейнѣ верхняго Днѣпра отданъ наказъ сплавить по Днѣпру лѣсъ для этой постройки, можетъ быть и работниковъ, какъ это практиковалось съ давнихъ временъ при постройкѣ днѣпровскихъ замковъ, и такимъ образомъ долженъ быть строиться этотъ новый замокъ. На содержаніе козацкаго войска старосты и державцы королевскихъ имѣній (юго-восточной Украйны, очевидно), должны дать по мѣрѣ муки съ каждаго тяглаго крестьянскаго хозяйства и отправлять ее на мѣсто—на крестьянскихъ подводахъ, очевидно. Зато козаки уже не имѣютъ права ни на какія „лежи"—квартиры, и на содержаніе „на волости", какъ называли тогда заселенныя части Украйны: на будущее время они не должны брать живности въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, ни причинять имъ какой-либо ущербъ, и за каждый совершенный проступокъ „старшій или поручикъ" должны судить виновныхъ. Но кромѣ старшаго и его поручика никто не можетъ претендовать ни на какую власть или юрисдикцію надъ козаками [2]).

„Ординація" эта, какъ видимъ, осуществляла, хотя и въ уменьшенномъ маштабѣ, сеймовую программу 1590 г.: козацкое войско, въ количествѣ тысячи человѣкъ, выводилось на Низъ и тамъ должно было охранять спокойствіе и порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ украинскія имѣнія должны были освободиться отъ козацкихъ „лежъ" и „приставствъ", на которыя признавало за ними право, какъ видимъ, само правительство, между тѣмъ эти „лежи" становились очень обременительными, особенно когда козаки не получали своего жалованья. Одновременно, какъ мы видимъ, подтверждался козацкій иммунитетъ.

---

[1]) Стороженко въ своей работѣ о реформѣ Баторія высказалъ мысль, что замокъ долженъ былъ быть построенъ въ Кременчукѣ не днѣпровскомъ (гдѣ теперь городъ Кременчугъ), а днѣстровскомъ и въ этомъ смыслѣ исправляетъ королевскую грамоту, объясняя этимъ фактъ, что начальникомъ надъ козаками былъ поставленъ снятинскій староста Язловецкій (с. 261). Но сопоставленіе грамоты 1591 г., гдѣ говорится о сплавѣ лѣса для постройки замка изъ верхнихъ волостей, и разсказъ Бѣльскаго (с. 1360) не оставляютъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ о Кременчукѣ днѣпровскомъ.

[2]) Wszakże też nikt nad tymi ludzmi nie bendzie miał zwierzchnosci y z nich sprawiedliwosci nie ma czinicz, telko przełożony albo jego porucznik. Архивъ Ю. З. Р. III, I № 11.

Козачество приняло къ свѣдѣнію подтвержденіе своихъ правъ и привилегій, но выполнять возложенныя на него обязанности не считало для себя обязательнымъ, такъ какъ денегъ не получало, осуществленія обѣщанныхъ королемъ реформъ не видѣло и даже при всемъ желаніи съ тою силой, какую правительство давало въ руки своей коронной администраціи—тысячею реестроваго козачества, эта администрація не была въ состояніи что-нибудь предпринять противъ массы украинскаго своевольнаго козачества, остававшагося внѣ реестра.

Замокъ въ Кременчугѣ построенъ не былъ; посылать провіантъ козакамъ никто не спѣшилъ, и на Низъ они, очевидно, не были выведены — невозможно было ими распоряжаться, разъ не платилось имъ положенное жалованье. Съ октября 1590 г. оно оставалось не выплаченнымъ, и никакъ нельзя было роздобыть этихъ 15 тыс. золотыхъ, слѣдуемыхъ козакамъ. А это въ свою очередь служило поводомъ для различныхъ своевольствъ, контрибуцій съ имѣній и всего того, что позволяло себѣ въ то время и регулярное польское войско, завязавшее конфедерацію въ виду неуплаты жалованія [1]). И вопросъ о козацкихъ лежахъ и контрибуціяхъ становится одною изъ главныхъ причинъ конфликтовъ съ козаками, возникающихъ вслѣдъ за этимъ—начиная войной козаковъ, подъ начальствомъ Косинскаго, съ пограничными магнатами и кончая погромами 1595-6-хъ годовъ.

---

[1]) Z żołnierzami piekła było dosyć, записываетъ Бѣльскій, с. 1659.

IV.

Первыя козацкія войны.

Столкновеніе Косинскаго съ Острожскими и войны 1592 — 3 гг. Сношенія иностранныхъ государствъ съ козаками и ихъ участіе въ войнахъ съ Турками. Козацкіе походы и движенія 1595—6 гг. Сеймовыя репрессіи и реабилитація козачества.

Рядъ конфликтовъ козаковъ съ пограничною администраціею и магнатами, закончившійся грознымъ финаломъ—войною 1596 г., предпринятою уже самимъ центральнымъ правительствомъ съ цѣлью полнаго уничтоженія козачества, открывается столкновеніемъ козацкаго вождя Криштофа Косинскаго съ кн. Острожскими. Само по себѣ это столкновеніе было аналогично съ тѣми инцидентами, о которыхъ разсказываютъ намъ довольно часто судебныя книги того времени [1]), только на этотъ разъ въ игру входили такіе „киты“ украинскаго магнатства, какъ кіевскій воевода и его сынъ, краковскій каштелянъ, и заинтересованнымъ козацкимъ вождямъ приходилось пустить въ ходъ козацкія силы въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, чтобы помѣряться съ ними. Косинскій это сумѣлъ сдѣлать,— благодаря тому его ссора съ Острожскими выросла до крупнаго событія и къ ней начали присоединяться все новые и новые инциденты, разстраивая все болѣе и болѣе отношенія козачества къ пограничнымъ магнатамъ и администраціи, которую представляли эти магнаты, и приготовляя борьбу съ ней по всей линіи.

Первоначально инцидентъ съ Косинскимъ не произвелъ на современниковъ особеннаго впечатлѣнія: его считали мелкою стычкою кн. Острожскихъ съ козацкимъ вождемъ, не имѣющей принципіальнаго значенія, и шефы польскаго войска—коронный гетманъ Замойскій и польный Жолкевскій готовы были обвинять стараго князя, что онъ, вмѣсто того, чтобы уладить эту ссору, до-

---

[1]) Ср. выше с. 171.

велъ ее до размѣровъ настоящей войны [1]). Участники этой войны силились придать ей какъ можно больше значенія, но въ болѣе широкихъ кругахъ такого значенія ей не придавали и только послѣ грозныхъ движеній 1594—6 гг. стали смотрѣть на эпизодъ Косинскаго, какъ на прелюдію этихъ движеній [2]). А еще позже—когда утратилась дѣйствительная перспектива этихъ событій—въ украинскихъ кругахъ XVII—XVIII вв. эпизодъ этотъ сталъ представляться прологомъ великой національной борьбы украинскаго народа подъ традиціоннымъ знаменіемъ благочестивой вѣры. У Грабянки уже читаемъ разсказъ о томъ, какъ въ тотъ моментъ, когда украинскіе епископы рѣшили подчиниться папѣ, и „благочестивіи синове" отреклись отъ этихъ „наемниковъ, а не истинныхъ пастырей", — „разжегся ревностію благочестія Косинскій на Ляховъ зъ войскомъ запорожскимъ прійде и много замковъ повоева и Ляховъ поби, но въ року 1594 подъ Пяткою отъ Ляховъ пораженъ былъ [3]). А неистощимый въ фантазіяхъ авторъ „Исторіи Руссовъ", не удовлетворенный этой сухой замѣткой, счелъ долгомъ пояснить, что Косинскій, „яко намѣстникъ королевскій и министръ правленія" протестовалъ противъ епископскихъ постановленій, и тогда послѣдніе умышленно завлекли его на брестскій соборъ, осудили какъ „апостата" на смерть, „и замуровавши въ одномъ кляшторѣ въ столпъ каменный, уморили голодомъ"—„и такъ гетманъ Косинскій за ревность свою къ благочестію и спокойствію народному учинился первою жертвою уніи". Козаковъ, двинувшихся освобождать его, Поляки встрѣтили подъ Пяткою,—козаки разбили ихъ, но прійдя, не застали уже Косинскаго въ живыхъ [4]).

Такова была эта исторія, широко распространенная въ учебникахъ и популярныхъ книжкахъ, жалостью и гнѣвомъ наполнившая сердца читателей. Но теперь мы знаемъ совершенно опредѣленно, что „возстаніе Косинскаго" было въ исходномъ моментѣ своемъ ни чѣмъ инымъ, какъ ссорою козацкаго ватажка, быть можетъ даже и не Украинца и не православнаго, съ тогдашнимъ столпомъ православія и украинства, Конст. Острожскимъ, и вызвана она была

---

[1]) Listy Żółkiewskiego c. 22—3, см. ниже.
[2]) См. у Бѣльскаго с. 1689.
[3]) Грабянка с. 24, ср. Краткое описаніе (при Самовидцѣ) с. 215. [4]) Исторія Руссовъ с. 34.

самыми непринципіальными причинами—корыстолюбіемъ бѣлоцерковскихъ агентовъ его сына, кн. Януша Острожскаго [1]).

---

[1]) Козацкія движенія XVI в. издавна привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей и разработаны по сравненію съ другими частями исторіи козачества довольно обстоятельно. Кромѣ болѣе старыхъ трудовъ есть нѣсколько новѣйшихъ работъ, довольно полно использовавшихъ источники. Но благодаря хаотичности самихъ движеній и отрывочности большей части извѣстій въ нихъ все-таки остается много невыясненнаго въ связи и порядкѣ событій и даже въ хронологіи ихъ.

Кромѣ общихъ курсовъ исторіи козачества, перечисленныхъ выше, ими занимались польскіе труды, посвященные времени Сигизмунда III. Минуя старые историческіе труды, изъ XIX в. назовемъ: Niemcewicz Dzieje panowania Zygmunta III, 1819 (новое изданіе Туровскаго 1860); Siarczyński Obraz wieku panowania Zygmunta III, 1828. Болѣе спеціальныя работы: A. Bielowski Łoboda i Nalewajko (Głos львовскій 1864 и варшавскій Tygodnik illustrowany 1861, т. IV). Костомаровъ Отрывки изъ исторіи южно-русскаго козачества до Богдана Хмельницкаго (Библіотека для чтенія, 1865)—это нереработка труда О причинахъ и характерѣ уніи въ Западной Россіи, 1842, уничтоженнаго администраціей (подъ назв. Южная Русь въ концѣ XVI в. онъ вышелъ въ III т. его Монографій). Разсказы I. Ролле (Antoni j.): Semen Nalewajko, opowiadanie z końca XVI w. (Przewodnik nauk i liter. 1879, затѣмъ въ Opowiadania historyczne, 1887, VI), Ks. Baryli Ostrogski i jego zatarg z Kosińskim (ibid. т. VI), Na posterunku (ataman Zaporożców Koszko w XVI i XVII w.) (Szkice i opowiad. V, 1887). Корн. Заклинський Зношення цѣсаря Рудольфа II зъ козаками и ихъ участь въ р. 1594 и 1595 (Справозданнє гимназії академичнои, 1882). И. Новицкій Князья Ружинскіе (К. Ст. 1882, VI)—здѣсь о кн. Кирикѣ. Ф. Николайчикъ Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой (Кіев. Стар. 1884, III и IV). А Стороженко Кіевъ триста лѣтъ назадъ (К. Стар. 1894, II)—о Верещинскомъ и его дѣятельности въ Кіевѣ; тамъ же), 1895, III) подъ назв. Старинный проектъ заселенія Украины онъ издалъ рѣдкую брошюру Верещинскаго: Droga pewna do prędszego y snadnieyszego osadzenia w Ruskich krainach pustyń, 1590 г. (В. Антоновичъ). Къ исторіи возстанія Наливайка (К. Стар. 1896, X, документъ отъ 1595 г. съ комментаріемъ). Е. Барвінський Причинки до історії зносин цїсаря Рудольфа II і папи Климентія VIII з козаками р. 1593 і 1594 (Записки Наук. тов. Шевченка X, 1896). Вас. Доманицький Причинок до історії повстання Наливайка (Записки т. XL) и болѣе обширный трудъ: Козачина на переломі XVI—XVII в. (1591—1603) (ibid. т. 60—64 и отдѣльно 1905).

Изъ источниковъ, кромѣ хронистовъ той эпохи (изъ нихъ особенно цѣнны Бѣльскій и Гейденштейнъ—хроникой послѣдняго на-

Личность самого Криштофа Косинскаго весьма мало намъ извѣстна. Современникъ говоритъ, что онъ былъ родомъ изъ Подляшья [1]); вѣроятно, онъ былъ шляхтичемъ [2]). Народность и религія его неизвѣстны; изъ того факта, что на своей капитуляціи онъ подписался по-польски [3]), разумѣется, нельзя дѣлать никакихъ выводовъ: нѣсколько лицъ точно извѣстныхъ въ качествѣ представителей украинской народности, подписались здѣсь тоже по-польски. Въ 1586 г. встрѣчаемъ Косинскаго въ козацкомъ войскѣ: въ своемъ письмѣ, писанномъ въ маѣ 1586 г. Богданъ Микошинскій упоминаетъ о вѣстяхъ, привезенныхъ сторожами изъ-подъ Тавани „отъ Криштофа"; обыкновенно предполагается, что здѣсь рѣчь идетъ о Косинскомъ, и это вполнѣ вѣроятно. Во всякомъ случаѣ въ то время Косинскій долженъ былъ занимать видное положеніе въ козацкомъ войскѣ, такъ какъ въ 1590 г. вмѣстѣ съ другими выдающимися козацкими вождями „шляхетскаго званія [4]), онъ получилъ отъ короля пожалованье. Косинскому

прасно пользуются вмѣсто оригинала въ очень свободномъ польскомъ переводѣ Глищинскаго, Спб. 1857) выдающееся значеніе имѣютъ еще: дневникъ Лассоты (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau, herausgegeben von K. Schottin, Halle, переводъ въ Мемуарахъ относ. къ исторіи Южной Руси, пер. К. Мельникъ, 1890); письмо—реляція Наливайка къ королю, изд. въ Zbiór pamiętników wyd. Broel-Plater, II; корреспонденція Жолкевскаго (собственно Замойскаго) изд. кн. Любомирскимъ подъ назв. Listy Stan. Żołkiewskiego, 1868 (изданіе не особенно удачное, слѣдуетъ надѣяться на лучшее въ новомъ кодексѣ писемъ Замойскаго—Archiwum Jana Zamojskiego, но до сихъ поръ онъ до этихъ годовъ не дошелъ. Коллекцію документовъ изъ такъ наз. „Русской Метрики" издалъ я подъ загл. Матеріали до історії козацьких рухів 1595—6 рр. (Записки т. XXXI). Нѣсколько писемъ тѣхъ же годовъ издалъ А. Стороженко въ XIX т. кіевскихъ Чтеній подъ назв. Изъ переписки Запорожья XVI в. съ польскими вельможами. Наконецъ нѣсколько важныхъ документовъ принесъ VIII т. Жерелъ.

[1]) Бѣльскій с. 1689, тоже въ реляціи Пясочинскаго—у Кулиша Ист. возсоед. II с. 176; у Костомарова вмѣсто Подляшья—изъ „Полѣсья", и это пошло потомъ дальше.

[2]) Не провѣреннымъ остается извѣстіе прежнихъ біографовъ Косинскаго, будто онъ служилъ у К. Острожскаго, но поссорившись, ушелъ на Низъ. Этотъ разсказъ, кажется, возникъ изъ предположеній, откуда могла явиться у Косинскаго вражда по отношенію къ Острожскому; но теперь мы знаемъ ея настоящую причину.

[3]) Архивъ Ю. З. Р. III. 1 № 19.

[4]) Такое условіе ставила конституція сейма—Vol. legum II с.

дано было большое, но не населенное имѣнье Рокитна на р. Рокитной въ Поросьѣ, и изъ-за него-то и началась бѣда. И на Рокитну, и на другія земли въ окрестности Володарки, пожалованныя одновременно другой „особѣ козацкой“, заявилъ претензіи Янушъ Острожскій, какъ староста бѣлоцерковскій, или, точнѣе, его замѣстители-агенты. Оба имѣнія лежали по сосѣдству съ бѣлоцерковскими королевскими имѣніями, и Острожскій опротестовалъ эти пожалованія, очевидно—доказывая, что пожалованныя имѣнія принадлежатъ къ числу бѣлоцерковскихъ королевскихъ имѣній, и выхлопоталъ себѣ на эти земли королевскія грамоты [1]). Исторія, какъ видимъ, очень напоминаетъ позднѣйшую исторію Хмельницкаго. Разгнѣванный Косинскій рѣшилъ проучить украинскаго магната. Кажется, уже въ августѣ собирался онъ въ походъ. Имѣемъ интересное письмо его, писанное по-польски, изъ мѣстности, сосѣдней съ имѣніями Острожскихъ, къ реестровымъ козакамъ, находившимся гдѣ-то въ Подольскихъ земляхъ:

„Наши милостивые панове-товарищи! Нашу товарищескую

318; на этомъ основаніи можно принять съ достовѣрностью, что и Косинскій былъ шляхтичемъ.

1) Такъ, я думаю, слѣдуетъ понимать эту исторію. Руликовскій, авторъ обстоятельныхъ статей объ этихъ имѣніяхъ въ Słownik Geograficzny (sub voce Rokitno, Wołodarka) объяснялъ дѣло иначе: по его мнѣнію, Косинскій получилъ свою пустошь съ обязательствомъ заселить ее, но не будучи въ состояніи исполнить этого обязательства, продалъ ее. Изъ жалобы на Косинскаго 9/I 1592 г. видимъ, что онъ спеціально интересовался нѣкоторыми документами и забралъ изъ бѣлоцерковскаго архива грамоты Ян. Острожскаго на стар. Бѣлоцерковское и Богуславъ, на Разволожье и на Рокитну (Архивъ Ю. З. Р. III. I № 12); значитъ, Янушъ Острожскій къ этому времени уже выпросилъ себѣ грамоты на спорныя имѣнія, и я думаю, что то были подтвержденія правъ бѣлоцерковскаго старосты на эти земли, какъ на королевскія имѣнія. Но на Ракитну получилъ затѣмъ пожалованіе Вишневецкій, и Янушъ Острожскій, купивъ его претензіи, сталъ затѣмъ частнымъ собственникомъ Ракитны (см. письмо Януша отъ 1599 г., въ прибавленіяхъ къ Исторіи возсоед. II с 447, и Źródła dz. XX с. 16). Права на Володарку купилъ у Загоровскаго и Трембицкаго кн. Збаражскій, и она осталась за нимъ; но интересно, что бѣлоцерковская старостинская администрація продолжала претендовать на Володарецкія земли (ibid. с. 392, ср. Руликовскаго l. с.). Думаю, что это бросаетъ свѣтъ на начало спора Острожскаго съ Косинскимъ—что Островскій предъявилъ претензіи на эти земли, какъ бѣлоцерковскія.

службу поручаемъ милости вашей! Дошла до насъ вѣсть, что п. староста (вѣроятно Язловецкій) съ деньгами къ намъ не спѣшитъ. Поэтому вы, не ожидая ничего, отправляйтесь тотчасъ къ намъ. Скажите слугѣ п. Претвича отъ имени войска, что его уже больше ждать не будемъ: приходится самимъ промышлять о себѣ. Скажите и уряднику въ Шаровкѣ, чтобы увѣдомилъ своего пана (Претвича), что войско не хочетъ ждать этихъ денегъ. Должно быть, проведетъ насъ съ ними и въ эту зиму, какъ и въ прошломъ году: должны были выдать намъ на св. Ивана, а теперь ужъ и осень подходитъ. Писано изъ Пикова, въ мѣсяцѣ августѣ. Вашъ доброжелательный товарищъ Криштофъ Косинскій и все рыцарство“ [1]).

Возможно, что деньги, которыя въ началѣ сентября Претвичу удалось наконецъ раздобыть для козаковъ [2]), нѣсколько отсрочили козацкую бурю. Но въ концѣ года Косинскій все-таки двинулся съ козацкимъ войскомъ — сводить свои счеты съ кн. Острожскими. Въ послѣднихъ числахъ декабря онъ напалъ на Бѣлую церковь, разграбилъ и забралъ имущество кн. Острожскаго и его замѣстителя—подстаросты кн. Курцевича-Булыги; между прочимъ взялъ документы на захваченныя имѣнія, и причинилъ большіе убытки [3]). Такъ повѣствуетъ жалоба кн. Януша Острожскаго „на Криштофа Косиньского, который на сесь часъ гетманамъ козацкимъ се учинилъ, также и на все войско козаковъ Низовыхъ“, намекая при этомъ, что Косинскій дѣйствовалъ „снать зъ направы чиее“—т. е., что его побудилъ къ этому нападенію кто-нибудь изъ помѣщиковъ, имѣвшихъ счеты съ Острожскимъ. Интересно также, что здѣсь нѣтъ никакого указанія на разореніе мѣщанъ и прочаго населенія: Косинскій сводитъ счеты исключительно съ самимъ кн. Острожскимъ и подстаростою—вѣроятно истиннымъ иниціаторомъ всей этой исторіи; впрочемъ, можетъ быть княжеская жалоба и не считала нужнымъ входить въ такія подробности. Другой документъ, упоминая о казацкомъ нападеніи на Бѣлую церковь и Богуславъ — также владѣніе кн. Януша

---

[1]) Listy Żółkiewskiego с. 22. Новѣйшіе изслѣдователи датировали это письмо 1592 годомъ, но это невозможно — тогда реестровое козачество уже подняло возстаніе и переговоры о жалованіи не могли имѣть мѣста.

[2]) Докум. Львов. краев. архива.

[3]) Архивъ Ю. З. Р. III. I № 12.

Острожскаго, говоритъ, что казаки, завладѣвъ кахъ этими замками, не только ограбили подстаросту, но и захватили всю артиллерію, аммуницію и запасы, и людей ограбили „какъ настоящій непріятель“ [1]).

Одновременно производились нападенія также и въ другихъ мѣстностяхъ. Между прочимъ казаки напали на замокъ въ Трипольѣ и засѣли въ немъ съ артиллеріею, захваченную изъ разныхъ мѣстъ [2]).

Король при первыхъ извѣстіяхъ объ этихъ козацкихъ погромахъ, въ началѣ 1592 г. назначилъ комиссаровъ для разслѣдованія своевольствъ и наказанія виновныхъ [3]). Ими были: Як. Претвичъ, черкасскій староста Александръ Вишневецкій, брацлавскій староста Якубъ Струсь, барскій староста Станиславъ Гульскій и брацлавскій войскій Янъ Гульскій—большею частью украинскіе старосты, имѣвшіе дѣло съ козаками. Стянувъ имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи силы, они вмѣстѣ съ офиціальнымъ шефомъ козачества Язловецкимъ двинулись на Украину [4]). Это былъ первый комиссарскій походъ — слѣдственная комиссія, выступавшая во главѣ войска, чтобы въ случаѣ нужды огнемъ и мечомъ подтвердить свои правомочія — пріемъ, обычно практиковавшійся затѣмъ въ „сношеніяхъ“ рѣчи посполитой со своими своевольными подданными.

Козаки засѣли въ Трипольѣ, укрѣпили замокъ и приготовились къ оборонѣ, оставивъ безъ вниманія повѣстки, присланныя имъ комиссарами, расположившимися лагеремъ въ Фастовѣ. Сохранилось довольно интересное письмо къ нимъ отъ ихъ номинальнаго начальника Николая Язловецкаго, отправленное изъ фастовскаго лагеря 10 марта:

„Панамъ Молодцамъ Запорожскимъ, находящимся въ Трипольѣ. Панове Молодцы! Хотя вы, не обративъ вниманія на мое посланіе, уже показали себя непослушными и государю мое-

---

[1]) Жерела VIII, № 48.

[2]) Жерела VIII № 43 и 48. Dyaryusze seim. z r. 1591 i 1592. Значеніе этого нападенія на Триполье не совсѣмъ ясно. Руликовскій думалъ, что казаки расширяли такимъ образомъ свои Терехтемировскія владѣнія (Słownik geogr. sub voce Trypol); но возможна и здѣсь извѣстная связь съ аферою Острожскаго, такъ какъ на Триполье претендовали кіевскіе воеводы (ibid.).

[3]) Архивъ Ю. З. Р. III. I № 13.

[4]) Жерела VIII № 48.

му королю и мнѣ самому, забывъ свою присягу и обязанности по отношенію къ своему прирожденному государю, но я понимаю, что вы поступили такъ благодаря Косинскому, измѣнившему королю и рѣчи посполитой, и думаю, что изъ-за одного ‚лотра' вы всѣ не захотите страдать. Поэтому посылаю вамъ еще это письмо, приказывая вамъ именемъ короля выдать этого ‚лотра' и волѣ королевской не противиться, такъ какъ здѣсь вы родились и трудно былобы вамъ обойтись безъ Польши, которой бы вамъ уже пришлосъ отречься. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ вами служить королю и проливать кровь поганыхъ,—если вы тотчасъ же не схватите этого ‚лотра' и не отправите пословъ ко мнѣ, я съ королевскими людьми съ помощью божіей буду надъ вами промышлять [1]).

Козаки очевидно не испугались этихъ угрозъ и готовились къ вооруженной расправѣ съ комиссарскимъ войскомъ. Язловецкій съ комиссарами подступилъ къ Триполью, но убѣдившись въ рѣшительномъ настроеніи козаковъ, не отважился „промышлять съ божіей помощью". Комиссары постановили заочное рѣшеніе, осудивъ козаковъ какъ бунтовщиковъ и враговъ государства [2]). Но не рѣшаясь возвращаться изъ своего похода съ такимъ скромнымъ результатомъ, все таки возобновили переговоры и въ концѣ концовъ изъявили согласіе удовольствоваться тѣмъ. что козаки дадутъ формальное обѣщаніе быть послушными на будущее время и примутъ новаго старшаго на мѣсто Косинскаго — не выдавая послѣдняго правительству. Этимъ инцидентъ былъ исчерпанъ, и комиссары двинулись обратно [3]). Но спокойствія это не возстановило.

Факты касающіеся козацкихъ волненій этого года (1592) намъ извѣстны вообще въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, которыхъ въ большинствѣ случаевъ мы не въ состояніи связать ни хронологически, ни причинной связью. На осеннемъ соймѣ этого года кн. Конст. Острожскій, обращая вниманіе сейма на плохое состояніе кіевскаго и бѣлоцерковскаго замковъ, вспоминалъ,

---

[1]) Listy St. Żółkiewskiego c. 21—2.
[2]) Жерела VIII № 48.
[3]) Ibid. № 43. Отсюда слѣдуетъ, что Косинскій все это время былъ „на волости" и сидѣлъ вмѣстѣ съ казаками въ Трипольѣ. Такимъ образомъ изслѣдователи ошибаются, думая, что послѣ нападенія на Бѣлую церковь Косинскій пошелъ на Низъ и о немъ не было слышно болѣе полугода.

что „низовые казаки нѣсколько разъ на городъ и замокъ кіевскій нападали, силою забирали лучшія пушки, порохъ и оружіе, и до сихъ поръ не вернули ихъ“ [1]).

Въ Переяславлѣ, гдѣ уже раньше вышелъ какой-то споръ между козаками и мѣщанами (козаки обжаловали мѣщанъ, и король для разбора этого дѣла выслалъ комиссію въ Васильковъ, которая якобы подъ терроромъ козаковъ признала ихъ претензіи, а потомъ отмѣнила) [2]) — теперь дошло до кровавыхъ столкновеній. Козаки, по словамъ одного документа, взяли Переяславль вооруженною силою, убили мѣстнаго подстаросту и многихъ шляхтичей, забрали всю артиллерію и амуницію и сожгли замокъ вмѣстѣ съ городомъ [3]). И здѣсь опять таки можно подозрѣвать извѣстную связь съ конфликтомъ Косинскаго и Острожскихъ, такъ какъ Переяславль находился въ вѣдѣніи стараго князя, равно какъ и кіевскій замокъ. Имѣли мѣсто волненія также въ Подольскихъ земляхъ, быть можетъ въ связи съ тогдашними событіями въ Молдавіи, гдѣ въ то время Поляки старались водворить своего претендента [4]). Одновременно съ тѣмъ Косинскій продолжалъ безпокоить владѣнія Острожскихъ; имѣемъ извѣстіе, что старый князь пытался съ помощью сосѣднихъ старостъ отстоять ихъ, но козаки разбили его войско [5]).

Зимою упомянутыя волненія изъ Кіевскихъ и Брацлавскихъ земель перекинулись въ Волынскія; главнымъ образомъ они и теперь были обращены противъ Острожскихъ, но доставалось и другимъ помѣщикамъ, поддерживавшимъ Острожскихъ. Козацкое движеніе изъ спорадическихъ грабежей имѣній враждебныхъ магнатовъ, если вѣрить шляхетскимъ воззваніямъ, все болѣе переходило въ настоящую козацкую кампанію противъ украинской шляхты, которую козаки принуждали подчиниться ихъ притязаніямъ.

Въ первыхъ числахъ 1593 г. волынская шляхта, собранная въ Луцкѣ на ежегодныя судебныя засѣданія, постановляетъ отложить судебныя дѣла и заняться обезпеченіемъ спокойствія въ виду того, что своевольные люди „которые се называють быти козаками низовыми“, вступивъ въ Кіевское и Волынское воеводства,

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. III. I № 14.
[2]) Матеріали до історії козацьких рухів № 1.
[3]) Жерела VIII № 48, ср. Сборникъ лѣтоп. Ю. и З. Рос. с. 77.
[4]) Бѣльскій с. 1080—1, ср. у Гейденштейна с. 302 (польскаго перевода II с. 367). [5]) Бѣльскій с. 1681.

„обычаемъ неприятельскимъ замки и мѣста такъ его корол. милости яко и шляхетскіе поседаютъ и людей забияютъ и мордуютъ, палятъ и пустошатъ и до присегъ на послушенство свое примушаютъ, подбиваючи ихъ на послушенство свое" [1]). Владимирская шляхта оповѣщаетъ, что отъ своего старосты кн. Острожскаго и отъ многихъ помѣщиковъ изъ Кіевскаго и Брацлавскаго воеводствъ, точно такъ же отъ луцкой шляхты, она освѣдомлена о большой опасности, грозящей со стороны казаковъ: они „обычаемъ неприятельскимъ не мало замковъ, местъ и селъ украинныхъ повоевавши, зголдовавши меаетность брати нашей—шляхтичевъ оныхъ краевъ и никоторыхъ самыхъ особъ въ неволю до везеня побравшы, теперъ зъ немалымъ войскомъ зъ арматою способомъ неприятельскимъ южъ до воеводства Волынского притягнули, умысливши далей панства короля его милости пустошити и плондровати" [2]). Несомнѣнно, конечно, что тѣ, кому это движеніе наиболѣе угрожало — и въ первой линіи кн. Острожскіе, умышленно старались представить его возможно болѣе грознымъ и всеобщимъ, классовымъ. Но несомнѣнно, что, бубудучи въ своей основѣ актомъ мести Острожскимъ, движеніе это, по мѣрѣ своего развитія, принимало все болѣе широкіе размѣры и принципіальный характеръ.

Волынская шляхта рѣшила просить помощи и опеки у короля и короннаго гетмана, и сама начала готовиться къ борьбѣ подъ предводительствомъ кн. Острожскаго [3]). Король съ своей стороны издалъ грамоты къ шляхтѣ заинтересованныхъ воеводствъ—Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, призывая ее въ походъ и назначая сборнымъ мѣстомъ Константиновъ, подъ начальствомъ кн. Острожскаго [4]). Сдѣлать больше въ правительственныхъ кругахъ не считали нужнымъ, считая всю аферу частнымъ дѣломъ Острожскихъ—какъ смотрѣли на нее въ обществѣ, и какимъ она дѣйствительно была [5]). Старый князь не былъ въ правительственныхъ кругахъ persona grata, а съ шефомъ польскихъ военныхъ силъ Замойскимъ отношенія его были вовсе испорчены въ послѣднее время, и тотъ, съ своей стороны, подчеркивалъ, что

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. III. I № 15 и 16.
[2]) Ibid. № 18. [3]) Ibid. № 50. [4]). Архивъ III. I. № 17.
[5]) „Былъ послухъ, же козаки воеводу киевского воюютъ", разсказываетъ объ этой фазѣ движенія одинъ изъ участниковъ—Архивъ Ю. З. Р. III. I. с. 60.

козацкія волненія—это частное дѣло Острожскаго, возникшее по его винѣ. Этимъ объясняется сдержанное и пассивное отношеніе польскихъ правительственныхъ и военныхъ круговъ къ этимъ волненіямъ. На осеннемъ сеймѣ 1592 г., повидимому, обсуждался проэктъ рѣзкихъ репрессій противъ козаковъ: конфисковать имѣнія, пожалованныя войску и отдѣльнымъ лицамъ изъ козаковъ, отмѣнить всѣ права и привиллегіи, объявить участниковъ волненій бунтовщиками и врагами государства, хватать и арестовывать ихъ повсемѣстно, гдѣ появятся, соединенными силами старостъ и шляхты. Все это было проэктировано еще рѣшеніемъ комиссаровъ подъ Трипольемъ и спустя нѣсколько лѣтъ было сеймомъ принято—послѣ кампаніи 1596 г., но теперь очевидно такія острыя репрессіи на сеймѣ не прошли [1]). И зимою 1592/3 г., когда козаки хозяйничали въ Волынскихъ земляхъ, гетманъ Замойскій спокойно сидѣлъ дома, и въ то время какъ король издавалъ свои универсалы украинской шляхтѣ, призывавшіе ее на помощь Конст. Острожскому, Замойскій поручалъ своему помощнику, польскому гетьману Жолкевскому написать Острожскому, убѣждая его не доводить до войны, а закончить дѣло миромъ. Очевидно, оба гетмана возлагали отвѣтственность за эту „клотню“ на Острожскаго и не считали нужнымъ впутывать въ коронное войско въ это частное дѣло украинскаго магната [2]): они считали въ это время своею обязанностью слѣдить за Татарами [3]). Острожскимъ приходилось спасать свои владѣнія своими средствами, съ помощью шляхты и стоявшихъ съ ними въ близкихъ отношеніяхъ старостъ.

Они дѣйствительно энергично принялись за дѣло. Старый

---

[1]) Проектъ конституціи, изданный въ Жерелахъ т. VIII № 48; въ изданныхъ недавно дневникахъ сейма онъ однако отсутствуетъ. Было зато, очевидно, принято другое постановленіе—объ отмѣнѣ должности козацкаго старшаго (которую занималъ Язловецкій) и подчиненіи козацкаго войска непосредственно коронному гетману, недовольному такимъ подрывомъ его вліянія—тамъ же № 49 и Dyaryusze sejm. z r. 1591 i 1592 c. 372, 337.

[2]) Była to waśń domowa, spory powiatowe, zajscia pomiedzy Rusinami, do których nie mieszała się ani powaga rzeczypospolitej ani oręż wojska koronnego, справедливо комментируетъ отношеніе польскихъ гетмановъ издатель ихъ корреспонденціи Любомирскій (Listy). Для полноты картины слѣдовало прибавить еще личную waśń между Замойскимъ и Острожскими.

[3]) Listy St. Żółkiewskego № 14.

князь въ (Старо) Константиновѣ собиралъ около себя шляхту; Янушъ въ Галиціи спѣшно набралъ войско какое было можно собрать изъ ближайшихъ областей и Венгріи. На помощь явились также прошлогодніе комиссары: Якубъ Претвичъ, кн. Александръ Вишневецкій, Янъ Гульскій. Косинскій въ это время имѣлъ свое мѣстопребываніе въ мѣст. Острополѣ, во владѣніяхъ кн. Острожскихъ. Когда начали собираться войска Острожскихъ, онъ отступилъ на востокъ и окопался подъ м. Пяткою, недалеко отъ Чуднова, на болѣе сильной и безопасной позиціи. Въ первыхъ битвахъ, которыя ему пришлось выдержать съ войскомъ князя Константина, до прихода полковъ Януша, счастье было на сторонѣ Косинскаго. Но рѣшительную битву, которую онъ задумалъ дать Острожскимъ, желая предупредить осаду, Косинскій проигралъ совершенно. Возможно, что виною была стратегическая ошибка: Бѣльскій разсказываетъ, что Косинскій хотѣлъ на всякій случай обезпечить себѣ сообщеніе съ степью, и выслалъ часть войска, чтобы занять позицію въ этомъ направленіи. Это соотвѣтствуетъ козацкой тактикѣ, извѣстной намъ изъ позднѣйшихъ битвъ, и могло ослабить силы главнаго козацкаго войска въ послѣдовавшей битвѣ.

Впрочемъ и въ этой битвѣ, данной Косинскимъ Острожскимъ въ день католическаго срѣтенія (2 февраля н. ст., 23 января ст. ст.), въ началѣ счастье было на сторонѣ козаковъ, ряды противниковъ начали отступать, но въ это время на козацкое войско ударилъ со своею конницею Янушъ Острожскій и разорвалъ его ряды. Козаки бросились бѣжать въ городъ (Пятку); войско Острожскихъ гналось за ними. Современники разсказываютъ, что при этомъ погибло множество народу (одинъ насчитываетъ больше двухъ тысячъ, другой до трехъ тысячъ, такъ что число убитыхъ представлялось вдвое большимъ, чѣмъ въ большой битвѣ подъ Бычиною); захвачено было 26 пушекъ и другое оружіе, почти всѣ знамена. Очевидно, это преувеличенные разсказы, особенно, если сопоставить съ этимъ замѣчаніе, что изъ войска Острожскаго не погибло и десяти человѣкъ [1]). Но битва во всякомъ случаѣ козаками была рѣшительно проиграна, и козацкое войско не рѣшалось продолжать борьбу. По словамъ одного изъ слугъ Вишневецкаго, козаки обратились къ его господину, прося его быть посредникомъ и склонить Острож-

---

[1]) Бѣльскій.

скихъ къ миру. Переговоры кончились тѣмъ же, чѣмъ и въ прошломъ году подъ Триполемъ: козаки обѣщали, что лишатъ Косинскаго гетманства и больше не будутъ безпокоить имѣній Острожскихъ и другихъ участниковъ похода, и на этихъ условіяхъ Острожскіе согласились пропустить ихъ свободно на Низъ. Въ такомъ духѣ составленъ былъ 10/II н. ст. актъ, полный текстъ котораго сохранился до нашего времени,—я приведу его въ сокращенномъ видѣ:

„Я Крыштофъ Косинскій на тотъ часъ гетманъ, а мы сотники, атаманья, все рыцарство войска запорозского вызнаваемо тымъ листомъ нашимъ, ижесмы великие добродейства и ласки ясновельможного пана Константина княжати Острозского, которыя е. м. намъ—всему войску и кождому зъ насъ зъ особна по всѣ часы вѣку своего зъ милостивое ласки своеи панскои показовать и веле доброго для насъ чинити рачилъ, а мы запомневши того всего немало смы прикростей и шкодъ е. м. самому и деткамъ е. м., слугамъ и поданнымъ поделали и завинили, ласки ихъ милости себе нарушили, которые то всѣ выступки нами за унижеными а пилными прозбами и за причиною веле людей зацныхъ ихъ милости то все зъ милостивое ласки своеи, яко панове хрестиянские, не прагнучи пролитя крови нашеи, намъ отпустити рачили. Для чего мы тые вси кондыцые намъ отъ ихъ милости княжать поданные и тутъ въ томъ листе нашомъ менованые выполнимы, и присегою своею утвержаемъ; Ижъ отъ тыхъ часовъ пана Косинскаго за атамана не меть, и овшемъ на Украине заразомъ з насъ иншого на тое местце надалей за недѣль чотыри наставить; а потомъ въ послушенстве королю е. м., не чинечи жадного розмерья зъ суседми посторонними панствъ е. кор. милости, на звыклыхъ местцехъ за пороги быть; лежъ жадныхъ ани приставствъ, шкодъ ани кривдъ жадныхъ въ державахъ кнежатъ ихъ милости и въ маетностяхъ приятель ихъ: е. м. кнежати Александра Вишневецкого старосты черкаского и иныхъ на тотъ часъ при ихъ милости будучихъ и тежъ въ маетностяхъ и державахъ слугъ ихъ не мевать и не чинить; збеги, здрайцы кнежатъ и. м. слугъ ихъ до насъ збеглыхъ выдавать и тыхъ у себе не переховывать; стрелбу гдеколвекъ взятую на замкахъ, местахъ яко и въ державахъ ихъ окромъ Трипольскихъ вернуть; также и хорогве, кони, быдла и речи рухомые, теперь въ маетностяхъ кнежатъ ихъ милости подобраные, вернуть маемо; также челядь обое плъти, которая есть при насъ, отъ

себе отправить; и вечне у кнежатъ ихъ м. въ стародавной милости мешкать и николи противъ ихъ м. зъ жаднымъ человекомъ не приставатѣ и овшемъ ихъ м. служить". (Слѣдуетъ формула присяги). Договоръ подписали Косинскій и Иванъ Кречковичъ, „писарь войсковый именемъ всего войска", Претвичъ, Гульскій и два волынскихъ помѣщика—Боговитинъ и Гулевичъ [1]). Кромѣ своего заявленія Косинскій долженъ былъ еще лично „ударить челомъ" кн. Острожскому—„три раза поклонился въ ноги самому пану воеводѣ, также и сыновьямъ его" [2]). И послѣ этой церемоніи онъ вмѣстѣ съ войскомъ былъ отпущенъ во свояси.

Однако Косинскій покорился лишь для того, чтобы получить возможность вывести свое войско на Низъ. Своего обѣщанія—устранить Косинскаго, козаки не исполнили; онъ остается ихъ гетманомъ и тотчасъ же начинаетъ готовиться къ новому походу на Украину,—еще съ болѣе серьезными намѣреніями, чѣмъ прежде, если вѣрить реляціи его побѣдителя Алекс. Вишневецкаго. Вишневецкій доносилъ, что на этотъ разъ Косинскій думалъ уже не объ опустошеніи помѣщичьихъ имѣній, а о томъ, чтобы „перевернуть все пограничье и насъ всѣхъ перебить". Что понималъ онъ подъ этими, хотя и сильными, но достаточно неопредѣленными словами, остается неяснымъ—подозрѣвалъ ли онъ въ Косинскомъ намѣренія завладѣть юго-восточной Украйной и завести тамъ новый порядокъ „безъ холопа и безъ пана", подъ козацкимъ региментомъ, или боялся только рѣзни шляхты. А затѣмъ разумѣется, является сомнѣніе, дѣйствительно ли имѣлъ Косинскій намѣренія, которыя приписываетъ ему кн. Вишневецкій. По его словамъ, Косинскій „съ войскомъ своимъ присягнулъ разорять съ турецкими и татарскими войсками коронныя земли и помогать поганскимъ псамъ взять въ свои руки Корону (Польшу), и крымскій ханъ долженъ послать съ нимъ свое войско, а Косинскій за это ему обѣщалъ разорять королевскія земли. Въ

---

[1]) Договоръ сохранился въ полной копіи во владимирскихъ книгахъ, изд. въ Архивѣ Ю. Р. Ш. I № 19, и въ дефектномъ видѣ—Listy St. Żółkiewskiego № 15; несмотря на свои дефекты, это изданіе исправляетъ однако нѣкоторыя ошибки владимирской копіи (я использовалъ его въ приведенномъ извлеченіи).

[2]) Listy № 17.

этомъ же далъ онъ присягу и в. кн. московскому вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ и отдалъ уже подъ его власть все пограничье, больше чѣмъ на сто миль на этихъ границахъ; и въ своемъ письмѣ къ нимъ великій князь московскій уже называлъ себя царемъ запорожскимъ, черкасскимъ и низовскимъ и послалъ на Запорожье сукно и деньги“ [1]).

Все это производитъ впечатлѣніе и очень интересно было бы имѣть въ Косинскомъ дѣйствительнаго носителя такихъ идей, такихъ соціальныхъ и политическихъ плановъ,—предшественника казацкихъ вождей XVII в. въ ихъ планахъ рѣшительной борьбы противъ польскаго режима, съ помощью извѣчныхъ враговъ и соперниковъ Рѣчи посполитой, для переустройства общественнаго строя Украины. Однако нельзя быть увѣреннымъ, не присочинилъ ли и тутъ Вишневецкій кое-чего, чтобъ увеличить значеніе своей побѣды надъ Косинскимъ; что тутъ кое что прибавлено по недоразумѣнію, это во всякомъ случаѣ несомнѣнно—грозныя московскія претензіи, описанныя Вишневецкимъ, покоятся на очевидномъ недоразумѣніи: на упоминаніи въ титулѣ московскихъ государей князей черкасскихъ и низовской земли (Черкесовъ кавказскихъ и волжскаго Низа). Но во всякомъ случаѣ интересно уже то, что, такъ сказать, въ воздухѣ носились мысли хотя бы о возможности со стороны козачества плановъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ получившихъ вполнѣ реальное значеніе. И если мы припомнимъ сношенія козаковъ съ московскимъ правительствомъ въ 1550-1580 гг., недавнія предложенія хану помощи со стороны козаковъ въ 1580 гг., всѣ эти толки въ 1592 г. о подчиненіи украинской шляхты козацкой власти и юрисдикціи, то въ разсказахъ Вишневецкаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ преувеличеній и недоразумѣній, собственно говоря, не много найдемъ вовсе неправдоподобнаго. Московское правительство дѣйствительно поддерживало сношенія съ Косинскимъ, и весною этого года къ нему была отправлена царская грамота съ порученіемъ совмѣстно съ донскими козаками и московскими войсками вести борьбу за крымскими Татарами [2]). Но было ли въ этихъ сношеніяхъ что-нибудь больше, какія-либо попытки со стороны Косинскаго опереться на помощь Москвы противъ своихъ противниковъ, остается неизвѣстнымъ.

По словамъ Вишневецкаго весною (въ маѣ) 1593 р. Ко-

---

[1]) Listy Żółkiewskiego № 19.

[2]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ II № 62.

синскій съ двухтысячнымъ козацкимъ войскомъ и пушками двинулся подъ Черкасы. Каковы были его намѣренія, Вишневецкій точнѣе не поясняетъ. Современники, Гейденштейнъ и Бѣльскій, говорятъ, что Косинскій не прощалъ Вишневецкому поддержки, которую тотъ оказалъ Острожскимъ, и поэтому съ него хотѣлъ начать свою новую кампанію; можно прибавить къ этому, что Вишневецкій былъ замѣшанъ и въ рокитнинскую исторію [1]), а козаки также имѣли съ нимъ большіе, старые счеты, какъ съ черкасскимъ старостою. Такъ или иначе, на этотъ разъ Косинскій хотѣлъ сосчитаться съ нимъ и, по словамъ Вишневецкаго, подступивъ подъ Черкасы, онъ началъ обстрѣливать городъ. Такъ какъ ночью ожидали съ его стороны штурма, то Вишневецкій счелъ за лучшее его предупредить и неожиданно напалъ на Косинскаго. Въ битвѣ, во время общаго замѣшательс ва, Косинскій былъ убитъ, а его товарищи, обезкураженные этимъ, поспѣшно ретировались въ Запорожье, къ остальному войску [2]). Бѣльскій и Гейденштейнъ разсказываютъ немного иначе: по ихъ словамъ, Косинскій, опередивъ войско, съ нѣсколькими сотнями козаковъ вошелъ въ Черкасы и затѣялъ пирушку въ корчмѣ и тутъ его пьяного убили слуги кн. Вишневецкаго, а затѣмъ начали бить и козаковъ, такъ что погибло до трехъ съ половиною сотенъ [3]). Хотя разсказъ Вишневецкаго авторитетнѣе, но дѣло, несомнѣнно, не было такъ просто и ясно, какъ онъ разсказываетъ,— въ постигшей Косинскаго и его товарищей гибели былъ элементъ коварства, измѣны или чего-нибудь подобнаго со стороны Вишневецкаго. Такъ заставляетъ думать и страхъ Вишневецкаго передъ козацкой местью, и признанное позднѣе за родственниками и товарищами Косинскаго право искать судомъ удовлетворенія отъ Вишневецкаго [4]).

Увѣдомляя Замойскаго о своемъ тріумфѣ надъ Косинскимъ, Вишневецкій просилъ его повліять па короля, чтобы украинское пограничье было обезпечено войскомъ, такъ какъ ему угрожаетъ месть со стороны Запорожцевъ. „Вполнѣ вѣроятно“ предупреждаетъ онъ, „что эти измѣнники—а ихъ за порогами есть нѣсколько тысячъ—захотятъ мстить и опустошать всю Украину, соединившись съ Татарами“. Проситъ также, чтобы и пограничной шляхтѣ были посланы грамоты, которыя бы, кромѣ благодарности за помощь, уже

---

[1]) См. выше. стр. 236. [2]) Listy № 17. [3]) Bielski c. 1691.
[4]) См. ниже объ этомъ соглашеніи.

оказанную ею, побудили ее „не допускать никакой измѣны королю и Рѣчи Посполитой и не покидать меня и этого пограничья, но со мною охранять границы государства, не жалѣя своей жизни“— такъ какъ иначе отъ этихъ „проклятыхъ людей (козаковъ), а черезъ нихъ—и отъ иностранныхъ король не будетъ имѣть покоя“, прибавляетъ онъ для большой убѣдительности. Какъ видимъ, черкасскій староста вовсе не весело чувствовалъ себя послѣ своего тріумфа надъ Косинскимъ.

Его воззванія о помощи, адресованныя къ правительству, оставались безъ результата. Правда, сеймъ, созванный въ маѣ, высказавъ устами Замойскаго благодарность Острожскому за усмиреніе козаковъ [1]), постановилъ расположить на Днѣпрѣ войско, которое препятствовало бы своевольнымъ нападеніямъ на сосѣднія земли; козаки и всякіе другіе своевольники, собирающіеся въ шайки и занимающіеся нападеніями, объявлялись бунтовщиками, разрѣшалось употреблять противъ нихъ военную силу безъ всякихъ предварительныхъ судебныхъ формальностей и выступать съ оружіемъ въ рукахъ при защитѣ своихъ имѣній, причемъ всякая отвѣтственность за убитыхъ въ подобныхъ битвахъ людей, хотя бы и шляхтичей, снималась совершенно [2]). Но все это не давало никакой реальной помощи для защиты отъ козаковъ. Между тѣмъ лѣтомъ 1593 г. они вполнѣ серьезно двинулись въ Приднѣпровье. Одновременно Татары напали на Волынь; говорили, что къ этому подговорили ихъ козаки и направили именно на кн. Острожскихъ — потому и лагеремъ они расположились подъ Константиновымъ и больше всего разорили какъ разъ владѣнія Острожскихъ. Мѣстная шляхта была частью на сеймѣ, частью въ трибуналѣ, и Орда, захвативъ плѣнныхъ „ушла не увидавъ даже вынутой противъ себя сабли“ [3]). Между тѣмъ козаки двинулись на Черкасы. Силы ихъ должно быть были весьма значительны, и Вишневецкій послѣ недавнихъ тріумфовъ принужденъ былъ смириться и искать соглашенія. Дѣло кончилось такою характерною капитуляцією украинскаго вицекороля передъ козачествомъ:

Вѣчный и ненарушимый миръ устанавливается съ обѣихъ

---

[1]) У Нѣмцевича Dzieje panowania Zygmunta III, изд. Туровскаго с. 135.

[2]) Volum. legum II с. 344. Не было ли это отзвукомъ безпокойствъ Вишневецкаго по поводу убійства Косинскаго?

[3]) Бѣльскій с. 1700—1.

сторонъ. Припасы, лодки и лошадей (захваченныхъ очевидно у козаковъ) панъ староста черкасскій долженъ вернуть козакамъ, и еслибъ потомъ кто-либо изъ товарищей изъ войска запорожскаго опозналъ что-либо свое во владѣніяхъ старосты Вишневецкаго, то можетъ судомъ искать возвращенія опознаннаго. За смерть Косинскаго, Шалевскаго и Снятовскаго ихъ родственники могутъ также судомъ искать удовлетворенія. Всѣмъ козакамъ, находившимся во все время этихъ замѣшательствъ при кн. Вишневецкомъ или въ его войскѣ, предоставляется право свободнаго передвиженія—„прихода и ухода" какъ на волости, такъ и за пороги въ козацкое войско, не подвергаясь никакимъ нареканіямъ или мести (амнистія).

Урядники старосты — подстаросты и городничіе не должны забирать имущества, оставшагося послѣ умершихъ козацкихъ товарищей, въ пользу черкасскаго старосты: оно переходитъ въ наслѣдство ихъ женамъ, дѣтямъ и родственникамъ.

Козаки, приходя съ Низа въ староство п. старосты, когда бы то ни было, должны пользоваться правомъ свободнаго прихода и ухода. Требуется только, чтобы прибывшіе выбирали изъ своей среды старшаго, который чинилъ бы надъ ними судъ за проступки [1]).

Послѣдніе пункты указываютъ на существованіе извѣстныхъ треній въ отношеніяхъ между Вишневецкимъ и козачествомъ: упоминается поборъ „отумерщины", отмѣненной грамотою Баторія, затрудненія, чинившіяся своевольнымъ козакамъ, приходившимъ съ Низу въ города. Вишневецкій обязался прекратить эти репрессіи и открыть козакамъ вполнѣ свободный путь черезъ свои владѣнія. Это было довольно неожиданно послѣ послѣднихъ постановленій сейма. Кіевскій епископъ Верещинскій, занятый колонизаціею своей фастовской волости и ввиду этого живо интересовавшійся мѣстными дѣлами, увѣдомляя Замойскаго объ условіи, заключенномъ Вишневецкимъ съ козаками, считалъ нужнымъ оправдать Вишневецкаго. Не такое время, замѣчаетъ онъ, чтобы дѣйствительно можно было приняться за репрессіи на козаковъ, предписанныя сеймомъ: грозятъ нападенія со стороны Татаръ, неясна позиція

[1]) Письмо Верещинскаго къ Замойскому, изданное пока у Стороженка ст. Баторій с. 307; въ комментаріяхъ къ нему онъ ошибается, говоря, что учрежденіе козацкаго суда въ Черкасахъ вытекало изъ польскаго права: въ дѣйствительности, это былъ иммунитетъ, привилегія, предоставлявшаяся козакамъ.

Турціи; было бы хорошо, еслибъ возможно было очистить Украину отъ козаковъ, но сейчасъ „плохія времена“, можетъ быть позже это будетъ возможно.

Дѣйствительно, все это приходилось отложить до другого времени, такъ какъ сейчасъ козаки были полными хозяевами въ восточной Украйнѣ, а коронное войско и правительство ничего не дѣлали для ихъ обузданія. Согласно своему условію съ Вишневецкимъ козаки отправили своихъ пословъ въ Кіевъ, чтобы мѣстный гродскій (уголовный) судъ далъ имъ своего агента („возного“) для засвидѣтельствованія потерь и убытковъ, понесенныхъ ими отъ Вишневецкаго—т. е. хотѣли осуществить права иска, обезпеченныя имъ договоромъ. Но кіевская администрація—замѣстители кн. Конст. Острожскаго, „не взирая на ихъ посольское званіе“ арестовала этихъ посланцовъ, взяла ихъ на допросъ, на пытки; одинъ и умеръ во время этихъ пытокъ, другой остался едва живъ; имущество ихъ и другихъ козаковъ было конфисковано. Узнавъ объ этомъ, козацкое войско съ артиллеріей и со всѣми силами двинулось въ лодкахъ на Кіевъ, „добиваться суда надъ виновными“. Въ то время въ Кіевѣ собралась кіевская шляхта на „рочках“ (судебной сессіи); узнавъ о козацкомъ походѣ и не имѣя средствъ обороны, она рѣшила отправить къ козакамъ своихъ пословъ, чтобы убѣдить ихъ не итти на Кіевъ всѣмъ войскомъ, а ограничиться посылкой своихъ делегатовъ для разслѣдованія дѣла. Послами были Верещинскій и кн. Кирикъ Ружинскій, въ 1580-хъ годахъ вмѣстѣ съ братомъ Михайломъ бывшій козацкимъ вождемъ, слѣдовательно своимъ человѣкомъ для козаковъ. Они выѣхали, какъ разсказываетъ Верещинскій, навстрѣчу казакамъ на устье Лыбеди, но ночью наѣхали на нихъ козацкіе „калауры“ (караулы) и думая, что это кіевская стража, конечно изрубили бы ихъ, если бы Верещинскому не пришла въ голову счастливая мысль,: чтобы убѣдить козаковъ, что это не стража, онъ приказалъ своимъ музыкантамъ играть на „жоломійкахъ“ (w szalamaie) псаломъ „Воспою Господеви въ животѣ моемъ“, и это дѣйствительно спасло ихъ. Когда прибыло козацкое войско, Верещинскій и Ружинскій стали отговаривать козаковъ отъ похода на Кіевъ, но тѣ не согласились послать делегатовъ, говоря, что съ этими послами было бы тоже, что и съ предшествующими. Козаки пошли Днѣпромъ и сухимъ путемъ на Кіевъ, всѣхъ ихъ было около четырехъ тысячъ. Шляхта разбѣжалась, „не желая вмѣстѣ съ замковой администраціей пить то

пиво, которое она заварила“; администрація и мѣщане заперлись въ замкѣ. Но въ концѣ концовъ стороны пришли къ соглашенію безъ пролитія крови и даже безъ перестрѣлки, какъ увѣряетъ въ своей реляціи Верещинскій. Козаки за причиненныя имъ обиды согласились взять выкупъ: имъ заплатили 12 тыс. золотыхъ и подписали „условіе“ (къ сожалѣнію, не дошедшее), обезпечившее, подобно черкасскому, „вѣчный покой и перемирье“ съ козаками, и вѣроятно гарантировавшее козакамъ болѣе или менѣе тѣ же права, что и черкасское соглашеніе съ Вишневецкимъ [1]).

Между тѣмъ походъ козаковъ и бѣгство шляхты изъ Кіева сильно всполошили волынскую шляхту, и особенно князей Острожскихъ: имъ уже мерещился, очевидно, новый козацкій походъ на Волынь. Волынская шляхта, собравшаяся во Владимирѣ для выбора делегатовъ въ трибуналъ, со страхомъ приняла извѣстіе, что козаки „до столицы воеводства киевскаго зъ арматою войною втягнули, згромажати и тамъ осести хочутъ“—это являлось угрозою и для Волыни. Въ виду этого шляхта уполномочила кн. Острожскихъ слѣдить за козаками и въ случаѣ нужды созвать шляхту: она обѣщала по первому требованію ихъ явиться на указанное мѣсто [2]).

Опасность грозила Волыни и съ юга — изъ Брацлавскихъ земель (возможно, что ее имѣетъ въ виду волынская шляхта, указывая, что отъ козаковъ также „часу недавно прошлого небезпеченства и шкоды великие въ краяхъ Подолскихъ сталися“). Здѣшнія козацкія волненія были тѣмъ особенно опасны, что за одно съ козаками здѣсь выступало близкое къ нимъ по всему складу своей жизни брацлавское мѣщанство,— въ то время какъ въ приднѣпровскихъ замкахъ мѣщане не выходили изъ повиновенія своимъ старостамъ. Изъ позднѣйшихъ извѣстій узнаемъ, что вождемъ или однимъ изъ виднѣйшихъ иниціаторовъ этихъ брацлавскихъ движеній былъ Наливайко, но скудныя свѣдѣнія о первыхъ стадіяхъ этого движенія, заключающіяся въ письмѣ Жолкевскаго отъ 25 ноября 1593 г., еще не упоминаютъ о немъ. Жолкевскаго о мѣстныхъ волненіяхъ извѣщалъ брацлавскій староста Струсь, описывая ихъ въ весьма мрачныхъ краскахъ, въ духѣ реляціи Вишневецкаго, и произвелъ на Жолкевскаго сильное впечатлѣніе. „Панъ староста брацлавскій, сильно

---

[1]) Реляція Верещинскаго—Listy Żółkiewskiego с. 28—30.
[2]) Архивъ Ю. З. Р. III. I № 21.

обезкураженный своевольемъ и бунтами этихъ злыхъ хлоповъ", писалъ Жолкевскій Замойскому, „сильно нуждается въ милости, совѣтѣ и помощи вашей, такъ какъ вслѣдствіе сопротивленія и волненій этихъ хлоповъ (подразумѣваются очевидно брацлавскіе мѣщане вмѣстѣ съ козаками) ему трудно исполнять свои обязанности въ отправленіи святой справедливости (суда): ему приходится, отправляясь туда (въ Брацлавъ), собирать большіе отряды, остерегаясь ихъ буйства и своевольства. Я совѣтовалъ п. старостѣ—и буду съ своей стороны стараться объ этомъ—какъ либо добромъ привести ихъ къ повиновенію; но еслибы и впредь съ ихъ стороны оказывалось такое же непослушаніе, прошу дать указаніе — какъ поступать въ такомъ случаѣ. Я имѣю свѣдѣнія, что они уговорились не давать тамъ квартиръ (lezey) для солдатъ, а должно быть и у крымскаго царя ихъ послы бываютъ. Такое у нихъ непослушаніе и буйный духъ, что они не помнятъ ни Бога, ни короля, ни чего другого. Нужно заблаговременно принять мѣры, чтобы не вышло чего-либо худшаго. Какъ сообщалъ мнѣ п. староста, силы у нихъ невелики, только упорство большое" [1]).

Интересно при этомъ отмѣтить, что впервые эти жалобы и сообщенія Струся, повидимому, заставили Жолкевскаго задуматься надъ козацкимъ вопросомъ, надъ этими украинскими своевольствами, послѣ того какъ уже цѣлыхъ два года (1592 и 1593) юговосточная Украйна была ареною козацкого своеволія, послѣ того какъ козаки овладѣвали государственными замками, захватывали оружіе, давали настоящія битвы старостамъ и шляхтѣ. Такъ мало мѣстныя дѣла занимали высшую польскую администрацію. Лишь теперь Жолкевскій узнаетъ о различныхъ королевскихъ наказахъ, касающихся козачества, начиная съ Баторія и вплоть до недавнихъ, отъ 1590-хъ годовъ, поручавшихъ коронному войску, какъ мы видѣли, безо всякихъ юридическихъ формальностей громить своевольныхъ.

Положеніе дѣлъ на Украинѣ дѣйствительно становилось все болѣе грознымъ. Спеціальныя причины вызывали наплывъ козачества съ Низу въ „волость": Татары огромными массами собирались въ степяхъ, ихъ стада уничтожили траву, и въ концѣ концовъ они разорили даже запорожскія укрѣпленія, воспользовавшись тѣмъ, что козаки вышли изъ Запорожья [2]). Но на

---

[1]) Listy № 22. [2]) Listy № 32—3.

нѣкоторое время комбинаціи въ области иностранной политикѣ привлекли къ себѣ вниманіе козачества и обратили ихъ силы отъ украинской „волости“ въ другомъ направленіи—въ сторону заграничныхъ экспедицій.

Уже съ 1590 г., когда Турція закончила войну съ Персіей, ясно чувствовалось приближеніе грозной войны между Австріею и Турціею за Венгрію. Несмотря на то, что въ послѣднее время (начиная уже съ перемирія 1568 г.) Австрія платила со своихъ венгерскихъ земель ежегодный „почетный даръ“ султану въ размѣрѣ 30 тыс. дукатовъ, нападенія съ турецкой стороны не прекращались, и было очевидно, что какъ только турецкое правительство освободится отъ другихъ заботъ, никакая уступчивость Австріи не предохранитъ ее отъ новаго нападенія со стороны Турокъ. И хотя формально война была объявлена лишь лѣтомъ 1593 г., но фактически она началась еще раньше, и австрійское правительство вынуждено было искать союзниковъ и средствъ противъ этой найболѣе грозной державы тогдашняго міра.

Обстоятельства слагались такъ, что съ запада Австрія могла разсчитывать самое большее—на какія нибудь денежныя субсидіи; военную помощь обѣщалъ только папа. Ея приходилось искать на востокѣ, и австрійское правительство старается вовлечь въ свою борьбу съ Турціею Москву, Польшу, Трансильванію, Молдавію. Среди этихъ переговоровъ оно получило первыя болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о козацкихъ контингентахъ и задумало привлечь ихъ къ участію въ борьбѣ съ Турками и ихъ приспѣшниками Татарами.

Уже зимою 1592/3 г. или самое позднее—въ началѣ весны 1593 г. къ австрійскому правительству обратился какой то неизвѣстный намъ по имени эмиссаръ, заявившій готовность козаковъ притти въ Венгрію и „служить противъ Турокъ“. Неизвѣстно, принадлежалъ ли этотъ эмиссаръ дѣйствительно къ запорожскому козачеству, находившемуся въ то время подъ начальствомъ Косинскаго и занимавшагося войной съ Острожскимъ, а потомъ Вишневецкимъ; вѣроятнѣе, что это посольство вышло изъ среды шляхетско-козацкихъ авантюристовъ, къ которому принадлежалъ позднѣйшій эмиссаръ Станиславъ Хлопицкій и разсказывавшій потомъ о посольствѣ Хлопицкаго Валицкій [1]).

---

[1]) Выдержки изъ документовъ при статьѣ Барвинскаго, приб. II.

Австрійское правительство имѣло очевидно какія то представленія о межеумочномъ политическомъ положеніи козачества и не рѣшилось принять это предложеніе козацкой помощи безъ предварительной дипломатической рекогносцировки.

Отправивъ ни съ чѣмъ этого перваго посланца, оно своему послу Вакеру, отправленному весною 1593 г. въ Москву съ порученіемъ привлечь послѣднюю къ участію въ борьбѣ съ Турціею, между прочимъ поручило разузнать также, не будетъ ли московское правительство имѣть что нибудь противъ намѣреній австрійскаго „принять козаковъ и послать ихъ противъ турецкаго султана". Московское правительсто обѣщало поддержать Австрію противъ Турокъ, относительно же козаковъ отвѣтило, что къ нимъ Москва не имѣетъ никакого отношенія, и при этомъ охарактеризовало ихъ какъ элементъ очень полезный въ партизанской войнѣ, но своевольный и ненадежный [1]). Тогда при новомъ посольствѣ въ Польшу, въ концѣ 1593 г., тому же Вакеру было поручено навести болѣе подробныя справки о козакахъ, но тайкомъ, не довѣряя особенно Замойскому, какъ человѣку, не сочувствующему антитурецкимъ планамъ [2]),

О томъ, что польское правительство оффиціально тоже отрекается отъ всякой власти и отвѣтственности за козаковъ, въ австрійскихъ сферахъ, очевидно, знали, и поэтому вопроса о согласіи польскаго правительства на участіе козаковъ въ австрійскихъ операціяхъ не считали нужнымъ поднимать, а хотѣли, очевидно, выяснить только фактическія отношенія козаковъ къ польскому правительству и собрать болѣе точныя свѣдѣнія о самихъ козакахъ.

Между тѣмъ Янушъ Острожскій, имѣвшій свои сношенія съ Венгріею, уже въ сентябрѣ 1593 г. началъ черезъ своего бѣлоцерковскаго подстаросту, извѣстнаго намъ кн. Курцевича, склонять козаковъ къ службѣ императору: обѣщалъ имъ по 20 злотыхъ и сукно на каждого, но требовалъ, чтобы они привезли съ собою артиллерію изъ 24 полевыхъ орудія, другими словами—чтобы двинулись всѣмъ войскомъ; такъ въ началѣ октября доносилъ Замойскому Верещинскій [3]). Объ этомъ, очевидно, велись переговоры между козаками во время кіевской „оккупаціи", и, узнавъ объ этихъ разговорахъ, одинъ изъ категоріи

---

[1]) Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи I с. 1282 Соловьевъ VII с. 594.

[3]) Приб. I къ статьѣ Барвинскаго. [2]) Listy c. 32.

упомянутыхъ шляхетско-козацкихъ авантюристовъ, ближе неизвѣстный намъ Станиславъ Хлопицкій, задумалъ изъ этого устроить выгодное дѣло для себя [1]). Онъ отправился въ Прагу къ императорскому двору и отрекомендовался въ качествѣ посла отъ низовыхъ козаковъ: по его словамъ козаки, располагая войскомъ въ 8—10 тысячъ, берутся ударить на Татаръ, направляющихся походомъ въ Венгрію, и этимъ нападеніемъ предотвратить ихъ вторженіе. Австрійское правительство рѣшило воспользоваться этимъ предложеніемъ, не ожидая сообщеній изъ Польши. Хлопицкій формально былъ принятъ на службу императору, приведенъ къ присягѣ и отправленъ затѣмъ къ козакамъ съ императорскимъ знаменемъ, трубами и грамотою, призывавшей козаковъ къ войнѣ съ Турками. Кромѣ того, особо, со своимъ агентомъ Лассотою австрійское правительство послало въ подарокъ козакамъ 8 тыс. дукатовъ и поручило ему столковаться съ ними въ подробностяхъ относительно операцій противъ Турокъ [2]).

Въ то же самое время, совершенно независимо отъ австрійскаго правительства, подобную же попытку съ своей стороны предпринялъ папа Климентъ VIII, весьма близко къ сердцу принимавшій венгерскую компанію и также увлеченный планами восточной лиги противъ Турокъ. Еще въ 1580 г. козацкіе вожди развивали предъ папской куріей, черезъ посредство ея нунція въ Польшѣ, планы грандіозныхъ военныхъ операцій противъ Турціи [3]); тогда они были оставлены безъ вниманія, теперь папа задумалъ воспользоваться ими. Осенью 1593 г. онъ отправилъ своего нунція, хорватскаго священника Комуловича, или Комулея, какъ онъ называется въ актахъ, въ латинизированной формѣ, и поручивъ ему заняться организаціею лиги противъ Турціи между прочимъ уполномочилъ принять на службу противъ Турокъ козаковъ. Комуловичъ долженъ былъ склонить ихъ къ войнѣ противъ Турціи, и для этого ему даны были двѣ буллы, одна, адрессованная козакамъ, другая ихъ гетману (capitaneus). Въ видѣ задатка, если бы козаки его домагались, Комуловичъ дол-

[1]) Tagebuch des Erich Lassota с. 215. Я связываю планы Хлопицкаго съ миссіею Курцевича (до сихъ поръ какъ то непринятою во вниманіе) въ виду того, что сообщенія Верещинскаго и Микошинскаго совпадаютъ какъ во времени, такъ и въ мѣстѣ.

[2]) Tagebuch с. 192—3 и 211, и дальше.

[3]) Объ этомъ статья Боратинскаго Kozacy i Watykan (Przegląd polski 1906, октябрь); акты пока не изданы.

женъ былъ выплатить имъ 12 тыс. дукатовъ, а остальное обѣщать, когда они начнутъ войну [1]). Но при этомъ Комуловичу былъ данъ очень неудачный маршрутъ: онъ долженъ былъ обратиться къ архіепископу львовскому Соликовскому, потомъ къ Янушу Острожскому, и къ самымъ козакамъ Комуловичъ такъ и не нашелъ дороги. О запорожцахъ, онъ узналъ что они стерегутъ Татаръ при устьѣ Днѣпра, и туда ѣхать не отважился. Въ Каменцѣ Подольскомъ онъ завелъ переговоры съ „другими козаками“, находившимися въ количествѣ двухъ съ половиною тысячъ подъ командою не названнаго по имени вождя—должно быть съ козаками Наливайка [2]), и старался склонить ихъ къ совмѣстнымъ операціямъ съ молдавскимъ господаремъ, но послѣдній не желалъ для себя такихъ союзниковъ, опасаясь козацкихъ грабежей, и такимъ образомъ изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло [3]). Въ концѣ концовъ Комуловича направили къ недавнему козацкому „старшему“ Ник. Язловецкому и съ нимъ Комуловичъ заключилъ слѣдующее условіе: взамѣнъ переданныхъ ему 12 тис. зл. Язловецкій обязался въ теченіе трехъ мѣсяцевъ предпринять экспедицію въ татарскія земли, либо напасть на Татаръ, когда они будутъ возвращаться изъ Венгріи [4]).

Легко себѣ представить, какъ всѣ эти планы, переговоры, слухи, эти папскіе и императорскіе дукаты, знамена и трубы взбудоражили козачество и какой горючій матеріалъ бросили они въ его среду.

Уже въ декабрѣ 1593 г. козацкое войско двинулось въ турецкіе подунайскіе города, прошло черезъ Молдавію, напало на Джурджево и попавъ туда во время ярмарки, собрало бога-

---

[1]) Акты, относящіеся къ миссіи Комуловича, издали Пирлингъ и Рачки въ Starine загребской академіи: L. Komulovića izvjestaj i listovi o poslanstvu njegovu u Tursku, Erdelj, Moldawsku i Poljsku (т. XIV), и затѣмъ Пирлингъ сдѣлалъ еще дополненія къ нимъ подъ названіемъ Novi izvori o L. Komuloviću (т. XVI); папская инструкція въ этихъ добавленіяхъ, № 4, также въ Рус. истор. библіот. т. VIII i Hurmuzaki Dokumente III I; буллы у Тайнера Vetera monumenta Poloniae III № 211.

[2]) Еварницкій наугадъ назвалъ этого козацкаго вождя Микошинскимъ (II с. 101), и позднѣйшіе изслѣдователи, не имѣя въ рукахъ реляціи Комуловича и думая, что Еварницкій заимствовалъ имя Микошинскаго изъ его реляціи, категорически повторяли за нимъ это имя. [3]) Komulovića izvjestaj № 8.

[4]) Ibid. № 8 и расписка Язловецкаго тамъ же на с. 111.

тую добычу, опустошило окресности и счастливо вернулось во свояси; Турки и Молдаване пытались настигнуть козаковъ, но до Днѣстра не успѣли догнать, а перейти за Днѣстръ не отважились. Предводителемъ этого похода польскіе источники называютъ Григорія Лободу, впервые выступающаго тутъ въ роли козацкаго вождя, а войско козацкое опредѣляютъ въ три тысячи [1]). Но должно быть это была экспедиція добровольцевъ, такъ какъ запорожское войско не признавало ее своимъ дѣломъ [2]). Оно двинулось весною 1594 г., когда въ Запорожье пришла императорская грамота, отправленная съ Хлопицкимъ и присланная имъ на Запорожье передъ своимъ пріѣздомъ. Получивъ эту грамоту, запорожцы, чтобъ показать императору свою службу, какъ они говорили, тотчасъ же, въ мартѣ этого года, двинулись въ походъ на Бѣлгородъ, гдѣ въ то время собирались къ походу турецкія войска, разрушили городъ и перебили много Турокъ—двѣ съ половиною тысячи солдатъ и восемь тысячъ населенія [3]). Потомъ, въ маѣ, когда Хлопицкій привезъ императорское знамя и прочіе клейноды, рѣшено было предпринять новый походъ. Въ то время крымскій ханъ двинулся изъ Крыма въ Венгрію и козаки рѣшили задержать и разбить его при переправѣ черезъ Днѣпръ (напомнимъ, что таковъ именно былъ планъ, предложенный императору Хлопицкимъ). Гетманъ Богданъ Микошинскій двинулся съ 1300 козаковъ на 50 лодкахъ; но орда шла слишкомъ огромною массою—было 80 тыс. людей, какъ разсказывалъ захваченный „языкъ", а переправы охраняли турецкіе корабли, такъ что козаки хотя и напали на Татаръ, но воспрепятствовать переправѣ не были въ состояніи.

Затѣмъ въ іюнѣ прибыли посольства—московскій посолъ, привезшій отъ своего правительства подарки, съ совѣтомъ, чтобъ козаки помогали императору, и императорскій агентъ Лассота съ

---

[1]) Бѣльскій с. 1707—8, Гейденштейнъ с. 304, Archiwum Sapiehów № 109, реляція Вакера—приб. II къ статьѣ Барвинскаго; Барвинскій должно быть по недосмотру называетъ предводителя этого похода Наливайка

[2]) Tagebuch des Lassota с. 216—7, 220—1; возможно впрочемъ что оно не принимало этого похода въ свой счетъ потому, что тогда еще не имѣло формальнаго императорскаго порученія, объ исполненіи котораго шла рѣчь.

[3]) Tagebuch des Lassota с. 216—7, 220—1; предводителемъ этого похода Лассота называетъ Лободу (с. 215).

деньгами и инструкціею, чтобы козаки двинулись черезъ Молдавію въ погоню за Татарами. Сумма, привезенная Лассотою въ видѣ подарка (8 тыс. дукатовъ) разочаровала козаковъ—они ожидали большаго и домагались формальнаго договора, который бы обезпечивалъ имъ ежегодную плату за службу. Планъ похода въ Турцію имъ также не понравился: они говорили, что для этой цѣли нужно больше людей, а ихъ было въ Запорожьѣ только 3 тыс., и необходимы лошади, а ихъ сейчасъ нѣтъ, и для того, чтобы достать, нужно время; они предпочитали итти на Перекопъ, или на турецкіе города Килію и Бабадагъ, на лодкахъ. Какъ разказываетъ Лассота въ своихъ чрезвычайно интересныхъ запискахъ объ этой миссіи, оппозиція исходила отъ старшихъ и болѣе состоятельныхъ козаковъ, въ то время какъ „чернь" вначалѣ была на сторонѣ предложенія, и только подъ вліяніемъ старшины стала также отказываться отъ этого предпріятія. Наконецъ рѣшено было отправить къ императору пословъ съ трофеями послѣдняго похода, чтобъ условиться относительно дальнѣйшей службы, а тѣмъ временемъ отправиться на Перекопъ [1]).

Отвергнутую Запорожьемъ задачу—итти вслѣдъ за Татарами въ Молдавію и препятствовать ихъ наступленію, задумалъ самостоятельно выполнить Наливайко. Уже съ весны онъ носился съ мыслью итти походомъ на Татаръ и, желая соединить полезное съ пріятнымъ, искалъ только фирмы, или проще говоря,—нанимателя для этой кампаніи. Отъ апрѣля мѣсяца имѣемъ его письмо гетману Замойскому: Наливайко извѣщаетъ, что уволился отъ службы у кн. Острожскаго, узнавъ объ опасности, надвигающейся со стороны врага св. креста и всей Польской короны, собралъ „немало товарищей" и предоставляетъ ихъ и себя самого въ распоряженіе гетмана: проситъ инструкцій, куда именно онъ долженъ направиться противъ непріятеля и гдѣ ему расквартироваться со своимъ войскомъ [2]). Но въ это время по отношенію къ козачеству гетманы были настроены очень неблагопріятно и очевидно, не захотѣли связывать себѣ чѣмъ нибудь съ Наливайкомъ [3]). Затѣмъ въ маѣ—іюнѣ, очевидно, онъ же велъ пере-

---

[1]) Tagebuch des E. Lassota с. 211 и сл. (переводъ въ Мемуарахъ изд. Мельникъ-Антоновичъ).

[2]) Gdzieby szmy thesz żywnoscy do czasu słusnego dosięgac mieli—Listy № 41.

[3]) См. письма Жолкевскаго (№ 24): онъ не считалъ возможнымъ входить съ козаками въ какія-либо сношенія, такъ какъ консти-

говоры съ Комуловичемъ о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи, но эти переговоры тоже ни къ чему не привели. Тогда Наливайко со своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ двухъ съ половиною тысячъ, отправился въ Молдавію самостоятельно, расчитывая перерѣзать путь Татарамъ, двинувшимся въ Венгрію. Походъ былъ предпринятъ въ серединѣ или второй половинѣ іюня. Войско Наливайка было, разумѣется, слишкомъ слабымъ для того, чтобы преградить Татарамъ путь, но ему удалось всетаки сильно ихъ пощипать и забрать нѣсколько тысячъ лошадей (3—4 тыс.), какъ разсказывали его посланцы Запорожцамъ. Изъ позднѣйшаго письма Наливайка къ королю выходитъ, что онъ разгромилъ тогда турецкія поселенія въ окрестностяхъ Прескана, на нижнемъ Днѣстрѣ [1]).

Узнавъ, что Запорожцы изъ-за недостатка лошадей не могутъ двинуться въ Молдавію, Наливайко отправилъ своихъ гонцовъ на Запорожье, предлагая войти въ соглашеніе для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Турціи. Лассота былъ свидѣтелемъ этого посольства; онъ говоритъ, что Запорожцы были недовольны на Наливайка за то, что онъ во время волынской кампаніи 1593 г. сражался противъ нихъ въ войскѣ Острожскихъ. Наливайко черезъ своихъ посланцовъ оправдывался передъ Запорожцами, объясняя, что иначе онъ не могъ поступить, такъ какъ кампанія застала его на службѣ у кн. Острожскаго и онъ не могъ разорвать свои обязательства по отношенію къ нему, но сейчасъ готовъ явиться на судъ Запорожцевъ: „если почтенные рыцари подозрѣваютъ его въ какой-либо враждѣ, то онъ самъ лично явится въ ихъ кругъ и, сложивъ свою саблю, готовъ оправдаться передъ всѣми; если рыцарскій кругъ все таки признаетъ его неправымъ, то онъ самъ дастъ отрубить голову своею собственной саблей; но онъ надѣется, что его объясненія удовлетворятъ ихъ, и они будутъ считать его на будущее время своимъ добрымъ пріятелемъ и братомъ“. Въ знакъ примиренія онъ изъявлялъ желаніе подѣлиться съ Запорожцами своею до-

---

туція провозгласила ихъ бунтовщиками; отзывъ Замойскаго въ приб. II у Барвинскаго: nullius pretii quidem esse, qui hodie hoc nomine censeantur.

[1]) Broel-Plater Zbiór pam. II с. 215; опредѣлить время событій, разсказанныхъ здѣсь Наливайкомъ, въ точности не легко, но въ общемъ этотъ походъ съ значительной увѣренностью можно отнести въ этому времени.

бычею—дать имъ 15—16 сотенъ лошадей, захваченныхъ у Татаръ [1]). Какъ закончился этотъ эпизодъ, Лассота не разсказываетъ, но очевидно, что примиреніе состоялось, по крайней мѣрѣ формальное, такъ какъ послѣ этого начинаются нѣкоторыя совмѣстныя дѣйствія Запорожцевъ съ Наливайковцами.

Между тѣмъ польскіе гетманы, отвергнувъ помощь козацкаго войска, были наказаны за это жесточайшимъ образомъ. Не имѣя свѣдѣній, какимъ путемъ Татары двинутся въ Венгрію и опасаясь мобилизировать шляхту безъ крайней нужды, чтобы не навлечь на себя упрековъ въ случаѣ, если эта мобилизація окажется излишней, они ничего не приготовили противъ татарского вторженія. Между тѣмъ въ іюлѣ (1594) ханъ, получивъ, какъ говорили, большую сумму денегъ отъ молдавскаго господаря подъ условіемъ, чтобы онъ обошелъ Молдавію,—двинулся вверхъ по Днѣстру на Покутье, оттуда въ Галицію, по пути избивая населеніе, грабя и разоряя все кругомъ. Прежде чѣмъ гетманы успѣли стянуть свои войска и созвать сосѣднюю шляхту, Татары прошли уже подъ Самборъ, и только здѣсь встрѣтившись съ польскимъ войскомъ, ловко увернулись и ушли черезъ горы въ Венгрію. Этотъ татарскій погромъ вызвалъ всеобщія нареканія и жалобы на гетмановъ. Упрекали ихъ за татарскія опустошенія и за неловкое положеніе, въ которомъ очутилась Польша: австрійское правительство заблаговременно просило не пропускать Татаръ черезъ польскія владѣнія и польское правительство рѣшительно обнадежило его, что Татаръ черезъ Польшу не пропустятъ, а между тѣмъ дало имъ возможность пройти въ Венгрію тамъ, гдѣ ихъ совершенно не ожидали, и это очень чувствительно ухудшило шансы „нашихъ христіанъ", какъ говорили въ Польшѣ [2]). Все это вызвало жажду реванша въ польскихъ кругахъ и особенно въ Замойскомъ, который съ этихъ поръ становится горячимъ сторонникомъ лиги противъ Турціи.

Язловецкій, обратившійся въ это время къ Замойскому со своимъ планомъ похода на Татаръ по порученію папы или точнѣе Комуловича, встрѣтилъ полное сочувствіе гетмана—хотя послѣдній и не возлагалъ большихъ надеждъ на этотъ планъ, считая его слишкомъ грандіознымъ для силы и средствъ частнаго чело-

---

[1]) Tagebuch с. 222—3.

[2]) Бѣльскій с. 1711—8, Гейденштейнъ с. 304—5 (пер. II с. 322—4), Listy № 28—34.

вѣка [1]). Свои надежды Язловецкій возлагалъ главнымъ образомъ на козаковъ; Комуловичъ разсчитывалъ еще на помощь Молдавіи и Трансильваніи, но это были пустыя надежды. Язловецкій мечталъ двинуться въ Крымъ, разгромить татарскія поселенія, оставленныя ордою; но козаки покинули его въ дорогѣ и послѣ этого Язловецкій перемѣнилъ планъ и двинулся на Бѣлгородъ, считая послѣдній болѣе легкой добычей. Но тутъ стали покидать Язловецкаго и убѣгать отъ него остальные его наемники, такъ что это шляхетское „козакованье“ кончилось ничѣмъ—а съ нимъ вмѣстѣ и попытки, предпринятыя на Украинѣ папою и Комуловичемъ [2]).

Козаки въ это время хозяйничали въ Молдавіи. Наливайко въ своемъ письмѣ къ королю такъ разсказываетъ исторію этого похода: „Не желая даромъ тратить время и упускать случай разорять непріятеля, пустились мы подъ Килію и подступивъ къ Тегинѣ, пошли на приступъ; взявъ, съ божьей помощью, городъ, вырѣзали мы не малую часть поганыхъ, а часть забрали живыми. Сожгли городъ, пробовали взять замокъ, но не могли его добыть, поэтому разослали свои отряды и уничтожили огнемъ болѣе пятисотъ селъ, убили не мало поганыхъ, забрали „ясыръ“ (плѣнныхъ) 4000 Турокъ, Турчанокъ, Татаръ и Татарокъ. Но молдавскій господарь далъ 7000 своихъ людей въ помощь поганымъ и преслѣдовалъ насъ со своими людьми до самой переправы, отбилъ на перевозѣ добычу и убилъ нѣкоторыхъ товарищей“ [3]). Этотъ неудачный походъ имѣлъ мѣсто въ сентябрѣ [4]); на Украинѣ разсказывали, что Наливайковцы потеряли въ немъ очень много людей, больше полуторы тысячи, и Наливайко задумалъ отомстить Румынамъ. Вступивъ въ переговоры съ Запорожцами, онъ вмѣстѣ съ Лободою приблизительно въ октябрѣ 1594 г. выступилъ въ новый походъ. „Мы отвѣтили ему (господарю) на это“,

---

[1]) Гейденштейнъ с. 307 (II с. 326).

[2]) Бѣльскій с. 1719—1720, Гейденштейнъ с. 307 (II с. 326). Судя по письму Комуловича, походъ Язловецкаго имѣлъ мѣсто приблизительно въ октябрѣ н. с. 1594 г.—Starine XIV с. 110, и съ этимъ въ общемъ совпадаютъ разсказы Бѣльскаго и Гейденштейна.

[3]) Broel Plater II с. 215; изслѣдователи ошибаются, относя этотъ походъ Наливайка ко времени послѣ пребыванія его въ Барѣ.

[4]) Изъ жалобы брацлавской шляхты узнаемъ, что послѣ этого похода Наливайко пришелъ въ Брацлавскія земли въ серединѣ сентября н. с.

пишетъ Наливайко въ своемъ письмѣ, „и пообѣщавъ ему явиться въ его землѣ, исполняя свое обѣщаніе (мести) и рыцарское слово, выйдя оттуда (изъ Молдавіи), соединили свое войско съ Лободою и пошли вмѣстѣ на Молдавію; тамъ, по милости божьей, въ трехъ мѣстахъ сразившись съ непріятелемъ имѣлъ я счастье и нанесъ въ людяхъ его такія потери, что онъ не могъ больше оправиться и, бросая пушки, долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. А мы съ добычею, взятою тогда у непріятеля, пошли къ Бару и тамъ не дали конямъ старѣться, повинуясь письмамъ отъ его императорской милости, а также господъ воеводъ семигородскаго, мунтянскаго (волошскаго) и молдавскаго — по требованію этихъ христіанскихъ владѣтелей отправились на помощь въ непріятельскія земли, какъ подобало людямъ рыцарскимъ“ [1]). Польскіе историки сообщаютъ нѣкоторыя подробности объ этомъ большомъ козацкомъ походѣ на Молдавію: по ихъ словамъ козаковъ было до 12 тыс., подъ 40 знаменами, или около того, среди нихъ было два императорскихъ, присланныхъ Рудольфомъ. Подъ Сороками перейдя Днѣстръ, козаки разбили вышедшаго имъ навстрѣчу господаря, такъ что онъ принужденъ былъ бѣжать въ Валахію. Сожгли Яссы, опустошили весь край, и вышли за границу, когда воевода снова собрался на нихъ, подкрѣпленный помощью изъ Валахіи [2]).

Вѣроятно не безъ вліянія этого погрома наступила перемѣна въ въ политикѣ Молдавіи: молдавскій господарь Аронъ разрываетъ съ Турками, переходитъ на сторону императора и заключаетъ съ валашскимъ и трансильванскимъ воеводами союзъ противъ Турокъ. Въ этой новой политической комбинаціи козаки принимали живое участіе; сотникъ Демковичъ спеціально былъ отправленъ козаками въ Молдавію, чтобъ принять присягу господаря на вѣрность императору; съ другой стороны императоръ поручалъ господарю въ дальнѣйшемъ поступать по соглашеніи съ козаками“ [3]). Императоръ снова прилагалъ старанія втянуть въ свою борьбу съ Турціей Польшу и Москву, но страхъ передъ Турками въ Польшѣ

---

[1]) l. c. 215—6.

[2]) Гейденштейнъ с. 307 (II с. 327), Бѣльскій с. 1720. Бѣльскій говоритъ, что господарь Аронъ получилъ помощь и отъ Турокъ, но это едва ли вѣрно, въ виду разрыва Арона съ Турками, о котромъ мы узнаемъ вслѣдъ за этимъ.

[3]) Отрывокъ изъ реляціи Демковича у Кулиша Ист. возсоединенія II с. 429.

былъ слишкомъ великъ, и хотя Замойскій и носился съ планами похода на Крымъ, въ концѣ концовъ вынужденъ былъ ограничиться оборонительной тактикой [1]). Лишь Аронъ съ козаками и помощью Трансильваніи открылъ кампанію противъ Турокъ. Лобода въ концѣ февраля 1595 г. пошелъ въ Молдавію, уже въ качествѣ союзника Арона; Наливайко двинулся туда же спустя нѣсколько недѣль [2]). Силы козаковъ опредѣляли въ 12 тыс. [3]), Наливайко такъ описываетъ эту кампанію: „Встрѣтившись съ молдавскимъ войскомъ подъ Тягинею и обмѣнявшись присягой, приступили мы къ замку. Взять замокъ не могли и повернули на Бѣлгородъ, взяли городъ, имѣли нѣсколько сраженій съ непріятелемъ, сожгли много селъ около Бѣлгорода, но замка не взяли и двинули войско на Килію. Здѣсь сожгли городъ, также не мало селъ при устьѣ Дуная, къ замку приступали очень упорно и взяли бы, еслибъ не помѣшала намъ вражда между Румынами и Венграми (Трансильванцами) вездѣ служившая намъ большимъ препятствіемъ [4]). Боясь измѣны съ ихъ стороны, мы повернули восвояси, и въ долинѣ Ялпузы, въ шести миляхъ отъ Киліи, праздновали, по христіанскому обычаю, Пасху; отпраздновавши счастливо пріѣхали въ свою землю, въ Пиковъ“ [5]).

Между тѣмъ возстаніе Молдавіи и Валахіи вызвало большой турецкій походъ, имѣвшій цѣлью усмиреніе непокорныхъ вассаловъ султана. Турецкое войско опустошило Валахію и собиралось двинуться на Трансильванію. Та же участь ожидала и Молдавію. Это вызвало большую тревогу въ Польшѣ: боялись, какъ бы Турки, вступивъ въ Молдавію, не пришли и на Украину; тѣмъ болѣе, что козаки сообщали тревожныя вѣсти и о Татарахъ. Между тѣмъ польскія военныя силы были очень слабы. Пришлось польскимъ гетманамъ обратиться къ козакамъ—хоть теперь надъ послѣдними тяготѣли разныя проступки и своевольства. Воспользовавшись тѣмъ, что козацкій полковникъ Сасько прислалъ изъ Брацлавскихъ земель вѣсти о Татарахъ, Замойскій отправилъ къ козакамъ грамоту, призывая на службу и помощь; писалъ, что

---

[1]) Гейденштейнъ 314—5 (II с. 340).

[2]) Этотъ походъ Наливайка почему то пропускается изслѣдователями. [3]) Письма Острожскаго у Кулиша l. c. с. 432—5.

[4]) Эти раздоры окончились тѣмъ, что предводитель трансильванскихъ силъ схватилъ Арона и отправилъ въ Трансильванію— Гейденштейнъ с. 314—5 (II с. 340.)

[5]) l. c. с. 216 Гейденштейнъ l. c. Бѣльскій с. 1723.

теперь имъ представляется случай вернуть милость короля и сейма, утраченную своевольствами, и поручалъ имъ взять на себя Татаръ. Но козаки не заботились о милости, а требовали платы и вообще въ виду того непріязненнаго и презрительнаго отношенія къ нимъ, какое проявляли до сихъ поръ оба гетманы, мало были склонны къ участію въ ихъ планахъ; польскіе хронисты прибавляютъ, что козаки и не довѣряли Полякамъ—очевидно, имѣя въ виду тяготѣвшія надъ ними суровыя постановленія сейма, и это также вполнѣ возможно. Замойскій на требованія козаковъ отвѣтилъ, что прежде, чѣмъ говорить о платѣ, козаки должны заслужить прощеніе своихъ преступленій и тогда уже просить денегъ и сукна. Тогда Сасько отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ они на войну не пойдутъ, и двинулся изъ Брацлавскихъ земель на Днѣпръ [1]). Наливайко отправился походомъ въ Венгрію, якобы по приглашенію императора. „Давъ конямъ три недѣли отдыха и не имѣя дѣла въ державѣ вашей королевской милости“—писалъ онъ королю—„а не привыкнувъ бездѣйствовать, пустились мы въ землю императорскую за писаніемъ отъ е. м. императора христіанскаго. Тамъ не короткое время мы служили—не изъ за какихъ-либо денегъ, а изъ одной нашей рыцарской ревности, но увидѣвъ, что Мамутелія ведетъ съ трансильванскимъ воеводою интриги противъ вашей кор. милости, посылаетъ людей короля (эрцгерцога) Максимиліана трансильванскому воеводѣ въ Молдавію противъ пана канцлера (Замойскаго),—я будучи вашимъ королевскимъ подданнымъ, не стерпѣлъ этого дольше. Итакъ не склоняя своего сердца къ деньгамъ и подаркамъ того государства (австрійскаго) и не поддаваясь жадности, я не сталъ оставаться тамъ дольше, но получивъ достовѣрное извѣстіе, что панъ гетманъ (Замойскій) пошелъ съ войскомъ въ Молдавію, тотчасъ же, не медля, поспѣшилъ изъ тѣхъ краевъ на службу своей отчизнѣ—считая всегда своею обязанностью служить ей. Прямо изъ горъ я письменно далъ знать о себѣ п. гетману и спрашивалъ, не нуженъ ли я ему въ этомъ краю. Но п. гетманъ отвѣтилъ намъ, что идетъ въ Молдавскую землю не для войны, а по другимъ дѣламъ“ [2]).

Точно также, когда Запорожцы, отказавшись отъ участія

---

[1]) Archiwum Radziwillów с. 117. Гейденштейнъ с. 316 (II с. 342), Бѣльскій с. 1728—9.

[2]) Письмо Наливайка—Броель-Плятеръ II с. 216, ср. Гейденштейна с. 327 (II с. 363), Бѣльскаго с. 1743.

въ офиціальномъ походѣ, самостоятельно пошли подъ Тягиню громить Турокъ, Замойскій заявилъ имъ, что они тамъ не нужны, и потребовалъ, чтобы они тотчасъ отправились на Низъ, грозя въ противномъ случаѣ поступать съ ними какъ съ врагами. И козаки послѣ этого отправились въ Подольскія земли [1]).

Замойскому козаки нужны были для борьбы съ Татарами, но не въ Молдавіи, гдѣ онъ строилъ тонкіе, больше дипломатическіе, чѣмъ военные планы, стараясь провести ихъ безъ нарушенія мира съ Турками. Ободренный полною беззащитностью Молдавіи, онъ вошелъ въ ея предѣлы, принудилъ удалиться отсюда остатки трансильванскаго войска и посадилъ на господарскій престолъ преданнаго Польшѣ молдавскаго боярина Іеремію Могилу, долго жившаго на Украинѣ и получившаго отъ польскаго правительства гражданскія и шляхетскія права. На молдавскомъ господарствѣ онъ долженъ былъ быть польскимъ вассаломъ, еслибы Турція на это согласилась, въ противномъ случаѣ—фактическимъ польскимъ союзникомъ и приспѣшникомъ, буферомъ между Польшею и Турціею; во всякомъ случаѣ, Замойскій разсчитывалъ добиться отъ Турціи, чтобъ Молдавія осталась вассальнымъ государствомъ, а не была обращена въ простую турецкую провинцію, какъ задумывали теперь въ Константинополѣ. Такъ какъ ханъ опоздалъ, главныя турецкія силы не двинулись въ Молдавію, и Замойскій въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ могъ противостоять силамъ крымской орды и небольшого вспомогательнаго отряда тягинскаго бея; вмѣсто рѣшительной битвы, дѣло кончилось переговорами и установленіемъ перемирія съ ханомъ и беемъ; одновременно, при посредствѣ экзарха Никифора, Могила вошелъ въ переговоры съ великимъ визиремъ: турецкое правительство согласилось признать Могилу молдавскимъ господаремъ, своимъ вассаломъ [2]). Такимъ образомъ планъ Замойскаго былъ осуществленъ, отношенія съ Турціей и Крымомъ улажены, а Молдавія въ лицѣ Могилы перешла подъ фактическій протекторатъ Польши.

---

[1]) Archiwum Radziwiłłow с. 117, Гейденштейнъ с. 319 (II с., 349 (плохой переводъ). Что касается хронологіи этихъ событій, то Замойскій говоритъ, что его походъ имѣлъ мѣсто jeszcze za lata dobrze, не во время переговоровъ съ ханомъ, въ литературѣ иначе истолковывается это мѣсто.

[2]) Гейденштейнъ с. 319 (II с. 343—6), Бѣльскій с. 1728—41, выдержки изъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ у Жуковича Сеймовая борьба с. 177.

Такой оборотъ въ молдавскихъ дѣлахъ вносилъ важныя перемѣны въ отношенія польскаго правительства къ козачеству. До сихъ поръ военныя операціи козаковъ, направленныя противъ Татаръ и Турокъ, могли быть до извѣстной степени даже полезны съ точки зрѣнія польской политики; теперь въ интересахъ польской политики нужно было положить конецъ козацкимъ походамъ на Турокъ и Татаръ, чтобы не портить отношеній и не давать повода къ нападеніямъ на Украину, точно также козаки должны были оставить въ покоѣ Молдавію, разъ она перешла подъ польскій протекторатъ. Съ другой стороны, окончаніе военныхъ операцій на южной границѣ давало польскому правительству большую возможность сосредоточить главное вниманіе на козачествѣ, на „украинскомъ своевольствѣ“. Мы уже видѣли, что еще сеймъ 1592 г. проектировалъ грозныя репрессіи, провозглашая козаковъ „бунтовщиками и врагами государства“. Но постановленія эти остались въ проэктѣ, и козаки всѣ эти годы оставались полными хозяевами на всемъ украинскомъ пограничьѣ, отъ восточной части Подольскихъ земель до Днѣпра. Располагались, гдѣ хотѣли, собирали контрибуціи и припасы для своего содержанія и вообще вели себя, словно въ завоеванномъ краю, а мѣстные помѣщики и администрація должны были все это сносить и заискивать расположенія козацкихъ вождей, во избѣжаніе горшаго. Вотъ напр., какія интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Як. Претвичъ изъ Барскихъ земель; гдѣ козаки квартировали зимою 1594—5 г. въ перерывѣ между двумя походами въ Молдавію:

„Третій день, какъ въѣхали они въ Баръ—самъ Лобода остановился въ Польскомъ городѣ, вмѣстѣ съ Хлопицкимъ; въ Черемисскомъ городѣ поставили Наливайка съ нѣсколькими сотнями коней; въ Русскомъ мѣстечкѣ, находящемся подъ замкомъ, расположено до двухъ тысячъ людей. Вчера былъ у нихъ „кругъ“ (koło), и на немъ постановили разставить усиленную стражу, чтобы ни одинъ человѣкъ не вошелъ и не вышелъ изъ города безъ ихъ вѣдома; также сильную конную стражу хотятъ разставить въ окрестности; во всѣ окрестныя наши имѣнія хотятъ разослать свои универсалы, чтобы мы посылали имъ туда всевозможные припасы; а у оставленнаго въ замкѣ въ качествѣ замѣстителя старосты допытывались реестровъ всякихъ доходовъ. Какой тамъ страхъ, какъ народъ бѣжитъ изъ своихъ домовъ, куда только можетъ, и описать этого не могу—и если не будетъ

божьей милости, и помощи королевской и попеченій вашихъ (гетмана), разграбятъ и изубожатъ насъ всѣхъ". Къ письму приписка: „черезъ два часа послѣ окончанія моего письма пришло ко мнѣ извѣстіе, что эти разбойники закончили перепись поселенія (для контрибуцій, очевидно) подъ Зиньковымъ, въ двухъ миляхъ отъ меня" [1]).

Особенно характерныя иллюстраціи того, какой переворотъ въ мѣстныя отношенія вносило козачество, имѣемъ мы изъ Брацлавскихъ земель. Уже съ осени 1593 г. слышимъ о большихъ безпокойствахъ, которыя причиняли брацлавскому старостѣ здѣшніе мѣщане, „своевольства и бунты этихъ злыхъ хлоповъ" [2]). Козачество, расхозяйничавшееся тамъ въ эти годы, служило постояннымъ ферментомъ для дальнѣйшихъ движеній среди мѣстнаго населенія. Главнымъ образомъ гостилъ здѣсь Наливайко со своимъ козачествомъ и между прочимъ сводилъ счеты съ Калиновскими, какъ разсказываетъ объ этомъ въ письмѣ къ королю: „Панъ Калиновскій моему отцу, который вѣдь одинъ у меня,— безо всякой причины ребра поломалъ, и такимъ образомъ отца моего сжилъ со свѣта, а я за эту обиду, больше которой вѣдь и быть не можетъ на свѣтѣ, не будучи свѣдущъ въ судейскихъ способахъ и не имѣя средствъ для расходовъ, нужныхъ для процесса, какъ человѣкъ бѣдный (chudy pachołek), сознаюсь въ томъ — рѣшилъ отомстить ему способомъ худопахольскимъ [3]). Предполагаютъ, что осенью 1594 г. (въ сентябрѣ), послѣ неудачнаго похода въ Молдавію, Наливайко снова пришелъ въ Брацлавскія земли, гдѣ онъ былъ и до этого похода. Козаки расположились здѣсь и приказали шляхтѣ доставлять имъ „стацію и помѣрное", „а въ селахъ нашихъ выбирали себѣ изъ стадъ лошадей—по нѣскольку сотъ лошадей, какъ и въ то время, когда шли на Тягиню, точно также цѣлыя стада воловъ и коровъ".

---

1) Listy Żółkiewskiego c. 60.

2) Listy Żółkiewskiego c. 39. Нѣкоторые поправляютъ дату этого письма на 1594 г., но я не вижу для этого основаній—ср. другое письмо Жолкевскаго ib. c. 46.

3) Broel-Plater II c. 215. Современникъ Ян. Пшонка въ своихъ запискахъ указывалъ на этотъ эпизодъ, какъ на начало своевольствъ Наливайки: вмѣсто того, чтобы бить Татаръ, онъ занялся грабежомъ: разгромивъ Калиновскаго, захотѣлъ большого—разграбилъ Луцкъ, Слуцкъ и другіе города (Pamiętnik Jakoba Pszonki, 1874, c. 24).

Шляхта съѣхалась въ началѣ сентября въ Брацлавъ на сессію земскаго суда, но прервала засѣданія и разъѣхалась, такъ какъ Наливайко прислалъ какія-то угрожающія письма. Потомъ узнавъ, что Наливайко не имѣетъ при себѣ большого войска— такъ какъ, говорили, его сильно разбили въ Молдавіи, а многіе козаки разошлись отъ него по домамъ, шляхта задумала возстановить свое господство. Съѣхавшись на депутатскіе выборы въ Винницу, шляхта рѣшила ѣхать всѣмъ вмѣстѣ, съ оружіемъ въ рукахъ въ Брацлавъ, чтобы отбыть тамъ сессію земскаго суда, а въ дѣйствительности овладѣть городомъ, въ которомъ хозяйничали бунтовщики мѣщане съ козаками. Козакамъ шляхта рѣшила отказать въ стаціи подъ тѣмъ предлогомъ, что она боится отвѣтственности за это—„абыхмы мы также помочниками Наливайку не были поличоны“. Мѣщанъ успокоила черезъ своихъ пословъ, убѣждая не удивляться ихъ походу, такъ какъ шляхта идетъ только на свою брацлавскую сессію—ничего больше. Но когда шляхта эта подошла ночью подъ Брацлавъ, во время ночлега подъ городомъ на этотъ шляхетскій лагерь напали брацлавскіе мѣщане съ Наливайкомъ и его козаками. „Войтъ брацлавскій Романъ Тишковичъ, съ бурмистрами, присяжными и со всѣмъ народомъ, имѣя помощь отъ этого безбожнаго человѣка Наливайка съ его дружиною, вскорѣ послѣ полуночи напали на насъ, побили, разгромили“, однихъ убили, другихъ ранили, ограбили, захватили лошадей, убранства, документы, приготовленные для суда и разогнали шляхетскій таборъ на всѣ четыре стороны[1]). Послѣ этого разгрома своевольные брацлавскіе мѣщане стали полными господами города; они взяли замокъ, завладѣли артиллеріею, уничтожили гродскіе и земскіе акты.

Это брацлавское народовластіе продолжалось вѣроятно до самой весны 1595 г., когда Наливайко и Лобода двинулись въ Молдавію; въ то время староста Струсь вернулъ себѣ, кажется, брацлавскій замокъ, покрайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ одного, относящагося къ тому времени, письма Сапѣги. Но вернулся назадъ изъ Молдавіи Наливайко, снова расположился „кошемъ“ въ Брацлавскихъ земляхъ и завладѣлъ замкомъ. Только лѣтомъ двинулось на Украину польское войско съ гетманами, и Жолкевскій прислалъ со своимъ ротмистромъ королевскій мандатъ, въ которомъ король поручалъ ему усмирить непослушное мѣщанство. Пе-

[1]) Архивъ Ю. З. Р. III. I № 22.

редъ грозою военной экспедиціи брацлавская мѣщанская республика капитулировала: замокъ съ артиллеріей и актами вернула обратно своему старостѣ, а всѣ убытки обѣщала вознаградить [1]).

Дошедшія до насъ извѣстія изъ другихъ мѣстъ касаются обычно лишь козацкихъ контрибуцій, переходившихъ по временамъ въ простые грабежи; соціально-политическая сторона этого козацкаго господства теряется. Такъ, въ кіевскомъ Полѣсьѣ хозяйничаетъ часть низового козачества подъ предводительствомъ Полоуса. Имѣется позднѣйшее указаніе, что Полоусъ, отдѣлившись отъ Лободы, прошелъ вверхъ Днѣпромъ и тамъ ходилъ со своимъ полкомъ, собирая „стацію" (припасы) и совершая наѣзды на шляхетскіе дома [2]); сохранилось его письмо изъ Мозыря къ Радзивиллу отъ апрѣля 1595 г., въ которомъ онъ успокаиваетъ его, что хотя и отягощаетъ населеніе, но не въ имѣніяхъ Радзивилла а въ королевскихъ. [3]),

Въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ началъ собирать контрибуціи Наливайко осенью 1595 г., вернувшись изъ Венгріи. Прежде всего онъ направился въ Волынскія земли и подошелъ къ Луцку во время ярмарки и судебной сессіи, когда сюда съѣхались шляхта и купцы. Напуганное населеніе и не помышляло объ оборонѣ, выѣхало съ епископомъ во главѣ на встрѣчу ему и условилось относительно размѣровъ контрибуціи: но Наливайко не удовлетворился ею, разграбилъ все-таки предмѣстья и затѣмъ двинулся дальше, какъ разсказываетъ современникъ—„услышавъ о гетманѣ" (польскомъ войскѣ) [4]). Пройдя отсюда въ Бѣлоруссію, онъ напалъ на Слуцкъ, взялъ городъ и замокъ, забралъ оружіе, принудилъ мѣщанъ заплатить огромный выкупъ (5 тыс. копъ), и прежде нежели подоспѣло войско, собранное Радзивилломъ, быстро прошелъ на Бобруйскъ и Могилевъ. Козаки взяли этотъ послѣдній, расположились здѣсь, разграбили лавки и дома. Подоспѣвшее литовское войско задумало сжечь городъ, чтобы выкурить оттуда козаковъ. Но Наливайко, выйдя изъ города, засѣлъ на сосѣдней горѣ и, когда литовское войско ударило на него, далъ сильный отпоръ, располагая сильной артиллеріей. Затѣмъ продолжая отбиваться, началъ отступать въ Волынскія земли. Литовское войско

---

[1]) Документъ, изданный въ Кіев. Старинѣ, 1896, X с. 3.
[2]) Listy Zółkiewskiego с. 89
[3]) Археограф. сборникъ VII № 39.
[4]) Бѣльскій с. 1743. Архивъ Ю. З. Р. III I № 23.

не отважилось напасть на козаковъ, двигавшихся въ полномъ порядкѣ; къ тому же со всѣхъ сторонъ къ нимъ присоединялся народъ [1]). Какъ видимъ, это уже переходило въ настоящую войну, хотя Наливайко въ своемъ письмѣ королю, столько разъ цитированномъ и написанномъ именно на обратномъ пути изъ Могилева, представлялъ все дѣло невинной козацкою экскурсіею „на королевскій хлѣбъ", на зимнія квартиры. „Чтобъ достать себѣ военные припасы, которыхъ намъ очень недоставало, особенно пороху и снарядовъ, отправились мы въ Луцкъ, откуда выѣхали черезъ три дня, едва успѣвъ отдохнуть, удовлетворивъ только свои нужды; желая послѣ такихъ трудовъ дать конямъ отдыхъ на обычномъ козацкомъ пути надъ Днѣпромъ, пока не представится случай къ службѣ рѣчи посполитой, пустились мы было литовскимъ краемъ, но едва, какъ говорится, одною ногою вступили сюда, какъ уже литовскіе паны безо всякаго съ нашей стороны повода и вины, только за ту малость хлѣба, съѣденнаго нами въ ихъ имѣніяхъ, или даже и не съѣденнаго, разгнѣвались на насъ, наполнили Слуцкъ и его замокъ гайдуками", и т. д. Расписавъ въ такомъ невинномъ тонѣ всѣ прежнія свои „службы рѣчи посполитой",—такъ какъ такими службами онъ представлялъ всѣ походы минувшихъ лѣтъ, Наливайко предоставлялъ себя и свое войско въ распоряженіе рѣчи посполитой, прося отвести для его войска землю между Бугомъ и Днѣстромъ и передать ему суммы, расходуемыя на „упоминки" крымскому хану, а за то Наливайко усмиритъ украинское своевольство и будетъ защищать государство отъ Москвы и Татаръ [2]).

Пока Наливайко такъ обильно угощался „хлѣбомъ его кор.

---

[1]) Бѣльскій с. 1743—4. Гейденштейнъ с. 327 (II с. 363). Боркулабовская лѣтопись у Кулиша Матеріалы I с. 64 и новое изданіе въ кіев. Университ. Изв. с. 19. Записки Евлашевскаго—Мемуары къ ист. Юж. Русск. II с. 32.

[2]) Broel-Plater II с. 218—9. Высказывалась мысль, что эти „kondycye podane od Nalewajka krolowi jegom." апокрифичны — что ихъ сочинилъ Мѣшковскій, авантюристъ, рискнувшій отвезти королю это письмо Наливайка, и вообще сыгравшій въ этой бѣлорусской аферѣ какую-то неясную и подозрительную роль. Въ доказательство указываютъ на неблаговидное содержаніе этихъ „кондицій". Признаюсь,—мнѣ этотъ аргументъ не кажется убѣдительнымъ: факты не даютъ основаній предполагать въ Наливайкѣ высокій этическій уровень; а особенно рѣзкихъ подробностей его предложеній нѣтъ нужды принимать en toutes lettres.

милости“ въ Бѣлоруссіи, запорожское козачество кормилось хотя и гораздо болѣе скромно, ближе, въ кіевскомъ Полѣсьѣ. Одна его часть, съ Лободою во главѣ, расположилась въ Овручѣ, другая, подъ предводительствомъ Шаулы, отправилась въ Бѣлоруссію. На письма разныхъ помѣщиковъ, требовавшихъ отъ Лободы, чтобы онъ отвелъ козаковъ на Низъ и не посылалъ въ земли в. кн. Литовскаго, Лобода отвѣчалъ въ стилѣ Наливайка, какъ человѣкъ, невинно оскорбленный: „Каждому изъ васъ извѣстно, какъ насъ призывали и „глейты“ посылали—приказывалъ п. коронный гетманъ и вся рѣчь посполитая, чтобы мы шли въ Молдавію, на потребу польской короны, и мы, держась нашихъ старыхъ обычаевъ—не лѣниться и не отказываться отъ услугъ королю и вамъ, были готовы къ этому, — а теперь вы, поводивъ насъ и больше не нуждаясь, въ это зимнее, непогожее время высылаете насъ изъ земель королевскихъ! Есть-ли въ этомъ какая-либо наша вина, каждый изъ васъ можетъ разсудить. Богъ знаетъ, куда намъ и дѣваться въ такое время! Поэтому покорно и униженно просимъ вашей милости— не обижайся на насъ за это и не отказывай намъ въ хлѣбѣ-соли въ этомъ краю, такъ какъ мы не противимся королевской власти и вашимъ приказамъ и умѣемъ цѣнить милость вашу“. Въ отвѣтъ на какія-то упоминанія о дебошахъ Наливайка Лобода отрекался отъ всякой солидарности съ нимъ: „Что же касается этого своевольнаго человѣка Наливайка, который дѣйствительно, забывъ страхъ Божій и презирая все на свѣтѣ, собралъ такихъ же своевольныхъ людей, причинялъ потери и затрудненія коронѣ польской,—то съ нимъ мы не знаемся и никогда не хотимъ знаться“ [1]).

Въ дѣйствительности дѣйствія запорожскихъ козаковъ Лободы такъ же мало соотвѣтствовали лойяльному тону его письма; они принимали участіе въ мѣстныхъ спорахъ и счетахъ шляхты, совершали набѣги на разныхъ помѣщиковъ. Тѣмъ же занимался и Наливайко, явившись въ концѣ января 1596 г. въ Волынскія земли. Это было бурное время—борьба національной, православной партіи, съ „измѣнниками“—приверженцами уніи и католичества; къ этому присоединялись еще извѣстныя личныя отношенія между козацкими вождями и главой національной партіи кн. Острожскимъ: Лобода издавна поддерживалъ пріязненныя отношенія съ кн. Константиномъ, Наливайко служилъ у него еще

[1]) Listy Żółkiewskiego s. 66.

раньше, а братъ его Демьянъ занималъ довольно видное положеніе въ православномъ культурно-національномъ движеніи того времени, какъ членъ острожскаго кружка. Благодаря такимъ связямъ, а также и по мотивамъ болѣе принципіальнаго характера, козачество считаетъ своимъ долгомъ поддержать православную партію и начинаетъ сводить счеты съ разными противниками ея. Такъ козаки Лободы разгромили имѣнія одного изъ наиболѣе опасныхъ противниковъ православія луцкаго старосты Семашка и держали его въ осадѣ въ его собственномъ замкѣ [1]). Наливайко съ бывшимъ агентомъ Кир. Терлецкаго кн. Флоріаномъ Гедройтомъ (Гедройцемъ), переѣхавшимъ къ кн. Острожскому, спеціально занялся Терлецкимъ. Пользуясь, очевидно указаніями Гедройта, онъ напалъ на имѣніе брата Кирилла, Яроша Терлецкаго, гдѣ было спрятано разное имущество Кирилла, отправившаго тогда въ Римъ со своей уніатской миссіей; разграбивъ здѣсь его имущество, Наливайко напалъ затѣмъ и разграбилъ другое имѣніе Яр. Терлецкаго Отовчичи. Узнавъ далѣе, что самую главную часть имущества епископа Терлецкаго Ярошъ отдалъ на сохраненіе пинскому мѣщанину Гр. Крупѣ, онъ разграбилъ и эти депозиты—„золото, серебро, драгоцѣнности, одежду, церковныя принадлежности, деньги, бумаги, привилегіи, разные акты, документы на огромную сумму“. Было разграблено также каѳедральное имѣніе Будеражъ [2]). Всѣ эти набѣги Терлецкіе объясняли потомъ местью Кириллу за то, что онъ отправился въ Римъ. Участникомъ набѣговъ они называютъ между прочимъ Дамьяна Наливайка, да и самого кн. Константина Острожскаго обвиняли въ томъ, что онъ посылаетъ козаковъ и скрываетъ ихъ у себя [3]). Дамьянъ выступаетъ въ одномъ процессѣ какъ предводитель наливайковскихъ козаковъ — въ набѣгѣ на имѣнія Семашка [4]). О надворныхъ полкахъ Острожскаго, съ которыми онъ шелъ весною 1596 г. въ Люблинъ, разсказывали, ссылаясь на слова самихъ слугъ Острожскаго, что въ нихъ чуть-ли не половина состояла изъ козаковъ Наливайка [5]). Все это дало поводъ тогдашнимъ врагамъ православнымъ обвинять ихъ въ союзѣ и соучастіи съ Наливайковцами — они называли „Наливайками“ или „наливайков-

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. Ш. I № 25 и 26.
[2]) Архивъ Ю. З. Р. Ш. I № 27 и 39, ч. I т. VI № 62.
[3]) Ibid. III. I № 31.
[4]) Письмо Острожскаго у Кулиша Ист. возсоед. II с. 438.
[5]) Archiwum Radziwiłłów c. 43—4.

скою сектою“ православныхъ вообще. Самъ Наливайко въ позднѣйшей традиціи превратился, подобно Косинскому, въ защитника православія [1]), и въ новѣйшей исторіографіи эти козацкія движенія 1595 — 6 гг. болѣе или менѣе опредѣленно связываются съ религіозной борьбой того времени [2]). Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, эти козацкія движенія лишь случайно совпали съ религіозной борьбой на Волыни зимою 1595—6 гг., и принципіальные религіозно-національные мотивы въ козачествѣ еще не играли сколько-нибудь замѣтной роли.

Эксцессы, допущенные Наливайкомъ въ послѣднюю зиму 1595—6 г. въ Волынскихъ земляхъ и Бѣлоруссіи, могли исчерпать терпѣніе даже наиболѣе упорныхъ сторонниковъ невмѣшательства Короны въ козацкія дѣла. До сихъ поръ правительство и гетманы коронные, занятые другими дѣлами, придерживались политики невмѣшательства. Конст. Острожскому въ конфликтѣ съ Косинскимъ, Струсю въ брацлавскихъ бунтахъ гетманы совѣтовали мирнымъ путемъ стараться установить соглашеніе съ козаками, и даже во время послѣдняго похода Наливайка въ Бѣлоруссію Замойскій находилъ нужнымъ только оправдываться отъ распространяемыхъ обвиненій, что это онъ послалъ туда козаковъ, и въ такомъ смыслѣ писалъ и Наливайку [3]), и Лободѣ, увѣщевая ихъ „не причинять убытковъ въ имѣніяхъ королевскихъ и шляхетскихъ, и не располагаться въ нихъ“ [4]). Съ весной 1595 г. предполагалось двинуть на козаковъ польскія войска [5]), но разговоры объ этомъ кончились ничѣмъ — нужно было думать объ оборонѣ границъ отъ турецко-татарской грозы, и Замойскій, вмѣсто того, чтобы громить козаковъ, вынужденъ былъ призывать ихъ на помощь противъ Татаръ и потомъ оправдывался, что былъ принужденъ къ этому недостаткомъ короннаго войска [6]). Лишь въ концѣ 1595 г., какъ мы видѣли, были улажены турецко-татарскія отношенія и молдавскій вопросъ, и тогда только правительство могло серьезнѣе подумать о козакахъ, а послѣднія дѣйствія Наливайковцевъ и въ самомъ дѣлѣ не позволяли дальше откладывать этого вопроса. Грабежи въ „столич-

---

[1]) Грабянка с. 24, Крат. описаніе Малороссіи. с. 215.
[2]) Напр. Костомарова Моногр III с. 279. Иловайскій Ист. Россіи. III с. 587. [3]) Archiwum Radziwiłłów с. 114. [4]) Ibid. с. 115.
[5]) Письмо Острожскаго у Кулиша Ист. возсоед. II с. 433.
[6]) Archiwnm Radziwiłłów с. 117.

номъ“ городѣ Луцкѣ, взятіе Слуцка, сожженіе Могилева и т. п.— все это были такіе факты, на которые нельзя было смотрѣть сквозь пальцы. Послѣ зимняго похода Наливайка в. кн. Литовское взбудоражилось до послѣдней степени; тѣмъ болѣе, что на мѣсто Наливайка двинулся туда Шаула, избранный вмѣсто Лободы, лишеннаго гетманства [1]). Литовская шляхта вооружалась, призывала на помощь коронное войско.

Еще въ концѣ февраля въ Минскѣ были расписаны шляхетскіе „почты“ (отряды) противъ козаковъ, нанято войско въ количествѣ 1500 чел., чтобы выгнать козаковъ изъ в. кн. Литовскаго; объ этомъ же совѣщались на генеральномъ съѣздѣ въ Слонимѣ въ мартѣ [2]). Волынскіе эксцессы, — преслѣдованіе луцкаго владыки, бывшаго тогда persona gratissima у короля, обставленное спеціально-религіозными мотивами, должно было также вызывать сильнѣйшее негодованіе со стороны короля. Чаша переполнилась,

Въ январѣ 1596 г. король назначилъ было „комиссію“ къ козакамъ: кн. Януша Острожскаго, кн. Януша Заславскаго, каменецкаго старосту Гульскаго, брацлавскаго Струся и разныхъ другихъ вельможъ и помѣщиковъ, которые должны были со своими людьми итти водворять спокойствіе на Украинѣ, и въ помощь имъ долженъ былъ выслать часть своего войска также и коронный гетманъ. Но назначенные комиссары уклонялись отъ этого порученія, не спѣшили со своими людьми на помощь коронному войску [3]) и Жолкевскій напрасно ждалъ ихъ подъ Кременцемъ. Поэтому въ послѣднихъ числахъ января 1595 г., въ отвѣтъ на первыя извѣстія о козацкихъ своевольствахъ на Волыни [4]), ко-

---

[1]) Archiwum Radziwiłłów с. 152—записка безъ даты, попала ошибочно подъ 1599 г., это вѣрно замѣтилъ Доманицкій (с. 69), но тоже ошибся, принявъ для нея дату 16 мая 1595 г.—дата 16 мая не относится къ этой запискѣ, написанной въ началѣ 1596 г. (польское войско собирается итти на козаковъ).

[2]) Жерела VIII № 59—60, Жуковичъ op. с. 193.

[3]) Archiwum Radziwiłłów № 115. Listy Żółkiewskiego с. 67, ср. 69.

[4]) Семашка Запорожцы громили въ первой половинѣ января (н. с.), за Терлецкаго Наливайко принялся особенно въ февралѣ; королевскіе универсалы подписаны 27 январемъ, но въ луцкіе акты Семашко внесъ этотъ универсалъ лишь 24 февраля; это объясняется тѣмъ (какъ узнаемъ изъ письма Жолкевскаго—с 69), что универсалы были посланы ему про запасъ, чтобы использовать ихъ при встрѣтившейся надобности.

роль издалъ универсалы къ волынской и галицкой шляхтѣ, увѣдомляя ее о данномъ уже приказѣ гетманамъ двинуть на козаковъ войско, и призывая шляхту выступить всеобщимъ ополченіемъ вмѣстѣ съ войскомъ, такъ какъ козацкое движеніе захватываетъ уже и эти края. Вмѣстѣ съ тѣмъ польный гетманъ Жолкевскій дѣйствительно получилъ приказъ двинуться съ войскомъ на козаковъ. Такъ началась первая настоящая кампанія польской Короны съ козаками.

Съ польской стороны ея главнымъ дѣятелемъ выступилъ Станиславъ Жолкевскій, долголѣтній помощникъ и исполнитель плановъ Замойскаго, въ роли польнаго гетмана, ближайшаго начальника пограничной стражи. Война съ козаками 1596 г., порученная ему, была первою кампаніею, которую онъ велъ самостоятельно, и онъ вложилъ въ нее всю свою энергію—весь пылъ бойца и способности стратега. На ряду съ нимъ видную роль сыгралъ кн. Кирикъ Ружинскій, недавній козацкій вождь: онъ выступилъ теперь неумолимымъ врагомъ козачества, такъ что даже Жолкевскій не одобрялъ его безчеловѣчныхъ экзекуцій и оправдывалъ ихъ только крайнимъ раздраженіемъ противъ козаковъ. Вѣроятно, столкновеніе произошло на почвѣ колонизаціонныхъ плановъ Ружинскаго въ южной части Кіевскихъ земель, гдѣ онъ какъ разъ въ это время устраивалъ свою латифундію—Паволоцкую волость въ бассейнѣ р. Роси, и на этой почвѣ разстроилась старая пріязнь съ козаками не одного изъ пограничныхъ помѣщиковъ, принявшихъ теперь горячее участіе въ кампаніи противъ козаковъ. Изъ пограничныхъ старостъ видную роль игралъ въ ней брацлавскій староста Струсь, имѣвшій теперь возможность сорвать на козакахъ свое раздраженіе за всѣ непріятности, причиненныя ему въ Брацлавскихъ земляхъ. Житомирскій староста Семенъ Дениско Матвѣевскій вписалъ свое имя въ исторію кампаніи, сложивъ голову въ неосторожномъ штурмѣ на козацкій таборъ на Солоницѣ. Богданъ Огинскій, троцкій подкоморій, предводительствовалъ войскомъ в. кн. Литовскаго.

Съ козацкой стороны, какъ вожди настоящаго козачества—„Низовцевъ“ выступаютъ Лобода, Шаула, Сасько, Шостакъ, Кремпскій.

Григорій Лобода остается центральною фигурой все время до самой своей смерти въ солоницкомъ лагерѣ. Онъ былъ представителемъ болѣе солидной части козачества, такъ сказать—украинской буржуазіи, отдававшейся „козакованію“. У него были

близкія отношенія съ кіевскими землевладѣльцами, съ кіевскими монастырями, гдѣ потомъ разыскивали его имущество; во время своего гетманства покупаетъ онъ у Елизара Волчковича село Сошники въ кіевскомъ Полѣсьѣ; украинскіе магнаты, какъ Конст. Острожскій, стараются поддержать съ нимъ хорошія отношенія и относятся къ нему съ уваженіемъ: pan Loboda hetman zaporoski, за глаза называетъ его старый князь; романъ у Лободы тоже въ шляхетскихъ кругахъ (хотя и не очень высокихъ): полюбилась ему панна Оборская и онъ принудилъ опекуновъ выдать ее за него замужъ [1]). Среди козачества на первый планъ онъ выступаетъ послѣ смерти Косинскаго (раньше этого времени извѣстій о немъ нѣтъ). Въ концѣ 1593 г., козаки подъ его предводительствомъ предприняли походъ на Дунай, и тогда онъ былъ старшимъ (гетманомъ) въ Запорожьѣ [2]). На ряду съ нимъ въ разное время появляются другіе старшіе, въ связи съ борьбой козацкихъ партій и разныхъ теченій козацкой политики— Микошинскій лѣтомъ 1594 г., Полоусъ весною 1595 г., потомъ Шаула. Но все время до самой смерти—то въ качествѣ формальнаго старшины всего „низового" войска, „гетмана", какъ онъ себя титулируетъ, то въ роли одного изъ наиболѣе вліятельныхъ вождей его—Лобода стоитъ во главѣ козацкой жизни этого времени, и именно настоящаго, болѣе организованнаго козачества. Такъ смотрѣли на него и въ оффиціальныхъ кругахъ. „Лобода"—замѣчаетъ ихъ исторіографъ—„пользовался вліяніемъ среди большей части козачества, именно старшихъ Низовцевъ, Наливайко же главнымъ образомъ среди различнаго сброда— большею частью бѣглыхъ, которые, совершивъ какія-либо преступленіи, или оставивъ своихъ помѣщиковъ, убѣгали къ козакамъ, ища защиты: у нихъ онъ своею отвагою и злодѣяніями пріобрѣлъ большую славу и уваженіе" [3])

---

[1]) Мои Матеріали до іст. коз. рухів № 5, 7, 11, 12, Каманина Матеріалы къ ист. коз. землевладѣнія № 4, прибавленія къ исторіи возсоединенія Кулиша II с. 431—5.

[2]) Lassota с. 515, см. выше с. 257 Въ запискахъ Іончинскаго (довольно позднихъ и мало авторитетныхъ—рукоп. библ. Оссолинскихъ № 627 с. 170 и 106) имѣется загадочное, неизвѣстно откуда взятое извѣстіе, что Лобода поднялъ козаковъ противъ оффиціальнаго старшаго, какого-то Пелки, Пелка былъ убитъ и послѣ этого Лобода, ставъ во главѣ козаковъ, поднялъ возстаніе противъ правительства. [3]) Гейденштейнъ с. 327.

Шаула представлялъ тотъ же козацкій слой, что и Лобода. Онъ принадлежалъ къ мѣстному землевладѣльческому мѣщанскому роду. Одна линія Шауловъ выступаетъ въ это время въ кіевскомъ Полѣсьѣ, какъ землевладѣльцы, собственники с. Колодяжнаго; но были и Шаулы мѣщане въ Черкасахъ, должно быть ближайшіе родственники гетмана, такъ какъ у нихъ (у Вас. Шаулы, черкасскаго мѣщанина) послѣ разгрома козаковъ искали имущества Шаулы. Самъ онъ владѣлъ какими-то печерскими землями подъ залогъ ста литовскихъ копъ, которыя занялъ у него монастырь [1]). Гетманомъ запорожскаго козачества онъ выступаетъ въ началѣ 1596 г., когда съ козацкими полками онъ искалъ „козацкаго“ хлѣба въ Бѣлоруссіи [2]). Въ битвѣ подъ Гострымъ Камнемъ онъ былъ сильно раненъ, лишился руки, [3]) и главное предводительство послѣ этого перешло къ Лободѣ: въ Переяславлѣ Лобода снова былъ избранъ гетманомъ [4]). Но затѣмъ Шаула оправился отъ раны и во время солоницкой капитуляціи былъ выданъ на смерть Полякамъ.

Сасько Федоровичъ извѣстенъ намъ съ 1594 г., какъ одинъ изъ запорожскихъ сотниковъ: вмѣстѣ съ Лассотою онъ былъ отправленъ тогда въ посольствѣ къ императору, а годъ спустя выступаетъ въ качествѣ полковника козацкаго войска, расквартированнаго въ Брацлавскихъ земляхъ [5]). Кажется, это былъ очень старый козакъ: въ Винницѣ въ реестрѣ 1552 г., фигурируетъ въ роли домовладѣльцевъ „Сашко Федоровичъ козакъ“, и весьма возможно, что это и есть нашъ Сасько. Въ кампаніи 1596 г., онъ фигурируетъ въ отрядѣ Лободы и сложилъ свою голову въ битвѣ подъ Гострымъ Камнемъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ бѣлоцерковской кампаніи упоминается Шостакъ, какъ одинъ изъ выдающихся старшинъ [6]); при капитуляціи онъ былъ выданъ вмѣстѣ съ Наливайкомъ и Шаулою.

Наливайко все время до самой послѣдней кампаніи держит-

---

[1]) Мои Матеріали до іст. коз. рухів № 8—9, Архивъ Ю. З. Р. VI. I с. 170, VII. I с. 763.

[2]) O Saule przi ktorem iest armata kozaków zaporoskich y ktori teras wszystkiem iest głowa, писалъ Жолкевскій въ мартѣ 1596 г. (Listy с. 74); Archiwum Radziwiłłów с. 152. Archiwum Sapiehów I с. 156.

[3]) Saule utrącono łokiecz z działka—Listy № 80.

[4]) Это извѣстіе Гейденштейна (с. 332) въ польскомъ переводѣ пропущено.

[5]) Lassota с. 221, Listy с. 64. [6]) Listy с. 72.

ся въ сторонѣ, и какъ низовое войско старательно подчеркиваетъ свою несолидарность съ нимъ, такъ и въ правительственныхъ кругахъ отличаютъ Наливайковцевъ отъ полу-легальнаго низового козацкаго войска. Этимъ объясняли соперничество и вражду между Лободою и Наливайкомъ [1]. Изъ записокъ Лассоты знаемъ, что въ Запорожьѣ съ самаго начала косо смотрѣли на Наливайка, и его позднѣйшія оправданія, очевидно, не изгладили вполнѣ этой неприязни [2]. Передъ послѣдней кампаніей Запорожцы отрекались отъ всякой солидарности съ нимъ. Только опасность, грозившая отъ польскаго войска, принудила Запорожцевъ соединиться съ Наливайковцами, или вѣрнѣе—принять ихъ въ свою среду; но внутренняя борьба между обѣими группами козачества, очевидно, продолжалась затѣмъ въ козацкомъ лагерѣ, прорвавшись въ дикомъ возстаніи и судѣ надъ Лободою,—пока наконецъ капитуляція не сравняла всѣхъ, отдавъ одинаково и болѣе солидныхъ запорожскихъ предводителей и наливайковскихъ вождей подъ сѣкиру короннаго палача. А въ позднѣйшей традиціи личность Наливайка, благодаря впечатлѣнію, какое производили его опустошенія, походы, контрибуціи и наконецъ—его продолжительный арестъ въ Варшавѣ и разукрашенная легендою смерть,—выросла въ центральную фигуру всего движенія. Лобода въ козацкой традиціи сходитъ за полковника гетмана Наливайка, или совсѣмъ теряется. Наливайко, несомнѣнно добивавшійся при жизни гетманской позиціи и въ самомъ дѣлѣ титуловавшій себя „запорожскимъ гетманомъ“ (вѣроятно одною изъ причинъ вражды обоихъ козацкихъ лагерей было то, что Наливайко, не признавая верховенства запорожскаго, хотѣлъ играть роль предводителя какого-то другого, самостоятельнаго козачества)—добился своего по крайней мѣрѣ въ этой позднѣйшей традиціи.

Въ своемъ письмѣ—мемуарѣ, посланномъ королю въ началѣ 1596 г., Наливайко рекомендуетъ себя, какъ стараго и испытаннаго воина—онъ „съ молодыхъ лѣтъ, при многихъ козацкихъ гетманахъ промышлялъ въ непріятельскихъ земляхъ хлѣбомъ козацкимъ“, пока конфликтъ съ козачествомъ Константина Острожскаго, на службѣ у котораго былъ тогда Наливайко, не поссорилъ его съ козаками; онъ объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что, будучи связанъ съ княземъ „словомъ рыцарскимъ“, не могъ его оставить тогда. Съ Острогомъ и кн. Острожскими, какъ

[1]) Гейденштейнъ с. 327. [2]) См. выше с. 259.

мы уже знаемъ, была связана вся семья Наливаекъ. Родомъ она была изъ Подольскихъ земель [1]); говорятъ, что отецъ Северина былъ скорнякомъ—это возможно, хотя стычка Северина съ Калиновскимъ могла бы указывать на человѣка „лучшей кондиціи“. „Панъ Калиновскій моему отцу, который былъ у меня одинъ, безо всякой причины поломалъ ребра, и такимъ образомъ сжилъ со свѣта моего отца“, писалъ потомъ королю Наливайко, объясняя свое позднѣйшее нападеніе на имѣнія Калиновскаго. Позже семья поселилась въ Острогѣ. Одинъ изъ братьевъ Наливайка, Дамьянъ, какъ намъ уже извѣстно, сталъ выдающимся дѣятелемъ острожскаго кружка [2]). Северинъ свою причастность къ украинской письменности задокументировалъ только славянскими буквами своей подписи на одномъ изъ писемъ [3]), но пользовался репутаціей человѣка очень способнаго и должно быть не напрасно, при томъ отличался очень красивой наружностью. „Это былъ красавецъ, къ тому же человѣкъ большихъ способностей—если бы направилъ на добро то, что далъ ему Богъ, притомъ отличный пушкарь“, замѣчаетъ современникъ Бѣльскій, заканчивая свой разсказъ о кампаніи 1596 г., увѣнчавшейся сенсаціонной экзекуціею надъ Наливайкомъ [4]).

---

[1]) Одни наугадъ называютъ родиною Наливайка Сатановъ, другіе Гусятинъ. Ролле (Opowiad. historyczne VI с. 114) приводитъ даже подлинную дату эпизода съ Калиновскимъ—но все это гипотетическіе выводы изъ краткаго указанія самого Наливайка.

[2]) Ксендзъ Йончинскій на основѣ преданій, собранныхъ имъ позже въ Острогѣ, такъ разказываетъ объ этой семьѣ: Старикъ Наливайко былъ скорнякъ и жилъ въ кварталѣ обращенномъ въ Заславу; онъ часто нападалъ на священниковъ (католическихъ), занимался разбоемъ и морскими походами, обогатившими его. Послѣ него осталось три сына; старшій—протопопъ Наливайко, человѣкъ рыцарскаго вида, носившій личину благочестія, горячій поборникъ схизмы, чрезвычайно стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, возбуждалъ народъ противъ уніи своими ядовитыми выдумками и не только князя Острожскаго и его многочисленный дворъ, но и все населеніе жестоко настроилъ противъ уніи. Второй (Северинъ) довольно долго занимался скорнячествомъ затѣмъ сидячая жизнь надоѣла ему и онъ ушелъ къ козакамъ. Третій братъ—человѣкъ незамѣтный, остался въ неизвѣстности, довольный своимъ клочкомъ земли и подневольной ролью.

[3]) Listy с. 65 „Семерий Наливайко“—если это правильно прочитано. [4]) Kronika с. 1765.

Жолкевскій уже съ января готовился къ походу на козаковъ, въ виду назначенія комиссіи, въ которой должно было принять участіе и коронное войско. Сборнымъ пунктомъ для послѣдняго онъ назначилъ Кременецъ и старался съ своей стороны склонить сосѣднихъ магнатовъ къ участію въ экспедиціи, но всѣ они проявляли весьма мало расположенія къ послѣдней и надежды на нихъ было мало.

Получивъ въ концѣ концовъ приказъ начать кампанію съ козаками собственными силами, Жолкевскій, не обращая вниманія на неудобное время года и неутѣшительное состояніе своего войска, со всемъ пыломъ взялся за исполненіе возложеннаго на него порученія[1]). Была половина февраля, начало распутицы. Войско еще не успѣло оправиться послѣ недавняго молдавскаго похода, сильно его уменьшившаго; осталось всего 3 тысячи, но и изъ этихъ было много раненыхъ, плохо снаряженныхъ; жалованіе не было уплачено и это ставило гетмана въ трудное положеніе въ вопросахъ дисциплины[2]). Не смотря на это, Жолкевскій основалъ свои планы на внезапности, быстротѣ натиска, чтобы воспользоваться раздробленіемъ непріятельскихъ силъ и не дать имъ возможности объединиться. Лобода въ это время, можетъ быть въ виду слуховъ о комиссіи, изъ окрестностей Овруча двинулся на югъ, къ Бѣлой Церкви; Шаула съ запорожской артиллеріей стоялъ въ Бѣлоруссіи, около Пропойска. Наливайко находился въ южной части Волыни, но, услыхавъ о движеніи Жолкевскаго, началъ отступать—на востокъ, а потомъ на югъ, въ Брацлавскія земли[3]).

Тогда Жолкевскій рѣшилъ захватить Наливайка въ пути и, взявъ 10 ротъ, кинулся съ ними на перерѣзъ. День и ночь гнался за козаками на востокъ, къ Случи, и едва не настигъ Наливайка подъ Лабунемъ; по его словамъ Наливайко только бла-

---

[1]) Исторію его похода подробно и въ главныхъ чертахъ довольно сходно разсказываютъ Гейденштейнъ (с. 328 и сл., пол. пер. с. 364 и слѣд.) и Бѣльскій (с. 1751 и слѣд.); ихъ разсказъ дополняютъ и отчасти исправляютъ письма съ театра войны, изъ польской арміи, которыя и цитирую ниже, отмѣчая изъ повѣствованія Гейденштейна і Бѣльскаго лишь нуждающееся въ исправленіи или представляющее спеціальный интересъ.

[2]) Archiwum Radziwiłłów с. 115, Listy Żółkiewskiego с. 67.

[3]) Listy Żółkiewskiego с. 67, 68, 70, 71; ср. извѣстіе Бѣльскаго о движеніи Наливайка: дата здѣсь вѣрна, а у Гейденштейна ошибочно отмѣчено, что 22/II Жолкевскій былъ уже подъ Лабунемъ.

годаря тому успѣлъ ускользнуть, что одинъ изъ польскихъ ротмистровъ, Плосскій, предупредилъ Наливайка (потомъ этотъ Плосскій съ другимъ ротмистромъ Чолганскимъ перешелъ къ Наливайку, потому что имъ не было заплачено жалованье) [1]). Но судя по другимъ свѣдѣніямъ, Наливайко не былъ предупрежденъ и не зналъ, что польское войско уже догоняетъ его. Изъ-подъ Лабуня онъ двинулся прямо на югъ, на Острополь, потомъ на Пиковъ, пока польское войско отдыхало подъ Острополемъ. Роты Жолкевскаго шли за нимъ по пятамъ, настигая и убивая, гдѣ кого захватили. Это „начало трагедіи", какъ называетъ ее одинъ корреспондентъ—современникъ, имѣло мѣсто въ первыхъ числахъ марта н. с. Въ Маціевичахъ Поляки настигли двѣ сотни козаковъ, онѣ стойко защищались, но Поляки подожгли постройки, въ которыхъ они отбивались, и затѣмъ перебили; въ Чернявѣ Наливайко поставилъ было на стражѣ козаковъ и не снялъ этихъ карауловъ—ихъ тоже разгромили Поляки [2]). Очевидцы говорили, что при немъ было не больше тысячи козаковъ, и поэтому онъ не отважился противоставить свои силы силамъ Жолкевскаго, но по свидѣтельству современника,—„хотя отступалъ поспѣшно, но въ большомъ порядкѣ, шелъ таборомъ, а въ таборѣ имѣлъ до 20 пушекъ и не мало гаковницъ, имѣлъ соотвѣтственное количество пороху, а къ каждой пушкѣ велѣлъ приковать пушкаря" [3]). Однако среди козаковъ его было большое неудовольствіе, такъ какъ благодаря этому быстрому отступленію пришлось потерять много людей, лошадей, шли безъ запасовъ, голодные, и много убѣгало изъ войска.

Наливайко возлагалъ надежды на своихъ старыхъ союзниковъ и пріятелей въ Брацлавскихъ земляхъ. Но теперь, въ виду короннаго войска, эти союзники не осмѣливались поддержать козаковъ. Въ Пиковѣ Наливайка не пустили въ городъ, и онъ рѣшилъ скорымъ маршемъ пройти дальше, до Брацлава, пославъ туда изъ-подъ Пикова напередъ письма, напоминавшія о старой пріязни и союзѣ. Одновременно отправилъ посланца и къ Струсю, брацлавскому старостѣ, прося его быть ходатаемъ передъ Жолкевскимъ: обѣщалъ при этомъ распустить своихъ козаковъ и

---

[1]) Listy Żółkiewskiego с. 73.

[2]) Письмо въ прил. къ Ист. возсоединенія II с. 437; село ошибочно названо здѣсь Marcierуce, и писано не Острожскимъ, какъ предположилъ издатель (ср. по этому поводу у него с. 123), а какого-то мелкаго шляхтича. [3]) Бѣльскій с. 1750.

выдать оружіе, захваченное въ замкахъ. Жолкевскій отвѣтилъ, что онъ не хочетъ крови ни его, ни его товарищей, и, если Наливайко распуститъ козаковъ, выдастъ пушки и императорское знамя,—онъ будетъ ходатайствовать передъ королемъ о дарованіи ему жизни. Но въ лагерѣ Наливайка дѣло не считали окончательно проиграннымъ, и одновременно велись переговоры съ Запорожцами Лободы, стоявшими подъ Бѣлою Церковью, относительно соединенія и совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ войскъ [1]).

Между тѣмъ погоня продолжалась. Подъ Пиковымъ роты Жолкевскаго едва не догнали Наливайка: онъ ушелъ всего за два часа до ихъ прихода, отступая на Прилуку, по направленію къ Брацлаву. Жолкевскій, опасаясь, какъ бы брацлавскіе мѣщане и въ самомъ дѣлѣ не присоединились къ Наливайку, бросилъ возы и все менѣе необходимое и гнался изо всѣхъ силъ чтобъ не пустить Наливайка въ Брацлавъ. За Прилукою онъ догналъ было Наливайка и ударилъ на него, но тотъ стойко защищался, отстрѣливаясь изъ пушекъ, и когда ночь прервала битву, снова двинулся дальше на югъ. Въ одномъ мѣстѣ ему удалось задержать Жолкевскаго, уничтоживъ переправу на болотистой рѣчкѣ, и пока строили плотину, снова выигралъ нѣкоторое разстояніе. Для облегченія, онъ затопилъ въ рѣкѣ пушки, ядра и порохъ закопалъ въ землю. Въ концѣ концовъ, не получая изъ Брацлава никакихъ вѣстей въ отвѣтъ на свое письмо, онъ потерялъ надежду и повернулъ на востокъ, за р. Собъ, въ дикую, почти не тронутую еще степь. Итти за нимъ туда Жолкевскій уже не рѣшился и, расположивъ свои роты въ Брацлавскихъ земляхъ на отдыхъ, принялся за экзекуціи надъ старыми союзниками Наливайка; брацлавскій войтъ и какой-то другой „бунтовщикъ“ были казнены „для примѣра“. А Наливайко со своимъ отрядомъ переждавъ это время въ уманскомъ лѣсу,—питаясь лошадьми, которыхъ рѣзали на мясо,—прошелъ отсюда подъ Корсунь и, оправившись здѣсь, двинулся для соединенія съ Низовцами [2]). Переговоры, которые онъ велъ съ Низовцами еще во время движенія на Брацлавъ, а потомъ изъ своихъ степныхъ убѣжищъ, окончились соглашеніемъ и соединеніемъ обоихъ войскъ.

Лобода во время предшествующаго марша отправился было

---

[1]) Listy Żółkiewskiego c. 71.

[2]) Listy c. 74, ср. Гейденштейна с. 329 (пер. с. 367).

въ Барскія земли, какъ говорили—сводить свои семейные счеты съ тещею, п. Оборской и едва не наскочилъ на Жолкевскаго. Получивъ предупрежденіе объ его войскѣ, вернулся изъ-подъ Погребища назадъ къ Бѣлой Церкви. Съ нимъ было, по разсказамъ, около 4 тысячъ; изъ старшинъ—Сасько и Шостакъ. Жолкевскій, желая предотвратить соединеніе войскъ Лободы и Наливайка, отправилъ Лободѣ въ Бѣлую Церковь письмо, заявляя, что главнымъ виновникомъ онъ считаетъ Наливайка, а Низовцамъ—если-бы они захотѣли отдаться на королевскую милость, выйти изъ Украйны и „служить королю по-старому на своихъ мѣстахъ“,—обѣщалъ ходатайствовать за нихъ предъ королемъ. Но Низовцы непривѣтливо встрѣтили посла Жолкевскаго. До нихъ уже дошли извѣстія о погонѣ Жолкевскаго за Наливайкомъ, а можетъ быть и объ условіяхъ капитуляціи, поставленныхъ послѣднему, и войну съ Жолкевскимъ они считали неизбѣжною. Кричали, что къ нимъ прислали шпіона отъ Жолкевскаго и хотѣли его убить. Лобода тоже выражалъ неудовольствіе, но, какъ думалъ Жолкевскій—только для виду, „при черни“:—замѣтилъ, что гетманъ могъ прислать къ нему для переговоровъ какого-нибудь порядочнаго шляхтича; „дѣйствительно тотъ козачекъ, котораго я послалъ, былъ не особенный“, замѣчаетъ Жолкевскій. Потомъ Лобода отправилъ этого посланца обратно, давъ ему золотой, но отвѣта никакого не передалъ [1]). Козачество не хотѣло сдаваться. Шаула съ артиллеріей шелъ изъ Бѣлоруссіи черезъ Быховъ и Остеръ подъ Кіевъ. Туда же рѣшили двинуться полки Лободы, чтобы соединиться подъ Кіевомъ. Въ половинѣ марта они начали стягиваться подъ Бѣлую Церковь. Козаки хотѣли разрушить городъ, но Лобода съ полковниками удержали ихъ. Очевидно, безъ нужды они не хотѣли обострять отношеній и надѣялись, что обстоятельства дадутъ возможность какого-нибудь компромисса и соглашенія. Въ 20-хъ числахъ марта Шаула соединился съ Лободою въ Кіевѣ, счастливо прибывъ туда съ пушками и припасами. Относительно Наливайка взгляды Низовцевъ раздѣлились: одни стояли за то, чтобы принять его и соединиться всѣмъ; другіе считали болѣе благоразумнымъ не соединяться, а выдать Наливайка Полякамъ. Въ концѣ концовъ взяло верхъ первое мнѣніе и Наливайку было послано приглашеніе прибыть въ лагерь [2]).

---

[1]) Listy c. 72. [2]) Ibid. c. 76.

Жолкевскій между тѣмъ оставался съ главными силами въ Брацлавскихъ земляхъ, чтобы дать своему войску возможность оправиться, стянуть разбросанные по дорогѣ обозы и дождаться припасовъ и пушекъ. Его выручилъ отчасти Ружинскій, обѣщавъ передать въ его распоряженіе свою собственную артиллерію, около полутора десятка пушекъ. Недавній козацкій вождь горѣлъ жаждой мести и ненавистью къ козакамъ, и Жолкевскій рѣшилъ отправить его въ Кіевскія земли напередъ съ пятьюстами конницы и частью пѣхоты, чтобы устрашить козаковъ. Ружинскій отправился въ свою Паволоцкую волость и началъ здѣсь экзекуціи надъ участниками возстаній, хваталъ и рубилъ головы „гультямъ“. Узнавъ о такомъ террорѣ, Шаула съ Лободою выслали на Ружинскаго Саська съ трехтысячнымъ войскомъ, но послѣдній, не имѣя точныхъ вѣстей ни о Ружинскомъ, ни о его силахъ, неосторожно выслалъ противъ него передовую стражу; Ружинскій разгромилъ ее и этимъ такъ устрашилъ Саська, что тотъ отступилъ подъ Кіевъ. Ружинскій, ободренный этимъ успѣхомъ, остановился подъ Бѣлою Церковью. Шаула отправилъ ему сюда письмо, въ которомъ выражалъ свое удивленіе по поводу его враждебныхъ дѣйствій и совѣтовалъ лучше озаботиться примиреніемъ Жолкевскаго съ козаками. Но одновременно самъ Шаула двинулся съ войскомъ подъ Бѣлую Церковь и вмѣстѣ съ Наливайкомъ, подоспѣвшимъ туда же со своимъ войскомъ, расчитывалъ разгромить невѣрнаго князя, поднявшаго оружіе на своихъ прежнихъ товарищей. И это вѣроятно ему-бы удалось, такъ какъ козаки имѣли до 7 тыс. войска, считая въ томъ числѣ Наливайковцевъ, присоединившихся къ Шаулѣ подъ Бѣлою Церковью, тогда какъ у Ружинскаго было не больше тысячи. Но Жолкевскій, опасавшійся что Ружинскій въ своемъ раздраженіи противъ козаковъ можетъ попасть въ бѣду, поспѣшилъ самъ вслѣдъ за нимъ, узнавъ о его движеніи подъ Бѣлую Церковь. И несмотря на невозможную распутицу (на растаявшую и размокшую землю упалъ страшный снѣгъ и сдѣлалъ дороги непролазными), ему дѣйствительно удалось поспѣть какъ разъ во время, чтобъ выручить Рожинскаго изъ бѣды.

Козаки подошли къ Бѣлой Церкви ночью со 2 на 3 апрѣля н. с., и Ружинскій лишь въ самую послѣднюю минуту получилъ о нихъ извѣстіе. Онъ выступилъ противъ нихъ тотчасъ, не ожидая наступленія дня, и напалъ на лагерь Шаулы, совершенно не замѣтивъ, что какъ разъ въ это время другими воро-

тами входитъ въ городъ войско Наливайка, отправленное Шаулою впередъ на городъ. Козаки Шаулы, не ожидавшіе нападенія, происшедшаго при томъ среди темной ночи, смѣшались; Ружинскій разорвалъ таборъ и обратилъ козаковъ въ бѣгство, такъ что только за р. Руткомъ Шаула привелъ свое войско въ порядокъ и отбилъ Ружинскаго. Потерпѣли при этомъ козаки, но и Ружинскій не мало. Онъ началъ стягивать свои силы въ городъ, не подозрѣвая, что тамъ Наливайко, впущенный мѣщанами, громилъ ихъ квартиры. Услыхавъ стрѣльбу, Наливайко оставилъ городъ и бросился къ своимъ. Соединенными силами ударили козаки на Ружинскаго и сильно его потрепали[1]). Онъ заперся въ замкѣ и послалъ гонцевъ къ Жолкевскому, прося поспѣшить на помощь. Жолкевскій, находившійся уже недалеко, услышавъ громъ пушекъ, самъ спѣшно двинулся подъ Бѣлую Церковь. Замѣтивъ приближеніе главнаго войска, козаки оставили Бѣлую Церковь и начали отступать къ Триполью, надъ Днѣпромъ, кратчайшею дорогою. Жолкевскій бросился вслѣдъ за ними.

Было это 3 апрѣля н. с. Козаки находились на разстояніи одной мили отъ Бѣлой Церкви. Они окружили себя „таборомъ“, изъ пяти рядовъ возовъ, среди которыхъ были пушки въ количествѣ двадцати двухъ. Все войско состояло изъ пѣхоты, только старшина была на коняхъ. Такимъ образомъ двинулись они, окруженные таборомъ, по направленію къ Триполью, среди ровной здѣшней степи. Жолкевскій рѣшилъ попытать счастья и ударить на нихъ; если-бы удалось разгромить это козацкое войско, то остальная часть его, стоявшая около Кіева, не имѣла бы возможности продолжать борьбу. Регулярнаго войска у Жолкевскаго было свыше 1500 чел. коннаго войска, небольшое количество пѣшихъ и нѣсколько помѣщичьихъ и старостинскихъ дружинъ изъ Подольскихъ и Брацлавскихъ земель. Козаковъ насчитывалось значительно больше, но Жолкевскій надѣялся на лучшее вооруженіе своего войска. На разстояніи трехъ

---

[1]) Здѣсь Жолкевскій (Listy с. 78—9), а слѣдуя его реляціямъ и Гейденштейнъ (с. 329, пер. II с. 367—8) не договариваютъ исторіи съ Ружинскимъ до конца, и выходитъ, какъ будто успѣхъ былъ на его сторонѣ до конца, такъ что становится непонятнымъ, почему Ружинскому пришлось просить помощи у гетмана. Бѣльскій опредѣленнѣе говоритъ объ опасности, въ которую попалъ Ружинскій (с. 1752).

часовъ пути онъ двигался за козаками, поджидая своихъ, шедшихъ сзади. Къ вечеру двое дезертировъ прибѣжали изъ козацкаго табора и разсказали о распространившейся среди козаковъ тревогѣ. Это придало рѣшимости Жолкевскому и на урочищѣ Гострый Камень ударилъ онъ на козацкій таборъ, сразу со всѣхъ сторонъ—„съ фронта и въ тылъ и съ фланговъ сразу“. Козаки ударили изъ пушекъ, но этимъ не причинили особаго вреда непріятелю—польская конница кинулась въ аттаку на ихъ таборъ. Завязалась отчаянная битва. Козаки стойко защищались, и Полякамъ не удалось разорвать таборъ—„не судилъ Богъ“, замѣчаетъ набожный Жолкевскій. Въ реляціи своей онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что все таки козаки понесли большія потери. „Убито ихъ до убитой смерти—говорятъ сами, что нигдѣ имъ не случалось понести такой уронъ, какъ въ этихъ битвахъ“. Шаулѣ пушечнымъ ядромъ оторвало руку, Сасько убитъ, и многіе другіе изъ старшинъ погибли; видно, не прятались за чужія спины. Въ польскомъ лагерѣ насчитывали убитыхъ козаковъ въ этой битвѣ больше двухъ тысячъ, да подъ Бѣлою Церковью тысячу, а все козацкое войско считали въ 7 тысячъ; цифры потерь очень велики и мало вѣроятны, особенно если сравнить съ небольшими цифрами польскихъ потерь, сообщаемыми тѣми же реляціями [1]). Въ дѣйствительности потери польскаго войска были очень значительны [2]), и съ точки зрѣнія плановъ и задачъ Жолкевскаго эта битва была собственно неудачей для Поляковъ.

Козацкое войско, на мѣсто тяжело раненнаго Шаулы, выбрало своимъ вождемъ Наливайка и пошло дальше на Триполье. Жолкевскій, въ виду большихъ потерь, понесенныхъ подъ Гострымъ Камнемъ, не считалъ возможнымъ преслѣдовать ихъ и вернулся подъ Бѣлую Церковь; пославъ реляціи королю и кор. гетману, онъ просилъ прислать на помощь войска—если возмож-

---

[1]) У Жолкевскаго значится убитыхъ въ польскомъ войскѣ подъ Гострымъ Камнемъ всего 32 (Listy с. 80), однако Бѣльскій насчитываетъ ихъ свыше 300 (с. 1751). Похвальная грамота короля Жолкевскому очень сдержанно, и то съ моральной стороны, оцѣниваетъ битву: очевидно съ чисто реальной точки зрѣнія она считалась проигранной (мои „Матеріали“ № 13).

[2]) Nec levia damna in diversis conflictibus ipsi (козаки Жолкевскому) intulerant, praesertim apud Białacerkiew, ubi commisso praelio fortissimi plurimi ex excreitu Zolkievii fuerut desiderati, пишетъ современникъ Пясецкій (Chronica gestorum, изд. 1648 с. 172).

но, то войско, оставшееся еще въ Молдавіи подъ предводительствомъ Яна Потоцкаго, каменецкаго старосты, просилъ также двинуть литовское войско на Украину, противъ козаковъ [1]). Эти пожеланія были исполнены—Потоцкій посланъ на помощь Жолкевскому, изъ Бѣлоруссіи двинулся вспомогательный полкъ подъ предводительствомъ Ходкевича. Лишь дождавшись этихъ подкрѣпленій и припасовъ, во второй половинѣ апрѣля могъ Жолкевскій приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ—третьему акту этой кровавой „трагедіи".

Послѣ битвы подъ Гострымъ Камнемъ козацкія войска, вмѣстѣ съ семьями своихъ участниковъ собрались къ Переяславу. Гетманомъ былъ снова выбранъ Лобода. Козацкіе отряды находившіеся на Запорожьи Жолкевскій старался отвлечь отъ участія въ войнѣ и въ своихъ письмахъ, похваляя ихъ лойяльность; обѣщалъ, что репрессіи не коснутся ихъ, если они и впредь будутъ держаться въ сторонѣ отъ бунтовщиковъ. Но эти обращенія не достигли своей цѣли: Запорожцы заковали въ цѣпи пословъ Жолкевскаго, и рѣшили спѣшить на помощь Лободѣ. Зато Жолкевскому удалось разгромить козацкія дружины, собиравшіяся въ Каневѣ подъ предводительствомъ Кремпского. Посланные Жолкевскимъ отряды Ружинскаго, Вишневецкаго и др. неожиданно ударили на Каневъ (въ день католической Пасхи), разгромили этихъ козаковъ и немало убили.

Тѣмъ временемъ въ лагерѣ подъ Переяславомъ, какъ доносили Жолкевскому, происходили частыя совѣщанія предлагались различныя планы. Имѣя передъ глазами женщинъ и дѣтей, собранныхъ въ лагерѣ, съ другой стороны-ожесточеннаго врага, пролившаго надъ днѣпровскими берегами столько козацкой крови, а съ тылу глухую, дикую степь,—и наиболѣе суровые сѣчевики, степные волки должны были призадуматься надъ вопросомъ, какъ быть дальше. Одни стояли за то, чтобы итти за московскую границу; другіе совѣтовали отдаться подъ протекторатъ хана и вмѣстѣ съ Татарами воевать противъ Польши; иные предпочитали остаться подъ Переяславлемъ и защищаться до послѣдней возможности; раздавались голоса и за то, чтобы сдаться на милость Поляковъ [2]). Жолкевскій порывался ударить на

---

[1]) Listy с. 80. [2]) Listy с. 81, ср. 8).

козацкое войско тутъ же подъ Переяславомъ; но не было еще для этого достаточныхъ силъ, да и черезъ Днѣпръ трудно было переправиться: козаки отчасти захватили съ собою лодки, отчасти затопили и уничтожили. Жолкевскому со всего Приднѣпровья удалось собрать всего нѣсколько лодокъ и „комягъ“. Но въ это время совершенно неожиданно оказали ему услугу кіевскіе мѣщане: разыскали и вытащили затопленныя лодки, исправили ихъ и такимъ образомъ сдѣлали возможной переправу. Жолкевскій прибылъ со всѣмъ своимъ войскомъ подъ Кіевъ, чтобы переправиться здѣсь черезъ Днѣпръ.

Козаки, услышавъ объ этой измѣнѣ Кіевлянъ, въ тотъ же день, 1-го мая, нагрянули сюда изъ-за Днѣпра; говорили, что они хотятъ сжечь Кіевъ за измѣну мѣщанъ [1]). На имѣвшихся у нихъ чайкахъ числомъ около сотни двинулись они Днѣпромъ подъ Кіевъ, съ развѣвающимися знаменами, при громѣ бубновъ и трубъ. Но вслѣдствіе противнаго вѣтра имъ приходилось итти на веслахъ, очень медленно. Между тѣмъ Жолкевскій разставилъ по берегу свои пушки и встрѣтилъ козацкія лодки огнемъ. Пули пробили лодку Подвысоцкаго, предводительствовавшаго этимъ походомъ, и самъ онъ едва не погибъ. Среди козаковъ произошло замѣшательство и чайки ихъ вернулись обратно [2]). Послѣ этого козаки ограничились защитой берега—чтобъ не дать Жолкевскому возможности перейти черезъ Днѣпръ. Дѣйствительно, это трудно было сдѣлать въ виду козацкихъ пушекъ и Жолкевскій рѣшилъ хитростью свести ихъ съ берега.

Козаки послѣ неудачной переправы завели съ нимъ переговоры: прежде всего пустили съ своего берега черезъ Днѣпръ бревно, воткнувъ въ щель письмо; въ немъ изъявляли желаніе сдаться и спрашивали объ условіяхъ. На другой день пріѣхалъ козацкій сотникъ съ письмомъ такого же содержанія. Жолкевскій принялъ переговоры, но потребовалъ выдачи Наливайка и другихъ главнѣйшихъ виновниковъ своевольствъ, пушекъ

---

[1]) Pisma Żółkiewskiego с. 149.

[2]) Этотъ эпизодъ, разсказанный у Гейденштейна въ связи съ походомъ козаковъ изъ-подъ Переяславля въ Кіевъ, украинскіе историки, начиная съ Костомарова, понимали иначе: что козаки шли изъ Запорожья на помощь своимъ—подъ Кіевъ, словно не знали, гдѣ ихъ искать, и не подозрѣвали присутствія подъ Кіевомъ, Жолкевскаго. Нѣтъ никакой надобности такимъ образомъ исправлять достаточно ясный и логичный разсказъ Гейденштейна.

и императорскаго знамени. Козаки просили отказаться отъ требованія выдачи предводителей. Среди этихъ переговоровъ Жолкевскій отправилъ Потоцкаго съ частью войска подъ Триполье [1]) и распустилъ слухъ, что этотъ отрядъ имѣетъ цѣлью, перейдя Днѣпръ, ударить на Переяславль, на козацкій таборъ, гдѣ остались козацкія семьи. Для вида онъ отправилъ и нѣсколько возовъ съ лодками и другими приспособленіями подъ Триполье. Какъ разъ въ это время къ козакамъ перешли изъ польскаго табора двое джуръ, которые за чистую монету выдали козакамъ это извѣстіе, что Жолкевскій послалъ Потоцкаго съ порученіемъ перейти черезъ Днѣпръ ниже Кіева и ударить на Переяславль. Козаки повѣрили этому и отступили подъ Переяславль, оставивъ для окончанія переговоровъ Лободу и Наливайка съ небольшою дружиною. Лобода, сѣвъ въ лодку, подъѣхалъ къ кіевскому берегу для личныхъ переговоровъ въ Струсемъ, высланнымъ для этой цѣли, но и эти разговоры не привели ни къ чему—козачество не хотѣло покупать себѣ жизнь измѣною своимъ вождямъ и товарищамъ. Послѣ этого Лобода и Наливайко уѣхали тоже подъ Переяславль, а на другой день тутъ же подъ Кіевомъ начало переправляться польское войско и черезъ два дня было уже на лѣвомъ берегу. Тогда козацкія чайки изъ-подъ Кіева спустились къ устью Сулы.

Собравшись снова подъ Переяславлемъ, козаки не рѣшились ждать здѣсь польскаго войска. Защищаться въ городѣ со своимъ огромнымъ обозомъ, съ массою лошадей они не могли. Потому сочли за лучшее отступить въ глубь Заднѣпровья, надѣясь, что Жолкевскій не посмѣетъ слѣдовать за ними туда, какъ не пошелъ за Наливайкомъ въ глубь уманскихъ пустынь. Съ женщинами и дѣтьми, со всѣмъ обозомъ двинулись они на востокъ, на рѣку Сулу, подъ Лубны, гдѣ незадолго передъ тѣмъ Александръ Вишневецкій построилъ замокъ и началъ устраивать городъ, назвавъ его своимъ именемъ Александровымъ. Это былъ самый крайній пунктъ тогдашней осѣдлой колонизаціи Заднѣпровья, и въ какихъ нибудъ пятнадцати миляхъ къ сѣверо-востоку отсюда была уже московская граница, а къ юго-востоку разстилались еще вовсе невоздѣланныя назаселенныя степи. И хотя изъ козацкаго табора много людей разъѣзжалось ежедневно и козаки продолжали уходить, какъ доносили Жолкевскому—всетаки въ немъ было еще около шести тысячъ коза-

---

[1]) У Бѣльскаго ошибочно названъ Остеръ.

ковъ, въ томъ числѣ насчитывалось двѣ тысячи отборнаго войска, остальные похуже; было около 30 пушекъ, много болѣе мелкаго оружія, со всякимъ припасомъ къ нимъ; козаки приготовили также, стоя подъ Переяславлемъ, достаточное количество провіанта.

Жолкевскій рѣшилъ итти за ними и истребить ихъ безъ остатка. „Я убѣжденъ, что для вашей кор. милости и рѣчи посполитой весьма важно, чтобы это своевольство было уничтожено, и хотя съ большими усиліями и трудностями для войска приходиться итти черезъ эти пустыни и тяжелыя переправы, я всетаки иду за ними“, писалъ онъ королю по дорогѣ изъ Переяславля въ Лубны, надъ р. Супоемъ. „Прошу повѣрить мнѣ, сильно расходились эти своевольники. Противно и вспоминать, до чего дошло это своевольство, въ какихъ выраженіяхъ упоминались титулы вашей кор. милости, какіе тамъ замыслы—разгромить Краковъ, славную столицу вашей кор. милости, уничтожить шляхетское сословіе. И то вѣрно, что слишкомъ уже они усилились—во время изволилъ ты, ваша кор. милость, приказать искоренить это зло“ [1]).

На помощь къ Жолкевскому пришло еще свѣжее войско изъ в. кн. Литовскаго подъ предводительствомъ Огинскаго. Въ общей сложности Жолкевскій имѣлъ теперь около 5 тыс. коннаго войска, а включая разную прислугу, его войско если не превышало, то равнялось по численности козацкому, но послѣднее было обременено обозомъ, семьями, и только въ меньшей части состояло изъ элементовъ, которые снаряженіемъ и боевою годностью могли помѣряться съ польскимъ войскомъ. Жолкевскій имѣлъ теперь всѣ преимущества по сравненію съ козацкимъ войскомъ, и все вниманіе свое прилагалъ къ тому чтобы не дать ему возможности ускользнуть изъ его рукъ—ни уйти на югъ, на Низъ, ни перейти за московскую границу, въ окрестности Путивля, ни на Донъ, къ донскимъ козакамъ. Для этого онъ опять сдѣлалъ видъ, что пріостанавливаетъ военныя дѣйствія, чтобы вести переговоры съ козаками: ставъ таборомъ, послалъ къ нимъ письма отъ Гульскаго „стариннаго довѣреннаго пріятеля ихъ“, и его посланецъ долженъ былъ увѣрить козаковъ, что Жолкевскій ждетъ отъ нихъ отвѣта. Между тѣмъ онъ отправилъ часть войска, свыше тысячи коней, подъ предводительствомъ Струся, и поручилъ ему, перейдя Сулу ниже Лубенъ, обойти козацкое войско съ тылу и отрѣзать ему дальнѣйшій походъ въ степи и за границу.

---

[1]) Pisma с. 151.

Инструкція была дана такъ секретно, что даже сами участники экспедиціи не знали, куда ихъ ведутъ—думали, что на Лубны. Между тѣмъ по дорогѣ Струсь повернулъ на югъ, подъ Горошиномъ перешелъ Сулу и скорыми переходами обошелъ козаковъ, когда они уже переходили за Сулу. Ихъ лагерь стоялъ надъ р. Солоницею, въ полмилѣ за Лубнами; остальная часть войска какъ разъ переходила черезъ Сулу по длинному мосту подъ Лубнами. Сторожевые посты, разставленные по дорогѣ къ Переяславлю, должны были своевременно предупредить о приближеніи польскаго войска, и въ такомъ случаѣ козаки разсчитывали уничтожить мостъ на Сулѣ—и этого какъ разъ опасался Жолкевскій. Выждавъ немного, онъ двинулся на Лубны, разсчитывая въ одно время съ Струсемъ появиться съ двухъ противоположныхъ сторонъ въ виду козацкаго войска. Для большей увѣренности Струсь увѣдомилъ его черезъ посланца, что онъ уже обошелъ козаковъ. Тогда Жолкевскій ускореннымъ маршемъ, оставивъ обозъ, всю ночь спѣшилъ подъ Лубны, выславъ впередъ передовой полкъ съ 500 лошадей, чтобы захватить мостъ. Этотъ передовой полкъ, дѣйствительно, засталъ козаковъ во время перехода и не далъ имъ разрушить моста до основанія: они успѣли только поджечь его, но огонь былъ потушенъ и мостъ исправленъ. Вслѣдъ за тѣмъ показался и Жолкевскій. Козаки бросились подъ Лубны противъ него, какъ вдругъ увидѣли тучи пыли надъ войскомъ, наступавшимъ съ тылу. Думали сначала, что Татары—надѣялись, вѣроятно на помощь отъ нихъ, но затѣмъ убѣдились, что и то было польское войско, и поняли, что ихъ хитростью поставили между двухъ огней. Не знали, какъ быть—наконецъ рѣшили остаться на мѣстѣ и окопаться. Происходило это 26 мая н. с. Началась знаменитая осада козаковъ на Салоницѣ—послѣдній актъ трагедіи.

Позиція, занятая козаками, было высока, довольно хороша, удобна для обороны, съ широко открывающимся горизонтомъ во всѣ стороны [1]). Въ нѣсколько рядовъ [2]) разставлены были козацкіе возы, обведенные вокругъ валами и линіею шанцевъ. Посреди ла-

---

[1]) О мѣстѣ осады, въ точности не установленномъ, см. у Милорадовича Средняя Лубенщина (К. Стар. 1903, IX кн. 290—1), Бочкарева Очерки Лубенской старины с. 16—7, Доманицкаго ор. с. с. т. 2.

[2]) По словамъ Жолкевскаго возы стояли въ девять рядовъ, но у Бѣльскаго только четыре.

геря были поставлены деревянные срубы, набитые землею, и на нихъ помѣщены пушки, для обстрѣливанія съ высоты. Въ разныхъ запасахъ не было недостатка, а войска, пригоднаго для боя, Жолкевскій, придя подъ Лубны, считалъ у козаковъ всетаки еще около 6 тыс.[1]); столько же было женщинъ и дѣтей. Лагерь былъ хорошо укрѣпленъ и взять его приступомъ было невозможно. Нѣсколько смѣлыхъ нападеній со стороны Поляковъ окончились весьма печально для нападающихъ, и Жолкевскій запретилъ эти атаки. Вмѣсто того, обступивъ козацкій лагерь съ трехъ сторонъ (съ четвертой прилегали непролазныя болота Сулы) онъ предпочиталъ держать козаковъ въ тѣсной блокадѣ, не давая имъ возможности выгонять лошадей и скотъ на луга, и вслѣдствіе этого скотъ началъ падать съ голоду,—а затѣмъ козаки были отрѣзаны и отъ воды. Вылазки ихъ отбивались Поляками, а когда подоспѣла ихъ артиллерія, по лагерю были открыта канонада, причинявшая большой уронъ осажденнымъ; трупы убитыхъ людей и скота оставались въ таборѣ и при стоявшей тогда жаркой погодѣ эти трупы до невозможности портили воздухъ. Въ довершеніе всего, въ такомъ тяжеломъ, подавленномъ настроеніи среди козацкаго войска возникали недоразумѣнія, ничѣмъ неоправданныя подозрѣнія, слухи объ измѣнѣ; доходило до кровавыхъ столкновеній. Переговоры, веденные Жолкевскимъ съ Лободою, непосредственно или черезъ Струся, дали поводъ его врагамъ Наливайковцамъ поднять противъ него обвиненія въ измѣнѣ. Жолкевскій въ своихъ письмахъ намекаетъ, что здѣсь тоже не обошлось безъ его интриги, и посѣянныя имъ semina привели къ кровавымъ столкновеніямъ среди козаковъ[2]). Бурная рада закончилась смертью Лободы. Но Наливайку не удалось взять булаву въ свои руки—былъ выбранъ Кремпской, а партія Лободы не могла забыть Наливайковцамъ его убійства. Можно себѣ представить, какъ тяжело было въ такой атмосферѣ поддерживать отвагу и стойкость въ массахъ. И все таки козачество держалось стихійной силой, не разъ поражающей насъ въ этихъ слабо организованныхъ козацкихъ массахъ.

Жолкевскій убѣдился, что голодомъ ему не взять козаковъ,

---

[1]) Письмо Жолкевскаго—Жерела VIII с. 91. У Гейденштейна 8 тыс. (336, пер. с. 377).

[2]) Przez pewne sposoby semina niezgody miedzy Lobodą, który ich starszym był, a Nalewaykiem y iego sektą wzruszyli sie byli—письмо Жолкевскаго (Жерела VIII с. 91).

такъ какъ и ему также все затруднительнѣе приходилось добывать припасы для войска, и въ концѣ концовъ скорѣе бы его собственное войско погибло съ голоду, чѣмъ козаки въ своемъ лагерѣ. Кромѣ того, польское войско было страшно измучено постоянной сторожевой службой, вѣчной необходимостью быть готовымъ къ отпору козацкихъ вылазокъ, такъ что подъ конецъ осады польскіе солдаты почти непрерывно, ночь и день, должны были оставаться на лошадяхъ.

Тѣмъ временемъ въ Приднѣпровьи стали собираться новыя козацкія дружины подъ предводительствомъ Подвысоцкаго, оставшагося при лодкахъ, а изъ Запорожья шли новые отряды козаковъ, въ лодкахъ, на выручку Лободѣ. Не будучи въ состояніи пробиться къ Лубнамъ и прорвать блокаду, Подвысоцкій принялся опустошать Приднѣпровье, надѣясь этимъ отвлечь силы Жолкевскаго отъ осады. Если бы къ Подвысоцкому подспѣли еще Запорожцы, то вмѣстѣ взятые они явились бы для польскаго войска очень сильной опасностью съ тылу. Это заставляло Жолкевскаго искать новыхъ средствъ, которыя могли бы принудить осажденныхъ къ скорѣйшей капитуляціи. Переговоры съ козаками велись съ самаго прихода его подъ Лубны: начинались, прерывались и снова возобновлялись. Все разбивалось, очевидно, о требованіе, чтобы козаки выдали своихъ вождей. Наконецъ, послѣ двухнедѣльной осады, послѣ двухдневной канонады, упалъ духъ въ козацкомъ войскѣ. По словамъ Жолкевскаго, окончательно поколебали козаковъ приготовленія къ пѣшему штурму на лагерь: польское войско начало устраивать подвижные щиты на колесахъ изъ дерева и ивовыхъ прутьевъ, такъ называемые „гуляй-города“, чтобы подъ ихъ охраною итти на приступъ. Козаки вступили въ переговоры, на этотъ разъ болѣе податливые, чѣмъ прежде, и наконецъ пришли къ соглашенію.

Гейденштейнъ, писавшій свою исторію кампаніи на основаніи реляцій Жолкевскаго, говоритъ, что въ польскомъ войскѣ многіе считали необходимымъ „для страха и примѣра“ вырѣзать козаковъ поголовно. Въ своей реляціи королю, сохранившейся въ своемъ первоначальномъ видѣ, Жолкевскій ссылается на рѣшеніе высшихъ войсковыхъ чиновъ и ротмистровъ, считавшихъ рискованнымъ и небезопаснымъ доводить козаковъ до послѣдней крайности и отчаянія, и какъ бы оправдывается въ своей снисходительности—въ томъ, что онъ ограничился прежними требо-

ваніями [1]). Разумѣется, нечего и говорить, что Полякамъ при данныхъ условіяхъ было необходимо довести дѣло до соглашенія, а не думать о битвѣ на животъ и смерть. Но мстительное, кровожадное настроеніе войска, желаніе перерѣзать козаковъ, упиться ихъ кровью очевидно только притаилось на короткое время передъ этою необходимостью сдержанности, чтобы тотчасъ же вспыхнуть какъ только миновала опасность, какъ только козачество, довѣряя „благородному слову“ шляхетскаго войска, отдало себя въ его власть.

Жолкевскій поставилъ слѣдующія условія, въ духѣ прежнихъ переговоровъ: козаки выдадутъ главныхъ вождей возстанія, какихъ имъ укажутъ, отдадутъ пушки и снаряды, знамена и серебрянныя трубы, присланныя императоромъ; возвратятъ плѣнныхъ и имущество, захваченное у польскихъ солдатъ въ Бѣлой Церкви; они разойдутся по домамъ и не будутъ собираться безъ разрѣшенія короля.

Эти условія были приняты. Козаки согласились выдать Наливайка, Шаулу и Шостака. Наливайко, предчувствуя конецъ трагедіи, еще раньше нѣсколько разъ пытался бѣжать изъ табора, и теперь вмѣстѣ со своимъ отрядомъ началъ отбиваться съ оружіемъ въ рукахъ—Наливайковцы не хотѣли выдавать своего вождя. Поднялся большой шумъ, услышанный въ польскомъ таборѣ, отткуда поскакали на лошадяхъ, ударили въ трубы и бубны, подняли тревогу, чтобы не дать Наливайковцамъ убѣжать. Дѣло едва не дошло до импровизированной атаки на козацкій таборъ. Но въ концѣ концовъ козаки сломили сопротивленіе сторонниковъ Наливайка, схватили его самаго въ тотъ моментъ, когда онъ уже готовъ былъ перебраться черезъ валъ, и на другой день выдали Жолкевскому вмѣстѣ съ другими предводителями: выдали Шаулу и Шостака, потомъ имъ указали еще нѣсколькихъ, часть которыхъ была тоже выдана козаками, часть взята силою, такъ что въ концѣ концовъ было арестовано больше десятка старшинъ [2]). Козаки выдали также пушки—сре-

---

[1]) Жерела VIII с. 91.

[2]) Благодаря тому, что финалъ кампаніи—солоницкая рѣзня, усиленно затушевывается въ оффиціальныхъ источникахъ, нельзя точно разграничить, что было осуществлено на основаніи соглашенія съ козаками и что затѣмъ вырвано у нихъ насильемъ, уже послѣ капитуляціи. Кремпскій напр. остался невредимымъ, такъ какъ отбился съ оружіемъ въ рукахъ—что вполнѣ опредѣленно

ди нихъ двадцать вполнѣ исправныхъ, остальныя, около двухъ десятковъ, испорченныхъ; отдали клейноды: знамена императора Рудольфа, ерцгерцога Максимилліана и кн. трансильванскаго, серебряныя трубы и булаву. Зато козацкая казна доставила большое разочарованіе польскому войску, расчитывавшему на богатую добычу: стоимость ея оцѣнена всего въ 4 тыс. злотыхъ и состояла она главнымъ образомъ изъ турецкихъ вещей, взятыхъ въ послѣдніе походы.

Но послѣ капитуляціи разыгралась отвратительная сцена кровожадной мести надъ беззащитнымъ, капитулировавшимъ непріятелемъ. Въ офиціальномъ донесеніи Жолкевскаго она изображена, насколько возможно, въ смягченной формѣ. При разборѣ вещей, захваченныхъ козаками въ Бѣлой Церкви у солдатъ, говоритъ онъ, „произошло немалое замѣшательство" (tumult). „Солдаты, особенно венгерская, а также и украинская пѣхота, раздраженные на козаковъ, не только отбирали отъ нихъ свои вещи, но стали отнимать и ихъ собственныя, и убили изъ нихъ нѣсколько десятковъ человѣкъ—никакъ невозможно было сдержать этихъ разъяренныхъ людей, хотя я вмѣстѣ съ панами ротмистрами старался удержать ихъ всѣми силами и способами", говоритъ Жолкевскій [1]).

Но неофиціальный источникъ—хроника Бѣльскаго описываетъ этотъ эпизодъ не такъ невинно. Козаки выдали Наливайка, согласились выдать пушки, знамена, все вооруженіе, принести присягу въ повиновеніи на будущее время, лишь бы только отпустили ихъ живыми на волю, но гетманъ не хотѣлъ гарантировать имъ, что помѣщики не будутъ забирать изъ ихъ

вытекаетъ изъ разсказа Бѣльскаго, и само собой мало вѣроятно, чтобы главнаго вождя козачества (послѣ смерти Лободы) Поляки отпустили добровольно, какъ представляетъ дѣло Гейденштейнъ („Кремпскаго отпустили съ тѣмъ, чтобы онъ распустилъ своихъ и отвелъ домой"). На основаніи капитуляціи выданы были несомнѣнно Наливайко, Шаула и Шостакъ.

[1]) Жерела VIII с. 92. Еще невиннѣе представляетъ это дѣло, основываясь на реляціи Жолкевскаго, Гейденштейнъ: „Послѣднее условіе—вернуть солдатамъ захваченное у нихъ имущество, едва не сдѣлалось причиною волненія: солдаты, неудовлетворенные тѣмъ, что имъ было отдано, начали грабить имущество козаковъ. Дѣло дошло до схватки, среди которой было убито нѣсколько десятковъ, и Жолкевскому едва удалось прекратить это движеніе" (с. 336, пер. с. 378).

среды своихъ подданныхъ, въ случаѣ, если опознаютъ среди нихъ кого-нибудь. Тогда козаки отступили отъ соглашенія и сказали, что въ такомъ случаѣ они будутъ защищаться, пока живы. Гетманъ отвѣтилъ имъ на это: „защищайтесь"! Тогда наши бросились на нихъ, такъ что тѣ не успѣли ни стать въ боевой порядокъ, ни взяться за оружіе. Ихъ рубили такъ немилосердно, что на милю, а то и больше, трупы лежали одинъ на другомъ. Вѣдь всѣхъ ихъ въ лагерѣ вмѣстѣ съ чернью, женщинами и дѣтьми, было свыше десяти тысячъ, а убѣжавшихъ подъ предводительствомъ Кремпскаго насчитывалось не болѣе полуторы тысячи. Изъ схваченныхъ гетманъ потомъ нѣкоторыхъ отпустилъ, приведя къ присягѣ, другіе же вступили въ составъ ротъ (польскихъ). При этомъ были взяты 24 пушки и немало другого орудія; были забраны также и всѣ знамена, между которыми находились нѣсколько императорскихъ [1]).

Этотъ эпизодъ передается здѣсь на основаніи разсказовъ, ходившихъ въ самомъ польскомъ обществѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія (это послѣдніе годы хроники). Передается человѣкомъ ничѣмъ не заявившимъ себя сторонникомъ козаковъ, и на основаніи разсказовъ людей, которые, очевидно, тоже не имѣли никакого намѣренія бросить тѣнь на польское войско. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право довѣрять этому разсказу, хотя и должны допустить нѣкоторыя преувеличенія въ изображеніи размѣровъ этой рѣзни, а также—согласно реляціи Жолкевскаго,—хронологически нужно передвинуть ее и помѣстить послѣ капитуляціи: Жолкевскій (и Гейденштейнъ) говорятъ, что рѣзня произошла въ то время, когда польскіе солдаты уже послѣ капитуляціи разыскивали свои вещи у козаковъ, но Жолкевскій сильно уменьшаетъ ея размѣры и замалчиваетъ обстоятельство, что поводомъ къ этой рѣзнѣ послужило его собственное заявленіе, сдѣланное уже послѣ капитуляціи: что польскимъ помѣщикамъ, принимавшимъ участіе въ кампаніи, будетъ предоставлено также опознавать въ козацкомъ лагерѣ своихъ прежнихъ крѣпостныхъ и забирать ихъ manu militari обратно въ крѣпостное состояніе. Въ пунктахъ капитуляціи, какъ они излагаются Жолкевскимъ и другими источниками, этого требованія не содержится; его выдвинули коварно, какъ послѣдній ударъ, уже послѣ капитуляціи. Въ виду того, что козацкое войско должно было

---

[1]) Бѣльскій с. 1764—5.

заключать въ себѣ очень много бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, это требованіе означало, вмѣсто выдачи предводителей, уже почти неограниченное право арестовывать въ козацкомъ войскѣ кого и сколько хотѣли (доказывай потомъ въ польскомъ лагерѣ помѣщику, что ты не крѣпостной его!). Козаки заявили, что согласиться на это не могутъ—тогда Жолкевскій цинично предложилъ въ такомъ случаѣ „защищаться"—уже послѣ капитуляціи, и отдалъ своему войску разрѣшеніе ударить на почти беззащитное козацкое войско. Козацкія пушки были уже выданы, козацкій лагерь стоялъ открытымъ, и эта послѣдняя атака перешла, какъ вполнѣ правдоподобно разсказываетъ Бѣльскій, въ простую рѣзню: польскіе солдаты дали полную волю своему мстительному чувству по отношенію къ козакамъ, накопившемуся у нихъ за время этой тяжелой кампаніи. Болѣе видныхъ козаковъ, взятыхъ въ плѣнъ, Жолкевскій могъ присоединить, для вящаго впечатлѣнія, къ выданнымъ ему вождямъ; другіе изъявляли желаніе вступить въ польское войско. Кремпскому съ частью козаковъ удалось отбиться, и онъ отправился на Низъ. Возможно, что войска у него въ дѣйствительности было значительно больше, чѣмъ разсказываетъ Бѣльскій: его картина рѣзни быть можетъ и преувеличена разсказчиками. Зато моральный результатъ солоницкаго соглашенія: капитуляція козаковъ, ихъ обѣщаніе разойтись и не собираться больше безъ королевскаго разрѣшенія, былъ уничтоженъ послѣднею некорректностью Жолкевскаго и рѣзнею, возникшею благодаря ей. Козаки и Поляки расходились изъ-подъ Солоницы не примиренными, а еще болѣе разъяренными послѣднимъ эпизодомъ.

Такимъ образомъ Жолкевскому удалось только отчасти выполнить свою задачу—искорененіе украинскаго своевольства. Часть козацкаго войска ушла—не по милости польскаго гетмана, а проложивъ себѣ путь оружіемъ. Кромѣ Кремпскаго, пробившаго себѣ дорогу на Низъ, на Днѣпрѣ въ лодкахъ стояло другое войско подъ предводительствомъ Подвысоцкаго, а изъ Запорожья „выгреблись" уже новыя силы „на волость" [1]). У Жолкев-

---

[1]) Tamci ktorzy są na czołnach y ci co wygrzebli się, обозначаетъ ихъ Жолкевскій въ послѣдней реляціи изъ-подъ Солоницы—Жерела VIII с. 92.

скаго не хватило силъ и энергіи итти и громить ихъ, и онъ ограничился тѣмъ, что поручилъ черкасскому старостѣ увѣдомить ихъ о капитуляціи козацкаго войска и предложить имъ оставить всякія враждебныя намѣренія, иначе онъ ударитъ на нихъ съ войскомъ. Козаки на своемъ совѣщаніи рѣшили отложить свои военные планы. Они прислали Жолкевскому письмо, въ которомъ увѣряли въ своей покорности и просили прощенія за все прошлое. Писали „Низовцы“ и разнымъ своимъ „пріятелямъ“, прося заступиться за нихъ и обезпечить ихъ отъ репрессій). „Хотя Жолкевскій не былъ этимъ удовлетворенъ, однако принужденъ былъ затаить свои чувства, такъ какъ трудно ему было преслѣдовать ихъ особенно если бы они отступили на Низъ Днѣпра; войско было утомлено трудами, лишеніями, дальнимъ путемъ; лодокъ подъ рукою не было; кромѣ всего этого, изъ постановленій сейма онъ (Жолкевскій) видѣлъ, что войско его будетъ нужно въ другомъ мѣстѣ“ А ко всему этому нужно прибавить еще, что войску не было заплачено жалованіе, и оно едва ли захотѣло бы итти въ новый походъ въ глухія далекія степи. „Поэтому онъ (Жолкевскій) милостиво отпустилъ ихъ“, а самъ съ польскимъ войскомъ двинулся въ Галицію[2]).

„Гадина“—какъ называлъ Жолкевскій украинское своевольство—была только придушена, но не задавлена. Однако, это не помѣшало ему обставить результаты кампаніи возможно болѣе торжественно. Солоницкой побѣдѣ приданы импозантные размѣры и усмиреніе украинскихъ своевольниковъ праздновалось, какъ тріумфъ надъ Богъ знаетъ какимъ необыкновеннымъ врагомъ. Депутаты отъ войска повезли къ королю плѣнныхъ вождей возстанія, пушки и знамена, выданные козаками (среди этихъ знаменъ особенный интересъ представляли императорскія знамена, съ имперскими орлами—гетманъ Замойскій непремѣнно хотѣлъ показать ихъ папскому нунцію, занимавшемуся агитаціею въ пользу антитурецкой лиги, въ интересахъ Австріи). Во главѣ депутаціи находился Струсь, который долженъ былъ держать къ королю рѣчь, выставляя заслуги войска въ этой кампаніи[3]). На весеннемъ сеймѣ 1597 г. маршалъ шляхетской палаты просла-

[1]) Извѣстны такія письма къ Як. Претвичу, Listy № 55.
[2]) Гейденштейнъ с. 337 (II с. 378).
[3]) Archiwum Radziwiłłów с. 119, Нѣмцевича Zbiór pamiętników II с. 169.

влялъ короля по случаю этой побѣды,—„угасившей огонь козацкаго своевольства, пламя котораго все шире распространялось по отечеству, и грозило пожаромъ далекимъ предѣламъ“ [1]). И само правительство выражалось въ такомъ же тріумфальномъ тонѣ, превозносят заслуги войска и Жолкевскаго—что онъ „против лотровству козацкому (которыхъ се до килкунадцати тысечей людей своволных народов розмаитых з великимъ небезпеченствомъ и пострахом панствъ нашихъ украинныхъ згромадило было) з малою частью войска нашого мужне и сердечне ставилъ и в погоню за ними и од Белое Церкви о таборы тыхъ людей свовольных и о стрельбу ихъ густую сам з голою бронею своею, чинячы доброе серце войску нашому с тымъ козацтвом стирал се,—которыхъ не перестаючи конати, для милости насъ, пана своего, и отчызны своее, важыл се проводити малые войска наши за Днепръ и тамъ аж у Александрова, килкадесять миль за Днепром, при самой границы татарской (!) на Шаломицы тотамъ козацтво, людей своволных, в ремесле рыцерскомъ добре вышвечоных и одважных, догонивши, кгды ихъ вколо обогналъ, а не давши се имъ роспострети, всѣ фортели ихъ военные справою, делностю а чулостю своею... до земледеня и стрвоженя привелъ, оные за божою помочью розгромилъ, побилъ и звитежилъ, а старшихъ ихъ живо споймавши (sic), з дѣлы и зо всѣмъ нарядомъ военнымъ до насъ з великою славою своею и вдячностью нашою королевскою привелъ и отдалъ, панства наши украинные волные и безпечные од нихъ учынилъ и успокоилъ“ [2]).

Однако въ дѣйствительности программа полнаго искорененія украинскаго своеволія и уничтоженія своевольнаго козачества, порученная Жолкевскому правительствомъ и принятая имъ,—не была выполнена. Это призналъ самъ Жолкевскій. Извѣщая короля изъ лагера подъ Солоницею о капитуляціи главнаго козацкаго войска и высказывая одновременно предположеніе, что и другія козацкія силы также „исправятся или точнѣе—заявятъ свою покорность“ [3]), онъ не подаетъ надежды, чтобы даже послѣ всѣхъ допущенныхъ имъ формъ террора [4]), козачество успоко-

---

[1]) Рѣчь маршала—Dyaryusze sejmowe z r. 1597 c. 17.

[2]) Грамота Жолкевскому на Борисполь и Горошинъ—мои „Матеріали до історії козацьких рухів“ № 13.

[3]) Жерела VIII c. 92.

[4]) Acz tak się nakarali, ze iak baczę—zarzekaią się tey swawoli.

илось дѣйствительно; поэтому считаетъ нужнымъ самое тщательное наблюденіе за козачествомъ, чтобы его своеволіе не поднялось снова, и чтобы вновь не образовались ихъ своевольныя банды. Какъ на одно изъ средствъ противъ этого въ своихъ письмахъ, писанныхъ въ походѣ во время весенняго сейма, онъ указывалъ на необходимость суровыхъ, репрессивныхъ постановленій относительно козачества [1]). Сеймъ, исполняя эти пожеланія, провозгласилъ козаковъ измѣнниками и бунтовщиками, perduelles et hostes patriae, подтвердилъ конфискацію козацкихъ имѣній, поручилъ гетману „уничтожить этихъ своевольниковъ всѣхъ безъ остатка“ (ad internecionem), а на будущее время возобновилъ постановленія сейма 1590 г., устанавливавшія строгій надзоръ администраціи и помѣщиковъ за своими подчиненными и крѣпостными, запрещенія выхода на Низъ и т. п. [2]). Это открывало широкую возможность репрессій по отношенію ко всѣмъ участникамъ козацкихъ своевольствъ или заподозрѣннымъ въ томъ, всѣмъ охотникамъ до такихъ репрессій и въ первую голову самому Жолкевскому. Но его энергія и силы его войска были истощены солоницкою кампаніею, и онъ не считалъ возможнымъ взяться самому за дальнѣйшее искорененіе своевольства, а предоставлялъ это мѣстной администраціи и самой шляхтѣ. Не будучи въ состояніи исполнить порученіе сейма—уничтожить своевольное козачество ad internecionem, онъ долженъ былъ удовольствоваться кровавымъ терроромъ надъ одной частью своевольныхъ козацкихъ группъ, формальной покорностью другой, а дальнѣйшее поддержаніе спокойствія на Украйнѣ ставилъ задачею дальнѣйшихъ мѣропріятій правительства. „При настоящихъ условіяхъ“, писалъ онъ въ упомянутой реляціи—„пока не будетъ достигнуто полное успокоеніе, необходило въ качествѣ угрозы расставить войско; а также не менѣе нужно и то, чтобы ваша кор. милость изволилъ приказать панамъ старостамъ и державцамъ королевскихъ земель, чтобы они принимали мѣры въ самомъ зародышѣ (своеволій) или сами непосредственно, или черезъ своихъ замѣстителей и не давали злу расти“. Для большаго впечатлѣнія Жолкевскій считалъ нужнымъ наказать взятыхъ въ плѣнъ вождей возстанія „какъ они заслужили этого“— „чтобы другіе въ будущемъ, наученные ихъ примѣромъ, не осмѣливались собирать такихъ бандъ“ [3]).

---

[1]) Listy Żółkiewskiego с. 80. [2]) Volum. legum II с. 364.
[3]) Жерела VIII с. 92.

Правительствомъ эти взгляды гетмана были приняты къ руководству—впрочемъ были они настолько общи и элементарны, что, безъ сомнѣнія, раздѣлялись всѣмъ шляхетскимъ обществомъ и украинскою администраціею. Каждому было ясно, что расположеніе въ восточной Украинѣ регулярнаго войска могло имѣть наиболѣе реальное значеніе для предупрежденія новыхъ взрывовъ козацкаго своеволія. Въ своей реляціи изъ-подъ Бѣлой Церкви Жолкевскій въ очень сильныхъ выраженіяхъ описывалъ грозное положеніе Украйны. „Вся Украйна окозачилась, полна измѣнниковъ и (козацкихъ) шпіоновъ, въ самомъ дѣлѣ нужно принять рѣшительныя мѣры по отношенію къ этой Украйнѣ, такъ какъ хотя на этотъ разъ и удалось бы, какъ можна надѣяться, предупредить (возстаніе,) то, если не обезпечить дальнѣйшее спокойствіе какимъ-либо суровымъ сеймовымъ постановленіемъ и расквартированіемъ войска на извѣстное время—гадина вновь оживетъ“. Бѣда была только въ томъ, что польское правительство не могло во всякое время располагать военными силами въ достаточной мѣрѣ. Въ данный моментъ объ этомъ не могло быть и рѣчи! Не говоря уже объ осложеніяхъ на западной границѣ, передвиженія татарскихъ и турецкихъ войскъ вблизи границъ Польши заставляли держать войско здѣсь, по сосѣдству съ венгерской границей, а между тѣмъ войско по окончаніи кампаніи вовсе вышло изъ повиновенія властямъ. Жалованье не было заплачено за три четверти и вѣроятно только надежда на богатую козацкую добычу удержала войско въ повиновеніи до конца кампаніи; но съ концемъ ея все должно было рухнуть [1]). Сеймъ 1597 г., рѣшивъ уничтожить козачество ad internecionem, не отпустилъ никакихъ спеціальныхъ кредитовъ на содержаніе войска. Оставалось ожидать чего нибудь отъ новаго сейма, а тѣмъ временемъ солдаты начали по своему хозяйничать въ западныхъ имѣніяхъ и королевскихъ земляхъ, и гетманамъ прежде все приходилось думать объ удовлетвореніи солдатскихъ претензій. Новый сеймъ (собравшійся весною 1597 г.) никакихъ спеціальныхъ ассигнованій тоже не сдѣлалъ, дѣло затянулось на долго, и еще лѣтомъ 1597 г. не было улажено [2]).

Гораздо легче было исполнить другіе совѣты и требованія гетмана.

---

[1]) Ср. рѣчь Замойскаго на сеймѣ 1597 г.—Dyaryusze seimowe z r. 1597 c. 80—1.

[2]) Listy c. 84, ср. Жерела VIII c. 97.

1 сентября 1596 г. король издалъ универсалъ ко всѣмъ должностнымъ лицамъ, старостамъ и державцамъ и всѣмъ обывателямъ — шляхтѣ и мѣщанамъ воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, въ которомъ развивалъ репрессивныя постановленія предшествующаго сейма противъ козацкаго своевольства, мотивируя ихъ свѣдѣніями, доходившими до него изъ Украйны: „же съ того недавно розъгроменого войска людей своволныхъ козацкого некоторые своволники еще при замкахъ, местехъ и местечкахъ нашихъ такъ и по селахъ нашихъ господарскихъ и шляхетьскихъ туляютъ се и безъ службы бавечи се знову зась до таковоежъ купы збирати се поголоски о собе и погрозки пущаютъ“. Чтобы предотвратить эту опасность, король приказываетъ не допускать никакихъ своевольныхъ скоповъ и разгонять ихъ („таковыхъ и зъ наймнейшое куны, хоть бы ихъ до одного пять обо шесть человѣка безъ службы прилучило се, росполошивали и поскромляли“). Лицъ привилегированныхъ велитъ арестовывать и заключать при замкахъ, а всякихъ „гультяевъ“ „лозныхъ“, „безъ службы будучихъ“, изобличенныхъ въ преступленіяхъ, „которые своеволне жили, моръды, кгвалты, бои, розбои, погрозки чинили„—ловить и казнить безъ дальнѣйшихъ церемоній. Людей безъ опредѣленныхъ занятій и мѣстожительства, не могущихъ представить о себѣ удовлетворительныхъ свидѣтельствъ, ищущихъ убѣжища на Украинѣ „зъ горы“, скрываясь отъ своихъ помѣщиковъ, или приговоренныхъ судомъ къ лишенію чести и правъ—такихъ „гамовати и поскромляти“, въ Дикія поля и „на Запороги“ не пропускать. Запорожцевъ изъ Запорожья на Украйну, „где бы ся выгребать хотели“—не пускать, поступать съ ними, какъ съ непріятелями, и не позволять имъ приставать къ берегу (подразумѣваются, очевидно, козацкіе походы вверхъ по Днѣпру на лодкахъ) [1]).

Какъ видимъ, универсалъ предписывалъ очень суровыя мѣры противъ украинскаго своеволія. Еслибъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были осуществлены, то козачество и всякое своевольство были бы, дѣйствительно, задавлены совершенно. Но издать такое распоряженіе было несравненно легче, чѣмъ выполнить его. Слѣдить за самыми мелкими компаніями, въ 5—6 человѣкъ, въ этихъ малонаселенныхъ мѣстностяхъ Украины, задерживать и разгонять ихъ, имѣть наготовѣ вооруженныя силы, чтобы въ любомъ

[1]) Архивъ Ю. З. Р. III. 1 № 38.

мѣстѣ и во всякое время противопоставить ихъ козакамъ, если они захотятъ „выгребтись“ изъ Запорожья,—все это въ тѣхъ условіяхъ нелегко было выполнить даже хорошо организованному государственному механизму, а не шляхетской анархіи Украины. И въ концѣ концовъ этотъ универсалъ могъ дать только поводъ къ различнымъ придиркамъ и преслѣдованіямъ козачества со стороны тѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ счеты, и къ новымъ неудовольствіямъ со стороны козаковъ, но не воспрепятствовать новому наростанію козацкихъ своевольныхъ силъ. И дѣйствительно, изъ всѣхъ способовъ „предупрежденія украинскаго своеволія“, указанныхъ Жолкевскимъ, въ концѣ концовъ только одинъ былъ осуществленъ—это суровая кара надъ выданными или захваченными силою вождями возстанія. Это было самое осуществимое!...

Особенно пострадалъ Наливайко. Другіе вожди, привезенные изъ-подъ Солоницы, были тотъ часъ же казнены [1]). Наливайка же продержали въ тюрмѣ почти годъ, то и дѣло подвергая его допросамъ и пыткамъ, чтобы вывѣдать о его замыслахъ, сношеніяхъ съ сосѣдними государствами, награбленномъ добрѣ и т. п.; несомнѣнно, въ вождѣ украинскихъ бандъ видѣли фигуру болѣе значительную, нежели онъ былъ въ дѣйствительности, и надѣялись добыть отъ него свѣдѣнія о какихъ-то широкихъ политическихъ планахъ [2]). Эти проволочки въ свою очередь вызывали въ польскомъ обществѣ неудовольствія и подозрѣнія: даже высокопоставленные люди подозрѣвали, что у Наливайка есть какія-то высокіе „промоторы“, затягивающіе его дѣло умышленно, чтобы спасти ему жизнь [3]). Это было причиною того, что на сеймъ 1597 г. нѣкоторыми воеводствами было поставлено спеціальное требованіе казни Наливайка [4]).

Наконецъ 11 апрѣля н. ст. пришелъ конецъ Наливайку.

---

[1]) Велевицкій въ своихъ запискахъ говоритъ, что, кромѣ Наливайка, было еще 12 плѣнныхъ вождей (с. 216), Бѣльскій знаетъ только шесть (с. 1716); имена кромѣ ихъ Шаулы и Шостака переданы малодостовѣрными источниками (Панчоха, Кизимъ, Мазепа, ср. еще письмо Радзивила, гдѣ передается слухъ, что изъ товарищей Наливайка обезглавлены Кособуцкій и Павловскій (Arch. Radziwiłłów с. 47). О совершившейся уже казни упоминаетъ въ январѣ 1597 г. Ожельскій (с. 211).

[2]) Archiwum Sapiehów с. 144, письмо Скумина у Голубева П. Могила I док. 16, Zbiór pamiętn. II с. 209, Велевицкій I с. 235.

[3]) Archiwum Radziwiłłow с. 47.

[4]) Dyaryusze с. 107, 358.

Его обезглавили, потомъ тѣло четвертовали и развѣсили на показъ [1]). Но произведя на современное ему общество такое сильное впечатлѣніе при жизни, Наливайко и послѣ смерти не переставалъ занимать его, незаслуженно сдѣлавшись какъ бы воплощеніемъ украинской оппозиціи. Наливайками называютъ православныхъ, и вообще украинско-бѣлорусскую оппозицію. У современнаго польскаго мемуариста Пшонки имѣется разсказъ о томъ, что Наливайко велѣлъ называть себя „царемъ Наливаемъ“ [2]). Въ связи съ этимъ, очевидно, стоятъ и позднѣйшія преданія о его смерти, записанныя Йончинскимъ: Наливайка посадили на раскаленнаго коня, на голову его положили раскаленную желѣзную корону, и такъ замучили [3]). Разсказы эти показываютъ, что вскорѣ послѣ смерти—а быть можетъ еще и при жизни, Наливайко выросъ до размѣровъ бунтовщика—претендента на корону, кандидата на украинскаго короля.

Отголоскомъ, очевидно той же версіи является легенда, которую встрѣчаемъ уже въ запискѣ одного современнаго украинскаго мемуариста,—что Наливайка „у Варшавѣ король казалъ на мѣдяной кобылѣ возити“ [4]). У позднѣйшихъ украинскихъ хронистовъ вмѣсто коня фигурируетъ волъ: Наливайка сожгли на мѣдномъ волѣ [5]). Наконецъ авторъ „Исторіи Руссовъ“, быть можетъ подъ вліяніемъ классической традиціи о Фаларисѣ, далъ сообщенію старшихъ украинскихъ лѣтописцевъ новое истолкованіе: гетманъ Наливайко по окончаніи войны (послѣ неслыханныхъ побѣдъ надъ польскими войсками, законченныхъ трактатомъ и провозглашеніемъ полной амнистіи королемъ) ѣдетъ съ полковниками въ Варшаву на сеймъ, чтобы привѣтствовать короля и увѣрить его въ своей покорности. Но здѣсь ихъ безо всякого суда и права схватываютъ и черезъ два дня казнятъ: выведя ихъ на площадь и провозгласивъ гонителями на вѣру, „посадили живыми въ мѣднаго вола и на медленномъ огнѣ раска-

---

[1]) Письмо Скумина, см. выше, Бѣльскій с. 1765, Велевицкій I с. 235.

[2]) Pamiętnik J. Pszonki стр. 24.

[3]) Рукоп. библ. Оссолинскихъ № 627 с. 203.

[4]) Такъ наз. кіевская лѣтопись въ Сборникѣ лѣтописей Ю. З. Р. с. 77.

[5]) Грабянка, Краткое описаніе, Лизогубовская лѣтопись и др. Вѣроятно, благодаря простой ошибкѣ (колъ вмѣсто волъ) появился варіантъ Миллера (с. 6,) что Наливайко „на колъ посаженъ былъ“.

ляли его нѣсколько часовъ, пока были слышны стоны и крики страдальцевъ, а потомъ ихъ тѣла сожгли въ этомъ волѣ до пепла"[1]). Этотъ фантастическій разсказъ и подобныя ему дальнѣйшія исторіи—объ отобраніи всѣхъ правъ у украинскаго народа, посылкѣ въ украинскіе края польскихъ войскъ, чиновниковъ и духовенства—собирающія въ одинъ фокусъ всѣ традиціи о притѣсненіи украинскаго населенія Поляками—производили сильное впечатлѣніе на украинскихъ читателей первой пол. XIX в.

Результаты, достигнутые всѣмъ этимъ терроромъ, были совершенно эфемерны. Это лучше всего показываютъ заявленія самаго правительства во второй половинѣ 1596 г., что даже „на волости" козачество не было задавлено. Еще не былъ казненъ Наливайко, еще тянулись процессы о конфискаціи имущества разныхъ лицъ, болѣе или менѣе скомпрометированныхъ возстаніемъ[2]), а уже приходилось обращать вниманіе украинской администраціи на разные „слухи и угрозы" о новыхъ мятежныхъ силахъ на Украйнѣ и на возможность новаго козацкаго похода съ Низу[3]). На шляхетскихъ съѣздахъ конца того же года также указывалось на „козацкое своевольство", лишь притаившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ[4]). Однако болѣе солидная часть козачества сама почувствовала, что въ послѣднихъ своихъ выступленіяхъ перешла границу возможнаго при настоящихъ условіяхъ и старалась ослабить произведенное впечатлѣніе усерднымъ подчеркиваніемъ своей лойяльности и пограничныхъ услугъ государству, тѣмъ болѣе, что королевское распоряженіе, запрещавшее

[1]) Исторія Руссовъ с. 39 На связь этого преданія съ легендою о Фаларисѣ указалъ Кулишъ (Ист. возсоед. II с. 147—только нужно принять во вниманіе, что въ украинскихъ сказаніяхъ, вплоть до Исторіи Руссовъ, Наливайка пекутъ *на* мѣдномъ волѣ). Ив. Франко съ своей статьѣ: Наливайко въ мідяному бику (Науковий Збірник присвячений М. Грушевському) старался выяснить отношеніе версіи Исторіи Руссовъ къ аналогичнымъ стариннымъ преданіямъ (Фаларисъ и царь Манасія-Менаше), но могъ только гипотетически высказаться о связи ея съ легендою о Фаларисѣ.

[2]) Актовый матеріалъ объ этихъ конфискаціяхъ въ моихъ „Матеріалах до історії козацьких рухів."

[3]) Архивъ Ю. З. Р. III I № 38, см. выше.

[4]) Жерела VIII № 67.

всякія сношенія съ Низомъ, не осталось безъ послѣдствій, въ видѣ разныхъ затрудненій и препятствій въ доставкѣ припасовъ, въ передвиженіяхъ съ Низу на волость и съ волости на Низъ, въ проживаніи на волости козацкихъ семей. Козацкая переписка 1596—1601 гг., до самой реабилитаціи козачества, полна жалобъ и всяческихъ ходатайствъ о прекращеніи этихъ преслѣдованій и препятствій, и этимъ объясняется горячее желаніе болѣе солидныхъ элементовъ козачества примириться съ правительствомъ, а для этого—снискать его расположеніе своею лойяльностью.

Въ такомъ лойяльномъ настроеніи поддерживали козачество и его „пріятели", сдѣлавшіе своею спеціальностью и сферою всяческихъ заслугъ передъ правительствомъ „козацкую политику", и въ своихъ интересахъ старавшіеся тоже легализировать положеніе козачества. Такъ уже отъ іюля 1596 г. имѣемъ письмо Якуба Претвича, стараго комиссара по козацкимъ дѣламъ и „доброжелательнаго пріятеля" козацкаго, какъ онъ подписался на этомъ письмѣ. Пишетъ онъ на Запорожье, очевидно, въ отвѣтъ на какое-то письмо старшаго козацкаго Криштофа Нечковскаго и козаковъ, въ которомъ эти послѣдніе сообщали своему „пріятелю" объ ожидаемомъ крымскомъ походѣ на Венгрію, о какомъ-то „Турченкѣ и дѣвочкахъ", захваченныхъ для Претвича, и просили его заступничества передъ королемъ. Претвичъ увѣдомляетъ, что онъ засвидѣтельствовалъ передъ королемъ лойяльность Запорожцевъ—что они участія въ возстаніи не принимали и теперъ „ведутъ себя пристойно", и король уже заявилъ имъ свое расположеніе. Для лучшаго впечатлѣнія Претвичъ совѣтуетъ какъ можно скорѣе прислать татарскихъ плѣнныхъ, которые могли бы сообщить свѣдѣнія о татарскихъ планахъ, отправить къ королю съ просьбою о милости своихъ депутатовъ, а также написать обоимъ гетманамъ, коронному и польному (Замойскому и Жолкевскому), и обѣщаетъ приложить всѣ старанія у короля въ ихъ интересахъ: „я ужъ этого добьюсь для васъ у короля, будете потомъ меня благодарить: помилуетъ всѣхъ васъ какъ людей рыцарскихъ". Притомъ проситъ упомянутыхъ Турченка и дѣвочекъ придержать для него: онъ поднесетъ ихъ королевѣ (очевидно уже отъ себя, а не отъ козаковъ), а также, если можно, проситъ добыть пару верблюдовъ, должно быть для той же цѣли[1]). Съ своей стороны козац-

[1]) Listy № 55.

кія власти, несомнѣнно, старательно слѣдовали этимъ совѣтамъ и не пренебрегали ничѣмъ, что могло бы возможно лучше зарекомендовать козачество въ правительственныхъ сферахъ и освободить его отъ репрессій, нависшихъ надъ козачествомъ вслѣдствіе послѣднихъ сеймовыхъ постановленій. Отъ іюля того же года имѣемъ удостовѣреніе отъ новаго„ гетмана ИгнатаВасилевича“ и козацкаго войска изъ-подъ Тавани адресованное пограничнымъ шляхтичамъ: они извѣщаютъ, что козацкое войско отправляетъ къ королю своихъ депутатовъ Каспера Подвысоцкаго и Гаврила Рожу съ татарскимъ плѣнникомъ, проситъ не отказывать имъ въ подводахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ „исполняя свою давнюю повинность передъ христіанскимъ народомъ“, увѣдомляютъ о намѣреніяхъ татарской Орды вторгнуться въ коронныя земли и совѣтуютъ соблюдать всяческую осторожность въ виду этого [1]). Результатъ этой депутаціи къ королю намъ неизвѣстенъ—возможно даже, что она и не дошла до короля, такъ какъ все же козаки были „подъ банниціей“. Спустя годъ (1597) имѣемъ новый универсалъ отъ того же Василевича, въ которомъ онъ извѣщаетъ всю пограничную администрацію, что 14 іюня татарская орда вновь появилась надъ Днѣпромъ, съ намѣреніемъ переправиться, и весьма вѣроятно, что она двинется въ коронныя земли, поэтому администраціи слѣдуетъ предупредить населеніе, не ожидая новыхъ вѣстей отъ козаковъ [2]).

Такимъ образомъ козаки усердно подчеркивали свою службу въ интересахъ безопасности рѣчи посполитой. За свою борьбу противъ Татаръ они въ эти годы получали плату изъ Москвы—„казну отъ вел. кн. московскаго“ [3]), и одновременно афишировали ее передъ польскими кругами, какъ заслугу передъ польскимъ правительствомъ. Дѣйствительно, эта козацкая стража на южныхъ границахъ, стала уже настолько необходимою для рѣчи посполитой, что безъ нея послѣдняя не могла обойтись, и особенно въ этотъ моментъ фактически оставшись безъ войска (такъ какъ ея войска все еще бастовали вслѣдствіе неуплаты жалованія),—должна была особенно цѣнить козацкую службу. Поэтому, когда коронный гетманъ Замойскій осенью 1597 г., въ отвѣтъ на какія-то козацкія посольства или письма, вознамѣрился отвѣ-

---

[1]) Ркп. библ. орд. Замойскаго.

[2]) Издано въ Кіевской Старинѣ 1893, X с. 158.

[3]) Указанія въ письмѣ Байбузы—Listy № 60.

тить суровымъ письмомъ, все еще трактуя козаковъ, какъ осужденныхъ сеймомъ бунтовщиковъ, польный гетманъ Жолкевскій, которому Замойскій переслалъ это письмо, рѣшительно воспротивился такому отношенію [1]). По его мнѣнію ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало раздражать козаковъ, такъ какъ ихъ служба можетъ быть нужна при случаѣ, и онъ поэтому не отослалъ имъ этого письма. Дѣйствительно, лѣтомъ 1597 г. Татары во время своего перехода задѣли Подольскія земли, а ихъ участіе въ венгерской войнѣ грозило въ будущемъ всяческими сюрпризами [2]); въ виду этого козаки были нужны.

Но въ то время, какъ болѣе солидная часть низового козачества старалась проложить пути къ примиренію съ польскимъ правительствомъ, реабилитаціи козачества и возвращенію ему старыхъ привилегій, ко всему status ante bellum,—элементы, болѣе радикально и непримиримо настроенные, менѣе считавшіеся съ отношеніемъ и взглядами правительства, неохотно сносили эту оппортунистическую политику старшины и порывались свести счеты съ разными участниками кампаніи 1596 г. Расхожденія этихъ двухъ направленій, болѣе и менѣе опозиціонныхъ, представленныхъ въ 1594—6 гг. Низовцами, съ одной стороны, Наливайковцами—съ другой, проявилось теперь весьма рѣзко среди самого низового козачества. Прежде всего, кажется, обнаружилось оно въ походахъ своевольныхъ элементовъ на турецкія земли, на Бѣлгородъ и его окрестности [3]): оппортунисты, по ихъ словамъ, избѣгали столкновеній съ Турками, чтобъ не причинять затрудненій Коронѣ [4]). Потомъ, лѣтомъ 1598 г. дѣло дошло до рѣзкихъ конфликтовъ среди козаковъ, извѣстныхъ намъ изъ реляцій тогдашняго запорожскаго гетмана Тихона Байбузы [5]), стоявшаго

---

[1]) Listy № 58; Жолкевскій выступилъ особенно противъ одного мѣста въ письмѣ Замойскаго, гдѣ послѣдній требовалъ, чтобы козаки дали доказательства своей лойяльности; Ж. высказалъ опасеніе, какъ бы козаки thego pytania iako chłopstwo grube w żarth sobie nie obraczali y nie wzdrzasznęli sie, но это замѣчаніе сдѣлано вѣроятно больше для формы, а главнымъ образомъ Ж. считалъ неумѣстнымъ суровый тонъ письма Замойскаго—więcz odrazac ich y inwidią sobie bez przyczyny czynicz zwłascza ze y tych czaszu przypadłey Rptey potreby mogłby przedsię zażycz.

[2]) Archiwum Sapiehów № 184 и 185.

[3]) Объ нихъ узнаемъ изъ письма султана отъ осени 1597 г.—Жерела VIII № 68. [4]) Ср. письмо Байбузы, Listy с. 88.

[5]) Одна изъ нихъ, отъ 15/XI (болѣе обширная) издана—Listy № 60, другая—13 4/X—въ ркп. библ. Замойскихъ.

во главѣ партіи умѣренныхъ—какъ и подобало представителю почтеннаго землевладѣльческаго рода[1]). По его словамъ, разрывъ произошелъ въ то время, когда козаки двинулись вслѣдъ за Татарами, отправившимися снова въ Венгрію, приблизительно въ первой половинѣ іюня[2]).

„Узнавъ, пишетъ Байбуза, что крымскій царь двинулся на Венгрію, мы помня, что мы люди рыцарскіе, и не желая лежать на одномъ мѣстѣ, рѣшили постараться, насколько хватитъ возможности, преградить путь этому непріятелю въ какомъ нибудь тѣсномъ мѣстѣ и разбить его, и тѣмъ послужить королю и рѣчипосполитой, и остановились на этомъ всѣ единодушно, особенно атаманы. Выгреблись мы на волость, держась королевскихъ городовъ, и шли, не причиняя никакихъ насилій ни потерь, постановивъ между собою не допускать никакого ущерба. Но нѣкоторые товарищи, увидавъ что мы держимся скромно и имъ не позволяемъ никакого своевольства, оставили наше войско и, бѣжавъ на Днѣпръ, пришли въ оставленный нами „кошъ“, выбрали своимъ старшимъ Полоуса, забрали и разграбили наши лодки, наши „борошна“, нашу казну, присланную намъ отъ вел. князя. Причинивъ намъ такія потери, они затѣмъ отправились со своимъ полкомъ къ морю и тамъ захватили турецкое мѣстечко. А мы, не будучи въ состояніи догнать царя и его войско, повернули отъ Днѣстра назадъ,

---

[1]) Отецъ Тихона, Михайло Грибуновичъ Байбуза, былъ владѣльцемъ посульскихъ земель, доставшихся ему въ наслѣдство послѣ кн. Глинскихъ, но ихъ отобралъ у него черкасскій староста Александръ Вишневецкій,—взамѣнъ онъ выхлопоталъ Байбузамъ королевское пожалованіе на земли въ бассейнѣ Псла, но они не съумѣли реализовать эти права (см. т. VI с. 285—6). Въ подтвержденіи имѣній Михайла Байбузы за его сыновьями Семеномъ и Тихономъ въ 1590 г. указывается на ихъ службу на Украйнѣ „еще з молодости летъ своихъ“ (Чтенія кіев. XIV с. 98). Въ козацкомъ войскѣ Байбузы до этого времени не встрѣчаемъ—если не отожествлять съ нимъ упоминанія о какомъ-то Тихнѣ въ 1594 г. (Listy с. 49).

[2]) Слова реляціи przeszłego liata (Listy с. 88) понимаютъ такъ, что тутъ идетъ рѣчь о событіяхъ предшествовавшаго года, 1597, но слова эти значатъ „минувшаго лѣта“; сравненіе разсказанныхъ здѣсь фактовъ съ другими письмами не оставляетъ сомнѣнія, что здѣсь рѣчь идетъ о событіяхъ 1598 г., и исходный моментъ ихъ, походъ вслѣдъ за Татарами, имѣлъ мѣсто въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года.

стараясь не нарушить покоя рѣчипосполитой и не навлечь гнѣва турецкаго султана на королевскаго посла. Вернувшись въ свои обычныя мѣста и увидѣвъ разграбленнымъ все оставленное нами въ своемъ „кошѣ“, мы обрушились на этихъ людей, измѣнившихъ нашему войску и выдавшихъ его передъ лицемъ непріятеля [1]). Мы казнили нѣсколькихъ, дѣйствительно главнѣйшихъ бунтовщиковъ, еще издавна подстрекавшихъ другихъ итти на волость, а потомъ скрывавшихся. Другіе убѣжали, и убѣжавъ, соединились съ Полоусомъ противъ насъ“ [2]).

Въ этой реляціи однако сказано не все. Походъ „черезъ королевскіе города“ въ погоню за Татарами не былъ такимъ невиннымъ въ дѣйствительности. Козаки замышляли походъ на Молдавію и двинулись туда на Брацлавъ и Немировъ, но молдавскій воевода совмѣстно съ украинскими старостами своими полками преградили имъ дорогу; вообще козачество вызвало тогда немалую тревогу на Украинѣ: спѣшили мобилизоватъ противъ нихъ войска. Тогда не пробравшись въ Молдавію здѣсь, козаки повернули по Бугу внизъ и прошли къ Днѣстру, на Ягорлыкъ, чтобы оттуда пройти въ Молдавію, но молдавское войско отразило ихъ. Послѣ этого они отступили, но отправились не на Запорожье, а въ Кіевскія земли. Часть ихъ бросилась на волость Ружинскихъ, вѣроятно сводя съ ними счеты за послѣднюю камнанію; но здѣсь ихъ погромилн. Имѣются извѣстія о нападеніяхъ на полѣсскія области в. кн. Литовскаго (гдѣ въ свое время хозяйничалъ Полоусъ) [3]). Въ другомъ своемъ письмѣ (къ каневскому подстаростѣ) Байбуза обвинялъ во всемъ этомъ Полоуса: „онъ какъ привыкъ въ тѣ недавнія времена вмѣстѣ съ подходящими товарищами—сотниками совершать наѣзды на волости на почтенные шляхетскіе дома, такъ и теперь, по старому обыкновенію, не перестаетъ проливать кровь, и мы, ни въ чемъ неповинные люди, благодаря имъ попали теперь въ бѣду“; „что же касается на-

---

[1]) Подразумѣвается вѣроятно, самовольное бѣгство изъ войска во время похода на Татаръ.

[2]) Listy с. 88.

[3]) О походѣ козаковъ на Молдавію— Archiwum Radziwiłłów с. 134, 136, Listy № 61, неизданныя письма Острожскаго у Жуковича Сеймовая борьба с. 736; о нападеніи козаковъ на имѣнія Ружинскихъ и пораженіи козаковъ подъ Котельнею—Archiw. Radz. с. 138 и въ письмѣ Полоуса—ркп. библ. Замойскихъ

шего выхода, случившагося въ этомъ году, то это они же подбивали выгребаться на волость и насъ на волость вывели, а сами, вернувшись назадъ, наше „борошно“ и казну нашу заслуженную разграбили“, и т. д. [1]). Въ свою очередь Полоусъ, прося для своихъ сторонниковъ свободнаго пропуска на Низъ, главными виновниками представлялъ Байбузовцевъ—ихъ, молъ, дѣломъ были своевольства на волости и нападенiе на имѣнiя кн. Ружинскаго [2]). Возможно, что Байбузовцы не были безгрѣшными въ послѣднихъ своевольствахъ, и расколъ, начавшiйся среди козаковъ, произошелъ не изъ-за однихъ лишь политическихъ мотивовъ—разницы тактики по отношенiю къ правительству, оппортунистической у Байбузовцевъ, непримиримой у Полоусовцевъ. Но что въ концѣ концовъ обѣ партiи, разойдясь, заняли различныя позицiи въ этомъ смыслѣ по отношенiю къ правительству, это очевидно.

Среди козаковъ разразилась настоящая междоусобная война. Позоръ и униженiе солоницкой кампанiи, кровавый терроръ и преслѣдованiе властей, и вызванное ими раздраженiе прорвались

---

[1]) Ркп. библ. Замойскихъ.

[2]) Въ письмѣ, лишенномъ даты, написанномъ, очевидно, осенью 1598 г., „Полоусъ рекомендуетъ украинской администрацiи своихъ товарищей (которые должны были притти къ нему съ волости), что „они не присоединились къ тѣмъ своевольникамъ, которые возстали противъ короля нашего и е. м. князя Кирика Ружинскаго и хотѣли воевать съ ними, а спустившись по Днѣпру на Низъ, обобрали и ограбили нашихъ товарищей, направлявшихся въ ваши края, обвиняя ихъ въ томъ, что тѣ не возстали вмѣстѣ съ ними противъ е. корол. милости и не воевали съ княземъ Ружинскимъ. Такъ измѣнивъ королю и рѣчипосполитой и надѣлавъ всякихъ беззаконiй на волости, отправились затѣмъ къ намъ на Запорожье. Здѣсь пользуясь нашимъ отсутствiемъ, разграбили и разобрали наше имущество въ куреняхъ, а нашихъ товарищей, не бывшихъ на волости, т. е. не принявшихъ съ ними участiе въ ихъ мятежническомъ походѣ на волость противъ короля и рѣчипосполитой и оставленныхъ нами при уходѣ въ куреняхъ,—схватили и убили и готовили тоже самое и намъ, чего имъ, Боже, не допусти“. Ркп. библ. Замойскихъ. Что Байбузовцы были скомпрометированы „на волости“, видно изъ ихъ осторожныхъ оправданiй, что собственно ихъ взбунтовали Полоусовцы. Это наводитъ на мысль, что расколъ между козаками произошелъ первоначально не на почвѣ лойяльности, и между сторонниками Байбузы, который, дѣйствительно, потомъ является представителемъ оппортунистической политики, оказались „своевольники“ не хуже Полоусовцевъ.

въ жестокой усобицѣ въ которой козачество, раздѣлившись на два лагеря, въ безсильной злобѣ губило само себя.

Байбузовцы заставъ въ лагерѣ Полоусовцевъ, вступили съ ними въ настоящую битву и, будучи въ большинствѣ (такъ какъ значительная часть Полоусовцевъ ушла къ морю)—разгромили ихъ. Одни были убиты, другіе убѣжали къ Полоусу, какъ сообщаетъ Байбуза. Козаки разсказывали кн. Ружинскому, что это была кровавая битва, въ которой легло нѣсколько сотъ козаковъ, между ними Метла, участвовавшій въ походѣ на волость, а другой предводитель козацкихъ наѣздовъ Гедройтъ (вѣроятно, Флоріанъ Гедройцъ, бывшій агентъ епископа Терлецкаго, участникъ волынскихъ наѣздовъ 1596 г.) былъ взятъ въ плѣнъ. Байбузовцы остались въ лагерѣ, Полоусовцы пришли на Низъ Днѣпра, подъ Бургунь, и оттуда вели партизанскую войну со своими противниками. Когда Байбуза отправилъ эсаула Скалозуба съ коннымъ отрядомъ, съ 120 козаками, на развѣдки, чтобы добыть татарскихъ „языковъ", Полоусъ ночью неожиданно напалъ на него и разбилъ: „среди нихъ находилось нѣсколько десятковъ почтенныхъ шляхичей, людей извѣстныхъ, и они всѣхъ ихъ убили", жаловался Байбуза. Полоусъ переловилъ и перебилъ ихъ пословъ, стражу, стоявшую на перевозахъ; „нашихъ товарищей, шедшихъ къ намъ съ „борошномъ", перехватывали, однихъ убивали, другихъ брали подъ стражу, „борошно" отбирали"[1]); снова захватилъ московскую казну, направлявшуюся въ Сѣчь—перехватилъ ее въ дорогѣ и забралъ.

Одновременно и тѣ, и другіе обращались къ пограничной администраціи и магнатамъ, стараясь привлечь ихъ на свою сторону, и представляя своихъ противниковъ бунтовщиками, пытались на нихъ обратить репрессіи администраціи, а себѣ обезпечить ея нейтральность и свободное сообщеніе съ „волостью". Имѣется письмо Байбузы (къ каневскому старостѣ, отъ первыхъ чиселъ октября, въ которомъ онъ старается побудить его къ репрессіямъ противъ Полоусовцевъ; мѣсяцъ спустя—письмо гетману Жолкевскому, гдѣ Байбуза оправдывается отъ обвиненій, возводимыхъ на него Полоусомъ, описываетъ грѣхи Полоуса[2])

---

[1]) Listy c. 88—9, ркп. библ. Замойскаго (здѣсь разсказъ о разгромѣ Скалозуба, писанный 4/X 1598: о второмъ погромѣ здѣсь еще не говорится).

[2]) Iakoz bogu y liudziom dawno iest winien Połous, y to w. m nasz m. pan raczysz wiedzieć, iako ot Lobody odstąpiwszy w wierzch

и проситъ совѣта и помощи для обузданія Полоусовцевъ: проситъ прислать комиссара для разслѣдованія ихъ преступленій, иначе грозитъ войной и кровопролитіемъ, „которое и поганину доставитъ удовольствіе". Изъ подъ пера Байбузы же, очевидно, вышли весьма характерные пункты, пересланные, судя по титулу, коронному гетману, около того же времени (быть можетъ немного позже), гдѣ онъ проситъ не только прислать комиссара для суда надъ его противниками, но и назначить старшаго кого либо изъ зажиточныхъ шляхтичей, и пожалованія „знака милостивой ласки е. к. милости", знамени—„какъ мы имѣли передъ тѣмъ знамя пок. короля Стефана, и теперь просимъ", а для лучшаго впечатлѣнія козаки посылаютъ гетману въ подарокъ двѣ пушки, а гетманшѣ обѣщаютъ „пару дѣвушекъ или мальчиковъ (очевидно изъ невольниковъ), или что ея милость изволитъ пожелать [1]). Съ другой стороны, имѣется, какъ я уже упоминалъ, письмо Полоуса украинскимъ старостамъ и подстаростамъ, гдѣ онъ изображаетъ бунтовщиками Байбузовцевъ и грозитъ рѣшительной войной съ ними [2]). Наконецъ дѣлится извѣстіями, привезенными ему съ Низу козаками, кн. Ружинскій: козаки (очевидно Байбузовской партіи) просятъ помощи противъ своевольниковъ, желаютъ, чтобы король отъ себя далъ имъ гетмана и позволилъ вывезти изъ Запорожья „армату"—пушки и гаковницы, которыхъ тамъ больше сотни, „такъ какъ замѣчаютъ, что своевольство усилилось съ тѣхъ поръ, какъ армата перешла за пороги" [3]).

Козачество готово было втягивать въ свои междоусобія правительство и предоставляло ему рѣшающее участіе въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ на Запорожьѣ. Байбузовцы, очевидно, не надѣялись справиться съ Полоусовцами своими силами, послѣдніе тѣмъ меньше, и они готовы были принять старшаго отъ правительства, отдать подъ его власть свою армату, ограничить свою автономію, лишь бы только съ помощью правительства

Dnierpa poszedł, tamze polkiem swym chodził, stacyi wybirał y naiazdy na domy szlacheckie czynił.

[1]) Рукоп. библ. Замойскихъ—подлинникъ, но безъ подписи и даты; адресъ: „ясновельможному нашому милостивому пану" указывалъ бы на Замойскаго, но адресатомъ можетъ быть и Жолкевскій; сходство содержанія съ письмомъ Байбузы отъ 15/XI 1598 показываетъ, что письмо вышло отъ него.

[2]) Listy № 60, ркп. библ. Замойскихъ.

[3]) Listy № 59.

побѣдить противную партію [1]). Правда, они могли предполагать, что власть такого правительственнаго гетмана будетъ реальна лишь до тѣхъ поръ, пока сами козаки будутъ допускать это.

Но правительство, очевидно, считало лучшимъ не вмѣшиваться въ эту междуусобную войну. „Пусть лучше они одни между собою погрызутся, на будущее время, можетъ быть, лучшая служба отъ нихъ будетъ королю и рѣчипосполитой“, писалъ Ружинскій, передавая эти запорожскія новости своему корреспонденту, каменецкому старостѣ, и очевидно такого же взгляда держался и Жолкевскій, котораго Байбуза напрасно старался втянуть въ эти козацкія усобицы.

Переписка прерывается на этихъ письмахъ, и намъ неизвѣстно, какое направленіе приняли затѣмъ эти отношенія среди низового козачества. Однако, расколъ не затянулся надолго: радость шляхетскихъ противниковъ козачества должна была скоро разсѣяться. Вскорѣ послѣ этого, во время событій 1600 г., козачество вновь выступаетъ передъ нами какъ единое сплоченное цѣлое. Усобица должна была прекратиться еще скорѣе, судя по тому, что 1599 г. былъ уже полонъ козацкихъ походовъ на турецкія земли: былъ какой-то морской походъ, надѣлавшій много бѣдъ Туркамъ, козаки ходили на помощь валашскому воеводѣ Михаилу, вышедшему изъ повиновенія Туркамъ и осенью 1599 г. занявшему Трансильванію, вѣроятно тоже не безъ участія козаковъ [2]). Во главѣ козачества оказался достойный вождь Самойло Кишка—герой одной изъ наиболѣе прославленныхъ козацкихъ думъ, воспѣвшей его неволю у Турокъ и счастливое бѣгство изъ нея (эпизодъ неизвѣстный намъ изъ другихъ источниковъ) [3]), но не сохранившей памяти о его политическихъ за-

---

[1]) Въ вышеупомянутыхъ пунктахъ читаемъ: A isz bes starszego nam trudno, prosiemy o takiego, ktory by był slachcicem maiętnym i ktory by o nasze krzywdy się mocno ujął; kniaz Domanta iest dobrze osiadlem slachcicem, o togo prosimy; niech będzie nad wszistkiemi nami starszy, przy temze i chorągiew кro. i. m. będzie; a my iako nanissi sluzebnicy i. k. m y rp. za namnieszem roskazaniem i. k. m. y w. m. pp. hetmanow gotowismy sluzycz na kozdą potrzebą. [2]) Жерела VIII № 70.

[3]) Самая большая по размѣрамъ и выдающаяся по своимъ поэтическимъ достоинствамъ дума эта въ своей общеизвѣстной редакціи описываетъ освобожденіе Кишки изъ турецкаго плѣна послѣ

слугахъ передъ козачествомъ. Представитель болѣе умѣренной части козачества, какъ и его предшественникъ Байбуза—какъ и

54-хъ лѣтняго пребыванія въ немъ. Позже записанный варіантъ кобзаря Крюковскаго (К. Стар. 1882, XII и снова въ 1904, II, изъ записей Мартыновича) разсказываетъ, хотя и очень блѣдно и отрывочно плѣненіе Кишки Турками. Прежніе изслѣдователи допускали, что этотъ плѣнъ имѣлъ мѣсто до извѣстной намъ исторической дѣятельности Кишки, въ первыхъ годахъ XVII ст.; они указывали на то, что у Величка, въ письмѣ Сирка упоминается морской походъ Кишки передъ 1575 г. (II с. 380) и слѣдуя ему, предполагали, что за этимъ походомъ наступилъ долгій плѣнъ Кишки (Антоновичъ и Драгомановъ с. 227),—хотя письмо Сирка несомнѣнный апокрифъ и дата его не имѣетъ никакого значенія. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя Антоновичъ встрѣтилъ итальянскій разсказъ 1643 г. о томъ, какъ украинскіе невольники захватили галеру и освободились изъ плѣна; въ этомъ разсказѣ былъ признанъ историческій прототипъ думы, и на этомъ основаніи Науменко въ своемъ изслѣдованіи о думѣ перенесъ плѣнъ Кишки уже на 1620 г., какъ датировалъ его Величко, хотя Величко съ Цецорской битвой связалъ этотъ эпизодъ по догадкѣ, и вообще плѣнъ Кишки въ лѣтописную традицію вошелъ изъ тойже думы. Въ 1894 г. прибавилось еще одно документальное извѣстіе--челобитная главнаго героя тойже невольницкой эпопеи, калужскаго стрѣльца Ивана Семеновича Мошкина царю о жалованьи. Она была издана въ Чтеніяхъ московскихъ, и давая отчетъ о нихъ въ львовскихъ Запискахъ (т. VII с. 22) я указалъ на связь ея съ темой думы, а Антоновичъ, издавая ее вмѣстѣ съ итальянскимъ мемуаромъ въ II т. Мемуаровъ къ ист. Южной Руси, высказалъ взглядъ, что событіе 1643 г. въ думѣ было скомбинировано съ традиціей о неволѣ и освобожденіи Кишки, имѣвшей мѣсто въ XVI в., предъ его гетманствомъ, когда жилъ и Скалозубъ, упомянутый въ думѣ. Какъ гипотеза, эта мысль объ аналогичной традиціи о Кишкѣ, скомбинированной затѣмъ съ болѣе новымъ эпизодомъ 1643 г., можетъ быть принята. Но въ концѣ концовъ и эта наиболѣе богатая историческими деталями дума даетъ намъ лишь новый примѣръ вполнѣ механической связи историческихъ именъ того времени съ темами пѣсенъ. Дума въ своихъ деталяхъ имѣетъ много общаго съ разсказами объ эпизодѣ 1643 г. и нельзя сомнѣваться, что она описываетъ именно этотъ эпизодъ. Кишка къ нему причастенъ не былъ, къ тому времени его навѣрное уже давно не было въ живыхъ. А между тѣмъ какими то невѣдомыми путями дума притягиваетъ его имя и дѣлаетъ героемъ событія, въ которомъ онъ не участвовалъ, характеризуетъ совершенно чуждыми ему подробностями, и т. д. Въ концѣ концовъ и здѣсь оказывается лишь бытовая картина съ механически притянутымъ, по общности мотивовъ, историческимъ именемъ, какъ и въ другихъ пѣсняхъ этого періода—см. выше с. 164.

онъ представитель украинскаго шляхетскаго козачества (вѣроятно, изъ рода брацлавскихъ Кошекъ или Кощичей), онъ съумѣлъ подчинить своей власти и руководству все козачество и удержать его въ границахъ лойяльности по отношенію къ правительству въ рѣшительный моментъ, когда этой сравнительно недолгой лойяльностью можно было вернуть утраченныя привилегіи козацкаго сословія.

Воевода Михаилъ затронулъ чувствительную струну польскаго правительства, а особенно стараго гетмана Замойскаго, послѣ своихъ успѣховъ въ Трансильваніи поднявъ руку на польскаго вассала—молдавскаго господаря. Весной 1600 г. Михаилъ двинулся на Молдавію, расчитывая и ее присоединить къ своимъ владѣніямъ. Съ точки зрѣнія Польши образованіе такого значительнаго политическаго организма въ качествѣ буфера между Турціею и польскими землями могло считаться желательнымъ. Но молдавскій господарь Могила считался польскимъ вассаломъ, возведеніе его на молдавское господарство гетманъ Замойскій считалъ своею заслугою, и польское правительство рѣшило защищать Молдавію отъ претензій Михаила. Весною 1600 г. начинается спѣшная мобилизація силъ для этой кампаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко мѣняются и отношенія польскаго правительства къ козачеству: въ виду отсутствія готовыхъ силъ для этой кампаніи ему чрезвычайно важно было привлечь къ участію въ этой войнѣ козаковъ, и какъ прежде оно очень холодно встрѣчало всѣ заискиванія со стороны козаковъ, такъ теперь начинаетъ со всѣхъ сторонъ бомбардировать ихъ призывами къ участію въ этой войнѣ. Но видя столь рѣзкую перемѣну въ правительственныхъ настроеніяхъ, измѣняетъ свою тактику и козачество. Если раньше оно всячески заискивало передъ правительствомъ, то теперь, зная себѣ цѣну, не спѣшитъ дешево продавать свою службу. Въ качествѣ своего условія оно выставляетъ требованіе полной реабилитаціи, возвращенія и подтвержденія всѣхъ правъ и привилегій козацкихъ, status ante bellum.

Первое извѣстіе объ этихъ переговорахъ имѣется въ письмѣ Жолкевскаго. Спѣшно идя подъ Хотинъ, гдѣ заперся Могила, разбитый войскомъ Михаила, Жолкевскій отправляетъ письма къ Низовцамъ, на Днѣпръ и на Бугъ „ку Пробитому“, уговаривая ихъ порвать свои отношенія съ Михаиломъ и послужить королю и рѣчи посполитой противъ него, такъ какъ онъ, дѣлая видъ будто бы намѣренъ воевать съ погаными, въ дѣйствитель-

ности проливаетъ кровь христіанскую [1]). Это имѣло мѣсто въ послѣднихъ числахъ мая. Гетманъ Замойскій, такъ непривѣтливо отнесшійся къ заискиваніямъ со стороны козачества два года тому назадъ, теперь тоже отправилъ письмо запорожскому войску, приглашая его какъ можно скорѣе спѣшить въ Молдавію, къ Жолкевскому, у котораго имѣется для нихъ и готовый „упоминокъ“ [2]). Но козаки не спѣшили откликнуться на эти призывы, не льстились и на обѣщанный „упоминокъ“, и „стояли на своихъ обычныхъ мѣстахъ за Порогами, не двигаясь никуда и не ходя ни за какою добычею, ждали милости его кор. милости и рѣчи посполитой, и будучи готовы, ожидали воли и приказа королевскаго“. Дождались и того, что самъ король прислалъ имъ грамоту съ призывомъ къ походу, и всетаки ограничились только общими фразами о своей готовности итти въ походъ,—но „подъ извѣстными справедливыми и необходимыми для нихъ кондиціями“ [3]). Правительству на этотъ разъ не терпѣлось, но козаки не имѣли причины спѣшить, и они ждали, пока температура поднимется до надлежащей высоты. Въ правительственныхъ кругахъ вспомнили уже и объ Оришовскомъ, обратились къ его посредничеству, чтобы онъ уговорилъ козаковъ. Въ іюнѣ гетманъ Замойскій посылаетъ къ нимъ Оришовскаго съ письмомъ, въ которомъ указываетъ, какой драгоцѣнный случай представляется козакамъ: теперь они могутъ заслужить милость королевскую и рѣчи посполитой,—нужно только спѣшить въ Молдавію. Король также прислалъ своего дворянина, Стан. Сѣраковскаго съ новымъ письмомъ и устными порученіями, приглашая козаковъ къ походу. Тогда козаки выступили со своимъ ультиматумомъ. Имѣются два письма ихъ, написанныя въ одинъ и тотъ же день 1 іюля, одно—королю отъ старшаго, Самойла Кишки со старшиною и войскомъ, другое Замойскому—непосредственно отъ войска [4]). Въ нихъ войско выставляетъ тѣ условія, на которыхъ оно готово явиться на службу—въ обоихъ письмахъ въ выраженіяхъ сходныхъ почти буквально, и сверхъ того проситъ лишь у гетмана его ходатайства передъ королемъ. Вотъ эти козацкія условія:

Во первыхъ—должна быть отмѣнена „баниція“, наложенная на козаковъ б е з о в с я к о й в и н ы съ ихъ стороны.

---

[1]) Listy № 71. [2]) Ibid. № 72.

[3]) Жерела VIII № 72, ср. Listy № 72.

[4]) Первое—въ Жерелахъ VIII № 72, второе—Listy № 72.

Во вторыхъ—вольности, которыми безпрепятственно пользовались ихъ предки, почитая пожалованія покойнаго короля Стефана,—должны быть возвращены и милостиво конфирмованы имъ.

Въ третьихъ—должны быть запрещены невыносимыя злоупотребленія, которыя терпятъ сами козаки и ихъ товарищи отъ державцевъ королевскихъ имѣній, украинскихъ старостъ и подстаростъ,—убійства и безчеловѣчные поступки, безо всякой причины и вины, а также и разныя утѣсненія въ своемъ имуществѣ, которое они добыли кровавымъ потомъ, не жалѣя жизни, саблею у враговъ св. креста—такъ какъ и имъ не даютъ спокойно пользоваться.

Въ отвѣтъ на обѣщаніе „упоминка" козаки заявляютъ гетману, что имъ трудно итти за нимъ такъ далеко, къ самому Жолкевскому, они—„лишены всякаго имущества и не имѣютъ возможности снарядиться въ походъ, поэтому просятъ, чтобы упомянутый королевскій „упоминокъ" былъ присланъ къ нимъ на мѣсто, на Днѣпръ. Затѣмъ не удовлетворяясь имъ, они просятъ и короля, и Замойскаго о назначеніи имъ регулярнаго жалованія, какое было назначено ихъ предшественникамъ. Кромѣ того, просятъ себѣ „знака", „т. е. знамени его королевской милости, чтобы они могли ходить подъ этимъ знакомъ и быть вѣдомы, какъ слуги его кор. милости".

Съ такими условіями были посланы къ королю депутаты—Родкевичъ и Онопрій, при чемъ козаки обѣщали двинуться въ походъ, не ожидая отвѣта на свои условія—полагаясь на ихъ удовлетвореніе. Оришовскій остался съ ними, чтобы своими настояніями поддержать ихъ въ этомъ благомъ намѣреніи. 16-го іюля козаки двинулись изъ Запорожья, „стараясь угодить волѣ и наказу его кор. милости". Сохранилось письмо отъ Оришовскаго, Кишки и всего Запорожскаго войска, писанное въ Бѣлобережьи, „въ шести миляхъ ниже Черкасъ", 1 августа, адресованное Жолкевскому, вѣроятно, въ отвѣтъ на его новыя понаряливанія. Здѣсь очень ярко описана та необычайная энергія, какую вкладывали Запорожцы въ этотъ походъ, желая угодить королю. „Двигаясь противъ теченія и имѣя противный вѣтеръ, мы принуждены были чуть ли не на каждомъ порогѣ тянуть морскія лодки по берегу черезъ скалы, взявшись человѣкъ двѣсти—триста за канаты; у нѣкоторыхъ кровавый потъ со лба падалъ обильно—но все это терпѣли мы, лишь бы угодить во-

лѣ и наказу его кор. мил. и добиться милости государя своего и вашей. Въ первое воскресенье отъ даты этого письма будемъ, вѣроятно, въ Каневѣ, гдѣ должны будемъ остаться съ недѣлю, пока сойдутся всѣ изъ пограничныхъ городовъ. Дальнѣйшая дорога также отниметъ не мало времени, такъ какъ пойдемъ пѣшкомъ, хотя и будемъ спѣшить день и ночь, беря гдѣ можно, подводы: вѣдь отъ Канева до Каменца 50 миль!" Лично отъ себя Оришовскій засвидѣтельствовалъ великое стараніе и ревность, какую проявляетъ „старшій, панъ Самойло Кишка", чтобъ заслужить королевскую милость себѣ и войску [1]). Несмотря на это, козаки потомъ упрекали Кишку, что онъ недостаточно проявилъ усердія, и даже, какъ сообщаетъ польскій источникъ—подозрѣвая въ союзѣ съ воев. Михайломъ, арестовали его, избравъ на его мѣсто гетманомъ Гаврила Крутневича, а Кишку хотѣли отдать на судъ Замойскому [2]). Но это, вѣроятно, была какая-нибудь партійная вспышка, улаженная потомъ. Позже булава была снова возвращена Кишкѣ.

Въ отвѣтъ на козацкое посольство король прислалъ письмо [3]) съ выраженіемъ признательности козакамъ за ихъ готовность итти въ походъ. Обнадеживалъ, что сдѣлаетъ все возможное, чтобы удовлетворить ихъ желанія на ближайшемъ сеймѣ, разошлетъ указы пограничной администраціи, въ которыхъ будетъ воспрещено чинить какія либо притѣсненія козакамъ, ихъ женамъ, дѣтямъ и имуществу, посылалъ имъ охранныя грамоты [4]). Затѣмъ козаки, прибывъ въ срединѣ сентября въ Молдавію, отправили къ королю новое посольство, по совѣту гетмана Замойскаго, обѣщавшаго съ своей стороны походатайствовать за нихъ передъ королемъ и засвидѣтельствовать ихъ службу. На этотъ разъ въ посольствѣ ѣздили Якубъ Осовскій, Жданъ Серафиновичъ, Петро Одинецъ. Въ петиціи, поданной ими отъ имени новаго старшаго, Крутневича, и всего войска, повторялись просьбы относительно жалованія и ходатайства объ изданіи новыхъ грамотъ украинской администраціи, впредь до формальной отмѣны „баниціи", чтобы не было имъ непріятностей послѣ похода [5]). Король и на этотъ разъ далъ имъ благопріятный отвѣтъ: повторяя, что съ отмѣ-

---

[1]) Listy c. 107.
[2]) Collectanea vitam resque gestas I. Zamojscii illustrantia.
[3]) Датировано 1/VIII— Жерела VIII № 73.
[4]) Жерела VIII № 73.
[5]) Письмо отъ 26 сентября 1600 г. въ ркп. библ. Замойскаго.

ной „баниціи“ и назначеніемъ жалованья нужно подождать сейма, обѣщалъ поручить гетману выплатить козакамъ вторично сумму въ 6 тыс. злотыхъ („упоминокъ“), а старостамъ разослать мандаты, поручая имъ обращаться съ козаками уже не какъ съ врагами государства, а его вѣрными слугами. Обѣщалъ также поручить гетману назначить кого-либо „въ ихъ суды“, что-то въ родѣ прежней должности Бадовскаго: очевидно, козаки домагались этого, чтобы обезпечить себя отъ старостинскихъ судовъ. Вообще король увѣрялъ, что онъ сдѣлаетъ все зависящее отъ него, а во всемъ остальномъ приложитъ всѣ старанія о ich postanowieniu pewnym i gruntownym [1]).

Тѣмъ временемъ кампанія пошла легче, нежели можно было разсчитывать. Прежде еще, чѣмъ Поляки успѣли серьезно приняться за воеводу Михаила, онъ потерпѣлъ большое пораженіе въ Трансильваніи, гдѣ противъ него поднялось венгерское дворянство и разбило его, соединившись съ императорскимъ войскомъ. Поэтому онъ не могъ дать серьезнаго отпора Замойскому. Битва, данная имъ польскому войску подъ Буковымъ, около Плоештъ, была имъ проиграна. Немало способствовало тому и низовое козачество: по словамъ Замойскаго, оно взялось пожертвовать собой, чтобы выбить Румынское войско изъ его позицій, защищенныхъ водою и лѣсомъ, и достигло этого дѣйствительно: подъ непріятельскимъ огнемъ, пушечнымъ и ружейнымъ, козаки брели по болотамъ и водѣ выше пояса, и, ударивъ одновременно съ польскою пѣхотою на вражескія позиціи, выбило оттуда Румынъ [2]). Вообще участіе козаковъ въ кампаніи было весьма цѣнно. Численность ихъ въ точности неизвѣстна, но во всякомъ случаѣ было ихъ не меньше четырехъ тысячъ—на это количество было имъ обѣщано потомъ жалованье [3]), а польскаго войска было семь тысячъ (включая и козацкіе полки, навербованные разными лицами [4]).

Послѣ проигранной битвы Михаилъ долженъ былъ пойти на уступки, и Замойскій считалъ свою миссію оконченной: онъ объвилъ Валахію вассальною провинціею Польши, ея госпо-

---

[1]) Жерела VIII № 74.

[2]) Записка Замойскаго въ Starożytności polskie I с. 107.

[3]) Такъ можно заключить изъ словъ Кишки—письмо у Стороженка с. 320; Замойскій просилъ ихъ выслать впередъ три, или по крайней мѣрѣ двѣ тысячи—Listy с. 74.

[4]) У Гурскаго (см. ниже) с. 256.

даремъ назначилъ Семена Могилу, брата Iереміи, и съ тѣмъ отправился домой [1]). Затѣмъ Могила съ оставшимся при немъ польскимъ войскомъ еще вторично разбилъ Михаила, и такимъ образомъ этотъ эпизодъ былъ исчерпанъ.

Замойскій спѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ этимъ дѣломъ, такъ какъ король призывалъ его въ Польшу въ виду все усиливававшихся осложненій въ шведскихъ отношеніяхъ. Его дядя, регентъ Швеціи Карлъ, обявилъ Сигизмунда лишеннымъ шведскаго престола, завладѣлъ Эстоніею и готовился захватить также и польскую Ливонію. Его войско осенью 1600 г. перешло ливонскую границу и одинъ за другимъ захватывало ливонскіе замки. Необходимо было отправить туда коронное войско, занятое въ Молдавіи, а въ виду его небольшихъ размѣровъ (еще уменьшенныхъ отрядомъ, оставленнымъ для охраны господаря) снова нужно было заручиться помощью козаковъ, по возможности еще въ большихъ размѣрахъ. Въ молдавской кампаніи количество ихъ исчислялось оффиціально въ 4 тысячи, для ливонской Замойскій хотѣлъ имѣть шесть тысячъ [2]). Козаки не отказывались, но напоминали королю и гетману ихъ обѣщанія, что на сеймѣ будутъ удовлетворены ихъ требованія, предложенныя передъ молдавскою войною, какъ conditio sine qua non ихъ службы рѣчи посполитой. Предъ сеймомъ, созваннымъ въ концѣ января 1601 г. для ассигнованія средствъ на ливонскую войну, Самойло Кишка отправилъ письмо съ напоминаніемъ объ этомъ. Имѣется письмо его къ гетману, очень учтивое, даже униженное, по обыкновенію, гдѣ однако весьма рѣшительно напоминаются прошлогоднія обѣщанія: отмѣна баниціи, назначеніе жалованія возвращеніе Терехтемирова. Козаки просятъ также подтвержденія привилегій кор. Стефана, назначенія королевскаго комиссара для охраны отъ злоупотребленій и придирокъ со стороны администраціи и гарантій козацкаго суда. По этимъ вопросамъ отправлена была также депутація къ королю на сеймъ, въ которую входили Иванъ Радкевичъ, Андрей Комишъ „ясаулъ“ и Иванъ Макаровичъ. Чтобы не отвратить королевской милости, козаки, какъ увѣряетъ Кишка, возвращаясь изъ похода, „миновали коронныя волости, чтобы избѣжать людского крика и сни-

---

[1]) Объ этой кампаніи небольшое изслѣдованіе К. Гурскаго Wojna z wojwodą wołoskim w r. 1600-ym (Ateneum, 1892 т. IV).

[2]) Реляція Бартоша Верещинскаго—у Стороженка с. 320.

скать королевскую милость“ и, расположившись на зиму въ бѣлоцерковскихъ и сосѣднихъ земляхъ, „вели себя скромно и спокойно“ [1]).

Такимъ учтивымъ, а главное—такимъ нужнымъ союзникамъ, разумѣется, нельзя было отказать въ ихъ просьбахъ. Сеймъ, собравшійся въ концѣ января, въ значительной мѣрѣ исполнилъ козацкія желанія и королевскія обѣщанія. Въ виду того, что козаки вѣрно и достойно послужили государству въ кампаніи съ воев. Михаиломъ и обѣщали послужить въ новой войнѣ противъ Карла, сеймъ снялъ баницію со всѣхъ, кто приметъ участіе въ предстоящей войнѣ съ Карломъ. Освободилъ ихъ отъ поборовъ „умерщины“, гарантировалъ семьямъ участниковъ похода на все время отсутствія послѣднихъ безопасность отъ всякихъ притѣсненій; обѣщалъ, что Терехтемировъ будетъ войску возвращенъ. Но оговаривалъ, что старосты, а также и помѣщики не лишаются „обычной юридикціи надъ тѣми (козаками), которые будутъ имѣть осѣдлость въ нашихъ имѣніяхъ (королевскихъ) и проживать въ нихъ“. На войнѣ козаки должны будутъ находиться подъ начальствомъ старшаго, назначаемаго имъ короннымъ гетманомъ. Въ заключеніе постановленіе сейма грозитъ, что въ случаѣ, еслибы козаки возобновили свои „преступленія“—„хотя этого не думаемъ о нихъ“;—баниція, наложенная на нихъ раньше, снова войдетъ въ силу [2]).

Такимъ образомъ пожеланія козачества были исполнены только отчасти, и старыя права и привилегіи не были возвращены имъ полностью. Козацкій иммунитетъ не признавался вполнѣ. Обойденъ былъ молчаніемъ вопросъ о жалованьи (оно признавалось молча). Самымъ важнымъ успѣхомъ была формальная отмѣна „баниціи“ и признаніе козачества полноправной организаціей. Тѣмъ самымъ терялъ свою силу приговоръ, постановленный шляхетскою рѣчью посполитою противъ козаковъ въ 1596 г., и отмѣнялись репрессіи, практиковавшіяся по отношенію къ козачеству пограничною администраціею и шляхтою. Это было важнымъ пріобрѣтеніемъ, важною заслугою Кишки—этого

---

[1]) Listy с. 75 (дата ошибочна, вмѣсто 1600 долженъ быть 1601).

[2]) Volum. legum II с. 401.

предшественника Сагайдачнаго и его политики, и этимъ пока могло удовлетвориться козачество. Оно могло вполнѣ надѣяться, что дальнѣйшее развитіе козацкихъ силъ и новая потребность рѣчипосполитой въ козацкомъ войскѣ дадутъ козачеству возможность не только въ дѣйствительности пользоваться фактическими всѣми тѣми правами и привиллегіями, на какія оно претендовало, но шагъ за шагомъ добиваться для нихъ и формальной санкціи правительства.

V.

Восточная Украйна и козачество на порогѣ XVII в. Соціальное значеніе козачества.

Ростъ восточно-украинской колонизаціи и ростъ козачества. Формированье козацкаго сословія, новые элементы въ немъ и новое соціально-политическое значеніе его; строй и бытъ козачества на рубежѣ XVI—XVII вв.

Козацкія войны 1590 г. имѣли важное значеніе не только для развитія украинскихъ отношеній, кое въ чемъ задержавъ, кое въ чемъ ускоривъ общественный процессъ, для котораго ферментомъ служило козачество. Своими сравнительно богатыми данными о козачествѣ на фонѣ украинскихъ отношеній того времени онѣ бросаютъ много свѣта и на развитіе козачества, и на то значеніе и вліяніе, какія оно пріобрѣтало въ соціальныхъ и политическихъ отношеніяхъ восточной Украйны. Поэтому, изложивъ въ предшествующей главѣ внѣшнюю исторію этихъ событій, мы должны еще разъ обратиться къ нимъ, чтобы извлечь изъ нихъ все то, что даютъ они для пониманія соціально-политическихъ отношеній Украины, въ качествѣ показателей этихъ отношеній въ связи съ развитіемъ козачествъ, какъ весьма вліятельнаго и активнаго общественно-политическаго фактора.

Правда, козацкія движенія и войны 1590-хъ годовъ, если разсматривать ихъ въ цѣломъ, производятъ очень хаотическое впечатлѣніе. Они и не были движеніемъ единымъ и цѣльнымъ, а рядомъ конфликтовъ въ разныхъ сферахъ, возникавшихъ въ разныхъ группахъ и теченіяхъ козачества, и только подъ конецъ правительство, рѣшившись уничтожить козачество, своимъ натискомъ консолидировало его: объединило и сосредоточило въ одномъ фокусѣ и козачество и его конфликтъ съ государственнымъ и общественнымъ режимомъ Польши. Специальныя условія этихъ годовъ, особенно безнаказанность, какую встрѣчало коза-

чество въ своихъ эксцессахъ на протяженіи цѣлаго ряда лѣтъ, дали ему возможность разрастись чрезмѣрно, и этотъ гипертрофированный ростъ его далъ толчекъ борьбѣ съ козачествомъ не на животъ, а на смерть, начатой, но не доведенной до конца польскимъ правительствомъ. Въ сущности борьба эта была преждевременной—она лишь опережала позднѣйшій конфликтъ польско-шляхетскаго режима съ народнымъ движеніемъ, нароставшимъ подъ покровомъ козачества. Въ 1590-хъ годахъ ихъ контрастъ еще далеко не опредѣлился, не обострился, и катастрофа 1596 г. была результатомъ стихійнаго взрыва силъ, которыя, не встрѣчая на своемъ пути границъ и препятствій, или вѣрнѣе встрѣчая только слишкомъ слабыя преграды, ломавшіяся при первомъ ихъ напорѣ,—проявили себя черезчуръ сильно и преждевременно, опередивъ, свою, если можно такъ выразиться—программную основу. Поэтому нѣтъ возможности свести эти движенія 1590-хъ годовъ не только къ какой-либо опредѣленной программѣ, но—и къ какимъ-либо опредѣленнымъ мотивамъ. По той же причинѣ и падаетъ такъ рѣзко размахъ козацкой жизни послѣ неудачъ солоницкой кампаніи. Еще не всѣ сознавали цѣль борьбы; не было ясно формулированныхъ требованій, которыя бы требовали борьбы во что бы то ни стало. Но уже и въ этомъ, лишенномъ планомѣрности и не всегда сознательномъ движеніи можно подмѣтить цѣнные симптомы новыхъ направленій и теченій, пожеланій и требованій еще не сформировавшихся, но уже проникавшихъ въ сознаніе, пускавшихъ всходы на нивѣ украинской жизни, полные вѣщаго, глубокаго значенія для будущаго.

Программу въ собственномъ смыслѣ этого слова—программу-minimum даннаго момента раскрываетъ передъ нами соглашеніе козаковъ съ черкасскимъ старостою въ 1593 г.[1]). Она очень скромна. Козаки получаютъ гарантіи свободныхъ сношеній Низа съ украинскими городами, свободной доставки припасовъ на Низъ, свободнаго прихода и выхода съ Низа въ пограничные города, независимо отъ всякихъ постановленій и запрещеній сейма. Съ другой стороны, козаки добиваются, чтобы привилегіи, признанныя за козачествомъ королевскими постановленіями—освобожденіе отъ поборовъ, отъ власти и юрисдикціи администраціи, признавались въ дѣйствительности не только по отношенію къ реестровому козачеству, въ данный моментъ de facto существовав-

[1]) См. выше с. 248—9.

шему, но и ко всему козачеству вообще. Къ этому нужно прибавить еще одно требованіе, тоже на первый взглядъ элементарное и скромное, но на практикѣ приводившее къ очень неудобнымъ выводамъ—это право козацкихъ контингентовъ, за ихъ службу государству и охрану южныхъ границъ, на „приставства", т. е. квартиры и содержаніе въ коронныхъ имѣніяхъ. Этотъ вопросъ выступаетъ со всей остротой въ перепискѣ того времени, вслѣдствіе быстраго возрастанія козацкихъ контингентовъ въ ихъ численности и все новыхъ требованій, предъявляемыхъ ими къ пограничнымъ державцамъ.

Козачество, организовавшееся къ этому времени на Низу уже сильно и прочно, стремилось къ тому, чтобы развернуть свою организацію на „волости", имѣть здѣсь свои признанные органы и представительство—не официальное, установленное правительствомъ, а свое собственное, выборное (вспомнимъ пунктъ соглашенія, гласившій, что козаки на волости будутъ имѣть своихъ старшихъ изъ своей среды, которые будутъ чинить надъ ними судъ—требованія козацкаго самосуда и иммунитета на волости). Въ эту организацію козачество стремится собрать всѣхъ, признающихъ свою принадлежность къ нему, освобождая ихъ отъ всякой иной зависимости и власти. Но насколько это требованіе съ одной стороны было элементарно скромно и само собой понятно, такъ какъ правительство пользовалось же услугами всего козачества для своихъ военныхъ нуждъ и въ свою очередь должно было признать за нимъ во всемъ его составѣ извѣстныя права и привилегіи—настолько въ дѣйствительности оно было чревато весьма серьезными послѣдствіями въ виду необычайнаго роста козачества.

Такова была программа-minimum; существовала ли на ряду съ ней программа-maximum, это остается неяснымъ и, на мой взглядъ, мало вѣроятнымъ. Но при томъ быстромъ ростѣ козачества, какой наблюдается въ концѣ XVI вѣка, осуществленіе и этой минимальной программы вносило коренной переворотъ въ мѣстныя соціально-экономическія отношенія.

На ростъ козачества въ концѣ XVI вѣка оказали вліяніе различныя обстоятельства, и прежде всего само увеличеніе мѣстнаго народонаселенія.

Послѣднія десятилѣтія XVI в. и первыя XVII охарактe-

ризовались необыкновенными успѣхами колонизаціи въ восточной Украинѣ. Стоитъ только сравнить ея населенность въ началѣ XVII в. съ состояніемъ колонизаціи, обрисованнымъ передъ нами люстраціями средины XVI в. Тогда—нѣсколько городскихъ поселеній при замкахъ на всемъ пространствѣ южной части Брацлавскихъ земель, юговосточной и центральной Кіевскихъ и почти всего Заднѣпровья, и внѣ ихъ одни пустынныя пространства, оживленныя только ватагами пришельцевъ, выходившихъ на промыслы въ степные уходы, а въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ замками обрабатываемыя лишь наѣздомъ—мѣщанами и крестьянами, выходившими на работу или самое большее—на рабочую пору въ свои хутора, пасѣки, пашни и готовыми при первой тревогѣ спасаться въ замковыя укрѣпленія. Теперь, къ началу XVII в. физіономія края радикально измѣняется. Улучшеніе условій колонизаціи въ восточной Украинѣ—съ одной стороны, ухудшеніе условій крестьянской жизни и хозяйства въ западной и сѣверной Украинѣ—съ другой, вызываютъ усиленную эмиграцію въ восточно-украинскіе просторы [1]). Ростъ полуосѣдлаго козацкаго уходничества въ степяхъ, заткавшаго ихъ съ теченіемъ времени сѣтью своихъ зимовниковъ и укрѣпленій, появленіе козацкихъ укрѣпленій и гарнизоновъ на Низу, успѣхи партизанской козацкой войны съ Татарами, громкіе походы на нихъ второй половины XVI в.—все это создало иную, гораздо болѣе благопріятную и располагающую атмосферу для осѣдлой колонизаціи восточной Украины. Конечно, до полной безопасности и теперь еще было очень и очень далеко. Какъ мы уже видѣли [2]), хозяйство и теперь приходилось вести подъ неустанною грозою татарскихъ нападеній, по словамъ черкасскаго старосты (не лишеннымъ преувеличенія конечно) въ пограничной полосѣ повторявшимся и

---

[1]) Колонизація восточной Украины въ началѣ XVII в. въ связи съ соціально-экономическими условіями, точно такъ же, какъ и развитіе козачества въ связи съ этими фактами, до сихъ поръ не служила предметомъ спеціальнаго изученія. Литература по исторіи колонизаціи восточной Украины XVI—XVII в. указана выше въ гл. I и въ т. VI с. 285 и сл. и въ прим. 3. Литература соціальныхъ и экономическихъ отношеній въ т. V прим. 3 и 7. Нѣсколько интересныхъ замѣчаній о бытовыхъ условіяхъ козачества этого времени см. у Кулиша Исторія возсоединенія Руси т. II и III, также у Каманина къ вопросу о козачествѣ до Б. Хмельницкаго (Кіевскія Чтенія, VIII, съ сборникомъ документовъ). Болѣе спеціальныя указанія см. ниже. [2]) См. стр. 75 и сл.

по нѣскольку разъ въ недѣлю. Но такимъ безпомощнымъ, какъ раньше, уже не чувствовалъ себя здѣсь осѣдлый хозяинъ. Чрезвычайное же ухудшеніе экономическихъ и соціальныхъ условій крестьянской жизни въ другихъ, лучше защищенныхъ частяхъ Украины—необычайный ростъ крестьянскихъ податей, обремененіе панщиной, захватъ земель—все это заставляло многихъ и многихъ предпочитать полную опасностей жизнь въ восточно-украинскомъ привольѣ безысходному закрѣпощенію въ болѣе безопасныхъ восточныхъ и сѣверныхъ краяхъ.

Изъ украинско-бѣлорусскаго Полѣсья, изъ Побужья и Галиціи, изъ сѣверо-западной Волыни движется масса переселенцевъ на югъ и востокъ. Это главнымъ образомъ крестьяне, также мѣщане изъ мелкихъ мѣстечекъ, не отличавшихся отъ селъ своихъ хозяйственнымъ складомъ. Они двигаются обыкновенно этапами, переходя въ ближайшія окрестности: изъ Галиціи въ Подольскія земли, изъ Побужья на Волынь, въ то время какъ отсюда массы эмигрантовъ — бѣглецовъ перекочевываютъ въ сосѣднія части Брацлавскихъ и Кіевскихъ земель, пока въ концѣ концовъ эта эмиграціонная волна не достигаетъ крайнихъ своихъ границъ—заднѣпровскихъ пустынь. Процессы о выдачѣ крестьянъ—бѣглецовъ, въ большемъ количествѣ встрѣчающіеся въ тогдашнихъ актахъ гродскихъ и трибунальскихъ судовъ, даютъ приблизительное представленіе если не о размѣрахъ, то о направленіи этой массовой эмиграціи [1]). Такъ какъ большая часть

[1]) До сихъ поръ, къ сожалѣнію, не имѣемъ детальныхъ изслѣдованій объ этой эмиграціи; изслѣдованіе къ тому же затрудняется тѣмъ, что изъ актовыхъ книгъ наиболѣе интересныхъ въ этомъ отношеніи судовъ—житомирскаго, кіевскаго, брацлавскаго, сохранилось очень немного. Яблоновскій въ своей монографіи объ украинской колонизаціи (Źródła XXII с. 128 и дальше) собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ процессовъ трибунальскихъ, но, къ сожалѣнію, обработалъ ихъ въ довольно неудобной для пользованія формѣ. Всетаки приведемъ нѣсколько данныхъ для иллюстраціи этого движенія. Въ Котелянской волости Ружинскихъ (южная часть Житомирскихъ земель) оказываются бѣглые изъ имѣній корецкихъ, полонскихъ, заславскихъ; въ Чудновѣ, Коднѣ, Слободищахъ (тамъ же)—бѣглые изъ земель полѣсскихъ и изъ имѣній кременецкихъ; въ Ружинѣ и Бѣлиловкѣ (тамъ-же) изъ Побужья и зап. части Подольскихъ земель; бѣглые изъ Подольскихъ земель оказываются въ восточной части Брацлавскихъ—въ Пиковѣ, Немировѣ, Красномъ, Погребищахъ, Липовцѣ, Дашовѣ и ихъ волостяхъ; рѣже встрѣчаются переселенія сюда изъ Галиціи и Побужья, но и

эмигрантовъ исчезала для своихъ бывшихъ господъ безслѣдно, и, не зная, гдѣ поселились бѣглецы, помѣщики не могли начать процессъ съ ихъ новыми владѣльцами, то статистика движенія ускользаетъ отъ насъ, но о величинѣ этой эмиграціонной волны даютъ представленіе перемѣны въ населенности восточной Украины, являющіяся результатомъ этого эмиграціоннаго движенія.

Въ серединѣ XVI в. къ юго-востоку отъ линіи Кіевъ—Браџлавъ вовсе не было постоянныхъ поселеній, за исключеніемъ нѣсколькихъ (всего трехъ!) правительственныхъ замковъ. Въ концѣ первой четверти XVII в. города и мѣстечки считаются здѣсь уже десятками, а села даже сотнями. Такъ въ Бѣлоцерковскомъ староствѣ, гдѣ въ серединѣ XVI в. не было ничего, за исключеніемъ ново-построеннаго замка, люстрація указываетъ 36 „селъ или хуторовъ", принадлежащихъ къ Бѣлоцерковскому старостgу, 9 такихъ же поселеній на городскихъ земляхъ, десятокъ селъ въ шляхетскомъ владѣніи, кромѣ того въ Романовскомъ „ключѣ" 5 селъ и цѣлый рядъ городовъ и мѣстечекъ: Таборовка, Трилисы, Гуляники, Сквира [1]). На Раставицѣ три

такіе факты въ процессахъ встрѣчаются, а еще чаще должны были быть въ жизни: такъ въ Тивровѣ, Браиловѣ, Красномъ, Бортниковцахъ (въ Браџлавскихъ земляхъ) оказались бѣглецы изъ земли Галицкой, въ Рогознѣ—изъ Подляшья; точно такъ же въ Коднѣ—бѣглецы изъ Баворова; въ Турчинѣ (Житом. у.) изъ Володавской волости, изъ Белзкой земли—въ Бѣлиловкѣ. Бѣглецы изъ верхняго Побужья (Багриновцы, Маркушевцы, Коморовцы) оказываются въ Корсунѣ, Стеблевѣ, даже Золотоношѣ, изъ Мозырскихъ земель—въ Чигиринѣ, Переяславлѣ, Жовнинѣ. За Днѣпръ идутъ переселенцы больше всего изъ восточной и южной части Кіевскихъ земель, ища болѣе отдаленныхъ и безопасныхъ отъ помѣщичьихъ претензій краевъ ввиду надвигавшагося на нихъ фольварочного помѣщичьяго хозяйства. Выходцы изъ Черняхова (около Житомира) поселяются въ Гоголевѣ, въ Бориспольской волости, въ Прилукѣ; изъ Рожева (къ зап. отъ Кіева) попадаютъ въ Быковъ, Жеребятинъ, Лубны, Сенчу; изъ Ходоркова (къ югу отъ Рожева) въ Бобровницу, Быковъ, Басань, Березну, Сенчу; изъ Ржищева и Триполья—въ Остерскую и Бориспольскую волость, въ Кропивну, Песчаное, Жолнинъ, Лукомль, Сенчу; въ Пирятинѣ оказываются бѣглецы изъ Новоселицы (верх. Побужье), изъ Лучина, Безрадычъ, Княжичъ (на зап. и югъ отъ Кіева); въ Прилукахъ—изъ Чернобыля, Воронина (Макарова), Черняхова, Рожева, Кривого (кіевское Полѣсье и окрестности Житомира).

[1]) Źródła dz. V c. 137—9.

мѣстечка и около 20 селъ [1]). Ниже по Роси, въ Богуславскомъ староствѣ 13 селъ [2]), въ Каневскомъ свыше 20 [3]). За Днѣпромъ въ Переяславскомъ 25 селъ, кромѣ Переяслава мѣстечки Гельмязовъ, Яготинъ, Березань, Быковъ, Яблуневъ, Ирклеевъ, Голтва Кропивна, Золотоноша (послѣднее частное, остальныя—королевскія) [4]). Значительно расширяется самая территорія колонизаціи. На крайней восточной границѣ, у рубежа съ Московскимъ государствомъ встрѣчаемъ рядъ поселеній по верхнему Пслу: мѣстечки Гадячъ, Рашевка, Лютинка и др. На Днѣпрѣ уже въ первомъ десятилѣтіи XVII в, появляется „староство Чигиринское“, въ бассейнѣ Тясмина [5]). Колонизуется „пустыня Умань“, гдѣ въ 1620-хъ гг. видимъ мѣстечки Умань, Городецкое, Бабанку. Между Бугомъ и Днѣстромъ осадчій кн. Збаражскихъ, Василій Босый, построилъ замокъ на Бершади, ставшій гнѣздомъ пограничниковъ, подъ предводительствомъ Босаго ведущихъ партизанскую войну съ Татарами и Турками, которымъ принадлежалъ сосѣдній Ягорлыкъ; замокъ былъ разрушенъ въ 1617 г. по требованію Турокъ, но бассейнъ Бершади продолжаетъ колонизоваться. Надъ Днѣстромъ около того же времени появляется замокъ въ Рашковѣ, онъ былъ разрушенъ Турками въ томъ же 1617 г., но спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1623 г. уже видимъ здѣсь Рашковскій „ключъ“, волость Замойскихъ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, истекшихъ со времени козацкой реформы Сигизмунда-Августа, населеніе восточной Украйны возросло въ разныхъ мѣстахъ въ 15—20 и болѣе разъ [6]). А съ тѣмъ вмѣстѣ неизмѣримо возростала и численность самого козачества.

---

[1]) Źródła dz. XXII c. 214. [2]) Ib. V c. 136. [3]) Ib. c. 131.
[4]) Źródła V c. 132—3. [5]) Ibid. XXI c. 146.
[6]) На основаніи люстрацій 1545—1552 гг. въ воеводствахъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ насчитывается всего 4.400 семей—хозяйствъ (Архивъ Ю. З. Р. VII. II предсл. с. 32—3). На основаніи данныхъ около 1625 г. Яблоновскій выводитъ для тѣхъ же воеводствъ (приблизительно конечно) общую цифру около 92 тыс. „дымовъ“: цифра увеличилась болѣе, чѣмъ въ двадцать разъ! Это даетъ нѣкоторое представленіе, хотя на точность цифръ, разумѣется, нельзя полагаться. При этомъ нужно помнить, что въ лучше заселенныхъ сѣверо-западныхъ частяхъ ростъ населенія не былъ такъ значителенъ; наоборотъ—въ слабѣе заселенныхъ юго-восточныхъ частяхъ населеніе возросло за это время гораздо значительнѣе.

Населеніе передвигалось, ища освобожденія отъ крѣпостного гнета, не дававшаго свободно дышать въ сѣверныхъ и западныхъ краяхъ, превративъ крестьянина въ рабочій инвентарь помѣщичьяго фольварка. Въ просторахъ восточной Украины—этой „ничьей“, „божьей и господарской (государевой) земли“ онъ хотѣлъ быть полновластнымъ хозяиномъ своего труда и ничего не слышать ни о помѣщикѣ, ни о какой-либо зависимости отъ него. Но вслѣдъ за нимъ шелъ уже помѣщикъ, съ выпрошеннымъ у короля пожалованьемъ тѣхъ самыхъ земель, гдѣ селился бѣглецъ и собирался хозяйничать, полный радужной мечты о свободѣ и независимости. Какъ я имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ [1]), въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII в.—лишь только показались первые симптомы улучшенія хозяйственныхъ отношеній восточной Украины, а между этими симптомами главную роль игралъ именно наплывъ переселенцевъ, рабочихъ рукъ—тотчасъ же разные магнаты, имѣвшіе возможность слѣдить за мѣстными условіями, не замедлили замѣтить и учесть соотвѣтственно это повышеніе шансовъ мѣстнаго хозяйства послѣ вѣкового застоя. Въ чаяніи будущихъ благъ бросаются они на тамошнія земли, наперерывъ другъ передъ другомъ выпрашиваютъ себѣ у короля пожалованія на здѣшнія „пустыни“, какъ обычно называются онѣ въ этихъ пожалованіяхъ, или за пустую сумму заставляютъ продавать свои земли ихъ старыхъ, номинальныхъ владѣльцевъ [2]).

---

[1]) См. т. VI с. 279 и слѣд.

[2]) Примѣры тамъ же. Польскіе историки, болѣе старые и новѣйшіе, принимая причину за слѣдствіе, обыкновенно видятъ, наоборотъ, въ приливѣ эмигрантовъ результаты помѣщичьяго хозяйничанья въ восточной Украинѣ и принятыхъ ими мѣры для заселенія, а наплывъ польскихъ помѣщиковъ и державцевъ считаютъ послѣдствіемъ акта 1569 г., открывшаго доступъ въ восточную Украину для польской шляхты и такимъ образомъ вызвавшаго переворотъ въ здѣшней колонизаціи и хозяйствѣ. Такой точки зрѣнія держится и новѣйшій польскій изслѣдователь украинской жизни, Яблоновскій (Źródła XXII с. 113—4, 127 и др.). Но при этомъ упускается изъ виду тотъ фактъ, что въ первыхъ рядахъ основателей восточноукраинскихъ латифундій идутъ волынскіе магнаты, имѣвшіе свободный доступъ сюда и до 1569 г. Почему же эти Острожскіе, Вишневецкіе, Корецкіе, Збаражскіе, Ружинскіе и т. д. не двигались сюда раньше, а устремились именно въ послѣднія десятилѣтія XVII в. и наперерывъ съ польскими магнатами, или даже предупреждая ихъ, выпрашиваютъ и скупаютъ помѣстья, разбираютъ королевскія имѣнія въ Брацлавскихъ земляхъ, въ Приднѣпровьи и за Днѣп-

Преимущественно это были магнаты, занимавшіе разные высшіе посты въ мѣстной администраціи, лично или черезъ своихъ помощниковъ, намѣстниковъ, агентовъ имѣвшіе возможность слѣдить за мѣстною жизнью и располагавшіе своими частными и офиціальными, административными средствами (въ силу своего офиціальнаго положенія) для борьбы со всевозможными препятствіями, тормозившими устройство помѣщичьяго хозяйства на этой дикой, дѣвственной почвѣ. Условія здѣшней жизни, полное отсутствіе въ ней публичнаго элемента—даже такого неудовлетворительнаго суда и исполнительной власти, какіе существовали въ другихъ провинціяхъ государства, неограниченное господство физической силы, кулачнаго права, дѣлали мѣстное землевладѣніе и хозяйство монополіею такихъ магнатскихъ звѣздъ первой величины, каковы гетманы, воеводы или, по крайней мѣрѣ, старосты. Начиная съ конца XVI в. и затѣмъ въ XVII в. восточная Украина становится классической страной магнатскихъ латифундій, громадныхъ по размѣрамъ, грозныхъ неограниченною силой и властью своихъ владѣльцевъ-„королевятъ“; магнатовъ первой величины, владѣющихъ здѣшними землями или на частномъ, наслѣдственномъ правѣ, или въ качествѣ пожизненныхъ державцевъ огромныхъ королевскихъ земель—на практикѣ это почти не дѣлало разницы.

Бѣглецы-эмигранты, искавшіе обѣтованной земли, свободной отъ пановъ, въ концѣ XVI в. встрѣчаютъ передъ собою и здѣсь, на „самой послѣдней Украинѣ“ [1]) сплошную стѣну магнатскаго

ромъ? Именно потому, что они замѣтили улучшеніе условій хозяйства благодаря наплыву рабочей эмиграціи. Это была главная причина магнатскаго похода, и она только случайно совпала по времени съ актомъ 1569 г., а собственно развивается совершенно самостоятельно и независимо отъ него въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій XVI и первой половины XVII в. Актъ 1569 г. повліялъ только на національную окраску помѣщичьяго, магнатскаго класса и его землевладѣнія въ восточной Украинѣ (ср. т. VI с. 278 и слѣд.); въ сферѣ соціально-экономической и колонизаціонной онъ для восточной Украины не имѣлъ приписываемаго ему значенія, и ни въ коемъ случаѣ не былъ „эпохою“ въ этой области. Извѣстныя намъ экономическія и соціальныя условія надвигались сюда одинаково изъ Волыни и изъ Подольскихъ земель, и помѣщичье хозяйство велось одинаково какъ прирожденными польскими помѣщиками, такъ и украинскими магнатами, воспитанными въ тѣхъ же соціальныхъ воззрѣніяхъ проникнутыми принципами того же польскаго права.

[1]) Выраженіе Жолкевскаго 1619 г. (Pisma с. 364).

господства, безконечную сѣть латифундій и попадаютъ въ руки новыхъ пановъ, ихъ подстаростъ и слугъ, въ новое „подданство"—иногда даже сами того не подозрѣвая. Правда, сама по себѣ эта зависимость не была тяжела. Мѣстечки и слободы, основываемыя для улавливанія крестьянъ-эмигрантовъ, обыкновенно обѣщали ему долголѣтнюю свободу, на протяженіи десяти, двадцати и даже тридцати лѣтъ. Крупное помѣщичье хозяйство, съ неразлучною барщиною, двигалось постепенно, захватывая прежде всего мѣстности прилегавшія къ краямъ стараго заселенія и панщиннаго хозяйства—къ Полѣсью, Волыни, Подольскимъ землямъ, и долго не показывалось во вновь заселенныхъ пустыняхъ [1]). Нельзя было спѣшить съ нимъ, какъ виду тревожныхъ еще условій мѣстнаго хозяйства, частыхъ татарскихъ нападеній, дѣлавшихъ веденіе крупнаго хозяйства слишкомъ рискованнымъ, такъ еще болѣе—въ виду свойствъ самого колонизаціоннаго матеріала, страшно враждебнаго и подозрительно настроеннаго ко всему, что могло быть предвѣстникомъ крѣпостной зависимости и ея атрибутовъ. Мы имѣли случай видѣть нарисованную рукою ревизора 1590-хъ годовъ картину отношеній въ Слободищенской волости Тышкевичей (южная часть Житомирскихъ земель): при первомъ упоминаніи о томъ только, что крестьянскія земли подвергнутся измѣренію, а крестьяне будутъ вписаны въ инвентарь,—послѣдніе единодушно запротестовали и заявили, что тотчасъ же уйдутъ отсюда, „такъ какъ, будучи свободными людьми не хотятъ быть въ неволѣ" [2])

Поэтому, выжидая, пока мѣстныя колонизаціонныя и общественныя отношенія соотвѣтствующимъ образомъ окрѣпнутъ, и новый поселенецъ обживется и привыкнетъ къ мысли о новомъ крѣпостномъ ярмѣ, помѣщики не спѣшили заводить земледѣльческое хозяйство. Они удовлетворялись хищническою эксплоатацією природныхъ богатствъ—производствомъ поташу, селитры, косвенными доходами съ подвластнаго населенія—монополіей помѣщичьихъ корчемъ или мельницъ, судебными доходами, постепенно переходя къ разнымъ натуральнымъ поборамъ, каковы: поволовщина, пчельная десятина и разнымъ спеціальнымъ работамъ, помочамъ и т. п. [3]),

---

[1]) См. въ V т. с. 218 и слѣд. [2]) См. въ V т. с. 216.
[3]) См. въ V т. с. 220—1, т. VI с. 190—1, 229, а также мою статью въ „Записках українського наукового товариства в Київі" т. I: Господарство польського магната на Задніпровю перед

Пересматривая люстраціи восточно-украинскихъ старостъ первой четверти XVII в., мы видимъ, что доходы ихъ состояли главнымъ образомъ изъ корчемныхъ и мельничныхъ арендъ, затѣмъ изъ таможенныхъ и судебныхъ сборовъ, доходовъ отъ рыболовства, звѣроловства и лѣсныхъ промысловъ, веденыхъ факторами старосты или сдававшихся тоже въ аренду [1]). Житомирское староство является самымъ крайнимъ на юго-востокѣ, въ которомъ ведется фольварочное хозяйство (люстр. 1622). Въ Кіевскомъ главный доходъ даетъ аренда корчемъ, а затѣмъ: „пошлина, перевозы, озера (рыбная ловля), подужное или торговое, „обвѣстки“ (поборы съ пріѣзжихъ купцовъ). Доходы Каневскаго староства перечисляются такъ: „съ мельницъ, винныхъ корчемъ, поташныхъ будъ, чиншей, мытъ, обвѣстокъ и всякихъ другихъ статей“ [2]); фольварковъ нѣтъ ни здѣсь, ни въ Кіевѣ. Мѣщане „послушные“ несутъ военную службу, даютъ „коляды“ по 15 гр. и стацію подстаростѣ, то же самое и въ селахъ. Въ староствѣ Переяславскомъ—только военная служба съ мѣщанъ и „стація“ съ крестьянъ; денежные доходы—съ корчемъ и мельницъ. Въ Корсунскомъ мѣщане даютъ чиншъ, гдѣ вышла свобода (въ общемъ 200 зл.), но главную статью дохода давали мельницы и корчмы (свыше трехъ съ половиною тысячъ зл.), поташевыя буды (1500) и перевозы; села не давали никакого дохода. Въ Староствахъ Бѣлоцерковскомъ, Богуславскомъ, Черкасскомъ то же самое, съ тою лишь разницею, что мѣщане не даютъ и чинша, а несутъ военную службу при старостѣ [3]).

Отсутствіемъ перспективъ для фольварочнаго хозяйства въ данныхъ условіяхъ нужно объяснить и тотъ фактъ, что пока основываются главнымъ образомъ мѣстечки и сравнительно меньше селъ, и благодаря этому мѣщанство составляетъ очень высокій процентъ населенія [4]), хотя торгово-промышленная, городская въ

Хмельниччиною: приведенная здѣсь картина Миргородской королевщины 1640-хъ годовъ даетъ намъ достаточное представленіе о томъ, каково было помѣщичье хозяйство конца XVI и начала XVII в. въ ближайшихъ, ранѣе колонизованныхъ окрестностяхъ.

[1]) См. т. VI с. 229.

[2]) Źródła dz. V с. 117—8, 130, 131—2.

[3]) Ibid. V с. 132—4, 135—7.

[4]) Яблоновскій получилъ (весьма впрочемъ гипотетически) слѣдующія цифры мѣщанскаго и крестьянскаго населенія: въ юго-восточной части Кіевскаго воеводства около 1625 г.: 69 тыс. мѣщанъ и

настоящемъ смыслѣ этого слова жизнь была здѣсь очень слабо развита и населеніе носитъ, наоборотъ характеръ военно-земледѣльческій и уходническій.

Хотя такимъ образомъ эксплоатація крѣпостного труда помѣщиками въ это время имѣетъ довольно легкія и „невинныя" формы, тѣмъ не менѣе и онѣ вызывали сильное недовольство въ крестьянствѣ. Въ то время, какъ крестьянство западной Украины болѣе или менѣе покорно сносило тяжелое ярмо панщины—непомѣрныхъ даней, чиншей и всякихъ иныхъ атрибутовъ крѣпостнаго права, здѣшнее возмущается и протестуетъ при самомъ легкомъ прикосновеніи помѣщичьей руки.

Это можетъ показатся удивительнымъ, и для людей стоящихъ на точкѣ зрѣнія польско-шляхетскаго міровоззрѣнія—это только яркое свидѣтельство ненасытной требовательности и неблагодарности украинскаго хлопа, возстававшаго и бунтовавшаго противъ такихъ минимальныхъ обязанностей. Но съ точки зрѣнія мѣстнаго крестьянина это недовольство являлось вполнѣ понятнымъ и естественнымъ. Вѣдь это были бѣглые, бросившіе насиженныя мѣста, порвавшіе кровныя и экономическія связи, перенесшіе полное невзгодъ и опасностей переселеніе и подъ грозою вѣчныхъ татарскихъ опустошеній, каждую минуту рискуя быть взятыми въ плѣнъ, попасть въ заморское рабство, заводившіе новое хозяйство въ надеждѣ быть полными хозяевами своего труда, не дѣлиться его продуктомъ съ помѣщикомъ.

Эмиграція, какъ мы уже знаемъ, шла обычно этапами. Бѣглецы, прежде чѣмъ пуститься въ восточныя пустыни, обыкновенно во время своего путешествія проходили сосѣднія съ этими новыми землями мѣстности, богатыя дарами природы, лучше обработанныя и налагавшія гораздо меньшія обязанности сравнительно съ землями западно-украинскими или полѣсскими. Но они не остались здѣсь, а понесли свои головы дальше, подъ татарскій арканъ и саблю, шли „на край Крещеннаго свѣта", въ самую пещеру льва, лишьбы не знать пана и панщины, чтобы свободно распоряжаться богатствами дѣвственной природы. И вотъ только что успѣли они оглядѣться здѣсь, расположиться, обзавестись хозяйствомъ,—какъ уже разные панскіе прислужни-

38 тыс. крестьянъ, въ Брацлавскихъ земляхъ 225 тыс. мѣщанъ и 85 тыс. крестьянъ, между тѣмъ въ Галиціи 124 тыс. мѣщанъ и 447 тыс. крестьянъ.

ки начинаютъ къ нимъ придираться, ограничивая въ правахъ выкуриванія водки, варенья меду, помолѣ зерна и т. п. Это неизбѣжно раздражало ихъ, какъ первыя проявленія крѣпостного права, вѣщуны новыхъ и дальнѣйшихъ претензій помѣщичей власти,—власти, о которомъ никто не слышалъ здѣсь прежде, пока не осѣли эти поселенцы, не окропили эту землю своимъ потомъ и кровью, придавъ ей тѣмъ самымъ цѣнность въ панскихъ глазахъ.

Исторія привилегированнаго землевладѣнія и эксплуатаціи народнаго труда привелигированными сословіями, растянувшаяся на сотни лѣтъ въ другихъ краяхъ, была, благодаря этому, менѣе замѣтна и рѣзка тамъ въ своей постепенности, въ своихъ переходахъ. Здѣсь, въ восточной Украинѣ, процессъ преобразованія „божьихъ и государевыхъ земель“ въ помѣщичьи имѣнія былъ стиснутъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ и въ концѣ концовъ сводился къ простому росчерку королевскаго пера, къ одному факту выдачи изъ королевской канцеляріи ничтожной бумажки, дѣлавшей эти свободныя земли панскими помѣстьями, а свободныхъ людей—крѣпостными. Это не могло не вызывать горячаго протеста и возмущенія въ тѣхъ, на чей счетъ совершались подобныя метаморфозы. А дальнѣйшія, послѣдущія стадіи этого процесса для нихъ не могли оставаться неясными. Постепенно проходя украинскія земли во время своего передвиженія на востокъ, эти бѣглецы видѣли на ряду съ различными стадіями заселенія и разныя фазы соціально-экономическаго процесса, развитія помѣщичьяго хозяйства и крестьянскаго закрѣпощенія, и значеніе первыхъ вѣстниковъ помѣщичьихъ правъ и крестьянскихъ обязанностей представлялось имъ вполнѣ яснымъ. Они знали наизусть эту гамму панско-крѣпостническихъ отношеній и очень увѣренно могли предсказать, какія благодати должны послѣдовать за скромными начатками господскихъ претензій на корчемную или мельничную монополію, плату отъ жернововъ или перевозовъ. И потому эти первыя претензіи такъ тревожили ихъ, вызывали переходы съ мѣста на мѣсто, все дальше и глубже въ незакрѣпощенныя земли, или всевозможныя усилія освободиться отъ панской власти и претензій.

Намъ станетъ понятнымъ въ виду этого такое явленіе, что право свободнаго винокуренія и варенья меду выростало до значенія принципіальнаго вопроса огромной важности, въ то время, какъ въ западной Украинѣ болѣе радикальныя перемѣны въ

экономическомъ и правовомъ положеніи крестьянъ проходили почти безслѣдно. Станетъ понятнымъ, что въ Лубенскихъ имѣніяхъ въ 1620 хъ годахъ крестьяне обращались въ бѣгство потому, что опекунъ малолѣтнихъ владѣльцевъ началъ собирать „неслыханные податки пѣнежные, быдлячие, медовъ накидане, горилки и селитры“ [1]), хотя въ дѣйствительности это означало быть можетъ не больше, какъ введеніе денежныхъ чиншей, побора десятины и принудительную продажу крестьянамъ извѣстнаго количества меду, водки и селитры изъ помѣщичьихъ корчемъ и майдановъ. А позднѣйшій „Самовидецъ“ въ своемъ изложеніи причинъ великаго возстанія народныхъ массъ въ серединѣ XVII в., вполнѣ серьозно и съ полнымъ сочувствіемъ относясь къ нимъ, очевидно, не можетъ указать болѣе рѣзкихъ мотивовъ сверхъ того, что крестьяне— „любо во всемъ жили обфито—в збожахъ, в бидлахъ, в пасѣкахъ, але однакъ, чего не звикла была Украина терпѣти—вимисли великіе были от старостовъ и отъ намѣстниковъ и Жидовъ і чинши великіе, поволовщини, дуди, осипъ, мѣрочки сухіе, з жорновъ плату и инное“ [2]). Здѣсь тоже негодованіе крестьянъ вызывается введеніемъ чиншей, дани зерномъ, волами и различныхъ поборовъ, связанныхъ съ мельничнымъ правомъ. Все это съ точки зрѣнія крѣпостного хозяйства того времени—факты самые элементарные, но для восточно-украинскаго крестьянина—эмигранта стольже невыносимые, какъ „невинныя“ англійскія пошлины, вызвавшія возстаніе американскихъ эмигрантовъ противъ ихъ англійской метрополіи въ XVIII в. Эмиграція всюду и всегда имѣетъ свои больныя мѣста, прикосновеніе къ которымъ чувствуетъ очень сильно.

Въ этихъ стремленіяхъ восточно-украинской эмиграціи избѣжать помѣщичьей власти и ея претензій, двигавшихся за нею по пятамъ, отдѣлаться отъ нея и не имѣть ничего общаго,—ей неожиданно для самого себя указало выходъ польское правительство. Когда восточно-украинскому населенію стала ясной невозможность уйти отъ крѣпостного права простымъ уходомъ, зарываясь въ восточно-украинскія пустыни,—польское правительство указало выходъ изъ крѣпостного права при помощи пе-

---

[1]) См. V т. с. 220.
[2]) Лѣтопись Самовидца с. 5.

ремѣны соціальнаго положенія, перехода въ новый, свободный отъ крѣпостного права общественный классъ—козачество.

Оно сдѣлало это своими козацкими реформами или постановленіями, имѣвшими своею цѣлью упорядочить правовое положеніе козаковъ. Разумѣется при этомъ оно совершенно не предполагало, что изъ постановленій, имѣвшихъ цѣлью обезпечить дисциплину и порядокъ среди козацкаго войска, будетъ сдѣлано такое неожиданное примѣненіе. Между тѣмъ такъ вышло. Принятіе козаковъ на королевскую службу, освобожденіе ихъ отъ обычной юрисдикціи и подчиненіе исключительной власти и юрисдикціи ихъ вождя, послужило исходнымъ пунктомъ идеи козацкаго иммунитета, идеи полнаго освобожденія козачества отъ какихъ бы то ни было повинностей и обязанностей, отъ всякихъ ограниченій со стороны помѣщичьей власти и вообще отъ всякой власти, кромѣ своей, козацкой.

Остается неизвѣстнымъ, была ли свобода козаковъ отъ всевозможныхъ поборовъ, даней и повинностей и ограниченій въ правахъ со стороны администраціи и владѣльцевъ провозглашена правительствомъ такъ же опредѣленно, какъ и свобода отъ всякой власти и юрисдикціи, кромѣ козацкой. Эмансипація экономическая могла подразумѣваться сама собой, могла быть выведена, какъ логическое слѣдствіе самого перехода козаковъ на королевскую службу. Польская практика временъ Баторія давала имъ аналогію въ такъ называемыхъ „выбранцахъ“, крестьянахъ изъ королевскихъ имѣній, зачислявшихся на военную службу, взамѣнъ которой эти крестьяне освобождались отъ всякихъ крѣпостныхъ обязанностей, а во время войны получали и жалованье подобно регулярному войску [1]. Въ мѣстной украинской жизни тоже не было недостатка въ подобныхъ аналогіяхъ, въ видѣ переводовъ крестьянъ на боярскую службу или освобожденія мѣщанъ взамѣнъ военной службы отъ всякихъ податей; мы только что видѣли подобную практику того времени въ различныхъ городахъ Восточной Украйны [2]. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что уже въ извѣстной намъ петиціи 1582 г. козаки стоятъ на такой точкѣ зрѣнія: свободы отъ всякихъ поборовъ, и этотъ взглядъ раздѣляется самимъ правительствомъ: козачество за свою службу получаетъ жалованье, освобождается отъ всякихъ побо-

---

[1]) См. V т. с. 335. [2]) См. с. 344.

ровъ и отъ всякой иной власти и юрисдикціи, кромѣ козацкой [1]).

Эти привилегіи правительство предназначало „въ особенности“ для козаковъ, „которые берутъ отъ насъ плату“, т. е. реестровыхъ; но какъ въ этой формулировкѣ оно не рѣшается говорить исключительно только о нихъ, такъ и на практикѣ не могло провести этой исключительности—сдѣлать эти привиллегіи исключительнымъ достояніемъ козаковъ королевскихъ, вписанныхъ въ реестръ. Вопервыхъ потому, что правительство не въ состояніи было держать этотъ реестръ въ порядкѣ и осуществлять его на практикѣ, главнымъ образомъ благодаря неаккуратной выдачѣ жалованія. Во вторыхъ—оттого, что этимъ небольшимъ отрядомъ реестровыхъ оно не могло удовлетвориться въ своихъ военныхъ нуждахъ и то и дѣло призывало на службу болѣе широкіе круги козачества, стоящіе внѣ реестра, тѣмъ самымъ лишая себя моральнаго права исключать изъ пользованія козацкими правами эти широкіе военно-служебные контингенты, а тѣмъ менѣе считали это возможнымъ въ самихъ козацкихъ кругахъ. Въ третьихъ—въ интересахъ дисциплины и порядка правительство подчиняло козацкой юрисдикціи все козачество и тѣмъ самымъ и въ этомъ пунктѣ поддерживало съ своей стороны взгляды козачества на себя, какъ на единое цѣлое, которому должны принадлежать одинаковыя права и привилегіи совершенно независимо отъ состава правительственнаго, болѣе или менѣе миѳическаго реестра.

Правительство имѣло тенденцію расколоть эту сплошную массу козачества: отдѣлить болѣе зажиточную солидную, „преднѣйшую“ часть, которую оно брало на свою службу, отъ болѣе широкихъ круговъ козачества, остававшихся внѣ реестра. Какъ мы видѣли уже, по мысли правительственныхъ ординацій, реестровое правительственное козачество должно не только служить военнымъ цѣлямъ государства, но и исполнять полицейскія функціи по отношенію къ остальному козачеству: имѣть надъ нимъ надзоръ и удерживать отъ своевольныхъ эксцессовъ. Но для этого было необходимо раздѣлить интересы этихъ двухъ группъ и за-

---

[1]) Roskazuiemy.... aby potym nad tymi kozakami nizowemi zwłaszcza ktorzy żołd nasz biorą a w miesciech, miasteczkach i indziey mieszkaią, onych karząc i do więzenia sadzaiąc mimo wiadomosci starszego ich.... iurysdykcyey nieprawnie w rzeczach potocznych nie używali, zadnych tedy podatkow, wymyslow wiecznie nie brali— Жерела VIII № 34.

интересовать реестровое козачество въ осуществленіи правительственной программы. Достигнуть этого можно было только дарованіемъ какихъ либо особенно цѣнныхъ прерогативъ, которыя бы составляли монополію реестроваго козачества и заинтересовывали послѣднее въ сохраненіи этого исключительнаго характера дарованныхъ прерогативъ. Нужно было, чтобы реестровое казачество было заинтересовано въ томъ, чтобы не допускать къ этимъ монопольнымъ правамъ болѣе широкихъ круговъ козачества, и чтобы оно такъ высоко цѣнило права и привиллегіи, признанныя за нимъ правительствомъ, что изъ-за нихъ готово было итти на открытую вражду и борьбу съ козачествомъ не-реестровымъ. Кромѣ того, оно должно было бы располагать достаточными силами для того, чтобы выдерживать такую борьбу и подавлять теченія, враждебныя правительственной программѣ. Но правительство не озаботилось всѣмъ этимъ.

Оно забывало даже свою первую, взятую имъ на себя обязанность по отношенію къ реестровому козачеству, не платя ему за службу. Оно не умѣло удержать его въ привилегированномъ положеніи и легкомысленно игнорировало границу между этими двумя группами, не соблюдая реестра и привлекая на службу вмѣстѣ съ реестровыми и нереестровыхъ, всякій разъ, когда ему нужны были болѣе значительныя силы. Наконецъ, щадя средства, оно ставило для реестра слишкомъ тѣсныя рамки, слишкомъ небольшою цифрою ограничивало его, такъ что реестровое казачество не могло имѣть большого значенія, не могло оказырать рѣшающаго вліянія на дѣйствія и настроенія козачества. И если въ движеніяхъ 1590-хъ годовъ мы замѣчали нѣкоторую рознь и даже враждебность между собственно Низовымъ войскомъ, тѣснѣе сплоченнымъ и организованнымъ, лучше консолидированнымъ, и добровольцами Наливайка [1]), и еще яснѣе увидѣли это въ событіяхъ послѣдовавшихъ за кампаніею 1596 г., то должны имѣть въ виду, что группа болѣе солидныхъ, или болѣе лойяльныхъ и умѣренныхъ элементовъ отнюдь не покрывалась понятіемъ реестроваго войска. Фактически реестръ въ это время вовсе не существовалъ; упомянутая сравнительно лойяльная група была гораздо многочисленнѣе, чѣмъ допускалъ это реестръ (тысяча казаковъ, согласно послѣдней ординаціи 1590 г.) и не имѣла никакого желанія быть втиснутой ни въ офиціаль-

[1]) Ср. отзывы Лободы, Listy с. 66.

ную цифру реестра, ни въ офиціальныя рамки правъ и обязанностей, поставленныхъ правительствомъ для реестроваго войска [1]).

Въ такихъ условіяхъ единственнымъ критеріемъ козачества оставалось въ концѣ концовъ признаніе козацкаго присуда: кто признавалъ надъ собою козацкую власть и подсудность ей, былъ козакомъ. Но подсудность не начальству, установленному правительствомъ: эта правительственная власть обычно имѣла вполнѣ характеръ номинальный. Пересматривая переписку по козацкимъ дѣламъ 1570—1600 гг., мы нигдѣ не встрѣчаемъ правительственныхъ козацкихъ вождей, какими были Вишневецкій, Оришовскій, Язловецкій, съ реальными функціями дѣйствительной власти надъ козачествомъ (наибольшимъ вліяніемъ пользуется Вишневецкій, но въ качествѣ черкасскаго старосты, а не назначеннаго правительствомъ козацкаго вождя). Козаки имѣютъ своихъ собственныхъ выборныхъ гетмановъ и повинуются имъ, а на назначенныхъ правительствомъ старшинъ смотрятъ—самое большее, какъ на офиціальныхъ посредниковъ въ своихъ сношеніяхъ съ польскимъ правительствомъ. О какой-либо реальной власти ихъ надъ козачествомъ, командованіи козацкимъ войскомъ, функціяхъ исполнительной власти по отношенію къ козацкому классу, какъ таковому, не можетъ быть и рѣчи, и правительство, въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужно было чего нибудь добиться отъ козацкаго войска, обращается къ козачеству черезъ своихъ спеціальныхъ посланцовъ, или пускаетъ въ ходъ свою военную силу, чтобы принудить ихъ къ какимъ либо уступкамъ. Плачевная исторія плановъ Язловецкаго, офиціальнаго вождя казачества [2]), ясно показываетъ, какъ мало значило само по себѣ правительственное назначеніе въ козацкихъ отношеніяхъ, если облеченное правительственными полномочіями лицо не постаралось личнымъ тактомъ добиться какого-либо моральнаго вліянія среди козачества.

---

[1]) Въ виду вышесказаннаго нельзя считать справедливымъ высказанный въ литературѣ взглядъ, будто бы пожалованіе козакамъ извѣстныхъ прерогативъ начиная отъ Сигизмунда-Августа и Баторія привило козачеству оппортунизмъ и свело съ революціонной дороги. Независимо отъ своихъ смиренныхъ петицій правительству, козачество продолжало свою политику фактическаго расширенія своихъ вліяній и фактическаго господства, и настоящихъ козаковъ-правительственниковъ можно встрѣтить не раньше, какъ во второй четверти XVII в. [2]) См. с. 260—1.

Оставался неофиціальный козацкій присудъ, козацкая организація и выборная власть, официальное признаніе которой козачество получаетъ около этого времени (упомянутое выше соглашеніе съ черкасскимъ старостою 1593 г.). Кто признавалъ надъ собою козацкую власть и присудъ, тѣмъ самымъ считалъ себя и считался козакомъ, совершенно независимо отъ какой-либо официальной санкціи, отъ всякаго реестра. Впрочемъ, на протяженіи долгихъ годовъ никакого реестра и не бывало не только въ жизни, но и на бумагѣ, и сеймовыми постановленіями 1593—6 гг. реестровое войско было формально отмѣнено на долгое время. Со времени набора 1590 г. за составленіе реестра взялись лишь въ 1619 г., и оно, очевидно, также не было доведено до конца, и реестра на практикѣ не существовало. Но существовалъ онъ или нѣтъ,—это не измѣняло дѣла въ глазахъ козачества. Оно стояло на томъ, что служитъ рѣчи посполитой постоянно: находилось ли козацкое войско на Низу, или на волости, предпринимало ли походы въ различныя сосѣднія земли. Находясь на Низу или гдѣ-нибудь въ пограничныхъ волостяхъ, оно, по его словамъ, стерегло границу отъ Татаръ и заявляло о своей службѣ сообщеніями о движеніяхъ орды, которыя оно давало польскимъ властямъ даже при очень натянутыхъ отношеніяхъ, когда правительственныя власти смотрѣли па козаковъ скорѣе какъ на „враговъ отечества", чѣмъ на слугъ короля и рѣчи посполитой, какими рекомендовали себя въ этихъ перепискахъ козаки. И ввиду того, что польская администрація безъ содѣйствія и сообщеній отъ козаковъ чувствовала себя совершенно безпомощной въ дѣлѣ охраны южныхъ границъ, она никакъ не могла обойтись безъ сношеній съ козаками и ихъ услугъ въ этой области, даже при очень натянутыхъ отношеніяхъ. Но точно также козачество считало службою рѣчи посполитой и свои походы въ турецкія, татарскія или молдавскія земли—все это, по его мнѣнію, были походы на непріятеля св. креста и рѣчи посполитой и совершались козаками въ ея интересахъ и во славу ея. И хотя въ дѣйствительности эти походы были совершенно не нужны или даже вредны польскому правительству, козачество въ глаза самому правительству объявляло эти своевольные, запрещенные походы своею заслугою передъ государсгвомъ. Верхомъ этого несравненнаго лукавства служитъ цитированное нами уже не разъ письмо Наливайка къ королю: оно все выдержано въ тонѣ рапорта „слуги е. кор. милости" о той службѣ и заслугахъ, которыя онъ положилъ

передъ королемъ и рѣчью посполитою [1]). Но это не была точка зрѣнія одного Наливайка, а вообще козаковъ. Въ, 1583 г. кн. Збаражскій въ письмѣ королю сообщаетъ, что козаки вопреки строжайшимъ королевскимъ запрещеніямъ, произвели нападенія на турецкія земли и „хвастаются, что ходили по приказанію (правительства) и теперь разсказываютъ не иначе, какъ только такъ, что, молъ, служили мы рѣчи посполитой и, отдыхая послѣ похода „на волости", требуютъ для себя квартиръ и припасовъ въ качествѣ награды за понесеныя службы [2]). Это та-же нота, что звучитъ и въ письмѣ Наливайка, который послѣ трудовъ, понесенныхъ для рѣчи посполитой въ походахъ на ея враговъ, претендуетъ на пріютъ и содержаніе въ коронныхъ земляхъ. Несомнѣнно, это не было однимъ только искреннимъ недоразумѣніемъ, но и сознательною тактикою, сознательнымъ лукавствомъ козачества и его вождей, стремившихся внушить такой взглядъ обществу, власти и—самимъ себѣ. Оно могло приводить въ ярость болѣе экспансивныхъ польскихъ политиковъ, но козаки не переставали стоять на такой, весьма выгодной для нихъ позиціи. Фактически считая себя самостоятельной политической силой, совершенно независимой отъ правительства рѣчи посполитой и въ иныхъ случаяхъ рекомендуя себя именно съ такой точки зрѣнія, они въ отношеніяхъ къ польскому правительству не переставали называть себя слугами рѣчи посполитой, служащими ей непрерывно, оказывающими ей безцѣнныя услуги самимъ своимъ существованіемъ и взамѣнъ ихъ имѣющими неоспоримое моральное право на ея благодарность, на извѣстныя права и привилегіи въ ея земляхъ: право на пропитаніе на счетъ населенія земель, охраняемыхъ ими, на полную свободу отъ всякихъ поборовъ и повинности, свободное землевладѣніе, и т. п.

Пока мы остановимся на этихъ послѣднихъ моментахъ. Козачество несетъ постоянную службу рѣчи посполитой (хочетъ или не хочетъ ея рѣчь посполитая—безразлично, козаки лучше знаютъ, что ей нужно). Всѣ козаки, признающіе козацкій присудъ и верховную власть козацкихъ старшихъ, являются участниками этой службы, а вмѣстѣ съ тѣмъ—правъ и привилегій, связанныхъ съ нею. Реестровые или нереестровые—всѣ служатъ одинаково и одинаково всѣ обычно не получаютъ ничего отъ прави-

---

[1]) Broel-Plater Pamiętniki II с. 214, выдержки выше с. 261 и слѣд. [2]) Sprawy wojenne с. 155.

тельства, такъ какъ и реестровые, даже въ періоды существованія реестра, чаще всего не получали никакой платы вслѣдствіе хроническаго отсутствія средствъ. Въ виду этого козаки претендуютъ на извѣстныя соціально-экономическія привилегіи. Всѣ козаки не подлежатъ ничьей власти, кромѣ козацкой, не несутъ никакихъ податей и повинностей, какъ сами, такъ и ихъ семьи со своихъ земель и домовъ; ихъ не касаются никакія ограниченія, вытекающія изъ владѣльческихъ правъ—право корчемное и всякія другія помѣщичьи права ихъ не касаются, они свободны отъ всего этого въ силу своего козацкаго иммунитета, за свою службу королю и рѣчи посполитой.

Постараемся теперь оцѣнить все это по достоинству. Въ моментъ необыкновеннаго возбужденія, когда восточная Украина, какъ Новый Свѣтъ украинскій, закишѣла новоселами, искавшими здѣсь свободныхъ отъ помѣщика земель и увидѣвшими со смертельной тревогой, какъ за ними и сюда движется шляхетская туча—въ этотъ моментъ появляется этотъ принципъ: кто присоединяется къ козакамъ, того не касается помѣщичье право, тотъ, за свою козацкую службу, свободенъ отъ всего. Выведенная изъ правительственныхъ постановленій о козачествѣ болѣе тѣсными козацкими кругами въ послѣднюю четверть XVI в., эта формула съ воодушевленіемъ подхватывается широкими массами украинскаго населенія конца XVI и первой половины XVII в. Условія восточно-украинской жизни того времени, даже чисто хозяйственнаго быта все равно были таковы, что здѣшній поселенецъ долженъ былъ неизбѣжно быть одновременно и воиномъ, вооруженною рукою вести, какъ мы уже видѣли, всякіе мѣстные промыслы и хлѣбопашество; въ виду этого обязательное участіе въ козацкой военной службѣ, по призыву козацкой старшины, не являлось чѣмъ-либо особенно обременительнымъ и чуждымъ для здѣшняго поселенца и во всякомъ случаѣ—стоило взять на себя эту военную обязанность, если она так много обѣщала въ области экономическихъ и общественныхъ отношеній. И въ самомъ дѣлѣ, все что было живого и энергичнаго въ этомъ новомъ населеніи—всѣ, кто хотѣлъ избавиться отъ помѣщичьей власти и всякихъ претензій ея въ настоящемъ, отъ перспективъ крѣпостного права въ будущемъ—всѣ бросаются къ козачеству, какъ къ якорю спасенія, отдаютъ себя подъ козацкій присудъ, объявляютъ себя козаками, членами козацкаго войска.

Подобно тому, какъ раньше, въ серединѣ XVI в. Украина

полна была громомъ козацкихъ походовъ, а самихъ козаковъ не было никакой возможности отыскать среди украинскаго населенія, такъ какъ никто не имѣлъ интереса объявлять себя въ козацкомъ званіи, заявлять себя козакомъ,—такъ теперь ростъ козацкаго сословія далеко превосходитъ размахъ военной энергіи козачества. Къ козачеству льнетъ теперь масса людей, которыхъ собственно очень мало привлекаетъ пограничный военный спортъ, тѣмъ болѣе—далекіе заграничные походы, вообще „козацкій хлѣбъ" самъ по себѣ. Они предпочитаютъ ему хлѣбъ обыкновенный, хлѣбъ земледѣльца. Подъ фирмой и прикрытіемъ козачества, подъ его властью и опекой хотятъ спокойно заниматься хозяйствомъ „на волости", не зная ни помѣщиковъ, державцовъ и старостъ, ни ихъ прислужниковъ—и для этого записываются въ козаки. Благодаря этому число козаковъ растетъ неизмѣримо. Какъ необычайно, чисто по американски росла въ это время восточно-украинская колонизація—такъ же быстро вмѣстѣ съ нею росло и козачество.

Однако не только росло, но и измѣняло свой характеръ. Оно не было уже только колонизаціонно-бытовымъ явленіемъ, игрою энергіи пограничнаго населенія, невинною забавою въ рукахъ пограничной администраціи и украинскаго магнатства. Оно становится категоріею общественнаго строя, весьма значительнымъ явленіемъ соціальнымъ, а съ теченіемъ времени—и національно-политическимъ. Становится формою, въ которой кристаллизовались соціально-экономическія стремленія украинскаго демоса и его протестъ противъ польско-шляхетскаго режима. Является носителемъ и выразителемъ національныхъ стремленій украинскаго народа.

Номадный, добычническій военный элементъ, какимъ являлось козачество XVI в., не исчезъ вовсе. Наоборотъ, онъ возросъ теперь численно вмѣстѣ съ общимъ наростаніемъ украинской колонизаціи конца XVI в. и, какъ элементъ наиболѣе подвижный, безпокойный, шумный, продолжалъ придавать тотъ же добычническій обликъ козачеству. Но на ряду съ нимъ въ громадной массѣ въ ряды козачества вошелъ элементъ совершенно иной—хозяйственный, земледѣльческій, вполнѣ положительный, искавшій въ козачествѣ не безнаказаннаго своеволія, не добычничества, не широкаго размаха военной отваги, вѣчно-бурной военной жизни, а гарантій своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, права на землю, права на трудъ и его продукты [1]).

Такимъ образомъ не прежній кочевой козацкій элементъ

Параллельность интересовъ связала во-едино эти совершенно различныя группы. Для военнаго козачества хозяйственные козаки служили резервомъ, на помощь котораго оно могло расчитывать во всякую тревожную минуту—особенно въ опасныхъ, то и дѣло возникавшихъ на политической почвѣ конфликтахъ съ правительствомъ, вслѣдствіе того что это военное козачество не подчинялось видамъ правительства и портило его отношенія съ сосѣдями. Для козачества хозяйственнаго козацкіе военные элементы были тою дѣйствующею арміею, которая охраняла его общественно-экономическіе интересы и въ конфликтѣ его соціально-экономическихъ интересовъ съ интересами державнаго шляхетскаго сословія готово было итти въ первый огонь, одновременно мобилизуя съ помощью своей военной организаціи массовыя силы украинскаго населенія.

Эта параллельность основныхъ интересовъ—гарантія защиты обѣихъ группъ сглаживала или брала перевѣсъ надъ нѣкоторыми расхожденіями этихъ группъ. Козачество чувствовало, что этимъ союзомъ оно неизмѣримо расширило и свои силы, и кругъ своихъ интересовъ, и поэтому и держалось его сознательно, подобно тому, какъ позднѣе оцѣнило, по мотивамъ скорѣе моральнаго свойства, союзъ съ интелегентскими кругами, на которыхъ опирались національныя стремленія Украины того времени.

Стихія на первый взглядъ разрушительная, антикультурная,—козачество подъ этою отрицательною внѣшностью таило въ себѣ энергію творческую, въ гораздо болѣе сильной степени, нежели польско-шляхетскій элементъ, гордый своею государственностью и культурностью—возвеличенный за это позднѣйшими поколѣніями польскихъ писателей и историковъ, но въ дѣйствительности разлагающій, разрушительный. Предшествующее столѣтіе козацкаго своеволья принесло въ результатѣ безопасность, защиту, колонизаціонный и цивилизаціонный ростъ „дикому полю“ восточной Украины; даже его старые шляхетскіе враги должны были признать, что завоеваніе восточно-украинскаго пограничья для осѣдлости и культуры было дѣломъ козачества [1]). Въ послѣ-

---

садится на землю, превращается въ землевладѣльческій и хозяйственный, какъ изображаютъ часто этотъ процессъ историки,—а землевладѣльческій, хозяйственный элементъ изъ экономическихъ и общественныхъ мотивовъ идетъ въ ряды козачества, наряду съ военными элементами.

[1]) Неизвѣстный по имени польскій политикъ (Жерела VIII

дующемъ столѣтіи подъ покровомъ „украинскаго своевольства“ наростала соціальная оппозиція украинскихъ массъ и національная энергія украинскаго народа, спасшая украинскую жизнь отъ разложенія и гибели.

Проницательные политики и публицисты рѣчипосполитой довольно скоро оцѣнили это принципіальное значеніе козачества. Жолкевскій въ своемъ универсалѣ къ кіевской шляхтѣ, въ которомъ онъ побуждалъ ее къ участію въ походѣ на козаковъ во время комиссіи 1617 г., далъ вполнѣ опредѣленное выраженіе взглядамъ на козачество, какъ на соціальный факторъ, какъ на представителя интересовъ крестьянства, глубоко враждебнаго и грознаго для шляхетскаго режима. „Это ихъ своеволіе—писалъ онъ о козакахъ—не даетъ вамъ покоя; вы, здѣсь живущіе, особенно чувствуете это, а со временемъ этотъ пожаръ можетъ и въ болѣе отдаленныхъ краяхъ создать рѣчипосполитой опасности и затрудненія, такъ какъ это крестьянство, по природѣ своей непріязненное по отношенію къ шляхетскому народу, можетъ осмѣлиться и на болѣе опасные шаги, если его оставить безъ вниманія“[1]).

Такимъ образомъ козачество признавалось опаснымъ уже не

№ 121, 1616 г.), вздыхая о прежнихъ добрыхъ отношеніяхъ съ козаками, такъ описываетъ ихъ: Byli a prima origine w karnosci i posłuszenstwie, był y z nich ten rzeczypospolitey pożytek, że wyparszy Tatarow z tych pol i kocowisk, gdzie teraz sami przemieskiwaią zatrzymywali incursiones ich, ktore asz po Lwow przed tym bywali. Laudator temporis polonici нок. Кулишъ въ своихъ болѣе раннихъ историческихъ трудахъ точно также стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что козачество, будучи по внѣшности элементомъ разрушительнымъ, въ дѣйствительности являлось факторомъ положительнымъ. „Козаки были призваны спасти народную будущность грубо реакціоннымъ способомъ,“ какъ формулируетъ онъ это въ одномъ мѣстѣ (Исторія возсоединенія II с. 180), признавая, что „колонизація опустѣлой Руси совершалась подъ прикрытіемъ козачества“ (с. 164). Только въ своихъ болѣе позднихъ сочиненіяхъ онъ вполнѣ сталъ на чисто шляхетскую точку зрѣнія, совершенно враждебную козачеству и, благодаря этому, совершенно одностороннюю.

[1]) Gdyż to chłopstwo, ktore z przyrodzenia narodowi szlacheckiemu nie jest przyiazno, może się y czego inszego gorszego, będzie li zanedbane, poważic. Матеріалы, относящіеся къ гетм. Сагайдачнаго, въ кіев. Чтеніяхъ XV с. 147.

своими опустошеніями, а какъ вооруженное крестьянство, его военное представительство: принципіально враждебное шляхтѣ, оно угрожаетъ ей соціальнымъ переворотомъ. И нѣсколько лѣтъ спустя (на сеймѣ 1623 г.) одинъ изъ украинскихъ магнатовъ, кн. Юрій Збаражскій, описывая страхъ, наводимый козачествомъ на правительство и шляхетское общество Польши, наряду съ традиціоннымъ мотивомъ турецкой опасности, угрожающей благодаря козакамъ, обращаетъ вниманіе на „собственный домашній страхъ и неволю, какую терпимъ отъ своихъ же хлоповъ,—что скоро разразится эта буря по причинамъ религіознымъ и вслѣдствіе великой дерзости этихъ людей“ [1]). Въ этихъ довольно неясныхъ выраженіяхъ не трудно уловить мысль оратора: страхъ передъ козачествомъ, какъ выразителемъ стремленій украинскихъ массъ въ сферѣ соціальной и религіозной (т. е. національной въ тогдашнемъ пониманіи),—и безпокойство, которое внушала постановка національнаго вопроса этимъ вооруженнымъ „хлопствомъ“. Два года спустя, обращая усиленное вниманіе правительства на козаковъ, въ виду грозящей крестьянской войны [2]), тотъ же Збаражскій подробно выясняетъ источникъ козацкой „арроганціи“ (дерзости)—національно-религіозный и соціальный: сочувствіе козакамъ со стороны всѣхъ круговъ, чувствующихъ религіозно-національныя притѣсненія и гнетъ панскаго права. „Сила козаковъ такъ опасна не только одною численностью этихъ разбойниковъ, помимо этого есть еще два обстоятельства: огромный авторитетъ ихъ злодѣяній и явная или скрытая пріязнь къ нимъ со стороны чуть ли не всей Кіевской земли и Бѣлоруссіи: города королевскіе и частные, дома шляхетскіе, одни явно, другіе изъ страха—тайно сочувствуютъ имъ и желаютъ всякаго успѣха, считая ихъ своими спасителями въ своемъ угнетенномъ состояніи“. „Всѣ эти русскіе края, говоритъ онъ далѣе, считающіе себя угнетенными отчасти панскою властью, отчасти по своей глупости жалующіеся на унію—несомнѣнно поднялись бы одновременно съ козацкимъ возстаніемъ и искали бы мести вмѣстѣ съ ними“ [3]).

---

[1]) Ale i względem naszego własnego domowego strachu i niewoli, którą od swoich ze wlasnych chłopów cierpimy, gdyz prędko na nas ta tempestas eruptura est rozney religiey y wzdęcia tych ludzi—Гisty ks. Zbaraskiego 77.

[2]) Imminet beli servilis periculum.

[3]) Жерела VIII № 179 (отрывокъ у Кулиша Матеріалы с. 102, съ ошибочною датою). Въ рукоп. публ. библ. (Пол. F. IV

Но эти глубокія, принципіальныя перемѣны въ позиціи козачества шляхетскому обществу въ цѣломъ могли выясняться лишь постепенно,—гораздо раньше мѣстная украинная шляхта на цѣломъ рядѣ конкретныхъ явленій съ тревогою замѣтила, какъ ростъ козачества подрываетъ ея экономическія интересы въ цѣломъ рядѣ пунктовъ.

Наиболѣе чувствительнымъ и больнымъ вопросомъ была козацкая „стація". Для своихъ военныхъ контингентовъ, по примѣру короннаго войска, козачество требуетъ отъ державцевъ королевскихъ земель и точно также отъ украинскихъ помѣщиковъ квартиръ и содержанія—„приставствъ" и „лежъ", какъ ихъ называли. Не получая жалованья отъ правительства, козацкое войско, какъ и польскіе солдаты, считало себя въ правѣ вознаграждать себя этими постоями и поборами—прежде всего въ имѣніяхъ королевскихъ, а затѣмъ—также и въ частныхъ владѣніяхъ, и по мѣрѣ роста военныхъ козацкихъ контингентовъ эти претензіи козачества падаютъ все болѣе тяжелымъ бременемъ на украинскую шляхту и ея хозяйство. Въ цитированномъ уже письмѣ кн. Збаражскаго къ королю отъ 1583 г. мы видѣли сдержанныя, но идущія отъ глубины сердца жалобы украинскаго магната на эти козацкія приставства и претензіи подъ предлогомъ „службы рѣчи посполитой". „Не иначе они выражаются, какъ только такъ, что, молъ, служили рѣчи посполитой и берутъ себѣ приставства по-старому... Прежде я жаловался на Янчу, силою захватывавшаго себѣ приставства и причинявшаго немало вреда—теперь пріѣзжающіе объявляютъ, что займутъ приставства у меня и приказываютъ приказчику давать имъ содержаніе; называютъ даже посланца (вѣроятно королевскаго или гетманскаго), съ вѣдома котораго назначаются имъ приставства. Еле можно упросить, чтобы не брали силою, а что дальше будетъ, одинъ Богъ знаетъ. Я увѣренъ, что они ходили (въ походъ на Турокъ) безъ приказа (королевскаго) и не считаю справедливымъ, чтобъ имъ давались приставства" [1]).

Такимъ образомъ въ помѣщичьихъ, такъ же, какъ и въ

№ 109) письмо это читается съ нѣкоторыми интересными варіантами, которыми я пользуюсь тутъ (приведенное выше мѣсто читается здѣсь: onych samych liberatores w ucisku swoich kładą et non desunt falsa auguria, ktoremi y ich i siebie dementuiąc y obostrzaiąc...).

[1]) Sprawy wojenne c. 155.

правительственныхъ кругахъ признавалось, что козаки имѣютъ права на приставства, если они несутъ службу рѣчи посполитой. Видѣли мы, что и ординація 1591 г. [1]) признавала за ними это право, и чтобы избавиться отъ ихъ „лежъ и приставствъ“ постановила, что козаки будутъ стоять за предѣлами волости, на Низу, и туда будутъ имъ посылаться припасы старостами и державцами королевскихъ земель. Изъ этого выселенія козаковъ на Низъ, а тѣмъ болѣе изъ доставки имъ туда припасовъ не вышло ничего, и принципъ содержанія козаковъ на волости долженъ быть остаться въ силѣ. Но хотя эта обязанность содержанія козаковъ, иначе говоря право „приставствъ“, признавалась только за королевскими имѣніями, какъ видно изъ приведеннаго выше постановленія ординаціи,—въ дѣйствительности, несомнѣнно, козаки распространяли эту практику и на частновладѣльческія имѣнія. Равнымъ образомъ, хотя это право признавалось только за тѣми козаками, которые находились на службѣ рѣчи посполитой и только тогда, когда они эту службу несли,—въ дѣйствительности на это право претендовали и осуществляли его всѣ козаки. Такъ какъ правительство обыкновенно не въ состояніи было провести опредѣленной границы между служилымъ и своевольнымъ козачествомъ, а козачество, какъ мы видѣли, всегда и всюду считало себя несущимъ службу рѣчи посполитой, то въ результатѣ все козачество въ цѣломъ, если только чувствовало себя въ силахъ,—домогалось приставствъ въ украинскихъ волостяхъ для себя въ полномъ составѣ. Мы видѣли, какъ Наливайко, предлагая свои услуги коронному гетману, одновременно просилъ ему указать, гдѣ бы его козаки żywnoszy do czasu slusnego dosięgać mieli [2]), а не получивъ отъ гетмана инструкцій по вопросу о „приставствахъ“, и вообще не будучи принятъ имъ на службу, онъ тѣмъ не менѣе, то вмѣстѣ съ Низовцами, то отдѣльно отъ нихъ расквартировывается безъ церемоніи въ украинскихъ волостяхъ и требуетъ доставки всякихъ припасовъ, „стацій и помѣрнаго“ отъ державцевъ и помѣщиковъ, и даже свѣдѣній о доходахъ королевскихъ имѣній—очевидно для опредѣленія размѣровъ своихъ контрибуцій [3]). И у вождей собственно низового козачества это вѣчная, постоянная нота въ ихъ сношеніяхъ съ

[1]) Архивъ Ю. З. Р. III. I № 11.
[2]) Listy № 41.
[3]) Архивъ III. I № 22 (Listy c. 39).

военными и административными властями—постоянное требованіе, въ болѣе или менѣе деликатныхъ формахъ—„не лишать козаковъ хлѣба-соли въ здѣшнихъ краяхъ [1]).

Всякій разъ, когда ослабѣвала польская власть на Украинѣ, когда расходились крайніе, наименѣе дисциплинированные элементы козачества, это скромное пользованіе „хлѣбомъ и солью" переходило въ такіе безцеремонные наѣзды и грабежи, какіе позволяли себѣ не только Наливайковцы, но и Низовцы Лободы въ то самое время, когда онъ такъ любезно просилъ не лишать козаковъ хлѣба-соли [2]). Но и въ своей наиболѣе лойяльной формѣ эти „приставства" докучали украинской шляхтѣ, такъ какъ задѣвали ея матеріальные интересы и кромѣ того—благодаря этому расквартированію козаковъ распространялось козацкое бродило среди украинскаго населенія, содѣйствуя процессу окозаченія послѣдняго.

Это окозаченье украинскаго населенія подрывало въ самомъ корнѣ планы шляхетскаго хозяйства на Украинѣ. Масса населенія, мѣстами—преобладающее большинство ускользало изъ рукъ шляхты: хваталось за идею козацкаго иммунитета, отдавалось подъ козацкое верховенство, подъ козацкій присудъ и въ качествѣ козаковъ, отказывалось затѣмъ отъ всякихъ даней и повинностей, отъ подчиненія всякому другому начальству—въ городахъ магистратамъ и старостамъ, въ королевскихъ земляхъ старостамъ и державцамъ, въ частныхъ имѣніяхъ—помѣщикамъ. Переходъ массъ населенія въ ряды козачества становится вѣчною пѣснею въ первой четверти XVII вѣка. „Пошли къ нимъ бродяги (gołotowie) пошли осужденные, пошли бѣглые,—бѣжали, покинувъ поля, ушла челядь, захвативъ, что можно, у помѣщиковъ—такъ что мало у кого остались люди для плуга въ Подольскихъ земляхъ", говоритъ королевское предложеніе на сеймъ 1615 г. [3]). „Набралось этого гультяйства столько, что трудно имѣть хлопа или наемника: къ этой сволочи на своеволье льнетъ все, что только живо", замѣчаетъ два года позднѣе Жолкевскій [4]). Анонимный публи-

---

[1]) Письмо Лободы отъ 1596 г.—Listy № 42, письмо Саська отъ 1595—ib. № 40.

[2]) A chleba soli w tym tu kraju zabraniacz ne racz, gdyżechmy nie iest pryeciwni zwierzchnosci iego krol. mci naszego msciwego pana, tudziesz, y roskazaniu wmci i wiemy iako mamy poważać msciwą laskę wmci naszego msciwego pana—l. c.

[3]) Жерела VIII с. 165.

[4]) Pisma Żolkiewskiego c. 285.

цистъ изливаетъ свои жалобы на управляющихъ королевскими имѣніями, не ставящихъ никакихъ препятствій переходу крѣпостныхъ въ козачество: „таково ихъ всеобщее убѣжденіе, что давъ подстаростѣ червонный золотой, они свободно могутъ итти въ козачество, а при своемъ возвращеніи съ разбоя разбойникъ-козакъ дѣлится съ подстаростою добычею, награбленною у бѣдныхъ людей“ [1]). А на ряду съ этимъ огромныя массы населенія, не мѣняя своего мѣстопребыванія, переходятъ изъ-подъ „обычной юрисдикціи“ подъ власть козацкую. Люстраціи королевскихъ имѣній 1616 г. даютъ чрезвычайно интересныя цифровыя данныя для иллюстраціи этого процесса, начавшагося въ концѣ XVI в. и затѣмъ все усиливающагося.

При староствѣ Бѣлоцерковскомъ читаемъ: во время ревизіи замѣститель державца кн. Ян. Острожскаго заявилъ, что „староство это, какъ и всѣ другія староства Кіевскаго воеводства, опустошено постоянными татарскими нападеніями, своевольными людьми-козаками, силою захватившими и присвоившими себѣ много старостинскихъ угодій, а также и своевольными солдатами, вернувшимися съ московской войны и другими,—такъ что самъ староста едва получаетъ четвертую часть доходовъ“ (то есть узаконенной четвертой части въ казну платить не имѣетъ возможности). Въ городѣ Бѣлой Церкви „мѣщанскихъ домовъ послушныхъ 300“, которые не платятъ никакихъ податей, только отбываютъ военную службу, а „козацкихъ домовъ, которые не хотятъ быть въ послушаніи [2]), больше 300“ [3]). Но это еще немного. Въ сосѣднемъ Богуславскомъ старостѣ въ городѣ послушныхъ домовъ было 200, непослушныхъ—400 [4]). Въ Каневѣ домовъ мѣщанскихъ послушныхъ 160, домовъ козацкихъ непослушныхъ 1346. „Селъ въ этомъ старостѣ нѣтъ совершенно, только хутора, большинство которыхъ заняли козаки [5]), такъ какъ ихъ больше, чѣмъ послушныхъ подданныхъ, но имѣютъ въ нихъ свои участки также и мѣщане, только никакихъ

---

[1]) Жерела VIII с. 176—7.
[2]) Kozackich domów ktorzy niechcą być pod posłuszenstwem.
[3]) Архивъ Ю. З. Р. VII I с. 290.
[4]) Źródła dz. XX с. 54.
[5]) Въ Архивѣ: ktorych więcey 7 osiedli, это 7 явилось должно быть по недоразумѣнію, въ Źródła dz. V с. 104 его нѣтъ, и ср. тамъ же с. 106.

обязанностей, кромѣ военной службы, не несутъ съ нихъ“ [1]). Въ старостве Корсунскомъ повторяется то же: въ Корсуни послушныхъ домовъ 200, козацкихъ 1300; въ м. Стеблевѣ послушныхъ домовъ 100, козацкихъ 400 [2]). Въ старостве Переяславскомъ—въ Переяславлѣ домовъ послушныхъ 300, козацкихъ 700 [3]); въ м. Яготинѣ послушныхъ 50, „домовъ козацкихъ, не желающихъ быть въ послушаніи—50“; въ слободахъ: въ м. Гелмазовѣ „домовъ мѣщанскихъ послушныхъ 40, козацкихъ непослушныхъ домовъ 800“. въ Быковѣ (основанныхъ въ предыдущемъ году) „домовъ мѣщанскихъ послушныхъ 30, козацкихъ 25“, въ Яблонковѣ (точно такъ же заселенномъ лишь въ предыдущемъ году) послушныхъ мѣщанскихъ домовъ 50, козацкихъ домовъ 30 [4]). Въ Черкасахъ домовъ послушныхъ 150, „козацкихъ непослушныхъ 800“. въ Боровицѣ, поголовно пользующихся льготою „домовъ послушныхъ 50 [5]), козацкихъ 100“, въ Ирклеѣ—тоже слободѣ—„домовъ мѣщанскихъ послушныхъ 20, козацкихъ домовъ больше 300“; въ м. Голтвѣ, „которое лишь второй годъ какъ основано“—послушныхъ домовъ 30, козацкихъ домовъ 700; м. Кропивна, заселенное въ прошломъ году, имѣетъ домовъ мѣщанскихъ послушныхъ 30, домовъ козацкихъ 60 [6]); въ Чигиринѣ домовъ послушныхъ 50, козацкихъ 500; въ Даниловѣ послушныхъ 20, козацкихъ 280 [7]).

Итакъ, въ однихъ только отмѣченныхъ люстраціею городахъ и мѣстечкахъ, составляющихъ только часть украинской территоріи, мы, не считая селъ, находимъ около семи съ половиною тысячъ непослушныхъ козацкихъ домовъ, въ пять разъ больше, чѣмъ послушныхъ... Это въ то время, когда для всей Украины правительство хотѣло весь оффиціально признанный козацкій контингентъ ограничить одною тысячею [8]).

При этомъ „непослушныхъ“ козаковъ мы встрѣчаемъ была въ такихъ городахъ, населеніе которыхъ и безъ того не несло другихъ обязанностей, кромѣ военной службы, т. е. вся разница была въ томъ, что оно должно было отправляться въ походъ со старо-

---

[1]) Архивъ VII. I с. 308.

[2]) Źródła dz. XX с. 54. [3]) Ibid.

[4]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 312—3.

[5]) Въ изданномъ текстѣ очевидно по ошибкѣ отмѣчено 500, ср. цифры 1622 г.: 70 послушныхъ и 120 непослушныхъ.

[6]) Архивъ Ю. З. Р. VII I с. 313—4.

[7]) Źródła XX с. 54. [8]) Комиссарскій проэктъ 1617 г.

стою, а не подъ предводительствомъ козацкаго атамана. Находимъ ихъ и во вновь заселенныхъ слободахъ, населеніе которыхъ вовсе не несло никакихъ обязанностей. Слѣдовательно тутъ былъ вовсе не простой оппортунизмъ, а принципіальное отрицаніе панскаго права. Люди заявляли себя козаками и не хотѣли знать надъ собою помѣщика; поступали такъ умышленно, чтобы не имѣть ничего общаго съ панскою властью, независимо отъ того, какова бы она ни была—легка или тяжела, однимъ словомъ— не хотѣли быть „подданными“. Въ этомъ лежало, съ соціальной и политической точки зрѣнія, революціонное значеніе козачества, независимо отъ того, бунтовало оно, или жило въ согласіи съ администраціей въ данный моментъ. Козакъ—это „непослушный человѣкъ“, homme sans foi et loi съ точки зрѣнія шляхетской рѣчи посполитой.

Въ виду этого намъ понятно будетъ замѣчаніе въ той же люстраціи при м. Гуляникахъ (въ окрестностяхъ Кіева): „въ этомъ городѣ осѣдлыхъ домовъ было болѣе 300—значительно больше, но ушли на своеволье, а за ними изъ города были выгнаны и ихъ жены съ дѣтьми, чтобы не привлекать сюда козаковъ на жительство“ [1]). Съ панской точки зрѣнія, дѣйствительно, слѣдовало силою разогнать эти непослушные элементы, чтобы они не умножались. Но не у всѣхъ было для этого достаточно энергіи, достаточно силы и отваги, чтобы задѣвать козаковъ здѣсь „яко на Украинѣ“. И „непослушное населеніе“ росло и умножалось; въ то время какъ законопослушное сводилось наряду съ нимъ, какъ мы уже видѣли, къ сравнительно небольшимъ группамъ, непослушный элементъ задавалъ тонъ и чувствовалъ себя хозяиномъ.

Возьмемъ нѣсколько подробностей изъ болѣе поздней люстраціи, 1622 г. Въ Каневѣ „козаки извлекаютъ для себя всякія выгоды изъ полей и рѣкъ, захватываютъ чуть ли не всѣ земли не только въ городѣ, но и въ селахъ, и поэтому нѣтъ никакихъ доходовъ“, такъ какъ козаки эти „не несутъ никакихъ повинностей, не оказываютъ никакого послушанія“ [2]). Въ переяславскихъ селахъ и хуторахъ, входящихъ въ составъ староства (въ числѣ

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. VII. I с. 316.

[2]) Źródła V с. 131; цифра козацкихъ домовъ 150 здѣсь, очевидно, ошибочна, Каневъ не могъ имѣть въ общей сложности три сотни домовъ (140 непослушныхъ).

25) послушныхъ подданныхъ 280, а среди нихъ живутъ козаки—„пользуются землями и всякими угодьями, и отъ нихъ нѣтъ ни пользы, ни послушанія—ихъ больше тысячи". Въ Богуславскомъ старостве по всѣмъ селамъ и хуторамъ „нѣтъ подданныхъ послушныхъ—всего нѣсколько, остальные козаки" [1]).

Шляхта хотѣла сломить этотъ принципъ козацкаго непослушанія.

Реабилитируя козачество послѣ предшествующихъ приговоровъ въ 1601 г., сеймъ, какъ мы видѣли, пробовалъ отмѣнить козацкій иммунитетъ. Постановленіе сейма гласило, что козацкое управленіе ограничивается только командованіемъ мобилизованными козацкими силами и не должно ни въ чемъ ограничивать „обычной юрисдикціи" старостъ, державцевъ и помѣщиковъ надъ козаками, живущими въ ихъ имѣніяхъ, наравнѣ съ прочими подданными [2]). Но это постановленіе не было осуществлено, сколько его не возобновляли, и конституція 1609 г. совершенно опредѣленно констатируетъ, что козаки продолжаютъ не признавать надъ собой власти помѣщиковъ и старостъ, имѣютъ свой судъ и берутъ подъ свою юрисдикцію цѣлые города [3]). „Ни магистратовъ по городамъ, ни старостъ, ни гетмановъ не слушаютъ, сами себѣ права измышляютъ, должностныхъ лицъ и вождей устанавливаютъ и въ великомъ государствѣ создаютъ свое отдѣльное, такъ что недостаетъ только, что бы мы говорили: „власть Цезарь дѣлитъ съ Юпитеромъ", но и до этого скоро дойдетъ, если во-время ихъ не сдержимъ", замѣчаетъ цитированный уже публицистъ въ 1616 г. [4]). А спустя десять лѣтъ король въ инструкціи на повѣтовые

---

1) Źródła dz. V c. 132 и 136.

2) Vol. legum II c. 401.

3) Постановленіе 1607 г.: ustawujemy, aby ludzi swowolni kozacy zaporozcy w dobrach naszych mieszkający iurysdycyey starostow naszych y podstaroscich ich, *a ktorzy, w dobrach panow* tak duchownych iako y swieckich, tedy inrysdycyey panow dobr onych podlegali (Volum. legum II c. 447). Постановленіе 1609 г. съ ссылкой на постановленіе 1607 г.: iednak mimo tę konstytucyą y dawne zwyczaie wielkie bezprawie y swowolą ci kozacy czynią, (nie) tylko to zwierzchności starostow naszych y *panow swych* nie przyznawaią, ale hetmany swe y inszą formę sprawiedliwości swey maią; и ниже: Miasta tez nasze y mieszczanie chcemy aby się pod ich jurysdykcye nie podawali y synom swym tego czynić nie pozwolali (c. 465). Ср. конст. O swywoli ukrainnej 1607 г. (c. 443); см. еще ниже.

4) Жерела VIII c. 174.

сеймики рисуетъ ту же самую картину еще болѣе яркими красками: „Домашнее своеволье (козацкое) доходитъ до того, что уже въ самомъ дѣлѣ, забывъ вѣрность и подданство заводятъ у себя свое удѣльное государство. Грозятъ жизни и имуществу невинныхъ людей. Вся Украйна имъ подвластна. Шляхтичъ несвободенъ въ своемъ собственномъ домѣ. Въ городахъ и мѣстечкахъ королевскихъ все управленіе, вся власть въ рукахъ козаковъ. Захватываютъ юрисдикцію, издаютъ законы“ [1]).

Когда оказалось невозможнымъ сломить козацкій иммунитетъ, заинтересованные круги обращаютъ особое вниманіе на то, чтобы точною цифрою реестра ограничить контингентъ, которому принадлежатъ козацкія права, и чтобы это ограниченіе, этотъ реестръ дѣйствительно былъ проведенъ въ жизнь, чтобы всѣ не включенные въ реестръ козаки были лишены принадлежащихъ козакамъ правъ. Съ другой стороны, добиваются того, чтобы это привилегированное козачество было ограничено исключительно королевскими имѣніями и не имѣло доступа въ частныя владѣнія: если въ интересахъ военной службы государству этому военно-служилому козачеству необходимо уступить въ сферѣ владѣльческихъ правъ, то эта уступка должна быть сдѣлана за счетъ государства же, его владѣній, т. е. королевскихъ имѣній, а не за счетъ частныхъ правъ и доходовъ. Снова прошу припомнить аналогію съ „выбранцами“, набиравшимися тоже лишь изъ королевскихъ имѣній.

Комиссія 1619 г. впервые опредѣленно выдвинула этотъ принципъ. По ея постановленію козацкимъ иммунитетомъ могутъ пользоваться только вписанные въ реестръ козаки, живущіе въ королевскихъ имѣніяхъ; здѣсь—постановляютъ комиссары—козаки должны только показывать администраціи wszelaką uczciwość и въ случаѣ крайней нужды ѣздить на Татаръ съ мѣстной администраціей,—большаго отъ нихъ здѣсь не требуется, да и этого козаки вѣроятно не исполняли въ дѣйствительности. Реестровые же козаки, имѣющіе осѣдлость въ частныхъ имѣніяхъ, должны или перейти въ королевскія земли, или отказаться отъ козацкой юрисдикціи.

Такъ проэктировали комиссары. Но въ козацкихъ кругахъ не допускали возможности, чтобы козакъ могъ подлежать власти и юрисдикціи помѣщика, и не хотѣли создавать подобнаго прецедента; поэтому въ худшемъ случаѣ—еслибы козацкая юрисдикція въ част-

---

[1]) Жерела VIII № 178.

ныхъ земляхъ не могла быть допущена, козацкая старшина вмѣняла козакамъ въ обязанность переходить въ королевскія имѣнія [1]). Но при этомъ козаки такое ограниченіе козацкаго иммунитета одними лишь королевскими имѣніями считали „за великій ущербъ въ вольностяхъ пожалованныхъ грамотами покойныхъ королей". Это показываетъ, что въ частновладѣльческихъ земляхъ точно такъ же, какъ и въ королевскихъ, козаки все это время не признавали власти помѣщиковъ (объ этомъ впрочемъ свидѣтельствуютъ и упомянутыя выше конституціи), и только за отсутствіемъ подобныхъ переписей, какіе имѣются для королевскихъ земель, мы не можемъ представить въ цифрахъ распространенія здѣсь козацкаго элемента. Напрасно король пояснялъ козацкому войску, что здѣсь дѣло идетъ уже о священныхъ правахъ собственности шляхты. „Король не можетъ у кого бы то ни было отобрать права собственности, освобождая подданныхъ отъ повиновенія ихъ помѣщикамъ: онъ управляетъ свободнымъ народомъ" [2]),—толковалъ онъ. Но козаки не могли понять этой аксіомы шляхетскаго права и продолжали настаивать, а не будучи въ состояніи добиться разрѣшенія—фактически не хотѣли подчиняться этой нормѣ.

Начиная со второго десятилѣтія XVII в. вопросъ о козацкой юрисдикціи въ частновладѣльческихъ земляхъ на долго становится предметомъ ожесточенныхъ споровъ и постоянно повторяемыя постановленія и вѣчные толки о выводѣ козаковъ показываютъ, что козаки никакъ не могли помириться съ этимъ принципомъ и одинаково не подчинялись помѣщичьей власти и юрисдикціи какъ въ королевскихъ, такъ и въ частновладѣльческихъ земляхъ. Они хотѣли имѣть одно козацкое право и одинъ козацкій строй для всего козачества, независимо отъ офиціальныхъ ограниченій, и независимо отъ мѣста жительства.

Къ концу XVI в. козачество сдѣлало уже довольно большіе успѣхи въ своей организаціи. Переписка 1594—1600 гг. и драгоцѣнныя записки Лассоты о его путешествіи въ Запорожье въ 1594 г. даютъ довольно подробныя свѣдѣнія о ней [3]).

---

[1]) Декларація 1619 г. Pisma Żołkiewskiego с. 330 и слѣд.

[2]) Жерела VIII № 153 (1622).

[3]) Какъ было сказано выше, Лассота въ качествѣ агента императора отправился на Запорожье, чтобы склонить козаковъ къ

Дополнивъ ихъ указанія свѣдѣніями изъ другихъ современныхъ и болѣе позднихъ записокъ, можно составить себѣ уже довольно полное представленіе о формахъ тогдашняго козацкаго строя и козацкой жизни, какъ она развивалась въ этихъ формахъ.

Центръ тяжести этой организаціи лежитъ на „Низу", и здѣсь на свободѣ отъ внѣшнихъ вліяній и препятствій главнымъ образомъ и развертывается этотъ организаціонный процессъ козачества.

Центромъ козачества была „Січ" находящаяся въ 1594 г. на островѣ Базавлукѣ надъ Чортомлыкомъ, „или какъ они называютъ—на Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ" [1]). Она распоряжалась козацкими силами Низа и козацкимъ населеніемъ „живущимъ по городамъ и селамъ и причисляющимъ себя къ Запорожцамъ" [2]); благодаря этому она „пользовалась большимъ авторитетомъ не только на Украинѣ, но и во всей Польшѣ [3]). Численныя силы козачества Лассота лѣтомъ 1594 г. опредѣлялъ такъ: около трехъ тысячъ мобилизированнаго войска находится на Низу, и нѣсколько тысячъ можна собрать изъ козаковъ, находящихся подъ верховенствомъ Запорожскаго войска и живущихъ на Украинѣ [4]); въ моментъ его прибытія 1300 козаковъ были въ походѣ съ гетманомъ во главѣ, 400 козаковъ были разставлены въ засадахъ въ заросляхъ и камышахъ на татарской переправѣ, гдѣ они подстерегали Татаръ; остальные находились въ Сѣчи и въ разныхъ пунктахъ Низа [5]). Сама козацкая старшина въ письмѣ къ императору исчисляла количество козацкаго войска для далекаго похода въ 6 тысячъ „старыхъ козаковъ, избранныхъ людей", не считая земледѣльческаго козацкаго населенія „въ пограничныхъ краяхъ" [6]). Кромѣ

диверсіи на Татаръ; онъ былъ въ Сѣчи отъ 9/VI до 2/VII 1594 и довольно подробно описалъ это путешествіе и свои переговоры съ Запорожскимъ войскомъ въ своемъ дневникѣ, обнимающемъ 1573—1594 гг. Разсказъ сухъ, лишенъ прикрасъ, но очень обстоятеленъ; родомъ Силезецъ, Лассота понималъ немного по-украински и приводитъ украинскія выраженія, но часто полонизируетъ ихъ, либо замѣняетъ польскими. Его дневникъ изданъ въ 1866 г. подъ заглавіемъ: Tagebuch des Erich Lassota von Steblau, herausg. von R. Schottin (цитирую по этому изданію); русскій переводъ съ комментаріями Ф. Бруна: Путевыя записки Эриха Лассоты, Спб., 1873, и въ Мемуарахъ, относящихся къ исторіи Южной Руси, изданныхъ подъ редакціей пок. Антоновича, кн. I (1880).

[1]) Лассота с. 210. [2]) Ibid. с. 216.

[3]) Ibid. с. 219. [4]) Ibid. с. 216. [5]) Ibid. с. 210.

[6]) Ausserhalb des Landsvolkes an Gränzen, с. 222.

того, были еще козацкіе отряды, которыхъ Запорожье не считало своими—„не знало ихъ и знать не хотѣло“ [1]). Если во время кампаніи 1596 года, по польскимъ извѣстіямъ, всего въ козацкомъ войскѣ было около 10 тыс. [2]), то общій козацкій контингентъ въ 1590-хъ годахъ съ увѣренностью можно считать вдвое большимъ. Хорошо знакомый съ положеніемъ украинскихъ дѣлъ епископъ Верещинскій, мечтая о крестовомъ походѣ на Крымъ съ козаками, исчисляетъ козацкія силы въ 20 тыс. [3]).

Козацкое войско довольно хорошо оборудовано и организовано. Въ Сѣчи расположена козацкая артилерія; пріѣздъ и отъѣздъ пословъ салютуются пушечными выстрѣлами. Есть и военная музыка. Когда Лассота съ козацкими послами выѣзжалъ изъ Сѣчи, гремѣли войсковые барабаны и трубы, раздавались выстрѣлы изъ пушекъ [4]). Рѣшеніе итти на войну съ Татарами, принятое войсковою радою, тоже было салютовано военною музыкою и стрѣльбою [5]). Подъ Кіевомъ мы видѣли козацкое войско на лодкахъ тоже съ музыкою. Въ реестрѣ 1601 г. видимъ войсковыхъ „сурмачей“, „трубачей“ и „довбышей“ (барабанщиковъ) [6]). Должна была быть войсковая казна, гдѣ про случай сохранялись разныя цѣнныя вещи (такъ Лассота получаетъ въ подарокъ шубу изъ куницъ и шапку изъ чернобурыхъ лисицъ) [7]). Была своя флотилія, изъ самодѣльныхъ чаекъ и захваченныхъ у Турокъ суденъ: Лассоту съ послами отправили на турецкомъ „сандалѣ“ [8]). Былъ конный ремонтъ: не только лѣтомъ, но и зимою кормились въ степяхъ козацкіе табуны, и Лассота говоритъ, что мѣстомъ ихъ пребыванія служилъ островъ Хортица [9]).

Войско дѣлится на полки, состоящіе изъ пятисотъ козаковъ;

---

[1]) Listy с. 66.

[2]) См. выше подсчетъ войска подъ Лубнами, послѣ огромныхъ потерь въ предшествующихъ битвахъ. Такимъ образомъ подсчетъ Хлопицкаго, что козацкаго войска можетъ быть отъ 8 до 10 тыс. (Лассота с. 216) собственно не былъ преувеличеннымъ, хотя Лассота и опровергаетъ его: несомнѣнно въ такомъ количествѣ войско можно было дѣйствительно собрать, не жалѣя денегъ и принимая въ войско безъ большого разбора.

[3]) Письмо изд. въ прибавленіяхъ у Стороженка с. 314.

[4]) Ор. с. с. 223, ср. 210.

[5]) с. 214. [6]) См. ниже с. 282.

[7]) с. 220 (иное говоритъ Папроцкій, см. ниже с. 383.

[8]) с. 223. [9]) с. 210.

во главѣ полка полковникъ[1]). Полкъ дѣлится на сотни, которыми командуютъ сотники. Сотни состоятъ изъ десятковъ, съ атаманами во главѣ[2]). За порядкомъ въ войскѣ слѣдятъ эсаулы, „асавули“, состоящіе при гетманѣ—они напр. созываютъ козаковъ на раду, и Лассота приравниваетъ ихъ къ „лейтенантамъ“[3]). Довольно подробную схему козацкаго войска начала XVII в. даетъ намъ записка о выплатѣ „жолду“ Запорожцамъ на ливонскую войну[4]). Здѣсь перечислены: „гетманъ“, „обозный“, „писарь“, четыре „полковника“, восемь „осауловъ“, 20 „сотниковъ“, 152 „десятника“, 16 „прапорниковъ, сурмачей, барабанщиковъ (bembenicze) и трубачей“, 1799 рядовыхъ („черныхъ пахолковъ“), 12 пушкарей, 20 погонцевъ; всего 2032 человѣка. Такимъ образомъ имѣемъ: четыре полка по 500 человѣкъ приблизительно въ каждомъ; полкъ состоитъ изъ пяти сотенъ, сотня имѣетъ неполный десятокъ куреней или десятковъ, съ десятниками или атаманами во главѣ. Но это былъ офиці-

---

[1]) Хлопицкій ein Polkownik, das ist ein bevehlshaber über fünff hundert Man—с. 220, ср. письмо Саська отъ 1595 г., въ которомъ онъ подписался „połkownik woyska zaporoskiego“—Listy с. 64, полковники въ письмѣ Кишки 1600 г.—см. ниже. Такимъ образомъ Кулишъ напрасно доказывалъ, что полковниковъ козацкихъ въ то время не было (Ист. возсоед. II с. 37—8)—на томъ основаніи, что ихъ нѣтъ въ письмѣ Косинскаго. Но возможно, что чинъ этотъ только что входилъ тогда въ употребленіе и поэтому упоминается довольно рѣдко.

[2]) Сасько Федоровичъ и Ничипоръ unsers Kriegsvolcks bevehlshaber über hundert Man—Лассота с. 222; сотники въ письмѣ Косинскаго 1593 г.—см. ниже; „сотникъ войска... козаковъ гетмана Лободы“—въ процессѣ 1596 г. (Архивъ Ю. З. Р. III. I № 35), сотни и сотники Наливайка—Ист. возсоед. II, приб. с. 437. Десятки съ атаманами въ реестрѣ 1581 г.—Źródła XX с. 154 и выше с. 155—6. „Атаманья“ въ цитированномъ письмѣ Косинскаго, ср. письмо Байбузы—Listy № 60; въ упомянутомъ процессѣ 1596 г. Ганскій „ся озывалъ атаманом сотни того то Слуцкого“; наконецъ полковники, сотники и атаманы—въ письмѣ Кишки 1600 г., Жерела VIII № 72.

[3]) jassawuli, welches bewehlshaber und etwan wie Leuttenandt möchten gerechnet werden—Лассота с. 214.

[4]) Кіевская Старина 1896 кн. 2, ср. Górski Historya piechoty с. 243; этотъ другой реестръ нѣсколько иной, десятниковъ здѣсь 157, и есть еще другая разница въ цифрахъ: плата гетману—200 зол., эсаулу по 25; въ концѣ pro plumbo, pulvere pixidario 500 fl., pro pannis 12.640 fl.

альный подсчетъ, а въ дѣйствительности въ полку и тогда бывало больше чѣмъ по 500 душъ—очевидцы исчисляли козаковъ, участвовавшихъ въ ливонской войнѣ въ 4 тыс., а позднѣе, съ ростомъ козачества, на ряду съ офиціальными полками были еще, такъ сказать, сверхштатные полки, и въ полкахъ по нѣскольку тысячъ козаковъ—напр., въ Хотинской кампаніи насчитывается 11 полковъ, въ каждомъ отъ 1600 до 4000 тыс. козаковъ [1]). При каждомъ полку имѣется знамя, сурмачъ, барабанщикъ, трубачъ (какая разница между трубачемъ и сурмачемъ, остается неяснымъ). Восемь эсауловъ, вѣроятно, всѣ состояли при гетманѣ, какъ его адъютанты и штабные офицеры. Артиллеріею завѣдуетъ обозный, въ рангѣ полковника. Канцелярію ведетъ писарь. Цифры жалованья даютъ представленіе объ отношеніи этихъ должностей: гетманъ получаетъ 120 зл. въ четверть года, полковники и обозный по 30, эсаулы по 26, сотники по 15, писарь только 10, десятники по 9, пушкари по 12, музыканты и знаменоносцы по 8, рядовые козаки по 7, возчики по 3.

Какъ видимъ, служба писаря цѣнилась очень не высоко по сравненію съ военною, какъ ни важно было положеніе этого канцлера войска. Онъ изготовляетъ и контрасигнуетъ всѣ важнѣйшія бумаги, выходящія отъ имени войска: „Иванъ Кречковичъ, писарь войсковый, именемъ всего войска“, какъ читаемъ на деклараціи Косинскаго 1593 г. [2]). Въ нашемъ распоряженіи имѣются главнымъ образомъ бумаги, адресованныя польскимъ властямъ и по польски, въ обычномъ тогда эпистолярномъ стилѣ. Но есть грамоты и письма украинскія [3]). Кромѣ подписей они скрѣпляются войсковою печатью [4]). Древнѣйшій изъ описанныхъ оригиналовъ, отъ 1603 г. (гетмана Крутневича), съ печатью войска запорожскаго; печать оттиснута на бумагѣ, имѣетъ

---

[1]) Жерела VIII с. 250.

[2]) Архивъ Ю. З. Р. III I с. 56.

[3]) Напр. древнѣйшее изъ извѣстныхъ въ настоящее время гетманскихъ писемъ—Микошинскаго отъ 1586 г. (Listy с. 34), также вышеуказанная декларація Косинскаго 1593 г., грамота Крутневича отъ 1603 г. (К. Стар. 1898, I).

[4]) Dessen zu urkundt und mehrer gevissheit haben Wir unsern gesandten diesen volmachtbrieff mitgeben, somit unter des Kriegsvolcks insigill verfertiget und von unseren schreiber Liew Woronowicz mit eigner Handt unterschrieben worden—вѣрующая грамота посламъ у Лассоты с. 222.

изображенiе козака съ надписью вокругъ: „печать войска Запорозкого“ [1]).

Въ своихъ письмахъ и грамотахъ войско козацкое обыкновенно титулуетъ себя „войскомъ запорожскимъ“, охотно также называетъ себя „рыцарствомъ запорожскимъ“, или „рыцарствомъ войска запорожскаго“ [2]), а въ грамотѣ Микошинскаго 1594 г., переданной въ нѣмецкомъ переводѣ Лассотою, оно называется „вольнымъ войскомъ запорожскимъ“ [3]). Этотъ послѣднiй титулъ несомнѣнно хорошо передаетъ указанный выше взглядъ козаковъ на себя, какъ на самостоятельную политическую силу, которая только сама собою распоряжается и ни отъ кого не зависитъ [4]). Козаки продаютъ свою службу сосѣднимъ государямъ, какъ польскому королю, такъ и другимъ владѣтелямъ, но если въ своихъ письмахъ называютъ себя „нижайшими слугами“, короля, императора или кого иного, то это съ ихъ стороны только форма, этикетъ—и на такiя учтивости, ничего не стоющiя и ни къ чему не обязывающiя, козачество было очень щедро. Но когда въ 1620 годахъ польское правительство слишкомъ надоѣло имъ своими напоминанiями, чтобы они не нарушали мира съ Турками, войско козацкое въ концѣ концовъ дало такой отвѣтъ: „Знаемъ, что король помирился съ турецкимъ султаномъ—но не мы!“ [5]).

Другъ друга козаки называютъ „товарищами“ (терминъ, принятый и въ польскомъ войскѣ)—напр. въ письмѣ 1597 г. гетманъ Василевичъ проситъ польскую администрацiю оказать довѣрiе „товарищамъ нашимъ Подвысоцкому и Г. Рожѣ“ [6]). Употребляется названiе „товариство“ и для обозначенiя извѣстной части, или цѣлаго войска—Байбуза напр. жаловался на разгромъ „товариства нашего“ [7]). Съ польской стороны вѣжливо титуловали козаковъ „молодцами“, или „панами молодцами“ (panowie mołojcy) [8]).

---

[1]) К. Старина 1898, I с. 3.

[2]) Напр. письмо Байбузы 1598 г.

[3]) Ich Bochdan Mikossinssky hauptmann der Zaporoser sampt der ganzen Ritterschaft des freyen Zaporosischen Kriegsvolcks — с. 222. [4]) Выше с. 180. [5]) Жерела VIII № 179.

[6]) Ркп. библ. орд. Замойскаго.

[7]) Listy с. 89. Это то, что Лассота передаетъ словомъ Gesellschaft (напр. с. 210, 216 и др.).

[8]) Напр. письмо С. Баторiя отъ 1578—9 гг.—Acta S. Batorei

Выбранный войскомъ старшина величается „гетманомъ“, или „старшимъ“. Гетманъ—титулъ не официальный: это слово имѣло широкое употребленіе въ современномъ украинскомъ и польскомъ обществѣ въ значеніи главнаго начальника вообще, и такой титулъ примѣняется одинаково къ назначеннымъ правительствомъ и выборнымъ вождямъ козачества; гетманами называются и Оришовскій, и братья Ружинскіе, и козацкіе вожди собственнаго поставленія и выборные вожди козаковъ 1590-хъ гг. [1]). И сами козацкіе вожди величаютъ себя гетманами, даже въ оффиціальныхъ бумагахъ, даже въ сношеніяхъ съ польскими властями—напр. Полоусъ подписывается въ своемъ письмѣ къ кн. Радзивиллу: Phiedor Połous hetman woyska zaporożskiego y wszystko rycerstwo [2]); Шаула въ письмѣ къ кн. Ружинскимъ: Mathwiey Savula Hethman i wsze Ryczersthwo Zaporowskie [3]); Василевичъ въ своемъ универсалѣ къ украинской шляхтѣ: Ihnath Wasilowicz Hetman ze wszitkim woiskiem zaporowskim; Байбуза въ письмѣ къ каневскому подстаростѣ: Tychon Baybuza Hetman wssitkiego woyska Zaporoskiego [4]); Микошинскій въ вѣрительной грамотѣ посламъ къ императору тоже титулуетъ себя гетманомъ [5]). Оставляю въ сторонѣ Наливайка, тоже титулующаго себя гетманомъ [6]) въ своихъ письмахъ къ коронному гетману и королю—но и Кишка въ письмѣ къ королю 1600 г. титулуетъ себя точно такъ же [7]). Но король въ отвѣтѣ называетъ его только старшимъ (Starszemu i rycerstwu woyska zaporozkiego) [8]), и этимъ болѣе скромнымъ именемъ часто титулуютъ себя и сами козацкіе вожди, напр. Лобода въ письмѣ нач. 1596 г.—Hrehory Loboda

---

с. 131, 136, Претвича 1596 г.—Listy с. 55, Замойскаго отъ 1600 г.—ib. № 74, короля отъ 1620 г.—ркп. библ. Замойскаго, и др.

[1]) Гетманъ Оришовскій—напр. въ письмѣ Баторія, Acta S. Batorei с. 436, у Бѣльскаго с. 1360 и въ процессѣ 1586 г.—Архивъ VII. I № 35; гетманъ М. Ружинскій—въ протестѣ кіевскаго магистрата, Архивъ III. I № 7; гетманъ Лобода—напр. въ письмахъ Острожскаго (Кулишъ Ист. возсоединенія с. 431 и д.), Архивъ Ю. З. Р. III. I № 26, 35.

[2]) Археогр. сборникъ VII № 39. [3]) Listy № 48.

[4]) Ркп. библ. Замойскаго. [5]) Лассота с. 222.

[6]) „Семерій Наливайко, запорожскій гетманъ“ въ письмѣ къ коронному гетману 1594—Listy № 41, Semery (по ошибкѣ напечатано: Semexy) Nalewayko Hetman i wszystko въ письмѣ къ королю 1596 г.—Broel-Plater II с. 218.

[7]) Жерела VIII № 72 (см. ниже). [8]) Ibid. № 73.

starszy nad woyskiem zaporozskim y wszystko Rycerstwo Zaporoskie, и тотъ же Байбуза въ письмѣ къ гетману польному [1]). „Старшимъ“ называетъ козацкаго начальника и конституція 1691 г. Такимъ образомъ это до нѣкоторой степени оффиціальный титулъ.

Старшій избирается войскомъ, и этимъ правомъ выбора своего верховнаго вождя, войско очень дорожитъ. Только крайнимъ оппортунизмомъ, стремленіемъ за какую угодно цѣну добыть помощь отъ правительства, чтобы уничтожить противную партію, была продиктована просьба Байбузовцевъ во время ихъ борьбы съ Полоусовцами, чтобы правительство само назначило имъ старшого. Когда правительство, исполняя постановленіе сейма, при посредствѣ комиссій 1617—9 гг. хотѣло добиться, чтобы старшій назначался королемъ или гетманомъ, войско упорно противилось этому. Въ деклараціи 1617 г. оно стоитъ на томъ, что старшій долженъ избираться „нами самими, никѣмъ другимъ“, и только утверждаться правительствомъ [2]). А во время переговоровъ 1619 г., не считая возможнымъ отстаивать этотъ принципъ также упорно, чтобы не довести до конфликта съ правительтвомъ, оно все таки въ дѣйствительности не находило возможнымъ сринимать назначенныхъ имъ старшихъ, и на практикѣ въ войкѣ могъ распоряжаться только старшій, котораго хотѣло войско.

Выборный старшій вѣдаетъ войсковыя дѣла, совершенно не считаясь съ офиціальными вождями козачества: въ переговорахъ съ козаками 1594 г., въ ихъ совѣщаніяхъ нигдѣ нѣтъ указанія на то, что козаки считались съ волею или даже хотя бы съ существованіемъ такихъ офиціальныхъ своихъ вождей; для нихъ они, какъ я уже отмѣтилъ, самое большее были только посредниками въ сношеніяхъ съ польскимъ правительствомъ—да и то лишь тогда, когда это посредничество было нужно войску. Зато непремѣннымъ участникомъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ яівляется само войско, черезъ посредство своей рады. На это участе войска указываетъ и обычная формула гетманскихъ бумагъ, гдѣ наряду съ гетманомъ упоминаются обыкновенно и войсковыя власти и самое войско („со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ“). Какъ примѣръ особенно обстоятельной формулы можетъ послужить пись-

---

[1]) Tichon Baybusa starszy, atamany y wszystko woisko Zaporozskie—Listy № 60.

[2]) Pisma Żołkiewskiego c. 32.

мо гетм. Кишки отъ 1600 г., въ концѣ котораго фигурируетъ: „Самойло Кишка гетманъ, полковники, сотники и все рыцарство вашей кор. мил. войска Запорожскаго“[1]).

Разсказъ Лассоты довольно подробно знакомитъ насъ съ практикою козацкаго самоуправленія [2]). Дѣла обсуждаются либо въ болѣе тѣсной радѣ старшины—совѣтѣ гетмана, или на общей радѣ. Ту и другую Лассота называетъ „коломъ“—возможно, что она называлась такъ и въ дѣйствительности, по аналогіи съ „коломъ рыцарскимъ“ у польскаго войска: это названіе имѣетъ то же значеніе, что и „войсковый кругъ“ донскихъ и др. козаковъ и соотвѣтствуетъ дѣйствительному виду рады, имѣвшей форму круга, въ центрѣ котораго находилась старшина. Всѣ болѣе важныя дѣла предоставляются рѣшенію общей войсковой рады. Созываетъ ее обыкновенно гетманъ, собирая черезъ своихъ эсауловъ все имѣющееся на лицо войско. Но иногда рада собирается и по собственной инціативѣ. Если возникаютъ болѣе трудные вопросы во время совѣщанія, то рада для болѣе обстоятельнаго обсужденія ихъ или избираетъ изъ своей среды делегатовъ, то-есть передаетъ вопросъ въ комиссію, или поручаетъ дѣло старшинѣ, та и другая результаты своихъ совѣщаній представляютъ общей радѣ. Общая рада разбивается такимъ образомъ на двѣ рады—болѣе тѣсную и болѣе широкую раду войска, ожидающаго доклада первой рады. [3]). Однако бываетъ и такъ, что общая рада рѣшаетъ вопросъ, не ожидая доклада болѣе тѣсной рады, и навязываетъ свое рѣшеніе послѣдней. Вообще на радѣ войско держится по отношенію къ старшинѣ совершенно свободно и непринужденно и эта склонность войска тотчасъ же обо всемъ совѣщаться всей массою, легко поддаваясь самогипнозу толпы, была слабой стороной козацкой организаціи; однако съ теченіемъ времени эта черта ослабѣваетъ. Ultima ratio—гетманъ отказывается отъ управле-

---

[1]) Жерела VIII № 72.

[2]) Тексты приведу сейчасъ ниже.

[3]) У Лассоты выходитъ такъ, что старшина умышленно удалялась или бывала удаляема изъ общей рады—якобы для того, чтобы не стѣснять ея во время совѣщанія; но въ другихъ источникахъ не встрѣчаемся съ такой практикой, и возможно, что Лассота не понялъ этого явленія. Ср. разсказъ польскихъ комисаровъ 1619 г. о томъ, какъ рада, въ виду невозможности вести переговоры въ полной радѣ, позволила, чтобы гетманъ съ нѣсколькими десятками другихъ старшинъ вышелъ изъ рады и велъ переговоры съ комиссарами отдѣльно.

нія, то есть ставитъ вопросъ о довѣріи. Рѣшеніе рады объявляется крикомъ и бросаньемъ шапокъ. Болѣе точнаго подсчета голосовъ или констатированія большинства нѣтъ—оно принимается на глазъ. „Какъ избирается гетманъ безъ опредѣленнаго порядка [1]), не подачею голосовъ, а однимъ крикомъ и бросаньемъ шапокъ на кандидата, такъ и лишается власти часто капризомъ черни", говоритъ позднѣйшій Собѣсскій [2]). Въ принципѣ рѣшеніе, очевидно, должно быть единогласнымъ, и большинство старается склонить къ своему мнѣнію несогласныхъ съ нимъ даже угрозами и терроромъ. Формъ представительства нѣтъ. Вообще своей примитивностью и хаотичностью войсковая рада сильно напоминаетъ старое украинское вѣче. Вліянія польскихъ военныхъ, конфедераціонныхъ обычаевъ XVI—XVII в., тоже довольно вѣроятныя, дѣйствовали, очевидно, въ такомъ же направленіи на формы козацкаго самоуправленія.

Среди старшины и верхнихъ слоевъ козачества, являющихся его офиціальнымъ и неофиціальнымъ штабомъ, и въ это время было не мало людей шляхетскаго происхожденія. Мы видѣли напр., что Байбуза, жалуясь на своевольства Полоуса, разбившаго козацкій отрядъ изъ 120 человѣкъ, посланный подъ предводительствомъ эсаула Скалозуба на татарскіе перевозы, указываетъ, что при этомъ погибло „нѣсколько десятковъ человѣкъ почтенныхъ шляхтичей, людей дѣйствительно знатныхъ" [3]). Не говоря уже объ отдѣльныхъ шляхетскихъ единицахъ, скомпрометированныхъ во время козацкихъ движеній 1590-хъ годовъ [4]), мы въ это время видимъ во главѣ козачества такиъ родовитыхъ украинскихъ шляхтичей, какъ Байбуза, Кишка. И двадцать лѣтъ спустя среди козацкихъ делегатовъ при переговорахъ съ польскими комисарами, встрѣчаемъ цѣлый рядъ шляхетскихъ именъ, украинскихъ и польскихъ [5]). Правда, въ подобныя делегаціи они могли выбираться умышленно, ввиду ихъ задачъ—переговоровъ съ польскими вождями; но во всякомъ случаѣ, шляхетскаго элемента въ верхнихъ слояхъ козачества было достаточно, и оно оказываетъ нѣкоторое вліяніе на формы козацкихъ отношеній, на ходячіе взгляды козачества, въ духѣ формъ и взглядовъ шляхетскихъ.

---

[1]) Tumultuario modo. [2]) Commentarii c. 113.
[3]) Listy c. 89. [4]) См. мои „Матеріали до іст. коз. рухів".
[5]) Pisma Żółkiewskiego c. 322, 338, и др.

Представленную выше схему козацкаго устройства, извлеченную изъ нашихъ источниковъ, оживимъ нѣсколькими картинками изъ разсказовъ Лассоты и другихъ матеріаловъ.

„На Базавлукѣ, пишетъ Лассота [1]), козаки имѣли тогда свой лагерь. Нѣсколько лицъ изъ болѣе важныхъ и уважаемыхъ было отправлено, чтобы привѣтствовать насъ отъ имени всего товариства, а когда мы пріѣхали, раздались многочисленные выстрѣлы изъ пушекъ. Какъ только мы вышли на берегъ, тотчасъ же насъ провели въ „коло“. Такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ гетманъ Богданъ Микошинскій на 50 лодкахъ, съ 1300 войска, выѣхалъ въ море, то мы въ „колѣ“ заявили, что мы весьма довольны, заставъ здѣсь рыцарское товариство въ добромъ здоровьи, но въ виду того, что пана гетмана на-лицо нѣтъ, и войско не все въ сборѣ, то мы на этотъ разъ не хотѣли бы приступать къ предмету нашего посольства, а предпочли бы отложить это до счастливаго возвращенія гетмана и прочихъ. Они согласились на это съ удовольствіемъ, и мы пошли въ наши хижины которыя они называютъ „кошами“—сдѣланныя изъ камыша и накрытыя отъ дождя конскими шкурами“.

„20 іюня имѣли мы „аудіенцію“ и передали „колу“ порученное намъ. Потомъ они попросили насъ отойти и, прочитавъ во всеуслышаніе переданное нами письмо, потребовали, чтобы каждый изъ присутствующихъ высказалъ свое мнѣніе. Когда же въ отвѣтъ на первое и второе приглашеніе всѣ молчали, тогда, по обычаю, существовавшему у нихъ при рѣшеніи болѣе важныхъ вопросовъ они раздѣлились на два „кола“—въ одномъ находились старшины [2]), въ другомъ простой народъ, называемый у нихъ „чернью“ [3]). Послѣ долгихъ совѣщаній чернь рѣшила наконецъ своимъ обычнымъ крикомъ идти на службу его импер. величества, въ знакъ чего бросала вверхъ шапки. Затѣмъ они немедленно прибѣжали къ другому „колу“, старшинскому, и грозили ему, что они побросаютъ въ воду и утопятъ, если бы кто-нибудь противился [4]). Но старшина сейчасъ согласилась, такъ

---

[1]) С. 210; въ кавычкахъ привожу подлинныя выраженія Лассоты. [2]) Die bevehlshaber. [3]) Czerna.

[4]) Обычай топить виновныхъ или сопротивляющихся упоминается въ исторіи Зборовскаго: oni go za tym wskazaniem karać chcieli podług zwyczaju swego: opasawszy mocno piasku za nadre nasypać a w wodę wrzycić (c. 281). Такъ покончили козаки съ Глембоцкимъ а позже съ Грековичемъ.

какъ не могла противиться черни: она сильнѣе и могущественнѣе ея и разъярившись, не терпитъ противорѣчій. Старшины хотѣли только, чтобъ имъ предоставили поговорить съ нами объ условіяхъ и, выбравъ 20 депутатовъ, насъ снова позвали въ „коло“. Депутаты посреди большого „кола“ устроили малое „коло“, усѣлись на землю, и послѣ длиннаго совѣщанія позвали насъ къ себѣ, и мы сѣли среди нихъ. Тогда они заявили намъ, что они всѣ готовы служить его император. величеству и жертвовать для него своею жизнью. Противъ того, что бы имъ итти въ Молдавію, перейти за Дунай и напасть на Турцію, они ничего не имѣли бы, но есть много затрудненій, удерживающихъ ихъ и служащихъ препятствіемъ. Во первыхъ—они не имѣютъ лошадей ни для себя, ни подъ пушки, совершенно потерявъ ихъ: Татары послѣдней зимою въ семи нападеніяхъ захватили и угнали у нихъ больше двухъ тысячъ лошадей, такъ что у нихъ не осталось полныхъ четырехъ сотъ. Далѣе—съ такою небольшою горстью—тремя тысячами человѣкъ они не отважились бы итти въ Молдавію, такъ какъ не очень вѣрятъ „господарю“, а Молдаване по своей природѣ народъ ненадежый и вѣроломный, и они хорошо знаютъ ихъ невѣрность. Въ третьихъ—при такомъ небольшомъ вознагражденіи и неувѣренности они не могутъ обязаться службой такъ. какъ мы этого хотѣли, и пуститься въ такой дальній путь. Они требовали, чтобы я указалъ имъ способъ достать лошадей—не взялся ли бы я добыть имъ нѣсколько сотъ коней у воеводы брацлавскаго—для нихъ подъ пушки. Говорили, что не въ ихъ обычаѣ служить и пускаться въ походъ на неопредѣленныхъ условіяхъ; если бы я отъ имени его импер. величества заключилъ съ ними условіе, сколько будетъ имъ положено въ четверть года съ одной лошади [1]), то они съ своей стороны приложили бы всѣ старанія сдѣлать что-либо“. Когда Лассота увѣрилъ ихъ, что ихъ служба не останется безъ вознагражденія и уговаривалъ всетаки отправиться въ предложенный имъ и походъ—„они свидѣтельствовали Богомъ, что имѣютъ всякое желаніе послужить его импер. велич.,—но я уже слышалъ отъ нихъ о тѣхъ трудностяхъ и важныхъ причинахъ, какія на этотъ разъ не позволяютъ имъ пускаться въ такой далекій путь. Однако, чтобы засвидѣтельство-

[1]) Это очевидное вліяніе польской практики найма козаковъ и вообще всякаго войска—самое меньшее на одну четверть (три мѣсяца).

вать передъ его импер. вел. свою готовность и расположеніе, они готовы сейчасъ послать своихъ пословъ и дать имъ полномочія заключить условіе относительно ихъ содержанія [1]), а сами за это время поищутъ себѣ лошадей, и вмѣстѣ съ тѣмъ не будутъ сидѣть безъ дѣла, а покажутъ его импер. велич. свою службу на морѣ, и, если это будетъ въ человѣческихъ силахъ и погода будетъ благопріятствовать, они нападутъ на Килію и Бабу—два важныхъ турецкихъ города на Дунаѣ, или разрушатъ Перекопъ—главный городъ крымскихъ татаръ, лежавшій въ 16 миляхъ отъ нихъ прямою дорогою и немного дальше моремъ". Однако Лассота отвѣтилъ имъ на это новыми уговорами, чтобы козаки шли сейчасъ въ Молдавію, какъ того хотѣлъ императоръ, и уже съ дороги отправили къ нему пословъ„. Когда „ясавулы"—начальники, которыхъ можно приравнять къ поручикамъ (lieutenants)—обошли большое „коло" и довели все это до всеобщаго свѣдѣнія, тогда чернь снова отошла въ сторону и, составивъ отдѣльное „коло", приняла все это на своемъ совѣщаніи новымъ общимъ крикомъ [2]) и бросаніемъ шапокъ. Когда мы послѣ этого выходили изъ „кола", войско приказало бить въ барабаны и трубы и дало десять выстрѣловъ изъ пушекъ, а ночью было пущено нѣсколько ракетъ".

„Но въ тотъ же самый вечеръ нѣкоторыя безпокойныя головы вмѣстѣ съ болѣе зажиточными козаками [3])—какъ-то звѣроловы, или хозяева суденхъ и „челновъ" [4]), обратились къ простому народу и, переходя отъ куреня къ куреню, представляли имъ дальность и опасность пути и совѣтовали хорошенько подумать надъ тѣмъ, что дѣлаютъ, чтобы послѣ не раскаиваться: присланное вознагражденіе мало и незначительно, и съ нимъ невозможно пускаться въ такую дальнюю дорогу и имъ удовольствоваться, въ виду того что среди нихъ есть много бѣдныхъ товарищей—что они будутъ дѣлать съ этими деньгами и что прежде всего начнутъ покупать хлѣбъ на пропитаніе или коня? Его импер. велич. можетъ завести ихъ въ дальнія страны, а послѣ, когда уже не будетъ въ нихъ нуждаться—отправить съ чѣмъ-нибудь, тѣмъ болѣе, что они не имѣютъ отъ него никакого обезпеченія—никакого письменнаго, скрѣпленнаго печатями, договора. Такими и по-

---

[1]) Т. е. платы. [2]) Cum solenni acclamatione.

[3]) Собственно имѣющими лучшее пропитаніе—denjenigen so alda ihre guete Nahrung haben.

[4]) Die Wildtschützen und die so ihre aigne schiffe oder czolne haben.

добными словами простой народъ былъ очень встревоженъ и когда на другой день, т. е. 21 іюня, рано утромъ они снова собрались въ „коло“, то говорили совсѣмъ иначе: что въ такія рискованныя предпріятія они не могутъ и не хотятъ пускаться, къ тому же не зная, есть ли дѣйствительно деньги или нѣтъ, и кто будетъ имъ платить, такъ какъ они не имѣютъ никакой грамоты отъ его имп. вел. и на обѣщанное въ будущемъ вознагражденіе или подарки нѣтъ никакого письменнаго обезпеченія и они послали къ намъ, въ наше помѣщеніе нѣсколькихъ, чтобы извѣстить насъ обо всемъ этомъ“. Лассота отвѣтилъ на это, что деньги онъ можетъ передать тотчасъ же, какъ только они примутъ предложеніе, и показалъ свою инструкцію съ императорскою печатью. „Они съ этимъ отвѣтомъ вернулись въ „коло“, но оно оставалось при своемъ. Тогда гетманъ съ нѣсколькими наиболѣе видными людьми—среди нихъ и Лобода, бывшій гетманомъ передъ этимъ, въ то время когда былъ разрушенъ Бѣлгородъ,—начали просить и убѣждать, чтобы хорошенько подумали надъ тѣмъ, что дѣлаютъ, и не отвергали предложенную имъ императорскую милость и предложеніе, которое должны считать за великую честь для себя; они осмѣшатъ себя, если не примутъ участія въ такой похвальной „импрезѣ“ противъ исконнаго врага христіанскаго имени и не согласятся на предложеніе, милостиво имъ сдѣланное такимъ высокимъ властелиномъ. Когда же и послѣ этого они продолжали держаться своего рѣшенія,—гетманъ разгнѣвался и передъ „коломъ“ отказался отъ своей власти—сложилъ гетманство, говоря, что если они такъ мало заботятся о своей чести, славѣ и добромъ имени, то онъ не хочетъ больше быть ихъ гетманомъ, и съ этимъ „коло“ разошлось“.

„Послѣ обѣда эсаулы вновь созывали товарищество [1]) въ „коло“—иногда пуская въ ходъ даже кіи для этого. Тогда оно стало прежде всего просить Микошинскаго снова принять гетманство, и онъ согласился. Потомъ много говорилось довольно странныхъ вещей о Хлопицкомъ [2]), между прочимъ—что онъ своимъ ложнымъ заявленіемъ ввелъ въ заблужденіе не только его имп. вел., но ихъ и насъ. Нѣкоторые открыто говорили, что его нужно

---

[1]) Die gesellschafft.

[2]) Хлопицкій вызвалъ это императорское посольство, явившись къ императору въ роли козацкаго посла—см. выше с. 255.

бросить въ воду,—чѣмъ привели его въ неособенно хорошее настроеніе“ [1]).

„Утромъ, 23 іюня они собрались въ „коло“ и прислали къ намъ, въ наше помѣщеніе, нѣсколькихъ депутатовъ и объяснили намъ, что мы не должны понимать это такъ, какъ будто они не хотятъ послужить его импер. вел., но мы сами знаемъ о недостаткѣ у нихъ лошадей,—еслибъ не это, они бы показали себя. На это я выразилъ желаніе выработать условія, на которыхъ возможно соглашеніе, и предложить ихъ „колу“.

„Съ этимъ они вернулись къ товарищамъ, передали мои слова, и на этомъ козаки разошлись. Я изложилъ условія, они со своей стороны сдѣлали то же—изложили на бумагѣ, на какихъ условіяхъ они могли бы вступить на службу его имп. вел. Вслѣдствіе этого когда я послѣ полудня пришелъ въ войсковый кругъ, они не хотѣли ждать, пока я представлю имъ мои условія, а тотчасъ же прислали нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей среды, требуя отвѣта на свои условія, изложенныя на бумагѣ“.

Козаки въ своихъ условіяхъ, представивъ, какія услуги они уже оказали императору (такой характеръ придаютъ они на этотъ разъ своимъ послѣднимъ походамъ на Турокъ и Татаръ), настаиваютъ на своемъ, что въ Молдавію они пойдутъ не иначе, какъ получивъ категорическое обѣщаніе опредѣленнаго жалованья и съ этой цѣлью хотятъ отправить своихъ пословъ къ императору, а тѣмъ временемъ предпримутъ походъ на Крымъ. Лассота, увидѣвъ, что ничего больше не добьется, долженъ былъ въ концѣ концовъ согласиться на это, и въ качествѣ награды за походы, совершенные, по словамъ войска, въ интересахъ императора, передалъ имъ привезенныя деньги.

„24 іюня въ открытомъ „колѣ“, среди котораго были воткнуты и развивались императорскія знамена, передалъ я имъ восемь тыс. дукатовъ золотомъ. Они тотчасъ же разостлали нѣсколько татарскихъ „кобеняковъ“ [2]), или плащей, которые они обыкновенно носятъ, высыпали на нихъ деньги и поручили нѣсколькимъ старшинамъ пересчитать ихъ. Я послѣ этого вернулся въ свой курень, а они еще долгое время оставались вмѣстѣ. Въ теченіе слѣдующихъ дней они очень усердно совѣщались въ „колѣ“ и наконецъ рѣшили послать Хлопицкаго не къ его имп.

---

[1]) Лассота затѣмъ выясняетъ читателю ложность извѣстій, данныхъ Хлопицкимъ австрійскому правительству. [2]) Керепіkh.

вел., а къ вел. кн. московскому, а на его мѣсто выбрали и снарядили Саська Федоровича и Ничипора, чтобы они вмѣстѣ со мною отправились къ его имп. вел. и съ нимъ уговорились относительно ихъ службы и платы". Полномочія козацкимъ посламъ были такого содержанія: „Я, Богданъ Микошинскій, гетманъ запорожскій, со всѣмъ рыцарствомъ вольнаго войска Запорожскаго симъ удостовѣряемъ, что мы этихъ нашихъ пословъ: Саська Федоровича и Ничипора, сотниковъ нашего войска, съ нашего вѣдома и согласія въ нашемъ рыцарскомъ колѣ выбрали, предоставляя имъ полную силу и власть съ его имп. величествомъ, нашимъ милостивымъ государемъ, условиться о нашихъ дѣлахъ и покорно просимъ вѣрить имъ во всемъ, какъ и намъ, всему войску, а симъ письмомъ нашимъ, нашимъ рыцарскимъ словомъ заявляемъ, что мы рѣшительное постановленіе, которое будетъ сдѣлано и принято нашими послами съ его имп. велич., во всемъ примемъ и исполнимъ безо всякаго прекословія. Во свидѣтельство и для большей крѣпости дали мы посламъ нашимъ эту грамоту, скрѣпивъ ее войсковой печатью и собственноручной подписью писаря нашего Льва Вороновича. Дано въ Базавлукѣ на Чартомлыцкомъ рукавѣ Днѣпра, 3 іюля 1594 г." [1]).

Бытовыя подробности, разсыпанныя въ этихъ разсказахъ Лассоты, дополнимъ другими.

Въ книжкѣ Папроцкаго, изданной въ 1599 г., находимъ такія свѣдѣнія о козакахъ: „Есть нѣсколько мѣстъ или обширныхъ острововъ на рѣкѣ Днѣпрѣ, скорѣе уже въ татарскихъ, нежели подольскихъ краяхъ (принадлежащихъ польскому королю). Туда почти на нашей памяти начали ѣздить рыцарскіе люди, чтобы попытать счастье въ бою съ Татарами бусурманами, а потомъ къ нимъ начали присоединяться люди, совершившіе въ Польшѣ что либо предосудительное или накуралесившіе: тамъ нашли они себѣ пріютъ и съ теченіемъ времени все больше ихъ туда съѣзжалось. Раньше, когда ихъ было нѣсколько сотъ, то уже казалось много; а теперь ихъ найдется уже нѣсколько тысячъ. Однако много и безупречныхъ, хотя и не богатыхъ [2]) юношей ѣздитъ туда, чтобы пріучиться къ рыцарскому дѣлу, и немало панятъ изъ Руси, Подольскихъ земель, Польши съѣзжается къ нимъ, такъ какъ находясь въ ихъ средѣ можно очень хорошо пріучить себя къ

---

[1]) С. 222. [2]) Chudych pachołkow posciwych.

рыцарскому порядку и осторожности. Русскіе называютъ ихъ запорожскими козаками, по имени пороговъ,—а другіе называютъ ихъ низовыми козаками, такъ какъ они живутъ низко, у устьевъ Днѣпра. На этихъ островахъ у нихъ много оружія, а уходя на войну съ Татарами или Турками, козаки всегда оставляютъ здѣсь стражу. По временамъ въ войскѣ ихъ бываетъ большое изобиліе во всемъ, такъ какъ крестьяне привозятъ имъ со всѣхъ сторонъ, а они платятъ имъ, чѣмъ тѣ захотятъ—лошадьми, волами, другой добычей, а также деньгами. И хотя живутъ они на татарскихъ земляхъ, Татары не могутъ ихъ одолѣть, наоборотъ—даютъ имъ большіе дары, чтобы только имѣть отъ нихъ покой. И изъ Москвы, отъ в. кн. московскаго ежегодно получаютъ „упоминки“, а еслибъ онъ ихъ не давалъ, они причиняли бы большой вредъ въ его земляхъ. Имѣютъ много лосей, сернъ, дикихъ коней, звѣря чернаго, рыбы очень много особенной—ее печеную и звѣриную печень они иногда ѣдятъ вмѣсто хлѣба. Богатствъ никакихъ не имѣютъ, а если хотятъ кому-либо сдѣлать подарокъ, берутъ въ долгъ у какого-либо наиболѣе состоятельнаго хозяина, а потомъ отдаютъ, или откладываютъ, когда имъ достанется какая-либо добыча, а потомъ выплативъ то, что войско задолжало, остальное дѣлятъ поровну, и каждый распоряжается своимъ, какъ хочетъ. На зиму расходятся по подольскимъ и волынскимъ селамъ, ожидая весны, а потомъ собираются снова на свой островъ и оттуда идутъ въ земли невѣрныхъ или вообще куда захотятъ“ [1]).

Слѣдуетъ также привести кое-что изъ разсказа о козакахъ, записаннаго Гамберини со словъ какого-то неизвѣстнаго козацкаго вождя (capitano) около 1584 г. [2]). Одни козаки служатъ королю и живутъ на островахъ, подъ властью гетмана, оберегая границы отъ Татаръ, ихъ 1500, другіе это пришельцы, по большей части шляхтичи изъ сосѣднихъ земель, занимающіеся грабежомъ турецкихъ и татарскихъ земель и возвращающіеся потомъ домой; при желаніи изъ такихъ пришельцевъ можно набрать 14—15 тыс. отборнаго, хорошо вооруженнаго войска, жаждущаго

[1]) Ogrod krolewski w którym o początku cesarżow krolow polskich, kiążąt slaskich ruskich, litewskich, pruskich, л. 56. Обзоръ событій заканчивается здѣсь 1597 годомъ. О козачествѣ Папроцкій пишетъ, очевидно, на основѣ разсказовъ.

[2]) Извѣстенъ пока только по выдержкѣ сдѣланной Боратинскимъ (Kozacy i Watykan, с. 23, ориг. въ Ватиканск. арх., Borgh. I, 204—7, л. 229—232).

скорѣе славы, чѣмъ корысти, готоваго отважиться на всякую опасность. Ихъ вооруженіе—сабли и нѣсколько ружей, изъ которыхъ они никогда не дѣлаютъ промаха. Хороши они для войны конной и пѣшей, а называются козаками, такъ какъ легки, какъ козы, и питаются, чѣмъ случится, укрываясь въ шалашахъ изъ вѣтокъ, покрытыхъ камышемъ. Живутъ рыболовствомъ, охотой и татарской добычей. Хлѣба никогда не ѣдятъ, а пьютъ лишь воду. Среди козаковъ служилыхъ (реестровыхъ) много всякаго народа: Поляки, Нѣмцы, Французы, Испанцы, Итальяпцы, различные бѣглецы—преступники. Здѣсь они имѣютъ такой хорошій пріютъ, что никакая человѣческая рука ихъ не достанетъ; при томъ отличаются необыкновеннымъ единодушіемъ. Живутъ на островахъ: если ихъ немного—то на одномъ небольшомъ, если количество ихъ возрастетъ—переходятъ на большій. Лѣса тамъ много, и они такъ умѣютъ защищать себя засѣками, что и зимою, когда Днѣпръ замерзнетъ, не боятся никакого врага; для большей безопасности они вырубаютъ вокругъ ледъ и изъ него дѣлаютъ родъ вала. А лѣтомъ черезъ рѣку нельзя перейти, да кромѣ того по обѣимъ сторонамъ на разстояніи многихъ миль тянутся огромныя болота, такъ что этими островами не только нельзя овладѣть, но и найти ихъ, кто не знаетъ дороги. Козаки такъ же хорошо чувствуютъ себя на морѣ, имѣютъ всевозможныя лодки и ѣздятъ грабить черноморское побережье.

Изъ болѣе поздней характеристики козацкой жизни, сдѣланной Якубомъ Собѣсскимъ, много вращавшимся среди козаковъ особенно во время Хотинской войны 1621 г., привожу нѣсколько подробностей, касающихся козацкаго устройства.

„Верховная власть надъ войскомъ принадлежитъ гетману. Вмѣсто какихъ-либо отличій носитъ онъ трость изъ камыша. Выбираютъ его безъ опредѣленнаго порядка, не подачею голосовъ, лишь крикомъ и бросаньемъ шапокъ на кандидата, и также часто по капризу непостоянной черни лишается онъ должности. Но пока онъ на своемъ посту, въ его рукахъ жизнь и смерть каждаго козака. На второмъ мѣстѣ по значенію стоятъ четыре войсковыхъ совѣтника (consiliarii), называемыя эсаулами, и легатъ, называющійся наказнымъ гетманомъ (substitutus praefecti). Затѣмъ идутъ начальники обоза, артиллеріи, полковники. Потомъ сотники и генеральный писарь (publicus notarius), ведущій счетъ ихъ жалованья и расходовъ и составляющій грамоты къ королю и вельможамъ, посовѣтовавшись съ монахами греческой вѣры. Въ

городѣ Терехтемировѣ, въ Кіевскомъ воеводствѣ, пожалованномъ имъ въ знакъ благодарности за вѣрную службу рѣчи посполитой, въ вѣдѣніи гетмана и эсауловъ сохраняются ихъ привилегіи, разныя орудія, привезенныя въ качествѣ добычи изъ разрушенныхъ турецкихъ городовъ, различныя военныя принадлежности и королевскія знамена, посылаемыя имъ польскими королями по особенной милости, въ знакъ своей верховной власти, всякій разъ, когда они идутъ на службу рѣчи посполитой[1]).

„Когда случается какое-либо важное дѣло, касающееся войска, гетманъ созываетъ на совѣщаніе всю чернь. Прежде всего, поклонившись нѣсколько разъ войску и придавъ лицу своему выраженіе почтенія и смиренія, онъ подходитъ къ назначенному для него мѣсту и, снявъ шапку, становится подъ развернутымъ королевскимъ знаменемъ. Стоитъ только онъ и четыре эсаула, а всѣ вокругъ сидятъ, и такъ въ рѣчи, полной учтивости, онъ излагаетъ вопросъ, подлежащій обсужденію. Потомъ опровергаетъ возраженія, если подобныя возникаютъ, или покорно проситъ у войска какой-нибудь милости для себя. Такимъ же образомъ получаетъ онъ слѣдуемыя ему награды и проситъ ихъ для себя у войска. Если послѣднее отказываетъ, онъ сноситъ всякій капризъ съ чрезвычайнымъ почтеніемъ въ голосѣ и поведеніи. Пока говоритъ гетманъ, слова его выслушиваются въ полномъ молчаніи. Потомъ высказываютъ свои мысли—выкрикиваютъ ихъ то одни, то другіе“[2]).

Въ малоизвѣстной и рѣдкой брошюрѣ Eques Polonus Старовольскаго (1628 г.) есть не мало интересныхъ подробностей, касающихся особенно военной жизни козаковъ. Хотя онѣ и не имѣютъ такой непосредственности и мѣстами носятъ слѣды извѣстной схематизаціи, тѣмъ не менѣе несомнѣнно содержатъ въ себѣ вполнѣ реальное ядро.

„Раннею весною, когда степь начинаетъ освобождаться отъ снѣга, всякій жаждущій военной славы, снарядивши лодку и приготовивъ припасы, идетъ по Днѣпру на козацкія острова, и тамъ

---

[1]) Pleno comitatis sermone—авторъ, какъ видимъ, сильно подчеркиваетъ то уваженіе, съ какимъ гетманъ обращается къ войску (multitudo).

[2]) Commentariorum Chotinensis belli l. III, 1646, с. 113—5; русскій переводъ въ Мемуарахъ имѣетъ много пропусковъ (II с. 91). Разсказъ Собѣсскаго о козакахъ написанъ несомнѣнно до кампаніи 1625 г.

вождь козаковъ набираетъ войско изъ этихъ пришельцевъ: годныхъ приказываетъ писарю вписать въ реестръ, а непригодныхъ отправляетъ обратно домой, забравъ принесенные ими припасы. Принятыхъ отдаетъ подъ власть десятниковъ (атамановъ): они имъ повинуются, пока не измѣнится ихъ занятіе, либо положеніе. Изъ среды атамановъ избирается гетманъ и остается на этомъ посту, пока ему улыбается счастье; если онъ уменъ и знаетъ свое дѣло, то до самой смерти постоянно подтверждается на своемъ посту полковниками такъ же, какъ полковникъ сотниками, а сотникъ атаманами. [1]). Въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ совѣщаніяхъ, не принимаютъ участія новички [2])—въ продолженіи трехъ лѣтъ; въ теченіе этого времени они исполняютъ обязанности слугъ и если въ чемъ либо провинятся, несутъ отъ своихъ атамановъ тяжелую кару. Атаманъ имѣетъ подъ своею властью тридцать, а иногда и пятьдесятъ такихъ новичковъ, не считая девяти старыхъ воиновъ, и распоряжается ими, какъ ихъ полный хозяинъ, особенно во время битвы: если кто изъ нихъ убѣжитъ съ битвы, то не смѣетъ вернуться—его ждетъ смертная казнь; развѣ только дома, когда разойдутся на зиму, можетъ у нихъ вымолить прощеніе. Возвращаясь на зиму домой, гетманъ оставляетъ на каждомъ островѣ по 500 человѣкъ—для охраны этой мѣстности, пушекъ и всякихъ военныхъ снарядовъ. Тамъ, въ хижинахъ, сплетенныхъ изъ камыша, покрытыхъ корою деревьевъ, ждутъ они возвращенія гетмана и товарищей, и переносившіе здѣсь холодъ и голодъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, оставаясь на стражѣ для общаго блага, считаются славнѣйшими изъ всѣхъ.

„Ихъ оружіе—ружье и сабля; нѣкоторые имѣютъ короткое копье и стрѣлы, но это рѣже. Никто, даже гетманъ, не носитъ желѣзной брони, либо панцыря, точно такъ же не имѣетъ онъ иной одежды, или лучшаго стола. Одѣваются въ грубую сорочку и плащъ, а питаются вяленою рыбою и дичью—медъ или сыръ ѣдятъ, лишь возвращаясь къ женамъ: въ ихъ лагерѣ не можетъ нахо-

---

[1]) Гетмана С. называетъ generalis, полковниковъ chiliarchi, сотниковъ centuriones, атамановъ decuriones. Порядокъ выборовъ и подтвержденій въ дѣйствительности, вѣроятно, не имѣлъ такой точной градиціи—С. дальше самъ даетъ понять, что и козацкая чернь принимала участіе въ выборахъ старшины.

[2]) Tyrones.

диться ни одна женщина, исключая взятыхъ вмѣстѣ съ другою добычею.

„Воюютъ они на морѣ и на сушѣ. На море идутъ не всѣ, а лишь люди отважные и могущіе переносить его запахъ. Лодки у нихъ таковы, что поднимаютъ тридцать съ лишнимъ человѣкъ, а чтобы онѣ не тонули, вокругъ лодки привязываются пучки травы (камыша). Въ открытое море однако козаки не пускаются, а плывутъ вдоль берега вправо и опустошаютъ Бессарабскіе и Ѳракійскіе края, сколько могутъ въ одну ночь пройти пѣшкомъ отъ кораблей. Дальше заходятъ они, отправляясь налѣво, чтобы опустошать Крымъ, такъ какъ знаютъ, что Татары не отважатся выступить противъ нихъ. Встрѣтившись съ турецкими галерами, всегда предпочитаютъ погибнуть, нежели постыдно бѣжать либо поддаться, поэтому даже не будучи равны силами, они не уклоняются отъ битвы и часто побѣждаютъ, попавъ въ отчаянное положеніе. А одержавъ побѣду, иногда на турецкихъ же галерахъ, подъ турецкими знаменами идутъ въ Азію, въ Трапезунтъ и берутъ въ плѣнъ кого захватятъ. Но это бывало прежде; теперь же Турокъ, обративъ почти всѣ свои корабли на охрану моря, значительно затруднилъ ихъ нападенія, а то у нихъ было вошло въ обычай нападать, жечь и грабить даже ближайшія окрестности Константинополя [1]); теперь имъ удается поживиться только при помощи какой-нибудь военной хитрости или уловки. Въ татарскія же степи, Нагайскія или Перекопскія, отправляются они пѣшкомъ. Но встрѣтивъ табуны лошадей, сразу превращаются въ конное войско и, либо нападаютъ на перепуганнаго непріятеля, либо возвращаются въ свои края и Днѣпровскія укрѣпленія—если врагъ слишкомъ опасенъ. Если же найдутъ только рогатый скотъ или овецъ, то, перевязавъ ихъ за хвосты и рога, ставятъ ихъ вмѣсто укрѣпленія, когда ихъ настигнетъ грозный непріятель, и отбиваются отъ него словно изъ за валовъ. А когда идутъ походомъ въ другіе края, то каждый имѣетъ возъ, запряженный одною лошадью, и на нихъ везутъ мѣдныя пушки, а сверхъ ружья и припасовъ каждый долженъ имѣть еще топоръ, косу, заступъ, веревки и все прочее, необходимое для того, чтобы насыпать валы или связывать возы, когда приходится итти всѣмъ войскомъ съ оружіемъ въ рукахъ (сражаясь

---

[1]) Рѣчь идетъ о морскихъ походахъ главнымъ образомъ второго и третьяго десятилѣтія XVII в.

съ непріятелемъ на пути). Такое расположеніе возовъ они называютъ таборомъ; впереди и сзади помѣщаютъ пушки, сами съ ружьями прикрываютъ фланги, въ случаѣ же большой опасности укрываются за возами и обороняются оттуда какъ бы изъ укрѣпленія. Если же и этого недостаточно, тотчасъ наполняютъ возы землею и превращаютъ ихъ въ болѣе прочный валъ. Таковъ способъ козацкой войны. Ихъ таборъ въ соединеніи съ польскою конницею, имѣетъ громадное значеніе, какъ мы убѣдились во время войны съ Турками семь лѣтъ тому назадъ [1]). Самихъ козаковъ не больше 15 тыс., но вмѣстѣ съ новичками получается сорокатысячное войско, въ которомъ поддерживается древнеримская дисциплина, порядокъ въ лагерѣ, трезвость, послушаніе; въ секретныхъ дѣлахъ тамъ соблюдаютъ строгую тайну, а виновныхъ караютъ сурово, по спартанскому обычаю. Государству служатъ по приказамъ самого короля, безъ денегъ и жалованья несутъ службу и помощь въ войнахъ; только по окончаніи войны король обычно даритъ имъ значительную сумму, а болѣе видныхъ изъ нихъ надѣляетъ селами и имѣніями, помѣщики же подвластныхъ имъ козаковъ—свободою отъ крѣпостной зависимости и соотвѣтственными подарками [2]). Однако на войну отправляются не всѣ, а лишь тѣ, кому прикажетъ коронный гетманъ: другіе частью идутъ на море, частью въ степи противъ Татаръ; нѣкоторые остаются стеречь Подольскія земли и свои острова“.

Наконецъ, для полноты картины, привожу нѣсколько выдержекъ изъ наблюденій надъ козацкой жизнью Боплана, сдѣланныхъ имъ уже въ 1630 и 1640-хъ гг.

„Они греческой вѣры, которую называютъ на своемъ языкѣ русскою. Весьма почитаютъ праздничные дни и посты, занимающіе восемь или девять мѣсяцевъ въ году, и во время ихъ не ѣдятъ мяса; они строго придерживаются этой формальности, такъ какъ убѣждены, что ихъ спасеніе зависитъ отъ этого воздержанія отъ мяса. Зато я не знаю другого народа, который бы могъ сравняться съ ними что касается невоздержности въ питьѣ: не успѣютъ они отрезвиться, какъ уже начинаютъ то же самое. Впрочемъ это бываетъ только въ свободное время, такъ какъ во время войны, или во время приготовленій къ какой либо экспедиціи они совершено трезвы. И ничего гру-

---

[1]) Въ Хотинскую войну.

[2]) Картина, конечно, не совсѣмъ согласная съ фактами.

баго въ нихъ нѣтъ, кромѣ одежды. Они остроумны и проницательны, требовательны и щедры, не жадны на большое богатство, но чрезвычайно цѣнятъ свою свободу: безъ нея не могутъ жить и ради нея поднимаютъ возстанія, производя бунты противъ мѣстныхъ магнатовъ, если видятъ, что тѣ начинаютъ ее ограничивать. Благодаря этому рѣдко проходитъ 7—8 лѣтъ безъ того, чтобы они не задумали возстанія, или не возстали противъ нихъ. При томъ это люди вѣроломные, хитрые, такъ что полагаться на нихъ невозможно [1]). Они очень сильны тѣломъ, легко переносятъ жаръ и холодъ, голодъ и жажду. На войнѣ выносливы, отважны, храбры и даже легкомыслены, такь какъ не цѣнятъ своей жизни. Въ чемъ проявляютъ они больше всего ловкости и умѣнья—это въ способности сражаться таборомъ, загородившись возами: они очень хорошо стрѣляютъ изъ ружей, своего обычнаго оружія, и защищаютъ позиціи. Не плохи они и на морѣ, но наѣздники не казистые. Мнѣ случалось видѣть, какъ двѣсти польскихъ кавалеристовъ приводили въ бѣгство 2000 лучшаго козацкаго войска. Зато можно сказать, что подъ защитою табора 100 козаковъ не боятся 1000 Поляковъ, точно также и 1000 Татаръ, и еслибъ въ конномъ строю они были бы такъ же сильны, какъ пѣшіе, то думаю, ихъ было бы невозможно побѣдить. На видъ они красивы, проворны, сильны; любятъ хорошо одѣться: это видно, когда они обогатятся добычей въ сосѣднихъ странахъ, потому что въ обыкновенное время одѣваются они довольно скромно. Отъ природы обладаютъ хорошимъ здоровьемъ и даже мало подвержены заразительной болѣзни, распространенной по всей Польшѣ—plica [2]). Отъ болѣзни умираютъ очень рѣдко, лишь въ очень преклонной старости. Большею частью кончаютъ жизнь на ложѣ славы, убитые на войнѣ [3]).

„Намѣреваясь итти въ море, дѣлаютъ это безъ разрѣшенія короля; испрашиваютъ позволенье лишь у гетмана (козацкаго), потомъ собираютъ раду и выбираютъ атамана для предводительствованія въ этомъ походѣ, при чемъ соблюдаются тѣ же церемоніи, какъ и при выборѣ гетмана [4]), но атаманъ выбирается только на время похода. Потомъ удаляются въ свою „войсковую скарб-

---

[1]) Взгляды шляхетскихъ круговъ, среди которыхъ обращался Бопланъ, не особенно мирящіеся съ его собственной характеристикой [2]) Plica polonica—колтунъ.

[3]) Изданіе 1861 г., с. 19—22.

[4]) Grand général у Боплана, а атаманъ—просто général.

ницу" [1]), свое сборное мѣсто, и тамъ строятъ чайки [2]). Онѣ имѣютъ около 60 футовъ длины, 10—12 фут. ширины и 12 футовъ высоты. Чайка не имѣетъ киля, основаніемъ ея служитъ ивовый или липовый челнъ, около 45 фут. длины, на который набиваются борты изъ досокъ 10—12 ф. длиной, одна на другую, какъ строятъ рѣчныя барки, пока не дойдутъ до высоты 12 фут., а длины 60, ширина же увеличивается соотвѣтственно съ вышиной. Обшивка изъ камыша, толщиною въ боченокъ, окружаетъ весь корабль отъ начала до конца; связки камыша, туго привязанные липовыми или черешневыми прутьями плотно прилегаютъ одна къ другой. Внутренность лодки обдѣлываютъ также какъ обычно дѣлаютъ это и наши плотники—съ перегородками и поперечными брусьями, и затѣмъ смолятъ. Имѣютъ двѣ кормы, съ обоихъ концовъ, такъ какъ при большой длинѣ судна тратилось бы много времени при поворотахъ, когда нужно, убѣгая, повернуть назадъ. Съ каждой стороны обыкновенно предѣлываютъ 10—12 веселъ, и двигаются быстрѣе, чѣмъ турецкія галеры на веслахъ. Имѣютъ и мачту и на ней вѣшаютъ парусъ, довольно плохо сдѣланный: употребляютъ его только въ хорошую погоду, а во время сильнаго вѣтра предпочитаютъ итти на веслахъ. Палубы въ этихъ лодкахъ нѣтъ, но если онѣ даже до краевъ наполняются водою, то камышъ, привязанный вокругъ всей лодки, не позволяетъ ей утонуть. Въ бочкѣ длиною въ 10 фут. и въ 4 фут. въ діаметрѣ, хорошо скрѣпленной обручами, держатъ сухари и достаютъ ихъ черезъ отверстіе. Имѣютъ также вареное пшено и разведенное въ водѣ тѣсто: они ѣдятъ его, смѣшивая съ пшеномъ, и оно служитъ имъ одновременно и пищей и питьемъ. Вкусъ имѣетъ оно кисловатый, а называется у нихъ саламахою, т. е. чудесная пища; но я не находилъ пріятнымъ ея вкуса и только за отсутствіемъ чего-либо лучшаго ѣлъ ее во время моихъ путешествій. Трезвость соблюдаютъ очень строго и если случится между ними какой-либо пьяница, атаманъ приказываетъ его сейчасъ же выбросить; водки не позволяется имѣть съ собою никому, потому что въ походахъ они высоко цѣнятъ трезвость.

„Постановивъ итти походомъ на Татаръ, чтобъ отплатить имъ за обиды и разоренія, причиненныя ими, они выбираютъ

---

[1]) sczabeniska woyskowa.
[2]) voissaux.

осеннее время. Въ такомъ случаѣ заранѣе отправляютъ на Запорожье вещи, необходимыя для войны и похода и для постройки кораблей, вообще все, что считаютъ нужнымъ. Затѣмъ, въ количествѣ 5 или 6 тыс. добрыхъ козаковъ, хорошо вооруженныхъ отправляются въ степи и прибывъ на Запорожье занимаются постройкой суденъ. Человѣкъ шестьдесятъ изъ нихъ берутся за сооруженіе одной чайки и приготовляютъ ее приблизительно въ двѣ недѣли, такъ какъ они мастера на всѣ руки. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ или трехъ недѣль они изготовляютъ 80—100 чаекъ вышеуказанной формы. Въ каждую чайку садится 50—70 человѣкъ, каждый съ двумя ружьями и саблею, на бортахъ чайки имѣется 4—6 пушекъ, и необходимый провіантъ. Козаки одѣты въ рубашки, штаны (вторые на перемѣну) плохенькія свиты и шапки. Каждый имѣетъ шесть фунтовъ пороху, свинца сколько потребуется, кромѣ того ядра для пушекъ. На каждомъ кораблѣ квадрантъ. Таковъ летучій козацкій отрядъ, способный напасть на самые значительные города Анатоліи.

Такъ снарядившись, плывутъ они Днѣпромъ. Атаманъ имѣетъ на мачтѣ свой значокъ и плыветъ обыкновенно впереди. Лодки идутъ такъ тѣсно, что почти касаются другъ друга. Турки обычно знаютъ о походѣ и держатъ нѣсколько галеръ при устьѣ Днѣпра, чтобъ не позволить имъ выйти. Но козаки перехитряютъ ихъ, выходя темной ночью, передъ новолуніемъ, прячась въ камышахъ, растущихъ на протяженіи 3—4 лье [1]. Галеры не рѣшаются заходить туда, такъ какъ не разъ погибали тамъ; поэтому довольствуются тѣмъ, что ждутъ ихъ въ проливѣ, и хотя и тутъ козаки захватываютъ ихъ неприготовленными, но всетаки пройти такъ быстро, чтобы ихъ не замѣтили, казацкія чайки не могутъ. Тогда распускаются извѣстія во всѣ стороны до самаго Константинополя. (Нужно знать, что козаки выходятъ только послѣ св. Ивана, чтобы вернуться, самое позднее, съ началомъ августа). Султанъ разсылаетъ гонцовъ по побережьямъ Анатоліи, Болгаріи, Румеліи, предостерегая населеніе и призывая къ осторожности, въ виду того, что козаки на морѣ. Но это ни къ чему не ведетъ, такъ какъ они выбираютъ настолько подходящую пору, что въ какіе-нибудь 36 или 40 часовъ оказываются уже въ Анатоліи. Прибывъ на

---

[1]) Lieue, французская миля, немного больше 4 верстъ.

мѣсто оставляютъ въ каждомъ суднѣ только двухъ человѣкъ и двухъ подростковъ для охраны, а сами, каждый съ ружьемъ въ рукахъ, нападаютъ на города, берутъ ихъ, грабятъ и разоряютъ, заходя иногда на разстояніе лье отъ берега, но тотчасъ же возвращаются и со своею добычею садятся на суда. Ѣдутъ затѣмъ въ другое мѣсто—попытать и тамъ счастья, и если обстоятельства имъ благопріятствуютъ, повторяютъ нападенія; въ противномъ случаѣ возвращаются съ добычею домой.

„Если случится имъ встрѣтить нѣсколько турецкихъ галеръ, или другихъ кораблей, они преслѣдуютъ ихъ, нападаютъ и берутъ. А поступаютъ при этомъ такимъ образомъ. Ихъ чайки подымаются надъ водою всего лишь на 2½ фута, поэтому они видятъ галеру или другой какой-либо корабль прежде, нежели тотъ ихъ замѣтитъ. Тогда они спускаютъ мачту своей чайки и, замѣтивъ направленіе вѣтра, стараются, чтобы къ вечеру имѣть солнце съ тылу. За часъ до захода солнца они начинаютъ усиленно грести къ кораблю или галерѣ, чтобы подойти на 1 лье и не терять ея изъ виду, и такъ держатся до полночи. Тогда даютъ сигналъ и изо всѣхъ силъ гребутъ къ кораблямъ, между тѣмъ какъ другая половина экипажа приготовляется къ битвѣ, т. е. чтобы приставъ къ кораблямъ, броситься въ середину ихъ. Непріятель пораженъ, увидѣвъ себя окруженнымъ 80—100 лодками; козаки вскакиваютъ на корабли и сразу же ими овладѣваютъ. Послѣ этого захватываютъ все, что могутъ найти изъ денегъ и мелкихъ вещей, не портящихся отъ воды, также пушки и все, что можетъ имъ, по ихъ мнѣнію, пригодиться, а корабль съ людьми топятъ. Такъ поступаютъ козаки. Еслибы они умѣли управлять кораблемъ или галерою, они забирали бы и ихъ, но они не знаютъ этихъ способовъ [1]).

„Теперь нужно возвращаться. Стража на устьѣ Днѣпра тѣмъ временемъ удваивается, чтобы свести съ козаками счеты. Но тѣ смѣются надъ ней, хотя теперь они еще слабѣе, такъ какъ выдержанныя ими битвы не могутъ обойтись безъ потери значительнаго числа своихъ, и не безъ того, чтобы море не потопило нѣсколько чаекъ: не могутъ всѣ быть такими крѣпкими, чтобы выдержала каждая. Они направляются въ заливъ, лежащій въ 3—4 лье на востокъ за Очаковымъ, а отъ него идетъ

---

[1]) Въ дѣйствительности козаки не оставляли себѣ галеръ потому, что съ ними имъ все равно потомъ некуда было бы дѣваться.

неглубокая ложбина отъ моря къ Днѣпру, на какихъ-нибудь три лье; вода въ ней поднимается иногда на полфута, на цѣлую четверть лье отъ моря. Козаки, по двѣсти и триста человѣкъ, тянутъ одну лодку; такъ перетаскиваютъ одну за другой и черезъ два-три дня добираются до Днѣпра со всею своею добычею. Такъ избѣгаютъ они встрѣчи съ галерами, стерегущими устьѣ подъ Очаковымъ. Въ концѣ концовъ возвращаются въ свою Скарбницу и дѣлятъ добычу.

„Есть у нихъ еще и другой возвратный путь—донскимъ лиманомъ [1]): они проходятъ черезъ проливъ между Керчью и Таманью и идутъ лиманомъ до р. Міуса, потомъ Міусомъ, пока могутъ итти лодки, затѣмъ отъ его верховьевъ до верховья Волчьей воды [2]) (тутъ только одно лье), а Волчьей Водою въ Самару, впадающую въ Днѣпръ однимъ лье ниже Кодака. Но они рѣдко идутъ этою дорогою, такъ какъ это очень далеко до Запорожья. Иногда отправляются этимъ путемъ и на море, если при устьѣ Днѣпра заграждаютъ имъ выходъ большія силы, а у нихъ не болѣе 20—25 чаекъ.

„Если галеры встрѣтятъ козаковъ на морѣ днемъ, они открываютъ стрѣльбу изъ пушекъ и разгоняютъ ихъ, какъ скворцовъ. Одни тонутъ, другіе, кому удалось спастись, растерянные убѣгаютъ, куда могутъ. Но разъ начавъ битву съ галерами, козаки держатся, не двигаясь съ своихъ лавокъ. Весла привязаны прутьями. Одни стрѣляютъ, послѣ каждаго выстрѣла товарищи подаютъ имъ новыя заряженныя ружья для новаго выстрѣла; такъ стрѣляютъ они безпрерывно, и стрѣляютъ хорошо. Рукопашный бой галера можетъ вести только съ одной чайкой. Но ея пушки причиняютъ большой уронъ, такъ что при такой встрѣчѣ гибнетъ добрыхъ двѣ трети козаковъ. Рѣдко когда возвращаются они съ половиною войска. За то приносятъ много добычи: испанскіе реалы, арабскіе цехины, ковры, парчу, бумажныя и шелковыя матеріи и другіе цѣнные товары. Вотъ чѣмъ живутъ козаки; таковъ источникъ ихъ пропитанія. Послѣ возвращенія у нихъ нѣтъ иного занятія, кромѣ пьянства и различныхъ приключеній съ пріятелями [3]).

„Гетмана своего избираютъ они такъ. Собираются старые полковники и старые козаки, пользующіеся уваженіемъ въ ихъ

---

[1]) Такъ Бопланъ называетъ Азовское море.
[3]) У Боплана: Tacza Woda. [2]) С. 104—115.

средѣ и подаютъ голосъ за того, кого считаютъ наиболѣе пригоднымъ для этого. Получившій большинство голосовъ, считается выбраннымъ. Если выбранный добровольно не принимаетъ должности, отказывается, говоря, что онъ неспособенъ или недостоинъ, неопытенъ или старъ,—это ни чему не помогаетъ: ему отвѣчаютъ только, что онъ дѣйствительно не достоинъ такой чести, и тотчасъ убиваютъ его на мѣстѣ, какъ измѣнника—хотя сами собственно поступаютъ съ нимъ по-измѣннически (припомните сказанное объ ихъ характерахъ и обычномъ лукавствѣ) [1]). Если же выбранный козакъ принимаетъ постъ гетмана, онъ благодаритъ раду за оказанную ему честь—хотя онъ не достоинъ и не способенъ къ такой должности, всетаки обѣщаетъ приложить всѣ усилія и своимъ усердіемъ постарается сдѣлать себя достойнымъ служить имъ всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, и жизнь его всегда къ услугамъ его братьевъ (такъ они называютъ другъ друга между собою). Въ отвѣтъ на эту рѣчь ему рукоплещутъ и кричатъ: vivat, vivat, а потомъ каждый въ порядкѣ своего чина подходитъ къ нему, отдаетъ поклонъ, а гетманъ подаетъ ему руку—какъ принято у нихъ здороваться.

„Такъ выбираютъ они вождя—часто это происходитъ въ пустой степи. На своемъ языкѣ называютъ они его гетманомъ. Ему повинуются, власть его неограничена: онъ можетъ казнить и сажать непослушныхъ на колъ; поступаетъ сурово, но не рѣшаетъ ничего безъ военнаго совѣта, называемаго у нихъ ruds (рада). Но и съ гетманомъ можетъ случиться бѣда. Онъ долженъ быть чрезвычайно осторожнымъ на войнѣ, чтобы не допустить какого-либо несчастія, и при всякомъ непредвидѣнномъ препятствіи въ трудныхъ обстоятельствахъ долженъ показать себя находчивымъ и внимательнымъ, потому что, если окажется въ чемъ-нибудь неспособнымъ, его убиваютъ какъ измѣнника, и тотчасъ выбираютъ на его мѣсто другого, тѣмъ-же способомъ, который я описалъ. Такимъ образомъ предводительствовать и командовать у нихъ—обязанность тяжелая и при неудачѣ кончается плохо. За семнадцать лѣтъ, которыя я прослужилъ въ тѣхъ краяхъ, всѣ, кто былъ въ этой должности, кончили плохо“ [2]).

---

[1]) Здѣсь Бопланъ разсказываетъ какую-то басню, по наслышкѣ; вѣроятно, поводъ ему далъ обычай, по которому считалось хорошимъ тономъ, чтобы избранный отказывался отъ должности и принималъ ее только уступая принужденію, когда начинали его ругать, принуждать и угрожать. [2]) С. 103—5.

Таковы разсказы о козацкой жизни конца XVI и первыхъ десятилѣтій XVII в. Черезъ сообщенія всѣхъ этихъ постороннихъ и даже враждебныхъ разсказчиковъ какъ общій мотивъ, какъ мы видѣли, проходитъ удивленіе и преклоненіе передъ военными, рыцарскими качествами этого воинствующаго украинства.

Проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ военнымъ доблестямъ козаковъ, Старовольскій само имя ихъ толкуетъ (не поясняя ближе своей этимологіи) какъ имя „людей, пренебрегающихъ всѣмъ, даже самой смертью“. Другіе писатели также не находятъ достаточныхъ похвалъ для ихъ отваги и выносливости. Папроцкій въ уста Зборовскаго влагаетъ слѣдующія слова, сказанныя имъ тогда, когда козаки хотѣли бѣжать, неожиданно встрѣтивъ турецкую галеру: „не годится дѣлать этого вамъ, людямъ, о которыхъ всѣ народы знаютъ, что по мужеству нѣтъ въ мірѣ равныхъ вамъ“. Лассота, разсказывая, какъ онъ стремился за какую-угодно цѣну притти къ соглашенію съ козаками, объясняетъ это тѣмъ, что считалъ весьма цѣнной для императора помощь „такихъ смѣлыхъ и отважныхъ людей, съ молодости привыкшихъ къ войнѣ и особенно опытныхъ въ войнѣ съ Турками и Татарами, съ которыми имѣютъ дѣло почти ежедневно“ [1]). Жолкевскій, а съ его словъ и правительство, празднуя свою побѣду надъ козацкимъ своевольствомъ, признавало козаковъ войскомъ „отважнымъ, въ ремеслѣ рыцарскомъ хорошо вышколеннымъ“ [2]). Турецкій лѣтописецъ Наима, описывая морскіе походы козаковъ и прославляя одержанную надъ ними побѣду, говоритъ: „Можно смѣло сказать, что на всей землѣ нельзя найти людей болѣе смѣлыхъ, которые меньше бы заботились о жизни, меньше боялись бы смерти. По свидѣтельству людей, знающихъ морское дѣло, эта голытьба своею ловкостью и отвагою въ такихъ морскихъ битвахъ страшнѣе всякаго другого народа“ [3]). Французскій посолъ въ Константинополѣ, донося о той же морской битвѣ козаковъ съ Турками (1625), не находитъ словъ для восхваленія козацкой отваги, и проситъ свое правительство подумать надъ возможностью, давъ козакамъ какихъ нибудь 50 тыс. екю ежегодно, связать турецкую морскую силу, принудивъ ее ограничиваться охраною Босфора отъ козаковъ [4]).

---

[1]) С 219.

[2]) „Матеріали до історії козацких рухів“ № 13, Жерела VIII № 64 [3]) Collectanea I с. 181.

[4]) Hist. Russiae monimenta I с. 430.

Вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое уваженіе и удивленіе вызывалъ строгій стиль козацкой жизни, спартанская простота ея и отношеній старшины и рядовыхъ, отсутствіе всякаго внѣшняго блеска, всякой мишуры—особенно по контрасту съ чрезвычайной склонностью ко всевозможной пышности и театральности польскихъ войскъ, еще Баторія удивлявшихъ своимъ маскараднымъ видомъ. У козаковъ считалось извѣстнаго рода „шикомъ" сочетаніе высокихъ качествъ воина и вождя съ болѣе чѣмъ скромнымъ внѣшнимъ видомъ [1]). Козацкая дума про козака Голоту

[1]) Нѣкоторыя аналогіи козацкаго, спеціально сѣчевого быта и строя не разъ давали поводъ приравнивать его къ западнымъ рыцарскимъ монашескимъ орденамъ: подобныя мысли встрѣчаемъ и въ украинскихъ кругахъ первой пол. XIX в. (см. напр. у Гоголя „Взглядъ на составленіе Малороссіи"), а позднѣе польскій писатель Маріанъ Дубецкій, въ своихъ статьяхъ (особенно Zawiązki dziejów Siczy Zaporozkiej, 1887) пытался положить во главу угла исторіи Запорожья догадку о вліяніи принциповъ западныхъ рыцарскихъ орденовъ, положенныхъ, по его мнѣнію, въ основу запорожскаго братства его польскими организаторами. Принимая за аксіому, что народъ украинскій (lud rusiński), не создавшій на протяженіи вѣковъ своей интеллигенціи", не могъ быть истиннымъ создателемъ запорожскаго братства, онъ считаетъ Польшу источникомъ идей, легшихъ въ основу его организаціи, а ихъ носителями такихъ людей какъ Сам. Корецкій, Дмитрій Вишневецкій, а раньше О. Дашковичъ и Предславъ Лянцкоронскій. Однако не говоря уже о томъ, что изъ названныхъ здѣсь именъ (авторъ и потомъ называетъ ихъ какъ polskich rycerzy повліявшихъ на организацію сѣчевого братства) Дашковичъ и Вишневецкій никакъ не могутъ сойти за представителей „польской мысли", или польской культуры, а Лянцкоронскій не имѣетъ никакого отношенія къ низовому козачеству, точно такъ же, какъ и Самуилъ Корецкій,—трудно было „польскимъ рыцарямъ" дать Украинѣ то, чего не имѣли они сами. Принципъ монашеско-рыцарской жизни и ея особенности вовсе не получили развитія въ Польшѣ. Факты, приведенные Дубецкимъ, какъ доказательства ея популярности—какъ планы переселенія на Днѣпръ нѣмецкаго прусскаго рыцарскаго ордена какъ планы основанія какого-то ордена въ украинскомъ пограничьѣ, изъ которыхъ впрочемъ не выходило ничего—лучше всего показываютъ, что въ польскомъ обществѣ не было для нихъ почвы. Польскіе „рыцарскіе", или проще солдатскіе (жолнерскіе) круги могли привить козачеству и Запорожью только свои качества: анархизмъ, неуваженіе къ закону и правительству, отсутствіе дисциплины, неуваженіе къ обществу, чужому добру и труду—и несомнѣнно прививали. Запорожская же суровая простота, дисциплина, нелюбовь къ сибаритству и невоздержности могли

съ особою любовью описываетъ убогій видъ этого степного рыцаря, который „не боится ни огня, ни меча, ни болота“:

На козакови шати дорогиї—
три семирязї лихиї:
одна не добра, друга негожа,
а третя й на хлїв незгожа;
а ще, правда, на козакови
постоли вязові,
а унучі китайчані—
щирі жіноцькі рядняні,
волоки шовкові—
у двоє жіноцькі щирі валові;
правда на козакови шапка бирка—
зверху дирка,
травою пошита,
вітром підбита,
куди віє, туди й провіває,
козака молодого прохоложає [1])...

Эти козачества въ силу контраста могли импонировать шляхетскому обществу и мы не имѣемъ причинъ не довѣрять приведенному выше свидѣтельству Папроцкаго, современному кампаніи 1596 г., о томъ, что къ козакамъ шли молодые шляхтичи, особенно изъ небогатыхъ домовъ, потому что въ ихъ средѣ можно хорошо пріучиться порядку и рыцарскимъ доблестямъ [2]). Но шляхетское общество не было въ состояніи усвоить эти качества, выработанныя въ суровой школѣ пограничной жизни украинскимъ демосомъ,—и такіе запорожскіе питомцы въ огромномъ большинствѣ оставались чуждыми ему, и часто потомъ въ польско-

---

выработаться лишь независимо отъ польскихъ вліяній. И при слабомъ распространеніи западной монашеско-рыцарской практики въ Польшѣ трудно думать о вліяніи ея на Запорожье. Впрочемъ нѣкоторыя изъ указываемыхъ аналогій, какъ религіозная окраска, культъ Покровы и т. п. нужно считать явленіями гораздо болѣе поздними, какъ признаетъ и самъ Дубецкій. Такимъ образомъ вся это теорія построена на пескѣ. Это не помѣшало однако Дубецкому найти сторонниковъ своихъ взглядовъ, вродѣ автора новѣйшей исторіи козачества А. Стороженка (С. Баторій с. 26).

[1]) Историч. пѣсни I с. 168—9. Подобнымъ же образомъ con amore описываетъ своего героя дума про Андыбера, противопоставляя его дукамъ кармазинникамъ, ополяченнымъ и уклонившимся отъ настоящаго козацкаго стиля.

[2]) См. с. 292.

козацкихъ войнахъ на козацкихъ головахъ сдавали экзаменъ по наукамъ, преподаннымъ имъ на Запорожьѣ. Польско-украинскія отношенія конца XVI в. очень далеки были отъ той идилличности, какую пытались сообщить имъ нѣкоторые позднѣйшіе польскіе и украинскіе писатели.

Представивъ соціальную основу козачества и его организаціонныя формы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ раскрывались съ теченіемъ времени, возвращаемся къ исходному пункту—козацкимъ движеніямъ 1590-хъ гг., впервые съ полною опредѣленностью обнаружившимъ передъ глазами современниковъ контрастъ между этою новою силою и шляхетскимъ режимомъ Украины.

Въ значительной мѣрѣ сложившееся, организованное, полное сознанія своей силы—и моральной, и физической, какъ особый политическій организмъ,—запорожское козачество съ Низу Днѣпра, служившаго его очагомъ и признаннымъ владѣніемъ, въ 1590-хъ годахъ двинулось „на волость"—въ сосѣднія территоріи Украины съ польско-шляхетскимъ правомъ, и внезапно стало ихъ полнымъ хозяиномъ.

Правда, на короткое время польско-шляхетскому режиму удалось побороть эту преждевременно проявившуюся силу. Но всетаки впервые за долгое время мѣстному шляхетскому обществу съ полной опредѣленностью представилась картина уничтоженія шляхетскаго господства, и въ первый разъ почувствовало оно со страхомъ и гнѣвомъ, какой страшный врагъ выростаетъ рядомъ съ нимъ, готовый вступить въ борьбу не на жизнь, а на смерть съ самими основами польско-шляхетскаго строя.

Мы слышали эти испуганные крики особенно со стороны тѣхъ, кому пришлось непосредствено вести борьбу съ этою страшною силою. По словамъ Вишневецкаго, козачество подъ предводительствомъ Косинскаго поклялось перевернуть все пограничье Короны и насъ (шляхту) всѣхъ „перебить", и съ этой цѣлью Косинскій, по его словамъ, вошелъ въ соглашеніе съ ханомъ и московскимъ царемъ, отдавая въ ихъ власть украинскія земли[1]); Вишневецкому вторитъ Жолкевскій въ своихъ

---

[1]) Listy № 17, ср. выше с. 245—6 объ этихъ московскихъ претензіяхъ.

донесеніяхъ королю во время кампаніи 1596 г. „Противно и вспоминать, о чемъ думало это своевольство, въ какихъ выраженіяхъ упоминало маестатъ вашей корол. милости, какіе замыслы носило о Краковѣ, славной столицѣ вашей кор. милости, о томъ, чтобы разбить и уничтожить шляхетское сословіе [1]),—и дѣйствительно, это своевольство очень усилилось—какъ разъ во время изволилъ ты, ваша кор. милость, приказать положить ему предѣлъ.“ И хотя въ этихъ отзывахъ, повторявшихся современной польской исторіографіей [2]), нужно считаться съ желаніемъ каждаго такого побѣдителя представлять покоренную имъ враждебную силу возможно болѣе грозною и опасною,—всетаки несомнѣнно, что шляхта на Украинѣ и въ самомъ дѣлѣ сильно дрожала за свое существованіе и за свое шляхетское владѣнье, и козачество дѣйствительно давало достаточные поводы къ этому. Мы видѣли тревогу волынской шляхты въ виду того, что козаки „до присегъ на послушенство свое примушують, подбиваючи ихъ подъ годъ (sic) на послушенство свое“ [3]); жалобы изъ Брацлавскихъ земель, что козаки рѣшили не пускать польскихъ солдатъ на квартиры, устранили мѣстную администрацію, выгнали шляхту изъ Брацлава въ союзѣ съ мѣщанами и обложили шляхетскія имѣнія контрибуціею, собирая „стацію“ и помѣрное [4]). Видѣли грандіозныя контрибуціи, собиравшіяся словно въ завоеванной странѣ, особенно зимою 1595/6 годовъ [5]).

Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что изъ козацкихъ круговъ могли дѣйствительно раздаваться похвальбы и угрозы по адресу всего польско-шляхетскаго режима на Украинѣ, а быть можетъ и самого короля и его краковской столицы. Но остается неяснымъ, насколько все это было серіозно и планомѣрно, насколько имѣло подъ собой извѣстную продуманную и сознательную программу. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, мы не имѣемъ отъ козацкой стороны какихъ-либо документовъ, которые

---

[1]) Brzydko aż i wspominać do czego się to swowoleństwo brało, jakie spominanie majestatu w. król. mci, jakie zamysły o Krakowie, stolicy sławnej w. krol. mci, rozbiciu, wytraceniu stanu szlacheckiego—Pisma Żolkiewskiego c. 151.

[2]) Слова Жолкевскаго, что козаки угрожали королю и Кракову повторяетъ и Гейденштейнъ с. 327 (пер. II. с. 363—4).

[3]) Архивъ III. № 15 и 16.

[4]) Listy № 22, Архивъ III. I. № 22, Кіев. Старина 1896 X с. 3, ср. выше с. 266—8. [5]) См. выше с. 269.

бы открыли намъ опредѣленно и ясно ихъ намѣренія и планы, и мы принуждены угадывать эти намѣренія и мысли на основаніи того, что сохранилось намъ изъ враждебнаго, польскаго лагеря—того, что козачество писало или говорило по этому адресу [1]).

Итакъ попробуемъ извлечь изъ нашихъ источниковъ отвѣтъ на вопросъ, было ли это движеніе козачества „на волость" въ 1590-хъ годахъ сознательнымъ и планомѣрнымъ—или стихійнымъ, вызваннымъ внѣшними обстоятельствами, а не программою вождей козачества.

Программу можно себѣ представлять либо спеціально козацкую, болѣе узкую—въ духѣ минимальной, указанной выше программы: санкція козацкаго иммунитета и свободы отъ повинностей за козачествомъ въ его цѣломъ, признаніе козацкаго устройства, нестѣсняемая дѣятельность козацкихъ властей на Украинѣ и осуществленіе правъ мобилизированнаго козачества на содержаніе средствами „волости". Программу болѣе широкую пришлось бы предположить въ духѣ радикальнаго переустройства общественныхъ отношеній Украины—того, что Вишневецкій или Жолкевскій называлъ цѣлью козацкихъ движеній и что признаютъ дѣйствительно программою этихъ движеній нѣкоторые современные историки, принимая сообщенія о намѣреніяхъ козаковъ „перевернуть всю шляхту" за подлинное резюме козацкой программы [2]). Однако не только такую широкую программу, которая, какъ увидимъ,

---

[1]) Очень удачно, хотя и съ другой точки зрѣнія, замѣтилъ по этому поводу пок. Кулишъ: „Это важная потеря для русской исторіи, что украинскіе козаки... оставили по себѣ такъ мало памятниковъ своей дѣятельности. Кровь ихъ пролилась какъ вода на землю и не оставила даже пятна по себѣ. Энергическій духъ ихъ отошелъ въ вѣчность, не заградивши устъ хулителямъ своимъ; а ихъ потомки лишены утѣшенія слышать посмертное слово предковъ, каково бы оно ни было. И вотъ мы разворачиваемъ чуждыя сказанія о нашемъ быломъ, и устами историческихъ враговъ повѣдаемъ міру понимаемыя до сихъ поръ двусмысленно, сбивчиво, часто крайне нелѣпо дѣла героевъ равноправія". (Ист. возсоед. II с. 117).

[2]) Въ такомъ духѣ писалъ Кулишъ, считая цѣлью этихъ козацкихъ движеній, какъ и позднѣйшихъ—замѣнить „польское право украинскимъ правомъ", польско-шляхетскій режимъ—равноправіемъ (Ист. возсоединенія т. II), а его взгляды усвоили и нѣкоторые позднѣйшіе изслѣдователи.

не вошла въ сознаніе козацкихъ вождей даже значительно болѣе поздняго времени, такъ что для 1590-хъ годовъ она являлась бы чистымъ анахронизмомъ, и пришлось бы думать, что послѣ Косинскаго и Лободы козачество пошло далеко назадъ,—но даже и ту, чисто-козацкую программу-minimum, несомнѣнно заключающую въ себѣ дѣйствительныя требованія козачества того времени, нельзя считать за исходный пунктъ, за движущую причину движеній 1590-хъ годовъ, за ихъ программу—потому что въ этихъ движеніяхъ вообще не видно планомѣрности.

Я думаю, что уже изъ приведеннаго выше обзора событій 1593—6 гг. бросается въ глаза хаотичность, безпрограмность этихъ движеній. Козачество бросается то на Молдавію и Турцію, то на Крымъ, оставляя совершенно свой украинскій театръ дѣйствій; не заботится о концентраціи своихъ силъ (припомнимъ расколъ между Низовцами и Наливайковцами, продолжавшійся до самаго послѣдняго акта трагедіи); легко переходитъ къ простому добычничеству, зарываясь во время этихъ добычническихъ экскурсій то въ глубь Волыни, то Полѣсья и Бѣлоруссіи, вызывая общее раздраженіе, создавая себѣ все новыхъ и новыхъ враговъ, вызывая мобилизацію враждебныхъ силъ и не предпринимая на своей собственной территоріи ничего для организаціи козацкихъ силъ, для укрѣпленія наиболѣе цѣнныхъ съ его точки зрѣнія общественно-политическихъ формъ и отношеній, для обезпеченія ихъ на будущее время. Тутъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи о какой-либо программѣ или планѣ. Дѣятельность козачества, его дѣйствія развивались независимо даже отъ тѣхъ классовыхъ козацкихъ требованій, которыя, несомнѣнно, у козачества уже существовали [1]. И мы въ концѣ концовъ можемъ гово-

---

[1]) Нѣкоторые факты, въ которыхъ прежніе историки видѣли проявленіе стремленій козачества къ переустройству общественныхъ отношеній, имѣли совсѣмъ иное значеніе. Таково напр. уничтоженіе Косинскимъ документовъ Острожскаго въ Бѣлой Церкви—это явилось слѣдствіемъ личнаго конфликта со старостинскою администраціей, а не проявленіемъ стремленія къ уничтоженію документальныхъ правъ шляхты на украинскія земли. Болѣе серьезное значеніе имѣли брацлавскія событія (см. с. 267—8:) это было движеніе украинскаго демоса противъ шляхетскаго владычества и польскаго режима; но оно развивалось независимо отъ козацкихъ движеній. Наливайковцы сыграли здѣсь роль пособниковъ, а не иниціаторовъ, и козачество не позаботилось защитить участниковъ этого возстанія отъ послѣдовавшихъ репрессій.

рить не о задачахъ этихъ козацкихъ движеній, а только объ ихъ причинахъ.

Современникъ и свидѣтель этихъ событій, польскій историкъ Пясецкій, описывая въ своей позднѣйшей хроникѣ эти событія, считалъ движеніе козачества на волость слѣдствіемъ репрессій, преградившихъ козакамъ путь на море, въ турецкія и татарскія владѣнія: „такъ какъ король запрещалъ, ввиду турецкихъ жалобъ, походы на Черное море и турецкія земли и назначалъ суровыя кары ихъ вождямъ за разореніе, нанесенные за послѣднее время Туркамъ на черноморскомъ побережьи,—вождь ихъ, Наливайко, держалъ на военной ногѣ своихъ воиновъ, чтобы силою обезпечить безнаказанность себѣ и своимъ товарищамъ, а такъ какъ у этихъ бездомныхъ и бѣдныхъ людей не было иного способа пропитанія, они вынуждены были жить добычею, добываемою въ мѣстныхъ польскихъ имѣніяхъ“ [1]). Такое объясненіе приняли—или быть можетъ, самостоятельно пришли къ такой же мысли—и нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ [2]). Но въ дѣйствительности какъ разъ въ это время меньше чѣмъ когда-либо можно говорить о какихъ-либо препятствіяхъ козацкимъ походамъ на море, турецкія и татарскія земли. Козаки не только свободно предпринимали походы, куда хотѣли, но еще встрѣчали спеціальныя поощренія къ такимъ походамъ со стороны молдавскихъ и трансильванскихъ владѣтелей, императора и папы. Такимъ образомъ это объясненіе неудовлетворительно. Вѣроятнѣе, рядъ конфликтовъ съ пограничными магнатами и администраціею, послѣдовавшіе одинъ за другимъ въ 1592—3 гг., были непосредственною причиною, двинувшею козачество съ Низу на волость: стычка Косинскаго съ Острожскими, потомъ съ Вишневецкимъ, съ кіевской администраціей. А пассивность правительства, съ которою встрѣтилось козачество въ этихъ эпизодахъ, безсиліе мѣстной администраціи и магнатства, съ которыми, какъ оказалось, козачество могло бороться совершенно серьезно, безнаказанность козацкихъ эксцессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ это время, наконецъ шляхетская анархія—атмосфера шляхетскаго украинскаго своеволья, мѣстная безцеремонная междоусобная борьба, призывавшая на помощь козацкихъ вождей и вовлекавшая въ

---

[1]) Chronica gestorum in Europa singularium, изд. 1648 с. 172.
[2]) Напр. Костомаровъ—Богданъ Хмельницкій изд. 1884 т. I. с. 22 и 24.

эту внутреннюю войну и своевольное козачество—все это придало смѣлости и разохотило козачество къ дальнѣйшему хозяйничанью на Украинѣ и собиранію „козацкаго хлѣба" на волости гораздо болѣе легкимъ способомъ, чѣмъ приходилось его добывать въ чужихъ, турецкихъ или румынскихъ краяхъ.

Это хозяйничанье козаковъ на Украинѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ихъ походы по разнымъ направленіямъ Украины, „лежи" въ различныхъ мѣстностяхъ оказали чрезвычайно сильное вліяніе на окозаченье Украины, особенно юго-восточныхъ частей ея: сдѣлали популярной идею козацкаго иммунитета, козачества какъ соціально-экономической формы жизни и быта и привлекли къ нему массу новыхъ силъ. Въ восточной Украинѣ воцарилась чисто-козацкая атмосфера и козачество стало здѣсь господиномъ положенія. „Вся Украина окозачилась, полно измѣнниковъ и шпіоновъ (козацкихъ)", писалъ во время похода 1596 г. изъ Бѣлой Церкви Жолкевскій [1]). Козацкіе контингенты возросли съ 2—3 тысячъ, какъ бывало раньше, до 12—15, и что еще важнѣе—за спиною этихъ контингентовъ чувствовались сочувственно настроенныя по отношенію къ нимъ народныя массы, готовыя подняться и поддержать козачество во всякихъ планахъ соціальнаго характера.

На почвѣ этого сознанія козацкой силы и безсилія шляхетскаго режима, обнаружившагося въ эти годы, съ одной стороны могли вырастать мысли о закрѣпленіи и обезпеченіи тѣхъ козацкихъ требованій, которыя выше мы обозначили, какъ козацкую программу-minimum по отношенію къ польско-шляхетскому режиму. Такой характеръ носили извѣстные намъ договоры козачества съ черкасской и кіевской администраціей (ихъ могло быть еще больше въ дѣйствительности) и тѣ, къ сожалѣнію, не опредѣленныя точнѣе „присяги", о которыхъ идетъ рѣчь въ жалобахъ волынской шляхты. Козаки могли дѣйствительно требовать отъ шляхты присяги, что она будетъ исполнять козацкія требованія и уважать козацкія права тѣхъ своихъ подданныхъ, которые примкнутъ къ козакамъ—не облагая ихъ повинностями, признавая за ними право судиться исключительно судомъ козацкимъ [2]). Съ другой стороны сознаніе козацкой силы могло

---

[1]) Listy № 52.

[2]) Менѣе правдоподобно, что козаки на самую шляхту хотѣли распространить свой присудъ и козацкое управленіе.

возбуждать и болѣе радикальные планы: уничтоженіе самого польско-шляхетскаго режима, изгнаніе шляхетской администраціи и самой шляхты. Въ этомъ смыслѣ въ высшей степени характерно движеніе въ Брацлавскихъ земляхъ, гдѣ мѣщанство, опираясь на Наливайковцевъ, дѣйствительно, изгнало было изъ города шляхту и администрацію, уничтожило акты и т. п. [1]). И въ другихъ городахъ могли раздаваться угрозы, съ такимъ страхомъ передаваемыя Вишневецкимъ и Жолкевскимъ. Но и тѣ и другіе планы и мечты: и спеціально козацкіе и стремленія болѣе радикальнаго и общесоціальнаго характера не успѣли вылиться въ сознательную програму, не придали движенію планомѣрнаго характера, не стали въ немъ руководящими. Наоборотъ—сознаніе силы и безнаказанности дало слишкомъ много простора простому добычничеству, глушившему болѣе планомѣрныя теченія, не давъ имъ возможности развернуться, захвативъ не только авантюристовъ—Наливайковцевъ, но и болѣе сдержанныхъ и солидныхъ вождей Низовцевъ, и въ концѣ концовъ только ускорило и обострило репрессіи со стороны правительства.

Какъ ни выросло козачество въ послѣдніе годы, оно все еще было слишкомъ слабымъ для того, чтобы пробить сколько-нибуъ серьезныя бреши въ польско-шляхетскомъ режимѣ „волости“. Украинская колонизація еще не успѣла соотвѣтственно развиться, чтобы дать козачеству необходимыя средства даже при наиболѣе умѣлой козацкой агитаціи. А проведеніе даже чисто козацкой программы, программы-minimum, какъ мы видѣли, наносило весьма серьезные удары шляхетскому режиму, шляхетскому хозяйству, и шляхетскій реваншъ былъ неизбѣженъ. Спеціальныя обстоятельства отдалили репрессіи правительства, но въ концѣ концовъ слишкомъ широкіе и необузданные размѣры, какіе приняло козацкое добычничество въ послѣдній 1595/6 годъ, вывели правительственные круги изъ пассивности. Козачество слишкомъ сильно и рѣзко проявило свое могущество, свою опасность не только въ глазахъ украинскаго населенія, но и правительственныхъ сферъ. Шляхта рѣшила уничтожить козачество „безъ остатка“.

Это не удалось. Польскія войска успѣли только выгнать козачество изъ волости. Безпощаднымъ терроромъ—рѣзнями, гдѣ и сколько попало, жестокими наказаніями вождей, конфискаціями

---

[1]) См. выше с. 267—9.

и баниціями участниковъ, войско и правительство польское хотѣли предотвратить новое наростаніе козачества. Это было легче, нежели уничтожить причины, превратившія козачество въ могущественный факторъ соціальнаго и политическаго переворота; не только для этого, но и для гораздо болѣе элементарной вещи—расквартированія на болѣе продолжительное время на Украинѣ польскихъ войскъ для непосредственнаго, механическаго задержанія новаго наростанія „украинскаго своевольства“ не хватало средствъ у польскаго правительства. Для этого нужна была болѣе совершенная организація, болѣе сильная исполнительная власть, а прежде всего—деньги и деньги,—а это было препятствіе, котораго не могли преодолѣть никакіе мотивы ни государственныхъ, ни даже классовыхъ интересовъ.

И козачество, скоро оправившись отъ внутренней дезорганизаціи, вызванной погромомъ 1596 г., притихнувъ и смирившись передъ правительствомъ, чтобы добиться реабилитаціи и прекращенія начатыхъ репрессій противъ него, уже начиная съ первыхъ годовъ XVII в. вновь начинаетъ господствовать „на волости“. Ссылаясь на свою службу рѣчипосполитой, оно претендуетъ снова на „приставства“ и „стаціи“, создаетъ свои штабъ-квартиры, опорные мобилизаціонные пункты, добивается вывода отсюда польскаго войска, чтобы оно не служило препятствіемъ осуществленію козацкихъ правъ. Пользуясь недавнимъ опытомъ, оно поступаетъ теперь осторожнѣе, не допуская такихъ рѣзкихъ добычническихъ эксцессовъ и направляетъ свою военную и добычническую энергію на море, на турецкія и татарскія земли. И на протяженіи какихъ-нибудь десяти—пятнадцати лѣтъ послѣ провозглашеннаго уничтоженія козачества и всѣхъ обрушившихся на него проскрипцій оно снова достигаетъ очень значительныхъ, и при этомъ гораздо болѣе прочныхъ и болѣе сознательныхъ успѣховъ.

Акты, касающіеся мобилизаціи козацкихъ силъ въ 1618 г., собранныя въ довольно значительномъ количествѣ, [1]) даютъ намъ достаточно ясное представленіе объ успѣхахъ, достигнутыхъ козачествомъ за это время. Мы видимъ, что козачество основалось большими массами въ кіевскихъ земляхъ, проникая даже въ Кіевское Полѣсье, утвердилось въ имѣніяхъ королевскихъ, духовныхъ и

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. Ш. I № 62—71, и Матеріалы къ гетм. Сагайдачнаго въ кн. XV кіев. Чтеній.

частныхъ; тутъ имѣютъ свое мѣстопребываніе козацкіе полковники, на призывъ которыхъ подъ „поднятыя ими знамена“ поднимаются окозаченные мѣщане и крестьяне изъ окрестностей. Такъ Фастовъ, имѣніе кіевскаго рим.-католическаго епископа, служитъ резиденціею полковника Миська Фастовца и сотника Гришка Фастовца, а „другіе мѣщане и подданные фастовскіе“ выступаютъ въ роли козаковъ. Въ качествѣ другой полковничьей квартиры упоминается Кодня, а въ качествѣ козаковъ выступаютъ мѣщане и подданные изъ Котельни, Паволочи и Кодни, „имѣній пана воеводы берестейскаго“ (Евст. Тышкевича); третье козацкое гнѣздо находимъ въ окрестностяхъ Радомысля (имѣніе Печерскаго монастыря) и Брусилова (имѣніе Бутовичей) [1]). Такимъ образомъ районъ Тетерева, Гуйвы, Унавы является одной большой окозаченной территоріей, съ массою населенія, организованнаго въ военныя козацкія единицы (она выставляетъ до 2000 войска) [2]), подвластнаго исключительно власти и юрисдикціи козацкой [3]).

Это проникновеніе и утвержденіе козачества въ глубинѣ „волости“ даетъ себя чувствовать въ это время нѣкоторымъ разладомъ, начинающимъ проявляться временами между козачествомъ „волостнымъ“ или „городовымъ“ и запорожскимъ низовымъ. Первое болѣе опредѣленное проявленіе его наблюдаемъ въ 1620 г., когда въ Запорожьѣ господствуетъ своевольное козачество подъ предводительствомъ Бородавки, а на волости, въ Кіевѣ и Терехтемировѣ продолжаетъ играть первенствующую роль и правитъ всѣмъ Сагайдачный, признавая лишь номинально или не признавая вовсе „реймента“ Бородавки: это антитеза раскола 1598 года, когда обѣ партіи, и Полоусовцы и Байбузовцы, одинаково толкутся на Низу, не зная, куда дѣваться, и не

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. Ш. I № 63, ср. 64, 66, 68.

[2]) Ibid. с. 250.

[3]) Эти факты пок. Антоновичу и другимъ изслѣдователямъ дали поводъ нарисовать картину преобразованія Кіевской Украины уже при Сагайдачномъ въ козацкую территорію, раздѣленную на полки, свободную отъ помѣщиковъ—то, что имѣло мѣсто въ дѣйствительности лишь послѣ Хмельницкаго. „Конашевичъ читаемъ въ біографіи Сагайдачнаго, написанной Антоновичемъ—сталъ причислять къ своему войску цѣлыя области заселенной Украины, по мѣрѣ, того какъ жители этихъ областей обращались къ нему, изгнавъ помѣщиковъ и заявивъ о своемъ желаніи причислиться къ козацкому войску“.

имѣя доступа „къ волости“: въ этой разницѣ можемъ оцѣнить глубокую перемѣну въ жизни и условіяхъ козачества, происшедшую за эту четверть вѣка. И комиссія 1619 г., уже не видя возможности противодѣйствовать козацкой организаціи на волости, была вынуждена забыть старыя требованія сейма, не желавшаго знать никакой самостоятельной козацкой юрисдикціи и власти на волости: комиссія вполнѣ признавала власть мѣстныхъ козацкихъ атамановъ надъ козаками[1]) и старалась только поставить въ извѣстныя границы этотъ процессъ, уменьшая число законно признанныхъ козаковъ и стремясь вытѣснить ихъ изъ частныхъ имѣній. Но и это были безплодныя усилія, уничтожавшіяся безъ остатка первою же мобилизаціею козачества.

Скупая и равнодушная шляхта и ея нищее правительство, въ виду отсутствія средствъ нуждаясь въ дешевомъ войскѣ, вынуждены были прибѣгать къ мобилизаціи того же самаго козачества, едва передохнувъ отъ криковъ объ уничтоженіи его безъ остатка. И оно мобилизовало его постоянно, при каждой надобности, стараясь стянуть этого „почти безплатнаго“ войска все больше и больше, по мѣрѣ роста и развитія козачества, пришпоривая этими вербовками его и безъ того чрезвычайно быстрый ростъ и безсильно ворча потомъ на его распространеніе, на ростъ козацкихъ претензій, на привилегіи и права, присвоенныя козачествомъ, хорошо чувствовавшимъ зависимость, въ которую попадала отъ него администрація и правительство,—и на то значеніе, какое пріобрѣтало козачество въ сферѣ отношеній соціальныхъ, а затѣмъ и національныхъ.

Перепетіи движенія 1590-хъ годовъ показали и самому козачеству и остальной части населенія, на что можетъ претендовать оно. И когда послѣ всѣхъ осужденій и репрессій козачество вернуло себѣ

---

[1]) Козацкій „реверсалъ“ 1619 г. (Pisma с. 337), обѣщая, что козаки будутъ ходить на Татаръ съ мѣстными старостами и подстаростами, прибавляетъ слова: lub z atamanem swoim, и комисары молча приняли это добавленіе. Слѣдовательно въ королевскихъ имѣніяхъ были козацкіе атаманы: о такихъ козацкихъ, а не о простыхъ сельскихъ атаманахъ—старшинахъ говоритъ, очевидно, это добавленіе. И. М. Каманинъ въ своихъ матеріалахъ къ исторіи козацкаго землевладѣнія (Чтенія кіевскія т. VIII) издалъ дѣйствительно нѣсколько документовъ, данныхъ, либо подтвержденныхъ атаманами въ 1600—1630 гг. (с. 15—8); но эти документы, къ которымъ чигиринскій атаманъ въ 1600 г. прикладываетъ „печать свою меснкую чигиринскую“, имѣютъ слишкомъ позднѣйшій видъ.

свое прежнее положенiе въ государствѣ, въ отношенiяхъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ, не мало надеждъ и упованiй сосредоточилось на немъ. Не только оно само или его наиболѣе сознательные элементы почувствовали возможность провести въ жизнь тѣ неясныя, не сложившiяся еще перспективы соцiально-политическаго характера, которыя возникали, какъ выводъ изъ фактическихъ отношенiй и условiй этого украинскаго перiода бурныхъ стремленiй. Въ ту бурную минуту при видѣ успѣховъ козачества у многихъ и внѣ его должна была мелькнуть мысль объ этой новой политической и нацiональной силѣ, которая могла бы многое измѣнить, еслибы ея энергiю направить на извѣстные пункты общественныхъ или соцiальныхъ отношенiй. „Наливайки"—это крылатая кличка, вылетѣвъ изъ устъ унiатскихъ застрѣльщиковъ, какъ электрическая искра, пролетѣла по всему востоку рѣчипосполитой, служившему ареною борьбы двухъ религiй, двухъ культуръ, двухъ нацiональностей и слѣдившему съ напряженнымъ вниманiемъ за этой борьбой—и дала новый лозунгъ.

Наливайко былъ четвертованъ и разсѣченъ „на куски", но Наливайковщина осталась. Мысль, что православные ортодоксы и украинскiе патрiоты опираются или расчитываютъ опереться на массы, приведенныя въ движенiе козачествомъ, пущенная, очевидно, ихъ врагами просто для того, чтобы скомпрометировать ихъ, была подхвачена жизнью. И въ такихъ случаяхъ очень трудно различить, гдѣ кончается предвидѣнiе послѣдствiй и гдѣ начинается внушенiе извѣстной идеи—которую такъ часто внушаютъ именно тѣ, кто слишкомъ раздуваетъ ея опасность въ борьбѣ съ ней.

Соцiальный протестъ съ одной стороны, культурно-религiозная и нацiональная борьба—съ другой начинаютъ цѣпляться за козачество, когда оно изъ перiода репрессiй и гоненiй со стороны встревоженной шляхты выходитъ съ обновленными силами и энергiею. И козачество, въ поискахъ новаго развитiя, новыхъ силъ, матерiальныхъ и моральныхъ, идетъ навстрѣчу этимъ призывамъ. Въ концѣ второго десятилѣтiя XVII в., какъ мы видѣли, это становится уже фактомъ очевиднымъ для многихъ польскихъ политиковъ. Но шляхетское правительство закрываетъ глаза на эту новую опасность и продолжаетъ развивать энергiю козачества мобилизацiями этого „почти безплатнаго" войска, въ виду услугъ, которыя оно ему оказывало, съ близорукою скупостью мота жгущаго свое жилище, чтобы не тратиться на топливо.

Оглавленіе.

Усилія правительс[illegible]едотвращенія козацкихъ нападеній (с. 166), циркуляръ [illegible]. 167), планъ набора козаковъ на государственную слу[illegible]8), значеніе этихъ реформъ для организаціи козачества (с. 169), неорганизованность козачества въ въ первой половинѣ XVI в. (с. 170), обособленіе его во второй половинѣ (с. 171), отсутствіе организованныхъ формъ—вопросъ о козацкихъ организаціяхъ первой пол. XVI в. (с. 171—2), козацкіе вожди (с. 172—3), начатки организаціи (с. 173), „ватага" какъ основная клѣточка (с. 174), связи ватагъ со степью и осѣданіе въ степяхъ (с. 175), степные городки (с. 176), козацкіе промыслы въ 1580-хъ гг. (с. 177), единство козачества и его управленіе въ разсказѣ Папроцкаго (с. 178), организація козацкаго войска (с. 179), центральное значеніе Сичи (с. 180), международныя сношенія запорожскаго козачества (с. 181), обѣщаніе правительственной реформы въ 1568 г. (с. 182), постановленіе о козакахъ въ грамотѣ 1572 г. (с. 183), должность старшого и судьи козацкаго (с. 184), размѣры офиціальнаго войска (с. 185), начало козацкаго иммунитета (с. 186), безплодность реформы въ смыслѣ предотвращенія козацкихъ нападеній (с. 187), кн. Богданъ Ружинскій (с. 188) и его походъ на Асланъ-городокъ (с. 189), походы на Молдавію—походъ Сверчовскаго (с. 190), Подковы и Шаха (с. 191) и другихъ претендентовъ (с. 193); другія столкновенія съ Татарами и Турками (с. 194).

Реформы Баторія и послѣдующія постановленія:

Ультиматумъ относительно козаковъ (с. 195), скептическое отношеніе Баторія къ проэктируемымъ мѣрамъ (с. 196), его распоряженія (с. 197), соглашеніе съ козаками (с. 198), организація новаго войска (с. 199), составъ его по переписи 1581 г. (с. 200), Терехтемировъ—козацкая резиденція (с. 201), „козацкія вольности" (с. 202), отличіе реформы Баторія отъ реформы Сигизмунда-Августа (с. 203), позднѣйшая традиція о Баторіевой реформѣ (с. 204), Баторіева легенда въ исторіографіи XVII и XVIII в. (с. 205) и въ новѣйшей литературѣ (с. 206), значеніе реформы Баторія и другихъ реформъ въ исторіи развитія козачества (с. 207). Виды Баторія (с. 208), козацкіе походы (с. 209), репрессіи противъ своевольныхъ козаковъ (с. 210), участіе козацкаго войска въ московской войнѣ (с. 211), усиленіе козацкихъ своевольствъ съ ея окончаніемъ (с. 212), роспускъ офиціальнаго козацкаго войска (с. 213), козацкія нападенія (с. 214), репрессіи правительства (с. 215), новый наборъ 1583 г. (с. 216). Козацкіе походы 1585 г. (с. 217), печальный конецъ королевскаго посла (с. 217—8) и смерть Баторія (с. 218—9), походы на Турокъ 1586 г. (с. 219), требованія Турціи (с. 220). Козацкія своевольства на Украинѣ (с. 221), наборъ новаго козацкаго войска въ 1587 г. (с. 222), постановленія сейма 1590 г. (с. 223), новый организаціонный планъ (с. 224), репрессивныя мѣры (с. 225), наборъ козаковъ (с. 226), пожалованіе для козацкихъ вождей (с. 227), новая козацкая администрація (с 228), „ординація" 1591 г. (с. 229), проэктъ вывода козацкаго войска за

Проспектъ Історіі „Украіни-Руси“ автора.

Томъ первый, 3 изд. 1913, стр. 648.

I гл. Общія замѣчанія.

II. Изъ до-исторической глубины.

III. Историческія данныя изъ эпохи предшествующей славянскому разселенію.

IV. Славянское разселеніе и тюркскій натискъ.

V. Матеріальная культура украинскихъ племенъ эпохи разселенія и послѣдующей.

VI. Населеніе и его общественный бытъ.

VII. Начало русскаго государства.

VIII. Отъ Олега до Святослава.

IX. Завершеніе созидательнаго процесса: эпоха Владиміра.

Ексқурсы: I. Древнѣйшая лѣтопись

II. Норманская теорія

Гл. I—VI этого тома вышли въ русскомъ переводѣ подъ загл.: Кіевская Русь, т. I, ст. 490, 1911

Томъ второй, 2 изд. 1905, ст. 633.

I гл. Время Ярослава.

II. Разложеніе Кіевскаго государства въ XI—XII в.

III. Паденіе Кіева (до татарского погрома 1240 г.).

IV. Обзоръ земель—Кіевская земля (и въ прибавленіе—земля Турово-пинская): територія, города, политическая и культурная жизнь.

V. Земля Черниговская и Переяславская.

VI. Волынь и Побужье.

VII. Прикарпатье: Галиція и Угорская Русь.

VIII. Степи: остатки славянской колонизаціи, тюркскіе насельники степи: Печенѣги, Торки, Половцы, Монголо-Татары.

Томъ третій, 2 изд. 1905, ст. 587.

I гл. Галицко-Волынское государство (XIII—XIV в.), образованіе его при Романѣ, время Данила и его преемниковъ.

II. Поднѣпровье во второй пол. XIII и нач. XIV в., подъ татарскимъ верховенствомъ.

III. Политическій и общественный строй украинскихъ земель XI—XIII вв.: государственная система, княжескія отношенія, политическая организація земли, управленіе; церковный строй и его исторія; общественные классы.

IV. Бытъ и культура; економическія отношенія; право какъ культурно-бытовое явленіе; отношенія семейныя; недостатки общества въ представленіяхъ современныхъ моралистовъ; картины

быта; христіанство и его культурныя вліянія; искусство; школа и просвѣщеніе; книжность и литературное творчество; литература переводная и оригинальная.

Томъ четвертый, 2 изд. 1907, ст. 538.

I гл. Оккупація украинскихъ земель Литвою и Польшею; борьба за Галицко-волынскія земли.

II. Украинскія земли подъ властью Литвы и Польши на переломѣ XIV и XV вв.; борьба за Галицію, польско-литовская унія и вопросъ объ инкорпораціи земель в кн. Литовскаго.

III. Украинскія земли подъ властью Литвы и Польши во второй пол. XV и нач. XVI вѣка: національное раздвоеніе и борьба въ в. кн. Литовскомъ; украинско-бѣлорусская ирредента.

IV. Перемѣны въ украинскихъ степяхъ, образованіе Крымской орды, отношенія ея къ Литвѣ и Польшѣ, опустошенія украинскихъ земель.

V. Вопросъ объ уніи въ XVI в. иприсоединеніе украинскихъ земель къ Польшѣ.

Томъ пятый, 1 изд. 1905, ст. 687.

I гл. Политическая и общественная эволюція украинскихъ земель подъ литовскимъ и польскимъ режимомъ, XIV—XVII в. (общій обзоръ).

II. Эволюція общественнаго строя—образованіе шляхетскаго и магнатскаго класса въ украинскихъ земляхъ,

III. Крестьянство—его категоріи, ограниченіе правъ, исторія обложенія

IV. Мѣщане и украинскій элементъ въ городахъ. Духовенство черное и бѣлое.

V. Управленіе.

VI. Церковный строй и церковная жизнь XIV—XV вв.

VII. Исторія уніи.

Томъ шестой, 1 изд., 1907, ст. 670.

I гл. Экономическая жизнь, торговля и городская промышленность XIV—XXII вв.

II. Сельское хозяйство: переживанія стараго хозяйства, развитіе сельско-хозяйственнаго вывоза въ XV—XVII вв. и его вліянія.

III. Культурныя и національныя отношенія: національный составъ и національные элементы.

IV. Бытъ и культура: религіозныя и національныя традиціи, книжность, искусство, бытъ.

V. Культурное движеніе XVI в., прогрессивныя и консервативныя теченія, острожскій кружокъ и львовское братство.

VI. Унія и борьба за и противъ нея въ литературѣ, въ политической и общественной жизни.

Томъ седьмой, 1909 ст. 640,—главы I—V соотвѣтствуютъ настоящему I т. „Исторіи украинскаго козачества.

VI гл. Козачество и его отношенія къ польской рѣчи посполитой въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XVII в.

VII. Религіозно-національное движеніе въ восточной Украинѣ и участіе въ немъ козачества.

VIII. Отъ Хотина до Курукова (1621—1625).

Томъ восьмой, 1913 (заканчивается печатаніемъ).

I. Въ атмосферѣ лояльности (1626—8).

II. Конфликтъ и война 1630 г.

III. Безкоролевье 1632 г. и „успокоеніе православныхъ“.

IV—V. Козачество въ 1632—1637 гг. и войны 1637—8 гг.

VI. „Золотой покой“ 1638—1647 гг.

VII. „Начало и причина войнъ Хмельницкаго“.

VIII—IX. Возстаніе 1648 г. и кампанія 1649 г.

X. Войны 1651—2 гг. и вопросъ о соединеніи съ Москвою.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

Історія України-Руси, т. I, II III и V по 4 р. т I, V, VII и VII по 3 р. 50 к.

Очеркъ историі украинскаго народа . . . . 2 „ 50 „

Про старі часи на Україні (попул. иллюстр. история) — „ 20 „

Ілюстровна Історія України . . . . 2 „ — „

тоже въ русскомъ переводѣ, 1913 . . . . 3 „ 50 „

Розвідки і матеріали до историі України-Руси, кн. I-VI 6 „ — „

Виімки з жерел до історії України (истор. хрестоматія), I вып., до пол. XI в . . . . 1 „ — „

Звичайна схема „русскоі“ историі й справа раціонального укладу історії східнього словянства, 1904 — „ 10 „

Етноґрафичні катеґорії й культурно-археольоґічні типи въ сучасних студіях східньої Европи, 1904 . . — „ 15 „

Спірні питання староруської етноґрафії, 1904 . . . . — „ 25 „

Нові конструкції початків словянського і українського житя, 1911 . . . . — „ [illegible] „

Кіевская Русь, т. I: Введеніе. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства, 1911 . . . . 3 „ — „

Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. 1891 . . . . 2 „ 75 „

Звенигород галицький, 1899 . . . . — „ 35 „

Волынскій вопросъ 1098—1102 гг, 1891 . . . . — „ 30 „

Къ вопросу о Болоховѣ, 1893 . . . . — „ 15 „

Хронольоґія подій галицько-волинської літописи, 1901 — „ 50 „

Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва, 1902 . . . — „ 25 „

Еще о грамотахъ кн. Льва галицкаго, 1904 . . . . — „ 15 „

Описи Ратенського староства, 1898 . . . . — „ 30 „

Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західньої України, I, 1905 . . 1 „ 50 „

Барское староство, историческіе очерки, 1894 . . . 2 „ 25 „

Акты Барскаго староства, I—II, 1893—4 (Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, I—II) . . . . 4 „ — „

Люстрації королївщин в руських землях XVI в., т. I—IV 8 „ 50 „

Байда-Вишневецький в поезії й історії . . . . . — „ 25 „

Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII в. (со многими иллюст.) . . . . 1 „ 35 „

Господарство польського маґната на Задніпровю перед Хмельниччиною, 1908 . . . . — „ 25 „

Хмельницький і Хмельниччина, 1899 . . . . — „ 10 „

Про батька козацького Богдана Хмельницького 1910 (съ иллюстраціями, популяр. изд.) . . . . — „ 25 „

Львовское ученое общество им. Шевченка й его вклады въ изученіе Южной Руси, 1905 . . . . — „ 30 „

Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ, 1907 . . . 1 „ — „

З біжучої хвилі. Статї на теми дня, 1908 . . . . . — „ 50 „

Волод. Антонович, основні ідеї його творчости, 1909 — „ 10 „

Наша політика. Статї на теми біжучої політики Галичини — „ 60 „

